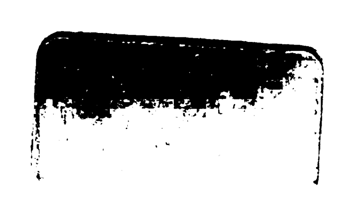
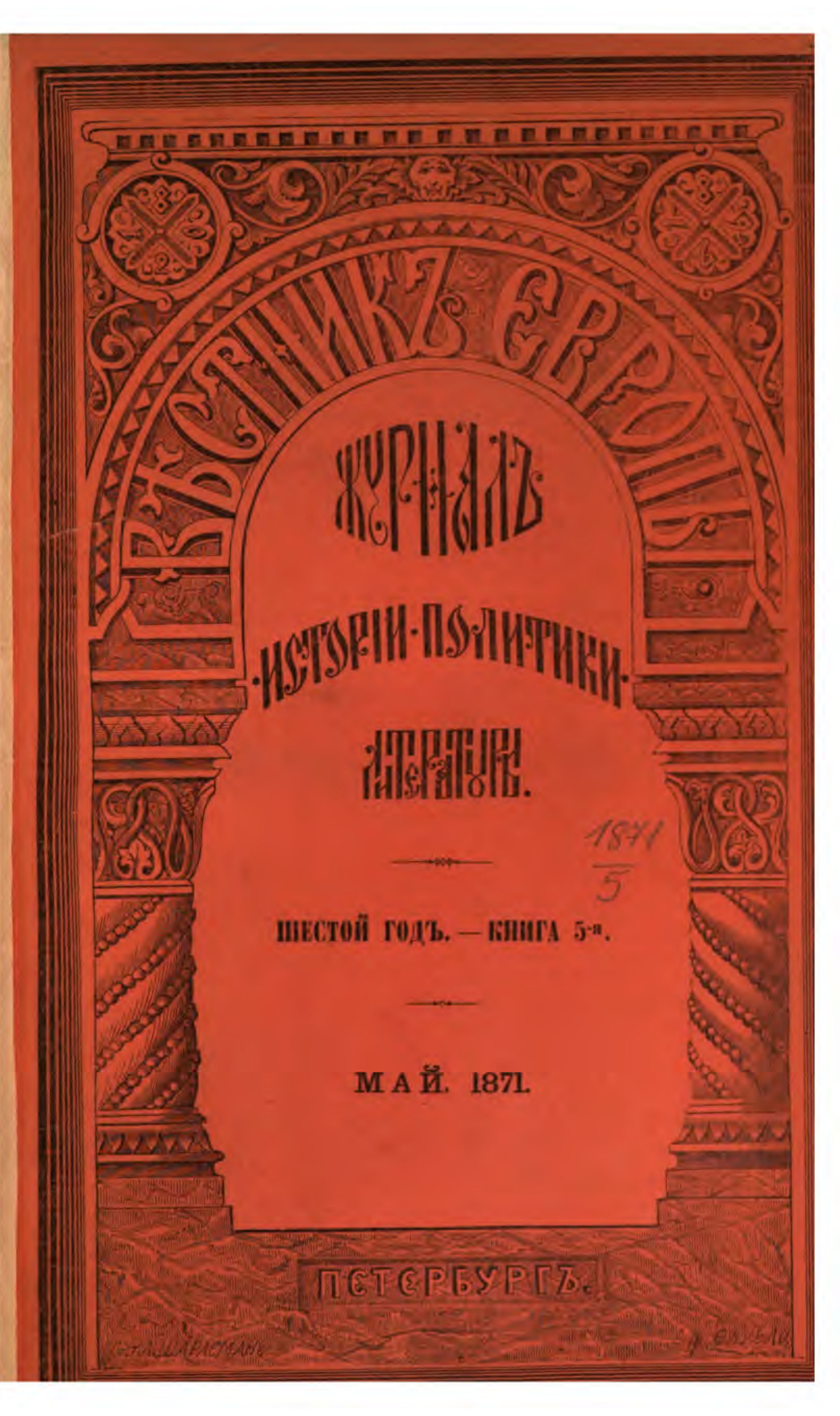

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ
ЖУРНАЛЪ
ИСТОРІИ-ПОЛИТИКИ-
ЛИТЕРАТУРЫ.
1871
5
ШЕСТОЙ ГОДЪ. — КНИГА 5-я.
МАЙ. 1871.
ПЕТЕРБУРГЪ.

ИСТОРІЯ, БІОГРАФІЯ, МЕМУАРЫ, ПЕРЕПИСКА, ПУТЕШЕСТВІЯ, ПОЛИТИКА.
ФИЛОСОФІЯ, ЛИТЕРАТУРА, ИСКУССТВА.

КНИГА 5-я. — МАЙ, 1871.

Стр.

ВѢСТНИКЪ

ЕВРОПЫ

ШЕСТОЙ ГОДЪ.—ТОМЪ III. 1871 / 5

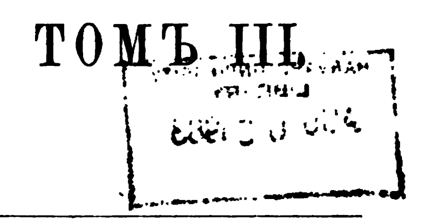
ВѢСТНИКЪ
ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРІИ, ПОЛИТИКИ, ЛИТЕРАТУРЫ.

ШЕСТОЙ ГОДЪ.

ТОМЪ III.

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“: ГАЛЕРНАЯ, 20.

Главная Контора журнала: на Невскомъ просп., у Казан. моста № 30.

Экспедиція журнала: на Вас. Остр., Академ. переулокъ № 9.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1871.

ТИПОГРАФІЯ Ф. СУЩИНСКАГО
УЛИЦА МОГИЛЕВСКАЯ 2
С.ПЕТЕРБУРГЪ

СТЕНЬКА РАЗИНЪ

ДРАМАТИЧЕСКАЯ ХРОНИКА.

Посвящено Николаю Ивановичу Костомарову.

КАРТИНА ПЕРВАЯ.

Изба Стеньки Разина въ г. Черкаскѣ. РАЗИНЪ сидитъ на скамьѣ и разсматриваетъ свою изношенную шапку.

РАЗИНЪ — бросаетъ шапку.

Тоска безъ дѣла! Скучно безъ работы!
Сиди себѣ, какъ баба на печи,
Да мухъ лови, коли придетъ охота.
Не въ моготу мнѣ этакая жизнь!
Легко сказать: ужъ скоро минетъ годъ,
Какъ мы на Донъ вернулись изъ похода;
И съ той поры ни разу не пришлось
Потѣшиться на волѣ съ острой саблей
Да вѣрною нагайкою въ рукахъ. Снимаетъ со стѣны саблю.
Эхъ, сабля, сабля! Вонъ ужъ по тебѣ
И ржавчина мѣстами завелася!... Задумывается.
Не въ добрый часъ досталася ты мнѣ,
Въ тотъ грозный часъ, когда Москвы бояринъ[1])
Ивана брата осудилъ на смерть —

---

[1]) Князь Юрій Долгорукій, повѣсившій въ 1665 г., во время похода на поляковъ, атамана одного изъ казачьихъ отрядовъ Разина, старшаго брата Стеньки. См. Костомарова: «Бунтъ Стеньки Разина», стр. 47.

И, какъ собаку, казака повѣсилъ.
За что? За то, что онъ съ своей станицей
Ушелъ изъ войска на родимый Донъ.
Эхъ братъ, Иванъ! не думалъ ты, сердечный,
Что вмѣсто честной смерти на конѣ,
Въ лихомъ бою, въ кровавой, жаркой сѣчѣ,
Тебя собачья ожидала смерть!
Насъ было мало, и спасти тебя
Мы не могли отъ ихъ позорной казни.
Но будь покоенъ: за одну твою,
Я сотни жизней ихъ не пожалѣю;
Я долго жду и отомстить съумѣю,
Когда придетъ часъ мести роковой!... Вѣшаетъ саблю и ходитъ.
Лишь удалось бы провести Корнилу,
Удрать къ татарамъ, да казны набрать,
А послѣ, и къ боярамъ грознымъ въ гости:
Поминки править, брата поминать!

Входитъ атаманъ КОРНИЛО ЯКОВЛЕВЪ.

РАЗИНЪ.

Здорово, батька!

КОРНИЛО.

Будь здоровъ и ты!

РАЗИНЪ.

Спасибо на́ словѣ. Ну, что твоя хвороба?

КОРНИЛО.

Благодаренье Богу. Третій день,
Проклятая отстала и не мучитъ.
Спасибо Юрьевнѣ! Знахарка хоть куда!
Дала воды нашептанной—и стала
Съ того же дня и опухоль спадать.
Нехитрая, кажись, наука, а поди-жъ!
Кому невѣдомо, шепчи хоть по три дня,
А толку не добьешься никакого.
Колдунья баба, что́ и говорить!
Съ нечистымъ знается и грѣхъ творитъ великій;
Пора бы сжечь, да человѣкъ полезный:
Отъ всякой боли знаетъ заговоръ.—Садится.
А ты, Степанъ, опять связался съ голью?

И до меня дошла на дняхъ молва,
Что ты тайкомъ сзываешь голытьбу,
Идти съ тобой къ татарамъ на поживу.

РАЗИНЪ.

Не вѣрь молвѣ.

КОРНИЛО.

Повѣрить ей легко,
Когда она объ этомъ рѣчь заводитъ.

РАЗИНЪ.

А завела, такъ значитъ есть нужда.
Коли у нашихъ зачесались руки,
Такъ ихъ не остановишь никогда!
Да и худого въ этомъ я не вижу:
Нештò впервые вольнымъ казакàмъ
На Черномъ морѣ тѣшиться съ ордою,
И возвращаться съ барышомъ назадъ?
Знакомый путь! Припомни, атаманъ,
Вѣдь ты и самъ не разъ въ былое время,
Казну татаръ съ собою привозилъ
И всласть гулялъ; да и отъ злой неволи
Освобождалъ товарищей своихъ.

КОРНИЛО.

Теперь нельзя! Теперь, ты знаешь самъ,
У насъ съ татарами большое замиренье.
И крестъ мы цѣловали, и клялись
Ненарушимо миръ блюсти со всѣми.

РАЗИНЪ.

Какая клятва! Что ты говоришь!
Да съ басурманиномъ и клятвы быть не можетъ.
Такая клятва хороша, доколѣ
Она для насъ полезна и нужна.
Ну, пожили въ миру, да и довольно,
Приспѣло время—надо воевать.
Взгляни на голытьбу, вѣдь хуже нищихъ:
Все что награбили, то пропили давно,

И грабить нечего, а ѣсть вѣдь хочетъ каждый,
Такъ время-ль тутъ о клятвѣ толковать.

КОРНИЛО.

Нѣтъ, клятву надо и съ невѣрными держать:
Вѣдь нарушенье клятвы — грѣхъ великій.

РАЗИНЪ.

Охота же такъ клятву понимать.
Ты знаешь самъ: кто съ барышемъ вернется,
Тому попы всѣ клятвы разрѣшатъ;
У нихъ лишь бѣдный будетъ виноватъ,
А для богатаго всегда исходъ найдется.

КОРНИЛО.

Я клятву далъ, я долженъ и держать,
И никому ея нарушить не позволю,
Пока на то причины не найду.

РАЗИНЪ.

Ты все свое! Не понимаю я:
Убить татарина, жида или собаку,
Какой тутъ грѣхъ? не можетъ быть грѣха!
За вѣру умереть — душѣ спасенье.
Да, наконецъ, не властенъ ты мѣшать,
Коль намъ придетъ охота погулять.
Мы не отъ войска, войско будетъ въ мирѣ,
А отвѣчать оно за каждаго не въ силѣ
И удержать ему охбчихъ мудрено.

КОРНИЛО.

Нѣтъ, не моги и думать! Намъ теперь
Съ татарами негоже воевать:
Во-первыхъ, клятва; во-вторыхъ, самъ царь
Прислалъ съ дьякомъ, намедни, изъ Москвы,
Наказъ строжайшій жить со всѣми въ мирѣ.

РАЗИНЪ.

Московскій царь! Ему легко писать!

Онъ сытъ всегда! Онъ никогда, я чаю,
Съ голоднымъ брюхомъ не ложится спать.
Да что намъ царь! Намъ вольнымъ казака́мъ
И безъ царя жилось не хуже прежде!

КОРНИЛО.

Цыцъ! озорни́къ! За этакую рѣчь
Тебя бы въ кругъ, а тамъ въ мѣшокъ да въ воду!
Когда все войско вздумало признать
Московскаго царя своимъ владыкой,
Такъ не тебѣ, паршивому щенку,
Объ этомъ разсуждать теперь со мною.—Встаетъ.
Не смѣй и думать! Сказано, нельзя!
И разговора больше быть не можетъ!
А если ты съ своею голытьбою
Осмѣлишься нарушить мой приказъ,
Такъ я васъ всѣхъ велю переловить
И, за мятежъ, судить всѣмъ войскомъ буду.
Уходитъ.

РАЗИНЪ — одинъ.

Ишь, старый дьяволъ! Разжирѣлъ, распухъ,
А о другихъ не хочешь и подумать.
Вамъ хорошо, богатымъ торгашамъ,
Вамъ для торговли нуженъ миръ со всѣми,
Такъ вы готовы слушаться царя
И толковать о нарушеньи клятвы.
Хорошъ казакъ, со счетами въ рукахъ
Да съ бирками, на мѣсто острой сабли!
Экъ, вздумалъ чѣмъ Степана испугать!—Ходитъ.
Ты думаешь, что намъ одна дорога
Лишь къ морю Черному, а больше никуда.
Ну, не пускай! я путь другой пайду,
И если ужъ задумалъ—такъ уйду.
И не тебѣ, съ твоими торгашами,
Помѣриться съ моими молодцами,
И помѣшать задуманному мной.
Входятъ казаки: КРАСУЛИНЪ, ЧЕРНОЯРЕЦЪ, ЛАРИНЪ и ТОПОРОКЪ.

РАЗИНЪ.

Струги готовы?

КРАСУЛИНЪ.

Всѣ ужъ на мѣстахъ.
Мы ихъ пригнали незамѣтно, ночью,
И привязали тамъ, гдѣ ты велѣлъ.

РАЗИНЪ.

А голытьба?

ЛАРИНЪ.

Не стóитъ тратить словъ.
Давно ужъ ждутъ. Имъ стóитъ только свиснуть,
Какъ коршуны на падаль налетятъ.

РАЗИНЪ.

Сегодня въ путь! Теперь зѣвать нельзя:
Ужъ старый чортъ успѣлъ о всемъ пронюхать
И вѣрно путь намъ къ морю заградилъ.
Пойдемъ на Волгу!

ЧЕРНОЯРЕЦЪ.

Нашимъ все равно,
Вѣдь и на Волгѣ можно поживиться.
Не хуже, чѣмъ въ приморской сторонѣ.

ТОПОРОКЪ.

По мнѣ хоть въ адъ; гдѣ можно намъ разжиться,
Гдѣ есть, что взять, туда насъ и веди!

РАЗИНЪ.

Сегодня, незадолго до заката,
Сбирайте потихоньку голытьбу
Къ станичному Кривому-кабаку,
Чтобъ собрались не разомъ, понемногу
Да были трезвы, не болтали зря
И языки на привязи держали.
Скажите имъ, что Разину молъ нужно
Потолковать о дѣлѣ съ голытьбой.
Я думаю, охотниковъ не мало
Сберется слушать?

КРАСУЛИНЪ.

Сотни полторы
Сберется вѣрно, можетъ быть и больше.

РАЗИНЪ.

Да больше и не нужно. По пути
Еще пристанутъ, много ихъ найдется,
И не заставятъ кланяться да звать.

ЧЕРНОЯРЕЦЪ.

Такъ мы пойдемъ... Къ закату, атаманъ,
Готовы будемъ. Только ты не мѣшкай.

РАЗИНЪ.

Не бойтесь, Разинъ не заставитъ ждать!—Казаки уходятъ.
Пойду и я съ повинною къ Корнилѣ
И обману покорностью его;
А если помѣшаетъ, не отстану
И молодцовъ на Волгу поведу.
Тамъ, говорятъ, богатая сторонка,
Тамъ караванамъ не видать конца,
И кто удалъ, тотъ ихъ и обираетъ.
Вѣдь съ мужиками справиться не трудно:
Отъ крика падаютъ и не встаютъ,
И все, что есть, безъ боя отдаютъ!

Вбѣгаетъ маленькій сынъ Разина, хватаетъ дудку и хочетъ бѣжать назадъ. Разинъ беретъ его на руки.

Ишь, пострѣленокъ! Дома не сидится!
Хорошій выростетъ современемъ казакъ!

Мальчикъ убѣгаетъ.

Проститься развѣ съ Марьей на дорогу,
Придется ли увидѣться опять?—Задумывается.
Нѣтъ, лучше такъ. А то, въ недобрый часъ,
Начнетъ пытать: куда? на долго-ль ѣду?
Пойдетъ къ Корнилѣ, станетъ горевать
И проболтается. Вѣдь язычекъ у бабъ,
Какъ мелево болтаетъ безъ умолку...
Уйду и такъ. Прощанье не поможетъ,
А только сердце женское смутитъ.—Уходитъ.

Мѣсто на берегу Дона у Кривого-кабака. На рѣкѣ стоятъ четыре струга, въ которыхъ работаютъ нѣсколько казаковъ. Солнце почти закатилось; съ другой стороны поднимается полная луна. Казаки понемногу собираются и группируются около кабака.

ПЕРВЫЙ КАЗАКЪ.

А что, ребята! говорятъ, Степанъ
Хотѣлъ сегодня рѣчь вести о чемъ-то?

ВТОРОЙ.

Узнаешь самъ; чего тебѣ неймется!

ПЕРВЫЙ.

Да такъ, хотѣлось бы его послушать:
Онъ мастеръ съ нашимъ братомъ толковать.

ТРЕТІЙ.

Пришелъ, такъ жди, охóчь болтать пустое!
Не для тебя же одного придетъ.

ЧЕТВЕРТЫЙ.

Эхъ, выпить хочется, а денегъ нѣтъ ни грóша
И заложить ужъ нéчего, кажись!
Вотъ такъ житье! Сегодня третій день,
Какъ капли водки въ горло не попало.

ВТОРОЙ.

Да, времена! И раздобыться негдѣ;
И воевать ужъ не съ кѣмъ. Миръ, да миръ!
Съ татарами, — и съ тѣми замиренье.

ПЯТЫЙ.

Собачья жизнь! Да слыхано ли дѣло,
Чтобъ съ басурманиномъ не воевалъ казакъ.

ШЕСТОЙ.

Эхъ, братецъ, коли хочешь воевать,
Такъ воевать всегда тебѣ возможно.

ЧЕТВЕРТЫЙ.

Да съ кѣмъ же, съ кѣмъ?

ПЯТЫЙ.

Коль знаешь, научи!

ШЕСТОЙ.

Да съ тараканами, вѣдь тѣже басурмане! Общій хохотъ.

ЧЕТВЕРТЫЙ.

Оселъ и есть! Тебѣ все ни почемъ!
Все трынъ-трава да шутки скомороху!

ШЕСТОЙ.

Ну, братъ, не ври! Тебѣ, такъ это правда,
Все трынъ-трава! Вонъ ты и шапку пропилъ,
И голову бы заложилъ, да не берутъ:
Вѣдь за нее и капли не нальютъ.

ЧЕТВЕРТЫЙ.

Пропей и ты, никто не пожалѣетъ!
Посмотримъ, много-ль за твою дадутъ?

Толпа понемногу увеличивается. Группа старыхъ казаковъ продолжаетъ.

ПЕРВЫЙ.

Послушаемъ Степана: онъ пустое
Болтать не станетъ; говоритъ умно,
А удальствомъ извѣстенъ намъ давно.

ВТОРОЙ.

Да, если-бъ Разинъ атаманомъ былъ,
Тогда бы многое пошло у насъ ина́че.
Онъ не заставилъ бы свободныхъ казако̀въ,
Какъ батраковъ искать себѣ работы.
Нашелъ бы дѣло!

ТРЕТІЙ.

Что́ и говорить.

ПЕРВЫЙ.

Какъ посмотрю я, чтб за войско стало,
Чтб за народъ! Нѣтъ! ныньче казакбвъ,
Такихъ, какъ слѣдуетъ, немного наберется!
Бывало прежде: съ утрени напьется,
Къ полудню выспится, а вечеромъ — опять.
И въ долгъ вино безъ торгу всякій вѣрилъ;
А вѣрилъ потому, что каждый зналъ,
Что безъ войны казакъ не обойдется
И все заплатитъ, коли живъ вернется.
А нонече не вѣрятъ, — говорятъ,
Что безъ войны придется умирать.

ВТОРОЙ.

Торговля одолѣла! казаки,
Какъ толстые московскіе купцы
Сидятъ по лавкамъ, барыши считаютъ
Да надувать стараются народъ.
А если кто безъ денегъ къ нимъ придетъ,
Такъ и алтына въ долгъ ужъ не повѣрятъ.

ПЯТЫЙ.

Съ жидами знаются и къ нимъ пошли въ науку
На гибель вѣчную, на огненную муку,
На радость да утѣху сатанѣ.

Входитъ РАЗИНЪ. Всѣ собираются около него.

РАЗИНЪ.

Здорово, братья!

ГОЛОСА.

Будь здоровъ и ты!

РАЗИНЪ.

Позвольте рѣчь держать вамъ, молодцы!

ГОЛОСА.

Что-жъ, говори! Скажи, чтб знаешь! Тише!

РАЗИНЪ.

Слушай меня, голытьба,
Разудалые, вольный народъ!—Останавливается, пока не водворяется полная тишина.
Было время и время недавнее,
Какъ у насъ на Дону было весело,
По домамъ проживать было некогда;
Съ басурманами мы потѣшалися,
Отъ проклятыхъ казной разживалися,
Величалися мы нашей славою,
И дивилися всѣ нашимъ подвигамъ.
А теперь времена измѣнилися;
Нѣтъ у насъ вожаковъ, нѣтъ и волюшки!
Атаманы у насъ съ эсаулами
Разжирѣли, какъ свиньи, отъ лѣности,
Поглупѣли, какъ бабы отъ старости,
Какъ жиды занялися торговлею,
Сами сыты, а намъ, голытьбѣ,
Не даютъ удалымъ позабавиться.
Нѣтъ, не то казакомъ называется!
Тотъ, казакъ, кто съ избою не знается
И съ конемъ, пока живъ, не разстанется!
Казаку изба—поле чистое!
Казаку жена—сабля острая!
Казаку торговать не товарами,
А лихимъ мечомъ, алой кровію!
Чтó добудетъ войной, тѣмъ и кормится;
А пропьетъ до-гола, не заботится;
Соберетъ удалыхъ, соберется и самъ
И добудетъ добра, сколько надобно.
Безъ кровавой потѣхи и жизнь не красна,
Отъ бездѣлья — хвороба заводится,
А въ болѣсти лихой, да въ поганой избѣ
Казаку умирать не приходится!
Такъ ли братцы?

ГОЛОСА.

Такъ, такъ атаманъ!
Что ихъ слушать! Идемъ на татаръ!
На татаръ! Удержать не посмѣютъ!

РАЗИНЪ.

Стой! Ни съ мѣста! И слушай меня!

Я хотѣлъ васъ вести на татаръ;
Я вчера говорилъ атаману,
Что запала казацкая слава,
Даромъ гибнутъ могучія силы
И просилъ отпустить молодцовъ
Погулять, раздобыться товаромъ!
Старый дьяволъ меня не послушалъ;
Заказалъ мнѣ объ этомъ и думать,
А чтобъ мы не удрали тайкомъ
Онъ разставилъ повсюду кордоны.
Ну да я не глупѣе его;
Не велятъ — и безъ нихъ обойдемся.
Кто со мной, тотъ дорогу найдетъ!
Бѣлый свѣтъ вѣдь не клиномъ сошелся!
Пусть они стерегутъ насъ внизу;
Мы на Волгу рѣку проберемся,
Поживемъ, попируемъ безъ зва,
И назадъ безъ нужды не вернемся!
Такъ ли братцы?

ГОЛОСА.

Такъ, такъ атаманъ!

РАЗИНЪ.

Коли такъ, то садись на струга,
Мѣста хватитъ для всѣхъ, не копайся!
Помолись! И съ родною землею
По обычью съ поклономъ простись!

Толпа бросается къ стругамъ и разсаживается.

ГОЛОСА.

Всѣ съ тобой атаманъ! Не оставь!
Вотъ такъ слово! На Волгу, на Волгу!
Потѣснись молодцы! Поживѣй!

РАЗИНЪ.

Беретъ комъ земли, цѣлуетъ его, завертываетъ въ тряпку и кладетъ за пазуху.

Прости кормилица, спасибо за добро!
Придется-ли увидѣться, родная? — Задумывается.
Гдѣ суждено, тамъ каждый смерть найдетъ.
И можетъ быть въ далекой сторонѣ,

Въ глухой степи, иль на глубокомъ днѣ
Твой вольный сынъ могильнымъ сномъ заснетъ!—Къ казакамъ.
Всѣ-ль на мѣстахъ? — Садится на передовой стругъ.

ГОЛОСА.

Готовы!

РАЗИНЪ.

Трогай разомъ!
Отчаливай дружнѣй! Не отставать!
И бейся на смерть съ тѣми, кто посмѣетъ
Степана Разина на Волгу не пускать!

Струги отчаливаютъ и начинаютъ подниматься вверхъ по Дону. Всѣ стоятъ молча, безъ шапокъ, нѣкоторые крестятся.

КАРТИНА ВТОРАЯ.

Приказная изба въ Астрахани. ВОЕВОДА КНЯЗЬ ПРОЗОРОВСКІЙ съ дьяками и подъячими ожидаютъ прихода РАЗИНА.

ВОЕВОДА — къ дьяку.

Подай-ка грамоту! Да прочитай еще;
Не позабыть бы нужнаго, да не соврать.
И въ точности указъ царя исполнить. — Дьякъ читаетъ грамоту.
Довольно! Остального не забылъ.
А если перепутаю случайно,
Такъ ты сейчасъ, иль бороду погладь,
Иль кашляни, какъ будто поперхнулся. — Входитъ десятскій.

ДЕСЯТСКІЙ.

Идутъ, бояринъ!

ВОЕВОДА.

По мѣстамъ, живѣй!

Усаживаются по мѣстамъ. Входитъ РАЗИНЪ въ великолѣпной собольей шубѣ, покрытой драгоцѣннымъ персидскимъ стоглавомъ; на головѣ — казацкая шапка, украшенная дорогими каменьями. За нимъ казаки съ бунчуками, знаменами и подарками.

РАЗИНЪ — *снимая шапку.*

Бьемъ челомъ государю великому,
Бьемъ челомъ головами казацкими,
Да пожалуетъ насъ своей милостью,
И вины намъ простить повелитъ,
И отпуститъ на Донъ, нашу родину.

Беретъ бунчукъ и кладетъ его на столъ. Казаки преклоняютъ знамена.

ВОЕВОДА.

Когда провѣдался великій государь,
Что вы, забывши всякій божій страхъ,
И крестное нарушивъ цѣлованье,
Перебрались въ приволжскую страну
И воровство чинить повсюду стали,
Тогда, во гнѣвѣ праведномъ своемъ,
Онъ повелѣлъ васъ всѣхъ переловить
И какъ ослушниковъ, казнить примѣрной казнью.
Но по своей великой добротѣ,
Освѣдомясь о вашемъ челобитьи,
Онъ царскій гнѣвъ на милость преложилъ,
Онъ васъ простилъ и вмѣсто лютой смерти
Отъ всякой казни васъ освободилъ
И указалъ отправить васъ на Донъ,
Но съ тѣмъ, чтобъ вы великому царю
За всѣ вины впередъ служили вѣрно,
И смутами, и дерзкимъ мятежемъ
Его земель не смѣли бы тревожить.
Еще велѣлъ великій государь,
Чтобъ вы сказали безъ утайки правду:
Кто васъ смутилъ въ родимой сторонѣ,
Кто васъ собралъ, кто указалъ дорогу,
И много-ль вы надѣлали бѣды
На Волгѣ, въ государевыхъ земляхъ,
И въ шаховыхъ приморскихъ городахъ.

РАЗИНЪ.

За великую милость царскую
Я скажу вамъ все, какъ случилося.
На Дону у насъ прошлой осенью
Скудость велія приключилася.
Воевать идти было некуда,

Въ море Черное нѣтъ дороженьки,
Люди турскіе выходъ заперли,
Крѣпостей вездѣ понаставили.
Стали думать мы, стали сѣтовать
И пошли искать пути новаго.
Поднялись рѣкой, перешли горой,
Съ Волгой-матушкой перемолвились,
И пошли по ней къ морю синему
Добывать добра въ землѣ шаховой.
А тому всему, не хочу скрывать,
Я въ заводѣ былъ, я и выдумалъ.
Что творили мы — не припомнится,
А готовъ сказать, коли вспомнится.
Воевали мы годъ безъ малаго,
Колотили мы, гдѣ случалося,
А въ какихъ мѣстахъ, насъ не спрашивай,
Вспоминать о томъ теперь не къ чему.
Если-жъ хочешь знать, такъ спроси о томъ
Волгу-матушку, сине-морюшко,
Вѣтры буйные, красно-солнышко,
Что свѣтило намъ, не скрывалося,
Нашей удалью забавлялося.

ВОЕВОДА.

Еще велѣлъ великій государь,
Чтобъ все добро, награбленное вами,
Вы тотчасъ возвратили бы ему,
А также выдали бы и людей полонныхъ,
Которыхъ вы съ собою привезли.

РАЗИНЪ.

Бью челомъ государю великому
И готовъ служить ему правдою.
А того, что съ насъ теперь требуютъ,
То исполнить намъ не приходится:
Что пограбили—подувàнено,
Перепродано, передѣлано,
И собрать всего нѣту моченьки.
То, что взяли мы и отдать нельзя,
Но въ долгу у насъ не останется.
Мы за то съ царемъ вѣрной службою,

Своей кровію разсчитаемся.
А о тѣхъ, что мы привезли живьемъ,
Вспоминать не слѣдъ: не торговлею
Полонянники намъ досталися,
А мы взяли ихъ острой саблею;
Былъ платежъ за нихъ алой кровію,
Головами тѣхъ, что̀ осталися
Во сырой землѣ, въ странѣ шаховой.

ВОЕВОДА.

Зачѣмъ вы намъ не отдали всѣхъ пушекъ,
Которыя должны были отдать,
Согласно вами принятой присягѣ?
Зачѣмъ вы также держите служилыхъ,
Которыхъ обѣщались отпустить,
Какъ только вы подъ Астрахань придете?

РАЗИНЪ.

Частью пушки вамъ мы ужъ отдали,
Остальныя намъ и самимъ нужны.
Знаешь самъ безъ нихъ, степью голою,
Вплоть до Па́ншина и пройти нельзя.
А служилыхъ намъ держать не къ чему,
Принуждать у насъ нѣтъ обычая;
Кому нравится тотъ останется,
А не нравится, такъ не маленькій,
Самъ собой уйдетъ, насъ не спросится.

ВОЕВОДА.

Еще велѣлъ великій государь
Переписать все войско поимянно,
Которое на Донъ съ тобой пойдетъ.

РАЗИНЪ — возвысивъ голосъ.

Ну, ужъ этому никогда не быть!
По казацкому, по обычаю,
Отродясь у насъ того не было;
Да и въ грамотѣ государевой
Такой новости не прописано.
Иль ему, царю, ужъ невѣдомо,

Что у насъ того и въ заводѣ нѣтъ,
Что вѣдь къ намъ народъ со всѣхъ странъ бредетъ,
И строчить его не приходится.
Да и сѣмени-то крапивнаго,
Что чернилами душу пакоститъ,
На Дону у насъ не посѣяно,
На Руси оно поразвѣяно,
На Руси у васъ оно выросло,
Съ сатаной самимъ подружилося,
Для него писать научилося;
А у насъ попомъ, на поминъ души,
Только мертваго имя пишется,
А пока живутъ люди вольные
На бумагу ихъ писать не зачѣмъ. — Помолчавъ.
Вотъ что я скажу тебѣ, русскій князь,
Толковать намъ здѣсь дѣло трудное,
И отвѣта ждать — время долгое.
Ты вѣдь самъ собой намъ отвѣтъ не дашь,
А о томъ, что ты настрочишь въ Москву
Намъ узнать нельзя — мы не грамотны.
Такъ позволь-же намъ изъ среды своей
Послать выборныхъ къ самому царю.
Пусть они ему правду выскажутъ,
Пусть они его слово царское
Привезутъ сюда во сохранности:
Что велитъ намъ царь, то и сдѣлаемъ.

ВОЕВОДА.

Пусть будетъ такъ. Пусть ваши старики
Предстанутъ передъ очи государя
И слово милости услышатъ отъ него.
Сегодня выбирайте, а на утро
Съ моимъ дьякомъ отправлю ихъ въ Москву. — Встаетъ.
Теперь конецъ, ступайте по домамъ,
Не обижайте мирныхъ горожанъ,
И смуты межъ народа не чините.

РАЗИНЪ.

Спасибо, воевода, за пріемъ,
За ласку, да за милость государя,
Которую повѣдалъ намъ теперь.

Позволь-же, князь, по старому обычью,
Тебѣ отъ насъ поминки предложить.
Прими ихъ, не побрезгай, чѣмъ богатъ,
То радъ отдать, затѣмъ не постою
И что мое, того не пожалѣю. — Казаки подносятъ и раскладываютъ на столѣ и по лавкамъ богатые подарки.
Ужъ скоро полдень, время пообѣдать;
Такъ сдѣлай честь, откушай у меня,
И за виномъ, въ пріятельской бесѣдѣ,
Не откажи со мной потолковать.

ВОЕВОДА.

Спасибо за поминки, принимаемъ,
И чѣмъ богаты, тѣмъ и отдаримъ.
Спасибо и за зовъ, но не сегодня,
Сегодня я отозванъ, извини,
А завтра, если хочешь, въ эту пору
Увидишь насъ ты гостемъ у тебя.
Ступайте съ Богомъ!

РАЗИНЪ.

Какъ тебѣ угодно.
Нельзя сегодня, завтра приходи;
Всегда у насъ почетнымъ гостемъ будешь,
Коль зовомъ не побрезгаешь моимъ.
Прощай, бояринъ! — Уходятъ. Всѣ разсматриваютъ подарки.

ВОЕВОДА.

Кликните десятскихъ! — Входятъ десятскіе.
Возьмите и несите осторожно,
Отдайте на руки боярынѣ самой
И никому показывать не смѣйте.
Терентьичъ, ты за ними присмотри,
И если только кто изъ нихъ, дорогой,
Небрежно понесетъ, или уронитъ,
Такъ у меня же на дому сейчасъ
Расправиться съ бездѣльникомъ прикажешь.
Десятскіе завертываютъ подарки и уносятъ.

ДЬЯКЪ.

Вотъ такъ поминки! Въ пору и царю!

ВОЕВОДА.

Да, хороши поминки, но и шуба
Ужъ больно мнѣ понравилась его.
Какіе соболи, какая и парча,
Какъ золото, на солнышкѣ горитъ. — *Къ дьяку.*
Ты намекни при случаѣ ему,
Что молъ у князя старая шубенка;
Такъ не мѣшало бы, для дружбы и почета
Съ плеча казацкаго другую подарить.
Скажи, что князь подарка не забудетъ.

ДЬЯКЪ.

Да, шуба знатная!

ВОЕВОДА.

И на плечахъ моихъ,
Какъ разъ на мѣстѣ настоящемъ будетъ. — *Уходитъ.*

1-й ДЬЯКЪ.

Вотъ ненасытная утроба, право скаредъ!
Все мало, вишь, и шубы захотѣлъ!

2-й ДЬЯКЪ.

А что, Мартьянычъ, обождавъ немного,
Пойдемъ и мы съ поклономъ къ атаману
Поздравить съ царской милостью его.
Авось и насъ съ тобой не позабудетъ.

1-й ДЬЯКЪ.

Насъ не обидитъ. Долженъ знать, кажись,
Что мы ему скорѣе воеводъ
Тамъ, на Москвѣ, устроить можемъ дѣло.

2-й ДЬЯКЪ.

А сколько онъ навезъ съ собой добра,
Такъ просто ужасъ! паруса изъ шелка,
Парча золотная, какъ тряпки, ни почемъ!
Каменьевъ самоцвѣтныхъ, серебра,
Хоть пригоршнями мѣрь, не сосчитаешь!

1-й дьякъ.

Слыхалъ, слыхалъ! Съумѣемъ подоить;
Повытянемъ, насколько хватитъ силы.
А если насъ не пб шерсти погладятъ,
Тогда они и здѣсь-то не поладятъ,
И изъ Москвы немного привезутъ.

2-й дьякъ.

Безъ насъ нигдѣ имъ толку не добиться.
Вѣдь и пословица не даромъ говорится:
Быть дѣлу такъ, какъ пожелаетъ дьякъ!

1-й дьякъ.

Пойдемъ ко мнѣ, да за одно поладимъ,
Кому изъ насъ ихъ отвозить въ Москву. — Уходятъ.

1-й подъячій.

Пойдемъ и мы, и намъ перепадетъ;
Вѣдь и безъ насъ порой не обойдутся.

2-й подьячій.

Кому бычка, а намъ хоть шерсти клокъ,
Кому парчу, а намъ хоть бы платокъ,
Пойдемъ, пойдемъ, найдетъ чѣмъ подѣлиться. — Уходятъ

1-й десятскій.

И намъ по малости, на молочишко дѣткамъ!

2-й десятскій.

На выпивку!

3-й десятскій.

Малашкѣ на поняву!

1-й десятскій.

На что-нибудь, лишь только бы сорвать!
Пойдемте братцы! — Уходятъ. Остается одинъ сторожъ.

СТОРОЖЪ — убираетъ избу.

Нѣтъ, видно и на этотъ разъ напрасно
Мы ожидали праздника себѣ.
Мы думали, что вольный атаманъ,
Не изъ боярскаго, а изъ простого рода,
Добудетъ волюшку для сѣраго народа,
Побьетъ бояръ, повѣситъ воеводъ,
И заведетъ казацкое устройство.
Ужъ какъ надѣялись, а вышло по другому,
И жди опять, настанетъ ли пора.
А думали, что близко! Вѣдь ему
Лишь подойти бы къ Астрахани смѣло,
Да кликнуть кличъ, такъ мы и безъ него
Съ мучителями кончили бы мигомъ
И цѣлымъ городомъ ему передались! — Задумывается.
Господъ то много, а народу тьма.
Вѣдь если намъ подняться дружно, разомъ,
Тогда они и дня не устоятъ.
А вотъ поди, попробуй, подними,
И самого на перекладину поднимутъ.
Да, не легко и съ нами толковать! — Начинаетъ мести.
Терпи холопъ — и подставляй свой лобъ!
Терпи мужикъ, вѣдь ты терпѣть привыкъ!
Терпи народъ, пока твой часъ пробьетъ,
Пока твой стонъ до Господа дойдетъ!

КАРТИНА ТРЕТЬЯ.

Волга. На ней, недалеко отъ берега, стоитъ на якорѣ стругъ Разина «Соколъ». На его великолѣпно разукрашеной палубѣ накрытъ длинный столъ, за которымъ Разинъ пируетъ съ своими эсаулами. Возлѣ Разина сидитъ персидская княжна въ роскошномъ костюмѣ. Ясный, осенній день. Къ «Соколу» подъѣзжаетъ отъ Астрахани лодка.

РАЗИНЪ.

Кого еще нелегкая несетъ?

СТОРОЖЕВОЙ КАЗАКЪ — у руля.

Не знаю самъ. На веслахъ мужики,
А на кормѣ сидятъ такіе люди,

Которыхъ и не видывалъ досель,
Штаны въ обтяжку, черные кафтаны
И треухи съ перомъ на головахъ.
По виду словно черти.

РАЗИНЪ.

Коли черти,
Такъ почему-жъ и ихъ не пригласить.
Бесѣдовать мнѣ съ ними не случалось,
А пить они должно быть мастера!

ЧЕРНОЯРЕЦЪ.

Какое черти! Это просто нѣмцы,
Что присланы весною изъ Москвы,
И корабли теперь на Волгѣ строятъ.

СТОРОЖЕВОЙ.

Подъѣхали! Прикажешь пропустить?

РАЗИНЪ.

Пусти; посмотримъ, что они за люди!

Входитъ БУТЛЕРЪ съ пятью нѣмцами, двое изъ нихъ держатъ въ рукахъ по стклянк-съ виномъ.

РАЗИНЪ.

Вы что за люди?

БУТЛЕРЪ.

Здравствуй атаманъ!
Мы родомъ нѣмцы; изъ страны далекой
Мы, по призыву вашего царя,
Пришли на службу въ ваше государство
И служимъ тамъ, гдѣ царь намъ повелитъ.
Онъ насъ послалъ подъ Астрахань, весною,
И приказалъ намъ строить корабли;
Мы ихъ и строимъ, здѣсь пока живемъ,
А не понравится, такъ и домой уйдемъ...
Давно молва о подвигахъ твоихъ
Дошла до насъ, и удивлялись много
Мы твоему лихому удальству.
Когда-жъ провѣдали, что царь тебя простилъ,

Такъ побесѣдовать съ тобою захотѣли
И для того пріѣхали сюда.
Да и вина съ собою захватили.
Прими его, великій атаманъ,
И намъ не откажи въ твоемъ привѣтѣ,
И допусти съ тобой потолковать.

РАЗИНЪ.

Спасибо нѣмцы! Стклянница вина
Всегда у мѣста, лишней не бываетъ,
Пока ея не вытянутъ до дна...
Поставь на столъ, садись противъ меня
И сполоснемте горло для бесѣды.

БУТЛЕРЪ.

Благодаримъ за ласковый привѣтъ.—Нѣмцы ставятъ стклянки на столъ и садятся противъ Разина. Одинъ изъ эсауловъ подаетъ Бутлеру кубокъ. Бутлеръ наливаетъ вино.

РАЗИНЪ.

Что-жъ ты не наливаешь до краевъ?

БУТЛЕРЪ.

Не выпьешь съ разу. Вѣдь у васъ вино
Прекрѣпкое, такъ горло и деретъ.

РАЗИНЪ.

Совсѣмъ не крѣпко; это съ непривычки
Бываетъ такъ, а насъ не проберетъ.
Когда я былъ въ Литвѣ, случилось какъ-то
Достать мнѣ вашего заморскаго вина.
Такая дрянь, простого квасу хуже,
Ребенка малаго и то не разберетъ.

БУТЛЕРЪ.

Нѣтъ, атаманъ, есть и у насъ вино,
Съ которымъ вашему далёко не сравняться.
Какъ станешь пить, покажется легко,
А выпьешь много, съ мѣста не подняться,
И ногъ своихъ не чувствуешь совсѣмъ.

РАЗИНЪ.

Не пробовалъ! Ну какъ вамъ здѣсь живется?
Довольны-ли вы службою своей?

БУТЛЕРЪ.

Живемъ, пока насъ царь не забываетъ
И все даетъ, что прежде обѣщалъ.

РАЗИНЪ.

Я слышалъ, васъ ужъ развелось довольно;
И вѣрно нравится, коль лѣзете вы къ намъ.
Живите мирно, не плодитесь слишкомъ,
И не задумайте народа обижать,
Живите братьями, не будьте господами,
Ихъ на Руси довольно и безъ васъ;
А если вы полѣзете въ бояре
Да станете народомъ помыкать,
Тогда и вамъ позорнаго изгнанья
Изъ царства русскаго не миновать!

БУТЛЕРЪ.

Мы слуги царскіе, мы по его призыву
Пришли служить. И будемъ исполнять
Все, что ему намъ повелѣть угодно,
Что только онъ изволитъ приказать.

РАЗИНЪ.

Не одного царя, всего народа,
Что принялъ васъ и далъ вамъ хлѣбъ, да кровъ,
Вы слугами должны теперь считаться,
И передъ нимъ отнюдь не величаться
Ни знаніемъ, ни мудростью своей.

БУТЛЕРЪ.

Мы служимъ государю, не народу,
И служимъ не неволей, по найму;
Пока намъ платятъ, насъ не обижаютъ,
Мы здѣсь останемся, а иначе уйдемъ.
И въ нашей родинѣ занятіе найдемъ.

РАЗИНЪ.

А ваша родина отсюда далекó?

БУТЛЕРЪ.

Далёко очень. При дурномъ пути
И въ цѣлый годъ отсюда не добраться.

РАЗИНЪ.

Что-жъ, и у васъ, поди, есть свой король?

БУТЛЕРЪ.

Нашъ господинъ — великій императоръ.

РАЗИНЪ.

Ишь ты какой! У каждаго вѣдь свой!
Султанъ у турокъ, шахъ у персіянъ,
Король у Польши, вашъ вонъ императоръ,
А говорятъ и папа есть еще.

БУТЛЕРЪ.

Святѣйшій папа есть глава вселенной
И послѣ Бога старшій на землѣ.
Онъ царь царей, онъ нашихъ душъ блюститель,
И всѣ, кто вѣруетъ въ Спасителя Христа,
Всѣ передъ нимъ во прахъ должны склониться.

ТОПОРОКЪ.

А патріархъ?

БУТЛЕРЪ.

Нашъ папа выше!

ТОПОРОКЪ.

Врешь!
Вашъ папа съ патріархомъ не сравнится!
И вѣра ваша вовсе не годится!
У васъ и попъ въ штанахъ повсюду ходитъ,
И брѣетъ бороду, и выстригаетъ плѣшь;

И крестъ другой, и молокомъ въ посту
Дозволено свою поганить душу.

РАЗИНЪ.

Нашелъ, что сравнивать, поповское отродье!
Вѣдь Богъ одинъ, а тамъ не все-ль равно,
Какъ ни крестися, справа или слѣва,
И безъ штановъ, или въ штанахъ ходи.
Который выше! Оба высокѝ!
Вотъ какъ умрутъ, ты ихъ аршиномъ смѣрь
Да собственному глазу и повѣрь. — Къ Бутлеру.
Скажи мнѣ, нѣмецъ, говорятъ, что вы
Къ намъ наѣзжаете учить насъ разнымъ штукамъ
Да хитростямъ, къ которымъ, вишь, у насъ
Своимъ умомъ добраться не успѣли.
Ну, ты пріѣхалъ строить корабли,
А остальные насъ чему научатъ?

БУТЛЕРЪ.

Да многому, что неизвѣстно вамъ.

РАЗИНЪ.

Ну, напримѣръ?

БУТЛЕРЪ.

Всего не сосчитать.
Искусству ратному, искусству врачевать,
Какъ пушки лить, какъ отливать монету,
Какъ строить церкви, возводить изъ камня
Палаты крѣпкія, и разнымъ мастерствамъ.

РАЗИНЪ — перебивая.

Постой, постой! Ишь, много насказалъ!
Ты говори отдѣльно, а не разомъ.
Во-первыхъ?

БУТЛЕРЪ.

Искусству ратному.

РАЗИНЪ.

Искусство то, безспорно, хорошо,

Коль обучать ему народъ безъ исключенья;
А если только войско ты обучишь,
Да воевать за деньги лишь пріучишь,
Такъ ты и самъ не сладишь съ нимъ порой.
Чтобъ править имъ, ты долженъ покориться
Его желаніямъ, ты долженъ породниться
Съ его привычками и ими только жить
И только то и дѣлать и любить,
Чтб любитъ войско. Иначе оно
Тебя легко и скоро промѣняетъ;
Оно для денегъ все позабываетъ,
А благодарность тѣмъ лишь выражаетъ,
Что если иногда и не убьетъ,
За то всегда до нитки оберетъ...
Еще чему?

БУТЛЕРЪ.

Искусству врачевать.

РАЗИНЪ.

Вы чѣмъ же лечите: травой иль наговоромъ?

БУТЛЕРЪ.

Да больше трàвами.

РАЗИНЪ.

Какъ наши знахари.
Вотъ у меня есть средство повѣрнѣе.

БУТЛЕРЪ.

Какое же?

РАЗИНЪ.

Да вовсе не хворать!

БУТЛЕРЪ.

Лекарство вѣрное. Но только не для всѣхъ
Оно отпущено въ достаточномъ размѣрѣ;
И поневолѣ позовешь врача,
Коль немочь одолѣетъ человѣка.

РАЗИНЪ.

А онъ всегда вылечивать берется?

БУТЛЕРЪ.

Ну, не всегда, иной разъ ошибется,
Иной разъ вылечитъ, а если смерть придетъ,
Такъ отъ нея никто уйти не можетъ.

РАЗИНЪ.

А магарычъ онъ все-таки возьметъ?

БУТЛЕРЪ.

Возьметъ за трудъ, а жизнь въ божьей волѣ.

РАЗИНЪ.

Нѣтъ, умирать, такъ лучше въ чистомъ полѣ
Отъ вражьихъ пуль, иль остраго меча,
Чѣмъ отъ ошибокъ вашего врача.

БУТЛЕРЪ.

Но всѣ властители ихъ при себѣ имѣютъ
И каждый разъ совѣтамъ внемлютъ ихъ.

РАЗИНЪ.

У турскаго султана есть врачи,
Но у него за то такой обычай:
Коль вылечатъ — и деньги, и почетъ,
А если нѣтъ, да онъ еще умретъ, —
Такъ и врачей во слѣдъ за нимъ отправятъ.

БУТЛЕРЪ.

Обычай варварскій. Вѣдь человѣкъ не Богъ,
Отъ смерти никого спасти не можетъ.

РАЗИНЪ.

Не можетъ — не берись. За то ужъ онъ
Свое стараніе и знанье все приложитъ...
Еще чему?

БУТЛЕРЪ.

Какъ отливать монету;
Какъ пушки лить и къ нимъ приготовлять
Снаряды и запасы боевые.

РАЗИНЪ.

Кто пушку сдѣлалъ — трусамъ угодилъ
И въ бойню обратилъ забаву храбрыхъ;
Предъ этой дурой смѣлости ненужно,
И трусъ, и храбрый—всѣ предъ ней равны.
Въ ручномъ бою, въ кровавой жаркой сѣчѣ,
Тамъ кто сильнѣй, проворнѣй, да смѣлѣй —
Тотъ и осилитъ; а въ поганой пушкѣ
Хоть баба старая фитиль съ огнемъ приложитъ,
Но много храбрыхъ выстрѣлъ тотъ уложитъ,
И доблесть лыцарская ничего не сможетъ
Предъ силою летящаго ядра...
Еще чему?

БУТЛЕРЪ.

Какъ возводить изъ камня
Дворцы, палаты, церкви, колокольни,—
И мастерствамъ.

РАЗИНЪ.

Хоть церкви хороши,
Но въ нихъ нельзя жить постоянно людямъ,
А потому и строить ихъ не слѣдъ,
Пока въ домахъ повсюду недостатокъ.
Палаты ваши — хитрая постройка,
Я видѣлъ ихъ, хоть самъ въ нихъ не живалъ,
Но на Руси отъ стариковъ слыхалъ,
Что кто въ палатѣ каменной селится,
Въ томъ сердце тоже въ камень обратится,
И отъ него немного жди добра. — Помолчавъ.
Учи насъ, нѣмецъ, это не грѣшно,
И только дураку оно смѣшно,
А умному ученье пригодится.

БУТЛЕРЪ.

У каждаго народа свой порядокъ,

Свои обычаи, ихъ надо изучать,
Перенимая лучшее взаимно.

РАЗИНЪ.

У насъ ученье въ томъ, чтобъ сохранять
Лишь смѣлость сердца, доблести наслѣдство,
А вѣдь и это не для всѣхъ легко...
Ну, наливай вина, да выпьемъ вмѣстѣ
За все, чему ты станешь насъ учить

БУТЛЕРЪ — наливаетъ.

Ты, атаманъ, мы слышали, женатъ,
А ужъ у насъ идетъ такой обычай:
Пить за хозяина сначала, а потомъ
И за хозяйку; у тебя-жъ она
Красавица такая, что ни разу
Я и во снѣ подобной не видалъ.

РАЗИНЪ.

Ошибся, нѣмецъ, это не она!
Моя жена съ дѣтьми осталась дома;
Мы этотъ хламъ съ собою не беремъ.

БУТЛЕРЪ.

Гдѣ ни осталась, все-таки жена.
Такъ дай же Богъ, чтобъ, возвратясь домой,
Ты ихъ увидѣлъ всѣхъ въ здоровьи добромъ,
И отдохнулъ бы посреди семьи
Отъ подвиговъ, тобою совершенныхъ. — Пьетъ.

РАЗИНЪ.

Спасибо, нѣмецъ! Только, братъ, у насъ
За бабъ не пьютъ, онѣ, хоть ихъ и бьютъ,
Всегда здоровы, крѣпкая порода.

БУТЛЕРЪ.

Зачѣмъ ихъ бить; у насъ избави Боже
Ударить женщину, и стыдно, и грѣшно,
Вѣдь слабаго обидѣть не заслуга.

РАЗИНЪ.

У васъ одинъ, у насъ другой обычай;
У васъ онѣ, должно быть, поумнѣй,
А съ нашей бабой такъ не обойдешься,
И только плетью толку съ ней добьешься,
А иначе никакъ не сговоришь.

ЗАПОРОЖЕЦЪ БОВА.

Кто съ бабою связался, тотъ пропалъ!

БУТЛЕРЪ.

Ты думаешь?

БОВА.

Тутъ нечего и думать.
Гдѣ баба впуталась, хорошаго не жди.
Приворожитъ она да приголубитъ
И молодца на цѣлый вѣкъ загубитъ.
Не спитъ онъ ночь, подъ утро не поднять,
И только думаетъ, чтобъ съ бабой полежать.
Не даромъ говорятъ на Запорожьи:
Гдѣ чортъ не сможетъ, бабу тамъ пошлетъ,
А ужъ она свое вездѣ возьметъ.

БУТЛЕРЪ.

Какъ видно, ты не очень-то ихъ любишь?

БОВА.

Чего любить, извѣстно, что она
На бѣлый свѣтъ изъ нашего ребра
На пагубу людскую создана.

РАЗИНЪ.

Теперь пойдетъ о нихъ со всѣми спорить! — Къ Бутлеру.
А ты женатъ?

БУТЛЕРЪ.

Женатъ, семьей большою
Меня Господь давно благословилъ.

РАЗИНЪ.

Вотъ за дѣтей я пить не откажуся—
За мальчиковъ; ихъ много у тебя?

БУТЛЕРЪ.

Шесть сыновей.

РАЗИНЪ.

Да трое у меня.
Ну, станемъ пить за каждаго отдѣльно.

БУТЛЕРЪ.

Не много ли?

РАЗИНЪ.

О томъ судить не время.
Теперь давай, хоть съ твоего начнемъ.
Какъ звать-то старшаго?

БУТЛЕРЪ.

Рудольфъ.

РАЗИНЪ.

Ру-дольфъ.
Ишь прозвище мудреное какое.
Ну, осушай за первенца весь кубокъ.
Вотъ такъ, по-нашему! — Пьетъ.

БУТЛЕРЪ.

А твоего какъ звать?

РАЗИНЪ.

А мой родился въ день святого Глѣба.

БУТЛЕРЪ.

Такъ выпью за обоихъ молодцовъ;
Коль имъ придется встрѣтиться на свѣтѣ,
Пусть вспомнятъ также о своихъ отцахъ
И въ память ихъ, какъ мы, осушатъ кубки. — Пьетъ

РАЗИНЪ.

Все можетъ быть. И по-сердцу пришлось
Мнѣ пожеланіе твое объ этой встрѣчѣ.
Спасибо, нѣмецъ! А твоихъ ребятъ
Я повидать ихъ самъ къ тебѣ заѣду.

БУТЛЕРЪ.

Благодарю за честь. Но только ихъ
Ты не найдешь въ моемъ жилищѣ скромномъ.
Они на родинѣ.

РАЗИНЪ.

Туда мнѣ не дорóга.
Далёко очень! Наливай еще!
И выпьемъ вмѣстѣ за вторую пару. — Къ одному изъ нѣмцевъ.
А что же ты, братъ, отстаешь отъ насъ,
Не пьешь, не ѣшь и, вылупивъ глаза,
Какъ истуканъ сидишь, не шевельнешься.
Куда ты смотришь? Иль околдовала
Тебя совсѣмъ персидская княжна?

НѢМЕЦЪ.

Да, атаманъ. Готовъ хоть цѣлый день
Я на нее смотрѣть и любоваться.
Видалъ я много на своемъ вѣку
Красивыхъ женщинъ, а такой ни разу
Еще на свѣтѣ видѣть не пришлось.

РАЗИНЪ — лаская княжну.

Да, этотъ яхонтъ мнѣ достался съ бою!
Хотѣлъ убить — не поднялась рука,
И на потѣху взялъ ее съ собою.
Говоритъ съ княжной по-персидски, та ему отвѣчаетъ

РАЗИНЪ — къ Бобѣ.

Что, хороша?

БОВА.

Поганое отродье!

РАЗИНЪ — къ Бутлеру.

Вотъ этимъ длинночубымъ молодцамъ
Не понутру пришлась моя услада.
Имъ бабій духъ тошнѣй, чѣмъ сатанѣ,
Въ рукахъ попа, кадильный, дымный ладонъ.

БОБА.

Эхъ, атаманъ! и самъ ты не замѣтишь,
Какъ бабій духъ опутаетъ тебя.
Я старъ и сѣдъ: послушайся меня,
Не поддавайся вражью искушенью,
И не мѣняй на бабу ты коня.
Кто съ ней связался, тотъ на вѣкъ погибъ!
Изсохнетъ онъ, исчахнетъ, одурѣетъ,
И сабли въ руки взять ужъ не съумѣетъ,
Все будетъ охать, нѣжиться, стонать,
Да съ бабою на солнышкѣ лежать
И съ ней одной на свѣтѣ забавляться.

РАЗИНЪ — сурово.

Кто говорить не знаетъ, тотъ молчи!
Заладишь ты о бабахъ толковать,
Какъ колоколъ, звонить не перестанешь.
Ты знаешь, я совѣтовъ не люблю,
И головы сѣдой не пожалѣю,
Которая рѣшится ихъ давать!

БОБА.

Я правду высказалъ, готовъ ее всегда
И всѣмъ высказывать, а смерти не боюся,
И не совѣтую нудить напрасно силу
Надъ этою сѣдою головой.
Не торопись! И безъ тебя довольно
Найдется трусовъ рѣзать старика,
Который разъ тебя-жъ отъ лютой смерти
Своей рукой да кровью уберегъ.

РАЗИНЪ — сидитъ задумавшись и смотритъ на княжну.

Налей вина!

КРАСУЛИНЪ — наливаетъ.

Пей на здоровье, батька!

РАЗИНЪ — указывая на нѣмцевъ.

Налей и имъ!

БУТЛЕРЪ.

Нѣтъ, атаманъ, довольно!
Я не привыкъ такъ много пить вина.

РАЗИНЪ.

Я васъ не звалъ; ты самъ ко мнѣ пріѣхалъ,
Такъ долженъ мой порядокъ соблюдать!
Давай же кубокъ, выпьемъ не спѣша,
И время есть, и водка хороша,
И, какъ по маслу, въ глотку перельется.

Наливаютъ и пьютъ

РАЗИНЪ.

Еще вина, и станемъ веселиться!
Мнѣ хочется до ярости упиться
И нѣмцевъ научить, какъ надо пить.

БУТЛЕРЪ.

Такъ пить нельзя, и съ яростнымъ бесѣду
Я не могу разумную вести:
Съ подобнымъ человѣкомъ недалеко
И до бѣды, которую потомъ
Никто исправить будетъ ужъ не въ силахъ.

РАЗИНЪ.

Не бойся нѣмецъ! Коли ты мой гость,
Такъ я тебя, пока ты здѣсь, не трону;
А если я не трону, такъ никто
Къ тебѣ и прикоснуться не посмѣетъ! — Пьетъ.

ЯРАНЕЦЪ.

Всѣхъ стали подчивать, а Волгу обнесли,
Иль матушку родную позабыли!

Беретъ кусокъ хлѣба, посыпаетъ солью и бросаетъ въ Волгу.

Прими родимая, дороже нѣтъ на свѣтѣ,
Какъ хлѣбъ да соль; безъ нихъ и жить нельзя!

РАЗИНЪ.

Нашелъ чѣмъ подчивать! Ее не удивишь
Сукроемъ хлѣба, хлѣбъ ей не въ новинку;
Она сама, коль надо, бьетъ суда
И въ волю хлѣбъ, родная, добываетъ. — Встаетъ.
Нѣтъ, Волгу-матушку не такъ благодарятъ;
Вотъ мой подарокъ будетъ ей дороже!
Оборачивается лицомъ къ рѣкѣ.
Эхъ, ты Волга, матушка-рѣка,
Пріютила ты, не выдала меня,
Словно мать родная приголубила,
Надѣлила вдоволь славой, почестью,
Златомъ, сéребромъ, богатыми товарами;
Я-жъ тебя ничѣмъ еще не даривалъ,
За добро твое ничѣмъ не плачивалъ!
Не побрезгай-же родимая подарочкомъ,
На, тебѣ, кормилица; возьми!
Хватаетъ княжну и бросаетъ ее въ Волгу. Нѣмцы вскрикиваютъ отъ ужаса. Нѣсколько секундъ общаго молчанія.

ВОВА.

Давно бы такъ!

КРАСУЛИНЪ.

Гдѣ бабы нѣтъ, тамъ лучше.

ЯРАНЕЦЪ.

Не пожалѣлъ, и Волга для тебя
Свои сокровища отдать не пожалѣетъ.

РАЗИНЪ.

Гдѣ бабы нѣтъ, тамъ лучше, знаю самъ!
Налей вина! За матушку, за Волгу,
За нашу вѣрную кормилицу-рѣку!
Всѣ встаютъ и пьютъ, кромѣ нѣмцевъ.

РАЗИНЪ — къ Бутлеру

Что-жъ ты не пьешь? За Волгу долженъ пить!
На ней и ты свою посуду строишь!

БУТЛЕРЪ — выпивъ кубокъ.

Спасибо, атаманъ, за угощенье,
За встрѣчу добрую, да ласковый привѣтъ.
Теперь прощай, и отпусти насъ съ миромъ,
Ужъ намъ пора!

РАЗИНЪ.

Куда-жъ бѣжите вы?
Иль надоѣла вамъ моя бесѣда?

БУТЛЕРЪ.

Не думай такъ, довольны мы тобой,
Но только время намъ отсюда ѣхать,
Чтобъ засвѣтло поспѣть къ себѣ домой.

РАЗИНЪ.

Ну, коли время, я васъ не держу,
А только вотъ что вамъ я предложу:
Теперь свѣжо, съ хмѣльною головою
На лодкѣ маленькой доѣхать не легко,
А мнѣ пришла охота покататься,
Такъ за одно, чтобъ намъ не разлучаться,
Я самъ берусь доставить васъ домой.
Садись за весла! Убирай столы!
И пляской бѣшеной, да пѣсней удалою
Потѣшимте кормилицу-рѣку!
Ну, живо!

Казаки убираютъ столы, затѣмъ часть ихъ садится за весла, остальные образуютъ полукругъ. Разинъ стоитъ на рулѣ; около него нѣмцы.

РАЗИНЪ.

Начинай, Кирилка, плясовую.
Валяй, собака! глотки не жалѣй!

КИРИЛКА — речитативомъ, постепенно ускоряя темпъ. Ему аккомпанируютъ нѣсколько музыкантовъ на разныхъ народныхъ инструментахъ.

То не на небѣ туча черная собиралася,
То не на морѣ буря грозная разыгралася,
То на «Соколѣ» атаманъ, Степанъ, потѣшается,

Съ эсаулами его храбрыми забавляется.
Эхъ, гуляй душа, душа вольная!
Душа вольная, молодецкая!
Эхъ, ты жги, говори, да на мѣстѣ не сиди!
Да на мѣстѣ не сиди, знай поплясывай!
Разступись народъ, хороводъ идетъ,
Хороводъ ведетъ Волга-матушка,
Съ вѣтромъ буйнымъ, съ ночкой темною,
Съ нашей удалью молодецкою!
Какъ пойдемъ плясать, разыграемся,
Не мѣшай никто, съ кѣмъ не знаемся!
Начинай, Кузьма, ждать намъ некого,
Начинай живѣй, ноги чешутся!
Эхъ, ходи гуляй, разговаривай,
Не робѣй, Косой, знай наяривай!
Поднимайтеся вѣтры буйные,
Надвигайтеся тучи черныя,
Расходись сама Волга-матушка,
Покачай ты насъ ради праздничка!
Ну ходи живѣй, разговаривай!
Не робѣй, Косой, знай наяривай!
Расходись рука, ну, живѣй еще!
Разступись народъ, мѣста надобно!
Эхъ, ты жги, говори, да на мѣстѣ не сиди,
Да на мѣстѣ не сиди, знай отплясывай!

Начинается бѣшеная пляска, «Соколъ» быстро спускается по Волгѣ.

КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ.

Черкаскъ. Внутренность избы, отведенной московскому послу, жильцу Герасиму Евдокимову. ЕВДОКИМОВЪ и атаманъ, КОРНИЛО ЯКОВЛЕВЪ, сидятъ за столомъ.

ЕВДОКИМОВЪ.

Что-же, атаманъ! Неужели ты до сей поры не могъ ничего провѣдать о замыслахъ Стеньки.

КОРНИЛО.

Ничего не узналъ, да и узнать нельзя. Стенька не такой человѣкъ, чтобы проболтаться; а что у него въ головѣ, того

никто вѣдать не можетъ. Пока сидитъ спокойно, только не долго засидится: я его хорошо знаю. Дожидалъ весны; а теперь, того и гляди, не сегодня, такъ завтра удеретъ на Волгу.

ЕВДОКИМОВЪ.

Какъ-же это, атаманъ, у васъ дѣлается. Неужели войсковая расправа не можетъ приказать простому казаку? Неужели онъ посмѣетъ ослушаться тебя, выборнаго отъ всего войска? Какой же у васъ послѣ этого порядокъ?

КОРНИЛО.

У всякаго свои порядки. Меня нечего корить: я тутъ ничѣмъ не виноватъ. Небось, когда мы посылали станицу въ Москву, намъ не повѣрили; станицу подъ Соловки сослали. Я всегда готовъ служить вѣрою и правдою великому государю, а противъ Стеньки я не силенъ. За него вся голытьба горой стоитъ. Явись Стенька къ намъ въ Черкаскъ, Богъ вѣдаетъ, кто тогда и атаманомъ будетъ. Супротивъ силы ничего не подѣлаешь. А Стенька силенъ: съ нимъ и великому государю впору будетъ тягаться. Не удержалъ я его въ первый разъ, теперь дай Богъ самому удержаться. Не то время!

ЕВДОКИМОВЪ.

Что-же мнѣ сказать великому государю?

КОРНИЛО.

А что слышалъ, да видѣлъ, то и скажи. Вотъ сейчасъ соберемъ кругъ и выберемъ станицу въ Москву бить челомъ великому государю за его милости.

ЕВДОКИМОВЪ.

Ты бы въ кругу и о Стенькѣ поговорилъ. Позвалъ-бы его на судъ, какъ ослушника.

КОРНИЛО.

Такъ онъ и придетъ! Нѣтъ, лучше этого дѣла и неподнимать: хуже будетъ. Не тронь медвѣдя, пока онъ въ берлогѣ. Теперь не долго ждать; скоро обнаружится. Ты пообожди. Я сейчасъ соберу кругъ, тогда и за тобой пришлемъ. Прощай, Герасимъ Ивановичъ! — Встаетъ.

ЕВДОКИМОВЪ.

Выпей на дорогу, атаманъ. Или вино не понравилось?

КОРНИЛО — допивая вино.

Спасибо, спасибо! Ужо, вечеромъ, зайди ко мнѣ; еще потолкуемъ. Кстати я и станичнаго позову. Прощай!

ЕВДОКИМОВЪ.

Прощай, атаманъ! — Корнило уходитъ. — Хитрый дьяволъ! Всѣ вы хороши, пока васъ по головкѣ гладятъ. Тоже боится за свою власть. Нѣтъ, дѣло плохо. Надо поскорѣе ѣхать въ Москву, да доложить великому государю, чтобы на Волгѣ не дремали.

Входитъ подьячій ГОЛОВАЧЪ.

ЕВДОКИМОВЪ.

Ну, что?

ГОЛОВАЧЪ.

Ничего хорошаго. Засылалъ я, по твоему приказу, къ нему вѣстовщиковъ, что молъ царскій посланецъ былъ бы не прочь поговорить по чести съ атаманомъ и передать о его нуждахъ великому государю. Не поддается собака! «Мнѣ, говоритъ, простому казаку, не пригоже толковать съ царскимъ посломъ; на то у насъ свой атаманъ есть въ Черкаскѣ, съ нимъ пусть и толкуетъ. А о моихъ нуждахъ не зачѣмъ тревожить великаго государя, не стóитъ безпокоить его царскую милость. Справлюсь помаленьку и самъ».

ЕВДОКИМОВЪ.

Хитеръ! А на счетъ того?

ГОЛОВАЧЪ.

Тоже ничего. Не поддается ни одинъ. Прямо сказать—страшно, а такъ, стороной, сколько разъ ни заводилъ рѣчи, не понимаютъ. Ты, говорятъ, что-то больно мудрено закидываешь; говори прямо, мы народъ простой, неграмотный, вашимъ московскимъ хитростямъ не обучены.

ЕВДОКИМОВЪ.

Неужели изъ этихъ оборванцевъ не нашлось ни одного...

ГОЛОВАЧЪ—перебивая.

Съ тѣми еще труднѣе толковать. Они для Стеньки никого не пожалѣютъ. Одного, это, я зазвалъ къ себѣ, напоилъ до пьяна, да и брякнулъ съ разу, и деньги тутъ-же давалъ, такъ онъ на меня какъ заоретъ: вотъ, говоритъ, зачѣмъ васъ изъ Москвы прислали...

ЕВДОКИМОВЪ.

Ну, надѣлалъ бѣды! Что-же далѣе?

ГОЛОВАЧЪ.

Насилу справились! Три дня безъ просыпу поили. Какъ очухался и не поминалъ. Забылъ во хмѣлю.

ЕВДОКИМОВЪ.

Нѣтъ, видно это дѣло придется оставить. Не вышло бы хуже.

ГОЛОВАЧЪ.

Пора намъ, Герасимъ Ивановичъ, отсюда убираться. Слухи идутъ, что Стенька не сегодня, такъ завтра въ Черкаскѣ будетъ. Не принялся бы онъ за твою милость, да не сталъ бы, оборони Богъ, разспрашивать по-своему. Долго ли до бѣды! И до шкуры доберется. У нихъ, у проклятыхъ, коротка расправа!

ЕВДОКИМОВЪ.

Правда. Вотъ сегодня выберутъ станицу, а завтра и уѣдемъ. Мѣшкать нечего. Надо переодѣться. Сейчасъ въ кругъ позовутъ. Пойдемъ на верхъ.

Уходятъ.

Берегъ Дона въ Черкаскѣ. Впереди видна площадь, на которой собрался кругъ. Разинъ съ большою толпою своихъ казаковъ проходитъ по берегу.

РАЗИНЪ—останавливаясь.

Что тамъ у нихъ за сборище такое?

ЧЕРНОЯРЕЦЪ.

Кругъ, атаманъ, собрался.

РАЗИНЪ.

А зачѣмъ?

ЯРАНЕЦЪ.

Станицу выбираютъ къ государю;
Съ посломъ московскимъ думаютъ послать.
А для чего, не знаемъ. Говорятъ,
За милости благодарить хотятъ.

РАЗИНЪ.

Сбирайтесь въ кругъ, посла ко мнѣ ведите,
Я распрошу по-своему его,
Зачѣмъ на Донъ подосланъ онъ Москвою.
Красулинъ! ты ступай на вражью сходку
И позови сейчасъ ко мнѣ посла.

КРАСУЛИНЪ.

А если онъ идти не согласится?

РАЗИНЪ.

Такъ зà воротъ тащи его сюда!

Красулинъ съ частью казаковъ уходитъ; изъ остальныхъ образуется кругъ.

РАЗИНЪ.

Довольно мы безъ дѣла просидѣли,
Довольно дней прошло по пустякамъ!
Сегодня васъ я позову съ собою
Идти туда, куда задумалъ я!
Кто не трусливъ, тотъ вѣрно не отстанетъ;
А путь не легкій нынѣ предстоитъ.

ЧЕРНОЯРЕЦЪ.

Опять на Волгу, или къ шаху въ гости?
Тамъ сторона богатая лежитъ.

РАЗИНЪ.

Сперва на Волгу, но потомъ не въ море,
А ужъ къ другой васъ поведу рѣкѣ,

На той рѣкѣ стоитъ великій городъ,
И много въ немъ богатства да добра.
Въ томъ городѣ живутъ такіе люди,
Съ которыми мнѣ надобно свести
Разсчеты старые за все, что тамъ забито,
Что тамъ замучено, въ сырой землѣ зарыто
И ждетъ давно отплаты палачамъ.

Приходитъ Евдокимовъ со своими товарищами. Казаки впускаютъ ихъ въ средину круга.

РАЗИНЪ.

Ты отъ кого пріѣхалъ изъ Москвы?

ЕВДОКИМОВЪ — гордо.

Меня послалъ великій государь
Съ своею царской грамотою къ войску
И повелѣлъ, по благости своей,
Потолковать о вашихъ нуждахъ съ вами.

РАЗИНЪ.

Ты врешь, собака! Нѣтъ! не отъ царя,
А отъ бояръ лазутчикомъ ты посланъ,
Подсматривать при случаѣ за мной.

ЕВДОКИМОВЪ.

Я государя вашего посолъ,
И обижать меня никто не смѣетъ,
Кто не дерзаетъ оскорбить царя.
Я посланъ къ вамъ отъ имени его
И именемъ его тебѣ вѣщаю...

РАЗИНЪ — перебивая.

А именемъ кого намѣревался
Ты извести отравою меня?

ЕВДОКИМОВЪ.

Съ чего ты вздумалъ рѣчь вести объ этомъ?
Съ чего ты взялъ подозрѣвать меня
Въ столь низкомъ дѣлѣ? Не могу оставить

Я безъ вниманія подобной клеветы.
Гдѣ дерзкій тотъ, языкъ чей повернулся
Меня въ подобномъ дѣлѣ обвинить?
Представь его!

РАЗИНЪ.

Найдется, погоди!
Объ этомъ ты вотъ съ нимъ поговори!

Указываетъ на одного казака.

ЕВДОКИМОВЪ.

Я отъ роду его впервые вижу.

КАЗАКЪ.

Не онъ, а тотъ мнѣ деньги предлагалъ.

Указываетъ на подьячаго Головача.

РАЗИНЪ.

Ты предлагалъ?

ГОЛОВАЧЪ.

Не вѣрь имъ, атаманъ.
Онъ приходилъ ко мнѣ за подаяньемъ,
И я ему алтынъ на нужды далъ.

РАЗИНЪ.

Не извернешься! Одному ему
Я вѣрю больше, чѣмъ посламъ московскимъ,
Извѣстнымъ всюду лживостью своей.
Въ мѣшокъ его, да въ воду!

Головача схватываютъ, онъ падаетъ на колѣни.

ГОЛОВАЧЪ.

Пощади!
Помилуй, атаманъ! хоть ради дѣтокъ!
Сиротами останутся они!

Головача тащутъ къ водѣ.

ЕВДОКИМОВЪ — гордо.

Остановись! Не водится нигдѣ,
Чтобъ надъ людьми посланника творили

Насилье дерзкое. Безумнымъ оскорбленьемъ
Особы царской станетъ эта смерть,
И царскій гнѣвъ обрушится жестоко
Надъ головой преступною твоей.

Одинъ изъ казаковъ отдѣляется отъ толпы, которая тащитъ Головача, и подбѣгаетъ къ Разину.

КАЗАКЪ.

Онъ повиниться хочетъ, атаманъ,
И правду всю сказать намъ обѣщаетъ.

РАЗИНЪ.

Веди сюда! Теперь добьемся правды.

Головача снова втаскиваютъ въ кругъ и становятъ передъ Разинымъ. Онъ опускается на колѣни.

РАЗИНЪ.

Ну, говори!

ГОЛОВАЧЪ — заикаясь и дрожа отъ страха.

Великій атаманъ!
Я все скажу, лишь не вели казнить,
И смилуйся надъ старымъ человѣкомъ!

РАЗИНЪ.

Ну, говори! Ишь, какъ дрожитъ отъ страха,
И слова вымолвить не можетъ. Онѣмѣлъ!

ГОЛОВАЧЪ.

Охъ, смилуйся! Я... не виновенъ... въ этомъ...
Я... я...

РАЗИНЪ.

Ты подкупалъ, чтобъ отравить меня,
Вотъ этого кривого запорожца?

ГОЛОВАЧЪ.

Не помню!... можетъ быть... онъ не разслышалъ.

РАЗИНЪ.

Не помнишь? Въ воду!

ГОЛОВАЧЪ.

Виноватъ, прости!
Я говорилъ лишь то, что приказали
Мнѣ говорить другіе.

РАЗИНЪ.

Кто? посолъ?

ГОЛОВАЧЪ.

Да... нѣтъ... посолъ... бояре,
Помилуй, атаманъ, не погуби!

РАЗИНЪ.

Бояре! Вотъ какъ! Отвѣчай, Герасимъ!
Кто подослалъ съ отравою тебя?

ЕВДОКИМОВЪ — спокойно.

Неправда все! Ты видишь, онъ отъ страха
И самъ не знаетъ, что готовъ болтать.

РАЗИНЪ — бѣшено.

Такъ отъ бояръ съ отравою ты присланъ
Прикрывшись званьемъ царскаго посла.
И ты дерзнулъ!.. Такъ вотъ тебѣ, проклятый,
И плата за усердіе твое! — Бьетъ его.
Лупи его! Казацкими руками
Почествуйте боярскаго посла!
Вотъ такъ! Вотъ такъ! — Бьютъ.

Корнило Яковлевъ съ нѣсколькими казаками вбѣгаетъ въ кругъ и подбѣгаетъ къ Разину.

ЯКОВЛЕВЪ.

Опомнися, Степанъ!
Такъ не пригоже дѣйствовать съ послами!
Не накликай на насъ на всѣхъ бѣды
Своею беззаконною расправой!

РАЗИНЪ.

Прочь, торгаши! Владѣйте вы купцами,
А казаками я буду владѣть!
Прогнать ихъ вонъ! Я не посла казню!
Надъ отравителемъ чиню я здѣсь расправу,
И кончу съ нимъ! Еще его! вотъ такъ!
Да не марать надъ нимъ казацкой сабли!
Тащите въ воду! Рыбамъ на обѣдъ!

ЧЕРНОЯРЕЦЪ.

А съ остальными?

РАЗИНЪ.

Тѣхъ пока заприте.
О многомъ ихъ мнѣ нужно разспросить.

Часть толпы тащитъ Евдокимова въ воду, другая прогоняетъ Корнилу Яковлева съ его товарищами.

РАЗИНЪ.

Пришла пора! Идемте на бояръ!
Идемъ на Волгу! Насъ ужъ ждутъ давно,
И на Руси вездѣ съ почетомъ встрѣтятъ.
Держись бояре! Все припомню вамъ!
За все заплатите! Сведемъ концы съ концами,
И учинимъ расчетъ кровавый съ вами
За все, что накопилося вѣками,
За кровь, за потъ, за крѣпостной народъ,
Который насъ давно къ себѣ зоветъ!

Уходятъ.

КАРТИНА ПЯТАЯ.

Пещера въ Жегулевскихъ горахъ. Въ глубинѣ ея, на отломкѣ скалы, лежитъ раскрытое Евангеліе, за нимъ водруженъ большой деревянный крестъ. Свѣтъ луны, пробиваясь сквозь разщелины, освѣщаетъ пещеру слабымъ свѣтомъ. Престарѣлый пустынникъ стоитъ передъ Евангеліемъ на колѣняхъ и молится.

ПУСТЫННИКЪ — встаетъ.

О Господи! будь милостивъ надъ нами,
И гнѣвъ твой праведный на милость претвори.—Садится на камень.
Для православной, бѣдной Руси снова

Тяжелыя настали времена.
За тяжкій грѣхъ, за оскудѣнье вѣры,
За вѣчное служенье сатанѣ,
Господь послалъ народу испытанье
И отвратилъ отъ насъ свое лицо.
Давно ли насъ избавилъ Вседержитель
Отъ злыхъ татаръ? Давно ли отъ раздора
Русь распадалась, и кичливый ляхъ
Чуть не вступилъ, нечистою ногою,
На освященный Господомъ престолъ.
Господь помиловалъ. Молитвами святыхъ,
Владычицы Пречистой заступленьемъ,
Господь не попустилъ погибнуть царству
И отвратилъ грозящую напасть.
Но Божій гнѣвъ безумцы не прозрѣли
И милость Бога позабыть успѣли,
И снова Онъ, заслуженною кàрой,
Напоминать имъ долженъ о Себѣ.
Повсюду смута! Города, селенья,
Обители, святые Божьи храмы
Повыжжены злодѣйскими руками,
Пограблены, разорены до тла,
И залиты кровавою рѣкою.
По волѣ Господа изъ нѣдръ казакòвъ
Злодѣй неслыханный на Волгѣ появился.
Какъ грозный бичъ, какъ злой степной буранъ
Онъ, гдѣ пройдетъ, повсюду слѣдъ оставитъ,
Ужасный слѣдъ, слѣдъ крови да огня. — Задумывается.
Какъ въ тихую погоду, на рѣкѣ,
Отъ одного лишь брошеннаго камня,
Встаютъ круги, волненье возбуждая,
И расширяясь въ слѣдъ одни другимъ,
Такъ и теперь, повсюду, въ тѣхъ мѣстахъ,
Гдѣ лишь пройдетъ злодѣйскій атаманъ,
Вокругъ его встаетъ мятежъ кровавый
И заливаетъ все своей волной.
По городамъ, по селамъ, по дорогамъ,
Несетъ онъ вѣсть, что будто-бы насталъ
Желанный часъ губительной свободы.
И отуманенные смутными рѣчами
Встаютъ крестьяне на своихъ властей,
И обагряются въ крови людскія руки,
И предаютъ они своихъ господъ на муки,

И тѣшатся, какъ травленные псы,
Надъ беззащитными, безгрѣшными дѣтьми,
И думають, путемъ огня да казни,
Желанную свободу получить.
Безумцы! Иль не вѣдають они,
Что нѣту власти, аще не отъ Бога,
Что не легко мятежъ имъ обойдется,
Что дѣло крови, кровью отзовется,
И зломъ за зло, и казнями за казнь
Сторицею имъ послѣ возвратятъ. — Встаетъ.
О Господи! прости ихъ и помилуй:
Не вѣдаютъ бо сами, что творятъ.

Входитъ РАЗИНЪ.

РАЗИНЪ.

Какая темень! Ничего не видно!
Какому чорту вздумалось тутъ жить?

ПУСТЫННИКЪ.

Ктобъ ни былъ ты! Глаголомъ непотребнымъ
Не оскверняй разумныя уста,
И имени нечистаго напрасно
Не поминай въ присутствіи моемъ.

РАЗИНЪ.

А, вотъ ты гдѣ! Насилу разглядѣлъ!
Не думалъ я, чтобъ кто-нибудь охотой,
Въ такую тьму переселился жить.
Ты не изъ робкихъ!

ПУСТЫННИКЪ.

Нѣтъ, прошла пора;
Тьма не страшна, когда душа спокойна.
Бояться тьмы не слѣдъ, бояться должно
Лишь злыхъ людей, да козней сатаны.
Но отвѣчай: зачѣмъ, съ какою цѣлью,
Нарушилъ ты вечерній мой покой?
По твоему наряду вижу я,
Что ты не здѣшній; ты изъ казаковъ.
Что-жъ привело тебя въ мою пещеру?
Что-жъ привело тебя сюда, ко мнѣ?

Хотѣлъ ли ты разумною бесѣдой
Глаголы Бога въ сердцѣ утвердить,
И кротости, да тяжкаго смиренья
У Всемогущаго со мною попросить?
Иль можетъ быть, сокрытое дѣянье,
Тяжелый грѣхъ преслѣдуетъ тебя,
И ты пришелъ, раскаяньемъ гонимый,
Открыться мнѣ, покаяться Творцу
И покаяньемъ душу успокоить?

РАЗИНЪ.

Покаяться! Ну, нѣтъ, еще не время!
Теперь чередъ покаяться другимъ!

ПУСТЫННИКЪ.

Не говори. Сокрыто человѣку,
Когда пробьетъ часъ смерти для него...
Но отвѣчай же мнѣ, съ какою цѣлью
Нарушилъ ты безмолвіе мое? — Разинъ, не отвѣчая, подходитъ къ освѣщенному луною Евангелію и разсматриваетъ его.
Иль привлеченный лживою молвою
Ты шелъ сюда въ надеждѣ поживиться
Богатствами, накопленными мной? — Указывая на Евангеліе.
Возьми ихъ, вотъ онѣ, передъ тобой!
Вотъ въ этой книгѣ всѣ богатства міра,
Всѣ были собраны божественной рукой.
И если ты, глаголу Бога внемля,
Оставишь прошлое и станешь жить впередъ,
Какъ заповѣдалъ жить намъ самъ Господь,
То будешь ты богатъ такимъ богатствомъ,
Какого не отнимутъ отъ тебя
Ни алчность сильныхъ, ни коварство злыхъ,
Ни грозныя явленія природы — Подаетъ Евангеліе.
Возьми ихъ! Только знай и не забудь,
Что многіе достигнуть ихъ берутся,
Но не легко богатства тѣ даются
И многотруденъ къ нимъ тернистый путь.

РАЗИНЪ.

Оставь, старикъ! Къ чему мнѣ? я не попъ
И толку въ грамотѣ не смыслю никакого.

ПУСТЫННИКЪ — кладетъ Евангеліе.

Зачѣмъ же ты пришелъ сюда ко мнѣ?

РАЗИНЪ.

Зачѣмъ... зачѣмъ... А вотъ сейчасъ узнаешь
Слыхалъ ли ты о Разинѣ, монахъ?

ПУСТЫННИКЪ.

О Разинѣ! объ этомъ супостатѣ,
Который, словно лютый, дикій звѣрь,
Вокругъ себя все безпощадно губитъ,
И мятежемъ безумныхъ окруженъ
Идетъ впередъ, успѣхомъ обольщенъ
И кровью упивается повсюду.
Такъ ты изъ нихъ? Такъ ты изъ этой шайки?
Безумныхъ казаковъ забывшихъ все...

РАЗИНЪ — перебивая.

Да, я изъ нихъ! Да, я изъ этой шайки,
Я атаманъ ихъ! Я тотъ самый Разинъ,
Котораго никто не одолѣлъ!

ПУСТЫННИКЪ.

Такъ это ты, кровавый душегубецъ,
Исчадье зла, мятежный атаманъ!

РАЗИНЪ — перебивая.

Я самъ и есть! Да только погоди,
Не величай меня же предо мною.
Я не разбойникъ, я не душегубецъ,
Не на грабежъ иду я по Руси!
То было время, но оно прошло,
А нынѣ ужъ другое наступило.
Не на грабежъ иду я, я — другое,
Я — дѣло славное задумалъ совершить.
Рѣшился я народу возвратить
Ту волю самую, которую бояре
Оставили лишь только для себя,
А отъ свободнаго спокон вѣковъ народа

Отнять успѣли, и простыхъ людей
Скотомъ рабочимъ умудрились сдѣлать.
Но волю-мать искоренить нельзя!
Гонимая, забитая повсюду,
Она врагамъ своимъ не покорилась,
Она въ душахъ поруганныхъ таилась
И все ждала! И дождалась денька
Кроваваго разсчета за былое.

ПУСТЫННИКЪ.

Незванный гость, оставь мечты пустыя!
Кто звалъ тебя, и кто тебя просилъ
Смущать народъ едва лишь усмиренный?

РАЗИНЪ.

Кто звалъ, монахъ! Да звалъ насъ стонъ народный,
Что съ вѣтромъ ежедневно доносился
До нашихъ тихихъ, вольныхъ береговъ!
Да звалъ народъ, кровавыми слезами
Питавшій зе́млю, гдѣ онъ изнывалъ
Отъ тяжкихъ мукъ и безконечныхъ казней.
Да звали всѣ, кому житья не стало
И въ комъ терпѣть—терпѣнья не достало!
А вѣдь такихъ не мало на Руси!
Не Богъ холопей сдѣлалъ, но бояре;
А передъ Богомъ люди всѣ равны!
Всѣ одинаково родятся! всѣ умрутъ!
Всѣ ѣсть хотятъ! и всѣ, пока живутъ,
Должны быть одинаково свободны!
Боярамъ любо, вѣдь на нихъ суда
Не полагается, они другихъ лишь судятъ,
Имъ хорошо, а о простомъ народѣ
Не думаютъ — и вспомнить не хотятъ.
Ну не хотятъ добромъ, напомнимъ кровью,
Припомнимъ все—и разомъ порѣшимъ!
Когда бояръ я изведу повсюду,
Когда они исчезнутъ безъ слѣда,
Тогда замретъ ихъ низкое коварство,
И отъ Москвы до всѣхъ окраинъ царства
Свободной станетъ русская земля!
И будетъ знать лишь волю да царя!

ПУСТЫННИКЪ.

Напрасно думаешь. Не суждено тебѣ
Безвѣстному, безродному злодѣю
Великое исполнить дѣло. Кровью
Не получить народу воли. И не ты
Избранникъ Господа на славное дѣянье.

РАЗИНЪ.

Не я, такъ кто-же? Кто-же и когда?

ПУСТЫННИКЪ.

Кто и когда, — про то извѣстно Богу
Да тѣмъ, кому, по благости своей,
Сподобилъ Онъ грядущее повѣдать.

РАЗИНЪ.

Что-жъ и тебѣ повѣдано пожалуй?
Вѣдь о тебѣ давно идетъ молва,
Что одаренъ ты даромъ предсказанья,
И въ будущемъ нѣтъ тайны предъ тобой.
Коль знаешь, такъ повѣдай; можетъ быть,
Повѣрю я и путь возьму иной.

ПУСТЫННИКЪ.

Ты хочешь знать? Такъ слушай же, безумецъ,
И ты разстанешься съ несбыточной мечтой.
Не ты одинъ знакомъ съ народной долей,
Не ты одинъ желаешь ей добра;
И мнѣ извѣстны бѣдствія народа,
И я видалъ страданія людей;
Но не путемъ кроваваго возмездья
Я имъ желалъ свободу получить!
Все на землѣ свершается отъ Бога,
И потому намъ надобно просить
Его единаго, да призритъ Онъ надъ нами
И миромъ нашу жизнь благословитъ.
И я просилъ, и цѣлыми ночами
Я плакалъ и молился передъ Нимъ,
Чтобъ онъ народу благость возвратилъ.
И внялъ Господь моимъ мольбамъ грѣховнымъ,

И свѣтомъ правды умъ мой просвѣтилъ.
Не съ обагренными въ людской крови руками,
Не съ бою, не кровавымъ мятежемъ
Народу русскому достанется свобода,
Другимъ путемъ придетъ къ нему она.

РАЗИНЪ.

Другимъ путемъ? Такого я не знаю.

ПУСТЫННИКЪ.

Не знаешь ты, но вѣдаетъ народъ,
Который имъ давно уже идетъ.
То божій путь; его избралъ Христосъ,
Когда онъ шелъ на жертву искупленья
И перенесъ и брань, и заушенья,
И смѣхъ убійцъ, и казни всей позоръ,
И только къ Богу обращая взоръ,
Лишь отъ него надѣялся спасенья.
Тяжелый путь, но вѣрный и святой,
И имъ народъ своей достигнетъ цѣли.
Придетъ пора... пробьетъ урочный часъ...
И выйдетъ сѣятель.... На плодородной нивѣ
Его рукой посѣянная правда
Зазеленѣетъ быстро и взойдетъ,
И просвѣтленный разумомъ народъ
Сторицею ту жатву соберетъ.

РАЗИНЪ.

Кто соберетъ? Другіе, а не мы!
А намъ-то что-жъ останется на свѣтѣ?
Терпѣть, страдать, безмолвно покоряться,
Да послѣ пытокъ страшныхъ утѣшаться,
Что вотъ-молъ внукамъ нашимъ отдадутъ
Ту волю-мать, которая какъ воздухъ
Нужна для жизни, безъ которой люди
Равны скотамъ и даже хуже ихъ,
И даже хуже палачей своихъ!

ПУСТЫННИКЪ.

Такъ говоритъ безумно только тотъ,

Кого Господь не просвѣтилъ сознаньемъ
Премудрости Его великихъ дѣлъ.
Ты все твердишь о нуждахъ лишь одной
Частицы жалкой цѣлаго созданья;
Но ты забылъ, что были до тебя
И будутъ послѣ нашей краткой жизни
Мильоны жить; и что для пользы міра,
Извѣстной только одному Творцу,
Необходимо ровное теченье
И медленный, но безконечный ходъ,
Которымъ міръ къ спасенію идетъ.
Предъ этимъ ходомъ все должно склониться
И недоступной тайнѣ покориться,
И всѣ невзгоды въ жизни принимать
Какъ божій гнѣвъ, иль божью благодать,
Которыхъ пользу людямъ не понять,
Хотя она для нихъ необходима.
Подходитъ къ книгамъ и указываетъ на нихъ.
Прочти сказанья Вѣтхаго Завѣта,
Правдивыя творенія отцовъ,
Прочти и тѣ святыя изреченья,
Которыми Господь насъ воскресилъ,
Когда весь міръ, въ безвѣрьи утопая,
Въ страстяхъ звѣрей отраду находилъ;
Прочти не разъ, читай ихъ ежедневно,
Вникай, обдумывай, соображай,
И ты поймешь святое откровенье,
Которымъ Богъ мой разумъ просвѣтилъ. — Задумывается.
Любовь Творца къ творенью своему
Такъ велика и такъ неизмѣрима,
Что намъ ее ни съ чѣмъ нельзя сравнить,
И мы должны для общей пользы міра,
Въ которомъ каждый нужное звено,
Отъ себялюбія на вѣки отрѣшиться,
Терпѣть, страдать, да Господу молиться
И все принять, что Имъ намъ суждено.

РАЗИНЪ.

Кто старъ какъ ты, кто все ужъ пережилъ,
Тому легко себя словами тѣшить,
А молодцовъ, въ которыхъ жизнь кипитъ,
Ты не обманешь сказками; довольно

Объ этомъ толковать теперь со мной!
Ты научи премудрости своей
Сначала тѣхъ, кому тепло живется,
Когда-жъ они послушаютъ тебя
И образумятся, тогда и мы повѣримъ;
А на словахъ тебѣ не доказать,
Что мы одни должны за всѣхъ страдать.
Повѣрь, старикъ! когда къ тебѣ на грудь
Навалятъ тяжесть, такъ и ты не станешь
Лежать спокойно, утѣшаясь тѣмъ,
Что-молъ оно для пользы міра нужно,
Но будешь ты стараться объ одномъ:
Чтобъ какъ-нибудь ее скорѣе сбросить
И снова грудью полною вздохнуть.
На слово — словомъ, а на силу — силой
Одной всегда лишь должно отвѣчать,
А мнѣ ее пока не занимать,
Съ избыткомъ есть; и вѣрь, что топорами
Скорѣе можно справиться съ врагами,
Чѣмъ вашей старческою болтовней.

ПУСТЫННИКЪ.

Опомнись, звѣрь! Не затѣвай крамолы,
Не заводи усобицу и знай:
Благословенья Божьяго не будетъ
На дѣло мести, казней, да огня.

РАЗИНЪ.

Не будетъ—и не надо; обойдусь!
Я чую самъ, что съ этою ордою
Голодныхъ псовъ не устоять мнѣ долго
Противъ московскихъ грозныхъ воеводъ.
За то пока они за умъ возьмутся,
Да станутъ толковать, да соберутся,
Я заварю имъ кашу на Руси.
Русь велика: пускай меня поищутъ,
Пока найдутъ, успѣю нагуляться,
Успѣетъ и народъ со мной подняться,
И кое-что добудетъ для себя!
Скажи, старикъ, удастся-ль мнѣ добраться
До ихъ гнѣзда, до золотой Москвы?

ПУСТЫННИКЪ.

Въ Москвѣ ты будешь, и помостъ досчатый
На Красной площади построятъ для тебя,
Взведутъ, поклонишься, и голова твоя
Поднимется высоко надъ народомъ,
Поднятая рукою палача,
Но никому она страшна не будетъ;
И разсѣкутъ твое на части тѣло,
И разнесутъ по торжищамъ Москвы,
И псамъ поганымъ на съѣденье бросятъ!
А пастырь душъ, святѣйшій патріархъ,
По правиламъ святой вселенской церкви,
Анаѳемѣ предастъ тебя соборомъ
И мукамъ ада обречетъ тебя!

РАЗИНЪ.

Анаѳемѣ!.... И ты не лжешь, монахъ?

ПУСТЫННИКЪ.

Зачѣмъ мнѣ лгать. Я на душу грѣха
Великаго, какъ ложь, и брать не стану;
Узнаешь самъ, не долго ждать осталось....

РАЗИНЪ.

Когда-жъ?

ПУСТЫННИКЪ.

Не вѣдаю, извѣстенъ Богу срокъ.

РАЗИНЪ.

Не вѣдаешь.... не лжешь? Прощай, старикъ!
Ужъ спрашивать тебя не буду больше,
Сказалъ довольно, есть чѣмъ помянуть;
Припомню, коли сбудется; посмотримъ!
Ну, а пока не стану горевать!
Вѣдь все равно придется умирать,
За то успѣю вдоволь нагуляться....

ПУСТЫННИКЪ.

Молись, Степанъ, молись пока есть время!
Вѣдь много надо каяться тебѣ!

РАЗИНЪ.

Успѣю помолиться передъ смертью,
Тамъ, на Москвѣ, теперь же за меня
Я попрошу тебя хоть помолиться.
А мнѣ еще не время, — погожу,
И за одно ужъ Бога попрошу.

ПУСТЫННИКЪ.

Безумецъ дерзкій! Неужели ты
Не чувствуешь всей тяжести грѣховной
Твоихъ чрезмѣрныхъ и кровавыхъ дѣлъ?
Ты, лютый волкъ, потѣхи праздной ради
Ужаснымъ мукамъ предаешь людей.
Взгляни вокругъ! вонъ сколько грѣшныхъ душъ,
Тобой замученныхъ, тебя сопровождаютъ,
И вереницей длинной безъ конца
Повсюду тянутся во слѣдъ твоей оравѣ.
Взгляни на руки! вѣдь онѣ въ крови,
Которую не смыть водами міра,
То кровь дѣтей, младенцевъ неповинныхъ
Безъ жалости загубленныхъ тобой!
Исчадье сатаны! Антихристъ! Хуже
Ты злого пса, что въ бѣшенствѣ своемъ
Кусаетъ всѣхъ безъ всякаго разбора!
Ты хуже дьявола......

РАЗИНЪ — выхватывая саблю.

Такъ вотъ какъ! — Медленно ее опускаетъ. — Нѣтъ, живи!
Тебѣ и такъ немного жить осталось.
Хотя еще никто со мной доселѣ
Вести подобной рѣчи не дерзалъ,
Но правды доля есть въ твоихъ реченьяхъ,
И смѣло ты ее повѣдалъ мнѣ.
Прощай старикъ! И если только вѣсть
Къ тебѣ дойдетъ, что нѣтъ меня на свѣтѣ,
Что я пошелъ туда, гдѣ всѣмъ дорога...
Такъ помолись ты о моей душѣ...
И попроси ей милости у Бога...
И упокойною молитвой помяни. — Медленно уходитъ.

ПУСТЫННИКЪ.

О Господи! будь милостивъ надъ нами
И душу грѣшника помилуй и спаси!

Внутренность крестьянской избы. Посреди накрытъ длинный столъ, на которомъ богатая серебряная посуда перемѣшана съ простою деревянною. Въ массивныхъ серебряныхъ подсвѣчникахъ горятъ восковыя свѣчи; одна изъ нихъ прилѣплена къ деревянному блюду. Ясная, лунная ночь. Эсаулы ожидаютъ прибытія Разина, который уѣхалъ засвѣтло и велѣлъ ожидать себя къ ужину.

ЛАРИНЪ.

Гдѣ-жъ атаманъ? Пора бы и за столъ;
Повечерять давно приспѣло время.

КРАСУЛИНЪ.

Не вѣдаемъ. Вѣдь онъ не говоритъ;
Гдѣ весело, тамъ вѣрно и сидитъ.

ФРОЛЪ РАЗИНЪ.

Сказалъ, что будетъ, до заката, дома
И ждать велѣлъ.

ТОПОРОКЪ.

Куда же онъ уѣхалъ?

ФРОЛЪ РАЗИНЪ.

Ишь, больно прытокъ: хочешь все узнать!
Ты прослѣди, коль смѣлости найдется,
Иль самого спроси, когда вернется;
Авось, отвѣтитъ.

ТОПОРОКЪ.

Нѣтъ, нерòвенъ часъ!
Его спросить языкъ не повернется:
Своей отвѣтить можно головой!

ЛАРИНЪ.

Плохія шутки! Онъ подчасъ сердитъ;

То вдругъ помилуетъ, то безъ вины казнитъ.
Вотъ и вчера.... боярыню убилъ,
А дочь-красавицу не тронулъ — пощадилъ.

ТОПОРОКЪ.

Такъ не заѣхалъ ли теперь, ночной порой,
Потѣшиться съ красоткой молодой.

КРАСУЛИНЪ.

Нѣтъ, атаманъ женатъ; онъ этого не любитъ,
И бабы никогда не приголубитъ.
Лишь разъ одинъ персидская княжна
Приворожить его съумѣла:—полюбилъ!
А кончилъ тѣмъ, что въ Волгѣ утопилъ!

СЕМЕНОВЪ — смотритъ въ окно.

Пріѣхалъ! Отъ коня такъ паръ столбомъ и валитъ,
Должно быть, путь не малый проскакалъ.

Входитъ Разинъ.

РАЗИНЪ.

Оголодали? Ну, садись за столъ,
Да набивай голодныя утробы!

Идетъ къ столу и садится посрединѣ.

ТОПОРОКЪ — въ сторону.

Какой сердитый! Долго-ль до бѣды!
Держать востро теперь придется ухо!

Всѣ усаживаются за столъ. Казаки вносятъ и ставятъ на столъ деревянныя чашки со щами и кашей и большія серебряныя блюда съ кусками жаренаго мяса. Разинъ ничего не ѣстъ и сидитъ задумавшись; остальные молча ѣдятъ.

РАЗИНЪ.

Чтожъ пріумолкли? Съ похоронъ пришли?
Иль языковъ съ собой не захватили?

Къ Красулину, подставляя кубокъ.

Налей вина! Красулинъ наливаетъ. — Да наливай смѣлѣе! — Выпиваетъ залпомъ и задумывается. Входитъ ГОНЕЦЪ, кланяется въ поясъ и останавливается передъ столомъ.

РАЗИНЪ.

Откуда ты?

ГОНЕЦЪ.

Съ поклономъ, атаманъ,
Отъ эсаула Фролки Черноярца.
Велѣлъ тебѣ извѣстье передать,
Что мы въ субботу бились подъ Саранскомъ
И взяли городъ.

РАЗИНЪ.

Молодцы! Потомъ?

ГОНЕЦЪ.

Что было въ немъ подъячихъ да бояръ,
Всѣхъ порѣшили! Отдохнемъ немного
И двинемся потомъ на Алатырь;
Тамъ все готово къ нашему приходу.

РАЗИНЪ.

Такія вѣсти весело и слушать.
Садись за столъ, да наливай вина,
И осушай во здравіе до дна.

ГОНЕЦЪ — подходитъ къ столу, наливаетъ вина, кланяется и пьетъ. Садится.

Дай Богъ тебѣ здоровья, атаманъ!

РАЗИНЪ—въ раздумьи.

Экъ привязалась, подлая!... Шалишь!
Не испугаешь!... Эй, Кирилка, пѣсню!
Завѣтную! Про волю! Ну, живѣй!

КИРИЛКА — беретъ нѣсколько аккордовъ на торбанѣ, затѣмъ начинаетъ говоркомъ.

Было времячко, время давнее,
Время давнее, время славное;
На Руси жила воля-матушка;
Никого она не боялася,
И никто не смѣлъ обижать ее.
Какъ по сёламъ, по богатымъ городамъ
Безъ боязни всѣ расхаживали,

Передъ Юрьевымъ, предъ славнымъ вольнымъ днемъ,
От лихихъ бояръ да перехаживали,
Выбирали кто кого хотѣлъ
И служили кому вздумалось.
Не понравится — и не нудятся,
Годъ промаются, годъ потрудятся,
А придетъ пора — не останутся:
Волѣ-матушкѣ всякъ поклонится
И пойдетъ туда, куда хочется;
Было времячко, время вольное,
Время вольное, переходное.
Но пришла на волюшку невзгодушка,
Юрьевъ день у бѣдной воли отняли
И дѣтей ея, людей свободныхъ,
Въ кабалу по смерть боярамъ отдали.
Съ той поры лихой, воля-матушка,
Отъ бояръ ушла во дремучій лѣсъ,
Во сыромъ бору схоронилася,
Съ темной ноченькой породнилася.
Ходитъ по лѣсу, по глухимъ мѣстамъ,
Съ бурей грозною потѣшается,
Съ частымъ дождичкомъ по корнямъ стучитъ,
А въ осенній день, въ непогодушку,
Тянетъ пѣсенку про невзгодушку.
Или пò-полю съ вихремъ кружится,
Или пò-небу, съ вѣтромъ буйнымъ,
Тучи черныя разгонять учнетъ,
Не мѣшали бы, непроглядныя,
Красну солнышку свѣтить на землю.
А иной порой, залетитъ въ село,
Зашумитъ въ трубѣ, застучитъ въ окно,
И шепнетъ тому, кому надобно,
Кто на барщинѣ отъ работы мретъ:
«Аль забылъ меня крѣпостной народъ!
«Позови, смотри, коль понадоблюсь,
«Коль пора придетъ старый счетъ свести!»
Ходитъ много лѣтъ, не старѣется;
И давно ужъ ждетъ, не пришла-ль пора,
Не отыщется-ль богатырь какой,
И забытую, и заглохшую,
Пуститъ волюшку на крещеный свѣтъ.
И дождалася! Съ Дону тихаго,
Атаманъ Степанъ Тимоѳеевичъ,

Кривнулъ грозный кличъ! гаркнулъ съ посвистомъ!
И сошлись къ нему добры молодцы,
Слуги вѣрные воли-матушки!
А за ними вслѣдъ и сама она
Долго ждать себя не заставила!
Лишь заслышала — встрепенулася!
Птицей вольною обернулася!
Прилетѣла къ намъ, поселилася,
Добрымъ молодцамъ полюбилася!
Атаманъ ее принялъ съ почестью;
Погулялъ онъ съ ней, понатѣшился,
Перемолвился да условился,
Съ того времени, вмѣстѣ путь держать.
Гдѣ пройдетъ атаманъ, тамъ и волѣ быть!

Запѣваетъ.

Мы не воры, не разбойнички,
Атамановы работнички,
Атамановы работнички,
Эсауловы помощнички.
Мы весломъ махнемъ — корабли возьмемъ!

Всѣ, ударяя по столу.

Жги!
Кистенемъ махнемъ — караванъ собьемъ!

Всѣ.

Жги!
А ножемъ махнемъ — всѣхъ бояръ побьемъ!

Всѣ.

Жги!

Входитъ 2-й ГОНЕЦЪ.

РАЗИНЪ.

Тебѣ что надо?

ГОНЕЦЪ.

Присланъ!

РАЗИНЪ.

Отъ кого?

ГОНЕЦЪ.

Отъ Харитонова. Велѣлъ тебѣ сказать,
Что мы идемъ впередъ безъ промедленья;
Бояръ, какъ лукъ, безъ устали крошимъ

И вѣшаемъ подъячихъ по дорогамъ.
Крестьяне съ нами. Лишь одно село
Богатое, сотъ девять или восемь,
Просило атамана пощадить
Боярыню съ ея пятью дѣтьми.
За то, что, вишь, она крестьянъ любила,
Была добра, неправды не творила,
И обижать не дозволяла ихъ.

РАЗИНЪ.

Чтожъ эсаулъ?

ГОНЕЦЪ.

Сперва-было прикрикнулъ,
А послѣ, какъ увидѣлъ, что они
Взялись за колья, порѣшивши міромъ
Стоять на смерть за госпожу свою,
И призадумался. Изъ-за одной семьи
Не захотѣлъ чинить напрасно боя.
Онъ сбралъ кругъ, созвалъ и сельскихъ старостъ
И порѣшили вмѣстѣ, сообща,
Отъ міра выборныхъ послать къ тебѣ со мною,
Тебѣ поклонъ, да просьбу передать
И твоего рѣшенья ожидать.
Какъ приказать изволишь, такъ и сдѣлать.

РАЗИНЪ.

Они съ тобой?

ГОНЕЦЪ.

Со мною!

РАЗИНЪ.

Позови!

Входятъ пять человѣкъ выборныхъ и падаютъ на колѣни.

ВЫБОРНЫЕ.

Помилуй, батюшка, не дай ее обидѣть!
Она для насъ какъ мать для всѣхъ была!

РАЗИНЪ.

Что, жалко стало! Псы цѣпные! бабы!

Кто васъ не бьетъ, тому молиться рады!
Ну, за боярыню просить еще пригоже, —
А за дѣтей поручитесь вы тоже,
Что и они, какъ овцы, тихи будутъ,
И не замучатъ вашихъ же дѣтей?

ВЫБОРНЫЕ — нерѣшительно.

Малы еще. Что дастъ Господь, не знаемъ.

РАЗИНЪ.

Не знаете, а лѣзете просить;
Ну, я помилую для васъ, ужъ такъ и быть.

Къ гонцу.

Щенятъ ко дну, — а суку на осину!

Указываетъ на мужиковъ.

Да если только кто изъ нихъ дерзнетъ
Хоть слово пикнуть, — головы долой!
Иль вы обабились, да стали сердобольны!
Иль вамъ не любо! иль не веселитъ
Смотрѣть на корчи барскаго отродья!
Да если кто изъ васъ когда-нибудь
Хоть годовалаго ребенка пожалѣетъ,
Такъ я тому на шею, вмѣсто камня,
Ребенка привяжу — и брошу въ Волгу!
Пришла пора. Теперь вы сами баре!
Довольно слезъ и крови съ васъ собрали,
Довольно тѣшились, потѣшьтесь-ка и вы!
Жги! рѣжь! топи! сѣки! да вѣшай!
Не оставлять въ живыхъ ни одного!
Я съ корнемъ вырву племя дармоѣдовъ!
О! только-бъ мнѣ добраться до Москвы!
Я наводню ее боярской кровью,
Рѣкой залью! и на весельной лодкѣ
Подъѣду съ пѣсней къ Красному крыльцу;
Тогда оно не въ шутку будетъ краснымъ!
Земля вздрогнетъ и море всколыхнется,
И даже сводъ небесный пошатнется
Отъ моего веселья на Москвѣ!
Да, будутъ помнить! Вы-жъ, холопы, тѣшьтесь,
Пока я живъ, да тѣшусь среди васъ.
А безъ меня на васъ плоха надежда.
На васъ вѣдь стоитъ только громче крикнуть,

Такъ вы сейчасъ, какъ зайцы по кустамъ,
Стречка дадите! Нѣтъ! вамъ далекò
До вольныхъ казакòвъ, которымъ воля
Дороже жизни, которые, какъ вѣтеръ,
Гуляютъ тамъ, гдѣ можно разгуляться,
И въ кабалу охотой не пойдутъ!
Нѣтъ, казака лишь смерть одна, не люди,
Къ землѣ прикрѣпитъ! Да и то тогда,
Какъ рабъ, онъ рыть чужой земли не будетъ!
И даже мертвый воли не забудетъ!
И чорту душу — съ боя лишь отдастъ! — Встаетъ.
Довольно бражничать! Я спать хочу; ступайте!
Съ восходомъ солнца быть готовымъ въ путь. — Къ гонцу.
А ты, гонецъ, приказа не забудь! — Всѣ уходятъ.

РАЗИНЪ — одинъ, садится на скамью.

Экъ, привязалась! Лѣзетъ все на умъ
И не отгонишь; никогда со мной
Такого безпокойства не бывало. — Встаетъ и ходитъ.
Анаѳемѣ.... на площади казнятъ....
И голову поднимутъ.... и на части
Все тѣло разсѣкутъ, и псамъ поганымъ,
Какъ падаль лошадиную, дадутъ.
А чтожъ, пожалуй! чѣмъ не шутитъ дьяволъ!
Когда поймаютъ — милости не жди,
Потѣшатся.... Монахъ вѣдь врать не станетъ,
Ужъ въ гробъ глядитъ.... а много насказалъ,
Да складно такъ, должно быть въ правду знаетъ,
И впрямь, должно быть, Богъ ему открылъ. — Задумывается.
Постой-ка, я попробую другое:
Спрошу Ахмата, тотъ вѣдь съ сатаной
Ведетъ знакомство; кстати, не мѣшаетъ
И сатану ужъ за одно спросить.
Ахматъ колдунъ извѣстности не малой
И никогда не вралъ до сей поры.
Вонъ, хоть Сережкѣ [1]), тотъ тогда надъ нимъ
И посмѣялся, не хотѣлъ повѣрить,
А умеръ такъ, какъ предсказалъ Ахматъ.
Эй, кто тамъ есть! Входитъ казакъ. Ступай и позови
Ко мнѣ Ахмата стараго. Ты знаешь?

---

[1]) Сережка Кривой, товарищъ и сподвижникъ Разина, убитый во время нападенія на трухменскіе улусы.

КАЗАКЪ.

Какъ мнѣ не знать, Ахмата знаютъ всѣ!
Онъ и меня въ три дня здоровымъ сдѣлалъ,
Когда ужъ я не чаялъ больше жить.

РАЗИНЪ.

Такъ позови скорѣй, чтобы не мѣшкалъ,
Чтобъ бросилъ все и шелъ сейчасъ ко мнѣ! — *Казакъ уходитъ.*
Попробую, посмотримъ, что̀ онъ скажетъ,
Повѣримъ-ка монашескую рѣчь. — *Подходитъ къ окну.*
Какая ночь, и сколько звѣздъ на небѣ,
Какъ славно свѣтятъ! Правду-ль говорятъ,
Что души праведныхъ на каждой обитаютъ
И въ вѣчной радости живутъ теперь на нихъ....
Все можетъ быть; не съ тѣмъ вѣдь зажжены,
Чтобъ тѣшить глазъ въ безсонницу ночную....
Вотъ ужъ моей душѣ такъ тамъ не быть;
Другое мѣсто поискать придется,
Когда въ Москвѣ со мною порѣшатъ.
Опять все тоже!... *Задумывается.* Волю отъ другого
Народъ получитъ.... Какъ хитро̀ сказалъ....
А мнѣ — проклятье, плаха, да топоръ,
Да псамъ поганымъ на съѣденье бросятъ.
Э, все равно! Хоть псы добромъ помянутъ!
Пусть лучше жрутъ, чѣмъ истлѣвать въ землѣ.
Входитъ Ахматъ.
Здорово, старый дьяволъ!

АХМАТЪ.

Здорово, атаманъ! А я ужъ думалъ,
Не приключилась ли хворобушка тебѣ.

РАЗИНЪ.

Хвороба! Дудки! Молода еще!
Ко мнѣ и подступиться не посмѣетъ!

АХМАТЪ.

Такъ чтожъ тебѣ угодно, атаманъ?

РАЗИНЪ.

А вотъ узнаешь. Захотѣлось мнѣ
Спросить тебя о томъ, чему не вѣрю,
Но что сегодня посулили мнѣ.
Вѣдь ты колдунъ, ты знаешься съ нечистымъ.
И можешь много приказать ему....
А потому скажи, ка́къ я умру?

АХМАТЪ.

Ну, атаманъ, худое ты задумалъ.
Зачѣмъ тебѣ пришла охота знать
Свою судьбу? Придетъ пора, узнаешь;
Вѣдь смерти никому не миновать.

РАЗИНЪ.

Ты не виляй хвостомъ, собачій сынъ!
А говори: не можешь или можешь
Отвѣтить мнѣ на мой прямой вопросъ.

АХМАТЪ.

Охъ, трудно очень, не могу, боюсь!

РАЗИНЪ.

Не можешь ты, такъ позову другихъ,
Вѣдь васъ не мало шляется со мною.

АХМАТЪ.

Нѣтъ, атаманъ, чего я не смогу,
То никому изъ нашихъ не подъ силу.
Но дѣлать нечего, ужъ если ты рѣшился,
Попробую, авось отвѣтятъ мнѣ. — Подходитъ къ окну и смотритъ на звѣзды.
Сказать нельзя, а показать могу;
Но только не совѣтую тревожить
Его теперь,—онъ страшенъ въ этотъ часъ,
И въ полнолунье трудно съ нимъ поладить.

РАЗИНЪ.

А можно?

АХМАТЪ.

Попытаюсь, но не знаю
Удастся-ли. Сегодня день не нашъ.

Чертитъ около себя кругъ, ставитъ табуретъ, кладетъ на серебрянное блюдо травы, зажигаетъ ихъ, и творитъ заклинанія. Разинъ внимательно смотритъ. Кончивъ заклинанія, Ахматъ прислушивается.

АХМАТЪ.

Возможность есть, но страшно, — недалеко
И до бѣды, сердитъ сегодня *онъ*.

Беретъ чашку, наливаетъ въ нее воду и ставитъ чашку посреди круга такъ, что свѣтъ луны падаетъ прямо на нее, затѣмъ шепчетъ на воду, и ставитъ рядомъ другой табуретъ.

Садись сюда, надъ чашкой наклонись,
И прямо въ воду, не спуская глазъ,
Смотри, и ни о чемъ тогда не думай.
Но помни, если я скажу: довольно!
Такъ ты сейчасъ же чашку оттолкни
И выбѣгай скорѣе вонъ изъ круга,—
А то бѣда! Садись, не мѣшкай, худо,
Когда *его* заставишь долго ждать.

РАЗИНЪ.

А долго мнѣ смотрѣть туда придется?

АХМАТЪ.

Не вѣдаю; зависитъ не отъ насъ.

Разинъ садится, подпираетъ голову руками и смотритъ въ чашку; Ахматъ садится недалеко отъ него и, наливъ другую чашку водой, также смотритъ туда и шепчетъ заклинанія. Проходитъ нѣсколько минутъ. Вдругъ Разинъ вскакиваетъ и отталкиваетъ чашку.

РАЗИНЪ.

Прочь, сатана, меня не обморочишь! — Подходитъ къ Ахмату.
Бѣги скорѣй, бѣги покуда живъ! — Ахматъ убѣгаетъ.
И этотъ тоже! будто сговорились!
Колдунъ проклятый! Давеча монахъ
Меня смутилъ нелѣпымъ предсказаньемъ,
Теперь опять! Ходитъ. Все пустяки! вранье!
Не испугать имъ сказками Степана!
Одинъ совсѣмъ ужъ выжилъ изъ ума,

Другой!.. Другой!.. Но, впрочемъ, я вѣдь самъ,
Своими же глазами ясно видѣлъ;
Не померещилось же мнѣ, вѣдь я не пьянъ,
И не заснулъ, и не успѣлъ забыться. — Ходитъ.
Такъ ясно все свершилось предо мной;
И помню все; — на этомъ самомъ мѣстѣ
Я въ воду долго пристально глядѣлъ,
И ничего на днѣ ея не видѣлъ,
Кромѣ лица знакомаго мнѣ съ дѣтства,
Кромѣ своей удáлой головы.
Потомъ... потомъ топоръ огромный,
Невидимою пóднятый рукой,
Вдругъ опустился разомъ надо мной,
И голова отъ тѣла отдѣлилась
И покатилася куда-то далекó,
И кровь струею брызнула изъ шеи. — Останавливается.
Колдунъ проклятый! Но когда такъ ясно
Онъ показать мнѣ могъ мою судьбу,
Такъ и ему она извѣстна тоже. — Думаетъ.
Онъ долженъ знать, — ему извѣстно все,
Не даромъ онъ сидѣлъ со мною рядомъ
И въ воду также, какъ и я, глядѣлъ...
А можетъ быть извѣстно и другимъ...
Нѣтъ! этого оставить такъ нельзя!
Вѣдь если хоть одинъ изъ нихъ сболтнетъ,
И разнесется вѣсть въ толпѣ трусливой,
Тогда!.. О, нѣтъ, никто не долженъ знать!
Никто, никто! Эй! кто тутъ есть? сюда! — Входитъ казакъ.
Бѣги скорѣй къ Красулину Петру
И передай, чтобъ онъ сію минуту
Велѣлъ собрать всѣхъ колдуновъ, что есть
Теперь при войскѣ, также всѣхъ колдуній,
И знахарей, чтобъ заперъ ихъ въ избу
И, взявъ у мужиковъ страстныя свѣчи,
Вдругъ, запалилъ ее со всѣхъ сторонъ!
Ахмата тоже! прежде всѣхъ его
Къ себѣ позвать, и тотчасъ же на морду
Надѣть повязку, чтобы онъ ни слова
Не могъ сказать; повязку сдѣлать нá-крестъ,
Да непремѣнно нá-крестъ, — неипáче!
Ты понялъ?

КАЗАКЪ.

Какъ, и самого Ахмата?

РАЗИНЪ.

Его и всѣхъ! Бѣги! И приходи
Когда мою исполнятъ точно волю. — Казакъ уходитъ.
Такъ поспокойнѣй будетъ; не смутятъ
Они народа глупымъ предсказаньемъ,
И вѣсти страшной не распустятъ въ немъ...
Пусть унесутъ съ собою все, что знаютъ.—Ходитъ.
Хоть говорятъ, что можетъ изъ могилы
Вставать колдунъ и возмущать порою
Спокойствіе людей въ полночный часъ;
Но кто сожженъ, тотъ встать уже не можетъ,
И передъ страшной силою огня
И вражья сила ничего не сможетъ. — Подходитъ къ окну.
Посмотримъ: скоро-ль зарево пожара
Докажетъ мнѣ, что ихъ уже не стало,
Что приказанье понято мое.

КАРТИНА ШЕСТАЯ.

Усадьба князя Долгорукаго, Воронки. Справа боярскія хоромы, слѣва — службы; въ углубленіи — главныя ворота, а надъ ними вышка, на которой стоитъ часовой. По двору проходятъ нѣсколько человѣкъ дворовыхъ, съ ними сѣдой старикъ, дворецкій Спиридонъ.

1-й — второму.

Ты не слыхалъ, далеко или близко?

2-й.

А чортъ ихъ знаетъ! Правды не узнать!

3-й.

Какъ подойдетъ, тогда увидимъ сами.

1-й.

А только долго намъ не устоять!

Какъ пѣтуха подпустятъ, да займется,
Тогда одно намъ выбирать придется,
Отъ пули лечь, иль отъ огня сгорѣть.

3-й.

Или двойною смертью умереть.

СПИРИДОНЪ.

Холопья рѣчь! О томъ не намъ забота!
О томъ боярамъ дѣло разсуждать,
А мы должны своими головами
За ихъ добро какъ за себя, стоять.
И гдѣ прикажутъ, тамъ и умирать.

ЧАСОВОЙ — кричитъ съ вышки.

Бояринъ, князь Андрей Петровичъ Сицкій!
Съ дружиною,—прикажешь пропустить?

СПИРИДОНЪ.

Конечно, олухъ! Отворить ворота!
Вотъ намъ и помощь! А за нимъ еще
Другіе понаѣдутъ; отсидимся,
Пока на помощь войско подойдетъ.
Уходитъ въ покои.

1-й — въ полголоса.

И съ войскомъ вы не долго устоите,
Когда придетъ нашъ батюшка родной.

Слуги отворяютъ ворота. На дворъ въѣзжаютъ на коняхъ князь Сицкій съ женою, съ дѣтьми, съ дружиною боярскихъ дѣтей и нѣсколькими слугами, послѣдніе держатъ на рукахъ разныя вещи. Изъ дома выходитъ князь Долгорукій.

ДОЛГОРУКІЙ.

Поклонъ сердечный дорогому гостю!
Благодарю за сдѣланную честь.

СИЦКІЙ — слѣзаетъ съ лошади и кланяется.

Прими и мой поклонъ тебѣ сердечный,
Мой старый другъ! Здоровы-ли твои?

ДОЛГОРУКІЙ.

Здоровы всѣ.—Обнимаются и цѣлуются. Къ княгинѣ.
Поклонъ тебѣ, княгиня Парасковья! Кланяется.
Сойди, голубушка, да поднимись на верхъ;
Тамъ для тебя съ утра ужъ все готово. — Снимаетъ ее съ лошади.
Умаялась? Не плачь моя родная,
Не сокрушайся духомъ. Покорись
Ты волѣ Господа, и со смиреньемъ
Перенеси ниспосланное Имъ.
Эй, бабы! Вы боярыню возьмите
И бережно подъ ручки отведите
Въ опочивальню вашей госпожи.

Двѣ женщины уводятъ подъ руки Сицкую, которая плачетъ и молча кланяется Долгорукому.

ДОЛГОРУКІЙ.

Давай сюда и молодцовъ твоихъ;
Раненько имъ еще верхами ѣздить;
Устали, чай, дорога не близка.
Снимаетъ 3-хъ дѣтей.
Ѳадѣевна, бери ихъ поскорѣе,
Да отнеси къ боярынѣ на верхъ,
Пусть ихъ накормитъ, спать скорѣй уложитъ
И позаботится какъ о родныхъ дѣтяхъ.
Дѣтей уносятъ.

СИЦКІЙ.

Спасибо, князь, за ласку и привѣтъ.
Да наградитъ тебя Господь сторицей
За доброту достойную твою.

ДОЛГОРУКІЙ.

Пустое, князь! И ты бы сдѣлалъ то же,
Когда Господь меня бы покаралъ.
Теперь у насъ пойдетъ спорѣе дѣло:
Вонъ сколько къ намъ прибыло молодцовъ.
Что-жъ вы сидите, гости дорогіе,
Слѣзайте, въ домъ пожалуйте ко мнѣ
И закусите чѣмъ-нибудь съ дороги.
Эй, Спиридонъ! распорядись проворнѣй,

Накрой на столъ, да принеси медку
И присмотри, чтобъ былъ во всемъ достатокъ.
Прошу покорно. Прежде отдохните,
А послѣ обо всемъ поговоримъ.

Всѣ слѣзаютъ съ лошадей.

ГОЛОСА.

Спасибо, князь! За ласковый пріемъ,
Мы службой вѣрной отплатить съумѣемъ,
И постоимъ за вотчину твою.

Уходятъ.

ДОЛГОРУКІЙ.

Ты, Ѳиногенъ, накормишь вѣрныхъ слугъ,
Да отбери отъ нихъ пожитки княжьи
И отнеси къ бояринѣ въ покой.

Слуги уходятъ.

ДОЛГОРУКІЙ.

А мы съ тобой, коль не усталъ, бояринъ,
Присядемъ здѣсь, отвѣдаемъ медку,
И не теряя время дорогое
О всемъ, какъ слѣдуетъ, поговоримъ.
Ей, Пострѣленокъ! нацѣди стопу,
Да принеси намъ пару фряжскихъ кубковъ
И коровай на кухнѣ захвати. — Къ Сицкому.
Ты выпьешь, князь?

СИЦКІЙ.

И спрашивать не нужно:
Къ твоимъ медамъ всегда охота есть.

Садятся на скамейку у крыльца.

ДОЛГОРУКІЙ.

Тяжелое отъ Бога испытанье
Ты въ эту ночь, бояринъ, перенесъ,
Пожаръ опасенъ, но въ ночное время
Онъ хуже всякаго нашествія врага,
И велій страхъ вселится въ человѣка,
Когда огонь его нарушитъ сонъ.

СИЦКІЙ.

Сгорѣло все. Должно быть Божья воля.

ДОЛГОРУКІЙ.

А можетъ быть и умыселъ лихой!

СИЦКІЙ.

Все можетъ быть! Вчера, въ ночную пору,
Вдругъ загорѣлось на льпяномъ дворѣ;
За нимъ гумно, сараи, сѣновалы
И охватило разомъ все огнемъ.
Былъ сильный вѣтеръ; люди очумѣли
Внезапно пробужденные отъ сна,
Пока одумались, да взялись за работу,
Успѣло все добро мое сгорѣть.
Спасли семью, спасли вещей немного,
Да вывести успѣли лошадей,
А остальное все до тла сгорѣло.
Сначала я подумалъ, что злодѣи
Напали на меня въ полночный часъ;
Но нѣтъ, вокругъ далéко было тихо,
И я враговъ нигдѣ не замѣчалъ.
Настало утро; собрались мы въ полѣ
И стали думать, чтó намъ предпринять.
Отстроить вновь, на то вѣдь нужно время,
А на пожарищѣ не долго устоять
Отъ хищныхъ полчищъ дерзкаго злодѣя,
Которыхъ надо скоро ожидать.
Не знали, что и дѣлать, да спасибо,
Насъ выручилъ твой милостивый зовъ.

Слуги приносятъ стопу съ медомъ, два кубка и коровай, которые и ставятъ передъ боярами на столъ.

ДОЛГОРУКІЙ — наливая кубки.

Прошу, бояринъ, выкушай медку,
Да закуси вотъ этимъ короваемъ,
Который прямо съ пылу принесенъ.

СИЦКІЙ — пьетъ и закусываетъ.

Спасибо, князь! Съумѣю вѣрной службой
За доброту твою я отплатить.

ДОЛГОРУКІЙ.

Вдвоемъ сильнѣй. Съ твоими молодцами
Мы смѣло встрѣтимъ дерзкаго врага.

СИЦКІЙ.

Довольны будутъ. Я холоповъ не взялъ;
На нихъ надежда намъ теперь плоха.
Пока молчатъ, а кто за нихъ порукой,
Что въ часъ удобный насъ не продадутъ.
Примѣровъ много. Слышалъ ты, бояринъ,
Что князя Лыкова замучили свои?

ДОЛГОРУКІЙ.

Слыхалъ, слыхалъ! Да помянетъ Господь
Его во царствіи своемъ небесномъ.
Оба снимаютъ шапки и крестятся.
И у меня на дняхъ бѣжало трое;
Не доглядѣли. Жалко, что ушли,
А то бы я надъ ихъ холопьей шкурой
Ужъ показалъ бы остальнымъ примѣръ.
Забыли бы не скоро!
По двору проходятъ два юродивыхъ, оба въ монашескихъ рясахъ, подпоясанныхъ веревками.

ДОЛГОРУКІЙ — къ одному изъ нихъ.

А, блаженный!
Давно-ль пожаловалъ? Да кто это съ тобой?

СИЦКІЙ.

Блаженный Юрій шелъ все время съ нами,
А на дорогѣ и другой присталъ.

ДОЛГОРУКІЙ.

Другого я не видывалъ доселѣ;
Теперь нельзя повсюду ихъ пускать.

СИЦКІЙ.

Объ этомъ не заботься: Парасковья
Ихъ знаетъ всѣхъ, и толковала съ нимъ,

И увѣряетъ, что его признала.
Ты помнишь, князь, за Шавкинымъ оврагомъ
Отшельникъ жилъ слѣпой, а съ нимъ подвижникъ,
Который ей извѣстенъ былъ давно.
Вотъ это онъ и есть; отшельникъ умеръ,
А онъ, покинувъ прежнее житье,
Юродствовать во славу божью началъ;
Да вѣроятно и у насъ бывалъ.

ДОЛГОРУКІЙ.

Ну, коли онъ бояринѣ извѣстенъ,
Пускай живетъ. Къ юродивому. А какъ тебя зовутъ?

ЮРОДИВЫЙ.

Звали въ мірѣ Ѳомой, а теперь я на всякое имя христіанское откликаюсь. Много именъ, много и грѣшниковъ; за каждаго молиться надо. Здравствуй бояринъ, большой человѣкъ! Многаго не задумывай, Богу молись!—Кланяется.

ДОЛГОРУКІЙ.

Ступайте въ горницу, прилягьте, отдохните,
Да на молитвѣ вспомните о насъ.
Юродивые уходятъ въ боярскіе покои.

ДОЛГОРУКІЙ.

Не разузналъ ли ты, путемъ, бояринъ
Далеко ли отъ насъ теперь злодѣй?

СИЦКІЙ.

Навѣрное не знаю, ходятъ слухи
Что недалéко, а узнать нельзя:
Кругомъ мятежъ, и много шаекъ бродитъ,
И не легко о нихъ разузнавать.

ДОЛГОРУКІЙ.

Я получилъ цидулку изъ Москвы
Отъ сына, Юрія,—онъ выбранъ воеводой
И къ войску выѣхалъ на Судогду вчера,—
Онъ пишетъ мнѣ, чтобъ были мы спокойны,

Что скоро онъ нагрянетъ на врага
И разобьетъ его, и овладѣетъ
Мятежникомъ безумнымъ, и живьемъ
Его въ Москву, какъ звѣря, предоставитъ:
Ты знаешь, князь, что сынъ мой на Литвѣ
Повѣсилъ брата этого злодѣя;
Ну, такъ и этому теперь не миновать
Такого же полезнаго примѣра,
Который слѣдуетъ холопамъ показать.
Еще онъ пишетъ, что великій царь
Освѣдомлялся о моемъ здоровьи,
И повелѣлъ въ письмѣ мнѣ передать,
Что онъ зоветъ меня въ Москву, съ семьею,
И что теперь въ столь тяжкій, трудный часъ
Я нуженъ тамъ для пользы и совѣта...

Снимаетъ шапку.

Благодареніе глубокое мое
Царю великому за дорогую память,
Да за заботу о своемъ слугѣ!

Надѣваетъ шапку.

Но только я отсюда не уѣду
И ужъ скорѣе самъ себя убью,
Чѣмъ въ трудный часъ оставлю безъ защиты,
Наслѣдье предковъ — вотчину свою.

СИЦКІЙ.

И я бы не оставилъ; но Господь
Судилъ иначе, и теперь осталось
Перенести ниспосланное Имъ.

ДОЛГОРУКІЙ.

Съумѣемъ, князь, мы отсидѣться здѣсь
И дать отпоръ безумному народу,
Который смѣлъ возстать на насъ теперь.
Пускай они своей холопской кровью
Питаютъ наши тучныя поля.
Придетъ пора и снова возвратятся
Порядки старые, и дѣти станутъ жать
То, что взойдетъ на нивѣ плодородной,
Удобренной тѣлами ихъ отцевъ.

СИЦКІЙ.

То время будетъ. Но пока иная

Пришла пора, и льется наша кровь
Отъ казней разъяреннаго народа.

ДОЛГОРУКІЙ.

Пора тяжелая. Поволжскій край
Охваченъ весь безумнымъ мятежемъ
И перешелъ на сторону злодѣя.
Дай Богъ скорѣй лишь войску государя
Въ открытомъ полѣ встрѣтиться съ врагомъ
И порѣшить однимъ ударомъ съ тѣми,
Кто взбунтовалъ безсмысленныхъ рабовъ.

СИЦКІЙ.

Скорѣй бы шли. Но если суждено
Погибнуть намъ не отъ руки злодѣя,—
Погибнетъ наша кровная семья.
Мы не дадимъ холопамъ разъяреннымъ
На поруганье женъ и дочерей.
Своей рукой мы ихъ убьемъ, бояринъ!
И наши окровавленные трупы
Цѣной не легкой отдадимъ врагамъ!

ДОЛГОРУКІЙ — жметъ ему руку.

Спасибо, князь! И я объ этомъ думалъ,
И сдѣляю, когда нашъ часъ пробьетъ.
Замѣтя конюшаго Тимоѳея, который проходитъ мимо нихъ по двору.
Что скажешь намъ хорошаго, Тимоша?

ТИМОѲЕЙ.

Ходилъ кругомъ, осматривалъ запоры:
Въ порядкѣ всѣ, ихъ стража бережетъ,
И не легко врагу до нихъ добраться.

ДОЛГОРУКІЙ.

Вотъ этакихъ бы намъ побольше слугъ.
Я на него, какъ на себя надѣюсь,
И дѣло важное ему препоручилъ.
Что, князь, усталъ?

СИЦКІЙ — протирая глаза.

Да, такъ ко сну и клонитъ:
Съ полуночи все время на ногахъ.

ДОЛГОРУКІЙ.

Такъ отдохни: успѣемъ сговориться;
Вѣдь не сейчасъ нагрянутъ къ намъ враги:
Успѣемъ приготовиться. Ермолка,
Холопъ мой вѣрный, посланъ мной съ утра
Развѣдывать о вражьемъ появленьи,
И впору насъ успѣетъ упредить.
Вѣдь къ намъ въ усадьбу лишь одна дорога
Отъ Докучаева, а тамъ не обойдутъ: — указываетъ рукою на заднiе дворы.
Тамъ крутизна и узкою тропинкой
Гуськомъ, взбираться можно лишь по ней.
Пускай пойдутъ: тамъ вѣрный Тимоѳей
Однимъ бревномъ ихъ сотни передавитъ.

СИЦКІЙ — встаетъ.

Ну, коли такъ, ужъ извини, бояринъ:
Едва стою, совсѣмъ не держатъ ноги
И на лежанку просятся давно.

ДОЛГОРУКІЙ.

Пойдемъ со мною; отдохни съ дороги,
А послѣ потолкуемъ обо всемъ
И пообсудимъ мѣры обороны
На случай появленія враговъ.

Уходятъ въ покои.

ТИМОѲЕЙ — садится на завалинку.

Надѣйся на Тимошу! ошибешься!
Дай подойти лишь казакáмъ сюда:
Увидишь самъ, какъ мы тебѣ послужимъ.
Эхъ, простъ ты, князь, хоть сѣдиной покрытъ:
Не тѣмъ путемъ ты вѣрныхъ слугъ добылъ.
Ты думаешь, что я къ тебѣ привязанъ,
Что я готовъ костьми лечь за тебя,
За что же это? Не за то ли, полно,

Что ты замучилъ старика-отца,
Что наругался ты и опорочилъ
На цѣлый вѣкъ мою родную мать,
Что твой сынокъ, еще щенкомъ паршивымъ,
Мою невѣсту въ горницу сманилъ
И съ нею тѣшился. Когда-жъ она пріѣлась,
Такъ ты меня на ней тогда женилъ,
И самъ на свадьбѣ пировалъ со мною,
И я-жъ тебя за честь благодарилъ!
Я вынесъ все, я цѣловалъ вамъ руки
И въ ноги кланялся, предъ силою смирясь;
Но затаилъ въ душѣ я тѣ обиды
И ни одной изъ нихъ не позабылъ!
И ты меня за ласковость мою,
За преданность, своимъ конюшимъ сдѣлалъ,
И наградилъ довѣріемъ своимъ,
И убѣжденъ въ моей къ тебѣ пріязни.
Ошибся, князь! Не долго ждать осталось:
Настанетъ день и вѣрный Тимоѳей
Потѣшится надъ головой твоей
И отомститъ тебѣ за все былое,
За все, что онъ отъ васъ перетерпѣлъ!

Задумывается.

Вотъ, братъ не выдержалъ боярскаго привѣта:
Ушелъ къ татарамъ. Гдѣ-то онъ теперь?
Добрался ли до Дона, иль поймали
И въ ямѣ страшной гдѣ-нибудь сидитъ.

Изъ покоевъ, озираясь и оглядываясь, выходитъ 2-й юродивый.

ТИМОѲЕЙ.

Откуда ты, блаженный, появился,
Какимъ путемъ пожаловалъ сюда?

ЮРОДИВЫЙ.

Былъ близко, былъ далеко; угодникамъ молился, да не знаю за кого. За однихъ помолишься — другіе отколотятъ, а за обоихъ и Богъ молиться не велѣлъ.

ТИМОѲЕЙ.

И за меня, блаженный, помолися!

ЮРОДИВЫЙ.

А какъ тебя по-христіански звать?

ТИМОѲЕЙ.

Звать Тимоѳеемъ.

ЮРОДИВЫЙ.

По отцу Петромъ,
А мать Анисьею?

ТИМОѲЕЙ.

Тебѣ отколь извѣстно?

ЮРОДИВЫЙ — поддразнивая.

А званіемъ конюшій потому,
Что вѣдь съ родни боярину придешься.

ТИМОѲЕЙ.

Почемъ ты знаешь? Или божьимъ даромъ
Прошедшее открыто предъ тобой?

ЮРОДИВЫЙ.

Откуда знаю? Только не отъ Бога,
А отъ людей; отъ брата твоего,
Отъ эсаула Ѳедора Яранца.

ТИМОѲЕЙ.

Ты знаешь брата?

ЮРОДИВЫЙ.

Какъ его не знать!
Еще вчера бесѣдовалъ со мною;
Послалъ сюда, велѣлъ тебя сыскать
И кой о чемъ потолковать съ тобою.

ТИМОѲЕЙ — оглядываясь.

Тсс... замолчи! Здѣсь говорить нельзя:
Подслушать могутъ. Сядемъ тамъ, подальше.

Отходятъ и садятся на бревна около глухой стѣны длиннаго амбара.

ТИМОѲЕЙ.

Ну, что мой братъ, здоровъ ли онъ родимый?

ЮРОДИВЫЙ.

Здоровъ, здоровъ. Позвалъ меня къ себѣ
И говоритъ:—Послушайка, Еремка,
Нашъ атаманъ идетъ па Воронки
Должокъ старинный получить отъ князя;
Но до него добраться не легко:
Онъ, говорятъ, собралъ себѣ дружину
И крѣпко съ ней засѣлъ въ своей норѣ,
А долго съ нимъ возиться намъ не время,
Такъ ты ступай и ухитрись пробраться
Къ нему во дворъ; хоть тамъ ты не бывалъ,
Но способы найдешь, коли захочешь.
Тамъ есть у нихъ конюшій, Тимоѳей:
Ты передай ему поклонъ отъ брата,
Отъ Ѳедора Яранца, и скажи,
Что я здоровъ, что время наступило...
И если ретивое не забыло
Про все, что въ жизни вытерпѣть пришлось,
Такъ пусть онъ насъ впустить во дворъ съумѣетъ
И родъ боярскій выдастъ головой.

ТИМОѲЕЙ.

Да какъ-же ты сюда-то къ намъ пробрался?

ЮРОДИВЫЙ.

Облекся я въ монашескую рясу,
А въ ней вѣдь людямъ пропускъ есть вездѣ,
Да и пошелъ, дорогой обсуждая,
Какимъ путемъ въ усадьбу къ вамъ попасть.
И долго шелъ. Вдругъ вижу, на дорогѣ,
Остановился роздыхомъ отрядъ
Дѣтей боярскихъ; тотчасъ я смекнулъ,
Прикинулся юродивымъ и смѣло
Къ нимъ подошелъ. И вижу, па коврѣ
Сидитъ княгиня Сицкая, а съ нею
Блаженный Юрка; я не оробѣлъ
И прямо обратясь къ княгинѣ, началъ
Ей говорить блаженныя слова.
Она меня выслушивала молча,
Но вглядывалась пристально въ лицо
И наконецъ спросила, что не я ли

Подвижникъ тотъ, который проживалъ
На Шавкиномъ оврагѣ въ Чернолѣсьи
Съ пустынникомъ, блаженнымъ Досиѳеемъ.
Я отвѣчалъ намеками; тогда
Меня княгиня накормить велѣла.
Когда же снова двинулся отрядъ,
То я пошелъ за нимъ съ блаженнымъ Юркой
И къ вамъ пробрался цѣлъ и невредимъ.
Ну, что, повѣрилъ?

ТИМОѲЕЙ.

Вѣрю! Ай да парень!
Такъ братъ мой живъ и вольнымъ эсауломъ
Онъ въ войскѣ Разина, и будетъ съ нимъ сюда?
Постой, постой! Ажъ захватило духъ
Отъ этихъ словъ. Настанетъ же минута...

ЮРОДИВЫЙ — перебивая.

Нельзя намъ мѣшкать, наши недалéко,
Теперь, я думаю, до лѣса добрались,
И скоро будутъ. Надо поразмыслить
И какъ-нибудь сюда ихъ пропустить.

ТИМОѲЕЙ.

Постой... сейчасъ! Вонъ тамъ, за сѣноваломъ,
Въ стѣнѣ глухой есть потайная дверь,
Черезъ нее на рѣку за водою
Мы по крутой спускаемся горѣ.
А вотъ и ключъ, возьми, иди туда
И спрячься такъ, чтобы не быть открытымъ.
Когда мой братъ съ своими подойдетъ,
Такъ всѣ бояре будутъ въ этомъ мѣстѣ, —
Указываетъ на стѣну у воротъ.
А я ту гору долженъ охранять,
И не пускать враговъ по ней взобраться.
Я буду тамъ, я вашихъ пропущу,
Когда-жъ они до двери доберутся,
Ты отвори — и мы къ своимъ примкнемъ
И учинимъ желѣзсмъ да огнемъ
Правдивый судъ надъ родомъ ненавистнымъ. — Встаетъ.
Ступай, скорѣй! Идутъ! Не попадись!

Скорѣй, скорѣй!

Юродивый поспѣшно уходитъ. По двору проходятъ пятеро слугъ.

Кому идти на вышку?

ПЕРВЫЙ.

Чередъ-то мнѣ, да я вѣдь не гожусь:
Я плохо вижу и не разсмотрю,
Пока людей подъ носомъ не примѣчу.

ТИМОѲЕЙ — въ полголоса.

Оно и лучше. Нечего болтать!—Къ первому.
Лѣнивъ, такъ сталъ на слѣпоту ссылаться.
Пойдемъ, пойдемъ. Отъ службы не уйдешь,
А проглядишь, такъ головой отвѣтишь.

Уходитъ съ очереднымъ на вышку; остальные собираются въ кучку у амбара и говорятъ вполголоса.

ПЕРВЫЙ.

Терпи, ребята! Онъ ужъ не далече;
Коль не сегодня — завтра налетитъ.

ВТОРОЙ.

А ты откуда знаешь?

ПЕРВЫЙ.

Вотъ оно!
Послушайте! Сегодня мы съ Кузьмой
Пошли купаться, да идя дорогой
Заспорили, кому изъ насъ двоихъ
Удастся рѣку переплыть скорѣе.
Попробовали; обогналъ Кузьма,
Потомъ въ лѣсную чащу забралися,
Да разлеглись на матушкѣ-землѣ
И стали толковать между собою.
Вдругъ слышимъ трескъ. Мы испугались сильно,
Подумали, не лѣзетъ ли медвѣдь,
И ужъ хотѣли дать скорѣе тягу,
Какъ услыхали голосъ, а затѣмъ
И человѣкъ изъ-за кустовъ къ намъ вышелъ;
Одѣтъ монахомъ, съ виду хоть старикъ,
Но крѣпокъ тѣломъ, и глаза сверкаютъ.

Вотъ подошелъ — и началъ насъ корить:
«Чего вы дурни, такъ перепугались,
«Отъ старика да вздумали бѣжать;
«Иль вы ужъ такъ напуганы неволей,
«Что сучьевъ трескъ на васъ наводитъ страхъ
«И душу въ пятки тотчасъ загоняетъ.
«Стыдитесь, братья!» Мы остановились;
Онъ приказалъ намъ сѣсть возлѣ себя,
И много намъ хорошаго повѣдалъ.

ТРЕТІЙ.

О чемъ же съ вами онъ потолковалъ?

ПЕРВЫЙ.

О многомъ, братцы! Только я боюсь
Сказать вамъ все. Сболтнете, такъ бѣда!

ТРЕТІЙ.

Небойся, мы не выдадимъ!

ВТОРОЙ.

Скажи!

ЧЕТВЕРТЫЙ.

Вѣдь тоже крестъ святой на шеѣ носимъ.

ПЕРВЫЙ.

Ну, слушайте. Онъ всѣмъ велѣлъ сказать,
Что батюшка отъ насъ ужъ недалёко.
И скоро будетъ. Что съ несмѣтной силой
Онъ къ намъ идетъ и насъ освободитъ
И всѣхъ, кто чѣмъ-нибудь ему поможетъ,
Онъ щедрою рукою наградитъ.
А тѣхъ изъ насъ, которые рѣшатся
Ему противиться — безъ жалости побьетъ,
И на одной осинѣ съ господами
Повѣситъ всѣхъ, кого живьемъ возьметъ.

ВТОРОЙ.

Не подсылаютъ ли?

ПЕРВЫЙ.

И намъ на умъ пришло,
И ужъ схватить его хотѣли, но монахъ
Намъ показалъ съ печатями бумагу,
Которую самъ батюшка прислалъ.
Онъ отдавалъ.

ТРЕТІЙ.

А вы ея не взяли?

ПЕРВЫЙ.

Сначала не рѣшалися, боясь
Боярскаго допроса, да расправы;
А послѣ взяли.—Вынимаетъ изъ-за пазухи бумагу и, оглядываясь во всѣ стороны, осторожно показываетъ ее.
Вотъ она, смотри.

ВТОРОЙ — развертываетъ бумагу.

Да, это грамота, вонъ и печать большая.

ТРЕТІЙ.

А жаль—нельзя ее намъ прочитать.

ЧЕТВЕРТЫЙ.

Прочтемъ, иль нѣтъ, а все оставить нужно.
Когда придетъ да станетъ расправляться,
Такъ этой грамотой мы оградимъ себя.

ТРЕТІЙ.

А все бы лучше, коли прочитали.

ПЕРВЫЙ — беретъ бумагу и прячетъ ее за пазуху.

Да не зачѣмъ. Ужъ намъ монахъ читалъ.

ВТОРОЙ.

Что-жъ въ ней прописано?

ТРЕТІЙ.

Скажи!

ЧЕТВЕРТЫЙ.

Иль позабыли?

ПЕРВЫЙ.

Онъ пишетъ въ ней, что насъ онъ не обидитъ.
Что онъ идетъ лишь на однихъ бояръ,
Съ которыми совсѣмъ житья не стало;
Что съ этихъ поръ мы будемъ всѣ свободны,
И ужъ не будетъ больше податей,
Ни сборовъ, ни приказнаго отродья,
Что каждый будетъ думать о себѣ,
И гдѣ захочетъ, тамъ и поселится;
И сколько надобно земли себѣ возьметъ.
Что будутъ всѣ равны между собою,
И станутъ нами всѣми управлять
Не воеводы съ ихъ утробой ненасытной,
А атаманы, какъ у казаковъ.
Что съ той поры мы будемъ всѣмъ довольны,
И станемъ жить, да наживать добра;
Но что за то должны и мы отнынѣ
Ему во всемъ, родному, помогать
И за него своими головами
На жизнь и смерть противъ бояръ стоять.

ВТОРОЙ.

Хорошее наступитъ, братцы, время.

ТРЕТІЙ.

И вѣрно то, что за бояръ стоять:
Лишь принимать въ чужомъ пиру похмѣлье.

ЧЕТВЕРТЫЙ.

Вѣдь имъ за жизнь приходится бороться,
А намъ-то что?

ВТОРОЙ.

Вѣдь не на насъ идетъ!

ПЕРВЫЙ.

И ужъ не хуже нынѣшняго будетъ,
Коль новые порядки заведетъ.

Изъ покоевъ выходитъ князь Долгорукій. Слуги, заслышавъ его шаги, поспѣшно расходятся.

ДОЛГОРУКІЙ — садится на скамейку.

Теперь у насъ защитниковъ довольно,
И не боюсь я вражескихъ затѣй.
Не долго имъ потѣшиться придется:
Князь Юрій скоро образумитъ ихъ
И водворитъ нарушенный порядокъ.
Чего хотятъ! Сравняться съ господиномъ,
Какъ равный съ равнымъ. Княжескимъ родамъ
Ужъ не желаютъ больше покоряться.
Подай имъ волю! Тяжело Москвѣ
Одной со всѣми нынѣ управляться!
Другое дѣло было бы, когда
И мы могли бы самовластно княжить
По старинѣ въ удѣлахъ родовыхъ.
Да, предкамъ нашимъ лучше пала доля:
Тѣ были вольны, властію своей
Умѣли сохранять во всемъ порядокъ
И правили не хуже, чѣмъ Москва.
Мы, Долгорукіе, потомки Мономаха,
Какъ и Романовы, отъ корня одного, -
Отъ Рюрика вели свой родъ державный,
И княжили не хуже чѣмъ они.
Была пора! да Грознаго рука
Свободу нашу нá-смерть задушила,
И предъ царемъ поникли мы, и намъ
Ужъ не вернуть прошедшаго раздолья,
Какъ не вернуть мнѣ молодость мою
И прежнихъ силъ, и прежняго здоровья.
А развѣ лучше стало на Руси?
Вонъ поднялось холопское отродье
И тоже воли требуетъ себѣ.
Чего хотятъ! Ужъ у меня ли было
Имъ не привольное, завидное житье!
Кормилъ ихъ вдоволь, одѣвалъ тепло,
И въ праздники не гналъ ихъ на работы.
Чего-жъ имъ болѣе? Не чувствуютъ, скоты!
И все бѣгутъ искать какой-то воли.

КАРАУЛЬНЫЙ — на вышкѣ.

Ей, кто тамъ есть! Приди, да посмотри,
Какая пыль столбами поднялася;
Не разберешь: идетъ ли кто, аль нѣтъ!

ДОЛГОРУКІЙ — подходитъ къ вышкѣ.

Ты что орешь?

КАРАУЛЬНЫЙ.

Не разберу, бояринъ,
Идетъ ли кто, за пылью, али нѣтъ.

ДОЛГОРУКІЙ — поспѣшно входитъ на вышку.

Народъ идетъ... и конные казаки.
Звони въ набатъ!

Караульный звонитъ. Со всѣхъ сторонъ сбѣгаются люди. Изъ покоевъ выбѣгаетъ князь Сицкій, съ боярскими дѣтьми.

ДОЛГОРУКІЙ — кричитъ.

Враги идутъ! Скорѣе по мѣстамъ!
Мы, князь, съ тобою станемъ здѣсь, на вышкѣ,
Твои лѣвѣй, мои займутъ правѣй,
А надъ рѣкою вѣрный Тимоѳей
Съумѣетъ съ дерзкой справиться попыткой,
Коль на гору задумаютъ полѣзть.
Ты, Спиридонъ, ступай назадъ къ амбарамъ,
И если только вспыхнетъ гдѣ пожаръ,
Такъ тотчасъ же гаси его проворнѣй
И наготовѣ бабъ съ водой держи. — Къ Сицкому.
Иди же, князь.

Всѣ расходятся. Долгорукій, Сицкій и нѣсколько боярскихъ дѣтей остаются на вышкѣ. Остальные располагаются вдоль по стѣнѣ. Нѣсколько человѣкъ поднимають мостъ и поспѣшно заваливаютъ ворота, заранѣе приготовленными бревнами и каменями.

ДОЛГОРУКІЙ.

Такъ, хорошо! Теперь всѣ по мѣстамъ!
И жди врага и дѣлай свое дѣло!

СИЦКІЙ.

Идутъ, идутъ! А вонъ и казаки,
И пушки есть: работы будетъ много!

ДОЛГОРУКІЙ.

Есть и у насъ!—Указываетъ на пушку.
Вотъ первый нашъ посолъ,
А вслѣдъ за нимъ заговорятъ другіе.

СИЦКІЙ.

Заряжена?

ДОЛГОРУКІЙ.

Заряжена съ утра.

СИЦКІЙ.

Не нужно тратить безъ толку зарядовъ.

ДОЛГОРУКІЙ.

Небойся, князь! довольно зерни есть,
Надолго хватитъ! Слушай, Епанча,
Ты обойди вдоль по стѣнѣ, до башни,
И покажи удалымъ молодцамъ,
Гдѣ сложены запасы боевые.
Кто будетъ раненъ, тѣхъ сносить въ избу,
Тамъ есть знахарка старая, съумѣетъ
Она помочь и кровь заговорить.

СИЦКІЙ.

И все идутъ, и не видать конца!

ДОЛГОРУКІЙ.

Не знаю, что случилось съ Ермолаемъ!
Неужели и онъ мнѣ измѣнилъ?

СИЦКІЙ.

Вонъ казаки какъ близко подъѣзжаютъ.

ДОЛГОРУКІЙ — кричитъ.

Чего вамъ надо?

СИЦКІЙ.

Что-то намъ кричатъ,
А разобрать нельзя: не слышно слова.

ДОЛГОРУКІЙ.

Поподчуйте горохомъ ихъ въ отвѣтъ.

Начинается пальба изъ ружей.

СИЦКІЙ.

Еще идутъ!

ДОЛГОРУКІЙ.

Пусть подойдутъ поближе,
Такъ наши ядра ихъ считать начнутъ.

ОДИНЪ ИЗЪ БОЯРСКИХЪ ДѢТЕЙ.

Вонъ полѣвѣй, на бѣломъ прыгунѣ
Должно быть самъ?

СИЦКІЙ.

Должно быть это Стенька!
Стрѣляй въ него! И кто его убьетъ....

ДОЛГОРУКІЙ — перебивая.

Тотъ сто рублей, иль вольную получитъ.
Стрѣльба увеличивается. По двору проносятъ раненаго.

ДРУГОЙ ИЗЪ БОЯРСКИХЪ ДѢТЕЙ.

Стрѣлять хотятъ! Вонъ пушку подвезли:
Разбить ворота видно захотѣли.

ДОЛГОРУКІЙ.

Начнемъ и мы! — Стрѣляетъ изъ пушки.

СИЦКІЙ.

Немного высокò!

ДОЛГОРУКІЙ.

Пониже пустимъ. Заряжай живѣе!
И изъ другихъ гостинца высылай.
Начинается стрѣльба изъ четырехъ пушекъ.

ОДИНЪ ИЗЪ БОЯРСКИХЪ ДѢТЕЙ.

Попало знатно! въ самую средину!
Ишь повалились!

ДОЛГОРУКІЙ.

Выпускай еще! — Стрѣляетъ изъ пушки.

СИЦКІЙ.

Вотъ, въ самый разъ! Остановились, шельмы!
Иль не понравилось?

ДОЛГОРУКІЙ.

Поподчуемъ еще!

Стрѣляетъ изъ другой пушки.

СИЦКІЙ.

Откуда, князь, ты рвы водой наполнилъ?

ДОЛГОРУКІЙ.

Отвелъ ручей и запрудилъ плотиной,
Вонъ, въ томъ концѣ.

СИЦКІЙ.

Не перешли-бъ по ней?

ДОЛГОРУКІЙ.

Не перейдутъ! Тамъ впереди болото,
Которому и зайца не сдержать.

Одно ядро перелетаетъ черезъ стѣну и ударяется въ амбаръ; пробѣгавшія по двору бабы съ визгомъ падаютъ на землю.

ДОЛГОРУКІЙ — улыбаясь.

Ишь, какъ завыли!

СИЦКІЙ.

Тронулись опять!

ДОЛГОРУКІЙ.

Пускай идутъ! Зажглась во мнѣ отвага
Минувшихъ дней и вспомнилъ я о нихъ,
И загорѣлось снова ретивое
Отвыкшее отъ воинскихъ потѣхъ.
Дай руку, князь! И мы въ былое время,
Съ поганымъ ляхомъ бились, да съ Литвой.
Тамъ знаютъ насъ, тамъ не забудутъ люди
О нашихъ подвигахъ; а съ этою ордой

Холоповъ подлыхъ, даже стыдно тратить
Снаряды воинскіе; жалко отнимать
Отъ висѣлицы слугъ ея достойныхъ
И палача работу исполнять!

Одинъ слуга изъ отряда Тимоѳея проходитъ по двору и входитъ на вышку.

ДОЛГОРУКІЙ — къ слугѣ.

Что, хорошо-ль идетъ у Тимоѳея,
И не видать ли за рѣкой враговъ?

СЛУГА.

Изъ лѣсу вышло сотни полторы,
И переѣхавъ рѣку собралися
На берегу, но въ верхъ идти не смѣютъ:
Боятся видно бревенъ, да камней.

ДОЛГОРУКІЙ.

Тамъ не взойдутъ! А ты скажи Тимошѣ,
Чтобъ не мѣшалъ онъ подниматься имъ,
А послѣ въ пору выпустилъ бы бревна
И разомъ всѣхъ отправилъ бы въ рѣку.

СЛУГА.

Онъ знаетъ самъ! Прислалъ меня сказать,
Чтобъ ты, бояринъ, былъ за насъ спокоенъ:
Не пустимъ вороговъ!

ДОЛГОРУКІЙ.

И здѣсь ихъ отобьемъ!
Небось, впередъ не очень-то стремятся.

СИЦКІЙ.

На приступъ имъ идти разсчетъ плохой.

ДОЛГОРУКІЙ.

А иначе до насъ и не добраться!

На заднемъ дворѣ слышенъ шумъ. Затѣмъ на передній дворъ врывается эсаулъ Ѳедоръ Яранецъ съ толпою казаковъ, съ ними и Тимоѳей съ своимъ отрядомъ.

ДОЛГОРУКІЙ.

Что тамъ за шумъ? Измѣна! Пропустили!
За мною, дѣти! Смерть....

Сбѣгаетъ съ вышки. За нимъ Сицкій и всѣ бывшіе на стѣнѣ. Схватка.

ТИМОѲЕЙ — кидается на Долгорукаго и ударяетъ его ножемъ.

Вотъ за жену! А вотъ и за родную!
За все, что имъ досталось отъ тебя!

ДОЛГОРУКІЙ — падая.

Такъ это ты?

ТИМОѲЕЙ.

Околѣвай, злодѣй!

ОДИНЪ ИЗЪ БОЯРСКИХЪ ДѢТЕЙ.

Бездѣльникъ подлый! — Убиваетъ Тимоѳея, но самъ тотчасъ же падаетъ мертвый отъ руки казака.

ЯРАНЕЦЪ.

За мной ребята! Забирайте пушки!
Отваливай живѣе ворота!
Впередъ, впередъ!

Повсюду идетъ горячая схватка. Нѣкоторымъ изъ боярскихъ дѣтей съ княземъ Сицкимъ удается пробиться къ хоромамъ; остальные гибнутъ. Казаки поспѣшно отваливаютъ ворота, отворяютъ ихъ и впускаютъ новыя толпы казаковъ. Битва по немногу прекращается: часть толпы стоитъ предъ домомъ, въ которомъ заперся князь Сицкій; остальные грабятъ усадьбу. Въ воротахъ появляется Стенька. Толпа снимаетъ шапки и встрѣчаетъ его радостными криками.

РАЗИНЪ — къ Яранцу.

Спасибо, Ѳедька! Гдѣ-же старый князь?

ОДИНЪ ИЗЪ СЛУГЪ.

А вонъ, лежитъ!

РАЗИНЪ.

Убитъ, собака! Жалко!

Становится ногою на голову Долгорукаго.

Не привелось потѣшиться надъ этой
Сѣдою княжескою головой. — Къ Яранцу.
Покончили?

ЯРАПЕЦЪ.

Остались только бабы,
Да человѣкъ двѣнадцать проскочили
И заперлись въ хоромахъ. Не хотятъ
Живьемъ отдаться.

РАЗИНЪ.

Доберемся скоро!

Изъ окна хоромъ раздается выстрѣлъ, пуля пролетаетъ возлѣ Разина и убиваетъ казака.

Такъ вотъ вы гдѣ! Огня сюда! соломы!
Запаливай скорѣй со всѣхъ концовъ,
И разомъ жги! да въ топоры проклятыхъ,
Кто вздумаетъ изъ полымя бѣжать!

Со всѣхъ сторонъ приносятъ сѣно, солому и другія горючія вещества, обкладываютъ ими хоромы и зажигаютъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Пламя быстро охватываетъ стѣны. Въ хоромахъ слышны отчаянные вопли, на которые толпа отвѣчаетъ бѣшенымъ хохотомъ и крикомъ. Черезъ нѣсколько минутъ отворяется входная дверь и на порогѣ ея появляется князь Сицкій, съ окровавленнымъ въ родной крови мечемъ. За нимъ восемь боярскихъ дѣтей. Пробѣжавъ, охваченную огнемъ лѣстницу, они бросаются на толпу и падаютъ подъ ея ударами. Изъ верхняго этажа раздаются выстрѣлы и выглядываетъ нѣсколько испуганныхъ лицъ, которыя падаютъ отъ выстрѣловъ казаковъ. Огонь поднимается все выше и выше. На крышѣ появляются двѣ старыя няньки Долгорукаго, держа на рукахъ окровавленные трупы заколотыхъ Сицкимъ дѣтей; съ плачемъ и крикомъ бѣгаютъ онѣ по карнизу, затѣмъ соскакиваютъ на дворъ и попадаютъ на пики казаковъ. Разинъ, опираясь правою ногою на трупъ князя Долгорукаго, любуется на пожаръ.

КАРТИНА СЕДЬМАЯ.

Изба Разина въ Кагальницкомъ городкѣ. Разинъ сидитъ, задумавшись, у стола.

РАЗИНЪ.

Не удалось! Пусть пробуетъ другой!
Авось другой меня счасливѣй будетъ;
А для меня довольно! Были дни,
Когда я двигался впередъ безъ остановки,
Когда я шелъ, и все передо мной,
Какъ передъ бурей безпощадною, бѣжало.
Одинъ ударъ! — и все пропало разомъ,
И все разсыпалось, и я, какъ старый волкъ,
Спасаюсь отъ московской лютой своры,

Гоняющейся по пятамъ за мной.
И даже тѣ, которые недавно
Готовы были на Москву идти,
И тѣ теперь противъ меня возстали
И перешли къ счастливому врагу.
Гдѣ всѣ сподвижники? Ужъ многихъ нѣтъ на свѣтѣ!
Все самыхъ преданныхъ, все храбрыхъ и лихихъ,
А тѣ, которые теперь со мной остались,
Другого сорта: вѣрность ихъ до время,
И полагаться мнѣ на нихъ нельзя!
Разбито все! Московскій воевода
Былъ поискуснѣе простого казака. — Встаетъ и ходитъ.
Одинъ ударъ! и все, что мной добыто,
Все разлетѣлось прахомъ, и народа
Поднять теперь уже не въ силахъ я.
Когда въ холопскую, забитую душёнку
Вселится страхъ, то съ ней не сговоришь
И бодрости въ ней больше не отыщешь.
Что дѣлать мнѣ? Въ Черкаскъ ужъ нѣтъ дороги:
Тамъ миновало времячко мое,
И тамъ меня не прежнее житье,
А выдача для плахи ожидаетъ.
Погибло все! За Волгу, до степей
Добраться трудно, а кругомъ отряды
Повсюду рыщутъ. Вѣдь моя башка
Оцѣнена неслыханной цѣною,
И на нее охотниковъ не мало
Найдется въ войскѣ русскаго царя.
Да и холопы то же не отстанутъ
Попробуютъ при случаѣ добыть,
И тѣмъ себѣ прощенье испросить
Въ винѣ большой, что наконецъ рѣшились
Не гнуть покорно трудовой спины
Подъ бичъ боярскій, и считать посмѣли
Себя не трупами, а вольными людьми. — Задумывается.
Отдамся самъ; не доживу позора,
Когда меня иль соннаго возьмутъ,
Иль опоятъ невѣдомымъ дурманомъ
И, какъ бревно, врагамъ передадутъ.

Входятъ пять казаковъ.

РАЗИНЪ.

Что новаго?

ПЕРВЫЙ.

Все тѣ же нынѣ вѣсти:
Кругомъ враги. Корнило съ казаками
Стоитъ на полдень. Сверху подошли
Рейтаръ московскихъ сотенъ семь, иль восемь,
И нѣту выхода!

ВТОРОЙ.

И помощи не жди.

ТРЕТІЙ.

И сдаться добровольно лишь осталось.

РАЗИНЪ.

А умереть въ бою съ мечемъ въ рукахъ
По-твоему труднѣе, чѣмъ отъ пытки
Тамъ, на Москвѣ, въ когтяхъ у палача?

ТРЕТІЙ.

Всѣхъ не казнятъ. Помилуютъ навѣрно,
Коль добровольно отдадимся мы.

РАЗИНЪ.

Ступайте, коль хотите, покоритесь.
Я не держу; я и безъ васъ найду
Охотниковъ, которые со мною
Позорному безчестью предпочтутъ
Лихую смерть на грудѣ вражьихъ тѣлъ,
Отъ острой сабли, иль далекихъ стрѣлъ
Иль мѣткой пули вражьяго мушкета.

ТРЕТІЙ.

Намъ безъ тебя сдаваться не рука!

ПЕРВЫЙ.

Насъ и не примутъ; какъ собакъ убьютъ!

РАЗИНЪ.

А если я не захочу, такъ какъ же
Рѣшитесь вы со мною поступить?

ВТОРОЙ — который во время разговора незамѣтно обошелъ Разина и стоялъ за нимъ, кидается на него и схватываетъ сзади за руки, стараясь повалить на полъ.)

Коль не захочешь, силою возьмемъ!
Бери его! Вали дружнѣе на земь!

РАЗИНЪ — мощнымъ движеніемъ рукъ бросаетъ казака на землю, затѣмъ, выхвативъ саблю, разрубаетъ ему голову. Казакъ падаетъ; остальные стоятъ все время неподвижно.

Умри, собака! Иль своею силой
Ты захотѣлъ помѣриться со мной! — Къ казакамъ.
Да я васъ всѣхъ вотъ этой острой саблей
Въ мельчайшіе кусочки искрошу!
Ишь, что задумали!

ПЕРВЫЙ.

Задумали не мы!

ЧЕТВЕРТЫЙ.

Задумалъ онъ, а мы бы не рѣшились
Измѣною тобою овладѣть.

ПЯТЫЙ.

Мы шли сюда просить тебя и знаемъ,
Что силою тебя не одолѣть.

ПЕРВЫЙ.

Исходъ одинъ, а головой своею
Ты можешь много нашихъ уберечь.

ТРЕТІЙ.

Мы долго вѣрою тебѣ, Степанъ, служили,
Теперь и ты намъ службу сослужи,
Подумай и о насъ. Послушай, батька!
Повѣрь ты намъ: готовы мы охотно
За нашу волю головы сложить;
Но къ намъ въ Кагальникъ долетѣла вѣсть,
Что наши дѣти всѣ въ рукахъ Корнилы.

РАЗИНЪ.

И вы повѣрили?

ТРЕТІЙ.

И вѣрили, и нѣтъ
Пока сегодня въ томъ не убѣдились.

РАЗИНЪ.

Какимъ путемъ?

ТРЕТІЙ.

Сейчасъ прислалъ Корнило
Вѣстовщика съ условіемъ такимъ:
Что если мы къ закату не сдадимся,
Такъ онъ на утро выведетъ дѣтей
И передъ нашими глазами ихъ зарѣжетъ,
А послѣ доберется и до жёнъ
И разсадивъ ихъ нагишомъ по кольямъ,
Прикажетъ имъ мужей на помощь звать.
Что дѣлать намъ? Ты знаешь, онъ исполнитъ
Свои слова, погубитъ, какъ сказалъ.

РАЗИНЪ — задумывается.

А о моихъ дѣтяхъ упоминалъ? — Казаки молчать.
Что-жъ, тоже взяты?

ЧЕТВЕРТЫЙ.

Взяты, говорятъ.

РАЗИНЪ.

Гдѣ вѣстовщикъ? Позвать его сюда! — Одинъ изъ казаковъ уходитъ.
Неужели убиты! Коли живы,
Хоть головой своей, но ихъ спасу! — Входитъ посланецъ.
Ты отъ кого?

ПОСЛАНЕЦЪ.

От атамана, батька,
Отъ самого Корнилы.

РАЗИНЪ.

А зачѣмъ?

ПОСЛАНЕЦЪ.

Да вотъ велѣлъ тебѣ и всѣмъ сказать,

Что ваши жены съ малыми дѣтями
Захвачены и у него въ рукахъ;
И если вы сегодня не сдадитесь,
Такъ онъ на утро съ маленькихъ дѣтей
Сперва начнетъ, а послѣ поразсадитъ
По кольямъ бабъ, и станетъ поджидать
Не выйдете-ли вы ихъ выручать.

РАЗИНЪ.

Мои ребята тоже у него?

ПОСЛАНЕЦЪ.

Всѣ трое, да и Марья вмѣстѣ съ ними.

РАЗИНЪ.

И живы?

ПОСЛАНЕЦЪ.

Да, пока еще живутъ,
А не сдадитесь — съ нихъ же и начнутъ.

РАЗИНЪ.

Кого спасать? себя или дѣтей?
Себя! Зачѣмъ? Не видно впереди
Возможности хоть что-нибудь поправить:
Не стоитъ и пытаться. Такъ пожить,
Какъ пожилъ я, ужъ не придется больше,
А иначе теперь не стоитъ жить!
И думать значитъ о себѣ не стóитъ.
Вотъ дѣти, тѣ другое: если въ нихъ
Такой же духъ, который мной владѣетъ,
Такъ кто-нибудь изъ нихъ позднѣй съумѣетъ
Воспользоваться временемъ, и вновь
Начнетъ борьбу, и наконецъ, добьется
Того, за что лилась напрасно кровь,
Что ихъ отцу не выпало на долю,
За что сложу я голову свою. — Къ посланцу.
Ступай къ Корнилѣ и скажи ему,
Чтобъ былъ готовъ меня сегодня встрѣтить;
Скажи ему, что я сдаюся самъ,
А взять меня, пока я живъ, напрасно

Онъ покушался подкупать моихъ.
Вонъ, посмотри, тотъ подлый, кто дерзнулъ
Меня схватить, ужъ онъ не встанетъ больше,
И никому на свѣтѣ не вернуть
Однимъ ударомъ отнятую жизнь.
Скажи ему, что этотъ негодяй
Послѣдней жертвою моею будетъ,
Что съ этихъ поръ вотъ этой острой саблѣ
Въ моихъ рукахъ въ крови не обагриться,
Что Разину ужъ не съ кѣмъ больше биться,
И я сдаюсь, предоставляя имъ
Предать меня во вражескія руки.
Но не придумать имъ той страшной муки,
Которая заставила-бъ меня
Хоть слово крикнуть, чтобъ просить пощады.
Скажи, что я сдаюся не ему,
А лыцарству казацкому лихому,
Которое, хоть съ нимъ и согласилось,
Но безъ него не скоро бы рѣшилось
Зарѣзать маленькихъ казачьихъ же дѣтей.
Ступайте всѣ, сбирайтеся къ воротамъ
И ждите тамъ; я скоро къ вамъ приду,
И ваши головы своею головою,
Отъ лютой казни я уберегу.

Казаки уходятъ.

Казачій станъ передъ Кагальникомъ. Впереди его, на полѣ, стоитъ большая толпа казаковъ. Передъ ними, въ шагахъ 30-ти, атаманъ, Корнило Яковлевъ, съ войсковымъ начальствомъ въ числѣ 10 человѣкъ, съ ними и подъячій, присланный изъ Москвы.

КОРНИЛО.

Ну, слава Богу! наконецъ сдается,
И кончится съ нимъ смута на Дону.
Давно пора!

ПЕРВЫЙ.

Не обманулъ бы только;
А то пожалуй онъ, какъ подойдетъ,
Да кликнетъ кличъ, и врубится въ толпу,
И путь кровавый въ степь себѣ проложитъ.

ВТОРОЙ.

Да и изъ насъ порядочно уложитъ,
За то, что мы повѣрили легко.

КОРНИЛО.

Нѣтъ, я Степана знаю: онъ своихъ
Обманывать не станетъ; онъ бы прямо
Прислалъ сказать, что будетъ воевать,
А ужъ теперь, коли рѣшилъ отдаться,
Такъ сдержитъ слово и отдастся самъ.

ТРЕТІЙ.

А если онъ какимъ-нибудь путемъ
Узналъ, что вся семья его побита,
Тогда вѣдь онъ захочетъ отомстить
И ужъ живымъ не попадется въ руки.

КОРНИЛО.

Узнать нельзя, пока о томъ извѣстно
Лишь намъ однимъ, но надобно, на случай,
Готовымъ быть; и вы, какъ онъ придетъ,
Вокругъ него сомкнитесь тѣснымъ кругомъ,
И наблюдайте зорко. Если-жъ онъ
Дерзнетъ противиться, такъ вы его тотчасъ же
Валите нà-земь, поскорѣй вяжите
И непремѣнно взять живьемъ старайтесь.

ПОДЪЯЧІЙ.

Да, атаманъ, живого непремѣнно!
Вамъ за живого многое дадутъ.
Онъ нуженъ намъ: законную расправу
Въ Москвѣ надъ нимъ желаютъ учинить.

ПЕРВЫЙ.

И мертваго вы съ радостью возьмете.

ПОДЪЯЧІЙ.

Оно хоть такъ, но мертвый не живой

И отъ него немногое узнаешь,
Да и народъ легко не убѣдишь.
Начнутся толки; скажутъ: подмѣнили;
А тамъ найдется новый сорванецъ,
Да назовется Разинымъ и снова
Мятежъ кровавый вспыхнетъ на Руси.
Притомъ живого можно допросить
О замыслахъ, да кстати о богатствѣ,
Которое онъ гдѣ-нибудь зарылъ.

ТРЕТІЙ.

Ты о богатствѣ больше и хлопочешь;
Но вѣдь отъ Разина добьетесь не легко.

ПОДЪЯЧІЙ.

Съумѣемъ выпытать: у насъ такія средства,
Передъ которыми никто не устоитъ;
Хоть мертвый будь, и тотъ заговоритъ.

ТРЕТІЙ.

Вы мастера надъ слабыми глумиться,
И беззащитныхъ мучить, да терзать.

ПОДЪЯЧІЙ.

Не мы... Законъ!

ТРЕТІЙ.

А кто законы пишетъ?

ПОДЪЯЧІЙ.

Законы царь одинъ лишь издаетъ.

ТРЕТІЙ.

А вы ихъ пишите, и такъ хитро строчите,
Что дѣлаете съ ними, что хотите;
И жадный дьякъ у васъ одинъ законъ
Къ чему угодно безъ труда приложитъ
И такъ искусно дѣло поведетъ,
Что весь барышъ къ себѣ въ карманъ положитъ.
Тотъ правъ у васъ, кто больше вамъ даетъ;

А тамъ, самъ чортъ, и тотъ не разберетъ,
И тотъ откажется отъ вашего закона!

ПОДЪЯЧІЙ.

Ты говоришь пустое, оттого,
Что ихъ читать тебѣ не приходилось.

ТРЕТІЙ.

Читалъ и вѣдаю! Не даромъ я у васъ
Служилъ въ Москвѣ, и знаю васъ довольно.

ПОДЪЯЧІЙ.

Такъ ты изъ бѣглыхъ?

ТРЕТІЙ.

Много будешь знать —
Состаришься, а ты и такъ не молодъ!

НѢСКОЛЬКО ГОЛОСОВЪ.

Идутъ! Идутъ! Вонъ впереди Степанъ,
Какъ государь въ нарядѣ выступаетъ.

КОРНИЛО — отходитъ къ войску.

Ну, становитесь полукругомъ. Такъ!
И зорко всѣ на Разина смотрите.
Возьмемъ его, и завтра же въ Москву
Мы отвеземъ обѣщанный подарокъ,
Который намъ достался такъ легко.

Войско становится полукругомъ. Изъ воротъ Кагальника показывается большая толпа оборванныхъ казаковъ. Впереди всѣхъ идетъ Разинъ въ своей богатой одеждѣ.

РАЗИНЪ — подойдя къ Корнилѣ, кланяется сперва войску, а потомъ ему.

Здорово, братья! Здравствуй, атаманъ!
Вотъ какъ пришлось мнѣ встрѣтиться съ тобою!

КОРНИЛО.

Что дѣлать, братъ! На все Господня воля!
Пришла пора, одумался и ты.

РАЗИНЪ.

Одумался! Ты думаешь, что я
Пришелъ сюда съ повинной головою
И стану кланяться, какъ баба, да просить,
Чтобы меня стегать полегче стали.
Ошибся, старый! Нé въ чемъ мнѣ виниться:
Въ своихъ дѣлахъ отчета я не дамъ,
И толковать о нихъ ни съ кѣмъ не буду.

КОРНИЛО.

Напрасно горячишься—не хвались;
Подумай лучше, да смирись душою,
И милости надѣйся отъ царя.

РАЗИНЪ.

Я не за тѣмъ явился добровольно,
Чтобъ толковать о милости съ тобой;
Я самъ не миловалъ, и милости не жду
И никого о ней просить теперь не стану.
Ты знаешь самъ, что еслибъ я рѣшился
Держаться тамъ, — указываетъ на Кагальникъ—такъ долго бы пришлось
Вамъ подъ Кагальникомъ со мною повозиться.
И только мертвою могли бы вы добыть
Вотъ эту голову, которая Москвой
Оцѣнена завидною цѣной.
Но время шло; былое миновало,
И день насталъ покончить мнѣ съ собой.
Ты ловокъ, старый!—Указываетъ на своихъ казаковъ—
Зналъ, чѣмъ ихъ смутить.
Въ былое время, я и самъ не мало
Заманивалъ дворянъ на ихъ ребятъ;
Но только я, когда они сдавались,
Ихъ вѣшалъ всѣхъ, да съ ними и дѣтей
Не разлучалъ, чтобъ плакаться не смѣли,
Что чрезъ меня сирóтами остались.
А наши дѣти живы?

КОРНИЛО.

Живы всѣ!

РАЗИНЪ.

Ихъ можно видѣть?

КОРНИЛО.

Только не теперь.
Я отослалъ ихъ дальше. Прежде кончимъ
Съ твоею сдачей, послѣ васъ сведемъ
И повидаетесь, вѣдь времени довольно.

РАЗИНЪ.

Бери меня! и выдай головою
Какъ жертву нужную московскому царю!
Но выдавай не даромъ, съ барышемъ.
Да, впрочемъ, ты вѣдь этому учонъ,
Давно торгуешь, хоть такой товаръ
Тебѣ мѣнять еще не приходилось.
Отдай меня, но съ нихъ за то сдери
И денегъ, и оружія для войска,
И льготъ побольше требуй съ нихъ теперь.
Они тому, кто имъ меня доставитъ,
На радостяхъ, готовы все отдать.—Указывая на подьячаго.
Вотъ это сѣмя васъ всему научитъ,
Коль развели его вы у себя.—Къ подьячему.
Чего оскалился! Теперь пойдешь строчить,
Да каверзы чернильныя царапать.
Хоть много васъ я вывелъ на Руси,
Но все-таки довольно васъ осталось,
И скоро плодитесь. А жаль, что не пришлось
До вашихъ гнѣздъ поганыхъ мнѣ добраться:
Я такъ ихъ вывелъ бы, что съ той поры отъ васъ,
Лишь память скверная осталась бы на свѣтѣ.

Къ Корнилѣ.

Предай меня! я казни не боюся,
Я жду ея и къ ней давно готовъ!
Пусть потѣшаются, какъ дѣти надо мною,
Пусть надсѣдаются, пусть все переберутъ,
Пусть все испробуютъ, но не придумать имъ
Тѣхъ страшныхъ пытокъ, тѣхъ ужасныхъ казней,
Какія я придумалъ бы для нихъ!

КОРНИЛО.

Смирись, Степанъ! Покайся откровенно
Въ своихъ грѣхахъ, и тѣмъ себѣ спасенье
Отъ лютой смерти можешь получить.

РАЗИНЪ — указывая на своихъ.

Спаси вотъ ихъ! А обо мнѣ не думай!
Мнѣ смерть моя предсказана давно
И божіей и вражескою силой,—
И знаю все, что ждетъ меня въ Москвѣ!
Со мной они повозятся довольно:
Побьютъ, пожарятъ, постругаютъ всласть,
И кости поломаютъ, и смолою
Кипящею все тѣло обольютъ;
Все перепробуютъ, но не добиться имъ,
Куда я дѣлъ несмѣтныя богатства,
Награбленныя мною на Руси!
Пусть вытянутъ языкъ, хоть до колѣна,
Пусть по частямъ отрѣзывать начнутъ,
Но онъ не выдастъ имъ завѣтной тайны,
Которая извѣстна только мнѣ!
Я умереть съумѣю, но съ собою
И тайну ту въ могилу унесу;
И тѣ богатства недоступны будутъ,
И перейдутъ не къ палачамъ моимъ,
А къ смѣльчакамъ, которые рѣшатся
Войти туда, гдѣ я свой кладъ зарылъ.

КОРНИЛО.

Зачѣмъ ему лежать въ землѣ напрасно:
Отдай ихъ намъ, отдай родному войску,
Которое...

РАЗИНЪ — перебивая.

Меня же выдаетъ!
Нѣтъ, атаманъ, не дамъ я этихъ денегъ,
Чтобы на нихъ торговлю развести.
Зачѣмъ вамъ деньги? ихъ у васъ довольно!
Да за меня получите еще,
И изъ рубля, поганою торговлей,
Вы сотни сдѣлаете и безъ нихъ.
Повѣрь, старикъ! Съ моею головою
Падетъ и вольность войска твоего.
Орелъ московскій смотритъ зоркимъ окомъ
И добирается давно до казаковъ.
Придетъ пора, могучими когтями
Онъ сдавитъ васъ, и войско не вздохнетъ,

И въ батраки московскіе невольно
Оно, безсильное, на вѣки попадетъ.
Живите братья! Подъ его крыломъ
Тепло живется, такъ онъ васъ пригрѣетъ,
Что ужъ о вашихъ нынѣшнихъ правахъ
И заикнуться войско не посмѣетъ!
Покиньте волю, вѣрную подругу,
И величайтесь рабствомъ, какъ заслугой,
И повинуйтесь прихотямъ Москвы!
Веди меня! я плѣнникъ твой отнынѣ!
Предай меня! коль слѣдуетъ предать,
И поѣзжай со мной полюбоваться,
Какъ Разина Москва будетъ встрѣчать,
Какъ будетъ голова моя торчать
На острой пикѣ, мертвыми очами
Глядя на землю, и прощаясь съ вами,
И посылая Дону свой поклонъ.
Идемъ! Идемъ! Предай меня, предай!
И все, что выторгуешь, то и получай!

Уходитъ, окруженный казаками, въ станъ. Войско его остается на мѣстѣ и сдаетъ свое оружіе казакамъ.

Два старыхъ запорожца.

ПЕРВЫЙ.

Погибнетъ батька въ мукахъ безконечныхъ,
Не пожалѣютъ нашего отца.

ВТОРОЙ.

Но на Руси народъ не позабудетъ—
За волю-мать удалаго бойца.

Н. А. Вроцкій.

РУССКАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ

и

ЕЯ НУЖДЫ.

V *).

Если рабочее сословіе, какъ фабричное такъ и кустарное, находится у насъ вообще въ неудовлетворительномъ положеніи, то главная причина этого заключается безъ сомнѣнія *въ низкомъ уровнѣ его умственнаго развитія*. При большей степени образованія, оно всегда могло бы разсчитывать и на лучшую матеріальную обстановку, и на скорѣйшій переходъ отъ положенія простого работника къ положенію мастера, и наконецъ къ положенію хозяина. Жалобы на недостатокъ *общаго образованія* въ рабочемъ классѣ нашихъ фабрикантовъ вполнѣ совпадаютъ съ жалобами не только французскихъ, но и англійскихъ фабрикантовъ. Когда, по заключеніи торговаго трактата съ Англіею и по закрытіи лондонской всемірной выставки 1862-го года, французское правительство учредило особую коммиссію подъ предсѣдательствомъ министра земледѣлія и торговли, для изученія нуждъ французской промышленности, и обратилось съ запросами къ фабрикантамъ и заводчикамъ, то они указывали именно на медленное распространеніе общаго образованія во Франціи сравнительно съ другими государствами Европы, какъ на одну изъ причинъ медленнаго, сравнительно съ этими странами, промышленнаго развитія Франціи и на совершенное почти отсутствіе образованія между най-

---

*) См. выше, апр. 664 стр.

болѣе способными рабочими, какъ на препятствіе къ формированію изъ нихъ мастеровъ. Равнымъ образомъ и въ Англіи, несмотря на изумительные успѣхи ея въ промышленномъ отношеніи, они приписываются главнымъ образомъ просвѣщенной и энергической дѣятельности немногихъ передовыхъ умовъ, которые, расширяя горизонтъ промышленныхъ знаній, направляли трудъ многочисленной промышленной арміи, одаренной необыкновенными физическими и нравственными качествами, но бѣдной умственнымъ развитіемъ, вслѣдствіе недостаточности общаго образованія. При большемъ развитіи этого послѣдняго въ фабричномъ населеніи, промышленные успѣхи Англіи, безъ сомнѣнія, были бы еще изумительнѣе, нежели теперь.

Первый признакъ общаго образованія заключается въ грамотности, т.-е. въ умѣньи читать и писать, и въ этомъ отношеніи, дѣйствительно, Франція, Англія и Россія стоятъ гораздо ниже государствъ германской расы и сѣверо-американскихъ Соединенныхъ Штатовъ [1]). На основаніи выводовъ, сдѣланныхъ частью по испытаніямъ конскриптовъ или рекрутъ, при поступленіи ихъ въ военную службу, частью по брачнымъ записямъ, въ которыхъ требуется собственная росписка грамотныхъ, оказывается, что на сто человѣкъ приходится грамотныхъ въ Виртембергѣ 100, въ Саксоніи 98, въ Пруссіи 96, въ Бельгіи 86, въ Голландіи 80, во Франціи 77, въ Англіи 73, въ Италіи 30, въ Австріи 29, въ Россіи 20. Въ русской арміи къ 1-му января 1868-го года въ числѣ 680,260 нижнихъ чиновъ было поступившихъ неграмотными 542,067 [2]). А такъ какъ армія черпаетъ свой контингентъ изъ народныхъ массъ, то по этимъ цифрамъ всегда можно судить объ умственномъ состояніи самыхъ массъ въ упомянутыхъ странахъ. Причина особеннаго развитія грамотности въ Германіи, Швейцаріи и Соединенныхъ Штатахъ заключается въ обязательности, по закону, посѣщенія школы дѣтьми всѣхъ сословій въ извѣстномъ возрастѣ, преимущественно между 5, 6 или 7 и 12, 14 или 15-ю годами первоначальнаго обученія.

Въ низшихъ германскихъ школахъ преподаются чтеніе, письмо, законъ Божій, начальная ариѳметика, первоначальныя познанія изъ географіи и исторіи въ видѣ отдѣльныхъ разсказовъ, изъ физики и естественныхъ наукъ, а также пѣніе, гимнастика и рисованіе, которое служитъ общею подготовкою къ дальнѣйшимъ профессіональнымъ

---

[1]) M. Block. L'Europe politique et sociale. — Кн. Васильчиковъ: «О самоуправленіи». Т. II. стр. 1—190. — Emile Lavelaye, De l'instruction du peuple au dix-neuvième siècle. Rev. d. deux Mondes, 1865—1866.

[2]) Ежегодникъ русской арміи на 1869-й годъ, стр. 795.

занятіямъ учениковъ въ ремесленныхъ и промышленныхъ училищахъ. Эти предметы преподаванія распредѣляются впрочемъ между начальной для дѣтей до 10-ти лѣтняго возраста, и средней низшей школой (Bürgerschule), гдѣ есть таковыя, или же сосредоточиваются всѣ въ начальной школѣ, если учитель ея имѣетъ такую же подготовку какъ и учитель среднихъ низшихъ школъ. Такимъ образомъ, начальныя школы Германіи не ограничиваются обученіемъ одной только грамотности, въ узкомъ значеніи этого слова, но дѣйствительно даютъ человѣку главныя основы общаго начальнаго образованія, съ которымъ онъ можетъ вступить въ жизнь или продолжать свое дальнѣйшее образованіе.

Почти подобный же объемъ преподаванія имѣютъ и первоначальныя школы въ Швейцаріи, гдѣ обученіе обязательно для всѣхъ гражданъ въ возрастѣ, смотря по кантонамъ, отъ 6 или 7 лѣтъ до 12, 15 или 16-ти. Результатомъ этого является всеобщая грамотность и всеобщее стремленіе родителей обучать своихъ дѣтей.

Несравненно менѣе развито и менѣе удовлетворительно начальное образованіе въ Бельгіи и во Франціи, вслѣдствіе вліянія католической партіи, и въ Англіи, вслѣдствіе совершеннаго устраненія, до самаго послѣдняго времени, правительства отъ дѣла народнаго образованія и исключительнаго вліянія на это дѣло однихъ частныхъ обществъ, каковы: Britisch and foreign Society; National Society; Home and colonial Society; Wesleyan schools Society; Poor catholic schools Committee; Ragged schools Union и др.

Для бо́льшаго распространенія грамотности во многихъ странахъ, даже не придерживающихся обязательности первоначальнаго обученія, разрѣшается употребленіе дѣтей на фабричныя работы не иначе, какъ если они прошли уже первоначальный школьный курсъ, или подъ условіемъ продолженія посѣщенія школы въ теченіе извѣстнаго числа часовъ.

Недостатку первоначальнаго образованія, вслѣдствіе ли небрежнаго посѣщенія школъ, или совершеннаго уклоненія отъ этой обязанности, или вслѣдствіе слишкомъ ранняго поступленія дѣтей на фабрики, по стѣсненному положенію ихъ родителей, въ настоящее время во всѣхъ почти странахъ стараются помочь— посредствомъ воскресныхъ и вечернихъ школъ. Въ Германіи такія школы именуются дополнительными, Fortbildungsschulen, и посѣщеніе ихъ большею частію обязательно для учениковъ ремесленниковъ и малолѣтнихъ фабричныхъ рабочихъ. Школы эти посѣщаются также и взрослыми; такъ, въ трехъ берлинскихъ воскресныхъ школахъ 588 учащихся до 16-ти лѣтъ, 485—

отъ 17 до 20-ти лѣтъ, 150—отъ 21 до 40-ка лѣтъ и старѣе. Въ школахъ этихъ, кромѣ общихъ предметовъ, ариѳметики, геометріи, исторіи, географіи, новѣйшихъ языковъ, чистописанія, рисованія и черченія, преподаются также начатки физики, химіи и механики и нѣкоторыя прикладныя свѣдѣнія о торговлѣ и промышленныхъ производствахъ. Въ Бельгіи подобныхъ школъ считалось въ 1860 году 1145, и онѣ посѣщались 76,791 мужчинами и 104,329 дѣвочками. Во Франціи также, въ послѣднее время, воскресные и вечерніе классы получили значительное развитіе, благодаря вліянію бывшаго министра народнаго просвѣщенія Дюрюи. Въ 1867-мъ г. считалось уже 32,383 школы съ 829,555-ю учениками, изъ коихъ было 82,553 женщинъ. Многія школы этого рода обязаны своимъ основаніемъ двумъ частнымъ обществамъ, образовавшимся во Франціи—политехническому и филотехническому. Изъ 830-ти тысячъ учащихся менѣе половины (357,406) было совершенно неграмотныхъ, и они обучались чтенію, письму и численію; болѣе же половины, именно 472,149 человѣкъ грамотныхъ, которые посѣщали классы для дальнѣйшаго своего усовершенствованія. Для такихъ устраивались курсы, обнимавшіе собою французскій языкъ, низшую математику въ приложеніи, начертательную геометрію, физику, химію, механику, гигіену, законодательство, пѣніе и рисованіе. Изъ 39,466 учителей около трети учили даромъ; весь же расходъ на содержаніе этихъ школъ простирался до 2 мил. франковъ, большею частью изъ суммъ собранныхъ съ учащихся, и отъ разныхъ общественныхъ учрежденій и частныхъ лицъ; правительствомъ дано было только 160 т. р. въ видѣ наградъ учителямъ.

Въ Англіи вечерніе курсы также весьма распространены и весьма популярны. Для рабочихъ эти курсы устраиваются или при нѣкоторыхъ низшихъ школахъ, или преимущественно въ помѣщеніяхъ и средствами самихъ обществъ рабочихъ, извѣстныхъ подъ названіемъ Mechanic's Institutions. Курсы эти обнимаютъ ариѳметику, счетоводство, геометрію, алгебру, исторію и понятія о полезныхъ вещахъ, причемъ въ этомъ послѣднемъ курсѣ сообщаются и нѣкоторыя техническія свѣдѣнія [1]).

Съ развитіемъ промышленности, вслѣдствіе быстрыхъ успѣховъ, сдѣланныхъ положительными науками въ концѣ минувшаго и началѣ нынѣшняго столѣтія, и широкаго приложенія, которое онѣ получили, явилась потребность въ спеціальномъ техническомъ

---

[1]) «Докладъ объ образованіи мастеровъ», Е. Н. Андреева, Спб. 1869 г. — Статья г. Берга: Промышленныя и ремесленныя учебныя заведенія въ Германіи: «Жур. Мин. Нар. Просв.» 1869 г. CXLIII.

образованія для приготовленія къ промышленной дѣятельности. Ни университеты, ни гимназіи, а тѣмъ менѣе низшія общеобразовательныя училища, не могли удовлетворить этой цѣли. Вслѣдствіе того стали возникать въ торговыхъ и промышленныхъ городахъ Германіи новыя реальныя промышленныя училища, учреждаемыя разными промышленными лицами и мѣстными обществами [1]. Но возникшія такимъ образомъ первоначально училища не достигали практическихъ результатовъ, потому что учебные курсы ихъ были слишкомъ многопредметны и не по силамъ учащихся; общее образованіе смѣшивалось въ нихъ съ техническимъ въ ущербъ послѣднему, и притомъ самое преподаваніе спеціальныхъ предметовъ, несмотря на все стремленіе сдѣлать его вполнѣ практическимъ и сообщать свѣдѣнія прямо приложимыя къ дѣлу, было неудачно. Вслѣдствіе того, особенно подъ вліяніемъ идей Песталоцци, реальныя промышленныя училища въ Германіи, особенно въ Пруссіи, были преобразованы такимъ образомъ, что изъ нихъ выдѣлены были предметы общаго образованія и составили мало-по-малу курсъ особыхъ самостоятельныхъ, общеобразовательныхъ реальныхъ и высшихъ гражданскихъ училищъ (Realschulen, höhere Bürgerschulen), которыя сдѣлались подготовительными заведеніями для желающихъ продолжать свое образованіе въ высшихъ техническихъ учебныхъ заведеніяхъ. Такимъ образомъ, нормальная училищная система въ Пруссіи и вообще въ Германіи распалась на два вида: общимъ основаніемъ ея служили элементарныя училища для дѣтей отъ 6 до 10-ти лѣтъ; затѣмъ слѣдовали съ одной стороны шестиклассныя гимназіи съ 9-ти-лѣтнимъ курсомъ и университеты, а съ другой реальныя общеобразовательныя училища съ 6-ти-лѣтнимъ курсомъ и высшія техническія учебныя заведенія. Главное различіе между гимназіями и реальными училищами состоитъ въ томъ, что въ послѣднихъ не преподается ни греческаго, ни еврейскаго языка, а на преподаваніе латинскаго языка употребляется втрое менѣе времени, именно 32 урока въ недѣлю вмѣсто 90; усилено преподаваніе нѣмецкаго и французскаго языка и введено преподаваніе англійскаго, а также рисованія, черченія, математики, и расширено преподаваніе естественныхъ наукъ, которыя не исключаются и изъ классическихъ гимназій. О степени распространенія этихъ училищъ можно судить по тому, что въ одной Пруссіи въ 1864-мъ году ихъ считалось 86 съ 21,000 учащихся и расходомъ казны до 636.000 талеровъ *).

---

[1]) См. статьи г. Весселя, Ремесленныя школы и промышленныя провинціальныя училища въ Пруссіи: «Жур. Мин. Нар. Просв.» CXXXI. 1867 г. стр. 481—525.

*) Съ прошедшаго года высшія реальныя училища въ Пруссіи, доказавъ, что они обра-

Въ другихъ германскихъ государствахъ реальныя училища или имѣютъ самостоятельное значеніе, какъ общеобразовательныя учебныя заведенія, напримѣръ, въ Сѣверной Германіи, или представляютъ, по прежнему, соединеніе общаго образованія съ спеціальнымъ техническимъ, какъ въ Австріи. Въ германскія реальныя училища поступаютъ дѣти нѣсколько достаточныхъ родителей, которые желаютъ или дать дѣтямъ своимъ высшее техническое образованіе, или же направить ихъ, по выходѣ изъ реальныхъ училищъ, прямо на практическую дѣятельность, съ достаточнымъ запасомъ общеобразовательныхъ познаній. Впрочемъ, не болѣе 4-хъ или 5-ти проц. всего числа учащихся въ реальныхъ училищахъ оканчиваютъ въ нихъ полный курсъ, большинство же выходитъ по прошествіи 3-хъ или 4-хъ низшихъ классовъ. Часть этихъ выбывающихъ учениковъ переходитъ въ такъ-называемыя провинціальныя промышленныя школы, въ которыхъ преподаются спеціальныя научныя знанія, необходимыя для болѣе правильнаго занятія какою-нибудь промышленностію.

Устройство этихъ профессіональныхъ училищъ, состоящихъ въ вѣдѣніи министерства промышленности и торговли*), на основаніи инструкціи, данной въ 1850-мъ г., слѣдующее: каждое вполнѣ организованное училище состоитъ изъ двухъ классовъ, низшаго и высшаго. Низшій назначается преимущественно для теоретическаго обученія и для упражненія въ рисованіи, высшій для примѣненія пріобрѣтенныхъ теоретическихъ свѣдѣній къ ремесламъ. Курсъ ученія въ каждомъ классѣ продолжается по одному году. Поступающій долженъ быть не моложе 14-ти лѣтъ и имѣть достаточныя свѣдѣнія въ нѣмецкомъ языкѣ, ариѳметикѣ, планиметріи и начальныхъ правилахъ рисованія и черченія. Предметы преподаванія состоятъ изъ геометріи, ариѳметики и алгебры, физики, химіи, минералогіи, механики и теоріи машинъ, строительнаго искусства, черченія, рисованія и моделировки. При каждомъ изъ подобныхъ училищъ должна находиться ремесленная дополнительная школа (Gewerbe Fortbildungsschule) съ вечерними или воскресными классами, для доставленія необходимаго образованія мѣстнымъ ремесленникамъ, ученикамъ, подмастерьямъ. Учители училища обязаны преподавать и въ ремесленной школѣ. Учителей полагается три, одинъ для математическихъ, и механическихъ наукъ, одинъ для естественно-историческихъ, одинъ для рисованія, архитектуры и

зуютъ и развиваютъ умъ учащихся не менѣе классическихъ гимназій, получили право для своихъ воспитанниковъ поступать въ университеты. *Ред.*

*) А не министерства народнаго просвѣщенія — какъ то мы указывали не разъ. *Ред.*

моделировки. Одному изъ учителей поручается завѣдываніе училищемъ съ званіемъ директора и съ обязанностію читать отъ 16 до 18-ти уроковъ въ недѣлю, съ вознагражденіемъ отъ 700 до 900 талеровъ, другіе учители имѣютъ отъ 20 до 24-хъ часовыхъ уроковъ и получаютъ отъ 500 до 650 тал. Изъ мѣстныхъ промышленниковъ въ числѣ 5-ти составляется училищный совѣтъ, на обязанности котораго, при участіи директора, лежитъ забота объ улучшеніи матеріальныхъ средствъ заведенія и наблюденіе, чтобы составъ учебнаго курса соотвѣтствовалъ мѣстнымъ промышленнымъ нуждамъ.

Организація провинціальныхъ промышленныхъ училищъ, принятая въ 1850-мъ г., по многократномъ обсужденіи этого предмета въ особыхъ коммиссіяхъ при министерствѣ торговли и промышленности изъ приглашенныхъ для того и спеціально знакомыхъ съ этимъ дѣломъ лицъ, доставила имъ полный успѣхъ и довѣріе общества, выразившееся въ поступленіи учениковъ даже изъ высшихъ богатыхъ промышленныхъ классовъ; но этотъ самый успѣхъ промышленныхъ училищъ возбудилъ противъ нихъ, въ 1859-мъ году, почти всю либеральную партію палаты депутатовъ, по поводу внесеннаго въ нее министромъ народнаго просвѣщенія проекта положенія о реальныхъ и высшихъ гражданскихъ училищахъ. Упрекая промышленныя училища въ томъ, будто-бы они отвлекаютъ молодыхъ людей отъ высшаго техническаго образованія, а слѣдовательно и отъ реальныхъ училищъ, противники новаго проекта видѣли въ немъ стремленіе министерства понизить общее реальное образованіе въ Пруссіи въ пользу классическихъ гимназій или даже совершенно замѣнить реальныя гимназіи промышленными училищами. Лишь взаимныя уступки обѣихъ сторонъ привели дѣло къ соглашенію, и доставили провинціальнымъ промышленнымъ училищамъ возможность спокойно развиваться согласно начертанному для нихъ организаціонному плану. Въ 26-ти промышленныхъ училищахъ Пруссіи получаютъ образованіе около 2000 молодыхъ людей изъ промышленнаго класса, при расходахъ на каждое училище отъ 2,100 до 2,800 талеровъ. Впрочемъ, опытъ указалъ недостатки этихъ училищъ, состоящіе въ томъ, что ученики начальныхъ или низшихъ бюргерскихъ училищъ не имѣютъ образованія достаточнаго для пониманія и усвоиванія сообщаемыхъ имъ въ промышленныхъ училищахъ прикладныхъ научныхъ знаній, вслѣдствіе того уже многими общинами учреждены особыя приготовительныя школы, а затѣмъ министерствомъ торговли назначенъ былъ комитетъ для составленія новаго устава для этихъ училищъ.

Въ Саксоніи, кромѣ 6-ти строительныхъ училищъ для архитек-

торовъ, плотниковъ и каменьщиковъ, существуетъ только одно низшее техническое учебное заведеніе, училище для образованія мастеровъ (königliche Werkmeister Schule). Оно состоитъ изъ трехъ классовъ съ полугодичнымъ курсомъ и раздѣляется на два отдѣленія—механическое и химическое.

Въ Баваріи, промышленныя училища существовали уже съ 1833-го года, но въ 1864-мъ году послѣдовало преобразованіе техническихъ учебныхъ заведеній, на основаніи котораго въ каждомъ городѣ 8-ми округовъ королевства положено учредить по крайней мѣрѣ одно промышленное училище, съ отнесеніемъ расходовъ по устройству и содержанію ихъ на счетъ суммъ округа. Всѣмъ другимъ городамъ предоставлено ходатайствовать о разрѣшеніи открывать подобныя же училища на свой счетъ. Реальныхъ училищъ въ Баваріи не существуетъ.

О средствахъ къ распространенію промышленно-ремесленнаго образованія въ Виртембергѣ мы не считаемъ нужнымъ распространяться, такъ какъ этому предмету была посвящена особая статья въ январьской книжкѣ «Вѣстника Европы». Достаточно сказать, что въ 1866-мъ году въ Виртембергѣ, независимо отъ 76-ти реальныхъ гимназій съ 4734-мя учащимися, еще 108 дополнительныхъ промышленныхъ училищъ съ 8264-мя учениками.

Въ Австріи низшія техническія заведенія существуютъ подъ названіемъ реальныхъ училищъ, и раздѣляются на низшія и высшыя, первыя съ трехгодичнымъ, послѣднія съ 6-ти-лѣтнимъ курсомъ. Кромѣ общаго образованія, съ исключеніемъ древнихъ языковъ, эти училища даютъ своимъ ученикамъ познанія, достаточныя какъ для приготовленія ихъ къ ремесленнымъ и промышленнымъ занятіямъ, такъ и для поступленія въ высшія техническія учебныя заведенія.

Большею частью всѣ ремесленно-промышленныя заведенія Германіи ограничиваются теоретическимъ образованіемъ, приспособляя его лишь къ потребностямъ мѣстной промышленности и предоставляя практическое обученіе настоящимъ мастерскимъ, независимымъ отъ школъ, и въ которыя ученики поступаютъ уже по выходѣ изъ школы, на правахъ вольныхъ работниковъ.

Впрочемъ въ Германіи существуетъ также нѣсколько школъ съ спеціальною цѣлью практическаго обученія извѣстнымъ ремесламъ, учрежденныя большею частью, чтобы водворить въ извѣстной мѣстности новую промышленность или поднять существующую. Таковы ткацкія школы, учрежденныя въ Виртембергѣ, и частью въ Пруссіи и Саксоніи; съ помощью подобныхъ школъ значительно развилось искусство выдѣлыванія кружевъ и турецкихъ

ковровъ; таковы также школы часового мастерства, существующія въ Баденѣ и Виртембергѣ.

Высшее техническое образованіе получается въ Германіи въ учебныхъ заведеніяхъ, именуемыхъ академіями или политехническими институтами. Цѣль этого рода заведеній—приготовлять инженеровъ съ высшими научными познаніями по разнымъ отраслямъ техники. Курсъ ученія въ заведеніяхъ этого рода обнимаетъ и теоретическую и практическую сторону. Обыкновенно подобные институты заключаютъ въ себѣ всѣ или нѣкоторые изъ слѣдующихъ отдѣловъ: 1) строителей мостовъ и шоссейныхъ дорогъ; 2) гражданскихъ инженеровъ; 3) горныхъ инженеровъ; 4) лѣсничихъ; 5) архитекторовъ; 6) механиковъ и 7) химиковъ. Курсъ ученія продолжается въ разныхъ институтахъ отъ двухъ до трехъ лѣтъ, причемъ первые курсы, представляющіе основаніе спеціальныхъ прикладныхъ знаній, обыкновенно бываютъ общими для слушателей всѣхъ отдѣловъ; въ нѣкоторыхъ институтахъ, по окончаніи приготовительныхъ курсовъ, ученики обязаны провести одинъ или два года въ работахъ на фабрикахъ или въ мастерскихъ, и тогда уже допускаются къ продолженію изученія спеціальныхъ прикладныхъ наукъ въ институтѣ. Къ заведеніямъ этого рода принадлежатъ королевская промышленная академія въ Берлинѣ съ 250 учащихся и ежегоднымъ бюджетомъ въ 55,000 тал.; политехническій институтъ въ Штутгартѣ съ 532-мя слушателями въ 1867—68 году, въ числѣ коихъ было 145 иностранцевъ и изъ нихъ 14 русскихъ. Училище получаетъ до 20½ т. гульд. дохода въ видѣ платы съ учениковъ и до 63½ т. гульд. отъ казны; политехническіе институты существуютъ еще въ Мюнхенѣ, Дрезденѣ, Карльсруэ, Вѣнѣ и Прагѣ. Въ Хемницѣ есть высшее королевское промышленное училище, пользующееся весьма хорошей репутаціей.

Во Франціи [1]) спеціальное, техническое, или какъ оно еще чаще тамъ называется, профессіональное образованіе обязано своимъ существованіемъ частной иниціативѣ и отличается отсутствіемъ строгой системы. Лишь въ послѣднее время, вслѣдствіе результатовъ обнаруженныхъ всемірными выставками относительно успѣховъ промышленности, сдѣланныхъ разными странами, правительство обратило болѣе серьезное вниманіе на этотъ предметъ и учредило въ 1863-мъ г. особую коммиссію для изслѣдованія вопроса о техническомъ образованіи. Между тѣмъ

---

[1]) Докладъ Е. Н. Андреева объ образованіи мастеровъ. — Etudes sur l'éducation professionelle en France, par Ph. Pompée. 1865.—Histoire des écoles impériales d'arts et métiers. A. Guettier. 1865.

потребность въ реальныхъ и прикладныхъ знаніяхъ давно уже ощущалась во Франціи. Жалобы на недостатокъ заведеній для удовлетворенія потребностямъ большинства особенно рельефно были высказаны въ отчетѣ Сенъ-Маркъ-Жирардена бывшему тогда министромъ народнаго просвѣщенія Гизо, въ 1833 г. по осмотрѣ среднихъ учебныхъ заведеній въ Германіи. Изложивъ жалобы большинства родителей средняго промышленнаго класса на то, что дѣти ихъ въ классическихъ гимназіяхъ, даже въ 4-хъ низшихъ классахъ выучиваются только латинскому языку, и не знаютъ ни отечественной исторіи, ни естественныхъ наукъ, ни новѣйшихъ языковъ, С.-М.-Жирарденъ говоритъ: «Классическое образованіе хорошо для нѣкоторыхъ, но отвратительно (détestable), когда оно дается всѣмъ. Въ прежнія времена эти неудобства были нечувствительны; немногіе получали образованіе, но немногіе и искали его; впрочемъ и изъ этого немногаго числа большинство предназначалось къ духовному званію, которое особенно нуждается въ научномъ и литературномъ образованіи. Не то мы видимъ теперь: каждый желаетъ образованія, каково бы ни было его званіе. И такъ какъ литературное образованіе одно существуетъ, хотя оно и негодится для всѣхъ, то всѣ его начинаютъ по крайней мѣрѣ. Еслибы всѣ дѣти оканчивали полный курсъ ученія и еслибы потребность въ промыслѣ или въ ремеслѣ не отрывала ихъ отъ ученія, то по прошествіи нѣкотораго времени весь народъ прошелъ бы черезъ риторику и сдѣлался бы классическимъ. Страшно даже и подумать о томъ. Поэтому нужно образованіе среднее, нѣсколько выше первоначальнаго, и которое бы не было притомъ классическимъ. Всѣ чувствуютъ потребность въ такомъ образованіи».

Цѣли этой предполагалось достигнуть учрежденіемъ высшихъ начальныхъ училищъ, въ родѣ реальныхъ гимназій; но цѣль не была однако достигнута потому, что училища эти, въ видахъ облегченія административнаго надзора и сокращенія расходовъ, рѣшено было въ 1841-мъ году соединять съ классическими гимназіями; при преимуществахъ отдаваемыхъ классическому образованію, дополнительные реальные классы сдѣлались удѣломъ дурныхъ учителей, дурныхъ учениковъ и вообще во всѣхъ отношеніяхъ стояли ниже параллельныхъ имъ классическихъ классовъ. Поэтому немногія только реальныя школы, какъ напр., извѣстныя подъ названіемъ Тюрго, Шапталя, Иври представляютъ удачный опытъ примѣненія реальнаго ученія къ среднему образованію.

По части собственно прикладныхъ или спеціальныхъ техническихъ знаній, во Франціи на первомъ планѣ стоятъ три школы

искусствъ и ремеслъ (écoles des arts et métiers) въ Шалонѣ, Анжерѣ и Эксѣ, съ одной центральной школой въ Парижѣ. Школы эти обязаны своимъ существованіемъ частной иниціативѣ, но затѣмъ перешли въ руки правительства и содержатся на его счетъ. Не разъ угрожала школамъ этимъ опасность быть закрытыми вслѣдствіе возбуждавшихся противъ нихъ въ палатѣ нападокъ; но краснорѣчивый голосъ такихъ ораторовъ и знатоковъ промышленности, какъ Шарль Дюпенъ, спасалъ ихъ отъ этой участи. Хотя образованіе доставляемое этими заведеніями, особенно въ практическомъ отношеніи, несмотря на существованіе при нихъ обширныхъ мастерскихъ, оставляетъ многаго желать, но тѣмъ не менѣе они постоянно снабжаютъ французскую промышленность искусными контрметрами, механиками, инженерами. Какъ желѣзнодорожныя, такъ и другія предпріятія не мало обязаны своимъ развитіемъ существованію этихъ заведеній, и не разъ было повторяемо мѣткое слово М. Шевалье, что еслибы этихъ школъ не было, то ихъ нужно было бы создать.

Политехническая школа хотя даетъ болѣе научное образованіе по всѣмъ отраслямъ знаній, чѣмъ центральная школа искусствъ и ремеслъ, но не дѣлаетъ, большею частію, воспитанникамъ этой послѣдней опасной конкурренціи, потому что выпускаетъ своихъ учениковъ, большею частію, на административное поприще.

Высшее теоретическое образованіе по части прикладныхъ наукъ предлагается также публичными курсами консерваторіи искусствъ и ремеслъ, при которой имѣется до 14-ти каѳедръ.

Замѣчательна также во Франціи школа Ламартиньеръ, въ Ліонѣ, основанная генераломъ Мартеномъ и содержимая процентами съ своего капитала, составляющаго около 2 милл. франковъ. Ученіе въ школѣ даровое для 500 приходящихъ дѣтей рабочихъ, подмастерьевъ и мастеровъ, не моложе 12-ти и не старѣе 14-ти лѣтъ. Въ школѣ преподаются низшая математика, физика и механика, черченіе, грамматика и для нѣкоторыхъ, въ видѣ спеціальныхъ курсовъ, химія, приготовленіе тканей и скульптура.

Въ Мюльгаузенѣ, мѣстными обществами, городскимъ и промышленнымъ, въ ряду другихъ полезныхъ учрежденій, устроена, между прочимъ, реальная школа для дѣтей достаточныхъ родителей и высшая школа прикладныхъ наукъ, съ 2-хъ-лѣтнимъ курсомъ; подобныя же школы существуютъ еще въ Анжерѣ, Нантѣ, Руанѣ и Шамбери.

Чисто-практическій характеръ имѣетъ школа ткачества въ Мюльгаузенѣ, съ 46-ю учениками при 40 станкахъ и паровой ма-

шинѣ въ 12 силъ; ремесленное заведеніе св. Николая въ Парижѣ, основанное и содержимое братствомъ христіанскихъ школъ на 600 пансіонеровъ, обучаемыхъ 19-ти ремесламъ; школы часовщиковъ въ Безансонѣ, Саланшѣ, Клюзѣ и Тонѣ.

Въ Бельгіи[1]) потребность прикладныхъ знаній для промышленнаго населенія была рано понята въ большихъ промышленныхъ центрахъ, и общинныя управленія принесли не малыя жертвы для учрежденія школъ, приспособленныхъ къ мѣстнымъ нуждамъ населенія. Техническое образованіе въ Бельгіи имѣетъ двѣ степени: низшую представляютъ такъ-называемыя учебныя мастерскія (ateliers d'apprentissage); высшую или, вѣрнѣе, среднюю—промышленныя школы (Ecoles industrielles). Учебныя мастерскія устроены на началахъ довольно однообразныхъ, исключительно для обученія фламандскаго населенія ткачеству. Учрежденіе подобныхъ мастерскихъ началось съ 1840-го года и было вызвано упадкомъ льняной промышленности, въ теченіе 30-хъ годовъ. Въ 80-ти слишкомъ мастерскихъ находится до 5,500 учениковъ, съ 1858-го же года образовано было 27,373 ткачей. Ученики въ этихъ школахъ зарабатываютъ отъ 10 до 30-ти к., а рабочіе уже сформированные—до 50 и 60-ти к. Содержаніе мастерскихъ обходится казнѣ и провинціямъ около 90,000 фр. ежегодно. Нѣкоторыя мастерскія отдаются въ аренду, но бо́льшею частію онѣ берутъ работу отъ фабрикантовъ и раздаютъ ее ученикамъ, наблюдая, чтобы каждый изъ нихъ прошелъ всѣ роды ткачества. Ежедневно 2 часа посвящается на элементарное образованіе дѣтей.

Промышленныя школы въ Бельгіи представляютъ менѣе однородности, нежели учебныя мастерскія; имѣя назначеніемъ распространеніе необходимыхъ знаній для образованія искусныхъ мастеровъ, контрметровъ и даже управляющихъ фабриками, школы эти, смотря по мѣстнымъ промышленнымъ нуждамъ населенія, различаются и самыми программами своими; но во всѣхъ однимъ изъ главныхъ предметовъ является техническое рисованіе, примѣненное въ одномъ мѣстѣ къ выдѣлкѣ тканей и ковровъ, въ другомъ — къ построенію машинъ и т. п. Бо́льшая часть этихъ школъ основана общинами при содѣйствіи провинцій и казны. До 1859-го года школы эти находились въ исключительномъ завѣдываніи самихъ общинъ, но вслѣдствіе отчетовъ, представленныхъ, послѣ первой лондонской выставки, правительству о потребностяхъ промышленнаго образованія, гг. Вишерсомъ и Кокіелемъ, правительство подчинило эти школы, въ учеб-

---

[1]) Exposé de la situation du royaume, 1851—1860, t. III, стр. 237—247.

номъ отношеніи, своему надзору и тѣмъ возвысило пользу, принесенную ими промышленному сословію; общее число подобныхъ школъ простирается до 15-ти обученіе въ нихъ безплатное.

Въ системѣ общаго образованія въ Бельгіи спеціальное (professionnelle) обученіе введено въ атенеяхъ, въ видѣ особыхъ при нихъ отдѣленій, совершенно независимыхъ, кромѣ общей администраціи и общаго помѣщенія, отъ классическихъ отдѣленій, какъ относительно предметовъ преподаванія, такъ и по распредѣленію учащихся. Спеціальныя отдѣленія атенеевъ почти въ полтора раза многолюднѣе классическихъ; въ концѣ 1863-го года, въ первыхъ было 1,496 учащихся, во вторыхъ — 1,028. Это предпочтеніе учащимися спеціальному образованію передъ классическимъ объясняется весьма просто тѣмъ, что послѣднее даетъ доступъ только къ такъ-называемымъ свободнымъ состояніямъ (professions libérales), преимущественно судебнымъ и ученымъ, а первыя къ весьма разнообразнымъ практическимъ поприщамъ и, кромѣ того, открываютъ и облегчаютъ поступленіе въ разныя высшія спеціальныя заведенія [1]).

При промышленномъ музеѣ въ Брюсселѣ существуютъ вечерніе публичные курсы физики, химіи, механики, гигіены и промышленной экономіи.

Не распространяясь о подробномъ устройствѣ техническихъ учебныхъ заведеній въ Италіи, ограничимся однимъ лишь указаніемъ, что число учащихся въ этихъ заведеніяхъ постоянно возрастаетъ; въ 1863—64-мъ годахъ ихъ считалось 3,534, въ 1864—65-мъ годахъ — 4,337; стоимость же содержанія всѣхъ техническихъ заведеній простирается до 2,187,500 лиръ (546,875 рублей), въ томъ числѣ четвертая часть этихъ расходовъ уплачивается правительствомъ.

Въ Англіи долгое время не только спеціальное техническое, но и самое общее образованіе, по крайней мѣрѣ, для низшихъ рабочихъ классовъ населенія, было въ полномъ пренебреженіи, и лишь нѣкоторыя филантропическія общества заботились о распространеніи грамотности и религіознаго обученія въ народѣ; но скоро несостоятельность частной иниціативы въ этомъ дѣлѣ была сознана, а международныя промышленныя выставки убѣдили англичанъ въ томъ, что другіе народы, нѣкогда уступавшіе имъ въ промышленномъ отношеніи, обязаны своими быстрыми успѣхами въ послѣднее время широкому распространенію естественно-историческихъ и практическихъ прикладныхъ знаній. Всльд-

---

[1]) Журн. Мин. Народн. Просв. 1867-го г. CXXXIV. Статья г. Довнара, «Начальное и спеціальное обученіе въ Бельгіи». стр. 393—394.

ствіе этого въ послѣднее время въ Англіи началось замѣтное движеніе въ пользу реальнаго и техническаго образованія. Въ 1853-мъ г. естественно-историческая школа учреждена въ Оксфордѣ и права ея уравнены съ правами классическихъ школъ; затѣмъ преподаваніе естественныхъ наукъ, съ выдачею особыхъ дипломовъ, учреждено въ нѣкоторыхъ коллегіяхъ кембриджскаго университета, и особенно широкое развитіе получило въ лондонскомъ университетѣ; по совѣту коммиссаровъ общественныхъ школъ, естественныя науки введены также въ систему образованія въ Гарроу, Регби и Итонѣ. На одномъ изъ послѣднихъ съѣздовъ британскаго общества распространенія наукъ, происходившемъ въ Дунди, предложено было, чтобы во всѣхъ школахъ введено было преподаваніе естественныхъ наукъ, съ назначеніемъ, по крайней мѣрѣ, для нихъ одного преподавателя и не менѣе 3 часовъ въ недѣлю, чтобы науки эти были поставлены въ одномъ уровнѣ съ математикой и новѣйшими языками; наконецъ, чтобы университеты и коллегіи оказали содѣйствіе введенію этого преобразованія. Нѣкоторые предлагаютъ даже преобразовать королевскую горную школу въ промышленный университетъ.

Правительство не только сочувствуетъ этому стремленію къ водворенію реальныхъ знаній, но и само беретъ на себя въ этомъ дѣлѣ иниціативу. Особая коммиссія учреждена для изслѣдованія всѣхъ вопросовъ, связанныхъ съ народнымъ образованіемъ и въ томъ числѣ съ спеціальнымъ, техническимъ. Коммиссія эта озаботилась собраніемъ самыхъ полныхъ матеріаловъ о положеніи техническаго образованія на континентѣ, какъ чрезъ своихъ дипломатическихъ агентовъ, по подробной, составленной коммиссіею, программѣ, такъ и чрезъ особо командированныхъ съ этою цѣлью лицъ. Отвѣты, собранные дипломатическими агентами, напечатаны въ 1868-мъ году подъ заглавіемъ: Technical and primary education: Circular of Lord Stanley to Her Majesty's Representatives abrood together with their replies, и вмѣстѣ съ отчетомъ Леона Леви, профессора политической экономіи въ тюбингенскомъ университетѣ, вице-президенту комитета по народному образованію въ Англіи, лорду Монтэгю, о положеніи техническаго образованія въ Италіи и другихъ странахъ, доставили намъ обильный матеріалъ при изложеніи настоящаго предмета.

Все вышеизложенное достаточно убѣждаетъ въ несомнѣнной важности, приписываемой въ настоящее время какъ распространенію реальнаго образованія, такъ и развитію спеціальнаго техническаго образованія во всѣхъ странахъ Европы, и каждая новая международная промышленная выставка вызываетъ соревно-

ваніе между народами; всѣ подобныя выставки краснорѣчивѣе всего свидѣтельствуютъ объ успѣхахъ промышленности, по мѣрѣ приложенія къ нимъ не только капиталовъ, но и знаній.

Въ то время, когда западная Европа, пользуясь быстрыми успѣхами естественныхъ наукъ, лихорадочно спѣшила примѣнять ихъ къ живой практической дѣятельности, — разливая самыми разнообразными средствами полезныя для промышленной дѣятельности знанія во всѣхъ слояхъ населенія, чему особенно обязана была широкимъ и неустаннымъ движеніемъ впередъ своей промышленности,—мы оставались цѣлые десятки лѣтъ спокойными зрителями этого движенія, какъ бы сознавая свое безсиліе догнать быстро уходившую отъ насъ впередъ промышленность Европы, и довольствовались огражденіемъ себя отъ конкурренціи иноземныхъ произведеній съ помощью высокихъ тарифовъ или выпискою по баснословно дорогимъ цѣнамъ техниковъ-иностранцевъ изъ-за границы, когда хотѣли поставить какое-нибудь фабричное дѣло на особенно хорошую ногу; въ большей же части случаевъ, наши промышленныя предпріятія ввѣрялись техникамъ доморощеннымъ, чуждымъ всякаго образованія и набившимъ себѣ только руку долговременною практикою на большихъ заводахъ; о необходимости научныхъ знаній для веденія фабричнаго дѣла мы и слышать не хотѣли. Понятно, что при такомъ направленіи, не могло быть серьезной рѣчи о развитіи у насъ техническаго образованія, и что до конца двадцатыхъ годовъ не было даже и мысли о возможности существованія какихъ-либо заведеній съ подобною цѣлью.

Первыми, впрочемъ весьма несовершенными, попытками удовлетворить хоть сколько-нибудь потребности нашей промышленности въ ученыхъ техникахъ было основаніе *Технологическаго института* въ С.-Петербургѣ и *Ремесленнаго заведенія* въ Москвѣ. Институтъ обязанъ своимъ существованіемъ просвѣщенной инпціативѣ тогдашняго министра финансовъ графа Канкрина; второе возникло по мысли императрицы Маріи Ѳеодоровны. Въ теченіи болѣе чѣмъ 30-ти лѣтъ, оба эти заведенія оставались единственными разсадниками у насъ техническаго образованія, а по своему первоначальному устройству и они не могли удовлетворить слишкомъ большимъ требованіямъ.

Главное назначеніе Технологическаго института, основаннаго въ 1828-мъ году, первоначально состояло въ томъ, чтобы вызвать къ болѣе разумной дѣятельности низшія городскія сословія, которыя, будучи преданы исключительно трудовымъ промышлен-

нымъ занятіямъ, по низкому уровню образованія своего, мало преуспѣвали въ нихъ; для болѣе богатыхъ классовъ общества въ то время, когда еще промышленное развитіе у насъ едва только что возникало, техническое образованіе представляло слишкомъ мало завлекательности. Поэтому самая необходимость принуждала принимать въ институтъ кандидатовъ въ весьма молодомъ возрастѣ отъ 13-ти до 15-ти лѣтъ, обращая главное вниманіе на крѣпкое тѣлосложеніе и благонравіе и требуя отъ нихъ только грамотности. Въ институтѣ съ самаго начала полагалось 132 казеннокоштныя вакансіи преимущественно для сиротъ и бѣднѣйшихъ дѣтей низшаго купеческаго и мѣщанскаго сословія, и въ томъ числѣ 112 въ пользу кандидатовъ, доставляемыхъ по особой очереди изъ губерній по выбору городскихъ думъ. Сверхъ того допускались пансіонеры и полупансіонеры съ платою по 200 и по 100 р. въ годъ. Полный курсъ ученія былъ 6-ти-лѣтній и распредѣлялся на два возраста: первые три года посвящались на первоначальное приготовительное образованіе, остальные три года на ученое теоретическое и практическое. Съ этою послѣднею цѣлью при институтѣ учреждены были мастерскія: механическая или слесарная, литейная, кузнечная, столярная, токарная, красильная, винокурня и лабораторія. Программа преподаванія была крайне ограничена, и лишь съ теченіемъ времени въ ней допущены были нѣкоторыя измѣненія. Воспитанники института, по окончаніи полнаго курса ученія, смотря по своимъ успѣхамъ, выпускались съ званіемъ инженеръ-технологовъ, технологовъ и практикантовъ или подмастерьевъ. Каждому изъ этихъ званій были присвоены извѣстныя льготы относительно платежа податей и отправленія рекрутской повинности.

Со времени открытія Технологическаго института, по 1858-й годъ включительно, въ немъ находилось на воспитаніи 1375 человѣкъ, въ томъ числѣ 771 казенныхъ воспитанниковъ и 604 пансіонеровъ и полупансіонеровъ; выпущено же изъ института, со времени перваго выпуска въ 1837-мъ г. до 1858-го г., 377 человѣкъ, въ томъ числѣ 252 инженеръ-технологами, 56 технологами-практикантами и 69 подмастерьями. Образованные институтомъ, хотя и съ весьма различнымъ уровнемъ знаній, техники принесли извѣстную долю пользы; нѣкоторые изъ нихъ стали во главѣ значительныхъ промышленныхъ заведеній и снискавъ всеобщее уваженіе и довѣріе, представили собою нашему промышленному сословію живой примѣръ преимущества спеціальнаго изученія промышленнаго дѣла и невѣрности простого

эмпирическаго знанія. Но несмотря на то, Технологическій институтъ въ своемъ первоначальномъ устройствѣ не осуществлялъ вполнѣ предположенной имъ цѣли и не соотвѣтствовалъ условіямъ высшаго техническаго образованія. Недостатки, открытые тридцатилѣтнимъ опытомъ его существованія, заключались съ одной стороны въ относительно маломъ числѣ воспитанниковъ, оканчивавшихъ полный курсъ наукъ (около 25-ти въ годъ) и въ значительномъ числѣ оставлявшихъ заведеніе до окончанія курса (до 35-ти человѣкъ), съ другой—въ незрѣлости нравственнаго и умственнаго развитія выпускаемыхъ воспитанниковъ, которые, отличаясь крайнею поверхностностью познаній, при большой самонадѣянности, внушаемой имъ довольно объемистымъ преподаваніемъ института, на первой порѣ слишкомъ мало оправдывали дѣлаемое имъ довѣріе фабричными хозяевами. Хотя многіе изъ такихъ воспитанниковъ успѣвали впослѣдствіи сами довершить на дѣлѣ свое образованіе, причемъ обращали въ пользу основныя познанія, пріобрѣтенныя ими въ институтѣ, но другіе не выдерживали борьбы и становились жертвами неполнаго и нетвердаго образованія, не принося пользы ни себѣ, ни обществу, на которое легли издержки ихъ воспитанія. Вообще Технологическій институтъ не образовывалъ вполнѣ, а только подготовлялъ техниковъ; но эта подготовка, хотя и не лишена была нѣкоторой доли пользы, но несоотвѣтствовала ни званію инженеръ-технологовъ, ни настоящимъ потребностямъ промышленности, которой нужны мастера и инженеры, а не полу-мастера и полу-инженеры.

Первымъ шагомъ къ исправленію обнаруженныхъ опытомъ недостатковъ Технологическаго института было начавшееся, въ 1862-мъ году, постепенное закрытіе пріуготовительныхъ классовъ въ институтѣ и измѣненіе требованій отъ принимаемыхъ, такъ что съ 1865-го года институтъ могъ наполняться уже исключительно кандидатами, получившими гимназическое образованіе. Весь спеціальный курсъ раздѣленъ былъ на 4 курса, съ распредѣленіемъ его на механическій и химическій отдѣлъ.

Четырехлѣтній опытъ убѣдилъ въ необходимости нѣкоторыхъ существенныхъ измѣненій въ положеніи утвержденномъ въ 1862-мъ году, чтб и было исполнено законодательнымъ порядкомъ въ 1867-мъ году.

На основаніи новаго положенія, Технологическій институтъ возведенъ въ спеціальное высшаго разряда учебное заведеніе по технической части, съ раздѣленіемъ его на четыре годичные курса и на два спеціальныя отдѣленія — механическое и хими-

ческое [1]). Штатный комплектъ учащихся опредѣленъ въ 500 человѣкъ, — 80 стипендіатовъ, 50 неплатящихъ постоянныхъ слушателей, 240 постоянныхъ слушателей и вольнослушателей, —платящихъ по 30 руб. и 130 такихъ же слушателей платящихъ по 70 руб. [2]).

Всѣ постоянные слушатели обязаны участвовать какъ въ теоретическихъ, такъ и въ практическихъ занятіяхъ по назначенію учебнаго комитета. При этомъ начальству института вмѣнено въ обязанность доставлять учащимся въ вакантное отъ ученія время возможность не только осматривать фабрики и заводы, но и заниматься на нихъ работами.

Окончившіе полный курсъ ученія въ Технологическомъ институтѣ удостоиваются, смотря по степени оказанныхъ ими познаній, званія технологовъ 1-го или 2-го разряда, вторые, не ранѣе года послѣ выпускного экзамена, могутъ держать экзаменъ на званіе технолога 1-го разряда. Технологи 1-го разряда, пробывъ на фабрикѣ или заводѣ въ теченіи года, при практическихъ занятіяхъ, могутъ искать степени инженеръ-технологовъ,

---

[1]) Предметы преподаванія раздѣлены: 1) на *обязательные для обоихъ отдѣленій* къ числу которыхъ отнесены а) *общіе* и *вспомогательные:* законъ божій, аналитическая и начертательная геометрія, черченіе и рисованіе, минералогія, политическая экономія и промышленная статистика Россіи, одинъ изъ иностранныхъ языковъ, французскій, нѣмецкій или англійскій, и б) *специальные*: физика общая и техническая, строительное искусство въ примѣненіи къ нуждамъ фабрично-заводской промышленности, технологія обработки волокнистыхъ веществъ; 2) на предметы *обязательные для механиковъ*: а) *специальные:* высшая математика, механика, аналитическая и практическая, курсъ построенія машинъ и проектированіе по части механики; б) *вспомогательные*: химія неорганическая, металлургія и важнѣйшіе предметы химической технологіи; 3) на предметы *обязательные для химиковъ:* а) *специальные:* химія неорганическая и органическая, химія аналитическая, химическая технологія, металлургія и проектированіе по части химическихъ производствъ; б) *вспомогательные:* механика теоретическая и практическая, элементарная физіологія и анатомія животныхъ и растеній, въ примѣненіи къ нуждамъ фабрично-заводской промышленности; 4) на предметы *необязательные для обоихъ отдѣленій:* горное искусство съ краткимъ очеркомъ геогнозіи и другой изъ иностранныхъ языковъ.

[2]) Въ постоянные слушатели допускаются молодые люди не моложе 16-ти лѣтъ, основательно знающіе предметы полнаго гимназическаго курса, кромѣ древнихъ языковъ и законовѣдѣнія. Своекоштными слушателями какъ на собственный свой счетъ, такъ и на счетъ разныхъ казенныхъ вѣдомствъ, а также обществъ городскихъ, сельскихъ, ученыхъ и благотворительныхъ могутъ быть молодые люди всѣхъ состояній и вѣроисповѣданій, русскіе подданные и иностранцы. Для недостаточныхъ слушателей изъ русскихъ подданныхъ учреждено 80 казенныхъ стипендій по 240 руб. въ годъ, которыя назначаются для вновь поступающихъ, по состязательному испытанію, а для находящихся уже въ институтѣ слушателей на основаніи успѣховъ, оказанныхъ ими на переводныхъ экзаменахъ. Для замѣщенія 40 казенныхъ стипендій вызываются также кандидаты изъ всѣхъ гимназій, кромѣ петербургскихъ и московскихъ, по очереди и по выбору директоровъ гимназій.

для чего обязаны представить на одобренную учебнымъ комитетомъ тему проектъ или сочиненіе по одному изъ своихъ спеціальныхъ предметовъ и доставить, если окажется нужнымъ, лично всѣ требуемыя объясненія. Технологи 2-го разряда исключаются изъ подушнаго оклада, снабжаются безсрочными паспортами и изъемлются навсегда отъ рекрутской повинности и тѣлеснаго наказанія. Технологи 1-го разряда причисляются къ сословію личныхъ почетныхъ гражданъ. Инженеръ-технологи, пробывшіе 10 лѣтъ въ этомъ званіи и съ успѣхомъ занимавшіеся своею спеціальностью, возводятся въ званіе потомственнаго почетнаго гражданства. Инженеръ-технологамъ разрѣшается поступать и на государственную службу по технической части, съ правомъ, по выслугѣ 4 лѣтъ, получать чинъ 10-го класса.

Содержаніе какъ профессоровъ, такъ и прочихъ служащихъ въ институтѣ по новому штату значительно возвышено; число профессоровъ опредѣлено 7, съ окладомъ въ 2,400 руб., и сверхъ того опредѣлено еще по штату 15,000 руб. на остальныхъ преподавателей, какъ состоящихъ на службѣ въ институтѣ, такъ и принимаемыхъ по найму. Вообще штатная сумма съ 130,000 руб. возвышена до 147,000 р., причемъ собственно на личный составъ 53,630 р., на учебныя пособія 34,070 р., на хозяйственные расходы 37,550 р. и на стипендіи и пособія учащимся 22,600 р.

Въ такомъ видѣ Технологическій институтъ поставленъ въ возможность удовлетворять возрастающему запросу на образованныхъ техниковъ, лучшимъ доказательствомъ чему служитъ въ настоящее время громадный приливъ слушателей въ институтъ, такъ что учебныя средства заведенія оказываются даже недостаточными для такого числа, особенно при замѣчаемомъ нынѣ стремленіи въ молодыхъ людяхъ усвоить себѣ практическіе пріемы въ изучаемыхъ ими прикладныхъ наукахъ. Существующія практическія мастерскія и химическая лабораторія становятся уже тѣсными при нынѣшнемъ составѣ учащихся (около 800 чел.), и требуютъ расширенія; притомъ для механическихъ мастерскихъ оказывается желательнымъ значительное обновленіе ихъ инвентаря, чтобы поставить ихъ вполнѣ въ уровень съ современнымъ состояніемъ механическаго дѣла. Какъ слышно, все это имѣется въ виду исполнить въ непродолжительномъ времени.

Судьба московскаго Ремесленнаго заведенія[1]) во многомъ

---

[1]) Публичный актъ ремесленнаго учебнаго заведенія 10 сентября 1860-го года. Москва.—Печатные отчеты московскаго техническаго училища за 1868 — 69-й и 1869—70-й года.

имѣетъ сходство съ судьбою петербургскаго Технологическаго института. Первоначальная цѣль Ремесленнаго заведенія, выраженная въ первомъ уставѣ его 1830-го года, заключалась въ доставленіи способовъ къ пропитанію такимъ питомцамъ московскаго Воспитательнаго дома, которые по своимъ способностямъ не могли продолжать ученія въ классахъ. По этому въ Ремесленномъ заведеніи воспитанники получали весьма элементарное научное образованіе и преимущественно были обучаемы разнообразнымъ мастерствамъ: сапожному, портному, картонному, малярному, жестяничному, переплетному, рѣзному, столярному, оловяно-литейному и др., безъ строгаго опредѣленія числа лѣтъ пребыванія воспитанниковъ въ школѣ. Но несостоятельность одного обученія ремесламъ, особенно при чрезвычайномъ ихъ дробленіи и при недостаткѣ научнаго образованія воспитанниковъ, почти съ первыхъ лѣтъ существованія заведенія обратила на себя вниманіе, и уже съ 1836-го года началось постепенное упраздненіе обученія нѣкоторымъ мастерствамъ и введеніе въ преподаваніе элементарныхъ свѣдѣній нѣкоторыхъ наукъ, какъ, напр., физики, начертательной геометріи и механики, а въ 1844-мъ году утвержденъ и новый уставъ заведенія, поставившій цѣлью его образованіе не только хорошихъ практическихъ ремесленниковъ, но и искусныхъ мастеровъ съ теоретическими свѣдѣніями. Курсъ ученія былъ 6-ти-лѣтній.

Съ утвержденіемъ новаго устава и съ постепеннымъ развитіемъ при заведеніи механическаго завода изъ небольшой слесарной мастерской вмѣстѣ съ имѣвшимися при заведеніи кузницею, чугунолитейною, токарною и столярною, обученіе механическому дѣлу начало брать перевѣсъ надъ обученіемъ прочимъ ремесламъ. Усиливавшееся распространеніе у насъ въ Россіи металлическихъ издѣлій и разныхъ механическихъ приспособленій, а также запросъ на мастеровъ-механиковъ и значительная цѣнность труда по этой спеціальности, особенно содѣйствовали принятію этого характера заведеніемъ. Но неподготовленность значительной части воспитанниковъ къ строго-научному преподаванію много замедляла успѣшное достиженіе цѣли заведенія, и хотя въ 1856-мъ году число вакансій для питомцевъ Воспитательнаго дома было уменьшено до 150-ти, за исключеніемъ 100 безплатныхъ вакансій для бѣдныхъ дѣтей, кончившихъ ученіе въ московскихъ дѣтскихъ пріютахъ, но все-таки заведеніе не избавилось отъ пріема малограмотныхъ дѣтей и отъ упраздненія элементарнаго преподаванія чтенію и письму. Съ оживленіемъ промышленной дѣятельности въ нашемъ отечествѣ, и съ усиленіемъ запроса на опытныхъ и искусныхъ техниковъ, сдѣ-

лалось необходимымъ расширить еще болѣе курсъ ученія въ Ремесленномъ учебномъ заведеніи,—вслѣдствіе того, въ 1857-мъ году разрѣшено было прибавить къ бывшимъ 6-ти классамъ по два спеціальныхъ класса, для двухъ отдѣленій, механическаго и химическаго, кромѣ преподаваемой уже общей химіи ввести преподаваніе аналитической химіи и химической технологіи, а для практическихъ занятій устроить техническую лабораторію, въ механическомъ же отдѣленіи усилить курсъ практической механики. Наконецъ, въ 1860-мъ году признано было полезнымъ приступить къ окончательному преобразованію Ремесленнаго учебнаго заведенія, но лишь въ 1868-мъ году послѣдовало утвержденіе новаго устава, по которому Ремесленное заведеніе переименовано въ *императорское Техническое училище* и причислено къ высшимъ спеціальнымъ заведеніямъ. Цѣлью его поставлено образованіе механиковъ-строителей, инженеръ-механиковъ и инженеръ-технологовъ. Курсъ ученія раздѣленъ между 9-ю классами, изъ нихъ три приготовительныхъ, три общихъ и три спеціальныхъ[1]).

Спеціальные классы раздѣляются на три отдѣленія: механическо-строительное, инженерно-механическое и инженерно-технологическое. Воспитанники спеціальныхъ классовъ въ теченіи всѣхъ трехъ лѣтъ, на ряду съ изученіемъ научныхъ спеціальныхъ предметовъ, удѣляютъ болѣе или менѣе значительное время (отъ 1 до 4 дней въ недѣлю) на практическія работы въ мастерскихъ или въ лабораторіяхъ.

Воспитанники, неоказавшіе удовлетворительныхъ успѣховъ въ общихъ классахъ, поступаютъ въ мастерскія и образуютъ практическій разрядъ учениковъ, которые работаютъ въ мастерской не менѣе трехъ лѣтъ, и выпускаются изъ училища только тогда, когда на дѣлѣ докажутъ знаніе мастерства. Кромѣ работъ въ мастерскихъ, практическій разрядъ воспитанниковъ за-

---

[1]) Въ приготовительныхъ классахъ преподаются законъ божій, языки: русскій, французскій и нѣмецкій, ариѳметика, начала алгебры, геометріи, исторія и географія, черченіе, рисованіе и чистописаніе; въ общихъ—законъ божій, тѣже языки, исторія, географія, статистика Россіи, математика, алгебра, геометрія съ низшею геодезіею, прямолинейная тригонометрія, аналитическая и начертательная геометрія, механика, теоретическая и практическая, физика, химія, краткій курсъ минералогіи, ботаники и зоологіи, рисованіе и черченіе; въ спеціальныхъ классахъ—законъ божій, курсъ высшаго анализа, аналитическая механика, прикладная часть начертательной геометріи, практическая механика, курсъ построенія машинъ, строительное искусство, механическая технологія, физика общая и прикладная, химія теоретическая и аналитическая, химическая технологія, бухгалтерія и составленіе проектовъ и смѣтъ по построенію машинъ и зданій.

нимается и нѣкоторыми научными предметами, необходимыми для образованныхъ мастеровъ.

Окончившіе съ успѣхомъ курсъ въ спеціальныхъ классахъ, смотря по отдѣленію, въ которомъ они занимались, получаютъ званія инженеръ-механика, механика-строителя или инженеръ-технолога; званія эти даютъ право на причисленіе къ сословію личныхъ почетныхъ гражданъ и избавляютъ отъ избранія въ городскія общественныя должности. Представившій, по прошествіи года со дня утвержденія въ сихъ званіяхъ, проектъ или какой-либо самостоятельный трудъ по своей спеціальности и давшій по нимъ удовлетворительныя словесныя объясненія въ педагогическомъ совѣтѣ училища, можетъ получить высшее званіе ученаго механика-строителя, ученаго инженеръ-технолога или ученаго инженеръ-механика. Званія эти даютъ право, въ случаѣ занятія преподавательскихъ или какихъ-либо штатныхъ техническихъ должностей въ казенныхъ или общественныхъ заведеніяхъ, на 10-й классъ; низшее же званіе, безъ присвоенія ученой степени, — на 12-й классъ.

Ученики практическаго разряда выпускаются съ званіемъ ученаго мастера, которое даетъ право на исключеніе изъ подушнаго оклада и на освобожденіе отъ рекрутской повинности.

Въ училищѣ полагается 100 казенныхъ вакансій, преимущественно для круглыхъ сиротъ изъ русскихъ подданныхъ всѣхъ сословій, въ томъ числѣ изъ питомцевъ воспитательныхъ домовъ и дѣтскихъ пріютовъ, 200 пансіонерскихъ вакансій для лицъ всѣхъ сословій, съ платою по 200 р. за каждаго, и неопредѣленное число, обусловливаемое помѣщеніемъ въ классахъ, мастерскихъ и лабораторіяхъ, для полупансіонеровъ и вольноприходящихъ, изъ коихъ первые платятъ 125 р., вторые 75 р. Къ началу учебнаго курса 1870—71 въ училищѣ находилось 388 воспитанниковъ, въ томъ числѣ казеннокоштныхъ 100, стипендіатовъ разныхъ лицъ и вѣдомствъ 27, своекоштныхъ пансіонеровъ 167, полупансіонеровъ 4, вольноприходящихъ 28, вольныхъ слушателей 62.

По преобразованіи училища для приведенія всѣхъ его учебныхъ пособій въ соотвѣтственное съ ихъ назначеніемъ положеніе, было ассигновано 55-ть тыс. руб. частью изъ запаснаго капитала училища, частью же изъ суммъ опекунскаго совѣта. Главными учебными пособіями училища служатъ, безъ сомнѣнія, лабораторія и мастерскія. Лабораторія состоитъ изъ 3-хъ отдѣленій: общей химіи, аналитической и технологической; кромѣ практическихъ занятій воспитанниковъ, въ нихъ производятся также анализы различныхъ веществъ, по просьбѣ частныхъ лицъ,

за весьма умѣренную плату, а для судебныхъ слѣдователей — безплатно.

Съ цѣлью достиженія систематичности въ преподаваніи элементарныхъ пріемовъ мастерства и для болѣе удобнаго контроля воспитанниковъ въ практическихъ занятіяхъ, съ 1868-го г. учебныя мастерскія отдѣлены совершенно отъ механическаго завода, въ которомъ выполняются частные заказы, и доступъ на заводъ открытъ воспитанникамъ только тогда, когда они совершенно усвоятъ себѣ необходимые пріемы мастерства. Техническому училищу принадлежитъ починъ разработки систематическаго метода преподаванія токарнаго, столярнаго, слесарнаго и кузнечнаго дѣла. Выработанныя училищемъ программы систематическаго преподаванія механическихъ искусствъ приложены къ дѣлу, и составленныя для означенныхъ программъ коллекціи послѣдовательныхъ работъ для учащихся украшали собою механическій отдѣлъ с.-петербургской мануфактурной выставки 1870-го года, обращая на себя серьезное вниманіе знатоковъ дѣла.

Механическій заводъ техническаго училища состоитъ изъ обширной слесарной, снабженной машинами-орудіями (machines-outils) лучшихъ англійскихъ конструкторовъ, изъ сборной, изъ обширной кузницы, чугуно-литейной, мѣдно-литейной, малярной, столярной и чертежной. Заводъ работаетъ тремя паровыми машинами въ 25, 10 и 4 силы. Въ теченіе послѣднихъ $2^1/_2$ лѣтъ онъ изготовилъ разныхъ машинъ по заказамъ и для училища на сумму $71^1/_2$ тыс. руб. Главная цѣль завода заключается не въ матеріальномъ обогащеніи училища доходами, а въ ознакомленіи воспитанниковъ, поступающихъ на него въ качествѣ сформированныхъ работниковъ изъ спеціальныхъ классовъ. На этомъ заводѣ воспитанникъ пріучается, подъ руководствомъ главнаго инженеръ-механика и его помощника, къ постройкѣ какъ деталей, такъ и цѣлыхъ машинъ по даннымъ чертежамъ, къ сборкѣ машинъ, установкѣ приводовъ и проч.; изучаетъ административную и хозяйственную часть, однимъ словомъ знакомится съ организаціей промышленной мастерской. Механическій заводъ въ такомъ видѣ, съ точки зрѣнія педагогической, есть такое важное и полезное учебное пособіе, которому могутъ позавидовать даже высшія техническія училища западной Европы.

Однимъ изъ важныхъ залоговъ прочнаго и успѣшнаго существованія Техническаго училища служатъ значительныя денежныя средства, которыми оно располагаетъ, состоящія въ 2,568,168 руб. неприкосновеннаго капитала, въ 30,340 руб. запаснаго и въ 15,000 руб. оборотнаго капитала мастерскихъ, всего же въ 2,613,508 р. Доходы Техническаго училища состояли

въ 1868-мъ г. изъ 105,000 р. процентовъ съ этого капитала, изъ 44,000 р. получаемыхъ въ видѣ платы съ пансіонеровъ и изъ 10,000 р. чистаго дохода, выручаемаго мастерскими, всего же изъ 159,000 руб. Расходы училища въ 1868-мъ году составляли 150,007 р., въ томъ числѣ на учебную часть, за исключеніемъ учебныхъ мастерскихъ, 51,657 руб.

Въ 1861-мъ году къ числу высшихъ техническихъ учебныхъ заведеній въ имперіи присоединилось еще *Рижское политехническое училище* [1]). Мысль объ учрежденіи этого училища принадлежитъ рижскому биржевому комитету и вызвана была потребностью, которая давно ощущалась въ прибалтійскихъ губерніяхъ въ мѣстномъ учебномъ заведеніи для образованія техниковъ и вообще способныхъ по разнымъ отраслямъ торговой и фабричной промышленности людей, вслѣдствіе стѣснительной зависимости въ этомъ отношеніи отъ чужихъ краевъ, и затрудненій, съ которыми сопряжено выписываніе изъ-за границы, даже съ значительными пожертвованіями способныхъ дѣловыхъ людей и техниковъ. На первоначальные расходы по устройству училища, приговоромъ городского общества назначено 100,000 р. изъ капитала рижскаго запаснаго хлѣбнаго магазина, на ежегодное же содержаніе училища назначено пособіе до 3,000 р. изъ доходовъ г. Риги, и наконецъ, подъ постройку зданія училища отведенъ участокъ городской земли.

По положенію, утвержденному 16-го мая 1861-го г., цѣлью рижскаго политехническаго училища поставлено теоретическое и практическое образованіе лицъ, спеціально посвящающихъ себя промышленности во всѣхъ ея видахъ, гражданской архитектурѣ, инженерному искусству, сельскому хозяйству и торговлѣ [2]).

---

[1]) Матеріалами для изученія устройства и настоящаго положенія этого заведенія мы обязаны любезности профессора сельскаго хозяйства и декана агрономическаго отдѣла училища, Карла Бернардовича Гена, который доставилъ намъ девять печатныхъ отчетовъ училища съ 1862 по 1869—70 г. и программу на учебный 1870—71 г.

[2]) Въ училищѣ преподаются: законъ божій (по вѣроисповѣданіямъ), зоологія, ботаника, минералогія, опытная физика, химія общая и аналитическая, математика низшая и высшая, начертательная геометрія и черченіе, политическая экономія и промышленная статистика, товаровѣдѣніе, исторія торговли и торговая географія, коммерческое законодательство, торговое дѣлопроизводство, бухгалтерія и коммерческая ариѳметика, технологія механическая и химическая, механика теоретическая и практическая и курсъ построенія машинъ, гражданская архитектура и строительное искусство, составленіе и черченіе проектовъ по части механики, физики, технологіи заводской и сельской архитектуры; языки русскій, нѣмецкій, французскій и англійскій. Предметы эти раздѣляются смотря по избранной каждымъ учащимся спеціальности на обязательные и необязательные, первые же подраздѣляются еще на главные и дополнительные. Подробное распредѣленіе предметовъ на спеціальныя отрасли, по курсамъ, а равно дополненіе курсовъ новыми науками, или замѣна од-

Въ училище принимаются молодые люди всѣхъ состояній, не моложе 16-ти лѣтъ, на правѣ вольноприходящихъ по экзамену, отъ коего могутъ быть освобождаемы лишь окончившіе съ успѣхомъ курсъ ученія въ гимназіяхъ и другихъ равныхъ имъ заведеніяхъ. Совѣту предоставлено, съ утвержденія попечителя, назначать размѣръ платы за ученіе, а также опредѣлять число лѣтъ потребныхъ для полнаго окончанія курсовъ по различнымъ спеціальнымъ отдѣламъ.

Окончившіе полный курсъ ученія и оказавшіе очень хорошіе успѣхи въ предметахъ избранной ими спеціальности удостоиваются, съ утвержденія министра финансовъ, похвальнаго аттестата, съ полученіемъ коего они лично освобождаются навсегда отъ рекрутской повинности и отъ тѣлеснаго наказанія, исключаются изъ подушнаго оклада и сверхъ того снабжаются безсрочнымъ паспортомъ.

Управленіе училищемъ принадлежитъ совѣту, состоящему изъ представителей тѣхъ сословій, по два отъ каждаго, которые пожертвованіями своими содѣйствовали къ учрежденію заведенія или принимаютъ участіе въ его содержаніи. Непосредственное завѣдываніе училищемъ, по учебной и дисциплинарной части ввѣряется директору, избираемому совѣтомъ преимущественно изъ лицъ, получившихъ техническое образованіе, и утвержденному попечителемъ училища; тѣмъ же порядкомъ избираются профессора. На совѣтъ возлагается завѣдываніе всею хозяйственною частью училища. Въ ноябрѣ 1867-го г. предоставлены преподавателямъ политехническаго училища права государственной службы, безъ права на полученіе пенсіи изъ государственнаго казначейства [1]).

Со времени открытія училища, 2-го октября 1862-го года до 13-го сентября 1870-го г. въ него поступило 335 учениковъ, изъ числа коихъ 176 находятся еще въ училищѣ, а 159 оставили уже его; изъ нихъ 17 удостоены похвальныхъ аттестатовъ, выдаваемыхъ съ разрѣшенія министра финансовъ, 26 вышли по окончаніи полнаго курса, а 116 до окончанія курса. Въ числѣ 335-ти учениковъ 196 человѣкъ принадлежали къ уроженцамъ

нихъ другими предоставлены совѣту училища съ утвержденія попечителя, который есть генералъ-губернаторъ Остзейскаго края. При училищѣ имѣются библіотека, химическая лабораторія и разные учебные кабинеты и другія учебныя пособія; для усиленія же своихъ практическихъ познаній, учащіеся посѣщаютъ, подъ надзоромъ своихъ профессоровъ, разныя мастерскія и фабрики и осматриваютъ постройки, а также занимаются въ удобное для сего время и производствомъ съемокъ.

[1]) Училище старается образовать свой собственный пенсіонный капиталъ, достигающій нынѣ уже 9-ти тыс. рублей.

Остзейскаго края, 107 къ уроженцамъ 9-ти сѣверо и юго-западныхъ и Царства Польскаго, 11 С.-Петербургской, 8 Московской, 9 нѣкоторыхъ внутреннихъ и южныхъ губерній, 4 иностранца. Изъ 175-ти наличныхъ къ сентябрю 1870-го г. учениковъ 70 было въ приготовительныхъ классахъ (41 по техническому отдѣлу, 16 по сельско-хозяйственному и 13 по торговому), а 106 собственно въ политехническихъ курсахъ, въ томъ числѣ 60 человѣкъ по инженерному отдѣленію, 16 по сельскохозяйственному, 11 по торговому, 9 по химикотехническому, 8 по машиностроительному и 2 по архитектурному. Окончившіе съ успѣхомъ полный курсъ ученія въ училищѣ весьма легко находятъ для себя мѣста и уже многія желѣзныя дороги въ Россіи воспользовались инженерами, выпущенными изъ рижскаго политехническаго института.

Училище это представляетъ рѣдкій, если не единственный примѣръ въ Европѣ высшаго техническаго учебнаго заведенія, которое содержится не на счетъ государственнаго казначейства, а на счетъ ежегодныхъ взносовъ и пожертвованій со стороны сословій, корпорацій и частныхъ лицъ и на счетъ сборовъ за слушаніе лекцій. Пожертвованія сословій и корпорацій, начавшись съ 13,000 р. въ годъ, мало-по-малу возвысились до 32,900 р. (въ 1869—70 г.), сборовъ за слушаніе лекцій получено было въ 1869—70 г. 17,268 руб., весь же доходъ училища составлялъ 56,000 руб. Расходы училища простирались въ то же время до 47,000 руб., въ томъ числѣ 32 т. на жалованье служащимъ, 5,200 руб. на учебныя пособія, остальное на хозяйственные и канцелярскіе расходы.

Такимъ образомъ, въ настоящее время три высшихъ спеціальныхъ заведенія имѣютъ задачею подготовлять въ Россіи техниковъ для промышленности, и судя по имѣющимся свѣдѣніямъ, оканчивающіе во всѣхъ этихъ заведеніяхъ курсъ безъ труда получаютъ мѣста. Это слѣдуетъ приписать тому, что молодые люди начинаютъ понимать въ настоящее время, что прямо со школьной скамьи они не могутъ получать вполнѣ самостоятельныхъ мѣстъ съ большими окладами и на первыхъ порахъ довольствуются мѣстами второстепенными, съ умѣренными окладами въ 600—800 руб., съ которыхъ легко переходятъ къ высшимъ. Но тремя заведеніями, дающими въ настоящее время техническое образованіе почти 1,500 молодымъ людямъ, далеко не исчерпывается потребность имперіи въ техникахъ, и на югѣ, въ центрѣ черноземной полосы, производящей въ изобиліи разные сырые продукты, переработываемые преимущественно фабриками сѣверныхъ и центральныхъ губерній, и бо-

гатой залежами лучшаго каменнаго угля и желѣзныхъ рудъ, возникаетъ мысль объ утвержденіи въ Харьковѣ новаго технологическаго института. Министерство финансовъ уже откликнулось сочувственно на эту живую потребность промышленнаго сословія порученіемъ двумъ профессорамъ здѣшняго института посѣтить Харьковъ для ближайшихъ соображеній по этому дѣлу, а харьковское городское общество уже заявило готовность свою пожертвовать для этой цѣли 50,000 руб.

Но если у насъ существуютъ въ настоящее время уже три высшихъ техническихъ учебныхъ заведенія и образуется четвертое, за то недостатокъ въ техническихъ школахъ съ болѣе низкимъ уровнемъ ученія, для образованія не самостоятельныхъ управляющихъ фабриками и заводами, а мастеровъ или простыхъ исполнителей отдѣльныхъ частей фабричнаго дѣла, чрезвычайно ощутителенъ, и составляетъ одно изъ важныхъ препятствій къ правильному развитію нашей промышленности. Попытки къ устраненію этого недостатка были еще рѣдки и начались лишь въ 60-хъ годахъ; до сихъ поръ можно указать не болѣе четырехъ школъ подобнаго рода. Таковы Ремесленная школа въ Николаевѣ, Коммисаровская ремесленная школа въ Москвѣ, Александровское ремесленное желѣзнодорожное училище въ Ельцѣ и Александровское техническое училище въ г. Череповцѣ.

Николаевская ремесленная школа учреждена морскимъ вѣдомствомъ въ 1863-мъ году, съ цѣлью доставленія способовъ къ умственному и нравственному образованію, а также къ изученію ремеслъ дѣтямъ нижнихъ чиновъ морского вѣдомства и затѣмъ вообще дѣтямъ всѣхъ лицъ бѣднаго состоянія. Обученіе въ школѣ безвозмездное и не сопряжено ни съ какими обязательствами для учащихся въ отношеніи къ морскому вѣдомству, которое однако имѣло въ виду образовать такимъ образомъ дѣльныхъ мастеровъ, способныхъ отправлять различныя портовыя, маячныя и судовыя работы, съ производствомъ за то, при существующемъ въ настоящее время свободномъ трудѣ, установленной задѣльной платы. Комплектъ учениковъ школы первоначально былъ неограниченъ и доходилъ до 300, но съ сокращеніемъ бюджета школы съ 14,300 р. до 8,560 р. въ 1867-мъ году, по случаю чрезвычайнаго сокращенія всѣхъ расходовъ морского вѣдомства, число учениковъ опредѣлено въ 200 чел. съ предоставленіемъ права поступленія въ школу однимъ лишь грамотнымъ ученикамъ. По новому положенію, школа состоитъ изъ двухъ отдѣленій, старшаго и младшаго. Классныя занятія продолжаются три часа въ день и состоятъ изъ закона божія, чтенія, письма, ариѳметики, геометріи, рисованія и черченія.

Обученіе мастерствамъ производится ежедневно въ теченіи пяти часовъ въ мастерскихъ, на обзаведеніе которыхъ ассигновано было 14,360 руб. и которыя открывались по мѣрѣ ихъ приведенія въ настоящій видъ и порядокъ. Въ школѣ обучилось уже до 150-ти человѣкъ, при чемъ система обученія была строго постепенная и послѣдовательная, при которой ученикъ переходитъ отъ наиболѣе простыхъ работъ къ труднѣйшимъ и доходитъ до самыхъ сложныхъ; это та же система, которой слѣдуютъ при обученіи мастерствамъ въ московскомъ Техническомъ училищѣ.

Въ первое время, школа, при исполненіи казенныхъ и частныхъ заказовъ, неоплачивала труда воспитанниковъ, а довольствовалась однимъ вознагражденіемъ за матеріалъ; съ 1867-го же года школа беретъ плату за выдѣлку вещей, вполнѣ на коммерческомъ основаніи, и вырученныя суммы употребляетъ на расширеніе мастерскихъ, на ремонтъ инструментовъ и частію въ награду прилежнѣйшимъ ученикамъ.

Коммисаровская школа въ Москвѣ возникла въ 1865-мъ г., и благодаря дѣятельному участію въ ея судьбѣ нѣсколькихъ крупныхъ желѣзностроительныхъ дѣятелей, получила назначеніе служить для подготовленія желѣзнодорожныхъ техниковъ. Первоначально это была не болѣе какъ простая ремесленная школа, при первомъ арбатскомъ отдѣленія дамскаго попечительства о бѣдныхъ, на 30 воспитанниковъ, которые обучались ремесламъ портному и переплетному. Съ 1867-го года, благодаря единодушному направленію попечителей школы, она вступила въ новый фазисъ своего развитія, число учениковъ было увеличено до 65-ти, курсъ преподаванія сравненъ съ курсомъ уѣздныхъ училищъ съ введеніемъ еще нѣмецкаго языка, черченія въ полномъ объемѣ, а также механики и физики. Избѣгая затратъ на устройство мастерскихъ, попечительство школы рѣшилось при удовлетворительномъ физическомъ развитіи воспитанниковъ помѣщать ихъ, по достиженіи 14-ти лѣтъ, для изученія техническаго дѣла на заводы и фабрики частью за границею, частью же и въ Россіи; причемъ менѣе способные къ техническимъ ремесламъ обучаются телеграфному дѣлу.

Въ 1868-мъ г. число воспитанниковъ возрасло до 122; изъ нихъ 22 были размѣщены частью на берлинскихъ заводахъ Борзига и Пфлуга, частью въ мастерскихъ московско-рязанской, козловско-воронежской и курско-харьковско-азовской дорогахъ и въ частныхъ типографіяхъ. Въ настоящее время школа имѣетъ уже собственный домъ, пріобрѣтенный за 27,000 р., въ которомъ и помѣщается, и вообще существованіе ея въ будущемъ обезпечено вполнѣ.

Въ 1869-мъ году, г. Поляковымъ учреждено, съ высочайшаго разрѣшенія, спеціальное *Александровское ремесленное желѣзно-дорожное училище*. Учредитель пожертвовалъ въ пользу этого училища капиталъ въ 30,000 р. и сверхъ ежегоднаго обязательнаго взноса принялъ на себя расходы по первоначальному устройству, простиравшіеся до 1.626 руб. 26 коп.; сверхъ того до 8.700 руб. пожертвовано въ пользу этого училища 368-ю лицами, какъ служащими по управленіямъ желѣзныхъ дорогъ, такъ и посторонними. Училище открыто 17-го апрѣля 1869-го г. въ г. Ельцѣ при мастерскихъ орловско-грязеской желѣзной дороги. Въ первомъ учебномъ году [1]) преподаваніе въ училищѣ раздѣлялось на 3 отдѣла: въ первомъ воспитанники получали элементарное научное образованіе, въ свободное же отъ классовъ время занимались черченіемъ, дѣланіемъ моделей, точеніемъ мелкихъ вещей, нагляднымъ изученіемъ ремеслъ и вообще работами, необременяющими физическихъ силъ и развивающими охоту къ труду и ремеслу; во-второмъ отдѣлѣ воспитанники исключительно изучали ремесла, избранныя каждымъ сообразно своимъ наклонностямъ, и тѣ ремесла, знакомство съ которыми необходимо для вполнѣ успѣшнаго примѣненія избраннаго спеціальнаго ремесла; третій же отдѣлъ былъ составленъ изъ такихъ воспитанниковъ, которые по своему возрасту и способностямъ могли успѣшнѣе другихъ изучить практически одно изъ ремеслъ по примѣненію къ желѣзно-дорожному дѣлу. Изъ 40 воспитанниковъ, находившихся въ училищѣ въ первый годъ его существованія, 13 пріобрѣли настолько практическихъ знаній, что могли быть выпущены — 4 телеграфистами, 7 — дорожными мастерами, и 2 конторщиками по желѣзно-дорожной части. Всѣ они поступили на соотвѣтствующія должности съ хорошимъ содержаніемъ, и управленіе дороги нашло въ нихъ способныхъ дѣятелей, превосходящихъ своими познаніями и нравственностію значительное большинство обыкновенныхъ ремесленниковъ, служащихъ при желѣзныхъ дорогахъ. Содержаніе училища въ первый годъ обошлось въ 6.563 руб., доходъ училища составлялъ 12.326 руб.

Александровское техническое училище въ Череповцѣ, Новгородской губерніи, учреждено братьями Милютиными, въ связи съ принадлежащими имъ машино - и судостроительнымъ заводомъ и устроеннымъ мѣстнымъ городскимъ обществомъ Алек-

---

[1]) Отчетъ Александровскаго ремесленнаго желѣзно-дорожнаго училища въ первый годъ его существованія съ 17-го апрѣля 1869-го г. по 17-е апрѣля 1870 г. Москва. 1870 г.

сѣевскимъ докомъ. По уставу своему, утвержденному 9-го октября 1864-го года, оно имѣетъ цѣлію: а) образованіе мастеровъ по литейному, слесарному, токарному и вообще машинно-и судостроительному дѣлу, а также свѣдущихъ машинистовъ, и б) доставленіе мастерамъ и рабочимъ, состоящимъ при означенныхъ заведеніяхъ, возможности получать первоначальное общее и техническое образованіе.

Въ училищѣ преподаются законъ божій, русскій языкъ, географія, исторія и математика, въ объемѣ курса уѣздныхъ училищъ, и, сверхъ того, счетоводство, основанія естественныхъ наукъ, физика, химія и механика, въ приложеніи къ машинно-судостроенію, черченіе, рисованіе и чистописаніе; въ учебныхъ мастерскихъ ученики изучаютъ практически пріемы къ правильному и успѣшному производству столярныхъ, слесарныхъ, формовочныхъ и литейныхъ работъ, а также пріучаются къ производству работъ на машинно-строительномъ заводѣ Милютиныхъ, на судостроительной пристани и на пароходахъ.

Число учениковъ положено по уставу на первое время 60, въ томъ числѣ 20 пансіонеровъ съ платою ежегодно по 72 руб., 10 полупансіонеровъ съ платою по 40 р., и 30 вольноприходящихъ учениковъ по 12 р. Для поступленія въ училище требуется 14-лѣтній возрастъ и умѣнье читать и писать. При недостаткѣ свободныхъ вакансій вступающіе подвергаются пріемному испытанію. Наилучше приготовленные и бѣднѣйшіе, преимущественно же дѣти мастеровыхъ, находящихся въ череповскихъ мастерскихъ и на шекснинскихъ пароходахъ, могутъ быть освобождаемы отъ платы за ученіе.

Курсъ преподаванія раздѣляется на два отдѣленія: младшее и старшее. Переводъ изъ перваго въ послѣднее, и изъ этого на практическія работы на заводѣ производится по годичнымъ отмѣткамъ. Переводъ учениковъ на заводъ, судостроительную пристань или на пароходы, смотря по степени подготовки, прилежанію, способностямъ и развитіи физическихъ силъ совершается черезъ 1, 2 или 3 года. Срокъ пребыванія на заводѣ полагается для платящихъ 3 года, для неплатящихъ учениковъ четыре года. На заводѣ ученики исполняютъ всѣ работы наравнѣ съ наемными рабочими, но лишь тѣ, которые не превышаютъ ихъ физическихъ силъ, и не далѣе 10-ти часовъ въ сутки. Ученики, неспособные по слабости здоровья къ механическимъ работамъ, занимаются преимущественно черченіемъ, а также счетоводствомъ по заводу. Ученики, неоказавшіе хорошихъ успѣховъ въ предметахъ теоретическаго преподаванія, при хорошемъ поведеніи могутъ быть переводимы на заводъ простыми рабо-

чими. Во время практическихъ работъ на заводѣ, ученикамъ, въ видѣ поощренія, можетъ быть назначаемо нѣкоторое денежное вознагражденіе, которое записывается въ особую для каждаго книгу, вносится въ сберегательную кассу, и по окончаніи образованія выдается ученикамъ съ накопившимися процентами.

Всѣ вообще ученики, работающіе на заводѣ, обязаны посѣщать вечерніе и воскресные классы, учрежденные при училищѣ какъ по техническимъ предметамъ, такъ и для обученія грамотѣ работающихъ на череповскомъ механическомъ и судостроительномъ заведеніи мастеровъ и рабочихъ, а также для учениковъ мѣстнаго уѣзднаго училища.

По окончаніи срока практическихъ занятій на заводѣ и на основаніи публичнаго испытанія изъ теоретическихъ предметовъ, а также въ умѣньи обращаться съ инструментами, ученики удостоиваются, смотря по успѣхамъ и роду пріобрѣтенныхъ познаній, званія мастера, мастера-машиниста или подмастерья. Ученики, занимавшіеся почти исключительно черченіемъ, получаютъ званіе чертежниковъ 1-го и 2-го разряда.

Всѣ поименованныя до сихъ поръ заведенія имѣютъ главною цѣлью приготовленіе людей для фабричной дѣятельности. Между тѣмъ, слабое развитіе нашей ремесленности, кромѣ многихъ экономическихъ причинъ, проистекаетъ отъ недостатка общаго образованія въ ремесленномъ сословіи; для устраненія этого недостатка въ послѣднее время въ разныхъ губерніяхъ начали возникать на частныя и общественныя средства училища, примѣненныя къ потребностямъ преимущественно дѣтей недостаточныхъ родителей изъ ремесленнаго класса.

Въ виду неизбѣжныхъ затрудненій и значительныхъ затратъ, потребныхъ для учрежденія одновременно значительнаго числа ремесленныхъ училищъ, а также въ виду того, что городскія и сельскія общества, какъ близко знакомыя со всѣми мѣстными условіями, могутъ сдѣлать болѣе вѣрный выборъ ремеслъ, къ изученію коихъ должны быть приспособлены такія училища, и жертвуя на учрежденіе ихъ собственныя средства, безъ сомнѣнія, примутъ мѣры, чтобы средства эти были расходуемы съ возможною бережливостью, правительство предоставило устройство подобныхъ заведеній частной и общественной инціативѣ, и облегчило съ 1864-го г. и особенно съ 1869-го г. порядокъ утвержденія уставовъ подобныхъ заведеній. Въ 1864-мъ г. министерству внутреннихъ дѣлъ предоставлено было разрѣшать учрежденіе ремесленныхъ и другихъ подобныхъ имъ техническихъ училищъ въ тѣхъ случаяхъ, когда содержаніе ихъ предполагается относить на городскія, сословныя или жертвуемыя частными

лицами суммы, и когда при томъ не испрашивается служебныхъ правъ и вообще не предполагается изъятій изъ дѣйствующихъ узаконеній. Затѣмъ въ 1869-мъ г., по предварительномъ взаимномъ соглашеніи трехъ министерствъ: финансовъ, внутреннихъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, разрѣшенія на открытіе какъ самостоятельныхъ ремесленныхъ и другихъ подобныхъ имъ техническихъ училищъ, такъ и дополнительныхъ практическихъ курсовъ, для изученія ремеслъ и техническихъ производствъ, при учебныхъ заведеніяхъ министерства народнаго просвѣщенія, съ утвержденіемъ потребныхъ для нихъ правилъ, предоставлено, смотря по объему преподаванія и степени самостоятельности училища, или усмотрѣнію подлежащихъ министерствъ, или взаимному соглашенію мѣстныхъ попечителей учебныхъ округовъ и губернаторовъ, или непосредственной власти попечителей учебныхъ округовъ.

Изъ собранныхъ въ 1869-мъ году и обнародованныхъ свѣдѣній оказывается, что самостоятельныхъ ремесленныхъ училищъ было въ то время девять: въ Архангельскѣ, Вологдѣ, Псковѣ, Вологдѣ, Житомирѣ, Каменецъ-Подольскѣ, Одессѣ, Елисаветградѣ и Иркутскѣ. Обученіе производится въ нихъ преимущественно ремесламъ столярному, токарному, переплетному, слесарному, кузнечному, мѣдному, сапожному, башмачному, портному. Нѣкоторыя изъ этихъ заведеній имѣютъ свои капиталы (псковское 5,300 р., одесское 15,000 р.), частію же содержатся на счетъ пожертвованій изъ частныхъ и общественныхъ средствъ. Кромѣ обученія ремесламъ ученики занимаются общеобразовательными предметами, а въ нѣкоторыхъ знакомятся съ основаніями геометріи, съ рисованіемъ и черченіемъ. Кромѣ этихъ 9-ти школъ ожидалось еще учрежденіе новыхъ ремесленныхъ школъ въ г. Котельничѣ, Вятской губерніи, въ Рязани, въ Симбирскѣ на счетъ капитала 10 т. р., пожертвованнаго бывшимъ симбирскимъ губернаторомъ графомъ Орловымъ-Давыдовымъ, и въ Одессѣ. Сверхъ самостоятельныхъ ремесленныхъ школъ существуютъ еще въ разныхъ губерніяхъ ремесленныя отдѣленія и школы при многихъ учебныхъ заведеніяхъ вѣдомства народнаго просвѣщенія, а также при дѣтскихъ пріютахъ и другихъ благотворительныхъ учрежденіяхъ [1]).

Въ виду сознаваемой всѣми потребности въ развитіи у насъ низшаго техническаго образованія и шаткости во взглядахъ на

---

[1]) Свѣдѣнія о всѣхъ этихъ заведеніяхъ можно найти въ особой брошюрѣ, перепечатанной изъ №№ 154, 155 и 156-го «Правительственнаго Вѣстника» 1869-го г., подзаглавіемъ: *О ремесленно-учебныхъ заведеніяхъ въ Россіи.*

этотъ предметъ, Русское техническое общество, обязанное по уставу содѣйствовать распространенію техническаго образованія, подвергнувъ этотъ вопросъ, въ 1868-мъ году, въ своей средѣ, подробному обсужденію по поводу интереснаго доклада профессора Андреева «объ образованіи мастеровъ», избрало постоянную коммиссію по техническому образованію, которая и выработала, утвержденный затѣмъ и напечатанный обществомъ, планъ преподаванія въ низшихъ техническихъ школахъ. Назначеніе такихъ школъ, по этому плану, состоитъ въ приготовленіи мастеровъ для ремеслъ, фабрикъ и заводовъ; машинистовъ для паровыхъ фабричныхъ машинъ, для паровозовъ и пароходовъ; десятниковъ для строительнаго дѣла; чертежниковъ и проч., вообще такихъ людей, которые, по указаніямъ и подъ управленіемъ инженеровъ и техниковъ, могли бы завѣдывать отдѣльными частями работъ или исполнять работы, требующія внимательности, познаній и опытности. Такіе мастера должны имѣть нѣкоторое общее образованіе, которое ставило бы ихъ выше уровня простыхъ рабочихъ, и спеціальное, которое сдѣлало бы ихъ понятливыми исполнителями, будучи ограничено довольно тѣсными предѣлами, какъ по количеству предметовъ, такъ и по объему преподаванія. Смотря по степени подготовленности учениковъ, общество проектировало два плана преподаванія, одинъ для учениковъ уже прошедшихъ уѣздное училище, другой для тѣхъ, которые такой подготовки не имѣютъ. Впрочемъ, издавъ такой планъ низшаго техническаго обученія, который можетъ служить весьма хорошимъ руководствомъ при основаніи новыхъ школъ подобнаго рода, общество, по недостатку средствъ, не приступало само къ основанію такого рода школъ, а ограничилось на первый разъ лишь открытіемъ школы грамотности для малолѣтныхъ и воскреснаго курса для взрослыхъ при станціи варшавской желѣзной дороги, и вечернихъ и воскресныхъ классовъ при самсоніевскомъ уѣздномъ училищѣ для малолѣтныхъ и взрослыхъ рабочихъ [1]).

Такимъ образомъ, нельзя отрицать, чтобы въ настоящее время у насъ не было стремленія къ усвоенію промышленному классу техническаго образованія, но въ распредѣленіи школъ этого рода существуетъ большая неравномѣрность и въ общемъ направленіи этого дѣла недостаетъ твердой системы. Изученіе того, что существуетъ уже въ другихъ промышленно-развитыхъ странахъ и мнѣній, высказываемыхъ людьми компетентными въ этихъ вопросахъ, приводитъ къ убѣжденію въ необходимости слѣдую-

[1]) Записки русскаго техническаго общества 1870-го г., № 6, отъ 179—182.

щихъ формъ образованія для разныхъ классовъ промышленнаго общества.

Основой всякаго техническаго образованія должно быть образованіе общее, которое должно быть тѣмъ выше, чѣмъ выше предполагаемое техническое образованіе. Для простыхъ мастеровыхъ и рабочихъ достаточно желать только общаго элементарнаго образованія, включая сюда и знаніе элементарнаго черченія. Цѣль эта можетъ быть достигнута лучше всего въ дѣтскомъ возрастѣ, при существованіи обязательности обученія дѣтей грамотѣ и при запрещеніи допускать слишкомъ рано къ фабричнымъ работамъ малолѣтныхъ. Лучше всего было бы, начиная съ 8-ми-лѣтняго возраста, заставлять дѣтей рабочихъ посѣщать въ теченіе 3-хъ лѣтъ школу, устроенную при фабрикѣ или заводѣ, на которыхъ работаютъ ихъ родители или родственники, и затѣмъ только дозволять имъ поступленіе на фабрику или заводъ въ качествѣ учениковъ, съ обязательствомъ посѣщать хотя разъ въ недѣлю, въ будніе дни, ту же школу въ теченіе по крайней мѣрѣ 2-хъ лѣтъ. Дальнѣйшее образованіе будетъ зависѣть отъ чтенія, приспособленнаго къ возрасту и пониманія книги, а также отъ болѣе или менѣе спеціальнаго занятія въ воскресныхъ или вечернихъ классахъ.

Обученіе грамотности взрослыхъ рабочихъ есть явленіе исключительное, ненормальное, и можетъ быть оправдываемо лишь продолжительнымъ застоемъ народнаго умственнаго развитія; хотя и не слѣдуетъ его отвергать или считать безполезнымъ, но приносимая имъ польза не всегда соразмѣрна съ употребляемыми для того усиліями и затратами. Для взрослыхъ рабочихъ, но впрочемъ только получившихъ нѣкоторое общее образованіе, весьма важно ознакомленіе ихъ съ основаніями явленій изъ окружающаго ихъ міра и въ особенности соприкасающихся съ ихъ промысломъ.

Школы для образованія мастеровъ по разнымъ техническимъ спеціальностямъ для лицъ, преимущественно получившихъ уже общее образованіе въ объемѣ курса уѣздныхъ училищъ, но съ введеніемъ математики, геометріи, черченія, рисованія и естествовѣдѣнія, въ элементарномъ видѣ, всего лучше могли бы быть учреждаемы въ большихъ промышленныхъ центрахъ, гдѣ есть большіе фабрики и заводы.

Практическія занятія на этихъ фабрикахъ и заводахъ должны, по мнѣнію русскаго техническаго общества, прямо подготовлять учениковъ подобныхъ школъ къ ихъ будущей дѣятельности и состоять въ настоящей работѣ, наравнѣ съ рабочими и мастеровыми заводовъ, насколько то позволяютъ силы учениковъ.

Учрежденіе учебныхъ мастерскихъ при школахъ, требуя особыхъ довольно значительныхъ расходовъ, во многихъ случаяхъ оказалось полезнымъ, особенно въ ткацкомъ, механическомъ и часовомъ дѣлѣ, но во всякомъ случаѣ учебныя мастерскія не могутъ дать готовыхъ рабочихъ, а лишь сокращаютъ время ученія въ заводскихъ мастерскихъ.

Устройство ремесленныхъ заведеній съ введеніемъ въ курсъ преподаванія картоннаго, сапожнаго, переплетнаго и т. п. мастерства можно считать непроизводительной затратой, и гораздо правильнѣе предоставить изученіе этихъ мастерствъ настоящимъ мастерскимъ, привлекая лишь учениковъ въ свободное отъ занятій время въ школу для элементарнаго и общеобразовательнаго ихъ развитія, съ прибавленіемъ лишь нѣкоторыхъ свѣдѣній по математикѣ, естественнымъ наукамъ и рисованію.

Школы для мастеровъ, какъ предназначаемыя для лицъ съ слишкомъ низкимъ уровнемъ общаго элементарнаго образованія, не должны имѣть никакой связи съ высшими техническими школами и не должны открывать въ нихъ доступъ своимъ ученикамъ.

Высшія техническія учебныя заведенія должны бы черпать главный свой контингентъ изъ особаго разряда среднихъ общеобразовательныхъ заведеній, недостаткомъ которыхъ мы особенно страждемъ, именно изъ реальныхъ гимназій и особенныхъ школъ въ родѣ нѣмецкихъ промышленныхъ училищъ (Gewerbe-Schulen). По отзыву лицъ, близко знакомыхъ съ положеніемъ нашихъ высшихъ техническихъ учебныхъ заведеній, воспитанники нашихъ классическихъ гимназій оказываются весьма неподготовленными изъ многихъ предметовъ, составляющихъ основаніе высшаго техническаго образованія, и потому вслѣдствіе недостатка заведеній, которыя бы давали высшимъ техническимъ школамъ людей готовыхъ къ воспріятію ихъ образованія, эти послѣднія должны отдѣлять значительную часть времени на обученіе своихъ слушателей элементарному черченію, математикѣ, физикѣ, химіи и т. п.

Что касается устройства практическихъ мастерскихъ при высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, то едва ли можно согласиться съ тѣми, кто отрицаетъ ихъ пользу. Приготовляя техниковъ, которые должны быть самостоятельными распорядителями цѣлыхъ заводовъ или обширныхъ ихъ частей, высшія техническія школы, естественно, должны дать имъ твердое практическое знаніе всѣхъ элементовъ фабричной работы, и безъ этого знанія они никогда не выучились бы основательно практикѣ и на самомъ заводѣ, гдѣ ихъ ожидаетъ не простой механическій трудъ,

а болѣе сознательная и широкая дѣятельность. Примѣръ московскаго техническаго училища служитъ живымъ доказательствомъ, что всѣ пріемы практическаго механическаго дѣла могутъ быть изучаемы въ строгой и систематической послѣдовательности и могутъ давать наилучшіе результаты. Здѣшній Технологическій институтъ также понялъ эту истину и съ каждымъ годомъ въ немъ усиливается практическое занятіе механическими работами, которыя могутъ быть поставлены совершенно въ параллель съ практическими занятіями въ химической лабораторіи.

Такимъ образомъ, въ настоящее время можно желать у насъ усилія общаго элементарнаго образованія, распространенія среднихъ реальныхъ училищъ, умноженія числа низшихъ техническихъ школъ для образованія мастеровъ и возможно широкаго и раціональнаго процвѣтанія высшаго техническаго образованія *).

VI.

Для успѣшнаго развитія нѣкоторыхъ отраслей промышленности, недостаточно одного совершенства техническаго исполненія, а едва ли не въ большей еще степени необходимо извѣстное изящество формъ и отдѣлки. Когда неудовлетворяется эта потребность, промышленность падаетъ. Таковы производства модныхъ тканей, издѣлій гончарныхъ, мебельныхъ, золотыхъ, серебряныхъ, ювелирныхъ, эмальированныхъ и мн. др. Между тѣмъ въ настоящее время, съ развитіемъ цивилизаціи и изящнаго вкуса, потребность въ этого рода издѣліяхъ увеличивается, и самыя требованія отъ нихъ возвышаются, такъ что въ послѣднее время въ странахъ, въ которыхъ не развитъ самостоятельно эстетическій вкусъ, невольно приходится прибѣгать къ заимствованію и слѣпому подражанію или иноземныхъ образцовъ, или образцовъ прежнихъ эпохъ. Поэтому, кромѣ реальнаго и техническаго образованія въ настоящее время требуется еще для успѣховъ промышленности распространеніе художественнаго образо-

---

*) Къ этому слѣдуетъ, по нашему мнѣнію, прибавить:—и высшаго научнаго образованія для дальнѣйшей разработки опытныхъ наукъ, какое дается физико-математическими факультетами. А въ такомъ случаѣ, будетъ ли соотвѣтствовать такой цѣли устройство реальныхъ училищъ, проектируемое министерствомъ народнаго просвѣщенія, если воспитанниковъ ихъ лишать права слушанія университетскихъ лекцій; или полагають, что классическія гимназіи доставятъ хорошій контингентъ физико-математическому факультету изъ молодыхъ людей, знающихъ основательно одни древніе языки и имѣющихъ во всемъ прочемъ поверхностныя понятія, и притомъ съ однимъ изъ новѣйшихъ языковъ? — *Ред.*

ванія въ приложеніи къ ней. Сознаніе этой потребности стало особенно сильно со времени первой лондонской всемірной выставки 1851-го года, которая показала превосходство въ художественномъ отношеніи французскихъ произведеній [1]). Этимъ превосходствомъ Францiя, по отзыву всѣхъ спеціалистовъ, обязана была не только прирожденному французамъ вкусу и чувству изящнаго, но многочисленнымъ средствамъ, которыя съ давняго времени существовали у нихъ для систематическаго развитія этого чувства. Уже въ 1770-мъ году считалось во Франціи въ провинціальныхъ городахъ 10 академій, возникшихъ по частной иниціативѣ и въ которыхъ рисовальное искусство преподавалось полнѣе и практичнѣе, чѣмъ нынѣ въ общихъ школахъ. Хотя эти академіи исчезли во время революціи, но рисовальныя школы дѣятельно распространялись впослѣдствіи и правительствомъ, и самимъ обществомъ. Усилія, сдѣланныя Англіею послѣ 1851-го г., чтобы усвоить своему промышленному населенію художественное образованіе, заставили Францію усугубить вниманіе на эту отрасль образованія. Число художественныхъ музеевъ въ провинціяхъ, не превышавшее 20-ти во времена консульства, увеличилось къ 1867-му г. до 115-ти, причемъ полезное дѣйствіе этихъ музеевъ усиливается временными выставками не только живописныхъ произведеній, но также предметовъ стараго и новаго производства по всѣмъ родамъ художества въ приложеніи къ промышленности. Рисованіе преподается безъ различія во всѣхъ школахъ государства, которыхъ считается 21,000; изъ нихъ 239 посвящены спеціально изученію искусствъ во всѣхъ его видахъ и приложеніяхъ. Кромѣ того есть множество, — въ одномъ Парижѣ 44,—курсовъ рисованія для рабочаго ремесленнаго класса, безвозмездныхъ, или съ платою отъ 2 до 3 франковъ въ мѣсяцъ, гдѣ преподается черченіе, рисованіе съ живой модели, композиція орнаментовъ и лѣпленіе. Въ Ліонѣ учреждено училище искусствъ, приготовляющее рисовальщиковъ для тканей; при училищѣ имѣется музей съ богатымъ собраніемъ образцовъ древняго и новаго искусства. Вліянію подобныхъ школъ и музеевъ приписываютъ въ значительной мѣрѣ успѣхъ ліонскаго производства.

Но главная заслуга въ разработкѣ вопроса о необходимости систематическаго художественнаго образованія между промышленными классами общества принадлежитъ англичанамъ, которые, убѣдившись на первой лондонской всемірной выставкѣ 1851-го г. въ своей отсталости, сравнительно съ французами, рѣ-

---

[1]) Обзоръ парижской всемірной выставки 1867-го года. IX художественное образованіе въ приложеніи къ промышленности Д. Григоровича. Спб. 1868-го года.

шились принять самыя энергическія мѣры, чтобы поправить дѣло. При горячемъ сочувствіи и дѣятельномъ содѣйствіи принца Альберта и г. Коля, теперешняго директора кенсингтонскаго музея, дѣло скоро получило практическое направленіе. Учрежденіе спеціальнаго органа, подъ названіемъ Department of science and arts, для завѣдыванія всѣми мѣрами по развитію художественнаго образованія, съ подчиненіемъ трехъ большихъ художественно-промышленныхъ музеевъ, кенсингтонскаго въ Лондонѣ, эдинбургскаго и дублинскаго, было однимъ изъ ближайжайшихъ результатовъ агитаціи, поднятой въ Англіи въ пользу промышленно-художественнаго образованія. Средствами для распространенія этого образованія, кромѣ музеевъ, этого живого способа ознакомленія съ разными формами развитія промышленности, приняты были: 1) основаніе при кенсингтонскомъ музеѣ центральной школы, преимущественно для приготовленія спеціальныхъ учителей по всѣмъ родамъ художества, съ правомъ выдачи дипломовъ разныхъ степеней на званіе учителя, и 2) раздачи пособій и премій всѣмъ школамъ, которыя, преподавая рисовальное искусство, изъявятъ готовность подчиниться извѣстному наблюденію со стороны департамента и имѣютъ уже мѣстныя матеріальныя обезпеченія для прочнаго существованія своего.

О размѣрахъ, которые приняли всѣ эти заведенія, можно судить по слѣдующимъ краснорѣчивымъ даннымъ. Кенсингтонскій музей располагаетъ бюджетомъ въ 31 т. ф. ст., въ томъ числѣ 21 т. ф. ст. на развитіе и пополненіе. Число посѣтителей съ 1854-го по 1870-й годъ достигло 9 мил., въ одномъ 1869-мъ году было болѣе 1 милліона. Вновь возводимое для музея зданіе обойдется въ 474,000 ф. ст.; эдинбургскій музей имѣлъ въ 1868-мъ г. 294,000 посѣтителей, а дублинскій 45,000. Число художественныхъ школъ, подчиненныхъ департаменту искусствъ, достигало 107-ми, а вечернихъ классовъ рисованія 219-ти.

Примѣръ Англіи увлекъ за собою и другія страны, и съ ея легкой руки система музеевъ стала распространяться въ Европѣ. Въ Штудтгартѣ начало подобному музею, на весьма раціональныхъ началахъ, было положено почти одновременно, и даже немного ранѣе кенсингтонскаго, подъ названіемъ «Musterlager»; описаніе его было уже сдѣлано въ январьской книжкѣ, въ статьѣ «о ремесленномъ образованіи въ Виртембергѣ». За тѣмъ возникли художественно-промышленные музеи въ Ганноверѣ, Мюнхенѣ, Нюренбергѣ, Карлсруэ и въ Вѣнѣ. Императорскій музей въ Вѣнѣ открытъ для публики съ 1864-го г. и имѣетъ ежегодно до 100,000 посѣтителей. При немъ есть художественно-про-

мышленная школа (Kunstgewerbeschule), имѣвшая въ 1868—69-мъ г. 78 учениковъ, и читаются публичныя лекціи. Бюджетъ музея со школой 58,000 гульд. Съ 1871-го г. предполагается перевести музей въ новое великолѣпное зданіе, которое для него отстраивается теперь. Еще бóльшіе размѣры имѣетъ и въ болѣе великолѣпномъ зданіи помѣщается мюнхенскій музей.

Русская промышленность въ художественномъ отношеніи значительно уступаетъ западно-европейской во всѣхъ издѣліяхъ, которыя должны щеголять красотою формъ и изобрѣтательностью, и это есть прямое послѣдствіе слабаго развитія у насъ художественнаго образованія вообще и въ приложеніи къ промышленности въ частности. Наши мебельныя, гончарныя, бронзовыя и серебряныя издѣлія даже въ столицахъ производятся большею частью по однажды затверженнымъ образцамъ, потому что ни хозяева, ни мастера не видывали лучшихъ образцовъ и не подозрѣваютъ о безконечномъ разнообразіи видовъ одного и того же предмета. Нѣкоторыя производства, процвѣтавшія у насъ въ прошедшемъ столѣтіи, какъ, напр., финифтяное, серебряное съ чернью, филиграновое, теперь находятся въ упадкѣ, даже гончарныя издѣлія прошедшаго вѣка были изящнѣе и самостоятельнѣе, нежели нынѣшнія, и въ настоящее время цѣнятся знатоками весьма дорого. Нѣкоторые торговые дома, выписывая модели изъ-за границы, тщательно ихъ скрываютъ, допуская пользоваться ими самое ограниченное число мастеровыхъ, законтрактованныхъ съ тѣмъ, чтобы держать модель въ секретѣ; притомъ выписываемые рисунки ткацкихъ издѣлій большею частью уже вышли изъ моды. Тула, этотъ обширный центръ металлическихъ производствъ, въ теченіе цѣлаго вѣка занимается копированіемъ однихъ и тѣхъ же образцовъ, утрачивая при каждомъ повтореніи что-нибудь изъ своего первобытнаго посредственнаго типа. Недостатокъ рисовальныхъ школъ и музеевъ съ хорошимъ выборомъ образцовъ по разнымъ отраслямъ промышленности, которые могли бы быть посѣщаемы и изучаемы ремесленнымъ классомъ—вотъ главная причина нашей отсталости въ художественно-промышленномъ отношеніи.

На всю Россію считается только двѣ рисовальныхъ школы: Строгоновское училище техническаго рисованія въ Москвѣ, въ которомъ обучаются до 120-ти учениковъ и до 20-ти ученицъ и на содержаніе котораго отпускается до 30,000 р. изъ казны, и рисовальная школа для вольноприходящихъ въ Петербургѣ, въ которой имѣется 550 учениковъ обоего пола, на двѣ трети изъ ремесленнаго сословія. Эта школа получаетъ нынѣ 10,000 р. пособія изъ казны. Въ недавнее время фабрикантъ золотыхъ и

серебряныхъ издѣлій Овчинниковъ завелъ для своихъ рабочихъ воскресную школу и на свой же счетъ учредилъ при московскомъ человѣколюбивомъ обществѣ воскресные классы рисованія и лѣпленія въ тѣсномъ ихъ примѣненіи къ золотыхъ дѣлъ мастерству; но примѣры эти еще мало находятъ подражателей.

Художественно-промышленныхъ музеевъ у насъ существуетъ пока только два, въ весьма скромныхъ размѣрахъ: одинъ устроенъ въ Москвѣ, при строгоновскомъ училищѣ, въ 1868-мъ году, и былъ до извѣстной степени результатомъ вліянія послѣдней парижской всемірной выставки на нашу промышленность. Онъ состоитъ изъ трехъ отдѣленій: художественнаго (719 нумеровъ), промышленнаго (1146 нумеровъ) и отдѣленія снимковъ въ рисункахъ съ орнаментныхъ украшеній греческихъ (79 нум.) и древне-русскихъ (411) рукописныхъ книгъ и предметовъ русской старины въ оригиналахъ (400 нумеровъ). Другой подобный же музей основывается въ настоящее время въ С.-Петербургѣ обществомъ поощренія художниковъ, и обѣщаетъ принять значительное развитіе при немаловажныхъ пожертвованіяхъ дѣлаемыхъ съ этою цѣлью.

Но музеи въ этихъ скромныхъ размѣрахъ не могутъ удовлетворить желаніямъ и потребностямъ промышленности, и вотъ, въ виду учреждавшейся въ 1870-мъ г. всероссійской мануфактурной выставки и предстоящей въ 1872-мъ г. политехнической выставки, зародилась мысль объ учрежденіи обширнаго художественнаго промышленнаго музея. Разработка основаній подробнаго плана устройства музея возложена по высочайшему повелѣнію на особую коммиссію изъ нѣсколькихъ высокопоставленныхъ лицъ. Между Петербургомъ и Москвою открылось благородное состязаніе, кому изъ нихъ владѣть будущимъ музеемъ. Въ Петербургѣ готово для будущаго музея прекрасное мѣсто Соляного-городка, и многія вѣдомства, уже собравшія значительныя коллекціи по части прикладныхъ знаній, готовы содѣйствовать осуществленію мысли объ устройствѣ общаго промышленнаго музея; Москва, какъ центръ промышленной дѣятельности, также заявила о своихъ правахъ на музей и даже черезъ особую депутацію ходатайствовала о томъ, а городская дума предложила уступить мѣсто для зданія музея. Въ настоящее время еще нѣтъ данныхъ сказать, въ пользу котораго изъ двухъ важнѣйшихъ пунктовъ промышленности склонится прежде правительство, и скоро ли и въ какихъ размѣрахъ оно рѣшится дать средства для осуществленія музея, но во всякомъ случаѣ важно, что само общество настоятельно желаетъ и даже требуетъ музея, который долженъ, безъ сомнѣнія, принести нашей промышленности такіе же результаты, какіе принесли подобные музеи на Западѣ.

VII.

Однимъ изъ важныхъ двигателей въ дѣлѣ промышленнаго развитія является въ западной Европѣ не столько единичная частная и даже правительственная, сколько общественная иниціатива. Какъ отдѣльныя отрасли производства, такъ и общее улучшеніе промышленности совершались тамъ часто, благодаря дружному и настойчивому вліянію разныхъ спеціально для того учреждавшихся обществъ—таковы Society of arts въ Англіи, политехническія общества во Франціи, общества поощренія льняной, шелковой и другихъ промышленностей; таковы въ Германіи экономическіе конгрессы и спеціальные съѣзды фабрикантовъ по разнымъ отраслямъ, какъ-то винокуровъ, свеклосахарныхъ, машинныхъ и другихъ заводчиковъ; таковы общества объ улучшеніи жилищъ и вообще быта рабочихъ и наконецъ общества состоящія изъ самихъ рабочихъ въ родѣ англійскихъ Mechanic's Institutions и нѣмецкихъ Handwerkerverein'овъ. Всѣми этими частными учрежденіями не мало оказано услугъ и технической сторонѣ промышленнаго дѣла, и общему улучшенію промышленнаго строя, и водворенію свободы труда и промышленности, и уничтоженію цеховъ и монополій, и наконецъ возвышенію уровня матеріальнаго и нравственнаго быта рабочаго класса.

Но кромѣ этихъ частныхъ обществъ, возникающихъ обыкновенно по иниціативѣ одного или нѣсколькихъ дѣятелей, и налагающихъ на себя добровольно извѣстныя задачи, во всѣхъ почти промышленно развитыхъ странахъ, само правительство призываетъ къ обязательной дѣятельности на пользу промышленности наиболѣе заинтересованное въ томъ сословіе, корпорацію промышленниковъ, въ лицѣ избираемыхъ отъ него депутатовъ въ такъ-называемыя торговыя и промышленныя палаты (Chambres de commerce, Handels-und Gewerbekammer).

Подобныя палаты существуютъ съ болѣе или менѣе широкимъ кругомъ дѣятельности и въ Англіи, и во Франціи, и въ Бельгіи, и въ Голландіи, и въ Германіи, и въ Австріи и въ Италіи. Онѣ обязаны слѣдить за состояніемъ и развитіемъ промышленности и торговли, доводить о ихъ нуждахъ до свѣдѣнія правительства, и помогать ему въ разрѣшеніи всѣхъ связанныхъ съ промышленностію вопросовъ. Расходы на содержаніе ихъ, т. е. собственно по дѣлопроизводству падаютъ на самое промышленное сословіе. Многіе изъ подобныхъ совѣтовъ или палатъ, особенно въ Германіи, въ Бельгіи и частію во Франціи, издаютъ ежегодно свои отчеты, по которымъ годъ за годомъ можно слѣдить за развитіемъ промышленности. Нѣкоторыя торговыя па-

латы не упускаютъ даже изъ виду и иностранной промышленности и нерѣдко поручаютъ своимъ членамъ изучать тѣ ея отрасли, которыя представляютъ для нихъ особенный интересъ. Такъ, въ 1865-мъ г., по порученію ассоціаціи торговыхъ палатъ Соединеннаго королевства представителю ея, Сампсону С. Ллоіеду и Джону Д. Гудману, члену совѣта бирмингамской торговой палаты, поручено было постояннымъ комитетомъ торговыхъ палатъ осмотрѣть московскую мануфактурную выставку, и любопытный отчетъ ихъ объ этой выставкѣ напечатанъ приложеніемъ къ запискѣ г. Мичеля «О состояніи торговли между Великобританіею и Россіею» (Спб. 1866 г.).

Мы, съ своей стороны, не можемъ похвалиться такою же общественною дѣятельностью въ дѣлѣ промышленнаго развитія, какою отличаются наши ближніе и дальніе сосѣди. Обществъ для улучшенія быта рабочихъ классовъ у насъ не существуетъ, если не считать петербургскаго Общества доставленія дешевыхъ квартиръ нуждающимся, потому что дѣятельность его выходитъ изъ сферы рабочаго населенія; обществъ для содѣйствія техническому и экономическому развитію промышленности у насъ пока только три, и всѣ они возникли лишь въ послѣдніе пять лѣтъ. Задачу распространенія техническихъ знаній и техническихъ улучшеній промышленности имѣютъ въ виду два общества: русское техническое въ С.-Петербургѣ, основанное въ 1866-мъ году и политехническое въ Москвѣ, возникшее только годъ тому назадъ. Первое изъ этихъ обществъ уже успѣло заявить о своей дѣятельности многими интересными бесѣдами, происходившими въ его средѣ по вопросамъ, наиболѣе современнымъ изъ области промышленной техники. Болѣе широкую задачу имѣетъ общество для содѣйствія русской промышленности и торговлѣ, учрежденное въ 1867-мъ году въ С.-Петербургѣ. Общество имѣетъ право не только обсуждать всѣ относящіеся до промышленности и торговли вопросы, печатать разработанные имъ матеріалы и предположенія и содѣйствовать къ учрежденію общеполезныхъ предпріятій, но и имѣетъ право ходатайствовать передъ правительствомъ по всѣмъ промышленнымъ и торговымъ вопросамъ. Хотя изъ перваго отчета общества за 1868-й г. (стр. 6) видно, что оно учреждалось, главнымъ образомъ, «для защиты интересовъ нашей промышленности, подвергнутыхъ двойному нападенію русскихъ и иностранныхъ фритредеровъ», но «направленіе тарифа 1869-го г. въ смыслѣ успокоительномъ для нашихъ интересовъ обрадовало нашихъ промышленниковъ,—а вмѣстѣ съ тѣмъ и уничтожило побужденіе, вызывавшее ихъ къ усиленной разработкѣ и гласному обсужденію нашихъ промышленныхъ вопросовъ»; поэтому и дѣятельность общества была направлена въ

послѣдніе три года на болѣе плодотворные вопросы, нежели агитація въ пользу повышенія таможенныхъ пошлинъ. И дѣйствительно, общество, гласнымъ обсужденіемъ въ своей средѣ, не мало содѣйствовало успѣшному разъясненію или возбужденію многихъ важныхъ для промышленности и торговли вопросовъ, какъ-то: о вексельномъ уставѣ, о сибирской желѣзной дорогѣ, о судоходствѣ по р. Волгѣ, о маріинской системѣ, о разведеніи хлопка въ Россіи, о джутѣ и мн. др. Общество принимало также участіе чрезъ своихъ депутатовъ въ торжествѣ открытія Суэзскаго канала, а въ нынѣшнемъ году командировало, при содѣйствіи правительства, своего секретаря К. Л. Скальковскаго въ Индію, съ цѣлью изученія нашихъ торговыхъ отношеній къ этой странѣ. Общество это, равно какъ и русское техническое, имѣютъ отдѣленія въ нѣкоторыхъ значительныхъ промышленныхъ пунктахъ.

Въ минувшемъ году совокупными усиліями обоихъ этихъ обществъ устроенъ былъ, съ разрѣшенія правительства, въ Петербургѣ, подъ предсѣдательствомъ е. и. в. герцога Николая Максимиліановича Лейхтенбергскаго первый съѣздъ фабрикантовъ и лицъ, интересующихся русскою промышленностью, и если въ засѣданіяхъ, къ сожалѣнію, было болѣе лицъ интересующихся промышленностью изъ диллетантизма, нежели заинтересованныхъ ею дѣйствительно фабрикантовъ, то тому причиной была конечно и новость подобныхъ собраній, и лѣтняя пора, и работы экспертныхъ коммиссій по выставкѣ. Тѣмъ не менѣе съѣздъ разошелся, высказавъ желаніе, чтобы подобные съѣзды повторялись у насъ какъ можно чаще, а изъ многочисленныхъ заявленій съѣзда по дѣламъ промышленности, многія приняты весьма сочувственно въ правительственныхъ сферахъ и обѣщаютъ получить практическое разрѣшеніе.

Къ числу такихъ желаній можно отнести, кажется, и преобразованіе нашихъ представительныхъ по части промышленности учрежденій. Хотя еще въ 1828-мъ году, по мысли графа Канкрина, учрежденъ былъ въ С.-Петербургѣ при департаментѣ мануфактуръ мануфактурный совѣтъ съ отдѣленіемъ въ Москвѣ, а въ другихъ городахъ, отличающихся развитіемъ промышленной дѣятельности, мануфактурные комитеты и мануфактуръ-корреспонденты, изъ представителей промышленности и содержателей фабрикъ изъ дворянства и купечества, и хотя на всѣ эти органы возложено было собираніе и доставленіе правительству точныхъ свѣдѣній о состояніи промышленности, сообщеніе отзывовъ о ходѣ промышленности и причинахъ ея процвѣтанія и упадка, но въ результатѣ большая часть этихъ комитетовъ и корреспондентовъ существуютъ только на бумагѣ, и лишь ману-

фактурный совѣтъ, съ своимъ московскимъ отдѣленіемъ, невольно обязаны собираться для нѣкоторыхъ текущихъ дѣлъ, возлагаемыхъ на нихъ закономъ или для обсужденія спеціальныхъ вопросовъ, предлагаемыхъ на ихъ разрѣшеніе министерствомъ финансовъ. Печатные труды этихъ учрежденій существуютъ лишь по тарифнымъ вопросамъ, и то ихъ можно считать новостью послѣдняго времени; о какихъ-либо систематическихъ и постоянныхъ отчетахъ, въ которыхъ бы можно было найти положеніе о нуждахъ нашей промышленности,—нѣтъ и помину. Единственный въ этомъ отношеніи трудъ, выражающій взглядъ нашего промышленнаго сословія на состояніе и нужды фабричной промышленности, есть извѣстное мнѣніе постоянной депутаціи московскихъ купеческихъ съѣздовъ по поводу записки германскаго купечества о заключеніи торгово-таможеннаго договора между Россіей и Таможеннымъ Союзомъ. Но и этотъ трудъ принадлежитъ инициативѣ не мануфактурнаго совѣта и его московскаго отдѣленія, а иниціативѣ московскаго биржевого комитета, который устроилъ, по этому случаю, въ Москвѣ купеческій съѣздъ, привлекшій 270 человѣкъ, изъ среды коихъ была составлена постоянная депутація изъ 40 членовъ, редактировавшая упомянутое мнѣніе. Даже и проектъ измѣненія тарифа въ 1867-мъ г. не вызвалъ нашихъ мануфактурныхъ учрежденій къ особенной дѣятельности. С.-петербургскій биржевой комитетъ ограничился весьма скудными и голословными замѣчаніями, а московское отдѣленіе прислало выписку изъ мнѣнія постоянной депутаціи купеческихъ съѣздовъ 1865-го года.

Несостоятельность нынѣшней организаціи нашихъ представительныхъ промышленныхъ учрежденій была сознана и правительственною коммиссіею, высочайше учрежденною въ 1859-мъ г. для пересмотра уставовъ фабричнаго и ремесленнаго, и еще болѣе была выяснена въ одномъ изъ засѣданій с.-петербургскаго съѣзда фабрикантовъ 1870-го г. Главною причиною мертвенности этихъ учрежденій признается отсутствіе выборнаго начала въ назначеніи членовъ и недостатокъ иниціативы, имъ предоставленной. Поэтому съѣздъ фабрикантовъ, признавая, что существующія у насъ учрежденія не только не удовлетворяютъ своему назначенію, но далеко даже не пользуются тѣми правами, которыя дарованы имъ существующими узаконеніями, нашелъ полезнымъ заявить о крайней необходимости преобразованія ихъ въ настоящее время на выборномъ началѣ, съ предоставленіемъ имъ большей иниціативы и болѣе дѣятельнаго участія въ разсмотрѣніи всѣхъ вопросовъ, относящихся до торговли и промышленности, кредита и путей сообщенія, и съ обязательнымъ опубликованіемъ протоколовъ засѣданій и годовыхъ отчетовъ. За-

явленіе это встрѣчено было весьма сочувственно промышленнымъ сословіемъ въ разныхъ концахъ Россіи, и нѣтъ сомнѣнія, что такое единодушное желаніе промышленниковъ не замедлитъ получить удовлетвореніе.

VIII.

Но какъ бы ни были дѣятельны и настойчивы представительныя промышленныя учрежденія, результаты ихъ дѣятельности будутъ ничтожны, если не будутъ находить справедливой оцѣнки со стороны правительства, и если оно, по зрѣломъ обсужденіи, не будетъ содѣйствовать удовлетворенію тѣхъ нуждъ и потребностей, о которыхъ ему заявляется. Хотя времена регламентированія промышленности и указанія ей насильственныхъ формъ и путей развитія уже миновали, тѣмъ не менѣе поле для дѣятельности правительства остается еще обширное. Множество учрежденій, несомнѣнно полезныхъ для промышленности, могутъ возникать и процвѣтать только при содѣйствіи правительства, потому что частная и общественная иниціатива, при всемъ сочувствіи къ нимъ, не могутъ доставлять достаточныхъ средствъ для поддержанія подобныхъ учрежденій; общество и частныя лица могутъ лишь облегчать въ этомъ случаѣ бремя, лежащее на правительствѣ. Къ таковымъ учрежденіямъ слѣдуетъ причислить техническія учебныя заведенія, музеи, центральныя промышленныя выставки и т. п. Одно правительство имѣетъ также возможность улучшать естественные пути сообщенія, привлекая къ участію въ этихъ расходахъ всѣхъ гражданъ страны, направлять частные капиталы на нужныя для промышленности искусственные пути сообщенія; на немъ же лежитъ нравственная обязанность заботиться объ огражденіи рабочаго класса отъ эксплуатаціи фабрикантовъ, изданіемъ законовъ, опредѣляющихъ отношенія между хозяевами и рабочими, ограничивающихъ работу малолѣтныхъ дѣтей и женщинъ на фабрикахъ, уменьшающихъ опасность какъ для рабочихъ, такъ и для окрестныхъ населеній отъ работы машинъ, дѣйствующихъ паромъ и вообще отъ заведеній, сопряженныхъ съ опасностью для здоровья (établissements dangereux, incommodes et insalubres), не стѣсняя однако при этомъ свободы промышленности. Наше промышленное законодательство страдаетъ еще отсутствіемъ или неполнотою правилъ по многимъ изъ указанныхъ выше предметовъ, и это указано было съ полною ясностью и доказательностью въ объяснительной запискѣ къ проекту новаго промыш-

леннаго устава высочайше учрежденной съ этою цѣлью комиссіи [1]).

Но достиженіе всѣхъ тѣхъ задачъ, которыя лежатъ на правительствѣ въ отношеніи промышленности, возможно для него лишь при существованіи особо назначенныхъ для сего органовъ съ достаточно широкими полномочіями и достаточно обильными денежными средствами. Такими органами являются въ Англіи Board of Trade, управленіе торговли съ характеромъ министерства; во Франціи министерство земледѣлія торговли и публичныхъ работъ, въ Италіи министерство земледѣлія, торговли и промышленности, въ Австріи министерство торговли, въ Пруссіи министерство торговли, промышленности и публичныхъ работъ. Въ странахъ менѣе обширныхъ, какъ Бельгія, Голландія, Виртембергъ, Баварія, Швеція, промышленныя учрежденія подчиняются обыкновенно министерству внутреннихъ дѣлъ.

Расходы правительства по части промышленнаго развитія составляли въ Англіи въ 1866-мъ г.—1,241,250 р.; во Франціи въ 1866-мъ г. — 458,512 р.; въ Италіи въ 1863-мъ г. — 377,024 р.; въ Россіи въ 1868-мъ г.—308,475 р.; въ Пруссіи въ 1869-мъ г.—286,969 р.; въ Виртембергѣ въ 1869/70-мъ—31,380 р.; въ Бельгіи въ 1862-мъ г.—49 т. р.; въ Голландіи въ 1870 мъ г.—11,910 р. По предметамъ эти расходы распредѣлялись слѣдующимъ образомъ:

	Годы.	Управленіе центральное и мѣстное.	Техническія учебныя заведенія и музеи.	Развитіе и поощреніе промышлен.	Всего.
Въ Россіи	1868	68.023 р.	180,605 р.	59.847 р.	308,475 р.
„ Англіи	1866	344,435 „	689,815 „	217.000 „	1.241,251 „
„ Франціи	1866	32,691 „	371,847 „	53,974 „	458,512 „
„ Италіи	1863	70,925 „	149,849 „	156,250 „	377,024 „
„ Пруссіи	1869	42,700 „	166,542 „	77,727 „	286,96) „
„ Виртембергѣ .	1869/70	4.680 „	17.100 „	9.600 „	31,380 „
„ Бельгіи	1862	2.750 „	40,647 „	5,612 „	49,009 „
„ Голландіи . . .	1870	9,780 „	—	2,130 „	11,910 „

Противъ учрежденія отдѣльныхъ административныхъ органовъ по дѣламъ промышленности, въ родѣ министерства земледѣлія, торговли и промышленности, много разъ было и писано въ книгахъ и говорено въ законодательныхъ собраніяхъ, преимущественно съ точки зрѣнія политико-экономической, что правительство не должно вмѣшиваться въ частныя дѣла, и что лучшее средство для поощренія промышленности заключается въ предоставленіи ей возможно полной свободы дѣйствій. Лучшая защита подобнаго рода учрежденій, по нашему мнѣнію, была сдѣлана министромъ Кавуромъ въ Итальянскомъ парламентѣ въ 1860-мъ

[1]) Эта записка занимаетъ всю первую часть трудовъ коммиссіи, изданную въ 1863-мъ году.

году, когда правительствомъ былъ внесенъ проектъ учрежденія подобнаго министерства для Итальянскаго королевства. Отвѣчая на возраженія нѣкоторыхъ депутатовъ противъ этого проекта, Кавуръ, между прочимъ, говорилъ: «Я совершенно соглашаюсь съ общимъ (выше указаннымъ экономическимъ) принципомъ, но необходимо взглянуть на его приложеніе. Есть разные способы поощренія промышленности, и во главѣ ихъ стоитъ изданіе хорошихъ законовъ, напр. о таможенныхъ пошлинахъ. Есть много пошлинъ, которыя могли бы быть весьма выгодны для казначейства, но положительно вредны для промышленности». Для примѣра онъ привелъ пошлины на сырые матеріалы и на хлѣбъ. «Поэтому надо желать,—замѣтилъ онъ,—чтобы въ правительственныхъ совѣтахъ было обращаемо также вниманіе на вопросы финансовые, какъ и на экономическіе. Есть и другія учрежденія полезныя для торговли, напр. торговыя палаты. Не преувеличивая ихъ значенія, я не сомнѣваюсь, что при хорошемъ направленіи, онѣ много могутъ просвѣтить и само торгующее сословіе, и правительство, и во многихъ случаяхъ могутъ даже имѣть очень полезное административное вліяніе. Поэтому преобразованіе этихъ учрежденій должно быть однимъ изъ дѣлъ новаго министерства». Далѣе онъ указываетъ на школы распространенія техническаго образованія, на биржи, синдикаты маклеровъ, на изданіе статистическихъ изслѣдованій о торговлѣ и промышленности, на улучшеніе горной и монетной части, а также на введеніе простыхъ и однообразныхъ мѣръ и вѣсовъ, на содѣйствіе развитію земледѣлія учрежденіемъ агрономическихъ школъ и образованіемъ частныхъ агрономическихъ обществъ, наконецъ на введеніе лучшаго хозяйства въ лѣсахъ, какъ на предметы занятій министерства промышленности и торговли. «Мнѣ кажется,—говорилъ Кавуръ въ заключеніе,—я достаточно доказалъ, что можно вызывать учрежденіе министерства промышленности, не противорѣча ученію политико-экономовъ: я укажу еще только на одну страну, которая издавна уже примѣняетъ въ широкихъ размѣрахъ экономическіе принципы: я разумѣю Англію. Она имѣетъ не только одного, но двухъ министровъ финансовъ, и несмотря на то, тамъ есть министерство торговли и въ этомъ одномъ министерствѣ относительно можетъ быть болѣе служащихъ, чѣмъ во всѣхъ прочихъ» [1]).

Въ Россіи, начиная съ Петра Великаго, существовали центральныя учрежденія для завѣдыванія дѣлами до промышленности относящимися, то въ видѣ бергъ-и мануфактуръ-коллегій, съ

---

[1]) Annuario del Ministero di Agricoltura, Industria e Commercia del Regno d'Italia. 1863, Torino. Anno I. стр. XI—XVI.

1718 до 1779-го года, то въ видѣ особой экспедиціи государственнаго хозяйства сперва при сенатѣ, а потомъ при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ (съ 1779—1803), то въ видѣ особаго департамента мануфактуръ и торговли сперва при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, а съ 1819-го года при министерствѣ финансовъ. Въ первомъ періодѣ своего развитія мануфактурное управленіе вѣдало фабричныхъ людей судомъ и расправою, выдавало привилегіи на заведеніе фабрикъ, завѣдывало сборами съ промышленности и управляло всѣми фабриками. Императрица Екатерина, ослабивъ правительственную опеку надъ фабричною промышленностью, освободивъ ее отъ разныхъ сборовъ и стѣсненій, даровавъ дворянству и купечеству разныя льготы и преобразовавъ губернское управленіе, уничтожила въ 1779-мъ г. самую мануфактуръ-коллегію и передала немногія оставшіяся на ней обязанности губернскому начальству. Хотя въ 1797-мъ году мануфактуръ коллегія и была возстановлена въ своихъ прежнихъ правахъ, съ тѣми ограниченіями, которыя были сдѣланы жалованною дворянству грамотою и городовымъ положеніемъ, но въ сущности обязанности ея сократились до самыхъ ограниченныхъ размѣровъ. Вслѣдствіе этого, въ 1803-мъ г., тогдашній министръ внутреннихъ дѣлъ указалъ несостоятельность прежней формы управленія мануфактуръ-коллегіи и предложилъ присоединить завѣдываніе этою частью къ министерству внутреннихъ дѣлъ, начертавъ при этомъ слѣдующую программу: «Существенная обязанность управленія мануфактуръ въ настоящемъ порядкѣ вещей,—писалъ онъ во всеподданнѣйшемъ докладѣ государю,—состоять должна въ томъ, чтобы имѣть точныя и подробныя свѣдѣнія о состояніи фабрикъ, о количествѣ издѣлій, капиталовъ и образѣ продажи, чтобы брать отъ времени до времени общія мѣры для доставленія фабрикамъ наибольшей свободы, облегчительныхъ способовъ въ работѣ и удалять, сколь можно, всѣ могущія встрѣтиться препятствія. Въ семъ состоитъ существенное дѣло управленія мануфактуры». Эта программа, начертанная семьдесятъ лѣтъ тому назадъ княземъ В. П. Кочубеемъ, такъ широка и раціональна, что ея можно было бы держаться и теперь, въ случаѣ если у насъ учредилось бы, подобно тому какъ и въ другихъ странахъ, самостоятельное министерство земледѣлія, торговли и промышленности, вызываемое къ жизни усиливающимся развитіемъ нашей промышленности и возникающими изъ нея новыми и многосложными требованіями.

В. Вѣшняковъ.

БОЛЬШАЯ МЕДВѢДИЦА

РОМАНЪ.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

IV *).

Утро въ началѣ августа было довольно холодное; роса лежала бѣлая на выгорѣвшей травѣ по откосу большой дороги; между ветлами тянулись щетинистыя сжатыя поля; вдали, въ туманѣ, показались сѣрая каланча, нескладная соборная колокольня, за ними куча красныхъ, зеленыхъ крышъ, низенькихъ строеній...

Верховской проснулся на толчкѣ телѣги; онъ ужъ нѣсколько ночей не спалъ такъ покойно.

— Пошелъ! крикнулъ онъ, выпрямляясь и усаживаясь удобнѣе.

Съ такимъ восторгомъ путешественники смотрятъ на Римъ. Верховской не видалъ Рима, но не взялъ бы его за N. въ эту минуту, особенно, когда подумалъ, что сейчасъ-же разскажетъ эту шутку...

— Пошелъ! повторилъ онъ.

Но было еще слишкомъ рано и оставалось только отдыхать и думать, лежа въ своемъ нумерѣ.

— «Думать»!.. Вѣдь ужъ разъ сказано, что не буду! выговорилъ онъ, улыбнувшись. Какъ лошадь на знакомый дворъ, такъ и мысль все заворачиваетъ въ одну сторону. Не буду. Про-

---

*) См. выше: апр. 537 стр.

велъ скверную минуту и довольно. Теперь можно успокоиться: миръ надолго...

Онъ выбросилъ на столъ свой бумажникъ и, кстати, счелъ чтó въ немъ было. Пожалуй и не проживешь. Барыня приказала нанять домъ со всѣми онёрами; жизнь обойдется по-петербургски. *Суточныя* въ ея власти... Не попросить-ли *разъѣздныхъ*?

Это подумалось въ шутку, но мысль остановилась, стыдливо, насмѣшливо, но все-таки остановилась. Вдругъ, тó что казалось смѣшно и глупо, показалось необходимо. Взяла досада. Пожалуй, въ самомъ дѣлѣ, необходимо. Надо это устроить, написать кому слѣдуетъ... Верховской рѣшился какъ на жертву, соображая, между прочимъ, чтó могутъ доставить ему эти *разъѣздныя*.

— Все-таки буду свободнѣе, заключилъ онъ, и, чтобъ не терять времени, сталъ разспрашивать о квартирахъ. Ему назвали ихъ нѣсколько и въ томъ числѣ одинъ большой домъ, барскій, нарядный, меблированный, ненанимаемый за дороговизною; одно неудобство—онъ въ глухомъ мѣстѣ; фасадъ, правда, на улицу, но кругомъ совсѣмъ пустые переулки.

— Гдѣ это? спросилъ Верховской.

— Недалеко отъ дома г. предсѣдателя Багрянскаго.

— А, знаю.

Верховской сказалъ себѣ, что непремѣнно его найметъ, и сейчасъ-же отправился, но не въ домъ, а подъ окна Катерины... Будь она одна... все еще рано! Въ окна не видно никого. Въ садикѣ, наконецъ, зацвѣли запоздалые цвѣты, пестрѣютъ и зыблятся, когда въ воздухѣ пробѣгаетъ холодноватая струйка, напоминающая осень... Все убрано, въ порядкѣ. Должно быть, все благополучно... Но такъ и не оторвешься отъ этой рѣшетки!

Чтобъ куда-нибудь дѣвать время, Верховской отправился смотрѣть домъ. Онъ былъ, въ самомъ дѣлѣ, красивъ и удобенъ, но главное удобство состояло въ томъ, что изъ двухъ небольшихъ комнатъ, окнами во дворъ, были видны садъ, клены... вечеромъ, будутъ видны огни. Эти комнаты надо отдѣлать, убрать... У Верховскаго застучало сердце. Онъ осмотрѣлъ все остальное необыкновенно заботливо и необыкновенно акуратно, сторговался въ цѣнѣ съ старикомъ лакеемъ, жившимъ при домѣ на покоѣ, въ родѣ управляющаго, и расположилъ его въ свою пользу еще больше предложеніемъ нанять его къ себѣ, для прислуги. Верховскому вздумалось избавить себя отъ крѣпостныхъ Лидіи Матвѣевны. Старикъ былъ очень радъ, а Верховской восхищался своей расторопностью; такъ скоро и ловко онъ еще ничего не устраивалъ въ жизнь свою.

— Изъ деревни переѣдутъ позднѣе, осенью, сказалъ онъ, глядя въ окно: — а вотъ, сюда, пріищите мнѣ рабочихъ...

Ему показалось, что у Багрянскаго отворился балконъ; въ саду что-то мелькнуло.

— Я пришлю обои... договорилъ онъ и ушелъ.

Кабинетъ Багрянскаго былъ убранъ; на письменномъ столѣ было просторно, бумагъ меньше и всѣ, по праздничному, на мѣстѣ. Замѣтно, что тутъ давно не работали. На углу стола, Катерина что-то кипятила на канфоркѣ. Багрянскій, исхудалый, желтый, еще посѣдѣвшій, закутанный, но ужъ въ своемъ толстомъ пальто, расхаживалъ, пошатываясь, но бодро. Чиновникъ съ портфелемъ подъ мышкой давно держался за ручку двери, готовый уйти.

— Почту прислать ко мнѣ, говорилъ ему Багрянскій: — въ палату я приду...

— Въ понедѣльникъ, отозвалась Катерина: — а то, изъ одного дня начинать не стбитъ; завтра неприсутственный день, тамъ суббота, тамъ воскресенье...

— Можетъ быть, приду сегодня, прервалъ Багрянскій. Тепло на дворѣ?

Катерина за его спиной дѣлала знаки чиновнику.

— Не совсѣмъ, отвѣчалъ онъ.

— Конечно, подхватила она: — какое тепло — августъ! Почту принесутъ; можно будетъ и дома...

— Увидимъ, прервалъ Багрянскій. Попросите старшаго совѣтника послѣ присутствія ко мнѣ.

Чиновникъ еще не успѣлъ выдти, какъ въ прихожей раздался отчаянный звонокъ.

— Кого это Богъ даетъ? сказалъ Багрянскій. А, здравствуйте! полчаса нѣтъ, какъ васъ вспоминали.

Вошелъ Верховской.

— Здравствуйте! повторила Катерина.

Верховской оглядывался, не отвѣчая. Въ комнатѣ не было солнца, но золотые кружки забѣгали у него въ глазахъ. На Катеринѣ было синее платье и черный суконный казакинъ. Она была какъ-то нарядна, будто еще выше ростомъ, еще стройнѣе, еще бѣлѣе. Еще никогда, въ самыя безумныя минуты любви, не казалась она такъ мила, свѣжа, привлекательна. Она была вся — счастье и веселье.

— Вотъ какія бѣды бываютъ: чуть не умеръ! говорилъ Багрянскій.

Верховской все смотрѣлъ на Катерину.

— Да, вы напугали... выговорилъ онъ: — такое ужасное время...

— Ахъ, не напоминайте, ужъ прошло! прервала Катерина.

— Прошло, такъ я пойду въ должность, возразилъ отецъ. Что ты меня морочишь,—холодно, то да другое. Одиннадцатый часъ, самая пора. Тамъ, кстати, меня не ждутъ...

— Голубчикъ, вскричала она; бросаясь къ нему: — вы ужъ обѣщали, остались! Дайте мнѣ отпраздновать эти деньки... Господи, есть ли кто-нибудь счастливѣе меня на свѣтѣ!

Она цѣловала его лицо, руки, колѣни.

— Ну, посмотрите, сказалъ сквозь слезы Багрянскій:—вотъ такъ-то двадцать разъ на день. Извольте унять сумасшедшую дѣвку. Опомнись: посторонній человѣкъ!

— Онъ вмѣстѣ со мной мучился, сказала она.

Верховской схватилъ ея руку. Она закинула другую ему на шею, наклонила его и поцѣловала.

— Какъ на свѣтлое-воскресенье!.. выговорилъ съ умиленіемъ отецъ.

Она не слышала этого оправданія, но и не нуждалась въ немъ, тихо отерла глаза, тихо оглянулась, будто чего искала, подвинула отцу маленькій столикъ и раскинула на немъ салфетку.

— Кушайте и отдохните, сказала она:—а мы посидимъ тутъ и тихонько потолкуемъ.

— Можно ли съ тобой о чемъ-нибудь толковать! возразилъ Багрянскій. Извольте посмотрѣть — кормитъ меня скоромнымъ. Я шестой десятокъ доживаю, этого не дѣлалъ...

Верховской еще не опомнился. Онъ не больше бы потерялся, еслибы надъ нимъ громъ упалъ. Чтò это? забылась она, или не могла удержаться? или воспользовалась удобной минутой, увѣренная, что отецъ не пойметъ? Свела съ ума, а сама спокойна...

— Разскажите, чтò тутъ дѣлалось, говорилъ Багрянскій. Вѣдь у меня двѣ недѣли жизни изъ счета вонъ; хочется наверстать, узнать. Она кое-что пересказывала, да чтò она знаетъ. Только хвасталась, что преуспѣла съ вами въ вражескомъ щебетаньи. И вчера, я лежу, притворился, будто сплю, а она, уши зажала, надъ книжкой долбитъ...

— «Еслибъ этотъ человѣкъ былъ не отецъ ея, а женихъ, мужъ».. думалъ Верховской. Кровь бросилась ему въ лицо. «Другой имѣлъ бы право также говорить, также смотрѣть... ласкать ее»...

— Да вы сами что-то разстроены, замѣтилъ Багрянскій. Не случилось ли чего? здоровы-ли?

— Чему со мной случиться! отвѣчалъ Верховской, заставляя себя улыбнуться на взглядъ Катерины. Я здоровъ, только усталъ. Сегодня на зарѣ пріѣхалъ изъ деревни.

— Надолго?

— Я больше туда не поѣду.

— Такъ вы уѣзжаете въ Петербургъ? прервала Катерина.

— Нѣтъ. Напротивъ... Напротивъ, рѣшено, что и мое семейство останется здѣсь.

— Зачѣмъ? спросилъ Багрянскій.

— Я назначенъ слѣдователемъ... Но развѣ вамъ не сказала Катерина Николаевна?

— И вы согласились? вскричала она.

— Я вамъ говорилъ...

— Не взыщите, прервалъ Багрянскій:—видите—перезабыла. Разскажите, чтó это такое.

— Я хорошенько и самъ не знаю, отвѣчалъ Верховской. Чиновники Волкарева что-то крупно украли; къ этому примѣшались еще разныя дѣла, доносы...

— Мауровское наслѣдство? спросилъ Багрянскій.

— Вы знаете? вскричалъ Верховской.

Багрянскій засмѣялся.

— Чему вы обрадовались? спросилъ онъ. По глазамъ вижу: надѣетесь, что, вотъ, я сейчасъ вамъ все разъясню. Петербургскій баринъ:—давай готовенькое!.. Что, поймалъ я васъ? прибавилъ онъ, добродушно извиняясь.

— Поймали, сказалъ откровенно Верховской. Я совсѣмъ новичекъ и почти не знаю кáкъ приняться.

— Зачѣмъ же вы беретесь? спросилъ серьезно Багрянскій.

Верховской былъ готовъ отвѣчать: «затѣмъ, что не могу отсюда уѣхать», и поднялъ глаза на Катерину. Она ждала.

— Затѣмъ берусь, сказалъ онъ громко и отчетливо, хотя краснѣя, что надоѣло, стыдно работать на готовенькомъ... хочется въ чемъ-нибудь себя попробовать. Я зналъ, что меня назначатъ; Волкаревъ самъ меня просилъ...

Онъ разсказалъ, кáкъ это было. Привычная, начальническая внимательность Багрянскаго конфузила. Отъ досады и нетерпѣнія Верховской былъ рѣшительнѣе.

— Тутъ что-нибудь одно, заключилъ онъ: — или Волкаревъ правъ, или увѣренъ, что кругомъ меня проведетъ. Не думаю, чтобы онъ такъ мало меня понималъ или мало уважалъ. Для меня ясно, что онъ правъ.

— Онъ вамъ, вѣрно, много наговорилъ? прервалъ отрывисто Багрянскій. Извините, — вы себя назвали новичкомъ, — такъ я

вамъ замѣчу, что для слѣдователя ничто не можетъ быть ясно прежде слѣдствія. Это — разъ навсегда.

Верховской былъ озадаченъ. Багрянскій продолжалъ, не заботясь какое впечатлѣніе производитъ его тонъ.

— Я не въ ладахъ съ Волкаревымъ, но вы, надѣюсь, изъ этого ничего не заключаете. Я дѣла не знаю. Очень возможно, что онъ и правъ, а только запутался по оплошности. Ну, и по-дѣломъ,—гляди въ оба. И вы извольте глядѣть въ оба. Вы,— помнится, мы съ вами потолковали, — вы много полагаетесь на людскую совѣсть. На этомъ недалеко уѣдете. Ужъ если рѣшать что-нибудь заранѣе, то, вотъ кáкъ: такая-то или такая-то мерзость можетъ ли быть кому-нибудь выгодна? Можетъ. Слѣдóвательно — она есть.

— Чтó это! вскрикнулъ Верховской.

— Да, не иначе! подтвердилъ Багрянскій громко и всталъ. Сытъ я, матушка, не подчуй... Не иначе! обратился онъ опять къ Верховскому. Вотъ, сейчасъ вы застали, она всѣми силами держитъ, не пускаетъ меня въ палату. Почему? Потому что я тамъ камня на камнѣ не оставлю! Я тоже, вотъ, положился, посантиментальничалъ, а меня провели! Меня!.. Лѣсъ, тамъ, одинъ... Надѣялись, я въ ту сторону не загляну,—далеко, болота, —а я, будто чувствовалъ: прямо туда. Доносили мнѣ, писали,— все въ порядкѣ; все есть, и планы, и вѣдомости. Пріѣхалъ—а лѣса одна опушка, декорація... Ужъ лѣсничій съ окружнымъ слетѣли, а господинъ совѣтникъ лѣсного отдѣленія... Вотъ вамъ люди! женился недавно, сорокъ тысячъ приданаго взялъ, — это онъ, прахъ его возьми, на казенный лѣсъ невѣстѣ подарочки дѣлалъ! Надѣялись, я не спохвачусь, некогда, подати, наборъ... А наборъ?... Черти, они меня уложили! Вѣдь я тамъ чтò дѣлалъ, въ округахъ, въ волостяхъ? Ловилъ! ловилъ мошенниковъ, какъ гончая! Шпіоновъ держать за ними надобно, самому нáдо такимъ же быть, только тогда ихъ постигнешь... Извольте, напримѣръ, списокъ рекрутскій; точка противъ имени, муха сдѣлала; чтò съ нея возьмешь. Я смотрю—что ужъ такъ много. А точка значитъ *затылокъ;* точки-то все богатенькія, большія семьи, власти сельскія; кто отнесъ окружному, кто доктору... Вѣдь сами своихъ продаютъ, безумные, Бога забыли! дворы разоряютъ, — двойниковъ, одиночекъ... Баба въ волостномъ правленіи скатилась мертвая, тутъ и пришибло,—сына взяли послѣдняго... Все это видѣть, все это разобрать... Вѣдь это чтó такое было? я съ утра до ночи кричалъ, ругался, дрался; окружныхъ трехъ истребилъ, а ужъ писарей, головъ... Но своего добился, чисто все сдѣлано, передъ Богомъ. И именно, Господь сподобилъ до-

кончить: послѣднимъ ужъ распоряжался; съ зари началось, день жаркій,—ковшикъ воды выпилъ и къ вечеру слегъ, но чтó нужно было, все успѣлъ продиктовать и подписать... И тутъ еще, чиновникъ со мной былъ, юный, вы видѣли, изъ усердія да и по глупости — лекаря ко мнѣ. А я этого лекаря только-что предъ тѣмъ накрылъ и изловилъ. «Какъ, говорю, ты? вонъ»!.. Послѣднее мое слово было; дальше ужъ не помню... Безъ-году-недѣлю мальчишкѣ дали мѣсто... наука, изволите видѣть, любовь къ человѣчеству!.. въ округѣ его не видятъ, въ городѣ онъ картежничаетъ,—я, управляющій палатою, плетусь на чемъ попало, а онъ катаетъ на лежачихъ рессорахъ... я ему шею сверну!

Онъ все время кашлялъ, а тутъ почти задохнулся.

— Понятно, что Катерина Николаевна не пускаетъ васъ въ палату, сказалъ Верховской. Чтó вы съ собой дѣлаете?

— Безъ воли божіей... выговорилъ Багрянскій, запивая изъ стакана, который подала ему дочь. Ну, чтó ты глаза вытаращила? Не улыбайся насильно: вижу. Ничего. Живъ. Стало быть, еще нуженъ.

— А если нужны, такъ тѣмъ больше берегитесь, возразилъ Верховской. Какъ это, истратить себя на возню съ низостью, а тамъ, по-юношески, хватить студеной водицы...

— А надо бы въ теплую ванну да въ постель? Это мы, батюшка, и безъ васъ знаемъ; только извольте присмотрѣться,—кто дѣло дѣлаетъ, у тѣхъ досуга нѣтъ лежать, а случается—нѣтъ и постели... «Тратить себя!» пышно сказано, по-барски... Что-жъ, такъ и оставить низость, чтобъ гуще росла? или, кому приказать ее дергать? Все чернорабочимъ, безсильнымъ, безвольнымъ? помилуйте, въ какое положеніе вы ихъ ставите!... «Тратить себя!» это называется — брезгливость. А она куда ведетъ? Куда, напримѣръ, она привела Волкарева? Нельзя и грѣхъ предположить, чтобъ и у этого человѣка ужъ никогда не бывало честныхъ стремленій; но — побрезгалъ, поберегъ себя и тѣмъ покончилъ, что со всѣмъ помирился: все благо, всѣ правы, усилить наемный надзоръ и лучше ничего не надо! И вы...

— Я-то ужъ, конечно, не признаю всего за благо, прервалъ Верховской: — я въ отчаяніи...

— И все равно, и дойдете до того же! По-барски или съ отчаянія, все равно, вы отступитесь. Вся разница, что Волкаревъ никогда не устанетъ говорить фразы, — ему отъ нихъ доходъ, — а вы, съ отчаянія, потеряете вѣру...

— Въ людей?

— Въ самого себя, сдѣлаетесь ни на чтó не годны, осла-

бѣете, — а вотъ, въ этой, — какъ вы ее назвали? — въ croзнѣ съ низостью, — въ ней-то и крѣпнешь!

— Хороша гимнастика! на мѣстѣ одного зла встаетъ другое, а расправляется произволъ...

— Какъ, произволъ?

— Хоть бы тысячу разъ благой, все-таки—произволъ надъ темной, несознающей массой...

— Да, вы, помнится, надѣялись просвѣтить ее краснорѣчіемъ!

— Что-жъ дѣлать, возразилъ, вспыхнувъ, Верховской: — можетъ быть, и излишняя надежда на силу словъ, но слова, покуда,—единственное утѣшеніе...

— Гимнастика, такъ-сказать, комнатная, безопасная.

— Не всегда.

— Ну, съ предосторожностями! вскричалъ Багрянскій. Сказать вамъ правду?

Его впалые глаза засвѣтились и щеки слегка вспыхнули.

— Всю правду? Слова—бѣда. Надѣяться на нихъ—строить на пескѣ. Вы и сами не надѣетесь; это вамъ такъ-только кажется; вы несчастные, вы въ отчаяніи; вы восторгаетесь искренно тѣмъ, что сами считаете за сказку. Что такое *благо* и въ чемъ оно, вы еще не рѣшили. У васъ руки отпали, а вы кричите: руки связаны...

— Кто это кричитъ? прервала Катерина: — нѣтъ, всякій воленъ дѣлать свое дѣло.

— Какъ, вы это говорите? вскричалъ Верховской.

— Я и всегда это говорила. Дѣлать должное, какое бы оно ни было маленькое.

— Развѣ можно этимъ удовлетвориться?

— Если въ силахъ больше — тѣмъ лучше; разница въ способностяхъ, въ возможности, въ случайностяхъ...

— И въ заслугѣ!

— О честолюбіе!... Нѣтъ, и заслуга одинакая: одинаково необходимо, одинаково трудно, — сравнительно. И обязанность одна: дѣлай до конца, бейся, погибни на дѣлѣ... И еще неизвѣстно, кому тяжелѣе погибать, крупному человѣку или мелкому; надъ крупнымъ, по крайней мѣрѣ, люди ахнутъ, а мелкіе — могилы безъ креста... Считай ихъ Господь Богъ, онъ одинъ ихъ знаетъ!

— Но что же въ этихъ мелкихъ трудахъ, мелкихъ жертвахъ... возразилъ Верховской.

— Не крупными дѣлается дѣло, а всѣми. По одиночкѣ — капля, въ сложности — волны...

— Хороши волны! прервалъ Багрянскій.

— Хороши, сильны! подтвердила она съ какой-то радостью.

— Ты вблизи-то ихъ видала?

— Видала.

— Что-жъ, и дерзость тоже сила?... Вотъ, сотворили себѣ кумира-оборванца!... Хороши? Ты лѣнивыхъ, обманщиковъ, безсовѣстныхъ не видала?

— А отчего они такіе? Оттого, что у нихъ, ни много, ни мало,—отнято право не только имѣть гражданское чувство, но даже право понимать что это такое. Удивительно! Гражданское чувство, гражданскій долгъ,—простѣйшія вещи, всѣмъ близкія, всѣмъ общія, — изъ нихъ сочинено Богъ-вѣсть что, заоблачное, недоступное, однимъ великимъ міра подобающее. Натурально, что къ мелкимъ дѣламъ странно его и примѣнить; даже назвать страшно! Натурально, что маленькіе люди оробѣли, поклонились и предоставили его крупнымъ: извольте, ваше! А тѣмъ только то и было нужно—взяли, да распоряжаются по-своему...

— Ну, матушка, далеко хватаешь!

— Совсѣмъ недалеко! Что глаза закрывать, что себя обманывать? Въ обществѣ нѣтъ гражданскаго чувства, — умерло, — такъ пусть оно поднимется въ народѣ. За что онъ осужденъ на темноту, считаетъ себя пропащимъ, не имѣетъ понятія что такое отечество...

— И до конца вѣка такимъ останется.

— Такъ вы отчаянный, хуже чѣмъ онъ!

Она, не оглядываясь, показала на Верховскаго.

— Онъ вѣритъ хоть въ слова. Вотъ на что они нужны. Чѣмъ хотите, дѣломъ или словомъ, только помогайте. Время тяжелое, всѣ годимся. Ободрить, вразумить, — не легкая, не барская работа. Но, чтобъ она была исполнена! обратилась она вдругъ къ Верховскому: — самыя искреннія слова, если люди говорятъ ихъ только для собственнаго утѣшенія — жалкая забава рабовъ, ничего больше...

Верховской хотѣлъ отвѣчать, встрѣтилъ ея взглядъ и опустилъ голову.

— Что, получили приказъ? сказалъ ему, засмѣявшись, Багрянскій: — вы еще такихъ рѣчей не слыхали?

— Зачѣмъ вы шутите? вскричала Катерина.

— Какія шутки! возразилъ отецъ. Ты проворно распоряжаешься; дать бы тебѣ власть...

— О, еслибъ дали!

— То-то. Ну, я бы не пошелъ къ тебѣ подъ начальство; заморишь на работѣ.

— Заморю, отвѣчала она серьезно.

Багрянскій, замѣтно усталый, ходилъ по комнатѣ, остановился и тихо смѣялся, глядя на дочь съ нѣжностью и съ какой-то жалостью.

— Голова ты моя милая, надѣешься ты крѣпко... ну, въ чемъ и ошибаешься, не бѣда. Бѣда въ томъ, что сами будильники и словомъ, и дѣломъ—устаютъ скоро.

— Вы устали? спросила она.

— Тридцать-четвертый годъ, матушка! Сама знаешь, мы съ тобой ужъ сподличали, понавѣдались, напомнили о пенсіи.

— Нѣтъ, устали вы? повторила она нетерпѣливо. Кто-жъ это, вотъ, такъ кашляетъ, а въ палату рвется? Устали, — такъ творись тамъ чтó угодно! Нѣтъ, вамъ скучно, гадко, мучительно — вы все-таки не отстаете. И я вамъ говорю — я тоже. Умирать буду — такая же буду. Не знаешь куда дѣвать, вотъ, все что въ душѣ поднимается. Вы разберите, сколько я несчастнѣе васъ: вы за дѣломъ, а мнѣ дали бы хоть что-нибудь дѣлать...

— Вѣдь этакое честолюбіе, прервалъ Багрянскій, обнявъ ее одной рукой и прижавъ къ себѣ:—имѣетъ честь и счастіе служить подъ моимъ непосредственнымъ начальствомъ — и все ей мало; пяньчится со мной день-деньской...

— Ну, будетъ... тихонько выговорила она, смущенная.

— Радость ты моя, вотъ что,... досказалъ онъ тоже тихо и отрывисто. Андрей Васильевичъ, вы попадаете къ намъ все на семейныя сцены. Вотъ чѣмъ мы, чернорабочіе, держимся на свѣтѣ, — семьей. Не будь ее у меня (онъ все еще обнималъ дочь) — да, Господи-Владыко!... Домъ — пустырь; есть-ли чтó хуже?

— Бываетъ, сказалъ Верховской, глядя въ полъ.

— Бываетъ... повторилъ Багрянскій и сѣлъ. По его лицу пробѣжало нехорошее выраженіе; помолчавъ съ минуту, онъ заговорилъ, будто стараясь разсѣяться.

— Замѣтили вы еще, Андрей Васильевичъ, что какъ мы съ вами сойдемся, такъ и начнутся всякія философствованія?

— Значитъ, оба вы—не практическіе люди, сказала, смѣясь, Катерина.

Ея веселость въ мигъ развеселила отца.

— Просто, оттого, что ты подвертываешься, возразилъ онъ. Скажите что-нибудь житейское, Андрей Васильевичъ. Такъ вы здѣшній житель?

— Да, ужъ и домъ нанялъ, отвѣчалъ Верховской: — тотъ, что за вашимъ дворомъ; мы сосѣди.

— Большой домъ?

— Да... Моя семья велика.

— Нарядный. Намѣрены балы давать?

— Да, жена хочетъ... Мое собственное помѣщеніе очень небольшое и совсѣмъ отдѣльное. Ко мнѣ будутъ приходить по дѣламъ, такъ лучше подальше, чтобъ никого не безпокоить.

— Да, барыни дѣлъ не любятъ, замѣтилъ Багрянскій. Но и лучше — дѣло въ одной сторонѣ, а отдыхъ въ другой. Вы живете здѣсь давно, знакомыхъ много...

— Прежде всего позвольте бывать у васъ какъ можно чаще.

— Милости просимъ. Я за нее радъ (онъ показалъ на Катерину), она мнѣ говорила, что была у васъ въ деревнѣ, познакомилась съ вашимъ семействомъ. Вотъ ей общество; по крайней мѣрѣ, съ мѣста сдвинется моя домосѣдка.

— На это не надѣйтесь, возразила Катерина.

— Ну, нѣтъ, извини; я заставлю. Безъ людей не проживешь.

— Безъ хорошихъ, конечно.

— А дурны, такъ чтобъ не выдумали, будто ты прячешься. И, наконецъ, чтожъ это такое? я хочу, чтобъ тебя видѣли; я самъ съ тобой въ свѣтъ пущусь.

— Будто-бы? вскричала Катерина, смѣясь. О милый, знаете, чѣмъ меня заманить! Въ самомъ дѣлѣ, обратилась она къ Верховскому: — отецъ рѣдко бываетъ гдѣ-нибудь со мной, но мнѣ всегда такъ весело видѣть его среди другихъ...

— Ей пріятно, что я умѣю держаться въ обществѣ, досказалъ Багрянскій: — а я брожу, въ кулакъ зѣваю...

— Ахъ, совсѣмъ не то, прервала она: — мнѣ весело, что люди, точно, хорошіе отъ души рады васъ встрѣтить... Посмотрите, какъ окруженъ! прибавила она Верховскому. Даже и тѣ, — ну, которые знаютъ себя и не смѣютъ подступить, — и они ужъ не противны въ это время, а только смѣшны.

Багрянскій улыбался.

— Суета суетъ, матушка, возразилъ онъ: — на эту удочку, на почетъ всѣ мы ловимся.

— На уваженіе честныхъ людей, — это дѣло другое, возразила она.

— Знаю, — надо чѣмъ-нибудь извинить свою гордость.

Ему, однако, было замѣтно пріятно; онъ продолжалъ самодовольно и будто подшучивая.

— Вотъ, какъ совсѣмъ приведу себя въ порядокъ, поѣду съ визитами; кажется, съ зимы ни у кого не былъ. Есть ли карточки, Катерина?

— Какъ не быть; только, я думаю, онѣ опять зимы дождутся...

Багрянскій смѣялся, она тоже.

Верховскому было скучно давно; онъ давно нехотя, едва поддерживалъ разговоръ. Отвлеченныхъ вопросовъ, споровъ, разсужденій, ему было ужъ слишкомъ довольно; въ умѣ вертѣлось другое; семейныя сцены волновали все тѣмъ же неудовлетвореннымъ желаніемъ, все той же торопливой тревогой. Хотѣлось только одного: скорѣе остаться вдвоемъ съ Катериной... этого, кажется, недождаться во вѣки! Въ досадѣ, Верховской ужъ нѣсколько разъ подумалъ уйти и не могъ. Хозяева ничѣмъ не показывали ему, что онъ лишній, но вмѣстѣ съ тѣмъ такъ нецеремонились, что, пожалуй, не стали бы удерживать. Съ почты принесли газеты; Багрянскій схватился за нихъ; Катерина давно усѣлась у окна и что-то шила. Все это было такъ чинно и въ порядкѣ, что, наконецъ, становилось невыносимо. Въ ожиданіи, въ нетерпѣніи, въ тоскѣ, Верховской взглядывалъ на Катерину и съ злостью повторялъ себѣ, что сейчасъ уйдетъ...

— А! вотъ о защитѣ Соловецкой обители, сказалъ Багрянскій: — и много, подробно...

— Давайте, я прочту вслухъ, вызвалась Катерина.

Верховской поднялся съ мѣста. Его выручила судьба: за окномъ раздался стукъ подъѣхавшаго экипажа.

— Ахъ, Волкаревы! сказала съ неудовольствіемъ Катерина, выглянувъ изъ-за сторы.

— Ну, эта госпожа къ тебѣ, сказалъ Багрянскій: — ступай, а насъ тутъ затвори.

— Нѣтъ, это господинъ къ вамъ, возразилъ Верховской. Какъ-бы мнѣ съ нимъ не встрѣчаться? онъ не знаетъ, что я пріѣхалъ изъ деревни... заговоритъ!... Позвольте мнѣ уйти чрезъ балконъ, чрезъ садъ, какъ-нибудь...

— Испугались! сказалъ, смѣясь, Багрянскій. Ну, ступайте скорѣе, она васъ спрячетъ. Его превосходительство не засидится долго... Зачѣмъ пожаловалъ?

Верховской убѣжалъ въ гостинную. У входной двери раздался звонокъ; Волкаревъ прошелъ въ кабинетъ. Чрезъ минуту въ гостинную выглянула Катерина.

— Здѣсь? спросила она шутливо.

Онъ бросился къ ней, обхватилъ и увлекъ на балконъ.

— Послушай, повторялъ онъ: — послушай, — и всегда такъ будетъ? ты счастлива, тебѣ хорошо... Ты можешь выносить цѣлые часы, говорить вздоръ,... гражданство, патріотизмъ... Все это къ чорту! (онъ выхватилъ, скомкалъ и бросилъ листъ газеты, который замеръ у нея въ пальцахъ). Ты понимаешь, что я тебя люблю?... Оглянись, цѣлый мѣсяцъ пропалъ. Вѣдь это

мука! Да понимаешь ли ты... Катя! счастье мое! ну, ты теперь покойна, отецъ живъ, все хорошо, — а я-то?

Она взглянула ему въ лицо и вдругъ, закрывая глаза, прижалась губами къ его губамъ.

V.

Кабинетъ Багрянскаго вдругъ сдѣлался какъ-будто еще тѣснѣе и еще бѣднѣе когда въ него вступилъ новый гость, хотя, на этотъ разъ, костюмъ всегда щеголеватаго губернатора былъ почти неизященъ, походка старчески степенна, движенія вялы или утомлены, улыбка добродушно простовата. Волкаревъ остановился среди комнаты, держа хозяина за обѣ руки. Онъ былъ даже безъ перчатокъ.

— Я пріѣхалъ, заговорилъ онъ съ волненіемъ: — пріѣхалъ, старикъ, поздравить сверстника старика, что неизреченному милосердію Божію угодно было сохранить ему жизнь. Въ наши годы лучше оцѣнивается это благо, — лучше и возблагодаримъ за него вмѣстѣ!

Онъ еще разъ сжалъ руку Багрянскаго и скоро нашелъ уголъ, куда слѣдовало поднять глаза.

— Искренно благодарю васъ, отвѣчалъ серьезно Багрянскій.

Волкаревъ заботливо велъ его къ большому мягкому креслу.

— Ваша жизнь видимо нужна, продолжалъ онъ, растроганный: — отъ нея многое и многіе... Я ужъ и не говорю болѣе: вы, какъ истинный христіанинъ, не захотите меня слушать; вы не придаете цѣны.... И предоставимъ Господу оцѣнку дѣлъ нашихъ!

Багрянскій молчалъ.

— Вы все еще смотрите, какъ будто хотите спросить: «зачѣмъ пришелъ?» Не такъ-ли? продолжалъ Волкаревъ съ ласковой грустью. Да, меня вела одна мысль, и, вотъ, именно, ваше удивленіе ее подтверждаетъ... «Зачѣмъ пришелъ!...» Мы знаемъ другъ друга — какъ предсѣдатель палаты, какъ начальникъ губерніи.... все это прахъ, который, какъ дѣла наши, какъ нашъ собственный прахъ, разсѣется!... Тяжелая мысль!

Онъ повелъ рукою по глазамъ.

— Ну,... а какъ люди, мы другъ друга не знаемъ. То, что внутри насъ, наше лучшее, нашъ безсмертный духъ....

Онъ помолчалъ съ минуту.

— Люди много грѣшатъ другъ противъ друга.... Скажите, вы меня простили?

— Въ чемъ и когда? спросилъ Багрянскій.

— Во всемъ, вотъ, этими днями.... Тяжело мнѣ было знать, что вы въ смертной опасности и думать, что вражда.... И едва я узналъ, что опасность миновала, у меня явилась мысль: неужели, по-прежнему...

— У меня, ваше превосходительство, нѣтъ къ вамъ никакой личной вражды, прервалъ Багрянскій: — но если вы, какъ начальникъ губерніи, будете дѣйствовать по прежнему, я — буду дѣйствовать по прежнему.

— А!... сказалъ Волкаревъ, закусилъ губы, стремительно всталъ, прошелся и, вздыхая, опять сѣлъ на свое мѣсто. Вы не хотите меня понять. Мы смотримъ съ разныхъ точекъ зрѣнія, но, въ сущности, мы за-одно. Не станемъ спорить.... Я вѣрую, что *тамъ* (онъ задумчиво поднялъ глаза) прощаются наши заблужденія. Такая вѣра поддерживаетъ!

— Да, если человѣкъ, покаявшись, не начинаетъ съизнова, замѣтилъ Багрянскій.

Волкаревъ подумалъ.

— Господь прощаетъ безконечно, сказалъ онъ кротко и, не получивъ отвѣта, задумался опять и прибавилъ: — люди должны дѣлать тоже.

— Все это несомнѣнно, сказалъ нетерпѣливо Багрянскій: — но я хотѣлъ-бы знать....

— Къ чему я веду? подсказалъ Волкаревъ.

— Да, къ чему вы ведете.

Волкаревъ опять помолчалъ.

— Я буду говорить откровенно, началъ онъ, будто рѣшаясь. Я желалъ бы узнать... повторяю: какъ человѣкъ, какъ старикъ!... узнать, что, въ страшныя минуты разсчета съ жизнью, пробуждаются ли въ душѣ милосердіе, прощеніе обидъ, примиреніе, всѣ эти отрадныя чувства, поставленныя человѣку въ обязанность — такъ глубоко зналъ Законодатель испорченную природу человѣка!... Я, бѣдный жилецъ этого несчастнаго міра, который оставлю съ такой охотою, я желалъ убѣдиться....

Онъ, въ волненіи, не договорилъ.

— Я вамъ, сказалъ, что лично зла ни на кого не имѣю, отвѣчалъ спокойно Багрянскій.

— Ни на кого?

— Ни на кого. Если вы спрашиваете искренно, я вамъ также искренно говорю: желаю вамъ такого же душевнаго мира.

— Однако....

— Позвольте, продолжалъ Багрянскій: — я знаю, что вы

скажете. Я человѣкъ крутой, гоню дурныхъ людей, но исправься они — милости просимъ.

— А если еще они тяжкимъ страданіемъ искупятъ свою вину? сказалъ Волкаревъ тихо и настойчиво.

Багрянскій взглянулъ на него, вскинувъ головою.

— Благородный человѣкъ, продолжалъ Волкаревъ:—вы примирились, вы простили, — вѣрю! Всѣхъ ли вы простили? Готовясь къ великому отчету, всѣхъ ли вы вспомнили?... Не ненависть, нѣтъ, но забвеніе, человѣческое, немощное забвеніе!... А между тѣмъ, несчастное, истерзанное существо ждетъ, томится и — тяжкій грѣхъ на его душу, на вашу душу, — отчаявается! Вы подумали объ этомъ? вспомнили? У вашего смертнаго одра вы видѣли одну вашу любимицу, а тотъ, отъ кого вы впервые услышали слово *отецъ*, тотъ, отверженный вами, сынъ вашъ...

Багрянскій поднялся съ мѣста.

— Горе! вскричалъ Волкаревъ, поднимаясь тоже. Я, старикъ, прихожу напомнить! Я беру это право, во имя нашихъ сѣдыхъ волосъ! Въ сторону приличія, я исполняю мой долгъ! Вы забыли сына, а онъ.... Онъ, раненый, тоже умиралъ! Вотъ его письма ко мнѣ....

Онъ выбросилъ ихъ нѣсколько на столъ.

— Одна мысль: отецъ, отецъ, прощеніе отца! Ничего не надо, ни земныхъ благъ, ни дружбы, ни славы, — только благословеніе этой дорогой руки, только милость этого высокаго сердца! Увидѣть отца одну минуту и умереть! Несчастный безумствовалъ, клялъ свое рожденіе, нераскаянный бросался подъ пули, искалъ смерти—а смерть щадила!... Она и васъ пощадила. Не захотѣлъ Господь, чтобы разомъ предстали ему на судъ озлобленныя души сына и отца; Господь не враждуетъ во-вѣки. Не враждуйте! Если вы, строгій судья, приступая къ таинству покаянія, когда-нибудь испытали тяжесть на совѣсти, — не оттолкните сына, который готовъ у вашихъ ногъ... О другъ мой! вѣдь жить намъ все-таки осталось недолго...

Онъ едва договорилъ, опустился на стулъ и заплакалъ, закрывая лицо, дряхло опираясь локтями въ колѣни и покачивая наклоненной головою. Багрянскій не оглянулся, стоялъ молча, смотрѣлъ на письма и не прикоснулся къ нимъ.

— Онъ раненъ? выговорилъ онъ.

— Былъ раненъ... весной, отвѣчалъ съ усиліемъ Волкаревъ.

— А теперь? здоровъ?

— Но развѣ вы не знаете? въ концѣ мая онъ писалъ сестрѣ...

— Я не знаю переписки моей дочери.

— Онъ увѣдомлялъ меня, что писалъ и вамъ.

— Я не получалъ письма.

— Вы могли видѣть въ газетахъ: онъ отличился, произведенъ въ офицеры...

— Я не читаю производствъ, отвѣчалъ нетерпѣливо Багрянскій.

Волкаревъ взглянулъ на него съ испугомъ, упрекомъ и состраданіемъ.

— Не читаю, повторилъ Багрянскій и, отвернувшись, зашагалъ по комнатѣ.

Волкаревъ посмотрѣлъ ему вслѣдъ и заговорилъ осторожно.

— Я позволю себѣ такъ объяснить вашъ отвѣтъ: *мнѣ нѣтъ дѣла, что дѣлается съ моимъ сыномъ.* Простите, я этого не понимаю!... Вмѣсто производства, могло быть и исключеніе изъ списковъ. И Виктору могло тяжело отозваться ваше равнодушіе нѣсколько недѣль назадъ, еслибы, пробѣгая газеты, онъ встрѣтилъ извѣстіе о вашей смерти. Всего возможнѣе, что оно пришло бы къ нему только этимъ путемъ: сестра могла не написать....

— Что, спросилъ, вдругъ остановившись, Багрянскій.

— Сестра не написала бы, подтвердилъ Волкаревъ, настойчиво глядя въ его сверкающіе глаза: у нея не достало бы мужества написать: «отецъ умеръ, не снявъ съ тебя проклятія». Такія слова не ложатся на бумагу. Вы не подумали, что между вашими дѣтьми — бездна; несчастный молодой человѣкъ обращается къ постороннему, ко мнѣ....

Багрянскій возвратился на свое мѣсто и сѣлъ. Онъ былъ очень блѣденъ; его сжатыя губы слегка вздрагивали.

— Позвольте просить васъ разсказать, началъ онъ: почему и какимъ образомъ онъ обратился къ вамъ.

— Вотъ письма....

— Благодарю васъ, я читать ихъ не стану; некогда, я нездоровъ; словъ тутъ, я вижу, много.... Мнѣ бы хотѣлось знать только обстоятельства.

— Все въ двухъ словахъ. Родственникъ одного изъ моихъ лучшихъ друзей, превосходный молодой человѣкъ, товарищъ Виктора въ несчастіи, сблизился съ нимъ, — были взаимныя услуги — и употребилъ свой кредитъ, просилъ за вашего несчастнаго сына, понимая по себѣ какъ тяжело незаслуженное....

— Можно спросить, кто этотъ молодой человѣкъ?

— Заметовъ.

— А!... сказалъ Багрянскій и отвернулся.

— Нѣсколько сходное дѣло. Вы знаете?

Багрянскій кивнулъ головою, не оглядываясь.

— Онъ сказалъ Виктору, что я здѣсь — и вотъ, начались письма ко мнѣ. Викторъ писалъ вамъ, когда состоялось его представленіе; вы говорите, что не получали.... Какъ это могло случиться!! (Онъ пожалъ плечами). Но ваше молчаніе его убиваетъ; не хочетъ онъ ни отличія, ни наградъ; ему нужно одно слово, одинъ намекъ.... часы, дни, мѣсяцы ожиданія.... Какъ онъ васъ любитъ! О, кто любитъ, тому прощается много!

Багрянскій продолжалъ молчать и смотрѣть въ сторону. Волкаревъ тихо положилъ ему руку на колѣно.

— Другъ мой, Господь не хочетъ смерти грѣшника; намъ же коснѣть въ ненависти....

— Да чего вы отъ меня хотите? прервалъ Багрянскій и опять всталъ.

— Ка́къ, все что́ я говорилъ.... вы и не слышали?

— Все слышалъ. Ни на кого нѣтъ у меня ненависти. Довольно.

— Вы простили?

Волкаревъ вскочилъ, задыхаясь, простирая объятія.

— Вы простили? Другъ мой!... О безмѣрная отеческая любовь! Благородный человѣкъ! Братъ о Господѣ! И мнѣ, такое счастіе.... Блаженны миротворцы.... Откроемъ сердце, прижмемъ....

— Позвольте.... прервалъ Багрянскій.

— Нѣтъ, ужъ благодатное слово произнесено! О другъ мой, довершите, призовите вашего сына....

— Подлеца?...

— Ка́къ?... Онъ?... Вы.... Вы говорите это о человѣкѣ, которому судъ, сама власть.... которому возвращено достоинство....

— Онъ осужденъ подѣломъ, а за какія заслуги прощенъ — не знаю, прервалъ Багрянскій. Достоинство!

Онъ захохоталъ и отвернулся.

— Достоинство однимъ часомъ не возстановляется, рѣзко и твердо заговорилъ онъ, возвращаясь къ оторопѣвшему гостю: не дается оно даромъ и ничьей милостью. Много надо потрудиться, чтобъ было не совѣстно смотрѣть людямъ въ глаза.

— Одинъ вздохъ на крестѣ.... началъ Волкаревъ.

Багрянскій повелительно поднялъ руку.

— Предъ Богомъ, прервалъ онъ: Богъ зналъ, каковъ былъ этотъ вздохъ. Мы, люди, судимъ не по вздохамъ, а по дѣламъ.

— Неумолимый! вскричалъ съ горестью Волкаревъ: но если ужъ не любовь отца, то хотя состраданіе.... Онъ столько вынесъ!

— Люди много выносятъ.

— Онъ разбитъ; нравственныя страданія, рана.... онъ не въ состояніи продолжать военную службу, вышелъ въ отставку....

— Очень жаль.

— У него нѣтъ средствъ, онъ въ крайности; надо жить чѣмъ-нибудь....

Багрянскій странно улыбнулся, не отвѣчая.

— Онъ тяготится праздностью, продолжалъ настойчиво и уже обижаясь Волкаревъ. Онъ просилъ моего совѣта и помощи. Я могу дать ему здѣсь мѣсто.

Онъ опять напрасно подождалъ отвѣта и спросилъ рѣзко:

— Вы не противъ этого, по крайней мѣрѣ?

— Я, ваше превосходительство, не приму къ себѣ на службу отставного прапорщика Багрянскаго, зная, что онъ человѣкъ дурной и неспособный, а потому и вамъ его не рекомендую.

Волкаревъ отступилъ, озадаченный, но скоро нашелся.

— Уважаю.... преклоняюсь предъ такой.... доблестью! вскричалъ онъ. Это.... это достойно гражданъ древняго Рима! Но неужели.... Нѣтъ!

Онъ вдругъ перемѣнилъ тонъ, растроганно, добродушно, и оживлялся до веселости по мѣрѣ того какъ говорилъ.

— Нѣтъ, невозможно! Это не въ нашемъ русскомъ характерѣ! Оставимъ другимъ эти умствованія, эти языческія добродѣтели; мы русскіе, простые люди, душа на распашку! Нѣтъ, вы захотите видѣть его новые эполеты, захотите обнять молодца, кавказскаго героя! Подумайте, не разъ чудомъ спасался....

Игривость Волкарева замерла мгновенно. Багрянскій смотрѣлъ на него устало, безъ выраженія, какъ не смѣшливый человѣкъ на неудачную комедію.

— Довольно, ваше превосходительство, сказалъ онъ тихо. Искренно благодарю васъ за доброе чувство и откровенно скажу: я отъ васъ его не ожидалъ. Простите и вы меня. Но я вамъ сказалъ, съ какими людьми я не знаюсь. Чужой, родной,—все равно.... Сынъ срамитъ мое имя....

Волкаревъ сдѣлалъ движеніе.

— Пріучите себя къ мысли, ваше превосходительство, что не однимъ титулованнымъ господамъ честь дорога. Стыда за него выносить я не желаю. Его раскаянію я не вѣрю. Вынырнулъ онъ, примется опять.... по крайней мѣрѣ, не на глазахъ!

— И это все, что я долженъ передать несчастному? рѣзко спросилъ Волкаревъ, взявшись за шляпу.

— Я хочу покойно дожить вѣкъ.

— Итакъ, рѣшительно?

— Рѣшительно, не хочу его видѣть. Можете передать ему.

— Первенцу, единственному?

— Слава Богу, не единственный, возразилъ Багрянскій.

— Да! Любимица!... сказалъ отчаянно Волкаревъ. Простите, я не въ силахъ болѣе.... Да проститъ васъ Всевышній!

Онъ эффектно вышелъ. Багрянскій проводилъ его до порога, постоялъ, хотѣлъ позвать дочь, воротился одинъ къ себѣ и тяжелыми шагами заходилъ по комнатѣ. Его непритворное, вполнѣ увѣренное спокойствіе улетѣло вдругъ. Онъ остановился, перекрестился нѣсколько разъ, опять хотѣлъ кликнуть Катерину и опять отошелъ отъ двери.... Гнѣвъ, горе, обида, что вмѣшался посторонній, все разомъ поднималось и кипѣло. Ему было трудно дышать. Онъ отворилъ окно, раскашлялся отъ холода и отошелъ, шатаясь, хватаясь за голову. Въ ней все перемѣшалось. Томило какое-то раскаяніе, будто послѣ дурного дѣла....

Онъ вспомнилъ все, что̀ сынъ заставилъ его вынести, всѣ его вины,—отъ перваго побѣга изъ дома, до послѣдняго кроваваго дѣла, все что̀ накладывало въ душу боль на боль, стыдъ на стыдъ; вспомнилъ, какъ молчалъ изъ жалости, изъ приличія, изъ необходимости, какъ усовѣщевалъ, грозилъ, умолялъ, какъ надѣялся исправить любовью и полнымъ довѣріемъ, какъ надѣялся, что самъ этотъ несчастный оглянется и одумается; вспомнилъ свое бѣшенство, свое отчаяніе.... Еще разъ въ жизни безупречная совѣсть провѣряла себя и старалась разобрать, догадаться, что̀ могло происходить въ той, непонятной ей совѣсти....

«Измученъ, разбитъ».... Пути Господа неисповѣдимы. Кто знаетъ, что̀ тамъ, въ глубинѣ души, которая, по милосердію свыше, всегда можетъ очнуться и прозрѣть? Можетъ быть, тоже, въ виду смерти.... одинъ вздохъ покаянія....

Покаяніе видитъ Богъ.

Но люди, въ правѣ ли они не вѣрить? Ихъ-то слѣпое правосудіе, ихъ-то безумная мудрость, не ошибаются ли тысячи разъ? Не собственная ли гордость заставляетъ ихъ отталкивать то, что̀ очищенное раскаяніемъ, какъ золото огнемъ, дѣлается достойнѣе предъ Богомъ, чѣмъ ихъ непогрѣшимость? Раскаянію радуются на небесахъ. А на земли—миръ, любовь....

Ему, какъ живой, представился Викторъ, кудрявый красавецъ юноша съ маленькой сестренкой на рукахъ; онъ ее тормошитъ, цѣлуетъ; кажется, еще раздается ихъ свѣжій смѣхъ; кажется, вотъ, сейчасъ, оба въ запуски разбѣгутся, припадутъ, обнимутъ....

А дальше, дальше?... Дальше—ничего....

О счастливые люди, которые умѣютъ умиляться, отводить себѣ глаза, спасать себя отъ мученій осмысленной злобы!...

— Господи, скажи мнѣ путь, въ онь-же пойду.... выговорилъ громко Багрянскій.

Онъ поднялъ голову, Катерина стояла передъ нимъ.

— Батюшка, что съ вами?

Онъ не отвѣчалъ; ему было неловко, непріятно, что она такъ его застала. Она оторопѣла и испуганно заглядывала ему въ глаза.

— Какіе ты тамъ узоры разсматриваешь, сказалъ онъ рѣзко. Ничего со-мной. Гдѣ твой гость? ушелъ?

— Давно.

Она смутилась, хотя говорила правду: Верховской пробылъ только нѣсколько минутъ, — но зачѣмъ, какая трусость, какая необходимость оправдаться предъ собою толкнули ее сказать: *давно*?... Отецъ отворачивается, пряча свое лицо; тѣмъ удобнѣе и ей скрыть свое смущеніе..... У нея навернулись слезы отъ негодованія на эту невольную мысль.

— Батюшка, повторила она: ради самого Бога, что съ вами?

Багрянскій оглянулся.

— Знаешь, зачѣмъ пріѣзжалъ Волкаревъ? сказалъ онъ странно насмѣшливо, будто вызывая. — Полно плакать. Пріѣзжалъ поздравить.

— Съ чѣмъ?

— Твой братъ произведенъ въ офицеры. Что-жъ, не рада?

— Я знала, отвѣчала она.

— Знала? кто тебѣ сказалъ?

— Верховской.

— Сегодня?

— Давно, когда васъ здѣсь не было.

— А онъ почему узналъ?

— Не знаю навѣрное, — писали ему, или прочелъ въ газетахъ, или сказали Волкаревы.

— А ты не потрудилась спросить.... Можетъ быть, знаетъ и всю исторію?

— Знаетъ.

Багрянскій вдругъ остановился.

— Что-жъ ты мнѣ не сказала?

— Не до того было, отвѣчала Катерина.

— Да, я-то хворалъ.... Ну, а еслибъ я умеръ? спросилъ онъ опять останавливаясь. Не мѣшало напомнить предъ смертью.

Онъ смотрѣлъ ей въ глаза.

— Вы ничего не понимали, возразила она.

— Надо было заставить понять, продолжалъ онъ. И день не долженъ кончаться въ злобѣ, а жизнь и подавно. Если-бъ я умеръ?

— Вы бы не умерли въ злобѣ, я васъ знаю, сказала она тихо и твердо, хотя поблѣднѣла.

Багрянскій опять странно улыбнулся, его возмущало что-то неопредѣленное, не терпѣніе, не здоровье,—его раздражалъ голосъ дочери.

— Все знаешь! сказалъ онъ—и мою совѣсть тоже?

— Ее знаетъ Богъ, отвѣчала она. Ну, не было бы прощенія на словахъ, но я думаю, Богу все равно и безъ этой формальности.

— Не умничай! вскричалъ онъ и вдругъ сдержавшись, отвернулся.

Оба замолчали. Багрянскій отошелъ къ окну; ему было жаль ее, совѣстно, досадно; хотѣлось приказать ей уйти, хотѣлось, чтобъ она бросилась ему на шею, хотѣлось, чтобъ она заговорила, и его заранѣе сердили ея слова. Оглянувшись украдкой, онъ увидѣлъ, что она стоитъ, опустивъ глаза, задумавшись, спокойная.

— Викторъ писалъ къ тебѣ? спросилъ онъ рѣзко.

— Писалъ.

— О своемъ производствѣ?

— Нѣтъ; онъ только намекалъ, что ждетъ какой-то перемѣны.

— Гдѣ его письмо?

— Я изорвала.

— Почему?

— Потому что не хотѣла его беречь.

— Не хотѣла, переспросилъ Багрянскій, подходя ближе.

— Не хотѣла, повторила она и прибавила тихо, но есть еще другое, къ вамъ. Не сердитесь, что я до сихъ поръ вамъ его не отдавала; недѣли нѣтъ, какъ вы встали.

Онъ смотрѣлъ, вслушивался, вдругъ схватилъ ея голову обѣими руками, прижалъ къ себѣ и зашатался. Она едва успѣла поддержать его и посадить въ кресло.

— Дай письмо,... выговорилъ онъ, покуда она хлопотала кругомъ него.

Катерина отперла столъ и достала конвертъ; у нея дрожали руки; сердце схватила неизобразимая тоска, точно будто что умирало, пропадало на вѣки. Она оглянулась на блѣдное, осу-

нувшееся лицо, опрокинутое на спинку кресла, и уронила письмо назадъ въ ящикъ.

— Ну, что же? сказалъ нетерпѣливо Багрянскій.

— Извольте.

Онъ распечаталъ, почти разорвалъ, хотѣлъ читать и не могъ.

— Читай.

У нея тоже въ глазахъ клубились красные круги и перерывалось дыханіе; она не могла выговорить слова.

— Читай же! сурово повторилъ отецъ.

— «Дражайшій родитель! Удрученный горестію и раной, я взываю къ вашему любвеобильному сердцу. Полагаю, что наконецъ пробудится въ васъ чувство отца, столь долгое время вами забытое, по навѣту извѣстныхъ мнѣ особъ. Нынѣ я могу уже, какъ благородный человѣкъ, сказать, что я достоинъ образованнаго общества: высокой милостью съ меня смыто пятно. Въ скоромъ времени вы узнаете отъ его превосходительства, истиннаго сановника и моего благодѣтеля, Алексѣя Владиміровича Волкарева....»

— Довольно, сказалъ Багрянскій, не оглядываясь.

Его руки безсильно распались.

— Довольно, знаю.... Ну, Богъ его проститъ. Пусть живетъ гдѣ хочетъ, покойно.... Поди сюда, ближе. Вѣдь ты меня не оставишь?

— Господи! вскричала она — никогда!

Въ сумерки, Катерина сидѣла въ гостинной, одна, и не поднимая головы переписывала отцовскія бумаги и письма; ихъ было столько, что она ужъ нѣсколько часовъ не вставала съ мѣста.

Послѣ утренняго обморока, Багрянскій вздумалъ развлечься работой. Это было что-то ужасающее. Едва опомнясь, едва держась на ногахъ, онъ всталъ и потребовалъ, чтобъ Катерина подала ему дѣла. Оторопѣлая, испуганная, она возразила,— отвѣтомъ былъ гнѣвъ до крика. Казалось, онъ забылъ все, что было за полчаса, ея заботу, нѣжность; ея слезы вывели его изъ себя; онъ скрывалъ сердце, онъ дѣлалъ на зло.

— Ты не хочешь? закричалъ онъ: — отказываешься? надоѣло? надоѣло со мной возиться?

Онъ послалъ въ палату за чиновниками; съ ними, вдругъ овладѣвъ собой, онъ сдерживался почти до снисходительности, старался помнить что дѣлалъ, распоряжался еще яснѣе и отчетливѣе нежели когда-нибудь. Катерина видѣла, что она нужна

и не отходила, моля Бога только, чтобъ не перепутать дѣлъ, за которыя не принималась два мѣсяца; отецъ допускалъ ея услуги съ насмѣшкой, съ досадой, будто единственно изъ необходимости, нетерпѣливо, взыскательно. Это было не его обыкновенное нетерпѣніе, къ которому Катерина привыкла и умѣла примѣняться, нетерпѣніе всегда, въ ту же минуту заглаженное лаской. Багрянскій капризничалъ нарочно; въ другое время ему бы и въ голову не пришло спрашивать то, что онъ спрашивалъ, и сердиться за чтó онъ сердился. Онъ самъ не зналъ, чтó это такое; ему хотѣлось обижать ее; она ничѣмъ не могла ему угодить; она, именно она всему мѣшала. Онъ бранилъ ее и кричалъ безпрестанно; ея покорность, присутствіе постороннихъ, его собственная несправедливость только хуже бѣсили; онъ будто отмщалъ ей за все, чтò вынесъ и выносилъ....

— Боже мой, кàкъ онъ несчастенъ и чтò его волнуетъ! думала Катерина, не вѣря, что это происходитъ и происходитъ— съ нею. Капризничаетъ, обижаетъ — но можно ли сравнивать такую мелочь съ его мукой? Если и обидно, то за него-же: зачѣмъ онъ передъ чужими выставляется страннымъ человѣкомъ. А за себя.... да лишь бы онъ одну минуту вздохнулъ полегче, она готова отдать жизнь, больше чѣмъ жизнь—готова принять хуже, чѣмъ грубыя слова, которыя сегодня въ первый разъ слышала. Что тутъ объяснять, извинять? Оскорбляетъ ее — но это ему же несчастье!

День тяжело ей достался. Багрянскій кончилъ тѣмъ, что выслалъ ее отъ себя, заваливъ перепиской. Она устала, измучилась, но работала покорно. Это — дѣло, это нужно. Отца ей было жаль до отчаянія.... Кончивъ, когда ужъ стемнѣло, она сидѣла тихо подъ окномъ, прислушиваясь, чтó дѣлалось въ кабинетѣ. Тамъ еще было много народу. Наконецъ, всѣ разошлись. Ей хотѣлось пойти туда. Она не смѣла.

— Катерина! раздался голосъ отца.

— Ахъ, слава Богу, зоветъ!... Она побѣжала. Багрянскій ужъ лежалъ въ постели.

— Что-жъ, прочтешь ты мнѣ что-нибудь? спросилъ онъ.

У нея сердце встрепенулось; стало больно, хотѣлось заплакать. Онъ говоритъ такъ тихо, ласково, будто проситъ прощенія.... Проситъ прощенія? У нея? Но что же это? возможно ли? Чѣмъ это заслужить?... Она чуть не упала къ его ногамъ.... Нѣтъ, нельзя, это опять напомнитъ.... Не надо ничего напоминать! опять взволнуется, опять занеможетъ; ему надо отдохнуть.... Чего бы ни стоило, надо его развеселить, пусть забудется....

— Давайте читать, сказала она, и ея ясный голосъ дрогнулъ невольно. Чтò взять? что-нибудь полегче, чтобъ скорѣе уснуть?

— Чтò хочешь.

— Вотъ новый журналъ, новый романъ.

Романъ былъ плохой, она надъ нимъ потѣшалась—ей прежде удавалось такъ забавлять отца; только тутъ она почувствовала, какъ сама утомилась и какъ ей трудно смѣяться. Но лишь бы онъ отозвался, засмѣялся....

Она не подозрѣвала, какъ напрасно трудилась.

Багрянскій смотрѣлъ на нее и слушалъ не чтеніе, а только ея голосъ. Кругомъ было тихо, за ширмами темно. Багрянскій отдыхалъ, усталая голова пріятно улеглась на подушкахъ; хотѣлось отдохнуть и нравственно. Онъ шепталъ молитву и думалъ. Но молитва—каждымъ словомъ, покой—каждой минутой, веселость дочери—каждой своею прелестью, живѣе напоминали то, чтó хотѣлось забыть.... Тихо. Настаетъ ночь.... Именно тутъ, именно теперь должны быть при немъ его двое дѣтей. Въ его душѣ не оставалось ни гнѣва, ни негодованія; глубоко залегла только скорбь. Онъ былъ только отецъ, больной на своей бѣдной постелѣ, въ своемъ трудовомъ углу.... и изъ тѣхъ *двухъ*, которыхъ Господь далъ ему блюсти и лелѣять, одинъ погибъ, какъ сынъ погибели. Эта — вѣрна, при немъ.... Онъ смутно припомнилъ, что, кажется, огорчилъ ее; вѣроятно, не очень: она весела, покойна.... Она, конечно, утѣшеніе, но не замѣна брату. Нѣтъ, не замѣна! Онъ это тяжко сознавалъ. Сынъ прощенъ, но сына нѣтъ. Такъ должно, но въ семьѣ пусто, *одного* не стало. Прежде, правосудный, непреклонный, онъ произносилъ приговоръ преступнику; теперь, простивъ, онъ хоронилъ сына. Мертвыхъ не осуждаютъ; за нихъ молятся; у нихъ просятъ прощенія. А предъ сыномъ онъ виноватъ. Можетъ быть, не все сдѣлалъ, чтобы обратить его, кто знаетъ! забывалъ, ожесточалъ.... проклялъ....

Багрянскій, содрогаясь, перекрестился.

Господь свидѣтель, что въ душѣ проклятія не было; сорвалось праздное слово.... Вотъ, она это поняла, она знаетъ....

Онъ смотрѣлъ на Катерину; ея щеки и глаза горѣли; въ эту минуту она смѣялась.

Весела. А вѣдь все забывалось для нея. Эта — всегда была счастлива, неволи не знала, нужды не знала; кажется, не можетъ пожаловаться! Что, когда-нибудь, вспомнила ли она брата?... Багрянскій хотѣлъ спросить, часто ли она писала брату, чтó писала, посылала ли денегъ; сообразилъ, что давалъ ей денегъ на обновки и никогда не видалъ у нея этихъ обновокъ. Должно

быть, посылала. Но, можетъ быть, помогала кому-нибудь другому.... Это вѣрнѣе. Она его слишкомъ презираетъ.

Онъ съ какимъ-то облегченіемъ остановился на этой мысли и ничего не спросилъ. Отецъ забывалъ, сестра тоже вотъ, весела, покойна, хохочетъ вздору....

Его мучило странное, отвратительное чувство—злость, которой ему всѣми силами хотѣлось найти причину и подтвержденіе. Онъ повторялъ себѣ, что простилъ сына, простилъ предъ Богомъ, покаялся и на прежнюю вину не обращался, но его сердце было непокойно, недовольно,—онъ не хотѣлъ сознаться: недовольно прощеніемъ и покаяніемъ, —и искалъ виноватаго. Дочь была права; онъ это зналъ, но съ какимъ-то наслажденіемъ раздражалъ себя именно противъ того, что ему было особенно дорого, противъ милаго существа, кроткаго, преданнаго, прелестнаго; онъ будто казнилъ самого себя.... Вдругъ рѣшаясь, наперекоръ, въ осужденіе веселости Катерины, онъ досталъ изъподъ подушки письмо Виктора, приподнялся, подставилъ его подъ полосу свѣта и сталъ перечитывать.

Катерина оглянулась на шорохъ и, пораженная, остановилась на полусловѣ... Какое ребячество! она надѣялась позабавить его шуткой! Но заговорить прямо у нея не достало мужества, вѣрнѣе—не нашлось слова. Викторъ дѣлался ей еще ненавистнѣе: не стóитъ онъ такой печали. Чтó тутъ сказать? Не утѣшать же, не уговаривать....

— «Стыдно такъ печалиться»! вдругъ подумала она, глядя на отца и ужасаясь, что его осудила.

Отецъ примѣтилъ ея движеніе и спряталъ письмо.

— Который часъ? спросилъ онъ.

— Десятый.

— Не поздно, но мнѣ спать пора, продолжалъ онъ, какъ-то пугаясь мысли, что сейчасъ останется одинъ. И ты устала.

— Ничего, отвѣчала она, подходя оправить на немъ одѣяло.

— Руки у тебя холодны. Здорова-ли?

— Ничего, повторила она.

— Все ничего. Все скрытничаешь. Измучилась; въ духотѣ цѣлый день. Вотъ, пальцы всѣ въ чернилахъ.

Онъ вдругъ порывно ее обнялъ, сталъ крестить; ему вдругъ стало легче. Она была мила ему безконечно.

— Его святая воля!.... Прощай.

Она вышла; у нея кружилась голова.... — «Скрытничаю».... повторила она машинально сходя съ ступенекъ балкона. Ей было холодно; ночь была холодная; подъ деревьями совсѣмъ темно. Катерина шла, страшно усталая и все хотѣлось идти,

уставать еще больше; ей казалось, будто темнота идетъ на нее; ей чувствовалось, что въ ея жизнь влилась новая волна и ужъ затопляла. Въ сердцѣ, въ мысли все разорвано. Весь этотъ ужасный день кажется Богъ знаетъ гдѣ, далеко. Что-то кончилось.

Отецъ не тотъ, и больше ему ужъ не быть такимъ, какимъ онъ былъ еще вчера. Не досада, не капризы — объ этомъ не стóитъ думать! — нѣтъ, его душевно сломило, и въ этомъ горѣ она не могла быть съ нимъ заодно. Нѣтъ, она имъ оскорблялась, этимъ горемъ, разслабляющимъ, нервическимъ, позднимъ. Ужъ если горевать, то прежде бы, когда Виктора сослали, когда онъ бывалъ и въ нуждѣ, и въ опасности, а не теперь, когда все прошло и онъ сюда глазъ не покажетъ. За что же ей эта бѣда — семейная нескладица, тьма, въ которой сердце холодѣетъ, въ которой напрасно протягиваются руки къ дорогому, а этотъ дорогой знать не хочетъ, мучитъ себя ненужнымъ, недостойнымъ, тратится..... «Тратится!»

Ей вспомнилось это слово, минута по утру, безумный поцѣлуй наединѣ; вспомнилось все, и первая тревога, тогда, ночью, когда уѣзжалъ отецъ.... Она ужъ и тогда *его* любила....

— Отецъ не тотъ.... Чтó лукавить, я сама не та! Что-нибудь одно: скрытничать или не любить. Не любить.... Какъ же я это сдѣлаю? Онъ мой передъ Богомъ. Я все скажу отцу. Я ни передъ кѣмъ не виновата и не буду виновата. Я нужна отцу — теперь еще больше чѣмъ прежде, — я его не оставлю. Мой милый и я — одно; какъ для себя я не потребую и не приму никакой жертвы, такъ и для него не пожертвую никѣмъ.... Отецъ, ты въ меня жизнь положилъ, и я въ тебя жизнь положу. Чтó было твое, то изъ моей души не пропало и вѣкъ твоимъ останется, а чтó мое, собственное.... Милый, я тебя люблю! Женатый, свободный, со мной или на краю свѣта, мнѣ все равно, только будь тѣмъ, чтó ты есть! Есть счастье лучше, полнѣе всякихъ ласкъ, отъ него душа свѣтлѣетъ, понимать другъ друга, вѣровать другъ въ друга — и ничего больше не нужно!... Я все скажу отцу. Вмѣстѣ будемъ; счастливы, какъ одна семья; они тоже другъ друга полюбили; отецъ ему еще нужнѣе меня....

Она вдругъ приложила руку къ своему горячему лбу и остановилась. Ей показалось, что она бредитъ.

— Сказать отцу.... Но захочетъ ли онъ слушать?

За всей тревогой, за всѣмъ, чтó, неразрѣшенное, обступало кругомъ, померещился смутный, неожиданный, никогда невоображавшійся ужасъ; онъ выросталъ безобразнымъ привидѣніемъ; она, цѣпенѣя, усиливалась опредѣлить его....

Отецъ не повѣритъ.... Почему? Она не знала, не разбирала. Она знала одно: до этого ужаснаго дня, до этого часа—такого помысла у нея не было и быть не могло. Не повѣрить, не поймет. Онъ справедливъ, онъ честенъ, онъ воспиталъ ее и выучилъ думать, и они думали заодно,—они вѣруютъ разно. Онъ скажетъ: стыдъ, онъ скажетъ: грѣхъ.... Такъ объясняться? оправдываться?

Передъ нею будто что̀ обрушилось.

— Я права и свободна, сказала она себѣ, еще смущенная, но твердо. Я ничего не скажу; беречь про себя свою святыню не значитъ скрытничать. Я честно люблю честнаго человѣка.

Она скоро пошла, наклонивъ голову. Такъ, въ тотъ вечеръ они ходили вмѣстѣ, онъ говорилъ о своей «*радости*», о своей святой.... *Она* вѣчно, вѣчно надъ ними; во имя ея, они полюбили другъ друга. Въ мысли о ней затихала всякая тревога; къ ней невольно слагалась какая-то ласковая молитва....

— Кто тутъ? окликнула Катерина, услыша шорохъ.

— Я, отвѣчалъ Верховской, перескакивая чрезъ заборъ. Отецъ спитъ?... Вѣдь мы сосѣди. Тутъ славно перелѣзать. Я сегодня ночую ужъ на новой квартирѣ; видишь, огонь въ окошкахъ? это мои окошки....

— Послушай, выговорила она; — не дѣлай этого никогда.

— Нѣтъ, милая, невозможно. Я ждалъ цѣлый день, съ утра, какъ отъ тебя ушелъ. Припомни, вѣдь ты меня прогнала. Я цѣлый день возился со всякой глупостью, съ Волкаревыми; Богъ знаетъ у кого не былъ. Мнѣ надо быть съ тобой. И, видишь, такъ лучше. Конечно, я бы могъ обойти тамъ, въ подъѣздъ, позвонить. Ну, обезпокоилъ бы отца. Ты, можетъ быть, мнѣ бы отказала. Неволя учитъ хитрости.

— У меня нѣтъ неволи.

— Нѣтъ, но.... но, такъ веселѣе. Право, какое-то дѣтство. Съ тобой я дитя. Катя, моя радость....

— Скажи, что̀ это такое?

— Что̀? Мы счастливы, только. Одни, ни до кого нѣтъ дѣла; весь міръ забытъ.... Или, нѣтъ, ты никогда его не забываешь; ну, вотъ, смотри, міры у насъ на праздникѣ....

Небо было полно звѣздъ; онѣ выглядывали, выплывали, вспыхивали, горѣли, переливались, перекатывались, дрожали, тонули. Перехватывая, прерывая, дополняя безпорядочно-стройный узоръ, разметались сплошныя золотыя косицы; безконечная, ненаглядная, чистая прелесть....

— О, правда твоя, милый, сказала она, кладя голову ему на грудь: — хорошо вмѣстѣ. Съ тобой легче; съ тобой ничего

не страшно. Еслибъ ты зналъ, сколько у меня сегодня горя съ утра. Я даже плакала—просто, стыдно! Потолкуемъ, разберемся; помоги....

VI.

Дѣтски-безмятежный сонъ только печальнѣе сдѣлалъ для Катерины пробужденіе. Весь вчерашній день вспомнился разомъ со всѣми его тревогами и утомительной тоской; набѣгала новая тревога и тоска, и въ нихъ было забыто все, что переговорилось съ Верховскимъ, забыто даже самое свиданіе. Была другая работа; отъ нея, еще неначатый день былъ уже разбитъ.

— Неужели отецъ и сегодня будетъ также встревоженъ, также сердитъ? думала она, теряясь. — И всегда такъ будетъ? Что̀ дѣлать?

Она медлила идти къ нему, протягивала время, попробовала пошутить надъ собой, назвать себя трусихой, хотѣла улыбнуться и не могла. Отъ серьезной мысли становилось еще тяжелѣе. Среди бѣла-дня на нее находилъ страхъ вчерашней ночи. Она сѣла, ничего не дѣлая и чего-то ожидая.

Къ ней постучались въ дверь.

— Катя? Долго заспалась, голубка!

Она бросилась ему на шею и замерла.

— Голубка моя.... повторилъ Багрянскій.

Онъ видѣлъ, какъ она счастлива, видѣлъ, какъ она измучена, чувствовалъ, сколько виноватъ предъ нею, и старался загладить свою вину. И чувство и стараніе были тяжелы, а онъ самъ дѣлалъ ихъ еще тяжелѣе. Онъ шелъ къ дочери просто, изъ любви, изъ потребности сердечнаго покоя; ему было хорошо, отрадно,— но онъ остановился, подумалъ, сказалъ себѣ, что согрѣшилъ— и горечь этого слова отравила все. Согрѣшивъ—должно каяться. Къ покаянію приступаютъ со страхомъ.... отцу трепетать предъ дочерью! Дочь должна быть покорна, а она, безъ сомнѣнія, негодовала. Тѣмъ, въ свою очередь, неправа и она,—а предъ нею должно смиряться! Но онъ сдѣлалъ ее неправой, огорчилъ и тѣмъ ввелъ въ соблазнъ, — грѣхъ еще большій. Должно искупить его. *Должно*—леденило все. Всякое слово, всякое дѣйствіе перецѣнялось.... «Согрѣшилъ!» Являлось не самооправданіе, но сожалѣніе о себѣ, неразлучное съ осужденіемъ себя, а строгая, неумолимая вѣра требовала осужденія. Еслибы кто-нибудь могъ разъяснить и доказать кающемуся, насколько отъ такого покаянія, незамѣтно, въ глубинѣ души, милое становится менѣе мило;

насколько хуже этотъ грѣхъ, это убійство любви.... Къ несчастью, на этомъ пути, люди запасаются своими возраженіями, считаютъ грѣхомъ выслушивать, чтó имъ говорятъ, и непреклонны именно въ силу своихъ лучшихъ убѣжденій.

Багрянскій порывно обнималъ и благословлялъ дочь; страдая, онъ видѣлъ въ ней то благодать, которая прощала и разрѣшала, то живую, нестерпимую укоризну....

Она была совершенно успокоена. Со всѣмъ пыломъ своей честной души и добротой своей безконечно прощающей вѣры, она вообразила, что все воротилось,—и прежніе свѣтлые, занятые дни, и прежній ладъ, и веселье, и пониманіе другъ друга съ полуслова. Ея первая мысль была та же, что вчера—сказать отцу, что она любитъ; ей хотѣлось скорѣе слить въ одно свою любовь. Лучше отца ее никто не пойметъ!

Она заговорила, не смущаясь:

— Вчера, поздно, у меня былъ Верховской.

— Жаль мнѣ его, сказалъ Багрянскій. Вотъ ужъ вполнѣ сынъ своего времени и общества. Добра довольно, но сѣмя упало на камень.

— Онъ не побоится гоненія за правду, горячо возразила Катерина.

— Ты думаешь? Пожалуй, да; я ошибся. Но тѣмъ хуже: не на камень упало, а въ терновникъ. Гоненія—видимое, грубое,—въ нихъ можно устоять даже изъ самолюбія; а вотъ, *печали вѣка*, богатство, людскіе поклоны.... охъ, какъ это все опасно!

— Только не для него; онъ выше ихъ.

— Давай Богъ. Начинаетъ плохо: и слѣдствіе производить, и балы задавать!

— Этого не онъ хочетъ, а его жена.

— Жена! Развѣ это не одно и тоже? А не понимаетъ она, что судить друзей-пріятелей—ложное положеніе, такъ онъ научи ее, настой на своемъ. Поделикатничаетъ, а тамъ, глядишь... Ненадеженъ!

Катерина была поражена.

— Нѣтъ, подумала она;—я ничего не скажу до времени; пусть отецъ узнаетъ его на дѣлѣ.

Сомнѣніе въ Верховскомъ было ей обидно; его дѣятельность стала для нея вопросомъ чести. Нѣтъ, ужъ теперь-то, когда въ немъ ошибается отецъ, она сдѣлаетъ все на свѣтѣ, чтобы поддержать нравственныя силы дорогого человѣка,—только поддержать, внушать нечего.

— Скоро за дѣло? спросила она Верховскаго, когда онъ пришелъ вечеромъ.

Верховской мѣшкалъ, но, наконецъ, надо было приняться. Съ непривычки ему было неловко и, что всего неловчѣе, надо было прятать свое неумѣнье. Онъ вспомнилъ, что петербургскіе чиновники имѣютъ обычай окружать себя непроницаемостью, хохоталъ одинъ, догадавшись, чтó это за уловка, и рѣшился ею воспользоваться: слушалъ, хмурился и молчалъ. Впрочемъ, и въ самомъ дѣлѣ, такъ было лучше: служба ставила ближе къ людямъ, къ которымъ онъ сначала присматривался только изъ любопытства; изъ нихъ ненаходилось человѣка по душѣ; въ дѣловыхъ отношеніяхъ они мало внушали довѣрія. Эти отношенія съ перваго раза затрудняли. Волкаревъ увѣрялъ, что, поручивъ ему свою судьбу, отстранился отъ всего, но на самомъ дѣлѣ очень сильно желалъ знать все, чтó дѣлаетъ его слѣдователь и дружески руководить его неопытностью.

— Je vous fournis les armes contre moi-même, повторялъ онъ, въ десятый разъ разсказывая дѣло, которое въ каждомъ разсказѣ получало новый оттѣнокъ.

Оно начиналось вяло; почта постоянно опаздывала, присутственныя мѣста медлили съ отвѣтами. Верховской, впрочемъ, не торопился, не видя, какъ проходили эти нѣсколько дней. У него безпрестанно бывали дѣловые и недѣловые посѣтители, онъ выѣзжалъ самъ, знакомства все умножались; онъ, въ самомъ дѣлѣ, изъ простого пріѣзжаго, дѣлался важнымъ лицомъ. Это выходило и забавно. Разъ, какъ-то, запросто, его оставила у себя обѣдать m-me Горнова; m-me Волкарева не могла перенести этого равнодушно и позвала къ себѣ. Волкареву почему-то вдругъ не понравилась такая короткость; онъ превратилъ приглашеніе въ оффиціальное, убѣдилъ самого себя, что такъ давно надо было сдѣлать, назвалъ гостей и провозгласилъ тостъ.

— Провинція—прелесть! умирать не надо! говорилъ, хохоча, Лѣсичевъ, когда они вмѣстѣ съ Верховскимъ уходили съ этого празднества.

— Однако, и жить мудрено, возразилъ Верховской.

— Э, полноте; наблюдайте и смѣйтесь. Вотъ еще подождите, васъ станутъ угощать всякій день.

— Съ какой радости?

— Служащіе,—на всякій случай,—и такъ, ради удовольствія. А вздумаете вы отказаться, скажутъ: «не принялъ обѣда», — и сплетня...

На счастье Верховскаго, этого не случилось, но жизнь его шла совсѣмъ на новый ладъ. Предъ своей поѣздкой въ Спас-

свое, онъ такъ часто бывалъ въ клубѣ, что его привыкли встрѣчать тамъ вечерами и нельзя было прервать это сразу. Ему, по крайней мѣрѣ, казалось, что нельзя. Онъ ходилъ читать газеты, которыхъ прибавилось. Была половина августа: интересъ событій росъ день ото дня, прибавлялось и читателей. Общество какъ будто измѣнилось; что произошло въ немъ,—сказать было мудрено, но его что-то затронуло глубоко, хотя для него самого непонятно. На лицахъ являлось никогда прежде небывалое выраженіе какого-то тупого, удивленнаго горя, какого-то жалкаго смущенія, чего-то пристыженнаго. Въ карты продолжали играть, но какъ-то не съ прежнимъ величіемъ. Господа, никогда несчитавшіе своихъ расходовъ, начинали вслухъ считать свои убытки. Годъ былъ урожайный. Народъ, которому тяжесть войны сказалась еще съ прошлой осени, говорилъ весною: «хлѣба будетъ много, убирать будетъ некому». Въ клубѣ вспоминали это предсказаніе, ожидая, что сбудется и другое, ужъ сложившееся для будущаго года: «ни людей, ни хлѣба». Это повторялось, конечно, съ скептической, съ снисходительной улыбкой, но повторялось. Ничто не радовало; надъ головами будто что нависло. «Такъ было въ дни Ноевы, толковали старые люди,—такъ будетъ и въ послѣдніе дни». Эти дни, точно, для многихъ были послѣдними. Будто въ поддержку суевѣрному настроенію, еще болѣе выростающему въ бѣдахъ,—безъ желѣзныхъ дорогъ, безъ телеграфовъ, при полнѣйшемъ молчаніи газетъ, неизвѣстно какъ, по предчувствію, по соображенію, происшествія узнавались за сотни верстъ, а вѣсти страшныя и вѣрныя пополнялись, объяснялись и разносились въ народѣ съ изумительной быстротою. Уныніе охватывало какъ потемки.... Господа еще въ шутку передавали между собой эти «росказни», еще смѣялись, еще глубокомысленно разсуждали, что невѣжество тотчасъ готово все облечь въ фантастическіе образы; но являлись откуда-нибудь пріѣзжіе, получались какія-нибудь письма, ножницы какъ-нибудь неловко забывали отхватить клочекъ иностранной печати,—и «росказни» подтверждались, народные толки оправдывались и господамъ приходилось оглянуться, что настаютъ, наконецъ, времена, когда народъ беретъ свое право знать и думать, когда его голосъ становится въ самомъ дѣлѣ тѣмъ, что онъ есть.

Въ N-скомъ клубѣ явилась еще новость, и совсѣмъ неожиданная: господа, говорившіе громко объ общественныхъ дѣлахъ. Эти господа, прежде забытые, незамѣчаемые, рѣдко показывались; три-четыре мѣсяца назадъ, имъ въ этой же залѣ клуба кричали, что «пророкамъ не годъ», а заботливые пріятели остерегали ихъ. Теперь они рѣшали, отрицали, одобряли, осуждали, распо-

ряжались судьбами отечества,—случалось, безъ понятія о томъ что̀ говорили, невыносимые ужъ не для патріотическаго чувства, а для простого терпѣнія. Общество, неспособное понять, что переживаетъ время такого смятенія, въ которомъ можетъ нецеремониться даже пошлость, — всегда безмолвное, никогда недумавшее, — было озадачено такой смѣлостью. Неудачи, какъ нарочно, оправдывали слова непризнанныхъ пророковъ. Общество спохватилось признать ихъ и стало слушать; вѣрнѣе, оно было радо, по привычкѣ, къ кому-нибудь пріютиться, чтобъ опять не думать. Обрадовавшись успѣху, эти господа сдѣлали себѣ нѣчто въ родѣ профессіи глубокомыслія и усвоили многозначительныя ужимки, загадочный смѣхъ, пригодный во всѣ стороны, длиннѣйшія фразы съ мудреными словами, объясняемыя тоже во всѣ стороны. Они считались очень начитанными и, охотно, не помня прежнихъ насмѣшекъ, брались руководить мнѣніями общества. Ихъ собственныя мнѣнія были весьма шатки, но ихъ боялись. Волкаревъ, авторитетъ оффиціальный, называлъ ихъ «кривотолками»; они называли себя либералами. Очень скоро ихъ фразы, только перемѣнивъ направленіе, пригодились имъ противъ людей, которые въ эту пору несчастья, молча, думая и страдая, готовились на дѣло....

Были и оптимисты, но о нихъ нельзя было сказать навѣрное, что они не притворяются оффиціально, изъ трусости, изъ упрямства, потому только, что одинъ разъ ужъ слишкомъ сильно выразили свое мнѣніе. Радуясь удачамъ, эти господа такъ громко кричали, что собственнымъ крикомъ подзадоривали себя радоваться, а молясь, настроивали свои нервы такъ усердно, что считали звонъ N-скихъ колоколовъ за звуки трубъ іерихонскихъ. Библейскій духъ вообще не внушаетъ жалостливости и кротости. Тутъ онъ повѣялъ надъ людьми, которые отъ привычки крѣпостного права потеряли всякое понятіе о значеніи жизни для другихъ, — жизни, даже въ смыслѣ физическаго существованія, въ смыслѣ ощущенія боли и страха смерти. Они повторяли, что «жертвы необходимы» и только въ случаяхъ, когда ужъ слишкомъ много насчитывалось этихъ жертвъ, — умиляясь сулили имъ вѣнцы мученическіе,—хотя возможно, что обидѣлись бы предположеніемъ встрѣтить на томъ свѣтѣ, въ числѣ воиновъ небесныхъ, своего Антона или Мирона, отданнаго безъ очереди, и успокоились бы развѣ сознаніемъ своей заслуги, что поставили Господу такого исправнаго воина. Съ покровительственнымъ удовольствіемъ читая многочисленные анекдоты о подвигахъ геройства, господа очень желали бы найти въ народѣ въ самомъ дѣлѣ того звѣря, какимъ его воображали: отъ его свирѣпости

они ждали спасенія... Чему? Отвѣтъ былъ готовъ извѣстный, какого и слѣдовало ожидать; но, развивая далѣе свою мысль, сами не зная кàкъ, увлекаясь, эти господа договаривались до того, что драгоцѣнность, святыня, которую должно защитить и спасти, что—отечество—это они сами....

Верховской вдоволь слушалъ эти и всякія рѣчи въ N-скомъ клубѣ. Толки и споры бывали тамъ безпрестанно; ихъ вызывала не накипѣвшая потребность высказаться, разъяснить мнѣнія, — это было, просто, новое занятіе, средство, помогавшее провести вечеръ. Случалось, что политическія новости служили только предлогомъ, а въ самомъ дѣлѣ люди спорили потому, что въ одинъ и тотъ же часъ были въ одномъ и томъ же мѣстѣ и, слѣдовательно, чувствовали себя въ томъ же настроеніи. Многіе даже шли въ клубъ за тѣмъ, чтобъ «покричать» и откровенно говорили о себѣ, что «брали крикомъ». Они доставляли нѣчто въ родѣ спектакля присутствующимъ, которые часто заранѣе хлопотали его устроить; случались перебранки, кончалось ужиномъ и шампанскимъ. Эти сцены, эти толки, дешевое остроуміе, подтруниванье, выходки и столкновенія самолюбія, задоръ крупный и мелкій, возмутительный и смѣшной, заказное одушевленіе, лицемѣрное, своекорыстное; изрѣдка проблески искренняго, горькаго чувства, сейчасъ-же испуганнаго и скрытаго; попытки соображенія сбившагося съ пути, самодовольство обезпеченнаго невѣжества, высокомѣріе власти; безпомощная, благоговѣющая, отупѣлая покорность, — все вмѣстѣ составляло туманъ, которому, казалось, не разсѣяться во вѣки, а за нимъ лежало что-то непробудное...

— Ну, въ народѣ нѣтъ мнѣнія, думалъ Верховской, глядя со стороны на зеленые столы, зажженыя свѣчи и прислушиваясь къ гулу разговоровъ. Народъ — ребенокъ; у него только инстинктъ, неопредѣленное чувство, — а это не ребята. Это хуже чѣмъ старики: это взрослые, которые стали на своемъ, потому что имъ такъ покойно и выгодно; они и вѣчно будутъ беречь себя. Отъ нихъ ничего не дождемся...

— Пожалуй, да, говорила Катерина, которой онъ приносилъ свою мысль:—но вѣдь не ими свѣтъ кончается...

Въ провинціальномъ однообразіи, которое развертывалось во всю свою ширину, въ общихъ бѣдахъ, которыя наступали все темнѣе и ближе, у Верховскаго была замѣна всему: его собственное чувство. Но все это докучное, постороннее, отнимало страшно много времени. Онъ терялъ терпѣніе. Надо было принять какое-нибудь опредѣленное положеніе относительно Волкаревыхъ, клуба и прочаго, и, примѣняясь къ мѣстнымъ обычаямъ,

выгадать себѣ хотя немного свободы. Верховской сразу объявилъ, что по вечерамъ занятъ и не принимаетъ, и съ этого дня его не видали ни въ клубѣ, нигдѣ. Приходившіе къ нему вечеромъ по дѣламъ, получали извѣстіе, что онъ усталъ и вышелъ пройтись,—въ чемъ былъ вполнѣ убѣжденъ его старый служитель, угрюмый нравомъ и нелюбившій долгихъ разговоровъ.

Верховской не зналъ, какъ доживалъ до вечера, бросалъ дѣла, запиралъ на ключъ свои комнаты, свой отдѣльный выходъ, и опрометью бѣжалъ къ крыльцу, гдѣ ужъ признали его звонокъ, потому что онъ всякій разъ чуть не обрывалъ колокольчика. Онъ бѣжалъ *домой*, подъ кровлю, гдѣ его ждали, гдѣ о немъ заботились, узнавали его привычки, встрѣчали добрымъ словомъ, гдѣ для него нашлось новое, еще неиспытанное чувство семьи, гдѣ всякій разъ новымъ привѣтомъ загорались для него глаза Катерины. Его любовь началась будто съизнова; судьба, казалось, хотѣла дать ему понять всѣ красоты этого счастья. Прежде, въ пору мечтаній объ идеалахъ, и она, вдохновляющая, казалась идеаломъ; теперь, бывали минуты,—она становилась близка какъ сестра, дорога какъ дитя; бывали минуты,—онъ восторженно вѣрилъ, что его бережетъ ея молитва, не смѣлъ смутить страстнымъ желаніемъ чистоту, которая его воскрешала. Въ этой робости была какая-то свѣжесть, молодость...

— Молодость! Опять молодъ! думалъ Верховской, любуясь, восхищаясь своимъ чувствомъ, разбирая его, чтобъ полнѣе имъ наслаждаться. Робокъ... юноша! Это заря праздника, первые цвѣты весны.... пусть же она длится!

Ему хотѣлось смѣха, веселья, дурачествъ. Онъ приходилъ къ Катеринѣ, садился рядомъ, бралъ книгу, не читалъ; воспоминаніе, что ужъ такъ жилось мѣсяцъ назадъ, дѣлало настоящее еще милѣе. Но Верховской не могъ и вспоминать, какъ не могъ думать. Его сердце переполнилось; онъ могъ только блаженствовать и говорить *ей* ту безконечную и вѣчно новую безсмыслицу, — не сказавъ которой хоть разъ въ жизни, человѣкъ не можетъ сказать, что жилъ...

Она часто спрашивала о его занятіяхъ, боясь, чтобъ онъ не утомился, не заскучалъ мелочью, которую такъ часто приходится перебирать сильнымъ рукамъ, прежде нежели онѣ найдутъ свое, настоящее дѣло. Онъ еще не знавалъ копотливой работы, полуграмотныхъ, пыльныхъ бумагъ, отвратительныхъ даже физически, — буквально *чиновничьяго*, неизящнаго, осмѣяннаго труда. Какъ въ сотнѣ случаевъ, — люди смѣются, потому что не думаютъ. Этотъ трудъ очень важенъ, потому что въ немъ одна минута невнимательности или вполнѣ натуральнаго утом-

ленія можетъ отозваться бѣдой для другихъ людей; очень высокъ, потому что, трудясь тáкъ, человѣкъ служитъ правдѣ попросту, безъ прикрасъ, и жертвуетъ ей своими лучшими потребностями, лучшимъ благомъ—отдыхомъ своего образованнаго ума. Помнить, что чѣмъ лучше тотъ, кто берется за дѣло, тѣмъ лучше онъ его сдѣлаетъ, — и вслѣдствіе этого, не щадить себя; помнить важность мелочей въ жизни, для того, чтобы самому не измельчать; каждую минуту, не ожесточаясь, не теряя терпѣнія, помнить, что вся эта путаница, бѣдность, невѣжество, ничтожество,—въ сложности—человѣчество... задача не легкая. Но, исполняя ее, какая радость встрѣчать въ этой темнотѣ *своихъ* людей, убѣждаться, что и другіе не погибшіе, что мы сами—не избранные, что всѣ—рабочіе за одно....

— Такъ-ли, милый? спросила она.

— Что?... спросилъ Верховской, съ просонка.

Она посмотрѣла на его счастливое лицо и засмѣялась.

— Къ чему же я трачу свое краснорѣчіе?

— Не знаю... Катя, ты за чтó-нибудь меня полюбила? Да? я думаю, что не даромъ?

— Я думаю, подтвердила она серьезно.

— Стало быть, предположи, что мнѣ знакома мораль, которую ты мнѣ читаешь... Извини! прибавилъ онъ, спохватившись.

— Какъ смѣшонъ! вскричала она съ восхищеніемъ:—первое умное слово сказалъ, и въ томъ извинился! Но, позволь, впрочемъ; я не одну мораль читала. Я тебѣ говорила, что вчера слышала о мауровскомъ дѣлѣ....

— Какъ тебѣ не жаль, Катя, терять на это время!

— Милый, дѣло разбирать — не время терять.

— Но подумай, я сегодня перечиталъ о немъ вотъ какой ворохъ, да Волкаревъ два часа болталъ фразы — чортъ ногу переломитъ, и вечеромъ, опять....

— Что-жъ дѣлать, если нужно.

— Не спорю, моя радость, прервалъ онъ, не зная, какъ скорѣе отговориться:—но, вотъ, видишь ли, я усталъ. Не тревожься, но я несовсѣмъ здоровъ. Мнѣ еще отзывается... ну, то, послѣднее... И къ тому же, я все-таки непривыченъ... Милая, вѣдь ты не засадишь ребенка за книгу на цѣлые сутки, дашь ему поиграть? Дай иногда отдохнуть. Видишь, какъ это просто?

— Послушай... прервала она, взявъ его руки.

— Катя, вотъ за такое счастье можно поднять свѣтъ на плечи, не только разобрать какую-нибудь путаницу вашу губернскую. И непривычный, при доброй волѣ... Но нечего преу-

величивать этотъ вздоръ, возводить его въ идеалъ. Тоже крайность. Ты не замѣчала, что иногда въ нее впадаешь?

— Нѣтъ, потому что не возвожу въ идеалъ; я только говорю—нужно.

— Я больше говорю, Катя, я говорю — должно. Будь покойна, не отстану. Вѣдь и смѣшно будетъ, наконецъ, если.... если... Ну, понимаешь, если *провалюсь*! заключилъ онъ, смѣясь. Но прими же что-нибудь къ сердцу по-житейски, простымъ самолюбіемъ, простымъ честолюбіемъ,—que sais-je! какъ говоритъ вашъ Волкаревъ.... ну, какъ принимаютъ подруги сановныхъ лицъ....

— Не шути такъ, возразила она серьезно и кротко.

Но она больше не настаивала, скромно сознаваясь, что напоминанія излишни и, наконецъ, могутъ быть обидны: точно будто она—старшая. Ей было не нужно власти. Если ему въ настоящую минуту нужно только веселье—оно готово. А встрѣтятся затрудненія, устанетъ онъ, понадобится работа вмѣстѣ—онъ позоветъ самъ: они товарищи. Улыбаясь и совѣстясь, она созналась себѣ, что и ей пріятенъ этотъ промежутокъ покоя. Ей еще никогда не жилось такъ хорошо, какъ въ эти нѣсколько дней. Отецъ тоже отдыхалъ; боялся ли онъ дотронуться до своей душевной боли, доставало ли у него силы скрывать ее, хотѣлъ ли онъ развлечься и забыться, или въ самомъ дѣлѣ преданность, угожденіе дочери, очарованіе ея веселости, ума, дѣтской ласки—брали свое и разгоняли его печаль, но во все это время Багрянскій ни разу не помянулъ о Викторѣ. Катерина совсѣмъ забыла *тотъ*, тяжелый день. Настоящее, съ каждой минутой все болѣе дорогое, охватывало какъ воздухъ поля, какъ сіяніе дня. Жилось легко и смѣло; душа цвѣла всей своей нѣжностью, всей своей силой и внутреннее счастье отражалось на всемъ. Она хорошѣла; она опять какъ прежде и еще больше чѣмъ прежде стала радостью всего дома. Она любила, думая о всѣхъ, не думая о себѣ, вѣря въ спокойствіе отца, въ твердость милаго, въ прочность своего блаженства. Въ самой тревогѣ скрываемой любви было что-то веселое....

Багрянскій совсѣмъ оправился, всякій день отправлялся въ свою палату, но еще не могъ работать долго и возвращался рано. Въ палатѣ въ немъ замѣтили перемѣну: онъ былъ не такъ нетерпѣливъ, какъ будто даже и не такъ строгъ какъ прежде, но сталъ сумрачнѣе, молчаливѣе; его стали еще больше бояться. Чиновники приходили заниматься къ нему послѣ обѣда и до половины вечера, который онъ кончалъ съ Катериной и Верховскимъ. Въ нѣсколько дней это вошло въ привычку; Верховской ему полю-

бился: онъ прекрасно читалъ, жарко спорилъ, откровенно сознавался, когда былъ неправъ, держался безъ церемоній и безъ претензій. Такихъ пріятныхъ вечеровъ Багрянскій не проводилъ давно. Катерина была въ восторгѣ; Верховской, удивляясь, замѣчалъ, что и самъ не скучаетъ приходомъ отца и, случалось, вмѣстѣ съ Катериной устроивалъ маленькія хитрости, чтобы заставить его придти раньше. Катерина ставила имъ шахматы на концѣ чайнаго стола, наблюдала, смѣшила, торжествовала за отца; Верховской, игрокъ не сильный, но горячій, проигралъ не одну партію по ея милости, къ ея величайшему удовольствію и своей искренней досадѣ. То и другое забавляло Багрянскаго. Онъ не замѣчалъ, что Верховской дѣлался семьяниномъ; ему никогда не входило въ голову, чтобы кто-нибудь, когда-нибудь могъ прибавиться въ семью къ нему и Катеринѣ. Сближеніе съ постороннимъ его оживило; онъ исполнилъ свое намѣреніе «пуститься въ свѣтъ», хотя, сбираясь, не выдержалъ и назвалъ это глупостью, но сдѣлалъ визиты знакомымъ и даже былъ съ Катериной на званомъ вечерѣ у Волкаревыхъ. Онъ, конечно, оставался тамъ очень недолго. Волкаревъ внимательно не садился за карты, пока не проводилъ его, и почти вслѣдъ ему сказалъ задумчиво, съ оттѣнкомъ грустной ироніи:

— Право, меня могутъ спросить—изъ-за-чего я бьюсь!

Это было сказано женѣ, но назначалось Верховскому. M-me Волкарева была тоже очень задумчива. Правда, ей удалось, наконецъ, видѣть Верховскаго—(онъ ужъ глазъ не показывалъ недѣлю)—но Багрянская такъ похорошѣла! Правда, Лѣсичевъ не отходилъ отъ нея всѣ два часа, а *этотъ* не двинулся съ мѣста... M-me Волкарева не помнила, что тоже два часа не дала Верховскому встать съ мѣста. Но ея сердце было непокойно; ей хотѣлось что-то высказать.

— Жестокіе люди, отецъ и дочь, сказала она со вздохомъ Верховскому. — Помните наши хлопоты за молодого Багрянскаго? Знаете ли, чѣмъ все кончилось?

— Нѣтъ, сказалъ Верховской.

Онъ все зналъ отъ Катерины и ничего не помнилъ. M-me Волкарева стала разсказывать, онъ не слушалъ. Онъ думалъ, что сейчасъ *она* была тутъ; что, вотъ, этотъ франтъ, чуть не шепча ей на ухо, въ клочья изорвалъ свои перчатки; что она ему улыбалась; что во всякой женщинѣ есть бѣсъ кокетства; что время тянется, пропадаетъ даромъ... то были выспренности, теперь патріархальности... что, пожалуй, въ одинъ прекрасный вечеръ явится Лѣсичевъ и, покуда мы тутъ съ папашей заняты турами и пѣшками, — они, на свободѣ...

— Vous travaillez trop, vous vous tuez... шептала m-me Волкарева, когда онъ, забывшись, повелъ рукою по глазамъ.

— Да... и сейчасъ множество дѣла, сказалъ онъ, вставая, и простился.

Онъ себя *сглазилъ*, накликалъ дѣло: дѣла набралось столько на другой день, что до вечера не было свободной минуты. Ужъ смеркалось, когда онъ прибѣжалъ къ Катеринѣ. Она встрѣтила.

— А я давно жду, сказала она. — У отца сидитъ какой-то баринъ.

Верховской молчалъ, тихо, не торопясь, клалъ свою фуражку, глядя передъ собою и замѣтно ничего не видя; красно-золотая заря свѣтила ему въ лицо, задумчивое, нерѣшительное, печальное.

— Знаешь ли, сказала Катерина: — ты очень хорошъ собою.

— Ты только сейчасъ замѣтила? выговорилъ онъ.

— Да. Но у тебя на душѣ что-то есть.

— Поди сюда...

Онъ увелъ ее на балконъ.

— Катя, любишь ли ты меня? Говори прямо, одно слово, ничего больше! Я жить хочу, мнѣ нужна твоя любовь... Докажи!

Онъ былъ у ея ногъ, замирая, говорилъ безумныя слова; его дрожащія руки сжали ея руки; его взглядъ ловилъ ея опущенный взглядъ; отъ ея стыдливаго поцѣлуя, казалось, сердце вылетѣло изъ груди... О, вотъ, такъ-бы заснуть и не проснуться!..

— Катерина! раздался изъ другихъ комнатъ голосъ Багрянскаго.

На другой день былъ праздникъ. Благовѣстили къ ранней обѣднѣ. Нянька Прасковья, крестясь на протяжный гулъ колоколовъ, отправлялась на базаръ. Она остановилась отпереть калитку; засовъ былъ крѣпкій, дверь тяжелая; кулёкъ и корзинка, висѣвшіе на рукѣ, затрудняли почтенную женщину и приводили въ нетерпѣніе, но нетерпѣніе перешло въ изумленіе, когда она почувствовала, что ей помогаютъ отворить снаружи и когда передъ нею предсталъ высокій человѣкъ въ солдатской шинели.

— Батюшки!.. вскрикнула она.

— Николая Степановича Багрянскаго домъ? спросилъ онъ, показывая на дощечку у подъѣзда.

— Нѣтъ никого... отвѣчала она по привычкѣ, но замѣтила, что на немъ бѣлыя замшевыя перчатки, а на шинели блестящіе погоны, и все еще держась за калитку, прибавила: — Вамъ кого надобно?

— Всѣхъ надобно, отвѣчалъ онъ.

— Всѣхъ!.. Всѣ еще спятъ. Вамъ дѣло, что-ли, есть? Провѣдали, что баринъ по утрамъ принимаетъ? Вотъ, станетъ народъ сходиться, тогда и вы приходите.

— Какая спѣсивая стала Прасковья Ѳедоровна, сказалъ прохожій:—не мудрено—у генерала служимъ!.. Совсѣмъ, видно, меня не узнаете?

Она отъ страха и досады еще не взглянула ему въ лицо. Онъ снялъ фуражку.

— Викторъ Николаевичъ! Родной ты нашъ!

Онъ переступилъ во дворъ и обнялся съ нею.

— Нянюшка моя славная!

— Охъ, красавецъ... Сейчасъ побѣгу, всѣхъ перебужу!.. Въ побывку, чтó-ли? Надолго?

— Нѣтъ, нянюшка, не бѣгите, погодите... А можно мнѣ въ домъ?

— Пойдемъ, соколъ мой ясный. Я самоварчикъ поставила; сбиралась, грѣшнымъ дѣломъ, съ базара придя... Ну, ужъ сестру-то я подниму...

— Не надо, не надо, повторилъ Викторъ. — Я къ вамъ, нянюшка; есть у васъ уголокъ какой-нибудь?

— Уголокъ! возразила она съ гордостью.—Стану я по угламъ жить! у меня комната своя. Пойдемъ.

— Домикъ у васъ завелся... Ничего! лѣсъ недуренъ, говорилъ Викторъ, идя за нею чрезъ дворъ, оглядываясь на строенія и постучавъ кулакомъ по бревнамъ.—Я не зналъ; не писали мнѣ.

— Какъ же, домикъ, сказала нянька, вводя его. — Милости просимъ. Не побрезгай, чрезъ кухню идти. Видишь, какой покой у меня. Это сестрица твоя,—знаешь ее, затѣйница,—какъ домъ купили:—подавай нянькѣ комнату! А ужъ папенька—ни въ чемъ ей отказу. Отгородили, печку новую поставили, и лежаночка.

Уголъ былъ полонъ образовъ, въ фольгѣ, въ дѣланыхъ цвѣтахъ; съ потолка качалась лампадка съ пестрымъ стекляннымъ шарикомъ. Викторъ посмотрѣлъ на нее и сталъ креститься. Нянька заплакала.

— Охъ, родной... родной... выговорила она.

Викторъ сѣлъ, тоже отирая глаза. Нянька стояла предъ нимъ и смотрѣла. Садясь, онъ сбросилъ шинель; на немъ былъ мундиръ и эполеты. Нянька ихъ пощупала.

— Новенькія.

— Да! Новенькія! сказалъ, вздыхая, Викторъ.—Потеръ лямку!

— А это у тебя что?

Она протянула его рукавъ, завязанный черными бантиками.

— Раненъ. Болитъ.

— О, Господи-Владыко!

— Всякое бывало, нянюшка, сказалъ онъ съ горестью.— Ну, какъ вы безъ меня поживали? Просторнѣе-ли вамъ безъ меня было?

— Что о насъ спрашивать. Ты о себѣ разскажи.

— А обо мнѣ что? Вы, я думаю, знаете.

Она махнула рукой и сѣла плакать.

— Или, можетъ быть, не знали? продолжалъ Викторъ, усмѣхнувшись:—обо мнѣ, вѣрно, не часто говорилось?

— И вовсе никогда, отвѣчала нянька:—съ кѣмъ говорить-то? Къ батюшкѣ твоему,—ты его, чай, помнишь,—не приступишься...

— А сестрица?

— Сестрица... Сестрица, что... Извѣстно, дѣвичье дѣло; своимъ занимается.

— Чѣмъ своимъ?

Она затруднялась.

— Такъ, чѣмъ случится. Какая ей забота. Книжки свои читаетъ, пѣсни поетъ, наряжается. Батюшка ужъ очень ея красоту предпочитаетъ.

— Восемь лѣтъ я ихъ не видалъ, сказалъ Викторъ.

— Вотъ, Господь привелъ, увидишь.

— Поздно они встаютъ?

— Нѣтъ, рано. Это вчера съ вечеру засидѣлись. Гость къ намъ повадился, полуночникъ; всякій день пороги обиваетъ.

— Женихъ, что-ли?

— И, женатый. Ты, голубчикъ, не взыщи: за твою сестрицу никто не посватается. Нравомъ въ батюшку, а обычаемъ—ужъ и Богъ знаетъ въ кого. Горда превыше всѣхъ и странница какая-то.

— И батюшка—ни въ чемъ ей отказу, все въ нее тратитъ?

— Въ кого-жъ больше?

Викторъ усмѣхнулся; нянька поняла, что сказала неловко и, сконфузясь, обратилась къ самовару.

— Такъ, не въ кого больше... повторилъ Викторъ.—А много проживаете?

— Вотъ, живемъ, отвѣчала она:—ты знаешь, какъ прежде живали, такъ и теперь.

— Ну, прежде не тѣ и доходы были.

— Кто ихъ знаетъ, какіе они теперь.

— Доходы-то? У предсѣдателей, нянюшка, доходы не маленькіе. Никакъ, по вашей губерніи, полтораста тысячь душъ казенныхъ числится. По гривенничку—пятнадцать тысячъ!

— Проворно счелъ! сказала, смѣясь, нянька.

Она обрадовалась, что онъ не разсердился.

— Сосчитаешь!.. продолжалъ Викторъ, также смѣясь по-своему.—На гривенникъ-то приходилось чуть Богу не молиться. Глядишь-глядишь на него: не то поѣсть, не то... не то съ горя выпить! договорилъ онъ и отчаянно махнулъ рукой.

— Что ты, Богъ съ тобой! вскричала нянька.

— Да чтó же, возразилъ онъ: — вы, можетъ быть, скажете, мнѣ Катерина Николаевна отъ щедротъ своихъ... это презрѣнія достойно, малость! Самъ я въ такое былъ поставленъ положеніе, что пріобрѣтать больше не могъ. Чтó имѣлъ — то желалъ сохранить,—будто сердце предчувствовало... Когда даже вы,—на чтò ужъ въ вашемъ званіи!—и то комнату имѣете, чай пьете,—какъ же благородному человѣку себѣ не приготовить?.. Они отъ меня отступились, такъ и приказываютъ сказать! Что-жъ это такое, Прасковья Ѳедоровна, чтó я моему батюшкѣ сдѣлалъ? Въ чемъ прегрѣшилъ? Видѣлъ ли онъ отъ меня...

— Какъ есть — ничего не видалъ! сказала въ умиленіи нянька.

— Какъ есть—ничего! Кромѣ, какъ благородный былъ я человѣкъ, истинный офицеръ, вѣрой и правдой царю и Богу. Еслибы во мнѣ душа была такая, чтобы я могъ всякаго отъ сохи съ собою совмѣстить, не дорожилъ бы честью своею,—вонъ какъ мой батюшка... Да вѣдь онъ на завалинѣ росъ, въ бабки съ кутейниками игралъ! Понять это надо!

Онъ ударилъ себя въ грудь.

— Не развереди ручку, красавецъ, замѣтила нянька.—Кушай еще стаканчикъ. Сладко ли?

— Нянюшка, вскричалъ онъ: — вотъ, я первый кусокъ отъ васъ получилъ, вы меня какъ родного приняли... Что *тамъ* будетъ, неизвѣстно! Но, я вамъ клянусь, вотъ—какое это у васъ *явленіе*?

— Корсунская, батюшка...

Викторъ всталъ и перекрестился.

— Вотъ, клянусь вамъ, пока духъ во мнѣ, я васъ, нянюшка, не оставлю. Не нищій я, не проходимецъ. Они меня презрѣли—воздай имъ Господь во сто кратъ! Я ничего не страшусь, я мою кровь проливалъ и заслужилъ; смерть видѣлъ, вотъ, какъ васъ передъ собой вижу—вынесъ-тó вынесъ!.. вотъ, знаетъ грудь моя! горы и утесы, и шашки черкесскія—они знаютъ!

Нянька горько плакала.

— Обидѣли тебя, выговорила она.

— Кровно обидѣли, нянюшка. Вотъ, домъ у нихъ, карета...

— Нѣтъ кареты.

— Такъ деньги въ ломбардѣ!.. Я на все рѣшился. Не можетъ *онъ* меня выгнать: я государю моему служилъ и служу! я приду, стану и скажу: я твой сынъ...

— Скажи, батюшка! подтвердила нянька.

— И если чуть-чтó, я Катеринѣ Николаевнѣ...

— Постой... прервала она.

Въ кухню вошла Маша и остановилась въ удивленіи, увидя гостя, который всталъ и раскланялся. Это еще больше ее сконфузило.

— Нянюшка, сказала она, поспѣшно отвѣчая поклономъ:— барышня проснулась, а баринъ, слышно, ужъ Богу молится. Самоваръ пора.

— Ну, сейчасъ вамъ будетъ, отвѣчала сердито нянька.

— Каммерюнгфера Катерины Николаевны? спросилъ вслѣдъ Машѣ Викторъ.—Сейчасъ ей доложитъ, что я тутъ?

— Первымъ долгомъ!

— Батюшка-то по прежнему по семисотъ поклоновъ кладетъ?.. Проводите-ка меня къ нему, нянюшка. Была не была,—я за тѣмъ пріѣхалъ...

Маша вошла, встревоженная.

— Вставайте, Катерина Николаевна, вашъ братъ здѣсь.

Катерина помертвѣла...

В. Крестовскій.
Псевдонимъ.

ОРГАНИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ ЯЗЫКА

V*).

Факты, приведенные нами изъ жизни одного изъ древнѣйшихъ языковъ, наиболѣе огражденныхъ письменностью и преданіемъ, приводятъ насъ къ тому именно результату, что языкъ вообще, разсматриваемый въ періодѣ его физическаго роста, какъ звуковой организмъ, одинаково съ другими произведеніями природы, оказывается, въ извѣстной мѣрѣ, подчиненнымъ законамъ естественнымъ. Но намъ представляется еще необходимымъ оговорить одно обстоятельство, которое, при всей своей очевидной неосновательности, можетъ однако поднять сомнѣніе въ тожественности условій бытія двухъ сравниваемыхъ нами предметовъ. Въ растеніи, скажутъ намъ, взаимодѣйствіе частицъ есть *совмѣстное*, между тѣмъ какъ въ организмѣ произнесеннаго слова дѣйствіе частицъ другъ на друга есть лишь *послѣдовательное*. Но неосновательность подобнаго возраженія становится очевидною, какъ скоро мы освобождаемся отъ грубаго отожествленія явленій съ формою воспріятія ихъ человѣкомъ. *Мѣстность* и *временность*, въ смыслѣ философскомъ, суть, какъ извѣстно, лишь аттрибуты искусственные, вынужденные способомъ нашихъ представленій и понятій, но вовсе не составляющіе внутреннихъ свойствъ существа. Какъ въ растеніи, такъ и въ языкѣ, со стороны его матеріи, сила роста таится, несомнѣнно, въ соотношеніи внутреннемъ, въ связи *причинной*. Только въ силу этой причинной связи, общей

*) См. выше, апр. 588 стр.

обоимъ этимъ существамъ, они дѣлаются тѣмъ, что они суть,— существами органическими. Возникновеніе первоначальной, единичной растительности клѣточки совершается, конечно, отъ причинъ совершенно внѣшнихъ; въ этомъ изолированномъ видѣ она начинаетъ свое развитіе и размноженіе опять-таки отъ причинъ чисто-внѣшнихъ, дѣйствующихъ на свойственную ей внутреннюю силу воспроизведенія. Все это одинаково относится и къ исторіи развитія организмовъ языка; въ противномъ случаѣ невозможно было бы объяснить себѣ дѣйствіе звуковъ въ словѣ *взаимно*, вліяніе ихъ другъ на друга въ органическомъ цѣломъ какъ *прямо*, такъ и обратно, — что подтверждается постоянно въ каждомъ языкѣ ясными и безспорными фактами.

Итакъ, въ языкѣ, какъ въ природѣ физической вообще, слѣдующіе одинъ за другимъ виды существованія различныхъ его особей, или словъ, менѣе зависятъ отъ матеріаловъ, изъ которыхъ они слагаются, нежели отъ способа ихъ сложенія и отъ обстоятельствъ, управляющихъ ихъ образованіемъ. Все это вовсе не можетъ казаться намъ неожиданнымъ, какъ только мы вникнемъ въ сущность элементовъ, изъ которыхъ сотканъ организмъ языка,— въ сущность членораздѣльныхъ нашихъ звуковъ, какъ явленія чисто-физическаго. Если мы ни мало не сомнѣваемся въ существованіи физическихъ законовъ, напр. для звука, слуха и пр., то мы не видимъ основанія отрицать существованіе соотвѣтственныхъ естественныхъ же законовъ для языка, какъ вѣнчательнаго продукта этихъ физическихъ силъ человѣческой природы. Законы языка самобытнаго, съ точки зрѣнія реальной, законы сложенія, произношенія и воспріятія звуковъ со стороны ихъ матеріи, одинаково должны были быть естественными. Въ языкѣ, какъ и въ физической природѣ, все находится въ вѣчномъ движеніи, и въ немъ всякое движеніе и колебаніе естественно влекутъ за собою измѣненіе внутреннихъ физическихъ условій элементарныхъ его частицъ—измѣненіе, имѣющее своими естественными послѣдствіями сгущеніе и утонченіе, притяженіе и отталкиваніе, созиданіе и разрушеніе, принятіе и выдѣленіе, которыя въ общей сложности составляютъ процессъ жизни его органическихъ формъ.

«Болѣе чѣмъ когда-нибудь — говоритъ Максъ Мюллеръ — во мнѣ окрѣпло въ настоящее время убѣжденіе, что безъ науки о языкѣ, кругъ естественныхъ наукъ былъ бы не полонъ» [1]). А. Шлейхеръ, какъ мы уже упомянули въ началѣ нашей статьи, прямо указываетъ, для изслѣдованія организма языка, тотъ-же методъ, который употребляютъ ученые ботаники и зоологи для

[1]) Наука о языкѣ, новый рядъ чтеній, лек. 1.

своихъ наблюденій. «Я искренно желаю,—говоритъ онъ,—чтобы методъ естественныхъ наукъ постоянно болѣе и болѣе примѣняемъ былъ къ изслѣдованію языковъ. Слѣдующія строки можетъ быть убѣдятъ того или другого изъ начинающихъ языкоиспытателей поучиться у лучшихъ ботаниковъ и зоологовъ. Ручаюсь, что онъ не раскается. Я, по крайней мѣрѣ, очень хорошо знаю, сколько я обязанъ пониманіемъ существа и жизни языка изученію сочиненій, подобныхъ научной ботаникѣ Шлейдена, физіологическихъ писемъ Карла Фогта и др. Только изъ этихъ книгъ я узналъ, что̀ такое исторія развитія [1])». Указавъ на такую точку отправленія для научныхъ изслѣдованій языка, Шлейхеръ пытается показать въ краткихъ и общихъ чертахъ, какимъ образомъ новыя идеи замѣчательнѣйшаго современнаго естествоиспытателя, Чарльза Дарвина, могутъ быть примѣнены и къ историческому изученію языковъ. Отправляясь отъ корней, какъ зародышевыхъ формъ, представляющихъ лишь простые осмысленные звуки, онъ выводитъ, что изъ этихъ осмысленныхъ звуковъ, или корней, развивались сложныя грамматическія формы. «Постараемся—говоритъ Шлейхеръ—пояснить это по крайней мѣрѣ однимъ примѣромъ. Древнѣйшая форма для словъ, нынѣ звучащихъ на нѣмецкомъ языкѣ *that*, *gethan*, *thue*, *Thäter*, *thätig*, во время образованія индо-германскаго первоначальнаго языка была *dha*, ибо это *dha* оказывается общимъ корнемъ всѣхъ вышеупомянутыхъ словъ. Въ нѣсколько позднѣйшей степени развитія языка, *иногда* для выраженія отношеній, корни эти, тогда еще игравшіе роль словъ, *были употребляемы вдвойнѣ*, иногда къ нимъ прибавлялось другое слово, другой корень; но каждый изъ этихъ элементовъ былъ еще самостоятеленъ. Такъ, напр., для обозначенія 1-го лица настоящаго времени говорили dha-dha-ma, изъ чего въ позднѣйшее теченіе жизни языка образовалось, черезъ сліяніе элементовъ въ одно цѣлое и черезъ образовавшуюся способность корней къ измѣненію, *dhadhami*. Такимъ образомъ, въ этомъ древнѣйшемъ *dha* таились различныя грамматическія отношенія, глагольное и именное, съ ихъ видоизмѣненіями, еще въ нераздѣльномъ и неразвитомъ видѣ, какъ это можно еще теперь замѣтить въ языкахъ, остановившихся на степени простѣйшаго развитія. То же самое, что мы видѣли на случайно приведенномъ примѣрѣ, относится и ко всѣмъ словамъ индо-германскаго языка.

«Употребляя форму уподобленія, я могу назвать корни простыми клѣточками языка, у которыхъ для грамматическихъ функцій, каковы имя, глаголъ и т. д., нѣтъ еще особыхъ органовъ, и

---

[1]) Die Darwinsche Theorie und die Sprachwissenschaft. S. 5.

у которыхъ самыя эти функціи (грамматическія отношенія) столь же мало различны, какъ напр., у одноклѣтчатыхъ организмовъ или въ зародышевомъ пузыркѣ высшихъ живыхъ существъ — дыханіе и пищевареніе... Въ нѣкоторой степени, соотвѣтствующимъ образомъ представляемъ мы себѣ происхожденіе растительныхъ и животныхъ организмовъ: ихъ общая первоначальная форма есть, вѣроятно, простая клѣточка, точно также, какъ относительно языковъ это есть — корень[1])».

Но какъ объяснить себѣ это употребленіе корней вдвойнѣ, упомянутое Шлейхеромъ? Если смотрѣть на это явленіе лишь какъ на случайность, какъ на внушеніе свободной фантазіи, то въ такомъ случаѣ корни уже отъ самой колыбели крайне расходятся съ тѣмъ, что мы въ естественномъ мірѣ называемъ клѣточкою. Обозначеніе корня именемъ «*клѣточки*» останется, такимъ образомъ, одной метафорой, примѣняемой къ языку лишь для нѣкоторой наглядности изложенія, точно такъ, какъ еслибы мы сказали, что отдѣльный кирпичъ, въ отношеніи къ цѣлому зданію, можно сравнить съ клѣточкою въ органическомъ строѣ растенія, не обращая вниманія на отсутствіе всякой внутренней связи между первымъ и послѣднею, а пользуясь лишь правомъ поэтической вольности. Гдѣ же эти извѣстные законы, по которымъ, по словамъ Шлейхера же, языки, какъ организмы естественные, возрастали и развивались независимо отъ воли человѣка, потомъ даже *старѣлись* и *умирали?*[2]). Если изъ этихъ словъ отбросить еще выраженія «*старѣлись* и *умирали*», какъ вовсе неидущія къ языку съ условною и зависимою жизнью, о чемъ замѣчено уже Максомъ Мюллеромъ и др., то въ исторіи языковъ не останется ровно ничего, допускающаго такъ страстно желаемое Шлейхеромъ примѣненіе къ ней идеи Дарвина о происхожденіи видовъ.

Но дѣло въ томъ, что естественныхъ законовъ жизни и развитія организма слова можно, по нашему мнѣнію, доискиваться исключительно въ языкѣ, который мы застаемъ въ первыхъ стадіяхъ его физическаго роста и до изглаженія въ немъ существенныхъ признаковъ самобытности разумомъ, произволомъ, ложнымъ копированіемъ его формъ на письмѣ и другими внѣшними, чисто случайными обстоятельствами. Мы уже имѣли случай объяснить, почему считаемъ себя въ правѣ предполагать такое физическое состояніе охраненнымъ въ значительной мѣрѣ въ одномъ изъ древнѣйшихъ языковъ семитовъ,—въ языкѣ еврейскомъ. Прибавимъ

---

1) Die Darwinsche Theorie und die Sprachwissenschaft. S. 22.

2) Тамъ-же стр. 6.

еще, что этотъ языкъ легко утратилъ бы, подобно другимъ, многіе изъ своихъ признаковъ физическаго бытія, еслибы ихъ не успѣла весьма рано закрѣпить и увѣковѣчить столько же естественная высоко развитая письменность говорившей имъ религіозной расы. Кромѣ весьма понятнаго отсутствія въ этой письменности нашего искусственнаго построенія слоговъ изъ согласныхъ и гласныхъ, замѣченнаго уже геніальнымъ языкоизслѣдователемъ В. Гумбольдтомъ [1]), возвышенная религіозная идея о единобожіи, сросшаяся съ этимъ языкомъ, почти съ самой его колыбели, придавала ему какую-то особенную санкцію и положила на письменное начертаніе его формъ печать вѣчной неприкосновенности. Извѣстно, съ какою строгою точностью это начертаніе сохранилось преданіемъ; какъ самое маловажное отступленіе какой-либо формы отъ общихъ законовъ языка отмѣчалось и сохранялось изъ рода въ родъ до настоящаго времени. Отсюда уцѣлѣвшее естественное строеніе его организма, прозрачность его затруднительнѣйшихъ формъ и строгая послѣдовательность законовъ, управляющихъ его звуковою матеріею. Закованный древнѣйшею письменностью въ хранилищѣ священной литературы высокообразованной націи, онъ уже въ отдаленнѣйшемъ прошедшемъ, испыталъ на себѣ то, что случилось впослѣдствіи и съ классическимъ языкомъ латинскимъ, съ тѣхъ поръ, какъ онъ сталъ языкомъ законодательства, религіи, литературы и общей образованности [2]). Вотъ почему мы въ еврейскомъ языкѣ можемъ прослѣдить шагъ за шагомъ весь процессъ его удивительнаго бытія. Природа до сихъ поръ еще прячетъ отъ насъ условія, при которыхъ образуется растительная клѣточка; но это не остается для насъ тайною въ языкѣ. Въ немъ мы безъ всякой помощи какихъ-либо зрительныхъ снарядовъ можемъ наблюдать, какъ каждая частица выбрасываемаго нами звучащаго воздушнаго тока ищетъ объединенія и достигаетъ его посредствомъ перемѣнныхъ смыканій или преломленій, переливовъ и модуляцій, образуя разнородныя звуковыя клѣточки; какъ звукъ за звукомъ выдвигается и развивается подъ напоромъ звучащаго тока и вслѣдствіе взаимнаго дѣйствія ихъ самихъ другъ на друга. Въ немъ мы видимъ, какимъ образомъ изъ этихъ простыхъ разнородныхъ клѣточекъ складываются самыя разнообразныя формы; какъ въ каждой формѣ необходимо образуется *средоточіе притяженія* (мѣсто интонаціи), вокругъ котораго частицы располагаются въ опредѣленномъ порядкѣ; какъ весь этотъ механизмъ обусловленъ постоянными, очень естест-

---

[1]) О различіи организмовъ человѣческаго языка, гл. 10.
[2]) См. Наука о языкѣ, чтенія Макса Мюллера, лек. 2.

венными и удобопонятными законами. Въ немъ мы ясно видимъ, какъ всякое измѣненіе формы, всякое ея движеніе, вѣрный отпечатокъ душевнаго движенія говорящаго, влечетъ за собою созиданіе или разрушеніе, принятіе или выдѣленіе, развитіе однихъ органовъ и атрофію, или совершенное вытѣсненіе другихъ,—словомъ, весь тотъ рядъ явленій, который мы обозначаемъ именемъ жизни. Эта жизнь до того является самодѣятельною, съ такою ясностью высказываетъ себя послѣдовательною и обусловленною опредѣленными физическими законами, что о примѣнимости къ изслѣдованію этихъ послѣднихъ метода естествоиспытателей вовсе не можетъ быть сомнѣнія. Мы, конечно, не беремъ на себя рѣшить, въ какой степени это можетъ быть отнесено къ каждому изъ языковъ древняго міра отдѣльно, предоставляя объ этомъ судить опытнымъ языковѣдамъ, подъ руководствомъ метода естествоиспытанія. Трудно вообще опредѣлить, какъ далеко тотъ или другой языкъ древняго міра перешелъ уже за рубежъ естественнаго своего бытія, равно и въ какой степени вѣрности и точности передала намъ его письменность [1]). Кто можетъ теперь распознать всѣ безчисленныя случайности, вносившія свои оттѣнки, можетъ быть, въ одни и тѣ же формы первобытнаго природнаго языка? Каждая индивидуальная особенность того или другого народа; каждая самая ничтожная частность того или другого изъ звуковыхъ его органовъ, образовавшаяся подъ вліяніемъ климатическихъ или другихъ условій; каждое измѣненіе личнаго взгляда на предметы природы, съ измѣненіемъ внѣшнихъ ли обстоятельствъ или уровня подвигающагося разума; каждая особенность въ способѣ изложенія своихъ звуковыхъ формъ на письмѣ, необходимо должна была способствовать къ частичнымъ измѣненіямъ, какъ строевого матеріала, такъ и самаго строенія этихъ формъ. Всѣ эти легкія и сами по себѣ мало замѣтныя уклоненія и особенности, подобранныя въ продолженіе цѣлаго ряда тысячелѣтій природою языка, могли въ общемъ итогѣ дать новыя формы, далеко ушедшія отъ первоначальныхъ, можетъ быть и общихъ, своихъ родичей. Начиная съ того времени, какъ воспринятыя впечатлѣнія и ощущенія какимъ-то неразъяснимымъ для насъ путемъ начали отражаться на двигательныхъ нервахъ звуковыхъ органовъ человѣка, на-

---

[1]) Такъ, напр., протяженіе первой *e* въ нынѣшнемъ нѣмецкомъ heben сдѣлалось помѣхою усугубленію слѣдующей b, которая, сгустившись изъ первоначальной f (гот. hafjan), имѣло свое естественное удвоеніе въ англосак. *hebban*. Ср. также *Knappe* съ нынѣшнимъ *Knabe* и под. Впрочемъ письменность еще не языкъ, и во многихъ случаяхъ она лишь тогда измѣняетъ начертаніе слова, когда оно кажется ей совершенно новымъ.

чиная съ того времени, какъ языкъ сдѣлался дивнымъ рефлексомъ его чувственной жизни, — въ немъ сталъ повторяться тотъ же рядъ прогрессивныхъ движеній, который свойственъ природѣ, въ немъ отражаемой. Идеи Чарльза Дарвина находятъ себѣ, съ нашей точки зрѣнія, самое блистательное примѣненіе и къ исторіи происхожденія видовъ языка. Мы готовы даже вѣрить, что если утвердиться въ мысли о первоначальномъ чисто-физическомъ свойствѣ и значеніи звукового организма языка, и если базисомъ для наблюденія за процессомъ его жизни избирать именно языкъ еврейскій, какъ вѣрнѣйшій снимокъ одного изъ видовъ его, — захваченнаго въ періодѣ естественнаго его быта, то во многихъ отношеніяхъ великая гипотеза этого геніальнаго натуралиста даже найдетъ себѣ въ языкѣ весьма важное и выгодное подспорье. Такой съ отмѣнною точностью скопированный языкъ могъ бы служить намъ художественною символическою картиною, по которой одной мы въ состояніи прослѣдить весь процессъ роста и жизни одного изъ органическихъ произведеній человѣческой природы отъ простѣйшихъ его зародышевыхъ началъ до самыхъ запутанныхъ и осложненныхъ формъ и разновидностей.

И дѣйствительно, въ то время какъ изъ безконечнаго ряда превращеній испытанныхъ, по Дарвину, организмами животныхъ и растеній, предлежитъ нашему наблюденію необходимо одинъ лишь *моментъ* ихъ измѣнчиваго бытія, — художественный іероглифизмъ уцѣлѣвшаго природнаго языка представляетъ рельефно и наглядно процессъ его физической жизни въ значительной полнотѣ, различныя фазы его существованія, цѣлый рядъ колебаній и видоизмѣненій, которымъ подчинялись первичные его типы подъ вліяніемъ естественныхъ условій, изъ коихъ главнѣйшія можно открыть посредствомъ тщательнаго наблюденія.

Наука о природѣ не можетъ представлять намъ цѣлаго ряда переходныхъ ступеней, черезъ которыя прошли организмы животнаго и растительнаго царства по лѣстницѣ медленнаго прогресса и частичнаго видоизмѣненія. Наблюденія, на которыхъ она строитъ свои болѣе или менѣе достовѣрныя умозаключенія и догадки, заколдованы въ тѣсномъ кругу даннаго момента существованія этихъ организмовъ. Какой былъ ликъ этихъ послѣднихъ въ различныя стадіи своего прогресса, каково было ихъ прошедшее, — объ этомъ она, конечно, никогда не можетъ дать намъ яснаго отчета. Никакая живопись, или скульптура, не могла когда-либо заботиться о вѣрномъ скопированіи, до тончайшихъ мелочей, внутренняго и внѣшняго строя прежде существовавшихъ естественныхъ организмовъ. Но этой художественною живописью обладаетъ, съ незапамятныхъ человѣчеству временъ—

исторія организмовъ языка. Съ первыхъ поръ изобрѣтенія письма, эта художественная живопись тщательно слѣдитъ своею кистью за каждымъ видоизмѣненіемъ словесныхъ формъ и отдѣльныхъ ихъ органовъ, за каждымъ колебаніемъ звуковыхъ мускуловъ, вносящимъ новую нить въ ткань языка. Въ одномъ только архивѣ письменнаго языка сохранились поэтому самые отчетливые рисунки и чертежи, не только древнѣйшихъ типовъ его формъ, но и постепенно расходившихся изъ нихъ разновидностей. Сохраненіе переходныхъ, промежуточныхъ формъ, возможно исключительно въ области языка, сопровождавшагося съ древнѣйшихъ временъ вѣрною и точною письменностью. Нерѣдко цѣлая группа формъ представляетъ лишь рядъ переходныхъ ступеней, различныхъ колебаній и видоизмѣненій, черезъ которыя прошла одна общая имъ всѣмъ начальная форма.

Но обратимся къ самимъ фактамъ языка. Мы допускаемъ, по Дарвину, раздробленіе одного вида на нѣсколько новыхъ — путемъ медленныхъ колебаній и естественнаго подбора, лишь какъ болѣе достовѣрную возможность, какъ болѣе удобный способъ для объясненія себѣ причины разнообразія нынѣ существующихъ формъ. Но предположенія эти являются какъ очевидные факты въ области именно еврейскаго языка. Первоначальный звуковой типъ, напр. kat, слѣдуя различнымъ модуляціямъ мысли, подчиняется правильному обмѣну элементовъ и обращается въ различные новые типы: kaz, gad, gas, chaz, chat, chad, khath, выражающіе различные оттѣнки одного и того же общаго понятія, соотвѣтствующаго значенію русскаго корня *руб*. Типическая форма *rad* дала также *rat* и *raz*. Каждая изъ этихъ новыхъ формъ въ свою очередь пролагаетъ себѣ различные новые пути къ дальнѣйшему развитію и порожденію другихъ формъ, подчиняясь въ проходѣ черезъ различныя ступени опредѣленнымъ и неизмѣннымъ законамъ. Можетъ показаться, что мы слѣдуемъ слишкомъ безусловно Дарвиновой теоріи о происхожденіи видовъ, если допускаемъ, что случайное уклоненіе отъ родича въ животномъ или растительномъ организмѣ идетъ далѣе естественнымъ путемъ и развивается до значительной степени, которая вынуждаетъ опять новыя, болѣе соотвѣтственныя этому измѣненію условія жизни, и что такія частныя уклоненія и постепенное расхожденіе признаковъ могли имѣть результатомъ возникновеніе не только разновидностей, но и новыхъ видовъ, родовъ и даже классовъ. Но метаморфозы подобнаго рода совершаются предъ нами во множествѣ въ области языка, избраннаго нами для наблюденій. Возникновеніе постоянныхъ разностей изъ однихъ и тѣхъ же родичей путемъ частичнаго расхожденія

признаковъ и естественнаго подбора представляются тутъ наблюдателю какъ живой и безспорный фактъ. Каждая отдѣльная особь изъ двухъ вышеприведенныхъ нами группъ, подъ вліяніемъ случайныхъ обстоятельствъ, которымъ подчиняются органы слова, принимаетъ различныя видоизмѣненія, все болѣе и болѣе уклоняющіяся отъ первоначальныхъ своихъ родичей, сохраняя однако при всемъ этомъ явные признаки первобытнаго единства, какъ по звуковой матеріи, такъ и по содержимому въ нихъ первоначальному общему понятію. Слѣдуетъ только взять изъ вышеприведенныхъ группъ какія угодно разновидности и мы увидимъ, какъ каждая изъ этихъ послѣднихъ, подъ вліяніемъ модуляціи содержимаго понятія, даетъ многоразличные новые побѣги [1]).

Въ приведенныхъ примѣрахъ мы касались только тѣхъ коренныхъ формъ, которыя дѣйствительно сохранились въ письменныхъ памятникахъ языка. Разновидности каждой изъ этихъ двухъ группъ выражаютъ одно общее знаменованіе и по звуковымъ оттѣнкамъ повидимому принадлежатъ также одному общему звуковому родичу. Такимъ образомъ, языкъ еврейскій представляетъ намъ многочисленные примѣры частичнаго расхожденія признаковъ одной общей звуковой матеріи подъ различными модуляціями одной и той же общей идеи. Словомъ, письменный природный языкъ даетъ намъ возможность наблюдать, какъ всякое уклоненіе формы отъ своего первичнаго начала, всякое отвердѣніе или притушевываніе какой-либо изъ клѣточекъ его организма, всякое вторженіе между клѣточками разобщающаго элемента дыханія, всякое приращеніе звучнаго тока вначалѣ, въ серединѣ или концѣ клѣточнаго организма подхватывается природою, вынуждая для нихъ новыя условія жизни. Горе тѣмъ отдѣльнымъ органамъ, которые въ круговоротѣ жизненнаго процесса организма, которому они принадлежатъ, не успѣли запастись, такъ сказать, достаточнымъ присутствіемъ духа, не успѣли до того окрѣпнуть, чтобы твердо устоять во всѣхъ положеніяхъ, которыя приходится впослѣдствіи принимать организму для выраженія различныхъ отношеній. Такіе, не вышедшіе еще изъ зачаточнаго воздушнаго состоянія, полууродливые и слабые органы, съ первою утратою самостоятельности (само-

---

[1]) Разность kat дала разновидности ktat, ktac, ktoh, ktaf, ktaw, ktam, ktan, nkat, knat, knaz, kaz. Этотъ послѣдній типъ сдѣлался въ свою очередь родоначальникомъ новыхъ разновидностей: kaz[z], kzaz, kouz, kzo[h], kzav, kzaw, kza[c], kzar, kraz, kraz, k[h]rash, gras, gsar и мн. др. Типическая форма *rad* имѣетъ разновидности radd, rdad, roud, jrad, r[c]ad, chrad; отъ rat—rtat, rthath, rhat, jrat; отъ raz—raz[z], rzaz, rouz, r[c]az, r[c]ash, rchash, rgasch, rgas и под. (Ср. Gesenius-Rödiger Hebr. Gram. 20[te] Aufl. § 30.

гласія), шлифуются и обтачиваются, попадая въ добычу болѣе сильнымъ своимъ сосѣдямъ, какъ то было показано нами выше.

Вообще всякій языкъ, а въ особенности еврейскій, при разсмотрѣніи его съ нашей точки зрѣнія, можетъ пролить много свѣта на одно изъ самыхъ загадочныхъ явленій въ области живыхъ организмовъ,—а именно, на замѣчаемые нерѣдко при различныхъ организмахъ такіе зачаточные и мало развитые органы, которые лишены всякаго видимаго отправленія и опредѣленнаго утилитарнаго назначенія, и вовсе не участвуютъ въ жизни цѣлаго, къ которому они съ виду безполезно привѣшаны. Дарвинъ предполагаетъ въ каждомъ изъ такихъ зачаточныхъ органовъ «или остатокъ прошедшаго, или зарожденіе будущаго», т.-е., что этотъ органъ или былъ дѣятельнымъ, и потомъ утратилъ свою силу, или же онъ формируется вновь и понемногу развивается дѣйствіемъ естественнаго подбора [1]). Трудно сомнѣваться въ истинности этого предположенія Дарвина, но гораздо труднѣе доказать эту истинность фактически, такъ какъ исторія постепенныхъ измѣненій, совершающихся надъ отдѣльными органами какого-либо вида, неимовѣрно длинна и медлительна, и потому недоступна нашему изслѣдованію. Но это же самое явленіе довольно обыкновенно и легко изслѣдуется въ области языка. Въ доисторическое время, метаморфоза языка, какъ и нынѣ показываетъ наблюденіе надъ нецивилизованными народами, должна была происходить несравненно быстрѣе, чѣмъ въ исторической жизни, когда между народами возникаетъ болѣе прочная связь и является литература [2]). Древнѣйшая еврейская письменность, передающая намъ мельчайшія тонкости и особенности формъ языка, представляетъ намъ огромное множество организмовъ съ зачаточными органами. Мы не считаемъ нужнымъ распространяться въ примѣрахъ этому явленію, въ извѣстной степени осуществившемуся почти въ каждомъ языкѣ, не исключая и современныхъ, какъ, напр., въ языкѣ французскомъ. Кромѣ того, многія формы еврейскаго языка мудрено переложить на письменные знаки современныхъ намъ языковъ съ ихъ искусственнымъ построеніемъ слога. Кому неизвѣстно, какъ одно придыханіе, пристроившееся къ какому-нибудь звуковому организму, можетъ, мало-по-малу, окрѣпнуть до звука гортаннаго, а иногда отвердѣть до еще болѣе вещественнаго согласнаго, и различныя степени этого отвердѣнія выражаются необходимо

[1]) Charles Darwin, Ueber die Entstehung der Arten, übers. von H. G. Bronn (Stuttgart 1867). Aufl. 3. S.S 206 u. 535.

[2]) Вундтъ, Душа человѣка и животныхъ, перев. Е. К. Кемница. Спб. 1865, т. 2. Стр. 491.

разными буквами [1]). Въ такомъ придыханіи мы должны, такимъ образомъ, видѣть зачатокъ будущаго новаго органа. Изъ различныхъ колебаній, испытываемыхъ формами съ такимъ лишеннымъ всякой функціи органомъ, одно оказывается вдругъ выгоднымъ для этого послѣдняго, чтобы вызвать его къ жизни, дѣятельности и движенію. Часто такое развитіе новаго органа путемъ естественнаго подбора имѣетъ свою причину въ новыхъ климатическихъ условіяхъ, или индивидуальныхъ особенностяхъ того или другого органа говорящихъ людей, какъ, напр., переходъ въ русскомъ языкѣ придыханія *г* и латинскаго и греческаго гласнаго *и* въ согласную *ю* и мн. под. Столько же легко узнать въ встрѣчающихся часто, въ формахъ языка, совершенно безжизненныхъ буквахъ *атрофію* прежде существовавшихъ подвижныхъ органовъ, занемогшихъ при потерѣ самогласія, и, по слабости своей, не умѣвшихъ приспособляться къ вновь созидавшимся условіямъ жизни для ихъ организма. Такая атрофія въ языкѣ еврейскомъ оказывается въ цѣлыхъ классахъ корней съ однимъ или двумя слабыми придыхательными согласными, которые, подъ напоромъ пришлыхъ служебныхъ или образовательныхъ буквъ, теряютъ самогласіе и перестаютъ произноситься.

Для болѣе яснаго и нагляднаго опредѣленія атрофированныхъ или еще недоразвитыхъ органовъ, встрѣчаемыхъ при животныхъ организмахъ, Дарвинъ прибѣгаетъ къ слѣдующему сравненію: «Зачаточные органы могутъ быть сравнены съ тѣми буквами слова, которыя, сохранившись въ письмѣ, но утратившись въ произношеніи, служатъ намъ намёками на этимологію этого слова» [2]). Съ нашей точки зрѣнія, уподобленіе это потому именно и вышло, какъ находятъ его многіе, чрезвычайно меткимъ и удачнымъ, что авторъ попалъ на естественное тождественное явленіе въ другой области, — явленіе, отличающееся отъ уподобляемаго лишь особенною наглядностью и очевидностью. Одно служитъ объясненіемъ другого, какъ одинаковое явленіе, вызванное въ двухъ разныхъ областяхъ соотвѣтственными условіями. Органъ слабый и малоразвитый долженъ необходимо, по неизмѣнному закону природы, шлифоваться, обтачиваться, или атрофироваться, каждый разъ, когда онъ попадаетъ въ невыгодныя для его жизни условія. И наоборотъ, зачаточный и едва замѣтный органъ можетъ, при соотвѣтственныхъ выгодныхъ для него условіяхъ, получать движеніе и жизнь, — все равно, будетъ ли этотъ органъ зачаточный палецъ птицъ, заглохшее лёгкое змѣи,

---

[1]) В. Гумбольдтъ: О различіи организмовъ человѣческаго языка, гл. 10.

[2]) Ueber die Entstehung der Arten, Cap. 14, S. 535.

или же зачаточный или заглохшій звуковой членъ въ организмѣ произносимаго слова.

Колебанія и видоизмѣненія, которыя испытаютъ первичные корни на лѣствицѣ ихъ развитія могутъ, въ еврейскомъ языкѣ, болѣе чѣмъ въ другомъ, быть прослѣжены шагъ за шагомъ. Въ немъ, благодаря строгой послѣдовательности и законности развитія звуковой матеріи, цѣлыя группы корней могутъ быть возведены обратно къ одному простѣйшему знаменателю, какъ общему ихъ родичу, и вмѣстѣ съ этимъ воплотившіеся въ этихъ корняхъ различные оттѣнки одного общаго понятія могутъ быть возведены до простѣйшей безразличной ихъ формы, каково междометіе или звукъ ономатическій. Такія группы, распредѣленныя въ постепенной ихъ градаціи, по свойственнымъ ихъ фонетической природѣ законамъ развитія, въ видѣ родословнаго дерева, имѣли бы, можетъ быть, весьма важное значеніе и для изслѣдованія генеалогіи мысли. Такъ напр., одинъ первоначально ономатическій билитарный звукъ k*t, подражающій звуку рубки, можетъ, со всѣми скопированными въ еврейской письменности его превращеніями и видоизмѣненіями, образовать цѣлый отпрыскъ съ самымъ богатымъ развѣтвленіемъ, соотвѣтствующимъ суммѣ психическихъ колебаній этого общаго простѣйшаго понятія по различнымъ его примѣненіямъ. Мы показали уже выше, какъ этотъ звукъ сдѣлался родоначальникомъ огромнаго множества другихъ разновидностей, выражающихъ различные оттѣнки одного и того же общаго понятія. Мы видѣли, какъ въ предѣлахъ одного и того же языка, съ давнихъ временъ прекратившаго уже свою жизненную карьеру, одинъ организмъ слова успѣлъ видоизмѣняться фонетически, вслѣдствіе психическихъ колебаній первоначально связаннаго съ нимъ понятія, и развѣтвляться до громаднаго количества разновидностей, приспособленныхъ каждая къ особымъ, соотвѣтственнымъ ея звуковому строю условіямъ жизни и дальнѣйшимъ колебаніямъ. Мы показали, какъ изъ одного простѣйшаго звука развился, путемъ постепеннаго расхожденія признаковъ, цѣлый рядъ различныхъ корней, выражающихъ различные оттѣнки общаго понятія, содержимаго въ ихъ общемъ родичѣ. Психическія колебанія первоначальной идеи очевидно вызываютъ соотвѣтственныя имъ фонетическія колебанія звуковаго ея знака и даютъ въ результатѣ то разнообразіе звуковыхъ формъ, которое мы ошибочно привыкли принимать за множество отдѣльно образовавшихся корней. Если къ этому количеству вибрацій, совершившихся съ первичнымъ звукомъ еще въ корневомъ состояніи языка,—если къ этому многочисленному ряду корней (который, по вниманію къ

его общему родоначальнику, можно обозначать именемъ *семейства*) прибавить еще всѣ перевороты и изгибы, которые отдѣльно испытывалъ каждый изъ его индивидуумовъ впослѣдствіи, съ возникновеніемъ процесса колебаній грамматическихъ, или флексій (производство, склоненіе, спряженіе и пр.), то въ общемъ итогѣ мы получимъ самую громадную сумму колебаній и видоизмѣненій первичнаго знака простѣйшаго понятія или ощущенія. И наоборотъ, если мы аналитически прослѣдимъ обратно эти колебанія по слѣдамъ, оставленнымъ ими въ письменной литературѣ, руководствуясь при этомъ указанными нами естественными законами, управляющими развитіемъ, осложненіемъ и разложеніемъ организмовъ слова, то мы наконецъ доберемся до того первичнаго звука, въ которомъ воплотилось зачаточное движеніе той или другой мысли у первообразователей языка. Можетъ быть, этимъ путемъ опытные изслѣдователи могли бы современемъ открыть намъ, посредствомъ тщательныхъ наблюденій за однимъ изъ наиболѣе древнихъ классовъ языковъ, ту таинственную связь, которая проявляется между органами человѣческой мысли и человѣческаго слова. «По моему крайнему разумѣнію,—говоритъ Лейбницъ,—языки,—это самое вѣрное зеркало человѣческаго разума, и ничто такъ не въ состояніи освоить насъ съ процессомъ мысли, какъ точный анализъ значенія словъ».

VI.

Итакъ, послѣднимъ результатомъ, достигаемымъ посредствомъ тщательнаго анализа еврейскихъ словъ, служатъ простѣйшіе звуки, сдѣлавшіеся воплощеніемъ какихъ-либо начальныхъ понятій. При этомъ мы нарочно избѣгаемъ выраженія «корни», потому что, какъ мы уже показали, большая часть еврейскихъ корней допускаетъ еще дальнѣйшій анализъ и разложеніе на болѣе простыя знаменательныя начала. На нашъ взглядъ, Максъ Мюллеръ напрасно усиливается доказать, что мы переступили бы границы науки о языкѣ, если, анализируя послѣдній, мы бы рѣшились разложить корень на составныя его части, какъ, напр., санскритскій *chi* (*собирать*) на *ch* и *i* [1]). Неразложимость такихъ корней, какъ приведенный *chi*, имѣетъ свою причину вовсе не въ томъ, что этимологія обозначаетъ ихъ именемъ корней, какъ то выходитъ по мнѣнію Мюллера,—а только въ сущности ихъ звуковой природы. Кто не видитъ, что дѣлимость такого корня

---

[1]) Наука о языкѣ, изд. ред. филол. Зап. Воронежъ, 1868 г., стр. 80.

на *ch* и *i* есть чисто-исскуственная, принятая нами въ письмѣ; собственно же обѣ эти части составляютъ вмѣстѣ одно нераздѣльное цѣлое, одну единицу звука. Въ древнѣйшей письменности такой звукъ, какъ *chi*, излагался обыкновенно посредствомъ одной лишь согласной ch, подразумѣвая при ней звукъ гласный, какъ необходимый двигатель. Но изъ этого примѣра далеко еще нельзя вывести общаго закона неразложимости всякаго корня какого бы то ни было языка. Всего менѣе законъ этотъ можетъ быть примѣнимъ къ языку еврейскому, въ которомъ, даже въ самыхъ обычныхъ его корняхъ, каковы трилитарные, почти всегда представляется по одному звуку очевидно позднѣйшаго возникновенія, и менѣе существенно связанному съ самимъ значеніемъ. Многіе изъ такихъ корней даже являются въ языкѣ въ различныхъ видахъ, какъ бы сами разсказывая исторію своего развитія и осложненія изъ болѣе простыхъ началъ [1]).

Возводя, такимъ образомъ, слова къ своимъ корнямъ, а корни къ своимъ первичнымъ элементамъ, къ своимъ *пракорнямъ*, мы доберемся наконецъ до тѣхъ простыхъ звуковъ, въ которыхъ нашли себѣ выраженіе простѣйшія необособившіяся еще понятія, каковы, напр., восклицанія, указанія, вѣроятно сопровождавшіяся еще у первообразователей языка различными соотвѣтственными тѣлодвиженіями, — словомъ, до того состоянія языка, когда онъ служилъ лишь звуковой мимикою для человѣка [2]) и когда количество этихъ знаменательныхъ звуковъ было самое немногочисленное, ничтожное и мало разграниченное. Для примѣра приведемъ здѣсь многочисленный рядъ корней, которые, какъ по указаннымъ самымъ языкомъ фонетическимъ законамъ, такъ и по однородности общаго выражаемаго ими понятія, могутъ быть принимаемы за различныя колебанія и видоизмѣненія одного первичнаго звуковаго знаменателя этого понятія. Посмотримъ, напр., какія различныя коренныя формаціи языка могутъ быть

---

[1]) Такъ, напр., корни nham, ham^{m}, hmam, hmo, hum, hijm, соотвѣтствующіе, по своему значенію, русскому корню *шум*, очевидно, имѣютъ своимъ общимъ началомъ простой знаменательный звукъ *ham*. Также dam^{m}, dmam, dmo^{h}, do^{u}m имѣютъ своимъ первичнымъ знаменателемъ *dam*; du^{a}ch, *dcha*, udach представляютъ лишь разности первоначальнаго знаменателя *dach* (толк.). Впослѣдствіи мы надѣемся показать, какъ этотъ послѣдній корень можетъ имѣть самую длинную исторію въ языкѣ.

[2]) Для слова *разъ* имѣется въ еврейскомъ языкѣ: *pá^{c}am* (шагъ, ступь), *régel* (нога), *jod* (рука) и наконецъ *mo^{u}ne* (числитель), изъ чего видно, что первообразователи языка обозначали единицу ударомъ ногою или рукой. (Ср. также русское числительное *разъ*, означающее собственно *ударъ*. Множество другихъ примѣровъ см. Histoire générale des langues sémitiques, par Ernest Renan (Paris, 1863), p. 21—24.

отнесены къ вокализованному прямо или обратно небному звуку g (ga или ag). Со стороны звуковой матеріи, измѣненія эти всего прежде будутъ зависѣть, во-1-хъ, отъ сродства этого звука какъ съ своими одноименными, такъ и съ одностепенными (j, k, kh, ch, ^{c}, h, r); во-2-хъ, отъ свойства новыхъ согласныхъ, возникающихъ путемъ сгущенія извѣстныхъ степеней вокализаціи при благопріятныхъ къ тому условіяхъ, а также прилива звуковъ плавныхъ съ полугласнымъ ихъ значеніемъ, и наконецъ, въ-3-хъ, отъ постепеннаго обмѣна этихъ возникающихъ новыхъ звуковъ, начинающихъ каждый новый рядъ колебаній. Этотъ вокализованный звукъ g служилъ, какъ видно изъ оставленныхъ имъ слѣдовъ въ письменной литературѣ, восклицаніемъ, которое сопровождалось вѣроятно первообразователями языка указаніемъ на что-нибудь высокое, выпуклое, торчащее. Реченіе «*geī^h gwul*» значитъ: «вотъ предѣлъ» (Іезек. 47, 13); корень *go* есть безразличное обозначеніе понятія обо всемъ высокомъ, въ прямомъ, обратномъ и переносномъ смыслѣ. Существующія въ языкѣ коренныя формы, которыя по звуковой матеріи и внутреннему значенію могутъ быть принимаемы за дальнѣйшія колебанія и развѣтвленія этихъ первичныхъ корней, мы воображаемъ изложенными въ восходящемъ порядкѣ, въ видѣ далеко расходящагося вѣтвями дерева. Съ зачаточныхъ корней поднимается стволъ и развѣтвляется на множество отдѣльныхъ отраслей съ новыми побѣгами, изъ коихъ каждый носитъ какъ бы свои особыя листья, цвѣты и плоды. И вѣтви, и листья и плоды могутъ, подъ вліяніемъ разныхъ физическихъ обстоятельствъ, управляющихъ ихъ образованіемъ, принимать различныя направленія и формы; но это не исключаетъ ихъ общаго единства, ихъ родственнаго отношенія къ первоначальному зародышу. Мы предполагаемъ весьма важнымъ, какъ для историческаго, такъ и для сравнительнаго языкознанія, распредѣленіе родственныхъ между собою корней внутри каждаго языка отдѣльно въ видѣ дерева, коему простѣйшіе, мало обособленные по своему значенію звуки, каковы, напр., междометныя и указательныя частицы, эти знаменатели перваго порыва мысли къ своему звуковому воплощенію, служатъ какъ-бы корнями, изъ которыхъ поднимаются и развѣтвляются излучисто цѣлыя семейства словесныхъ организмовъ съ явными признаками сродства и первоначальнаго единства.

Не стѣсняясь строжайшею послѣдовательностью или научною филологическою точностью, мы предполагаемъ семейство коренныхъ формацій еврейскаго языка распредѣленнымъ *приблизительно* въ нижеслѣдующей разгруппировкѣ. Изъ этого многочисленнаго семейства мы довольствуемся привести лишь

немногія въ древнѣйшей письменности языка, хотя не подлежитъ сомнѣнію, что и въ области разсматриваемаго нами языка многія формы *промежуточныя* для насъ утрачены. Тѣмъ не менѣе, мы считаемъ себя вправѣ, отъ времени до времени, восполнять такіе промежутки немногими формами изъ языка халдейскаго, состоящаго съ еврейскимъ въ тѣснѣйшемъ родствѣ, какъ по словарю, такъ и по грамматикѣ. Такія формы мы, для различенія, обозначаемъ звѣздочкою: go’ (рости, вызвышаться), gei (величавый), gaj (долина, низменность), gag (крыша), go^{u}g (гигантъ), *go^{u} (полость), ďeiv gouf (corpus), go^{u}j (народъ), gav (спина), geivo (чрево), gaw, gabbo, gowaw (спина, горбъ, холмъ, сводъ, дуга, бровь), gibb-ein (горбатый), gewa’ (холмъ), go^{u}wah (вышина), gibbach (высоколобный), giw^{c}o-l (стебель), gowan (твердѣть), geiw, gewe, *gubbo (яма, колодезь), gomia, kubbo^{c}o (бокалъ), gam (вдобавокъ), go^{u}me (трость), gummo (яма), kav (линія, лучъ), kaw (мѣрная чаша), ko^{u}w, nkaw (выдолбить), keiwo (желудокъ), ko^{u}mo (чрево), kubbo (шатеръ), ko^{u}wa, kho^{u}wa, ^{mi}gba^{c} (шапа, шляпа), kho^{u}f, khofaf (согнуть), khappo (гибкая вѣтвь), khippo (сводъ, верхъ, маковка), khaf (ладонь), kheif (скала), geif *kheif, gaw, cho^{u}f (гавань, край), chofaf (покрыть), chuppo (покровъ, балдахинъ), chaf (открытый), cho^{u}fen (горсть), gaf, *gaf, *gnaf, khnaf (крыло, край), zonif, zephe-sh (турбанъ, корона, вѣнецъ), kheilaf, *gulpo (булава, дубина), glo, glaw, gla^{c}, glach (обнаружить верхъ, оголить), glo^{u}m (турбанъ), golam (окутать), go^{u}lem (безформенная масса, голомень), galm-ud (голомя), *galmo (холмъ, долина), glimo (глубина), *glaf, *glif (рубить, чертить, писать), goraf (собрать въ кучу), mi-grofo (глыба), goram, koram (отвердѣть) gomar (довести до вершины, до конца), khmar, mi-chmor (яма, западня), kwar (зарыть), zomar (накоплять), kewer (гробъ), chofar (рыть, копать), khophal, *kfal (согнуть, складывать), gophar, khophar (скрѣпить, покрывать), gowar (быть крѣпкимъ, сильнымъ), kho^{u}fer (покрытіе, выкупъ), khappo^{u}r-esh (крышка) khabbir (громадный, мощный), *kharwo (крышка), *garbo (бочка), kerew (чрево, внутренность, полость) и мн. др.

Всматриваясь ближе въ это многочисленное семейство корней, разошедшихся, по нашей гипотезѣ, въ разныя стороны отъ одного общаго родича, мы замѣчаемъ, что всѣ они, представляя различныя звуковыя колебанія одного и того же первичнаго небнаго звука, чередуются также и относительно ихъ внутренняго значенія около одного общаго понятія, коего они изображаютъ различные виды, оттѣнки и переливы. Постепенное развитіе первичнаго знаменательнаго звука, этого корня

корней, всего вѣрнѣе изображаетъ намъ психическое происхожденіе и развитіе мысли. Общее понятіе, содержимое въ первичномъ знаменателѣ, для насъ едва-ли уловимо; по крайней мѣрѣ нынѣшній языкъ нашъ, имѣя дѣло съ болѣе или менѣе обособленными и опредѣленными понятіями, не можетъ уже уловить разомъ всю его полноту и безраздѣльность. Въ нашей схемѣ это—неясное представленіе о чемъ-то торчащемъ, высокомъ, въ прямомъ или обратномъ смыслѣ. Древній самобытный языкъ сохранилъ еще звуковые показатели этого смѣшаннаго представленія, этого перваго движенія мысли, въ темныхъ формахъ *g'h*, *khoʺh* халд. *kho'*, которыя, какъ что-то въ родѣ неясныхъ указательныхъ междометій, опредѣлившихся вѣроятно лишь сопровождавшими ихъ соотвѣтственными тѣлодвиженіями [1]), болѣе принадлежатъ еще къ категоріи звуковой мимики, чѣмъ ясной и отчетливой рѣчи. Какъ знаменатели безраздѣльнаго ощущенія, онѣ разомъ заключаютъ въ себѣ въ хаотическомъ видѣ зачатки всѣхъ выдѣлившихся изъ нихъ впослѣдствіи отдѣльныхъ представленій. И вышина, и глубина, и выпуклость, и вогнутость,—словомъ, всѣ различные виды и степени отвѣснаго протяженія, въ ихъ собственномъ и переносномъ значеніяхъ, скомканы въ ней какъ возможность, какъ будущность, какъ бы ожидая обособленія отъ подвигающагося впередъ познавательнаго процесса. Слѣдующія ближайшія колебанія: *go*, *ga'*, *goʺ*, *gaw*, *g'w*, *g'v*—тоже не обособлены еще строго, и одинаково выражаютъ то одну, то другую изъ двухъ противоположныхъ крайностей отвѣснаго протяженія: *верхъ*, *вышина*, *холмъ*, *высокомѣріе* и пр., но также *низменность*, *полость*, *колодезь*, *яма*. Между ними въ серединѣ (судя по законамъ фонетики), лежатъ разности *goʺ*; *gav*, означающіе либо *внутренность*, *полость* какой-либо сплошной массы, либо самое *сплошное тѣло*. Затѣмъ, всѣ дальнѣйшія колебанія и видоизмѣненія первичнаго звука суть не что иное какъ дальнѣйшія разграниченія, обособленія и метафорическіе переливы каждаго отдѣльнаго признака этихъ представленій, какъ отдѣльной мысленной особи. Звуковая матерія, какъ рефлексъ внутренняго человѣческаго познанія, послушно слѣдя за каждымъ движеніемъ послѣдняго, видоизмѣнялась различно, то посредствомъ одной лишь модификаціи своего вокализма, то посредствомъ вещественнаго обмѣна или приращенія звуковыхъ элементовъ, — не въ зависимости отъ воли или преднамѣренія говорившаго субъекта, а по свойственнымъ ея собственному существу законамъ. Мы показали уже въ предыдущихъ главахъ

---

[1]) Ср. Ernest Renan, Histoire générale des langues sémitiques, Paris, 1863, p. 22.

сущность этихъ законовъ и соотвѣтствіе ихъ въ органической жизни разсматриваемаго нами языка съ естественными законами органической жизни въ природѣ вообще. Такимъ образомъ, изъ одного общаго простѣйшаго начала, каковъ, напр., въ нашей схемѣ вокализованный небный звукъ, могло возникать постепенно цѣлое многочисленное семейство корней, уклонившихся другъ отъ друга фонетически, но всегда сохранившихъ болѣе или менѣе явный мысленный и вещественный признакъ своего первоначальнаго единства.

Согласно вышесказанному, если бы мы могли распредѣлить съ полною точностью всѣ родственные между собою знаменатели языка по семействамъ, то съ извлеченіемъ общаго первичнаго корня каждаго такого семейства отдѣльно, мы возстановили бы тотъ ранній фазисъ языка, когда онъ продолжалъ еще быть для младенческаго человѣчества однимъ лишь рефлексомъ чувственной жизни, — языкомъ ощущеній. Но на самомъ дѣлѣ ни одинъ изъ достигшихъ уже письменности языковъ древняго міра не прекратилъ своей жизненной карьеры такъ рано, чтобы не довести многихъ своихъ формацій, путемъ многихъ перекрещивающихся отношеній, до той сложности и сбивчивости, которыя ускользаютъ отъ всякаго критическаго анализа. Тѣмъ не менѣе остается вѣрнымъ, что языкъ еврейскій представляетъ наименьше затрудненій въ этомъ отношеніи. Большинство его корней съ особенною легкостью подаются аналитической операціи и приведенію къ простѣйшему состоянію. Мы уже не разъ имѣли случай показать, какъ цѣлыя группы его коренныхъ формъ какъ-бы разсказываютъ сами ясно и убѣдительно исторію своего происхожденія изъ простѣйшихъ началъ, представляя расползаніе одной общей первичной формы въ разныя стороны. Выставленная нами схема есть, собственно, не что иное, какъ разсматриваніе, на началахъ индуктивныхъ, одной изъ такихъ первичныхъ формъ, по путямъ развитія и развѣтвленія, указаннымъ самимъ языкомъ. Нельзя же не допустить, что всѣми законами, на которыхъ зиждется наука о языкѣ, мы обязаны одному только языку и осуществившимся въ немъ фактамъ; а что цѣлыя группы близкихъ между собою коренныхъ формъ составляли въ болѣе раннюю эпоху одну общую простѣйшую форму, — это, по крайней мѣрѣ въ подлежащемъ нашему разсмотрѣнію языкѣ еврейскомъ, очевидный и неопровергаемый фактъ. Кто можетъ спорить, что равнозначущія еврейскія коренныя формы, какъ напр. *gd*^{a}*d*, *gud*, *g*^{y}*d*, *'g*^{a}*d*, *ng*^{a}*d*, суть лишь разности одного общаго первичнаго типа *g*^{a}*d*, выражающаго общее безраздѣльное понятіе о *связи*. Если же звуко-

вой матеріи свойственно видоизмѣняться по опредѣленнымъ законамъ фонетики съ восколебаніемъ значенія принятой ею формы, то незачѣмъ будетъ сомнѣваться, что родственныя съ только-что приведенными корнями, какъ по звуковой матеріи, такъ и по внутреннему содержанію, — что родственныя съ ними, такъ сказать, тѣломъ и душею, другія коренныя формы языка $'k^{a}d$, $'kh^{a}d$, *'chad*, *'chas* и др. подобныя, представляютъ лишь новыя колебанія одного и того же первичнаго знаменателя понятія о *связи* — *gad* [1]).

Возьмемъ еще одинъ примѣръ. Существующія въ языкѣ различно вокализованныя коренныя формы $nd^{a}d$, $n^{u}d$, $n^{i}d$, ndo^{h}, $n^{u}t$, nto^{h}, $m^{u}t$, $m^{i}t$, mto^{h}, $mt^{a}t$, одинаково выражающія дѣйствіе *шатанія*, очевидно представляютъ различныя видоизмѣненія общей имъ всѣмъ основной формы $n^{a}d$, ставшей въ языкѣ знаменателемъ *колебанія*. Но эта послѣдняя, при всей простотѣ своей, можетъ быть, не составляетъ еще въ данномъ случаѣ послѣдняго результата, какой только можетъ быть достигнутъ путемъ анализа. Въ запасѣ того же языка есть еще одинъ ближайшій родственникъ этого семейства корней $d^{a}d^{oh}$ (прыгать), изъ котораго видно, что начальный носовой звукъ n въ показавшейся намъ прежде основной формою $n^{a}d$ есть позднѣйшее приращеніе и менѣе существенно связано съ коренным понятіемъ. Такимъ образомъ, всѣ означенныя выше коренныя формы мы будемъ вправѣ привести къ еще простѣйшему знаменателю, къ вокализованному звуку d, какъ напр. d^{o}, который будетъ принадлежать еще къ области звуковой мимики, — словомъ, къ доисторическому періоду языка. Дѣйствительно, въ ближайшемъ къ еврейскому языку нарѣчіи халдейскомъ или арамейскомъ, на которомъ уже говорило семейство Авраамово [2]), вокализованный звукъ *d* служитъ указаніемъ на находящійся внѣ говорящаго субъекта предметъ, мысленнымъ движеніемъ перваго къ послѣднему, соотвѣтствуя, такимъ образомъ, указателямъ позднѣйшихъ языковъ, какъ, напр., русское *т* въ *то*, *томъ*, лат. *id*, англ. *the*, *this*, нѣм. *der*, *die*, *das*, *dies* и пр. Часто ему предпосылался другой указательный же звукъ *ho*:—h'do, соотвѣтствующее рус. *это*. Въ языкѣ еврейскомъ, по случаю постояннаго

[1]) Эта генеалогія корней еврейскаго языка, принятая всѣми лучшими оріенталистами на западѣ Европы (Михэлисъ, Аделунгъ, Клапротъ, Гезеніусъ, В. Гумбольтъ, Фюрстъ, Деличъ, Бенлёвъ и др.), нашла себѣ противника въ Эрнестѣ Ренанѣ (Histoire générale des langues Sémitiques, Paris 1863, chap. III. § 1). Но высказанное Ренаномъ опроверженіе мало мотивировано и выказываетъ лишь стремленіе къ оригинальности взгляда на счетъ существующихъ непреложныхъ фактовъ.

[2]) Бытіе, 31, 47.

обращенія имъ арамейскаго *д* въ *з*, этотъ указатель является въ видѣ se^{h} (ср. фр. *ce*, русское *се*). Новая модификація этого-же звука di (или слитно d') усвоило себѣ выраженіе понятія объ исходѣ или движеніи отъ указаннаго предмета въ какое-либо произвольное направленіе, что случилось и съ русс. *то* при принятіи имъ обратнаго вида *отъ*. (Ср. также лат. *ad* и *de*, фр. *de*, *du*, *d'*). Въ еврейской глагольной формѣ *dadde*^{i} (шататься, прыгать) мы видимъ, какъ мысль, стремясь выражать колебаніе усиленное, шатаніе, движеніе въ разныя стороны, сильно восколебала основной знаменатель движенія—*d*.

Изъ всего этого не будемъ ли мы вправѣ заключить, что многія другія формы, въ коихъ, при *сходствѣ общаго выражаемаго ими понятія, преобладаетъ звукъ d*, или оттѣнки его (т, з, ц, с) посреди менѣе вещественныхъ и слабыхъ буквъ, суть лишь различныя, болѣе или менѣе модифицированныя колебанія этого же звукового знаменателя, вызванныя психическими колебаніями мысли? Къ такимъ звуковымъ колебаніямъ можно бы было, въ данномъ случаѣ, отнести коренныя семитическія формы *he*^{i}*d*, *h*^{o}*do*, *jodo* (бросать, метать), *j'do*, *edo*, jad (рука, какъ ближайшее орудіе метанія) *'do'* (ходить), *'ad* (do), *'e*^{i}*d* (поднимающееся испареніе), *do'o*^{h}, *'oto*^{h}, *'ut*, *jo'at* (летать). Мы могли бы прослѣдить этотъ же первичный звукъ во многихъ другихъ разностяхъ, представляющихъ его уже обросшимъ, то постепенно сгущавшимися и отвердѣвшими слабыми звуками, то приливомъ къ нему звука плавнаго, или же, наконецъ, пристроившимся къ нему другимъ соотвѣтственнымъ знаменателемъ, — словомъ, въ формѣ корней производственныхъ, какъ d^{a}ch, d^{u}ch, dch^{oh}, nd^{a}ch, которые проложили себѣ путь къ развитію по разнымъ направленіямъ: d^{a}kh, *dkho' dkho*^{h}, *d*^{u}*kh*, dkh^{a}kh, d^{c}akh, s^{c}akh, dch^{a}k, dak, d^{u}k, dok^{a}k, drach, dl^{a}ch, dch^{a}ph, h^{o}d^{a}ph, nd^{e}ph, rd^{a}ph, s-daph, dpho^{h} и др., соотвѣтствующія по звуковымъ вибраціямъ и по значенію русскимъ: *тыкать*, *токъ*, *туго*, *толкать*, *дергать*, *торить*, *дорога* и под.

Такимъ образомъ, мы допускаемъ какъ возможность, что въ первыхъ періодахъ языка одинъ членораздѣльный звукъ, сдѣлавшись выразителемъ какого-либо общаго понятія, могъ впослѣдствіи, путемъ фонетическихъ колебаній, вызванныхъ видоизмѣняющимъ процессомъ мысли, стать родоначальникомъ множества разновидностей коренныхъ формъ, которыя находятся къ нему въ томъ же отношеніи, въ какомъ находятся къ нимъ ихъ же производственныя формы. Мы далеки отъ того, чтобы вѣрить въ возможность, по крайней мѣрѣ въ настоящее время, привести всѣ существующія въ языкѣ коренныя формы обратно

до монолитарнаго начала; но мы не можемъ отказаться отъ этого права тамъ, гдѣ факты языка почти вынуждаютъ такое заключеніе, гдѣ непреложные документы ясно излагаютъ предъ нами цѣлую родословную единичнаго звука, начиная, такъ сказать, съ его младенческаго возраста, когда онъ выражалъ неопредѣленный и безсвязный лепетъ ребенка и получалъ нѣкоторый смыслъ только отъ содѣйствія сопровождавшихъ его мимическихъ движеній, и прослѣживая его далѣе по различнымъ позднѣйшимъ фазисамъ его физическаго и нравственнаго роста. Въ переходѣ первичнаго знаменателя исходной точки *движенія do* въ разности n°d, n°t, можно даже видѣть приращеніе къ первому другого знаменателя *стремительности*. Извѣстно, что носовой звукъ] (n), въ различныхъ видахъ его вокализованія, сохранился въ языкѣ и въ изолированномъ видѣ въ качествѣ знаменателя стремленія въ неопредѣленное направленіе. Звукъ n°' служитъ будителемъ къ дѣйствію (соотвѣтствуя русскому *ну*, польскому *no*, нѣмецкому *nun*, напр. r'e^{ih} no (=ну смотри, spóirz-no, siehe nun), откуда, вѣроятно, и глаголъ *no*', тожественный по значенію съ тѣмъ *n°d* — *двигаться, шататься*. Такое же указаніе на пространство движенія означаетъ этотъ звукъ въ обратно вокализованномъ видѣ 'on (куда); также *'on^{a} w'ono^{oh}* (*туда и сюда*). Знаменатели движенія (*no* или *on*), соединившись съ звукомъ *ch* въ прямомъ или обратномъ видѣ: *no'ch* и *chon*, стали выражать уже остановку, спокойствіе, можетъ быть потому, что вокализованный звукъ *ch*, въ первоначальномъ его видѣ *kh*, самъ по себѣ (*kho*—вотъ, се), сталъ въ языкѣ указателемъ мѣста говорящаго субъекта: *noch*, *chon*, *перестаю двигаться, покоился*. Мы предоставляемъ себѣ при другомъ случаѣ говорить объ этомъ послѣднемъ естественномъ явленіи въ языкѣ, а именно: о процессѣ притяженія къ себѣ преобладающими знаменателями рѣчи мелкихъ побочныхъ частицъ, опредѣляющихъ ихъ своимъ знаменательнымъ же значеніемъ,—процессѣ, послужившемъ, вѣроятно, поводомъ къ образованію флексій, а пока мы опять вернемся къ нашей схемѣ, построенной изъ различныхъ колебаній одного первичнаго корня.

VII.

Превращенія, испытанныя первоначальными звуковыми знаменателями, многоразличны по множеству вызывающихъ ихъ причинъ. Одни изъ превращеній имѣютъ причину чисто-физическую, коренящуюся въ естественной природѣ звуковъ и про-

износящихъ ихъ человѣческихъ органовъ; другія бываютъ психическаго свойства, каковы, напр., переносы звуковыхъ знаменателей съ однихъ понятій на другія, по различно-сложившейся въ каждомъ народѣ индивидуальной аналогіи и ассоціаціи представленій; другія опять имѣютъ причину чисто-историческую, каковы происходящія вслѣдствіе перехода знаменателей отъ одного языка въ другой, переложенія ихъ письменно на другой алфавитъ и пр. Каждый изъ этихъ видовъ колебаній имѣетъ предъ собою безконечный просторъ, и если совокупное ихъ дѣйствіе совершалось въ продолженіе многихъ тысячелѣтій на одну и ту же звуковую матерію, то это могло имѣть своимъ естественнымъ послѣдствіемъ излучистое развѣтвленіе ограниченнаго числа звуковыхъ показателей и постепенное расхожденіе ихъ въ разныя стороны. Превращенія, испытанныя звуковыми знаками языка у самихъ первообразователей его, и за симъ совершившіяся съ ними новыя перезвукованія, перестановки и переносы по неизмѣримому ряду поколѣній и видоизмѣняющихъ началъ, неминуемо должны были имѣть въ своемъ результатѣ ту запутанность перекрещивающихся отношеній, ту безконечную сложность кривыхъ линій, которая такъ затрудняетъ дѣло сравненія и классификаціи языковъ.

При серьезномъ сравненіи между собою языковъ для насъ, конечно, не много можетъ имѣть значенія изолированное совпаденіе отдѣльныхъ коренныхъ формъ двухъ сравниваемыхъ между собою языковъ. Но едва ли можно будетъ то же самое сказать относительно цѣлыхъ многочисленныхъ семействъ корней. Если, на основаніи выставленныхъ нами фактовъ, нельзя отрицать существованіе въ самобытномъ языкѣ древнѣйшаго міра, каковъ безсомнѣнно еврейскій, цѣлыхъ группъ коренныхъ формъ, которыя, по общему своему родоначальнику, должны быть разсматриваемы какъ семейства, то отысканіе по непреложнымъ признакамъ дальнѣйшаго потомства этихъ семействъ въ томъ или другомъ изъ современныхъ намъ языковъ могло бы имѣть весьма важное значеніе для сравнительнаго языкознанія. Тутъ мы бы не имѣли уже дѣло съ зарономъ отдѣльныхъ словъ, могущихъ быть слѣдствіемъ одной лишь игры случая, а съ систематическимъ продолженіемъ и дальнѣйшимъ развѣтвленіемъ родословной древнихъ коренныхъ семействъ. Чѣмъ больше такихъ семействъ окажется продолженными въ данномъ современномъ языкѣ, и чѣмъ богаче и обширнѣе ихъ дальнѣйшее въ немъ развѣтвленіе, тѣмъ болѣе, слѣдовательно, точекъ соприкосновенія между сравниваемыми языками, тѣмъ тѣснѣе и многостороннѣе ихъ взаимныя родственныя связи.

Послѣ этого намъ, кажется, не мало интересно должно быть то обстоятельство, что, несмотря на далекую пропасть, лежащую между языками первобытныхъ семитовъ и современныхъ намъ народовъ, въ нарѣчіяхъ послѣднихъ еще и понынѣ замѣчается весьма часто преобладаніе оттѣнковъ семитическихъ корней въ звуковыхъ знаменателяхъ соотвѣтственныхъ идей и понятій. Нерѣдко даже случается полное совпаденіе семитическихъ показателей съ показателями позднѣйшихъ языковъ; въ другомъ случаѣ корни послѣднихъ являются уже съ болѣе или менѣе чувствительнымъ обмѣномъ звуковыхъ элементовъ, съ приращеніемъ или опущеніемъ, съ перемѣщеніемъ или замѣщеніемъ одного или нѣсколькихъ звуковъ, входящихъ въ составъ семитическихъ формъ. Всего чаще случается, что знаменатель какого-либо предмета въ древнемъ языкѣ оказывается въ новомъ перенесеннымъ на другой предметъ, находящійся съ первоначальнымъ его обозначеніемъ въ болѣе или менѣе запутанной, подчасъ даже не легко уловимой связи.

Такъ какъ примѣры для подтвержденія нашей мысли могли бы повести насъ слишкомъ далеко, то мы рѣшились держаться схематически выставленнаго нами семейства еврейскихъ корней и прослѣдить предполагаемыя нами дальнѣйшія разновидности преимущественно по языкамъ русскому и нѣмецкому. На счастье, это семейство слишкомъ обильно и разнообразно, чтобы допускать въ выгодныхъ для нашей мысли явленіяхъ изолированность или случайность. Если смотрѣть на это семейство, какъ на сумму разновидностей, возникшихъ, путемъ медленныхъ психическихъ и звуковыхъ колебаній, изъ одного простѣйшаго знаменателя первоначально общаго, безраздѣльнаго понятія обо всемъ выдающемся, торчащемъ, выпукломъ, обо всемъ высокомъ въ прямомъ и обратномъ смыслѣ, то нельзя будетъ не замѣчать, какъ многіе знаменатели тѣхъ же понятій въ разныхъ современныхъ намъ языкахъ представляютъ, смотря по болѣе вещественнымъ своимъ коренnымъ звукамъ, какъ бы дальнѣйшія колебанія и видоизмѣненія первыхъ. Звуковые элементы, лежащіе въ основаніи приведеннаго нами семейства корней, остались еще преобладающими въ соотвѣтственныхъ показателяхъ разныхъ языковъ позднѣйшаго образованія. И несмотря на частныя уклоненія ихъ отъ своего общаго семитическаго начала, несмотря на всѣ перезвукованія, наращенія и другія притушевыванія и видоизмѣненія, которыя они естественно испытали на неизмѣримомъ пути ихъ странствованія,—въ существенныхъ ихъ частяхъ сохранились еще болѣе или менѣе явныя примѣты своего первоначальнаго единства. И въ нихъ фонети-

ческія колебанія первичнаго небнаго звука въ различныхъ видахъ его замыканій и обрастаній, какъ мы это видѣли внутри семитизма, чередуются еще около того же самаго общаго первоначальнаго понятія, выражая различные его оттѣнки, переливы и развѣтвленія. Многія изъ этихъ колебаній даже вполнѣ совпадаютъ съ соотвѣтственными семитическими показателями и повторяютъ ихъ, какъ бы напоминая о своемъ сродствѣ съ ними; другія являются, либо обросшими уже звуками пришлыми, преимущественно плавными, либо съ перемѣщеніемъ или замѣщеніемъ одного или нѣсколькихъ звуковъ, по индивидуальному свойству народа, которому они принадлежатъ; другія, хотя оказываются въ новѣйшихъ языкахъ перенесенными на другіе предметы, но большей частью намъ еще и теперь не трудно уловить ту общую идею, которая связываетъ ихъ новое значеніе съ первоначальнымъ [1]. Исторіи предстоитъ еще рѣшить вопросъ, почему самое тѣсное, самое многостороннее сродство съ семитизмомъ оказывается нерѣдко у нарѣчій славянскихъ. Слѣдующее, далеко неполное исчисленіе соотвѣтственныхъ нашей цѣли формъ можетъ быть убѣдитъ того или другого изъ изслѣдователей отечественнаго слова въ слѣдующихъ трехъ положеніяхъ, могущихъ имѣть неизмѣримую пользу для науки о языкѣ, а именно: а) что, подобно тому, какъ мы это видѣли въ языкѣ еврейскомъ, можно было бы и въ другихъ языкахъ, въ томъ числѣ и языкѣ русскомъ, привести множество разновидностей, признанныхъ однородными, по болѣе вещественному ихъ согласному остову и оживотворяющему ихъ общему понятію, къ одному простѣйшему первичному знаменателю этого послѣдняго; б) что этотъ первичный знаменательный звукъ, а слѣдовательно и многоразличныя его видоизмѣненія, во многихъ случаяхъ, указываютъ на сродство цѣлыхъ семействъ коренныхъ формъ современныхъ намъ языковъ съ цѣлыми же семействами корней семитическихъ; и наконецъ в) что весьма богатое развѣтвленіе семитическихъ показателей окажется путемъ изслѣдованія и въ языкѣ русскомъ. Для подтвержденія нашей мысли, преимущественно въ отношеніи къ этому послѣднему, мы рѣшились взять за исходную точку тотъ же небный звукъ *г*, который служилъ намъ началомъ вышеприведеннаго семейства семитическихъ корней. Къ одному общему первичному знаменателю изъ вокализованнаго небнаго звука *г*, смыкавшагося въ ближайшихъ своихъ колебаніяхъ звуками губными в, м, б, п,

---

[1]) Cp. Charles Darwin, Ueber die Entstehung der Arten, übers. von H. G. Bronn. Aufl. 3 (Stuttgart, 1867) S. 494.

потомъ разрѣжавшагося перебоемъ плавныхъ полугласныхъ л, р,— случаи нерѣдко испытанные корнями еще внутри семитизма[1]), могли бы, по нашему мнѣнію, быть приведены:

Изъ языковъ еврейскаго и халдейскаго; тѣ же слова, которыя приведены нами выше, какъ *go*, *go*ⁿ, gov, gow, gab, geiv, geiw, ğewe, gewa°, koⁿwa° и т. д., обозначающія собою всѣ оттѣнки вышины и глубины, выпуклости и плоскости [2]), насколько разнообразить ихъ творческая сила мысли.

Изъ языка латинскаго: cavus, cavare, cubo, cupa (cuppa), cubus, gibba, gabata, caput (ср. греч. cephalus и cephalo), coma, caprenae, gabalus, capis, capsa, capsus, cippus, scyphus, scapus, cumba (гр. cymba) caupo, cauponari, cumulus, camera, camurus, curvus, grumus, campe, gamba, gomphus, glomus, globus, clavus, clava, gleba, galba, culmen, culmus, culpa, calpar, campe, scabellum, scamnum, coma, scamba, scaber, scaeva, scrupus, scarfieri, scalpere, sculpere, scribo и под. Эти же корни повторяются съ различными видоизмѣненіями во всѣхъ романскихъ языкахъ, какъ знаменатели общаго понятія, свойственнаго имъ въ семитизмѣ.

Изъ языка нѣмецкаго: heben, Haupt, Haube, Humpen, Gabel, Hübel, hüpfen, Hebel, Haufe, Hafen, Himmel, Giebel, Gipfel, Kuppel, Koppe, Kuppe, Kober, Koffer, Kappe, Kapsel, Kopf, Kappe, Kübel, Kippe, Kiepe, Kufe, Kumme и др.; также съ превращеніемъ корня: Bug, biegen, beugen, bücken, Bügel, Puckel, Buckel, Bauch, pausig, Back, Pack, Becken, Becher, или съ перебоемъ корня звуками плавными какъ: Garbe, Kerbe, Scherbe, Korb, Kürbisz, Helm, Holm, Kolben, Klumpen, glimpflich, Kropf, grob, Kraft, Graupe, Krume, Krumm, Krüppel, Krippe, Klippe, Grube, Gruft, Kluft, graben, Griffel, schreiben, Schrift и др.

Изъ языка русскаго: го, гой, гоить (жить?) говѣть (возвеличать), гоголь (сгоголять-щеголять [3]), гогона, кукла, чучело, комъ, комель, кумиръ, кама, скамья, камень, кремень, щебень, глазъ, глыба, глубь, жолобъ, колпь (цапля?), колобъ, гибать, гибель, (су) губить, губа, гриба, гобина, грива, грубый, кривой, хромой, глумить, клубить, глупый, гробъ, горбъ, гробля, гребля, хребетъ, хомутъ, хоботъ, хвостъ, гурьба, бугрый, пуклый, пуговка, пузо, крабія, (к) чрево, черепъ, коробить, корабль, кобель, ку-

---

[1] Ср. евр. scheiwet, позднѣе scharwit (скипетръ), kheiś, khissei, мад. khorio (кресла) и др.

[2]) Ср. такое же обоюдное значеніе латинскаго *altus* и греческаго *βαθος* и *βαθυς*.

[3]) Страннымъ и своеобразнымъ показывается намъ сдѣланное Ф. Рейфомъ сравненіе слова *щеголять* съ латинскимъ *singularis*. См. также это слово у Даля.

бокъ, ковчегъ, куфа, кувшинъ, ковшъ, кошъ, чаша, комъ, купа, кипа, копна, копить, купить, копать, кивать, копье, колба, глыба, глава, капа, шапа, шляпа, чепецъ, хлопье, хламъ, холмъ, шеломя, шлемъ, хоромъ, храбрый, крѣпкій, крупный, корпить, крапать и др.

Мы далеки отъ того, чтобы ставить изложенные нами въ предыдущихъ главахъ общіе взгляды на языкъ и его исторію въ какую бы то ни было зависимость отъ степени вѣрности только-что сдѣланнаго нами сравненія. Трудно вообще ручаться вполнѣ за безошибочность подобныхъ рискованныхъ сравненій, какъ бы они ни были удачны. Тѣмъ не менѣе, нельзя не задуматься при томъ множествѣ родственныхъ связей, при томъ обиліи перекрещивающихся семейственныхъ отношеній, которое открываетъ намъ подобное сравненіе, какъ между корнями каждой группы порознь, такъ равно и между соотвѣтственными группами корней изъ различныхъ языковъ. Родственныя между собою понятія, идеи и представленія кружатся въ раздѣленныхъ другъ отъ друга цѣлою пропастью языкахъ около однихъ и тѣхъ же звуковыхъ показателей, какъ бы напоминая собою принципъ частичнаго и постепеннаго расхожденія изъ одного общаго начала. Вопреки всякому филологическому мудрствованію, слухъ и чуткое соображеніе сталкиваются постоянно съ многозначительными точками соприкосновенія этихъ нарѣчій и пытаются возмущаться противъ замысловатыхъ баррикадъ, кропотливо возведенныхъ лингвистикою между этими семействами человѣческаго слова. Подобно тому, какъ сравнительная анатомія не занимается отдѣльными индивидуумами, допускающими случайность и аномалію, а опредѣленными и общими признаками цѣлыхъ видовъ и классовъ, такъ точно и сравнительное языкознаніе должно группировать показатели каждаго языка по опредѣленнымъ признакамъ ихъ внутренняго и внѣшняго сродства, чтобы проливать свѣтъ на органическія ихъ отношенія какъ между собою, такъ и въ соотвѣтственнымъ имъ показателямъ въ другихъ языкахъ. Только отъ этого способа можно ожидать освобожденія филологіи отъ многаго безполезнаго хлама, подъ тяжестью котораго ломятся добытые ею съ трудомъ результаты. Отъ этого же способа слѣдуетъ, по нашему мнѣнію, ожидать рѣшенія столь важнаго для науки вопроса о сродствѣ нарѣчій семитическихъ съ нарѣчіями индо-европейскаго происхожденія.

Намъ нѣтъ, кажется, особенной надобности объяснять, какъ нельзя требовать, при сравненіи между собою двухъ какихъ-либо языковъ, чтобы показатели родственныхъ идей и понятій въ одномъ совпадали всегда съ звуковыми показателями тѣхъ

же идей и понятій въ другомъ. Расхожденіе въ области языка не есть одно лишь вещественное, звуковое, но вмѣстѣ съ этимъ и *духовное*, *мышленное*. На эту запутанность и сложность перекрещивающихся отношеній языковъ мы постараемся указать хоть однимъ примѣромъ.

VIII.

Аналогія, порождая метафоры, способна даже въ предѣлахъ одного и того же языка, а тѣмъ болѣе съ переходомъ изъ одного языка къ другому, перетасовывать знаменатели самымъ причудливымъ образомъ, унося ихъ подчасъ къ самымъ отдаленнымъ отъ своихъ первоначальныхъ предметовъ обозначенія. Такъ, напр., было бы конечно нелѣпо искать какого-либо сродства въ русскомъ глаголѣ «*сидѣть*» съ соотвѣтственнымъ ему еврейскимъ joschaw. Тѣмъ не менѣе, русскій корень *сид*, отъ санскр. *sad*, греч. *ἕζω*, лат. *sedere*, гот. sàtan (сидѣть) и satjan (садить), англ. *sit* и нѣм. *sitzen*, *setzen*, по всей вѣроятности имѣютъ свое начало въ другомъ знаменателѣ языка еврейскаго. Есть въ послѣднемъ слово *soᵘd*, которое усвоило себѣ значеніе: *тайна*, *интимное сообщеніе*. Возводя это слово до простѣйшаго вида, мы останавливаемся на формѣ *śad*, означавшей первоначально просто *пень*, *колода*, которыя замѣняли у первобытныхъ людей наши скамьи и стулья. Аналогія стала употреблять новые побѣги этого же звука для выраженія различныхъ оттѣнковъ понятія о дѣйствіи *сидѣнія* или *саженія*: *j'sad* значитъ всадить, основать, *jsoᵘd* — основаніе, *sdon* — прикрѣпленная наковальня, *j'sud*, *massad śadno* — основа, почва; *sodin*—коверъ для сидѣнія, *sode*—усадьба, участокъ, *soᵘd* значитъ *засѣданіе*, *интимная бесѣда*, *тайна*. Соотвѣтственную исторію имѣлъ и русскій корень *сид*, отъ коего *садъ*, *сидѣть*, *сажать*, *всадить*, *суда*, *посадъ*, *усадьба* (участокъ, possesio), *засѣданіе* (sessio), *судъ* [1]), *судьба* и наконецъ *бесѣда* (мѣсто для *сидѣнья*, собраніе людей, взаимный разговоръ и т. под.).

Мы бы могли привести множество такихъ примѣровъ, ясно доказывающихъ, какъ трудно прослѣдить всѣ тонкія звуковыя и интеллектуальныя нити, которыми перекрещиваются между собою языки и какъ путемъ истинно-историческаго изслѣдованія, по способу, на который мы указываемъ, весьма часто открывалось

---

[1]) Это сравненіе кажется намъ болѣе правдоподобнымъ, чѣмъ произведеніе Ф. Рейфомъ глагола судить отъ лат. judicare, или нѣм. sühnen.

бы намъ тѣсное сродство тамъ, гдѣ мы наименѣе его ожидали.

Мы далеки отъ того, чтобы вѣрить въ непогрѣшимость всѣхъ подробностей, которыхъ мы касались въ продолженіе нашей статьи; но мы твердо убѣждены, что избранный нами путь есть самый вѣрный и самый плодотворный для науки о языкѣ и его исторіи. Многимъ, можетъ быть, покажется страннымъ, что мы разсматриваемъ организмы языка какъ реальныя существа, какъ вещи объективныя, между тѣмъ какъ привыкли смотрѣть на нихъ лишь какъ на слѣдствіе дѣятельности извѣстныхъ органовъ. Съ другой стороны, осторожность, рекомендуемая современною лингвистикою относительно языка еврейскаго, можетъ возбудить въ незнакомыхъ съ этимъ послѣднимъ сомнѣніе насчетъ выдержанности и общности указанныхъ нами законовъ его внутренняго механизма. Относительно перваго возраженія, мы, кажется, уже достаточно объяснились въ разныхъ мѣстахъ нашей статьи. Мы имѣли всегда въ виду языкъ въ природномъ его состояніи, въ отдаленнѣйшихъ стадіяхъ его естественнаго бытія, хотя, какъ мы уже показали, многіе указанные нами физическіе признаки оказываются охраненными и въ языкахъ позднѣйшаго образованія. Впрочемъ, относительно нашего взгляда на языкъ мы можемъ сослаться на авторитетъ отличнѣйшаго лингвиста Шлейхера: «Вещественное свойство языка и производимое этимъ свойствомъ въ слуховыхъ органахъ ощущеніе — говоритъ онъ — относятся между собою вообще какъ причина къ дѣйствію, какъ сущность къ проявленію; философъ сказалъ бы: они тожественны. Мы считаемъ себя по этому въ правѣ разсматривать языки какъ что-то вещественно-существующее, хотя и не можемъ ощупывать ихъ руками, или видѣть глазами, а воспринимаемъ ихъ почти однимъ только органомъ слуха» [1]).

Что же относится до приведенныхъ нами изъ языка еврейскаго примѣровъ, то мы твердо указываемъ на нихъ, какъ на факты, какъ на общіе существенные законы роста и развитія этого словеснаго организма; и какова бы ни была судьба высказанной нами мысли, подтвердится ли она или будетъ опровергнута,—законы эти остаются незыблемыми, подобно вѣчнымъ законамъ физической природы. Не какими-либо частными, изолированными явленіями старались мы поддерживать нашу гипотезу, а общими естественными законами, охватывающими собою все зданіе этого язы-

---

1) August Schleicher, Über die Bedeutung der Sprache für die Naturgeschichte des Menschen (Weimar 1865) S. 10.

ка. «Мы вѣримъ, по крайней мѣрѣ пока намъ не докажутъ противнаго,—говоритъ Максъ Мюллеръ,—что развитіемъ языка, какъ и всякаго другого произведенія природы, управляетъ законъ и порядокъ, и что измѣненія, замѣчаемыя нами въ исторіи человѣческой рѣчи, вызываются общими, *подлежащими опредѣленію*, законами» [1]). Если же сдѣланное нами опредѣленіе этихъ искомыхъ наукою законовъ вѣрно въ отношеніи къ языку нами разсмотрѣнному, то оно съ не меньшей достовѣрностью, конечно, должно быть примѣнено къ первобытному физическому состоянію всякаго языка вообще. Отъ этого же начала слѣдуетъ отправляться для отысканія степени взаимнаго внутренняго сродства различныхъ организмовъ человѣческой рѣчи.

Въ заключеніе намъ остается только пожелать безпристрастнаго обсужденія высказанной нами мысли со стороны людей болѣе насъ компетентныхъ въ этомъ дѣлѣ, — обсужденія, до котораго мы не рѣшаемся дать нашей мысли болѣе обширное примѣненіе къ разъясненію другихъ неразгаданныхъ еще сторонъ бытія человѣческаго языка.

О. Штейнбергъ.

---

[1]) Наука о языкѣ (1863), окончаніе VI-й лекціи.

ХАРАКТЕРИСТИКИ

ЛИТЕРАТУРНЫХЪ МНѢНІЙ

ОТЪ ДВАДЦАТЫХЪ ДО ПЯТИДЕСЯТЫХЪ ГОДОВЪ.

Историческіе очерки.

О нашей литературѣ, въ періодъ времени отъ двадцатыхъ до пятидесятыхъ годовъ, было писано и пишется столько, что нѣсколько трудно, быть можетъ, самонадѣянно, поднимать вновь столь извѣстный предметъ, не рискуя утомить читателя повтореніями. Намъ казалось однако, что независимо отъ всегдашней исторической важности предмета, которая вызываетъ новыя повѣрки мнѣній, въ этомъ предметѣ есть стороны, которыя еще не вполнѣ опредѣлились въ общихъ понятіяхъ и слѣдовательно еще нуждаются въ разъясненіи. Наша литературная критика была долго почти исключительно эстетическая. Такова она и должна была быть, когда шла рѣчь объ опредѣленіи основныхъ литературныхъ понятій и объ указаніи относительнаго поэтическаго достоинства писателей; съ той же точки зрѣнія она указывала ихъ историческое значеніе, какъ развитіе художественнаго пріема литературы, ея эстетическое созрѣваніе, ея стремленіе къ самобытности въ изображеніи своеобразной народной жизни. Отношенія литературы къ дѣйствительности эта критика касалась настолько, сколько это нужно было для пониманія данныхъ произведеній. Эта точка зрѣнія держалась до послѣдняго времени, за исключеніемъ весьма немногихъ случаевъ, гдѣ историческій вопросъ поставленъ былъ шире и многостороннѣе. Но литературное раз-

витіе имѣетъ и другой интересъ: исторія литературы входитъ въ цѣлую исторію общества, и на литературѣ мы имѣемъ возможность слѣдить возрастаніе общественнаго самосознанія. И безъ сомнѣнія, эта сторона предмета и имѣетъ наибольшую историческую важность. Въ наше время литература рѣдко поднимается до высшаго совершенства художественной красоты, гдѣ произведеніе является широкой объективной картиной человѣческой природы, или цѣлаго общества; картиной, имѣющей болѣе прочное значеніе, чѣмъ временный интересъ обыкновенныхъ явленій литературы. Литература больше связана теперь съ непосредственными явленіями общественной и политической жизни; она подаетъ объ нихъ свой голосъ въ поэтическомъ произведеніи, какъ въ публицистикѣ. Любимой формой изящной литературы сталъ романъ и повѣсть,—вмѣстѣ съ тѣмъ таже самая жизнь изображается прямо, внѣ области фантазіи, въ публицистикѣ, которая высказываетъ ея интересы, служитъ отголоскомъ ея борьбы, и отсюда въ литературѣ поэтической элементъ реальный становится еще сильнѣе. Если и чисто художественное, объективное произведеніе должно служить не только идеѣ красоты, но и идеѣ добра и правды, и слѣдовательно быть орудіемъ общественнаго улучшенія, то произведенія менѣе объективныя связываются съ общественной жизнью еще болѣе тѣснымъ образомъ: онѣ, быть можетъ, дѣйствуютъ менѣе возвышенными средствами, но съ большей страстью, съ большей силой убѣжденія и съ бо́льшимъ непосредственнымъ вліяніемъ на умы. Общественныя и поэтическія достоинства писателя, и произведенія могутъ не всегда совпадать, и легко могутъ имѣть различную цѣну для той исторіи литературы, о какой мы говоримъ,—исторіи съ общественной точки зрѣнія.

Это сопоставленіе литературы съ непосредственной жизнью, собственно говоря, только и можетъ указать дѣйствительное значеніе историческаго прогресса литературы. Нельзя сказать, чтобы до сихъ поръ оно было достаточно ясно. Очевидно, между тѣмъ, что для оцѣнки этого историческаго прогресса надо взять въ разсчетъ цѣлыя условія существованія литературы, общественную обстановку, въ которой ей приходилось дѣйствовать, ея дѣйствительный (часто, за полной невозможностью, не высказанный на словахъ) смыслъ. Только опредѣленіе этихъ общихъ условій и указываетъ настоящую жизненную цѣну литературы, указываетъ ея объемъ, возможность и размѣры ея вліянія и т. д. Если литература имѣетъ свою роль въ историческомъ движеніи, какъ одинъ изъ развивающихъ элементовъ національной жизни, то понятно, что сила ея вліянія, т.-е. ея историческая цѣнность, опредѣлится всѣми условіями ея существованія: она существуетъ

въ данномъ обществѣ, въ данныхъ условіяхъ историческихъ преданій, учрежденій, образованія и т. д., и эти условія впередъ указываютъ ей извѣстные предѣлы, налагаютъ на нее извѣстный характеръ. Таланты различной величины могутъ обогащать ее болѣе или менѣе замѣчательными проявленіями поэтическаго дара; но эти таланты дѣйствуютъ въ извѣстной обстановкѣ, которая даетъ направленіе ихъ творчеству, такъ или иначе обусловливаетъ ихъ содержаніе и т. д. Такъ,—если взять одинъ примѣръ вліянія этихъ общихъ условій,—въ послѣднее время и у насъ было не мало говорено о стѣснительномъ дѣйствіи цензуры: но цензура есть только одно частное проявленіе цѣлаго порядка понятій, который и безъ нея оказывалъ бы стѣсняющее вліяніе на литературу, и при ней также его оказываетъ, какъ извѣстная консервативная косность, слишкомъ большое присутствіе которой въ обществѣ неизбѣжно съуживаетъ границы литературы.

Съ начала нынѣшняго столѣтія въ нашей литературѣ много говорилось о народности, достиженіе которой ставилось цѣлью литературы; въ разное время писатели и критика убѣждались, что народность наконецъ достигнута. Такъ по ихъ мнѣнію достигалъ ея Жуковскій въ нѣкоторыхъ изъ его произведеній на русскіе сюжеты; такъ достигалъ ея Крыловъ въ своихъ басняхъ; потомъ Пушкинъ, наконецъ Гоголь. Вопросъ шелъ о томъ, что поэтическая литература дѣйствительно выходила, мало-по-малу, изъ своего искусственно-подражательнаго періода: названные писатели дѣлали каждый свои успѣхи въ томъ, чтобы усвоить литературѣ русскія темы и русскія краски, достигнуть самостоятельнаго пониманія... Можно сказать, что съ Пушкинымъ, а особенно съ Гоголемъ эта цѣль была достигнута. Литература стала дѣйствительно народной или національной, потому что она была уже совершенно своеобразна и самобытна въ своихъ пріемахъ, мысли, тонѣ и формѣ. Литературная исторія излагала процессъ этого усовершенствованія.

Но за этимъ оставался другой вопросъ объ отношеніяхъ литературы къ народности — именно о положеніи литературы, какъ средства и выраженія образованности и самосознанія, въ средѣ цѣлой національной жизни. Національность, взятая въ обширномъ смыслѣ, совмѣщаетъ всѣ тѣ внутреннія и внѣшнія условія существованія литературы, о которыхъ мы выше говорили и которыя существеннымъ образомъ дѣйствуютъ на весь ея характеръ и движеніе. Не трудно видѣть, что національность отражается на произведеніяхъ писателя не только въ смыслѣ извѣстной примѣты, мѣстнаго колорита, физіономіи, но кладетъ на него и болѣе глубокій отпечатокъ. Соединяя въ себѣ весь характеръ обще-

ственной жизни, господствующихъ понятій, уровня образованности, національность прямо и существенно отражается на самомъ *содержаніи*—большей или меньшей степенью самостоятельности и серьезности мысли, не только въ художественной, но и въ научной дѣятельности,—какъ ни странно это сказать.

Въ какомъ же отношеніи стояло развитіе русской литературы къ національнымъ даннымъ русской жизни, если мы понимаемъ литературу, какъ одно изъ средствъ и выраженій умственнаго и общественнаго развитія народа, и національность, какъ совокупность особенностей и историческихъ условій народа: насколько эти особенности и условія были благопріятны или неблагопріятны для литературы, какой характеръ она получала подъ ихъ вліяніемъ, какъ ставилось при этомъ дѣло національной образованности, какіе были пріобрѣтены результаты?

Возвратимся къ общему понятію о національности и ея отношеніяхъ къ образованію.

Національность, какъ собраніе отличительныхъ особенностей народа въ данное время, состоитъ не въ однихъ внѣшнихъ особенностяхъ, не въ одномъ формальномъ складѣ народнаго ума и народной фантазіи. Ея характеръ въ данный историческій періодъ складывается, между прочимъ, и подъ вліяніемъ того содержанія понятій, количества знаній, какія доставались народу въ его прошедшемъ, а затѣмъ оказываютъ сильное дѣйствіе и на его настоящее. Вліяніе этого условія можетъ быть весьма различно,—и благопріятно, и неблагопріятно. Если знаній было немного, если привычка къ умственному труду была не велика, то и ходъ умственнаго развитія необходимо замедляется, и оно не можетъ быть самостоятельно, по крайней мѣрѣ вполнѣ самостоятельно. Если свойства народнаго ума, его живость и воспріимчивость, могутъ сообщать литературѣ болѣе оживленное движеніе, то съ другой стороны, прошедшій застой и недостатокъ пріобрѣтеній въ прежнее время стѣсняютъ это движеніе запоздалымъ пониманіемъ массъ, которое вообще и бываетъ главнымъ тормазомъ умственнаго успѣха. Мы очень ясно сознаемъ это, когда сравниваемъ образованность и цивилизацію разныхъ народовъ; мы соглашаемся, что русскій народъ въ этомъ отношеніи чрезвычайно уступаетъ другимъ міровымъ націямъ; но мы все еще рѣдко соглашаемся, что это обстоятельство должно прямо отражаться и на объемѣ понятій, какимъ мы вообще владѣемъ, рѣдко допускаемъ, что одно это обстоятельство должно бы ограничить наше самомнѣніе и самонадѣянность. Запасъ понятій и знаній, принадлежащихъ народу, именно и составляетъ одно изъ важнѣйшихъ обстоятельствъ національной жизни. Было бы большой

ошибкой забывать это общее условіе въ изображеніи историческаго хода литературы, —этому условію подчинены самыя высокія созданія національныхъ поэтовъ и писателей, подчинена вообще умственная производительность, и слѣдовательно весь ходъ образованія и національнаго прогресса.

Но если въ исторіи литературнаго развитія (понимаемаго какъ выраженіе и средство умственной жизни народа) необходимо принимать въ соображеніе эти условія національности и всей внѣшней обстановки, то не слѣдуетъ думать, чтобы онѣ имѣли значеніе фаталистическое и только подавляющее. Въ наше время, особенно новѣйшіе славянофилы, опять очень много говорятъ о національности, и именно въ этомъ фаталистическомъ смыслѣ, обращая впрочемъ его неблагопріятную сторону къ гнилому Западу, а благопріятную — къ намъ. Въ характерѣ національности видятъ нѣчто предопредѣленное, разъ данное и неизмѣнное. Такое понятіе о предметѣ предполагала та школа оффиціальной «народности», которая въ тридцатыхъ годахъ совмѣстила характеристику русской жизни и ея принциповъ въ три извѣстные символа. Такое почти понятіе предполагаетъ и школа славянофильская, старая и новая.

Извѣстныя «начала» народности представляются здѣсь какъ что-то прирожденное народу при самомъ его происхожденіи; они хранятся незыблемо въ теченіе исторической жизни, часто на перекоръ волненіямъ и перемѣнамъ, происходящимъ въ высшемъ слоѣ націи. Защитники теоріи ссылаются на удивительную живучесть народнаго обычая, повѣрья, сказки и т. д., дѣлаютъ наконецъ изъ народности, построяемой на этихъ и подобныхъ основаніяхъ, цѣлыя системы, которыя и выдаютъ за обязательныя. Довольно извѣстно, какъ эти доктрины бывали натянуты и искусственны: это и было понятно, потому что самое основаніе ихъ очень непрочно.

Въ самомъ дѣлѣ, національность вовсе не неподвижна; напротивъ, какъ стихія историческая, она способна къ видоизмѣненію и усовершенію, и въ этомъ состоитъ возможность и надежда прогресса. Не входя въ вопросъ о физіологическихъ свойствахъ національности, — вопросъ еще слишкомъ мудреный и мало изслѣдованный, — нельзя не видѣть, что умственное содержаніе націи чрезвычайно измѣняется отъ одного періода до другого. Народные принципы переживаютъ всю историческую жизнь народа, которая оставляетъ на нихъ свой глубокій отпечатокъ. Та живучесть, которую въ нихъ указываютъ, въ сущности бываетъ только призрачная. Намъ часто указываютъ тысячелѣтнія народныя преданія, доходящія дѣйствительно до временъ языческаго

и патріархальнаго быта; но не слѣдуетъ забывать, что эти преданія на дѣлѣ совершенно потеряли смыслъ, нѣкогда ихъ оживлявшій: народъ вовсе не соединяетъ съ ними *теперь* такого значенія, какое онѣ имѣли для него *прежде*; ихъ прежній смыслъ забытъ, и если мы начинаемъ теперь его угадывать, то это благодаря вовсе не народной памяти, а благодаря новѣйшему историческому знанію, послѣ многотрудныхъ изученій, сравненій и т. д. европейской науки, которая начинаетъ уразумѣвать ихъ силой научнаго изслѣдованія, какъ начала понимать египетскіе гіероглифы, остававшіеся въ теченіе тысячелѣтій мертвыми знаками. Не можетъ быть, конечно, и рѣчи о томъ, чтобы этотъ вновь открываемый смыслъ народнаго преданія могъ оживиться для народа,—какъ не можетъ жить еще разъ гіероглифическая мудрость. Единственный и драгоцѣнный плодъ этого открытія, совершенно достойный положенныхъ на него усилій, будетъ обогащеніе и разъясненіе нашего историческаго знанія, а не воскрешеніе мумій:

Спящій въ гробѣ мирно спи....

Съ другой стороны, эта живучесть не должна вводить въ заблужденіе о внутренней цѣнности преданія. Преданіе, конечно, носило на себѣ всѣ черты эпохи своего происхожденія: какъ въ религіи и пониманіи природы оно руководилось въ началѣ болѣе или менѣе грубымъ фетишизмомъ и антропоморфизмомъ, такъ и въ нравственно-бытовыхъ представленіяхъ оно исходило изъ инстинктивнаго чувства и рѣшало свои вопросы для тѣсной сферы существовавшихъ отношеній. Какъ странно было бы имѣть иной интересъ, кромѣ историческаго, къ религіознымъ миѳамъ преданія, такъ странно было бы считать обязательной и археологически отысканную мораль. Доктринеры народности обыкновенно возстаютъ съ негодованіемъ противъ такого заключенія, и ссылаются на «уваженіе» къ народу, на тотъ мнимо-историческій выводъ, что въ народномъ преданіи и заключаются единоспасающіе принципы, которые мы должны стремиться только уразумѣть и исполнять. Но эти ссылки или непродуманы, или лицемѣрны. Историческое движеніе народа заключается вовсе не въ одномъ развитіи и усовершенствованіи его исконныхъ представленій, какъ утверждаютъ доктринеры, а также и въ пріобрѣтеніи и созданіи понятій, совершенно новыхъ, приходившихъ иногда изъ совсѣмъ чужого источника или подъ чужими вліяніями, и совершенно непохожихъ на прежнія,—какъ христіанство, пришедшее изъ Византіи, не было похоже на старое язычество, какъ удѣльно-вѣчевой бытъ, отразившій въ себѣ варяжскія вл-

нія, былъ непохожъ на бытъ патріархальный, или какъ впослѣдствіи, московское самодержавіе, образовавшееся подъ вліяніями восточными и византійскими, не было похоже на удѣльно-вѣчевую систему, какъ научныя понятія о природѣ, пріобрѣтенныя готовыми съ Запада, были непохожи на средневѣковое суевѣріе. Было бы исторической нелѣпостью утверждать, чтобы все это новое было только «развитіемъ» какого-нибудь основного народнаго принципа, или чтобы народный организмъ перерабатывалъ это, оставаясь вѣренъ прежнему характеру и прежнимъ основнымъ нравственно-политическимъ идеямъ. Вновь пріобрѣтаемое часто бываетъ совершенно чуждо народу, и принимая его, народъ, хотя и можетъ иногда нѣсколько видоизмѣнять его, но въ тоже время подчиняется самъ вліянію вновь пріобрѣтаемаго; а очень часто это послѣднее бываетъ таково, что не можетъ подлежать никакому видоизмѣненію, и должно быть или прямо принимаемо, или прямо отвергаемо. Таковы въ особенности понятія научныя, какъ, напр., тѣ, которыя ознаменовываютъ новую европейскую образованность и которыя съ Петра Великаго стали наконецъ проникать и къ намъ. Эти научныя истины были таковы, что съ ними для стараго преданія не было возможно никакое примиреніе и ограниченіе: средневѣковыя представленія должны были неизбѣжно уступать; въ теоретическомъ отношеніи здѣсь не могло быть спора, практически онѣ вызываютъ противъ себя гоненіе отъ приверженцевъ старины, когда обнаружилась ихъ непримиримость со старыми преданіями, и ихъ борьба составляетъ первостепенный интересъ въ національномъ развитіи. Дѣло въ томъ, что эти истины вовсе не были безразличными отвлеченностями; напротивъ, онѣ захватывали самыя коренныя представленія народа, которыя и должны были измѣняться существенно отъ ихъ вліянія. Такъ новыя понятія о природѣ съ перваго раза сокращали средневѣковую область чудеснаго, которая была такъ обширна въ средніе вѣка и оказывала столь сильное дѣйствіе и на самыя нравственныя и общественныя понятія. Эта сила научно-логическаго движенія совершенно независима отъ всякихъ національныхъ обстоятельствъ; эти научныя истины одинаково чужды и безразличны всѣмъ національностямъ, и если народъ принимаетъ ихъ, онъ принимаетъ ихъ какъ новый элементъ, входящій въ его нравственную натуру, какъ образовательную силу величайшей важности... Что касается до уваженія къ народу, оно, конечно, состоитъ не въ лелѣяніи его наивности и его археологическихъ заблужденій: уваженіе къ народу вовсе не требуетъ согласія съ тѣмъ, что можетъ быть ошибочнаго въ его представленіяхъ, не требуетъ

согласія съ его заблужденіями, хотя бы общими, но происходящими отъ недостатка образованности; оно состоитъ въ томъ, чтобы желать народу возможно бо́льшаго образованія, возможно бо́льшей самостоятельности и благосостоянія, чтобы онъ могъ бо́льшимъ количествомъ силъ участвовать въ движеніи своей образованности и литературы, въ выгодахъ общественной и политической жизни, которыя оставались до-сихъ-поръ удѣломъ привилегированныхъ, — словомъ, уваженіе къ народу состоитъ въ желаніи ему тѣхъ умственныхъ и матеріальныхъ, общественныхъ благъ, которыя принадлежатъ высшему образованному классу и которыхъ онъ былъ до-сихъ-поръ лишенъ, и въ стремленіи содѣйствовать, сколько возможно, осуществленію этого желанія. Народъ надо «возлюбить какъ самого себя», и слѣдовательно стремиться дать ему умственный уровень, соотвѣтствующій уровню другихъ слоевъ, а «прочая приложатся»....

Доктринеры народности ошибаются и въ томъ, когда думаютъ, что народъ всегда ревниво и вполнѣ сознательно хранитъ свои преданія, и самъ подтверждаетъ ихъ неприкосновенность. Нѣтъ ничего ошибочнѣе этой мысли. Народъ вовсе не имѣетъ подобныхъ взглядовъ и подобныхъ цѣлей. Преданія хранятся, потому что ничто не приходитъ замѣнять ихъ; народная жизнь, издавна и почти вездѣ до послѣдняго времени, была жизнь «темная», по собственному признанію народа: онъ долго сберегалъ фантастическія представленія язычества, потому что учители новой религіи слишкомъ плохо ему ее преподавали и не внушали иныхъ воззрѣній, которыя притомъ ослаблялись и практикой жизни, сохранившей всю языческую несправедливость и суровость; потомъ, когда мало-по-малу его религіозныя идеи получили болѣе опредѣленный христіанскій характеръ, онъ точно также сберегалъ свои понятія обрядоваго благочестія, для дальнѣйшаго болѣе духовнаго развитія которыхъ онъ не имѣлъ средствъ. Съ этими понятіями большинство остается до сей поры, такъ какъ степень его умственнаго развитія мало еще отличается отъ его степени въ XVII-мъ столѣтіи. Но что даже этотъ «темный» народъ, если разъ въ немъ возбуждается пытливость, не останавливается передъ обязательностью преданія,— объ этомъ свидѣтельствуютъ такія народныя движенія, какъ и расколъ. Явившись первоначально съ характеромъ консервативной оппозиціи противъ предполагаемыхъ нововведеній, расколъ уже вскорѣ самъ идетъ на такія нововведенія, которыя совершенно устраняютъ два основные авторитета старой жизни—авторитетъ церковный и авторитетъ власти. Не забудемъ, что расколъ обнималъ и обнимаетъ цѣлую громадную часть русскаго племени.

Такимъ образомъ, въ средѣ самого народа самыя исконныя и самыя существенныя преданія отступали передъ новыми порывами мысли,—справедливыми или ошибочными, это другой вопросъ: во всякомъ случаѣ народъ вовсе не считаетъ себя связаннымъ и даетъ просторъ разъ пробуждающейся мысли. И въ этомъ разнорѣчіи двухъ, хотя неравныхъ, но огромныхъ частей народа, на чью сторону мы причислимъ истинную послѣдовательность «народнымъ принципамъ»? Здѣсь нѣтъ возможности говорить о какомъ-либо постороннемъ возмущающемъ вліяніи; разладъ совершался въ одномъ и томъ же народномъ слоѣ, жившемъ подъ одними внѣшними условіями, безъ всякихъ внѣшнихъ возбужденій, съ однимъ характеромъ образованія и т. д.

Очевидно, что къ той же категоріи должно быть причислено и то новое умственное движеніе, съ Петра Великаго, которое доктринеры обыкновенно обвиняютъ какъ отчужденіе отъ народа и т. п. Это движеніе дѣйствительно отдѣлялось отъ непосредственной традиціи, оно создало или по крайней мѣрѣ начало въ образованномъ классѣ новую цивилизацію, слишкомъ часто шедшую наперекоръ стародавнему обычаю; но странно говорить, что оно «измѣняло» народному пути, что оно дѣлало напрасный поворотъ въ другую сторону. На самомъ дѣлѣ, это движеніе, въ концѣ концовъ, возвращалось къ тому же народному основанію, — послѣ всѣхъ своихъ колебаній и различно направленныхъ усилій, оно стремилось слиться съ дѣломъ самого народа. Были здѣсь, какъ всегда, частныя крайности и преувеличенія, ошибки и несчастія, но въ цѣломъ вся реформа Петра и вся исторія начавшейся съ тѣхъ поръ новой умственной жизни составляютъ глубоко національное дѣло, болѣе національное, чѣмъ тѣ преданія, которымъ противополагали ихъ доктринеры. Старыя преданія изжили свой вѣкъ; онѣ уже не въ силахъ были помогать націи и государству въ тѣхъ обстоятельствахъ, въ какія ихъ ставило время, и тѣмъ самымъ ихъ прежняя господствующая роль была кончена, и дано было право новымъ идеямъ. Петръ Великій былъ первый «отрицатель», употребляя нынѣшнее выраженіе, и несмотря на то, или именно за то, онъ представляетъ собой одного изъ величайшихъ «національныхъ» героевъ Россіи, — потому что онъ отрицалъ отживавшее и искалъ источниковъ новой жизни. Съ него начинается тотъ критическій взглядъ на національную жизнь, который въ многоразличныхъ формахъ и школахъ доходитъ до нашего времени, — къ сожалѣнію и теперь еще не получивши себѣ настоящаго права гражданства. Этотъ взглядъ становился постепенно все глубже и серьезнѣе, онъ распространялся на

новые предметы, но никогда онъ не былъ никакой «измѣной» національности, какъ теперь часто стали нелѣпо и легкомысленно употреблять это выраженіе о людяхъ, не льстившихъ національнымъ предразсудкамъ, слабостямъ и порокамъ. Такими критиками національной жизни были и тѣ люди, стоявшіе во главѣ новѣйшаго литературнаго движенія, о которыхъ мы хотимъ говорить въ настоящихъ статьяхъ. Это были люди весьма несходныхъ мнѣній, люди, часто стоявшіе въ самыхъ враждебныхъ отношеніяхъ, были «славянофилы» и «западники», — но всѣ они, насколько въ нихъ дѣйствовала критическая мысль и стремленіе къ самосознанію, всѣ они были равно друзьями народа, одинаково служили народному интересу; нелѣпо было бы дѣлить ихъ на партіи «народную» и «не-народную» и ссылаться на ходившія когда-то прозвища литературныхъ школъ. Врагами истинно «народнаго» были люди только одной категоріи — обскуранты, притѣснители критической мысли; хотя они также часто прикрывались «народностью», искусственно натянутой изъ оффиціальной жизни и наивныхъ преданій массы.

Такимъ образомъ, исторія даетъ два многозначительные вывода. Во-первыхъ, что національность, сохраняя свою особность, была весьма различна въ разные историческіе періоды, воспринимая вліянія извнѣ и, часто съ большой ихъ помощью, и даже только благодаря ей, развиваясь внутри. Во-вторыхъ, что сама народная жизнь представляетъ примѣры критическаго отношенія народа къ условіямъ его жизни и къ нравственно-политическимъ началамъ, выработаннымъ стариной и сохраняемымъ въ преданіи.

Въ чемъ же состояло развитіе нашего національнаго ума? Со временъ Петра Великаго русская жизнь становится лицомъ къ лицу съ тѣми успѣхами цивилизаціи и научнаго мышленія, какіе были пріобрѣтены европейскимъ міромъ въ періодъ среднихъ вѣковъ, когда Россія была занята борьбой съ азіатскими варварами, усвоеніемъ немногихъ плодовъ византійскаго образованія и основаніемъ государства. Начался періодъ умственныхъ заимствованій. Доктринеры народности не могутъ доселѣ простить Петру Великому его смѣлаго шага въ этомъ направленіи, и все еще винятъ его въ разныхъ ошибкахъ. Періодъ заимствованій, «петербургскій періодъ», все еще кажется имъ временемъ какого-то плѣненія вавилонскаго; на него взваливали они все, чтó было тяжелаго въ реформѣ и ея послѣдствіяхъ, и не умѣя цѣнить ея исторической неизбѣжности и необходимости, въ тоже время несправедливо приписывали ей многія суровыя стороны XVIII-го вѣка, которыя были просто

прямымъ наслѣдіемъ XVII-го русскаго столѣтія, — какъ, напр., въ особенности такимъ прямымъ наслѣдіемъ русской старины былъ неограниченный абсолютизмъ Петра, а затѣмъ и его преемниковъ.

Но, собственно говоря, этотъ періодъ зависимости и подражанія вовсе не составляетъ чего-нибудь особеннаго въ исторіи и такого, чѣмъ мы могли бы огорчаться. Это одно изъ множества явленій, повторяющихся въ исторіи цивилизаціи. Съ тѣхъ поръ, какъ завязалось зерно европейской цивилизаціи, — неоспоримо идущей ко всемірному господству и дѣлающей теперь въ этомъ отношеніи огромныя завоеванія, — ея исторія представляетъ много примѣровъ, совершенно аналогичныхъ. Ея распространеніе не было равномѣрно; центръ тяжести ея лежалъ въ различныхъ націяхъ, къ которымъ тогда и тяготѣли другіе народы, хотѣвшіе ее усвоить. Въ древнемъ мірѣ этимъ центромъ ея была Греція, сильному вліянію которой подчинился покорившій ее Римъ; въ свою очередь Римъ въ средніе вѣка сталъ такимъ центромъ для западной Европы, которая отдала въ его руки величайшій нравственный и политическій авторитетъ; подобнымъ центромъ стала вновь Италія въ эпоху возрожденія; раздвоеніе западнаго міра въ періодъ реформаціи создало нѣсколько отдѣльныхъ центровъ; въ XVIII-мъ столѣтіи господствуетъ французская образованность и т. д. Въ цѣломъ, европейская цивилизація была результатомъ общаго труда европейскихъ народовъ, такъ что трудно сказать, кому принадлежала бо́льшая доля труда и заслуги—итальянцамъ, французамъ, нѣмцамъ или англичанамъ; но каждая изъ главныхъ европейскихъ націй въ различные моменты и въ различныхъ отношеніяхъ занимала передовое мѣсто, и всѣ болѣе или менѣе подчинялись чужимъ вліяніямъ, когда нужно было усвоить пріобрѣтенія, сдѣланныя другими...

Не иная была и роль Россіи. Когда она, вышедши изъ національной исключительности, вступила на свою новую и неизбѣжную дорогу, ей не оставалось ничего другого, какъ усвоить себѣ сколько возможно тѣ вещи, въ которыхъ Европа неоспоримо ее опередила. Оставаться въ прежней замкнутости было невозможно: покинуть ее принуждали Россію и собственные инстинкты цивилизаціи, и необходимость, потому что сосѣдство съ сильными цивилизованными странами грозило бы самой серьезной опасностью для страны менѣе цивилизованной. Съ Петра Великаго и до сихъ поръ не прерывается рядъ заимствованій и подражаній; новыя знанія, теоретическія и практическія, новые нравы внесли и вносятъ въ русскую жизнь эле-

менты, которые должны неизбѣжно или разлагать старую жизнь, или возвышать ее до новаго, европейскаго уровня. Заимствованія, какъ мы сказали, не прерываются съ Петра и до нашего времени. У насъ неоднажды распространялись мнѣнія, еще въ XVIII-мъ вѣкѣ, потомъ въ двадцатыхъ, тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ, наконецъ въ наши послѣдніе годы, что пора заимствованій уже кончилась, что мы пріобрѣли самостоятельность, что намъ теперь постыдно подражать и заимствовать, надо имѣть свою русскую науку и т. п. Не нужно много говорить о томъ, какое заключается въ этомъ самообольщеніе. Достаточно и теперь осмотрѣться кругомъ себя, чтобы видѣть, какъ, наперекоръ ребяческому самохвальству, въ нашей жизни еще мало этой самостоятельности: мы заимствуемся отъ Европы учрежденіями (и хорошими, и плохими); изъ нашихъ ученыхъ, люди, сколько-нибудь серьезные, доканчивали свои занятія за границей; оттуда мы беремъ и способы вооруженія и образчики учрежденій противъ печати; прусскій примѣръ вводитъ къ намъ гороховую колбасу,— и въ томъ же прусскомъ или англійскомъ примѣрѣ находятся для нашего общества наиболѣе убѣдительные аргументы за или противъ классическаго образованія; русская промышленность даже не посягаетъ на многія отрасли, повидимому совершенно для нея возможныя, — но закрытыя для нея превосходствомъ европейской промышленности и собственной неумѣлостью; въ торговлѣ мы до сихъ поръ составляемъ предметъ эксплуатаціи;— объ литературѣ мы будемъ говорить дальше.

Словомъ, фактъ зависимости не можетъ подлежать сомнѣнію ни для одного безпристрастнаго человѣка. Но заимствованія и усвоеніе европейскаго содержанія и собственныя стремленія литературы, къ ея идеальнымъ и научнымъ цѣлямъ не могли идти безъ борьбы. Въ русской жизни началась сложная работа, потому что новые элементы не могли вдругъ получить мѣста въ русскомъ быту и понятіяхъ. Въ самомъ началѣ реформа встрѣтила сопротивленіе въ народныхъ массахъ. Это сопротивленіе имѣло, главнымъ образомъ, двоякій смыслъ, — съ одной стороны оно вызывалось излишней жестокостью и крайностями, съ какими Петръ совершалъ свои нововведенія, и въ этомъ случаѣ былъ правъ народъ; съ другой стороны, сопротивленіе шло противъ самой сущности нововведеній, это было просто сопротивленіе невѣжества, и здѣсь былъ правъ Петръ. Это сопротивленіе темной массы, сопротивленіе пассивное, до сихъ поръ осталось печальнымъ спутникомъ нашего образованія, — и мы увидимъ, какъ впослѣдствіи доктринеры народности сдѣлали это явленіе еще болѣе печальнымъ: они думали найти

здѣсь новый аргументъ противъ европеизма, и втягивали народъ въ союзники своихъ теорій, воспитывавшихъ вредное самообольщеніе и приходившихъ къ прямому обскурантизму.

Къ сожалѣнію, вражда и недовѣріе народа къ новому образованію были весьма естественны. Образованіе (которое Петру приходилось навязывать насильно даже въ высшемъ сословіи) надолго, почти до послѣдняго времени, осталось исключительной принадлежностью дворянства и вообще верхняго слоя (духовенство имѣло свое особое образованіе, уходившее очень недалеко); народъ не находилъ въ немъ ничего для себя или, напротивъ, видѣлъ въ немъ только новыя бѣды: крѣпостное и чиновническое угнетеніе отъ «образованныхъ» людей приходилось еще тяжеле. Въ прежнемъ быту еще возможна была извѣстная простота патріархальныхъ нравовъ и привычекъ, которая дѣлала иго болѣе сноснымъ; теперь помѣщики и чиновничество, хотя и полуобразованные, несравненно больше отдѣлились отъ народа; по нравамъ и понятіямъ они стали ему чужими, и гнетъ ихъ сталъ невыносимъ. Для самой народной массы образованіе было почти недоступно: въ теченіе цѣлаго XVIII-го вѣка, и до самаго уничтоженія крѣпостного права, образованіе было юридически невозможно для всего крѣпостного населенія; вслѣдствіе указанной антипатіи къ образованію, а также и вслѣдствіе недостатка школъ и бѣдности, оно невозможно было и для некрѣпостного низшаго слоя. Понятно, что все это должно было страшно замедлять дѣло образованія: оно ограничивалось немногочисленнымъ высшимъ сословіемъ; у него отнималось множество силъ, какія могли бы быть доставлены всей націей,—и примѣръ Ломоносова показываетъ, какого размѣра могли бывать эти силы; наконецъ, оно затруднялось до трудно измѣримой степени той отрицательной силой, какую представляло невѣжество массы,—потому что это невѣжество составляло цѣлую стихію, которая всегда должна была поддерживать всякія реакціи обскурантизма, безпрестанно происходившія въ высшихъ сферахъ.

Эти реакціи были дѣйствительно безпрестанны и также естественны. При Петрѣ реформа и забота объ образованіи были дѣломъ правительственнымъ, и правительство не думало опасаться, чтобы образованіе могло повести къ какимъ-нибудь неудобствамъ: мысль еще не была возбуждена, и самое образованіе, распространяемое правительствомъ и служившее только чисто государственнымъ нуждамъ, имѣло слишкомъ тѣсный практическій характеръ. Но уже вскорѣ являются съ одной стороны нѣкоторые признаки самостоятельнаго движенія въ обществѣ, съ другой, рядомъ, являются со стороны правительства опасенія вольно-

думства. Еще при Петрѣ совершилось нѣсколько исторій подобнаго рода и начиналось преслѣдованіе вольнодумства въ религіозныхъ предметахъ. Впослѣдствіи, правительство, при пособіи духовенства, обращаетъ все больше и больше вниманія на то, чтобы не проникали вредныя умствованія, въ числѣ которыхъ считалась между прочимъ и Коперникова система. Однимъ словомъ, первые признаки самостоятельной мысли, или первыя нѣсколько серьезныя заимствованія изъ иностранной литературы были встрѣчены недовѣріемъ, запрещеніемъ и преслѣдованіемъ. Дѣло образованія затруднилось новымъ препятствіемъ — со стороны правительства. Послѣднее желало образованія только до извѣстной степени, только для непосредственныхъ практически полезныхъ примѣненій; всякая мысль, которая расходилась съ принятыми правительственными и церковными взглядами, считалась «развратомъ», какъ считался таковымъ и домашній расколъ. Правительство не задумывалось о томъ, отчего могли являться эти мысли, не считало возможнымъ, чтобы въ нихъ могла иной разъ быть и правда; — оно безъ разсужденій ихъ преслѣдовало. Оно не допускало, и вѣроятно не понимало мысли, что наукѣ нуженъ свой просторъ, что она можетъ быть дѣйствительно производительной силой только при условіи извѣстной свободы; въ правительствѣ, напротивъ, мало-по-малу составлялось и наконецъ, къ нынѣшнему столѣтію (и здѣсь также не безъ европейскихъ указаній изъ извѣстнаго источника) крѣпко утвердилось понятіе, что науки бываютъ хорошія и дурныя, полезныя и вредныя, что первыя похвальны, а вторыя достойны истребленія и т. д. Бывали періоды, когда опасеніе и недовѣріе къ наукамъ повидимому проходило, какъ, напр., въ началѣ царствованія Екатерины, въ началѣ царствованія Александра, но затѣмъ опасеніе возрождалось опять, и къ тому періоду, о которомъ мы будемъ говорить, предубѣжденіе противъ науки созрѣло вполнѣ и организовалось въ крайне подозрительную цензуру и въ преслѣдованіе всякихъ вольныхъ мыслей.

Это явленіе, какъ мы сказали, не удивительно. Настоящая наука, съ неизбѣжно для нея необходимой свободой мысли, не существовала у насъ никогда. Реформа вводила къ намъ только прикладную науку, тѣ приложенія ея, которыя сочтены были необходимыми для матеріальной пользы государства, понимаемой односторонне. Между тѣмъ знакомство русскихъ образованныхъ людей съ западной литературой не могло не познакомить ихъ и съ дѣйствительно свободной наукой; въ русской литературѣ и въ обиходѣ понятій стали появляться мнѣнія, выходившія изъ свободной европейской мысли и совершенно не подходившія

къ господствующему режиму. Этотъ режимъ не допускалъ ни малѣйшаго признака свободнаго разсужденія; онъ не имѣлъ для этого достаточной образованности, которая одна могла бы показать всю невинность просыпающейся наклонности къ серьезной мысли, и одна могла бы внушить вниманіе къ ея начинающимся попыткамъ. Но въ нашемъ XVIII-мъ вѣкѣ и послѣ не нашлось ни Іосифа, ни Фридриха; потому что имп. Екатерина, которая сначала пошла-было по этому пути, уже скоро оставила его и возвратилась къ системѣ временъ Анны и Елизаветы. Французская революція послужила еще къ большему убѣжденію въ необходимости строгаго надзора; наши высшія сферы раздѣляли страхъ эмигрантовъ и ихъ ненависть къ новымъ идеямъ: никто конечно не бралъ на себя труда разграничить увлеченія и крайности отъ спокойнаго свободнаго изслѣдованія; всякая нѣсколько смѣлая и необычная мысль была сочтена за революціонное ученіе, и опасность революціи стали находить даже у насъ — въ обществѣ полу-младенческомъ. Это было съ одной стороны предчувствіе, что въ обществѣ зарождается какое-то новое движеніе, которое не хочетъ довольствоваться предписанными рамками и ищетъ себѣ простора: по мнѣнію власти, авторитетъ ея оскорблялся этимъ притязаніемъ на независимость, и она съ негодованіемъ отвергала его. Съ другой стороны это былъ страхъ: наши перевороты XVIII-го столѣтія долго питали страхъ тайныхъ интригъ и заговоровъ, а французская революція перемѣстила этотъ страхъ и заставила бояться движеній самого общества. Во время Пугачевскаго бунта высказалось — очень скрытно — подозрѣніе придворной интриги; въ Радищевѣ и Новиковѣ увидѣли «французскую заразу». Впослѣдствіи всякій необычный либерализмъ, въ литературѣ и въ наукѣ, ставился въ непосредственную связь съ революціею... Это предубѣжденіе противъ науки и какой-нибудь свободы мысли и слова, питали не только высшія сферы; громадное большинство слегка образованныхъ людей также было убѣждено въ истинѣ этого мнѣнія: для понятій патріархальныхъ въ самомъ дѣлѣ немыслимо никакое сомнѣніе и никакая критика. Наконецъ, это предубѣжденіе питалось еще мыслью, что такое воззрѣніе согласно съ «духомъ народа»: въ простодушномъ невѣжествѣ народной массы увидѣли подтвержденіе своихъ опасеній противъ науки, и свобода мысли сочтена была за нарушеніе національной святыни.

Такое воззрѣніе развилось вполнѣ въ десятыхъ и двадцатыхъ годахъ, когда были особенно сильны опасенія противъ либерализма и когда организовывалась цензурная практика. Оно удержалось и послѣ, можно сказать почти до сихъ поръ. Не трудно

себѣ представить, каково было его дѣйствіе на ходъ образованія. Господство этого воззрѣнія, конечно, чрезвычайно задержало успѣхи нашего умственнаго развитія, во всѣхъ его видахъ и отрасляхъ. Если мы до сихъ поръ мало можемъ похвалиться нашимъ участіемъ въ европейской литературѣ и наукѣ, если нашей умственной силы едва хватаетъ для умѣреннаго домашняго обихода, если въ нашей литературѣ и наукѣ поражаетъ страшное количество посредственности, если даже сильные умы и сильные таланты достигаютъ у насъ относительно немногаго, и рѣдко достигаютъ такъ-называемаго общечеловѣческаго интереса и значенія,—въ этомъ конечно не малую долю имѣло тягостное стѣсненіе и отвлеченной научной мысли и художественнаго творчества. Нигдѣ, правда, свобода мысли не получалась даромъ; вездѣ она была достигаема тяжкими усиліями, борьбой съ предразсудками и суевѣріемъ, и стоила жертвъ, но нельзя не сказать и того, что въ нашихъ условіяхъ самое возникновеніе мысли было обставлено чрезвычайными трудностями, что эта мысль не находила опоры въ нравахъ, была дѣломъ ничтожнаго меньшинства; литературѣ и наукѣ нужно было пробиваться черезъ толстую кору предразсудковъ и невѣжества, защищенныхъ всѣмъ авторитетомъ традицій, нравовъ и учрежденій. Понятно, что эти усилія слишкомъ часто должны были оставаться безплодными, что отъ свободной мысли оставались цѣлы только отдѣльные обрывки, недосказанные и случайно проникавшіе въ умы и въ печать,—а затѣмъ, изъ этихъ обрывковъ, въ грамотной массѣ распложались непривычка къ послѣдовательной мысли, недодуманные выводы, сбитые въ сторону аргументы, всѣ эти признаки полуобразованности, которыми издавна такъ богато наше общество. Наглядныя доказательства всему этому можетъ нѣкогда доставить правдивая исторія нашей цензуры за описываемое время; но и безъ того это видно по всему характеру литературы. Даже лучшіе писатели видѣли опасность въ свободѣ литературнаго слова: объ этомъ свидѣтельствуютъ, напр., статьи Пушкина о цензурѣ, о Радищевѣ, басня Крылова о сочинителѣ и разбойникѣ; школа Пушкина не понимала и считала вредной критику Бѣлинскаго и т. д.

Въ такихъ условіяхъ русская литература вступала въ тотъ періодъ, о которомъ мы намѣрены говорить; въ тѣхъ же условіяхъ она проходила и этотъ періодъ. Общій характеръ развитія литературы остается прежнимъ, но движеніе распространяется шире въ обществѣ, становится серьезнѣе по содержанію; вмѣстѣ съ тѣмъ усиливается и сопротивленіе преданій и реакціи. Относительно теоретическаго содержанія, литературѣ предстояло продолжать ту же вѣковую задачу — усвоеніе результатовъ и

пріемовъ европейской науки; въ дѣятельности поэтической — развитіе художественнаго творчества подъ вліяніями европейской мысли и поэзіи, и въ обоихъ отношеніяхъ стремленіе къ самостоятельности. Исполняя эту задачу, литература опять должна была бороться съ тѣми же препятствіями, — съ предубѣжденіями власти, съ равнодушіемъ и полуобразованностью общества, съ оффиціально обязательными преданіями.

Что движеніе нашей литературы и общественныхъ понятій дѣйствительно совершалось въ этомъ направленіи, въ томъ нетрудно убѣдиться при нѣсколько внимательномъ взглядѣ на тѣ историческія видоизмѣненія, какія она проходила. Въ томъ, сначала очень небольшомъ, потомъ нѣсколько болѣе обширномъ кругѣ, въ которомъ существовало у насъ извѣстное образованіе, наука и литература шли шагъ за шагомъ по слѣдамъ европейскаго движенія. Начиная съ Петра, когда у насъ «насаждены были науки» и когда рядомъ съ этимъ появилось у насъ первое протестантское вольнодумство, русская образованность постепенно воспринимала множество различныхъ вліяній, исходившихъ отъ современнаго европейскаго движенія. Такъ въ теченіе прошлаго столѣтія являлась у насъ вольфіанская философія, масонство, французская философія и вольнодумство, реакція мечтательности и сантиментальности; такъ теперь открываются романтическія вліянія, въ ихъ разныхъ видахъ, отъ чистаго мистицизма до скептической разочарованности; въ связи съ романтизмомъ, у насъ, какъ въ Европѣ, начинается съ одной стороны либеральное движеніе, проявившееся въ тайныхъ обществахъ, и съ другой правительственная реакція; въ такой же связи съ романтизмомъ развивается изученіе «народной» старины и поэзіи, археологія и ученія о «народности»; затѣмъ шеллингова философія и гегельянство въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ, наконецъ, фурьеризмъ и сенъ-симонизмъ... Достаточно пересчитать всѣ эти направленія, чтобы видѣть, какъ тѣсно умственные интересы нашего образованнаго общества примыкали къ тому, что̀ дѣлалось въ Европѣ. Мы увидимъ, что тѣже вліянія присутствовали и въ той самой школѣ, которая выставляла своимъ знаменемъ вражду къ Европѣ и русскую исключительную народность, — въ славянофильствѣ. Когда наконецъ пріобрѣтена была, лучшими умами сороковыхъ годовъ, извѣстная самостоятельность литературныхъ и общественныхъ идей, богатство европейской науки оставалось и остается для насъ указателемъ и источникомъ знанія, котораго у насъ все еще слишкомъ мало.

Итакъ, европейскія вліянія представляютъ въ нашей литературѣ явленіе постоянное. Мы указывали выше его необходи-

мость, и теперь она оставалась таже: нація не могла пріобрѣсти умственной и нравственно-общественной самостоятельности, не усвоивъ себѣ того матеріала знанія, какой былъ выработанъ и пріобрѣтенъ раньше народами передовыми, и не могла тѣмъ болѣе, что общество, не говоря о народѣ, было совершенно лишено политической жизни, которая бываетъ сильнымъ образующимъ средствомъ;—самая мысль о необходимости этой политической жизни должна была приходить, въ образованномъ классѣ, путемъ изученія и вліяніемъ примѣровъ. Мы упоминали также, какъ поэтому несправедливы или лучше неточны были обвиненія въ пустой подражательности, исходившія и отъ иностранцевъ, и отъ домашнихъ критиковъ, особенно отъ доктринеровъ народности: основаніе этой подражательности и заимствованій было совершенно разумное, а недостатки и крайности его были слѣдствіемъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ, вообще окружавшихъ умственную жизнь общества... Полнымъ оправданіемъ этой «подражательности» является то, что европейскія вліянія, при всемъ указанномъ выше стѣсненіи ихъ, становились существенной опорой историческаго развитія. Заимствованіе и подражаніе конечно не имѣли достоинства вполнѣ самостоятельнаго труда, но они имѣли большое исторически-воспитательное значеніе. При томъ крайне стѣсненномъ положеніи, въ какое поставлена была литература и наука въ русской жизни, самое усвоеніе европейскихъ идей становилось болѣе труднымъ, чѣмъ можно было бы думать; эти идеи усвоивались даже образованнымъ большинствомъ довольно туго, но отдѣльныя личности овладѣвали ими съ достаточной полнотой, и примѣняя ихъ, болѣе или менѣе самостоятельно, къ русскому содержанію, успѣвали дать имъ извѣстное распространеніе. Трудъ подобнаго изученія пріобрѣталъ историческую цѣнность: если онъ и не давалъ большихъ самостоятельныхъ результатовъ, то онъ устранялъ прежнія точки зрѣнія и поднималъ умственный уровень. Съ каждымъ направленіемъ, которое было пережито такимъ образомъ, наше умственное развитіе проходило историческій пунктъ, который былъ уже пройденъ въ европейскомъ развитіи, но еще не былъ извѣстенъ намъ. Многое въ этихъ направленіяхъ могло быть чуждо для насъ, но въ цѣломъ они имѣли взаимную логическую связь, и мы слѣдили въ нихъ за движеніями европейской мысли: это одно давало возможность стать когда-нибудь на ея высотѣ.

Усвоеніе результатовъ европейскаго знанія составляло одну сторону задачи; другая сторона состояла въ томъ, чтобы распространять пріобрѣтенное въ собственной средѣ: еще немыслимо было стараться о возвышеніи понятій въ цѣлой народной массѣ,

потому что крѣпостныя условія дѣлали здѣсь образованіе совершенно невозможнымъ; надо было по крайней мѣрѣ поддержать и усилить дѣло образованія въ томъ слоѣ, гдѣ оно было возможно.

Нѣтъ сомнѣнія, что трудъ литературы, дѣйствовавшей въ этомъ смыслѣ. былъ бы гораздо значительнѣе, чѣмъ онъ былъ на дѣлѣ, еслибы дѣятельность ея имѣла полную свободу. Къ сожалѣнію, этой свободы не было; даже тѣ немногія наличныя силы, какія представлялъ наиболѣе развитый, научный и литературный классъ, едва могли дѣйствовать среди тѣхъ трудностей, какими окружено было дѣло образованія. Еще при Александрѣ правительство открыто вступило на реакціонную дорогу; событія конца 1825-го года надолго утвердили это направленіе, и послѣ 1848-го года оно дошло до высшей степени нетерпимости. Господство строгой опеки, безъ сомнѣнія, отзывалось самымъ тяжелымъ образомъ на литературѣ и наукѣ, которыя конечно не представляли никакой опасности и только къ концу этого періода пріобрѣтаютъ самостоятельныя силы въ небольшомъ кругѣ избранныхъ умовъ; неудобства опеки усиливались невѣжествомъ большинства исполнителей, для которыхъ умственные интересы общества казались забавой, или пустой, или опасной; полуобразованное большинство думало почти также; народъ и вовсе не подозрѣвалъ существованія литературы.

Содержаніе, которое предстояло усвоивать, распространять и разработывать литературѣ, опредѣлялось содержаніемъ европейской образованности. Вообще, это были, во-первыхъ, общіе результаты науки по разнымъ отраслямъ знанія, и затѣмъ примѣненіе ихъ къ дѣйствительной жизни и къ нравственно-общественному вопросу; идеальную цѣль литературы составляло достиженіе и распространеніе понятій объ истинныхъ требованіяхъ народнаго блага и истинномъ смыслѣ образованія, необходимость свободнаго критическаго изслѣдованія своей національной жизни, необходимость отрицанія тѣхъ ея сторонъ, которыя не отвѣчали истинному народному благу, и стремленіе внушить разумное чувство человѣческаго и національнаго достоинства. Европейская жизнь переживала въ то время трудный кризисъ. Броженіе, произведенное французской революціей, перешло въ реакцію, которая всѣми средствами старалась возстановить прежній порядокъ вещей и въ политикѣ, и во всѣхъ мнѣніяхъ общества. Но переворотъ былъ слишкомъ силенъ, чтобы можно было устранить его результаты: много старыхъ преданій безвозвратно потеряли свой кредитъ, и сами учители новѣйшаго консерватизма употребляли то оружіе, ту критику, какими пользовалось скептическое отрицаніе. У самыхъ рьяныхъ реакціонеровъ и обску-

рантовъ слышались революціонные аргументы и требованія: таковы были, напр., де-Местръ или Галлеръ. Трудно было русскому обществу остаться въ сторонѣ отъ той борьбы, которая шла въ европейской жизни и стремилась выработать новые принципы общественные, политическіе и нравственные. Россія слишкомъ тѣсно связала себя съ европейскими интересами: и дружескія, и враждебныя отношенія Россіи къ европейскому міру одинаково вовлекали ее въ упомянутую борьбу, гдѣ надо было стать на ту или на другую сторону. События второго десятилѣтія возбудили и у насъ общественное движеніе, которое еще болѣе сдѣлало европейскіе интересы близкими для образованныхъ людей нашего общества. Энтузіазмъ молодыхъ поколѣній Европы къ философскому и политическому освобожденію отразился и у насъ возбужденіемъ двадцатыхъ годовъ. Новые идеалы, выставленные европейской мыслью и поэзіей, пріобрѣли для нашихъ поколѣній тѣмъ бо́льшую привлекательность, что собственная жизнь представляла слишкомъ скудную пищу. Подъ вліяніемъ этихъ идеаловъ стали складываться самостоятельныя стремленія въ наукѣ и литературѣ, направляемыя и питаемыя самой русской жизнью.

Въ десятилѣтія, объ исторіи которыхъ мы хотимъ говорить, является въ нашей общественной жизни новый лозунгъ, который вскорѣ послѣ своего появленія становится всеобщимъ. Это была народность — стремленіе, отчасти навѣянное западными движеніями, отчасти самостоятельное и только параллельное имъ. Въ западной Европѣ періодъ послѣ Наполеоновскихъ войнъ отмѣченъ всеобщимъ стремленіемъ къ національности; пробужденное ненавистью къ иноземному Наполеоновскому игу, это чувство національности было вмѣстѣ и первымъ признакомъ зрѣлости самосознанія въ народѣ. Оно выразилось и въ литературѣ стремленіемъ къ изученію народа, его быта и старины, и черезъ это стоитъ въ связи съ романтизмомъ. По основной своей идеѣ, это движеніе имѣло глубокій демократическій смыслъ, потому что, въ сущности, литературный интересъ къ народу былъ только признакомъ приближающейся общественной его роли, — въ самомъ дѣлѣ, литературное движеніе въ смыслѣ народности направляло вниманіе общества и на дѣйствительный народъ, и разъясняло великое значеніе народной стихіи; но романтизмъ, въ своемъ реакціонномъ толкованіи, давалъ и этому движенію консервативный поворотъ. У насъ это движеніе было возбуждено тѣми же событіями, усилилось подъ вліяніемъ европейской литературы и, понятое одними консервативно, другими прогрессивно, стало надолго и у насъ съ одной стороны центромъ умственнаго

и литературнаго развитія, и съ другой центромъ консервативной опеки. О народности говорилось въ документахъ, исходившихъ изъ правительственныхъ сферъ, объ ней говорили самыя различныя партіи въ литературѣ. Но сходство лозунга вовсе не означало сходства понятій, которыя съ нимъ соединялись. Во-первыхъ, подъ народностью понимали оффиціальный status quo, который и хотѣли сдѣлать единственной существующей и допускаемой формой національной жизни; эта форма была подробно опредѣлена, и внѣ ея не допускались никакія помышленія и никакія иныя проявленія общественной жизни. Такое представленіе господствовало вообще въ оффиціальномъ мірѣ и принималось на вѣру въ огромномъ большинствѣ общества. Но въ болѣе образованномъ меньшинствѣ составились другія мнѣнія, которыя можно свести къ двумъ главнымъ категоріямъ. Одни также привязаны были къ status quo, но съ иной стороны: они идеализировали народъ, представляли его жизнь какъ хранилище возвышенныхъ принциповъ, которые еще должны быть раскрыты и примѣнены въ жизни: развитіе должно было заключаться только въ изученіи этого хранилища, въ открытіи его идеи и распространеніи ея на всю національную жизнь, которая была будто бы нарушена и испорчена реформой. Другіе думали, что народность въ этомъ смыслѣ, т.-е. какъ совокупность народныхъ понятій, существующихъ въ настоящую минуту, во-первыхъ, быть можетъ имѣетъ не совсѣмъ тотъ характеръ и содержаніе, какое ему обыкновенно приписывались, а во-вторыхъ, что она вовсе не составляетъ такого неприкосновеннаго и всеобъемлющаго кодекса, который бы одинъ разъ навсегда опредѣлялъ дальнѣйшій ходъ развитія, что, напротивъ, ей предстоитъ самой развиваться и совершенствоваться до усвоенія общечеловѣческаго содержанія, которое одно можетъ довершить ея достоинство и историческое значеніе.

Такимъ образомъ, сама народность была спорнымъ вопросомъ. Одни считали ее окончательно извѣстною, достигнутою и осуществленною; другіе, совершенно различными путями, стремились къ ея открытію и разъясненію. Для всѣхъ народность означала самостоятельность, которую всѣ понимали различно. Одна изъ этихъ точекъ зрѣнія была оффиціальная, и въ этомъ смыслѣ неприкосновенная; но и она, сколько возможно, введена была въ теоретическую критику, и рѣзкій споръ между различными тенденціями показывалъ, что искомое еще не найдено. Оно едва ли найдено и до сихъ поръ....

Къ этимъ вопросамъ сводится смыслъ движенія съ двадцатыхъ годовъ и донынѣ, потому что и до сихъ поръ въ той части нашей литературы, которая всего больше отвѣчаетъ внут-

самъ полуобразованнаго большинства, все еще идутъ толки о «народности», изъ которой, къ сожалѣнію, всего чаще и дѣлается знамя для всякаго національнаго самохвальства и самодурства.

Въ частности, характеръ движенія сильно измѣнился съ двадцатыхъ годовъ. Политическое возбужденіе, проявлявшееся въ общественной жизни въ первой половинѣ двадцатыхъ годовъ, послѣ катастрофы 1825-го года прекратилось, потому что всѣ главнѣйшіе руководители и участники политическаго движенія стали жертвами катастрофы. Но когда двѣ крайности встрѣтились, жизнь тѣмъ не менѣе продолжала свое дѣло; она обошла это столкновеніе, и затѣмъ развитіе шло въ томъ же общемъ направленіи. Всѣ практическія попытки дѣйствовать на общество и осуществлять свои теоріи были покинуты, за ихъ полной невозможностью; но теоретически, общественное самосознаніе продолжало усиливаться. Несмотря на отсутствіе прямого политическаго интереса, литература стала въ цѣломъ гораздо серьезнѣе; она, хотя и не съ тѣхъ сторонъ, какъ прежде, но гораздо ближе подходила къ тому же общественному вопросу, который занималъ людей двадцатыхъ годовъ.... Число людей, принимавшихъ къ сердцу общественные интересы, хотя все еще было весьма незначительно, но все-таки сильно увеличилось противъ прежняго.

Въ нашей литературѣ не разъ высказывалось большое скептическое недовѣріе къ такъ-называемому нашему прогрессу, который иногда преувеличивали у насъ выше всякой мѣры и который, однако, не достигалъ на дѣлѣ многихъ вещей, даже совершенно элементарныхъ въ литературѣ и общественномъ развитіи. Въ настоящія минуты, когда много ожиданій и надеждъ обманулись, и новыя пока трудно имѣть, этотъ скептицизмъ находитъ себѣ еще больше пищи: дѣйствительно, трудно не поддаться ему, когда оказывается безпрестанно, что преобразовательная идея не укладывается въ русской жизни, что изъ-за вещей, которыя обѣщали внести въ нее новые живительные элементы, сквозитъ ограниченность и наглая грубость старыхъ нравовъ, когда при всемъ этомъ, очень мало и плохо думающее большинство и его многочисленные теперь органы въ литературѣ отличаются только хвастливой самонадѣянностью или просто желаютъ крѣпче затянуть узлы стараго общественнаго порядка. Этотъ скептицизмъ, слѣдовательно, имѣетъ свои основанія: онъ очень зорко видитъ мрачныя стороны въ положеніи вещей, и не мы будемъ его въ этомъ оспаривать. Но мы думаемъ, что было бы ошибкой распространять этотъ скептицизмъ на цѣ-

лое историческое движеніе общества. Наша исторія дѣйствительно не богата личностями, которыя бы энергически вели дѣло общественнаго развитія, указывали ему путь, завоевывали ему право и средства, — но и въ тѣ десятилѣтія, о которыхъ мы говоримъ, не было недостатка въ талантливыхъ людяхъ, которые хорошо понимали настоящее, видѣли его недостатки и протестовали противъ нихъ, сколько могли, и притомъ съ немалой опасностью для себя. Для тѣхъ, кто захотѣлъ бы слишкомъ легко смотрѣть на ходъ нашего общественнаго образованія и литературы, надо было бы вспомнить имена этихъ людей, которыя остаются свидѣтельствомъ благородныхъ, хотя часто безуспѣшныхъ, усилій пробудить сознаніе общества и вывести его на лучшій путь, и свидѣтельствомъ того, что въ нашей жизни въ самыя трудныя времена для умственной работы были, однако, задатки здороваго, прочнаго развитія. Одинъ историкъ нашего общества указывалъ, сколькихъ тяжелыхъ жертвъ стоило это стремленіе лучшихъ силъ къ иному порядку, сколько талантовъ погибало у насъ на половинѣ или въ началѣ пути подъ гнетомъ нравовъ, не признававшихъ никакого права мысли, никакихъ стремленій къ чему-нибудь лучшему, — потому что лучшее почиталось найденнымъ. Эти жертвы говорятъ конечно о трудности дѣла, о неодолимости препятствій, объ умственной вялости общества, но эти жертвы не были безплодны, потому что ихъ нравственное наслѣдье не было потеряно для слѣдующихъ поколѣній; ихъ трудъ не былъ забытъ, и послужилъ руководствомъ и исходной точкой для людей, которые продолжали ихъ дѣло. Словомъ, наша литература представляетъ несомнѣнно прогрессивное развитіе, и этотъ фактъ даетъ надежду, что ея исторія приведетъ къ плодотворному результату; быть можетъ, это развитіе будетъ медленно, но его жизненные элементы не подлежатъ сомнѣнію...

Въ нашихъ очеркахъ мы не имѣемъ въ виду полной исторіи литературныхъ мнѣній; мы хотѣли указать только нѣкоторые существенные пункты этой исторіи въ связи съ общественными понятіями. По нашему мнѣнію, такая полная исторія пока невозможна, потому что время еще слишкомъ близко; и мы просили бы читателя не сѣтовать на насъ, если въ изложеніи встрѣтится больше общихъ, чѣмъ прямыхъ реальныхъ указаній: условія изложенія опредѣляются иногда обстоятельствами, которыя отъ насъ не зависятъ.

I.

РОМАНТИЗМЪ.

Литературное явленіе, которое сдѣлалось непосредственнымъ предшественникомъ и исходнымъ пунктомъ движенія тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ, былъ романтизмъ. Направленіе, которому у у насъ придавалось и придается это имя, можно начать хронологически съ половины второго десятилѣтія и закончить съ появленіемъ произведеній Гоголя. Двадцатые и тридцатые года — наиболѣе дѣятельное время этой школы.

Извѣстно, какія разнообразныя мнѣнія существовали у насъ между самими романтиками о томъ, что собственно есть и значитъ романтизмъ, который даже въ объясненіяхъ Бѣлинскаго [1]) остается очень неопредѣленнымъ. Это разнообразіе и неясность мнѣній, существовавшихъ о романтизмѣ, показывали, что самое движеніе не представляло для современниковъ опредѣленнаго положительнаго содержанія и цѣли: они взяли готовое слово изъ европейской литературы и прямо примѣнили его къ русской литературѣ, предполагая въ немъ каждый своё значеніе. Одно было для нихъ ясно, что романтизмъ представлялъ собой новое литературное направленіе, спорившее съ классицизмомъ.

Не вдаваясь въ изложеніе достаточно извѣстнаго спора классиковъ съ романтиками, мы постараемся указать, какую связь имѣло это движеніе съ общественными понятіями и чѣмъ оно отразилось на этихъ послѣднихъ.

По тогдашнимъ понятіямъ главнѣйшими представителями нашего романтизма считались Жуковскій и Пушкинъ. У перваго дѣйствительно прежде всего являются тѣ поэтическіе мотивы, которые справедливо назвать романтическими, и онъ самъ считалъ себя отцомъ романтизма въ русской литературѣ [2]). Первыя произведенія Пушкина также носили несомнѣнно романтическій характеръ, и даже впослѣдствіи, когда его дѣятельность получила полную поэтическую самостоятельность, не только его друзья видѣли въ его произведеніяхъ торжество школы, которой они сами были послѣдователями, но и самъ Пушкинъ думалъ, что онъ представляетъ эту школу; онъ полагалъ только, что ее ве-

---

[1]) Сочин., т. VIII, стр 153—188 и слѣд:

[2]) Въ 1849 г. онъ пишетъ: «Я — во время оно родитель на Руси нѣмецкаго романтизма и поэтическій дядька чертей и вѣдьмъ нѣмецкихъ и англійскихъ»... Соч. изд. 6-е, VI, 742.

довольно понимають и опасался, что, напр., въ Борисѣ Годуновѣ (гдѣ романтизмъ уже оканчивался) наша публика не съумѣетъ оцѣнить «истиннаго романтизма». Въ двадцатыхъ и тридцатыхъ годахъ, въ Пушкинѣ видѣли и великаго національнаго поэта, между прочимъ въ силу того, что въ романтизмѣ предполагалась также и «народность».

Жуковскій и Пушкинъ, занимавшіе тогда господствующее положеніе въ литературѣ, остаются, въ своихъ различныхъ областяхъ, весьма характеристическими представителями этого направленія. Въ ихъ отношеніи къ общественной дѣйствительности, какое мы можемъ наблюдать какъ въ ихъ произведеніяхъ, такъ и въ ихъ непосредственномъ практическомъ образѣ мыслей, мы увидимъ общественно-историческій характеръ этой школы, составляющей особую ступень въ умственномъ развитіи нашего образованнаго класса, ступень, составляющую переходъ отъ патріархальной традиціи и элементарныхъ попытокъ образованности въ XVIII-мъ вѣкѣ къ критическому движенію тридцатыхъ годовъ.

Біографы и критики Жуковскаго не разъ указывали, что характеръ его поэзіи въ сильной степени зависѣлъ отъ его чисто личнаго настроенія, что онъ въ особенности долженъ быть названъ поэтомъ субъективнаго чувства. Въ самомъ дѣлѣ, личная судьба Жуковскаго играетъ чрезвычайно важную роль въ направленіи его поэзіи; несчастная любовь, обставленная исключительными условіями, гдѣ тѣсныя связи родства усиливали чувство всей близостью родственной привязанности и гдѣ эти самыя связи дѣлали любовь невозможной (по крайней мѣрѣ по понятіямъ людей, отъ которыхъ зависѣло рѣшеніе труднаго вопроса), эта несчастная любовь искала себѣ исхода въ поэтическихъ изліяніяхъ, и естественно высказывалась въ меланхолическихъ мечтахъ, которыя стали непремѣннымъ спутникомъ поэзіи Жуковскаго. Это субъективное чувство до того владѣло поэтомъ, что его новѣйшій біографъ могъ подтвердить его присутствіе почти непрерывнымъ рядомъ указаній въ его стихотвореніяхъ [1]). Жуковскій съ самаго начала былъ по преимуществу переводчикъ: владѣя, кромѣ обычнаго французскаго языка, также англійскимъ и нѣмецкимъ, онъ выбираетъ въ богатствѣ англійской и нѣмецкой литературы то, что̀ наиболѣе отвѣчало его настроенію, видоизмѣняетъ по тому же настроенію свои оригиналы, въ собственныхъ произведеніяхъ повторяетъ тѣже меланхолическія темы.

---

[1]) Carl v. Seidlitz, W. A. Joukoffsky. Ein russisches Dichterleben. Mittau, 1870.

Воспитаніе Жуковскаго и первыя его связи въ образованномъ и литературномъ кругѣ несомнѣнно оказали свое вліяніе въ смыслѣ мистическаго благочестія, задатки котораго, положенные еще въ это время, такъ сильно развились впослѣдствіи [1]. Въ московскомъ университетѣ еще дѣйствовали члены «Дружескаго Общества»; Жуковскій былъ въ тѣсной дружбѣ съ домомъ Тургеневыхъ, въ близкихъ связяхъ съ Лопухинымъ, въ извѣстныхъ отношеніяхъ къ Карамзину. Это были его главнѣйшія отношенія, и онѣ привили ему тѣ сантиментально-благочестивыя наклонности, которыя такъ отвѣчали его природной мягкости и такъ способны были питать меланхолію.

Но при всемъ субъективномъ характерѣ, мечтательно-мистическая поэзія Жуковскаго имѣла свое историческое значеніе. Его мистицизмъ былъ мистицизмъ особаго рода, какого еще не знала русская литература, именно романтическій.

Выступая на литературное поприще, Жуковскій едва ли думалъ производить какую-нибудь реформу въ литературѣ и вносить въ нее новое содержаніе, и едва ли имѣлъ для этого какіе-нибудь планы. Онъ хотѣлъ распространять любовь къ просвѣщенію и поэзіи, доказывалъ ихъ важность для нравственнаго благополучія человѣка; самое просвѣщеніе понималъ онъ главнымъ образомъ въ смыслѣ нравоученія, поэзію какъ наставительницу людей въ добродѣтели и религіозномъ смиреніи—все это были темы, гдѣ онъ просто продолжалъ Карамзина; его журнальные пріемы въ «Вѣстникѣ Европы» были почти тѣже; тонъ журнала, моральная точка зрѣнія мало отличались отъ карамзинскихъ. Какъ въ свое время Карамзинъ, Жуковскій былъ одинъ изъ самыхъ начитанныхъ въ европейской (поэтической) литературѣ писателей нашихъ, и изучая ее, онъ, наконецъ, встрѣтилъ въ ней новую, прежде незнакомую струю, которая оказала на него свое вліяніе тѣмъ больше, что онъ нашелъ въ этой литературѣ множество такихъ произведеній, которыя какъ нельзя лучше подходили къ его личному упомянутому настроенію. Европейскій источникъ,—какъ это было естественно и какъ часто повторялось въ нашей литературѣ, — давалъ не только то, чего въ немъ прямо искали, но вмѣстѣ съ тѣмъ открывалъ и то, что было для нашей литературы совершенно новымъ содержаніемъ. Европейская литература, изъ клочковъ которой составилась наша старая псевдо-классическая теорія, дала и оружіе для ея уничтоженія, и снова сдѣлалась источникомъ заимствованій, образцомъ для подражанія въ иномъ смыслѣ.

---

[1]) Ср. Р. Арх. 1870, стр. 1237.

Романтизмъ европейскій сталъ для нашей литературы почти тѣмъ, чѣмъ былъ въ свое время псевдо-классицизмъ. Новое направленіе, обнаружившееся и въ содержаніи, и въ формѣ, нравилось новымъ поколѣніямъ тѣмъ больше, что старая литература выродилась и превратилась въ скучную, безсодержательную рутину, которой, наконецъ, не помогали никакія усилія остававшихся талантовъ,—хотя, впрочемъ, и талантовъ было немного. Торжественная, казенная ода, трагедія или комедія съ тройнымъ единствомъ и безжизненнымъ копированіемъ французскихъ пьесъ, становились невозможны. Дмитріевъ, совершеннѣйшій классикъ, уже подтруниваетъ надъ классицизмомъ и рискуетъ на легкій разсказъ, во французскомъ вкусѣ,—находившій похвалы у Пушкина. Понятно, что обратившись къ новой европейской литературѣ, наши писатели могли найти столько новаго содержанія, такое разнообразіе болѣе свободныхъ формъ, что всѣ тѣ, въ комъ были живые инстинкты, приняли новое вліяніе, какъ усовершенствованіе литературы и новый путь къ ея успѣхамъ.

Что же нашла наша литература въ европейскомъ романтизмѣ?

То движеніе въ европейской литературѣ, которое стали впослѣдствіи разумѣть подъ сборнымъ именемъ романтизма, было явленіе очень сложное, въ разныхъ литературахъ вызванное различными потребностями и сложившееся въ разныя формы. Начало его кроется въ томъ особенномъ возбужденіи умовъ, которое наполняетъ вторую половину XVIII-го вѣка. Политическое, умственное и религіозное броженіе этого времени заключало въ себѣ и тѣ революціонные элементы, которые сказались французскимъ переворотомъ и всѣми его отраженіями въ Европѣ, и элементы реакціи. Скептическая философія, политическія изслѣдованія, смѣлые протесты и порывы литературы обнаруживали присутствіе революціоннаго движенія задолго до самаго переворота. Но недовольство старымъ порядкомъ вещей и старыми понятіями, и исканіе новаго высказывались самыми разнообразными стремленіями: рядомъ съ Вольтеромъ и энциклопедистами дѣйствовалъ Руссо; вмѣстѣ съ скептицизмомъ высказывались требованія идеалистическаго чувства; ожиданія общественныхъ преобразованій были очень различны уже въ то самое время, и въ дальнѣйшемъ развитіи, подъ вліяніемъ событій, изъ этого броженія могли выйти самые несходные результаты. Переворотъ охватилъ своими послѣдствіями всю Европу, вовлекъ въ борьбу всѣ ея прогрессивныя и консервативныя силы, и когда буря улеглась, наступившій «порядокъ» уже не былъ похожъ на прежній. Реставрація, повидимому, возстановила старый міръ учрежденій и понятій; усталыя общества не думали о но-

выхъ переворотахъ, но многое было уже пріобрѣтено, и разъ поставленные вопросы не были забыты. Романтизмъ, который былъ характеристическимъ проявленіемъ тогдашняго состоянія умовъ, также заключалъ въ себѣ поэтому много консервативнаго, много умственной и нравственной усталости, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ воспринималъ прогрессивныя идеи и возбужденія прошлаго вѣка, и его лучшія стороны тѣсно съ ними связаны: въ немъ все-таки были стремленія къ созданію лучшихъ идеаловъ нравственныхъ и общественныхъ, новыхъ началъ, которыя могли бы облагородить и возвысить жизнь личную и общественную. Время было слишкомъ неблагопріятно для подобныхъ построеній: событія должны были разочаровать тѣхъ, кто ждалъ отъ нихъ обновленія общества, потому что обновленія не совершилось въ томъ видѣ, какъ его ожидали, и современникамъ изъ-за настоящей реакціи не были видны всѣ историческія пріобрѣтенія; политическое порабощеніе отнимало у общества возможность работать для непосредственныхъ задачъ дѣйствительной жизни,—но умственная жизнь не остановилась. Среди самаго тяжелаго гнета выработывались элементы, изъ которыхъ должно было выйти новое, болѣе глубокое движеніе, и рядомъ съ попытками оправдать реакціонный застой, на которомъ успокоивалась одна часть общества, возникали начала новой философіи и новой поэзіи.

Романтизмъ, развивая результаты восемнадцатаго вѣка и создавая свои теоріи подъ вліяніемъ времени, представлялъ, такимъ образомъ, массу противорѣчій, и переходя изъ общихъ понятій въ жизнь и литературу, служилъ и для плодотворнаго, научнаго и литературнаго развитія, и для злѣйшей реакціи и обскурантизма. Такъ, если взять нѣсколько примѣровъ, мысль о нравственномъ единствѣ человѣчества, выставленная нѣкогда Гердеромъ и развитая по-своему въ романтизмѣ, чрезвычайно расширяла научные и поэтическіе интересы, и желаніе изучить проявленія человѣческаго духа повело къ обширному изслѣдованію всеобщей литературы и исторіи и къ обширнымъ переводнымъ предпріятіямъ (особенно у нѣмцевъ), которыя чрезвычайно расширили область литературнаго знанія и практически истребляли всякіе старые литературные предразсудки; такъ изученіе древности, у Лессинга и Винкельмана, и распространенное романтизмомъ, давало понятію объ искусствѣ такую широту, какой оно никогда не имѣло прежде, и дало начало новѣйшей эстетической критикѣ; такъ романтическое обращеніе къ идеализированной старинѣ, внушенное потребностью найти единство жизни и идеала, чрезвычайно подвинуло и изученіе дѣй-

ствительной старины и народной жизни; такъ вообще данъ былъ сильный толчекъ самому разнообразному историческому и этнографическому изученію народностей, которое впослѣдствіи послужило и для соціальнаго вопроса о народѣ. Но, съ другой стороны, въ этомъ движеніи недоставало реальнаго пониманія жизни; мысль, которой не было мѣста въ непосредственныхъ явленіяхъ политической жизни, теряла инстинкты дѣйствительности, и въ результатѣ является длинный рядъ странныхъ заблужденій и самообольщеній. Реакція противъ такъ-называемой «сухой разсудочности» производила сильную наклонность къ мистикѣ, къ піэтизму, къ вѣрѣ во всякія сверхъестественности и чудеса; обращеніе къ старинѣ становилось превознесеніемъ средневѣковыхъ принциповъ въ обществѣ и государствѣ, въ политикѣ становилось союзомъ съ притязаніями феодальной партіи, приводило къ ученіямъ Жозефа де-Местра, — въ поэзіи къ мистическимъ витаніямъ въ мірѣ духовъ и привидѣній; поэтическій идеализмъ производилъ необузданныя увлеченія фантазіи, преувеличенныя понятія о свободѣ поэтическаго генія, оставившія столько странныхъ слѣдовъ въ литературѣ. Реакціонныя черты романтизма высказались уже очень рано; своего полнаго господства онѣ достигли съ реставраціей, когда построены были цѣлыя политическія теоріи, практическій смыслъ которыхъ велъ къ возстановленію (сколько возможно) стараго феодализма, старой церкви и къ основанію новой полиціи. Поэтическій теоретикъ романтизма, Шлегель, былъ въ то же время и политическимъ теоретикомъ реакціи.

Мы скажемъ дальше о другой сторонѣ романтизма, гдѣ онъ принялъ совсѣмъ иное направленіе,—гдѣ политическія разочарованія давали новую силу мечтамъ о народной свободѣ, порождали демократическій энтузіазмъ и озлобленіе противъ настоящаго.

Подъ вліяніемъ времени—политическаго возстановленія старыхъ феодальныхъ порядковъ во Франціи и Германіи и неутомимаго преслѣдованія освободительныхъ идей — обскурантизмъ и реакція, или наклонность къ союзу съ ними стали господствующимъ характеромъ романтизма. До какой степени этотъ романтизмъ сталъ ненавистенъ въ Германіи для слѣдующихъ поколѣній, это можно видѣть изъ остроумной его исторіи у Гейне.

Такихъ свойствъ приблизительно было то движеніе, вліянію котораго подпадала наша литература съ началомъ дѣятельности Жуковскаго и при его особенномъ участіи. Мы замѣтили прежде, что это вліяніе романтизма было одно изъ цѣлаго ряда различныхъ вліяній, попремѣнно испытанныхъ нашей литературой,

вслѣдствіе того, что ея собственное содержаніе все еще было слишкомъ скудно и малопроизводительно, и что ей предстояло, сколько возможно, ознакомиться съ тѣми фазисами, какіе проходило развитіе европейское.

На этотъ разъ, какъ и всегда, это ознакомленіе было только приблизительное. Наша литература успѣла тогда усвоить и нѣкоторыя хорошія и особенно слабыя стороны движенія. При своей общей неопытности, она, къ сожалѣнію, не могла въ должной мѣрѣ воспринять того, что̀ романтизмъ могъ представить полезнаго и развивающаго; она не могла понять какъ слѣдуетъ ни вражды романтизма къ старому скептицизму, — потому что и съ нимъ была мало знакома,—ни его освободительныхъ элементовъ, ни научныхъ стремленій;—наша литература по обыкновенію эклектически заимствовалась понемногу и хорошимъ и дурнымъ, и главнымъ образомъ, конечно, тѣми вещами, которыя отвѣчали общему умственному уровню нашей литературы и общества.

Жуковскій, вводя романтизмъ, какъ мы замѣтили, вовсе не имѣлъ какой-нибудь сознательно поставленной цѣли. Онъ просто хотѣлъ продолжать начатое Карамзинымъ, и дѣйствительно въ ихъ нравственно-идеалистическихъ темахъ было очень много общаго. Ихъ разница была въ томъ, что въ то время, какъ Карамзинъ въ своей журнальной дѣятельности былъ гораздо болѣе разнообразнымъ популяризаторомъ литературы, Жуковскій, по свойству своего таланта, ограничился почти исключительно поэтической дѣятельностью. Отыскивая въ европейской литературѣ сочувственные ему мотивы, Жуковскій передавалъ ихъ въ своихъ переводахъ и подражаніяхъ съ такимъ мастерствомъ, которое уже скоро поставило его на ряду со старыми знаменитостями, и во главѣ новаго поэтическаго направленія. Старая школа не признавала уже и Карамзина; Жуковскій тѣмъ больше возбуждалъ ея антипатію. Старая школа возмущалась и иногда подсмѣивалась надъ мрачной поэзіей, преисполненной меланхоліи, духовъ, видѣній и мертвецовъ. Ея опасеніе было вѣрно, потому что новая поэзія дѣйствительно подкапывала авторитетъ старой безвозвратно. Значеніе новой школы состояло именно въ томъ, что она, во-первыхъ, расширяла формальныя понятія о поэзіи, и во-вторыхъ, вносила въ содержаніе русскаго стихотворства дотолѣ мало извѣстный ему міръ ощущеній внутренней жизни; въ меланхолическомъ тонѣ поэзіи Жуковскаго высказывалась мягкая человѣчность, задушевное чувство, возвышавшее нравственныя требованія и идеалы. Эта дорога была уже отчасти открыта сентиментальностью карамзинскаго направленія; но

тамъ еще слышалась натянутая искусственность, потребность чувства переходила въ плаксивость или приторную чувствительность, напоминавшую о розовой тетрадкѣ аббата временъ стараго режима,—у Жуковскаго это чувство, правда слишкомъ преувеличенное и слишкомъ господствующее, выражалось съ такой полной искренностью, было такъ прочувствовано и являлось въ такой дѣйствительно изящной формѣ, что здѣсь поэзія внутренняго чувства вполнѣ вступала въ свои права. Поэтическій инстинктъ указалъ Жуковскому иныхъ руководителей въ европейской литературѣ: онъ еще переводилъ, правда, Флоріана и подобныхъ писателей, переводилъ Томсона, Клопштока, Маттисона, которые были уже знакомы, но затѣмъ онъ впервые водворяетъ въ русской литературѣ корифеевъ европейской литературы, въ особенности писателей англійскихъ (Грей, Драйденъ, Саути, Гольдсмитъ, потомъ Томасъ Муръ, В. Скоттъ, Байронъ) и нѣмецкихъ (Гёте, Шиллеръ, Уландъ, Гебель, Кёрнеръ, Ламоттъ-Фуке, потомъ Цедлицъ, Гальмъ, Рюккертъ, Гриммъ, Шамиссо). Въ наше время поэзія личнаго чувства слишкомъ отступила на второй планъ, и мы съ трудомъ оцѣняемъ ея вліяніе; но восторгъ современниковъ показываетъ, какъ сильно было вліяніе новой поэзіи въ тѣхъ кругахъ, куда простиралось дѣйствіе литературы, особенно въ молодыхъ поколѣніяхъ. Отголоски этого восторга мы еще находимъ у Бѣлинскаго.

Вліяніе новой поэзіи, безъ сомнѣнія, было во многихъ отношеніяхъ благотворное. Жуковскій, согласно съ стремленіями романтиковъ, хотѣлъ сдѣлать поэзію высшимъ руководящимъ принципомъ жизни: «поэзія есть добродѣтель», — онъ проповѣдовалъ любовь къ добру и истинѣ, пробуждалъ внутреннюю жизнь чувства, внушалъ мягкое гуманное отношеніе къ людямъ; господствующій меланхолическій оттѣнокъ долженъ былъ имѣть большую привлекательность для тѣхъ, въ комъ, среди грубаго общества, возникали лучшіе, болѣе человѣчные и мягкіе инстинкты.

Въ этомъ, такъ-сказать, педагогическомъ смыслѣ поэзія Жуковскаго конечно служила обществу, но тѣмъ и ограничивалось ея значеніе; она была очень далека отъ собственно общественнаго содержанія. Жуковскій очень рѣдко обращался къ дѣйствительной жизни, совершавшейся вокругъ него. Однажды, въ 1812 году въ пору народной борьбы, онъ явился выразителемъ общаго патріотическаго возбужденія. «Пѣвецъ во станѣ русскихъ воиновъ» былъ исполненъ, безъ сомнѣнія, искреннимъ поэтическимъ одушевленіемъ, — и онъ произвелъ сильное впечатлѣніе, потому что высказывалъ господствующій энтузіазмъ, доведенное

до высшей степени чувство народной особности и самосохраненія. Но до какой степени за этимъ общимъ національнымъ вопросомъ отсутствовало чувство прямой общественной дѣйствительности,—можно видѣть изъ того, что даже въ изображеніи національной борьбы Жуковскій счелъ нужнымъ одѣть своихъ соотечественниковъ въ древніе или средневѣковые костюмы, и событія вызвали въ немъ только его обыкновенныя размышленія о тщетѣ земного счастія, о горести утратъ, о добродѣтели. Его мораль и здѣсь приняла оттѣнокъ романтической печали, которая вообще очень далека еще отъ реальнаго пониманія вещей. Если мы будемъ затѣмъ искать въ произведеніяхъ Жуковскаго какихъ-либо обращеній къ непосредственной жизни, мы найдемъ еще два разряда стихотвореній—во-первыхъ, писанныя на разные случаи придворной жизни и адресованныя къ лицамъ императорской фамиліи, и во-вторыхъ, дружескія «посланія» и стихотворенія альбомнаго свойства. Наконецъ, его стихотворенія прямо назначались только «для немногихъ».

Пусть не подумаетъ читатель, что мы ожидали бы отъ Жуковскаго какого-нибудь вмѣшательства въ общественные вопросы, и какой-нибудь политической лирики. Мы совершенно признаемъ за нимъ право на его поэтическую спеціальность, и признаемъ его великую заслугу въ формальномъ развитіи литературы, освобожденіи ея отъ условныхъ и отжившихъ формъ; признаемъ, что по своему содержанію онъ имѣлъ благотворное воспитательное значеніе тѣми человѣчными идеями и чувствами, какія высказывала его поэзія. Но мы хотимъ сказать, что вмѣстѣ съ тѣмъ онъ представляетъ собой характеристическій примѣръ разлада романтизма съ дѣйствительностью жизни, потому что за его отвлеченной меланхоліей сказывалось тоже равнодушное, если не враждебное отношеніе къ непосредственнымъ жизненнымъ интересамъ и борьбѣ общества,—которое рѣзко отличаетъ извѣстныя стороны европейскаго романтизма. Мы приводили въ другомъ мѣстѣ отзывъ одного современнаго писателя, изъ котораго видно, что уже въ то время почувствовали эту безплодную сторону Жуковскаго и даже находили вреднымъ его вліяніе [1]).

[1]) Слова Рылѣева въ письмѣ къ Пушкину. Отдавъ справедливость чисто литературной заслугѣ Жуковскаго, Рылѣевъ продолжаетъ: «Къ несчастію, вліяніе его на духъ нашей словесности было слишкомъ пагубно: мистицизмъ, которымъ проникнута большая часть его стихотвореній, мечтательность, неопредѣленность и какая-то туманность, которыя въ немъ иногда даже прелестны, растлили многихъ и много зла надѣлали. Зачѣмъ не продолжаетъ онъ дарить насъ прекрасными переводами своими изъ Байрона, Шиллера и другихъ великановъ чужеземныхъ? Это болѣе можетъ упрочить славу его».

Эти слова, сказанныя еще въ двадцатыхъ годахъ, очень вѣрно указываютъ дѣйствительную слабую сторону Жуковскаго. Жуковскій еще тридцать лѣтъ послѣ того работалъ для русской литературы, и обогатилъ ее своими переводными трудами, но, какъ самостоятельная сила, уже не прибавилъ ничего къ тому содержанію, какое было дано имъ въ первомъ періодѣ его дѣятельности.

Его содержанія достало только для эпохи, непосредственно слѣдовавшей за Карамзинымъ (т.-е. за его чисто литературной дѣятельностью, до Исторіи), для перваго и отчасти второго десятилѣтія нашего вѣка; затѣмъ время перегнало его, и онъ остался внѣ движенія, происходившаго съ этихъ поръ. И не надо вовсе думать, чтобы въ этомъ былъ виноватъ европейскій романтизмъ. Напротивъ, содержаніе европейскаго романтизма было гораздо шире, но Жуковскій и въ его кругѣ взялъ только немногое, что отвѣчало его сантиментальнымъ наклонностямъ, и не замѣтилъ болѣе крупныхъ вещей, или чувствовалъ къ нимъ антипатію [1]. Онъ понялъ европейскій романтизмъ съ той узкой точки зрѣнія, съ какой наша литература вообще смотрѣла часто на европейскую, вылавливая изъ нея отдѣльные отрывки и не разумѣя всего широкаго ея смысла. Непониманіе Гамлета, котораго Жуковскій называлъ еще въ 1821-мъ году «чудовищемъ» и «чудеснымъ уродомъ» [2], есть только одинъ изъ многихъ примѣровъ этой ограниченности взгляда, которой вовсе не было у романтиковъ англійскихъ или нѣмецкихъ: для этихъ послѣднихъ, какъ извѣстно, Шекспиръ былъ предметомъ поклоненія, и непониманіе его казалось дѣломъ чудовищнымъ. Это непониманіе объясняется у Жуковскаго именно ограниченностью его романтической области, и вообще ограниченностью его понятій: широкая картина человѣческой души и внутренней борьбы ея стремленій, сомнѣніе, скептицизмъ инстинктивно отталкивали его, потому что, въ концѣ концовъ, они грозили его собственному, какъ бы изнѣженно сантиментальному міровоззрѣнію. Также мало

---

[1] Наша критика уже давно замѣтила эти ограниченные размѣры поэтическихъ заимствованій Жуковскаго. «Не должно полагать,—говорилъ еще Полевой,—чтобы Жуковскій глубоко проникалъ тогда въ сущность германской и англійской поэзіи. Онъ самъ признается, что Гамлета почитаетъ чудовищнымъ, уродливымъ произведеніемъ. Также не могъ онъ постигнуть глубины Гёте, и даже вдохновителя и любимца своего Шиллера....». «Ни Жуковскій, и никто изъ товарищей и послѣдователей его не подозрѣвали, что они пустились въ океанъ безпредѣльный. Оптическій обманъ представлялъ имъ берега вблизи. Срывая вѣтки въ безмѣрномъ саду Гёте и Шиллера, они думали, что переносятъ въ русскую поэзію цѣлый садъ этотъ» (Оч. Рус. Литер., I, стр. 112, 114).

[2] Соч. Жук. VI, стр. 219–220.

онъ понималъ и энергическій скептицизмъ Байрона; послѣ «Шильонскаго узника», онъ уже не возвращался къ нему, — потому что и трудно было бы ему найти въ немъ сочувственные мотивы. Если онъ въ письмахъ къ Гоголю (1847—1848) высказываетъ свой ужасъ къ отрицающей поэзіи Байрона и другого, не названнаго имъ поэта, въ которомъ надо видѣть Гейне,—этотъ ужасъ не былъ новой чертой его понятій: это была давнишняя точка зрѣнія, которая теперь высказалась только во всей полнотѣ [1]). Жуковскій наконецъ раскаявался и въ томъ невинномъ романтизмѣ, который онъ нѣкогда вводилъ въ русскую литературу. Въ письмѣ къ извѣстному Стурдзѣ (въ 1849 году), говоря о своемъ переводѣ Одиссеи, онъ замѣчаетъ полу-шутя и полу-серьезно, что наградой ему за этотъ трудъ будетъ: «сладостная мысль, что я (во время оно родитель на Руси нѣмецкаго романтизма и поэтическій дядька чертей и вѣдьмъ нѣмецкихъ и англійскихъ) подъ старость загладилъ свой грѣхъ....» Но и въ тѣ времена, и послѣ Жуковскій одинаково не понималъ и не любилъ той поэзіи, которая выходила за предѣлы его спеціальности, которая смѣло обращалась къ реальной жизни, вмѣшивалась въ борьбу идей и съ испытующимъ скептицизмомъ говорила о человѣческихъ идеалахъ и самообольщеніяхъ. Эта поэзія предполагала запасъ мужественной критики и сильной мысли; Жуковскій отступалъ передъ ней....

Жуковскій былъ чуждъ вопросамъ, волновавшимъ жизнь, не

---

[1]) Указавъ, «съ благодарностью сердца», въ образецъ истинной поэзіи на Вальтеръ-Скотта и Карамзина, Жуковскій продолжаетъ:

«Съ другой стороны обратимъ взоръ на Байрона — духъ высокій, могучій, но духъ отрицанія, гордости и сомнѣнія. Его геній имѣетъ прелесть Мильтонова сатаны, столь поражающаго своимъ помраченнымъ величіемъ; но у Мильтона эта прелесть не иное что, какъ поэтическій образъ, только увеселяющій воображеніе, а въ Байронѣ она есть сила, стремительно влекущая насъ въ бездну сатанинскаго паденія.

«Но что сказать о.... (я не назову его, но тѣмъ для него хуже, если онъ будетъ тобою угаданъ въ моемъ изображеніи), что сказать объ этомъ хулителѣ всякой святыни, которой откровеніе такъ напрасно было ему ниспослано въ его поэтическомъ дарованіи и въ томъ чародѣйномъ могуществѣ слова, котораго можетъ быть ни одинъ изъ писателей Германіи не имѣлъ въ такой силѣ! Это уже не судьба, разрушившая бѣдствіями душу высокую и произведшая въ ней бунтъ противъ испытующаго Бога, это не падшій ангелъ свѣта, въ упоеніи гордости отрицающій то, что знаетъ и чему не можетъ не вѣрить—это свободный собиратель и провозгласитель всего низкаго, отвратительнаго и развратнаго, ...это—презрѣніе всякой святыни и циническое, безстыдно дерзкое противу нея богохульство, дабы, оскорбивъ всѣхъ, кому она драгоцѣнна, угодить всѣмъ поклонникамъ разврата, это вызовъ на буйство, на невѣріе, на угожденіе чувственности, на разнузданіе всѣхъ страстей, на отрицаніе всякой власти», и проч. (Сочин. VI, 731—732).

только какъ поэтъ, но и какъ человѣкъ. Въ свое время онъ былъ однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ членовъ «Арзамаса», въ которомъ собрались писатели этой первой романтической школы и друзья, раздѣлявшіе ихъ мнѣнія. Мы указывали въ другомъ мѣстѣ, что общественный индифферентизмъ составлялъ существенную черту Арзамаса. Въ личныхъ отношеніяхъ Жуковскій отличался многими прекрасными свойствами: искренняя любовь къ людямъ составляла, кажется, дѣйствительное свойство его характера; у него было много истиннаго добродушія, готовности помогать бѣдствующимъ, даже когда это бывало не совсѣмъ удобно, — и эти качества онъ сохранилъ, кажется, и въ позднѣйшее время; наконецъ его юношеская веселость въ дружескомъ кругу очень не походила на его унылую поэзію и на мрачную обстановку изъ могильныхъ картинъ, которой онъ окружалъ себя дома [1]) ....Тѣмъ не менѣе, друзья находили, что, когда Жуковскій получилъ свое извѣстное назначеніе при дворѣ, поэтъ началъ скрываться въ придворномъ, и Пушкинъ передѣлалъ въ эпиграмму его стихотвореніе о «бѣдномъ пѣвцѣ» [2]).

Не знаемъ теперь, насколько дѣйствительно была замѣтна эта перемѣна, но мы не думаемъ приписывать ей того индифферентизма, который мы указывали. Онъ коренился прежде всего въ унаслѣдованныхъ нравахъ и преданіяхъ, которые не были вовсе благопріятны для критики въ общественныхъ предметахъ, и напротивъ внушали

— не смѣть
Свое сужденіе имѣть;

онъ поддерживался воспитаніемъ и всей дружеской обстановкой. И до своей придворной карьеры Жуковскій былъ совершенно таковъ же.

По личному добродушію Жуковскій несомнѣнно желалъ успѣховъ добрымъ нравамъ, мягкому правленію и проч. И въ раннюю пору и впослѣдствіи онъ собственнымъ примѣромъ возбуждалъ друзей къ лучшимъ дѣламъ филантропіи; — такъ онъ хлопоталъ о поэтѣ Мещевскомъ, или впослѣдствіи о Шевченкѣ и ф.-д.-Бриггенѣ; — такъ, въ 1822-мъ году, вернувшись изъ-за границы и повидимому подъ свѣжимъ вліяніемъ европейскихъ пра-

---

[1]) См. въ письмахъ Ив. Кирѣевскаго.

[2]) Дмитріевъ пишетъ въ 1818 г. къ А. И. Тургеневу: «Ревность друзей его (Жуковскаго) почти достигла своей цѣли: кажется, поэтъ мало-по-малу превращается въ придворнаго; кажется, новость въ знакомствахъ, въ образѣ жизни начинаетъ прельщать его» (Р. Арх. 1867, стр. 1092).

вовъ и Шиллера [1]), онъ освободилъ нѣсколькихъ, принадлежавшихъ ему крестьянъ; — такъ, въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ, онъ, въ письмахъ къ нѣкоторымъ высокопоставленнымъ лицамъ, говорилъ объ умѣренности, о «самоотверженіи власти» и ея обязанностяхъ,—но, какъ это было и у Карамзина, его общественная мысль оставалась чистой моральной отвлеченностью и не развилась у него въ серьезный критическій взглядъ: онъ остался навсегда при обычномъ представленіи о превосходствѣ status quo.

Ему не удавались и рѣшенія отвлеченныхъ научныхъ вопросовъ. По общему характеру тогдашняго образованія, его интересы были почти исключительно литературные и гуманистическіе. Однажды, около 1830-го года, эти интересы его расширились, и по словамъ біографа, онъ было-возъимѣлъ наклонность къ натуръ-философіи, въ смыслѣ Гумбольдтова «Космоса» [2])—вслѣдствіе лекцій петербургскаго академика Триніуса, читанныхъ имъ при дворѣ; но продолженіе лекцій было запрещено, и Жуковскій не пошелъ дальше въ этомъ направленіи. Остался небольшой слѣдъ этой попытки въ его статьѣ «Взглядъ на землю съ неба», гдѣ онъ употребилъ натуръ-философскія подробности въ изложеніи своего романтическаго благочестія.

Изъ всего этого произошли результаты, какихъ слѣдовало ожидать. Жуковскій, съ самаго начала чуждый критическаго взгляда, наконецъ перестàлъ понимать послѣдующія поколѣнія и совершавшіяся событія. Его личныя мнѣнія больше и больше склонялись къ сантиментальному піэтизму. Мелькомъ появлявшіяся попытки критики замолкали, и наконецъ, въ періодъ своей послѣдней заграничной жизни, онъ, подъ вліяніемъ личныхъ связей, вошелъ въ кругъ піэтистовъ, въ которомъ чувствовалъ себя тяжело, но изъ котораго уже не въ силахъ былъ выйти. Подъ стать религіознымъ установились и его понятія политическія. Когда на его глазахъ происходили событія 1848-го года, онъ, какъ прежде Карамзинъ во французской революціи, не увидѣлъ въ нихъ ничего кромѣ наглаго буйства черни и развратныхъ людей: мнѣніе его было совершенно рѣшительно, потому что и все развитіе политическихъ идей, даже все развитіе европейской образованности и цивилизаціи казались ему только постояннымъ приближеніемъ Европы къ послѣдней гибели [3]).

---

[1]) Seidlitz, стр. 111.

[2]) Seidlitz, стр. 159.

[3]) Вотъ, напр., образчикъ его историческихъ выводовъ:

«Оглянувшись на Западъ теперешней Европы, что увидимъ? Дерзкое непризнаніе участія Всевышней власти въ дѣлахъ человѣческихъ выражается во всемъ, что теперь

Такъ онъ судилъ о событіяхъ 1848-го года въ Германіи. «Какой тифусъ взбѣсилъ всѣ народы и какой параличъ сбилъ съ ногъ всѣ правительства!» восклицаетъ онъ въ томъ же письмѣ къ кн. Вяземскому, изъ котораго мы приводимъ выписку въ примѣчаніи. Взглядъ Жуковскаго на революціонныя событія не былъ бы удивителенъ въ человѣкѣ стараго времени, въ человѣкѣ всегдашнихъ монархическихъ мнѣній; но любопытно, что долгая жизнь его въ этой самой Германіи нимало не объяснила ему движенія, происходившаго въ обществѣ, что онъ не понялъ его даже въ чужой странѣ, гдѣ нисколько не замѣшанъ былъ его личный интересъ,—и что онъ самымъ враждебнымъ образомъ осуждаетъ движеніе, хотя самъ *сознаетъ*, что народы были *обмануты* [1]). Несмотря на это, онъ не находитъ словъ для выраженія своего негодованія про-

---

происходитъ въ собраніяхъ народныхъ. Эгоизмъ и мертвая матеріальность царствуютъ. Чего тутъ ожидать живаго? Какое человѣческое благо можетъ быть построено на такомъ фундаментѣ? Вѣра въ *святое* исчезла — печальный результатъ *реформаціи*, которая сама будучи результатомъ предшествовавшаго, есть самый видимый пунктъ, съ котораго можно преслѣдовать постепенный ходъ и развитіе теперешняго. Неотрицаемо, что реформація произвела великое движеніе умственное, изъ котораго наконецъ вышла гражданственность, или такъ - называемая цивилизація нашего времени».

Но существенный результатъ реформаціи былъ чрезвычайно вреденъ. «Первый шагъ реформаціи рѣшилъ судьбу европейскаго міра»,—вмѣсто злоупотребленій, она разрушила самый авторитетъ церкви:

«Реформація взбунтовала противъ ея неподсудимости демократическій умъ; давъ право повѣрять Откровеніе, она поколебала вѣру, а съ нею и все святое. Это святое замѣнилось языческою мудростію древнихъ; родился духъ противорѣчія; начался мятежъ противъ всякой власти, какъ божественной, такъ и человѣческой. Этотъ мятежъ пошелъ двумя дорогами: на *первой* уничтоженіе авторитета церкви произвело *раціонализмъ* (отверженіе божественности Христа), отсюда *пантеизмъ* (уничтоженіе личности Бога), въ заключеніе *атеизмъ* (отверженіе бытія Божія); на *другой* понятіе о власти державной, происходящей отъ Бога, уступило понятію о *договорѣ общественномъ*, изъ него самодержавіе народа, котораго первая степень *представительная монархія*, вторая степень *демократія*, третья степень *соціализмъ* и *коммунизмъ*; можетъ быть и четвертая, послѣдняя степень: *уничтоженіе семейства*, а вслѣдствіе того низведеніе человѣчества, освобожденнаго отъ всякой обязанности, ограничивающей чѣмъ-либо его личную независимость, въ достоинство совершенно свободнаго *скотства*. Итакъ два пункта, къ которымъ ведутъ и отчасти уже привели сіи двѣ дороги: съ одной стороны самодержавіе ума человѣческаго и уничтоженіе царства Божія, съ другой — владычество всѣхъ и каждаго и уничтоженіе общества. Между сими двумя крайностями бытія теперь и выбивается изъ силъ образованность западной Европы». (Соч. VI, 697—699).

[1]) Вотъ его слова: «Безпрестанно повторяютъ (т.-е. въ Германіи, во время смутъ 1848-го года): мы тридцать три года терпѣли; обѣщанное намъ неисполнено; нами ругались; мы были притѣснены; всѣ наши требованія были съ презрѣніемъ отвергнуты». Къ несчастію, эти *обвинительные крики основаны на истинѣ:* государи Германіи остались въ долгу у своихъ народовъ». «И главная вина ихъ состоитъ, — по мнѣнію

тивъ общества, которое наконецъ хотѣло напомнить о своемъ правѣ: «крики человѣческаго безумія», «дерзкіе журналисты», «безсмысленность», «буйство», «нечистые когти мятежа», «дерзкій развратъ» и т. д.

Въ домашнихъ предметахъ Жуковскій имѣлъ образъ мыслей, который можно назвать прямымъ продолженіемъ или повтореніемъ мнѣній Карамзина [1]). Онъ не только не находилъ какихъ-нибудь недостатковъ въ существующемъ ходѣ вещей, но полагалъ, что Россія, «оторвавшись (послѣ 1848-го года) отъ насильственнаго на нее вліянія Европы (выше имъ описанной)»,— «вступитъ въ особенный, ея исторіею, слѣдственно самимъ Промысломъ ей проложенный путь»; она составитъ «самобытный великій міръ, полный силы неизчерпаемой, ...сплоченный вѣрою и самодержавіемъ въ одну несокрушимую, нынѣ *вполнѣ устроенную* громаду» и проч. Онъ не предвидѣлъ, что уже вскорѣ должно было начаться испытаніе, которое должно было въ цѣлой массѣ общества и въ самомъ правительствѣ сильно измѣнить мнѣніе о томъ порядкѣ вещей...

Въ литературѣ Жуковскій давно стоялъ особнякомъ, внѣ всякихъ ближайшихъ отношеній съ ея движеніемъ. Послѣ «Арзамаса» ближайшіе друзья его были въ кружкѣ Пушкина, составлявшемъ собственно продолженіе того же Арзамаса. Съ тридцатыхъ годовъ, когда наша литература впервые начала оживляться дѣятельной и энергической критикой, когда появленіе Гоголя предвѣщало наконецъ дѣйствительную зрѣлость литературныхъ стремленій, Жуковскій, какъ весь кружокъ, оставался чуждъ этому движенію. Въ похвалу писателей этого кружка надобно сказать, что они, какъ люди со вкусомъ, образованію котораго столько содѣйствовалъ Пушкинъ, умѣли оцѣнить Гоголя, который вообще не встрѣтилъ сочувствія въ старыхъ партіяхъ; они поддерживали его въ затрудненіяхъ издательства и стали вообще ближайшими его друзьями. Къ сожалѣнію, ихъ дружба мало помогла Гоголю въ самомъ существенномъ. Не будемъ говорить о томъ, какой смыслъ и какое вліяніе имѣло то покровительство высокопоставленныхъ лицъ, котораго Гоголь самъ такъ добивался и которое они хлопотали ему доставить, — они были свидѣтелями того страннаго направленія, какое еще съ тридцатыхъ годовъ начали принимать его мысли и его харак-

---

Жуковскаго,—менѣе въ томъ, что они этого долга не заплатили, нежели въ томъ, что они *не оказали надлежащей рѣшительности въ его признаніи*» и пр. (Соч. VI, стр. 401, прим.).

[1]) Ср. Соч. VI, стр. 389—391.

теръ, — и повидимому только поддержали въ немъ это направленіе. Его манія самолюбія и религіознаго самоистязанія, которое онъ думалъ распространить на весь читающій русскій міръ, — эта манія, которой быть можетъ помогло бы въ началѣ должное противодѣйствіе, была принята ими какъ нѣчто нормальное, или, хотя и преувеличенное, но серьезное и глубокое въ основаніи. Правда, они одобряли и защищали сочиненія Гоголя при ихъ появленіи, но они одобрительно выслушивали и тѣ откровенія, изъ которыхъ онъ составилъ потомъ свои «Выбранныя Мѣста». Почему же люди этого кружка такъ далеко, даже абсолютно, разошлись съ другими почитателями Гоголя, которымъ эти «Мѣста» показались (и справедливо) полнымъ паденіемъ писателя? Объясненіе заключается повидимому въ томъ, что люди кружка Жуковскаго нашли здѣсь свой собственный мотивъ. Ихъ собственныя мнѣнія состояли въ сантиментальномъ романтизмѣ, который чуждался общественной критики и пугался дѣятельнаго вмѣшательства въ общественные вопросы съ суровой точки зрѣнія сатиры. Надо полагать, что имъ очень не нравились тѣ толкованія, которыя давались произведеніямъ Гоголя въ новой критикѣ, — не нравилось, что Гоголя ставили во главѣ сатиры, которая становилась чуть не оппозиціоннымъ обличеніемъ. Они съ своей стороны давали свое признаніе «Мертвымъ Душамъ», — отчасти по своему художественному вкусу, который ясно указывалъ имъ высокія поэтическія достоинства этого произведенія; отчасти, быть можетъ, потому, что не предвидѣли, какъ сильны будутъ упомянутыя, непріятныя имъ истолкованія «поэмы» въ либеральномъ смыслѣ; отчасти потому, что настроеніе автора, неизвѣстное для публики и критиковъ, было очень извѣстно имъ, какъ хорошимъ его друзьямъ, а это настроеніе уже тогда было таково, какимъ явилось въ «Выбранныхъ Мѣстахъ». При появленіи этой послѣдней книги, характеръ ея вовсе не былъ для нихъ новостью; напротивъ, если они отчасти и неодобряли нѣкоторыхъ ея подробностей (слишкомъ безтактныхъ), то вообще говоря, они были очень довольны тѣмъ разъясненіемъ, какое самъ писатель давалъ всей своей дѣятельности. Это было смиреніе, самоуничиженіе, раскаяніе въ необдуманности прежняго смѣха, отказъ отъ какого-нибудь обличенія: все, что̀ привело въ такое негодованіе Бѣлинскаго и людей его мнѣній, казалось естественнымъ и похвальнымъ для друзей Гоголя.

Религіозная манія Гоголя, вмѣстѣ съ полнымъ отказомъ отъ лучшихъ произведеній, составившихъ его историческую славу, совершенно сошлась съ піэтизмомъ Жуковскаго и его равнодушіемъ къ общественному интересу. Тяжело читать въ біографіи

Жуковскаго - исторію послѣднихъ лѣтъ его жизни, когда онъ вполнѣ предался піэтизму. Этотъ піэтизмъ и казался ему искомой цѣлью жизни, въ немъ онъ находилъ разгадку идеала, котораго онъ доискивался въ теченіе своей поэтической дѣятельности; а эта дѣятельность представлялась ему теперь почти заблужденіемъ. Этотъ исходъ совершенно пришелся къ его давнишнему характеру: романтическая меланхолія нашла свое основаніе; духи и привидѣнія, которыми прежде были наполнены его стихи, теперь представлялись ему во очію [1])....

Мы приводимъ эту исторію мнѣній Жуковскаго конечно не какъ одинъ личный примѣръ. Напротивъ, она любопытна для насъ именно какъ образчикъ того развитія, какой проходила вообще школа сентиментальнаго романтизма; — потому что, сколько ни было субъективнаго въ поэзіи Жуковскаго, и сколько ни слѣдуетъ отдѣлить въ его мнѣніяхъ на долю его собственнаго личнаго характера, этотъ романтическій консерватизмъ составляетъ черту цѣлой школы. Въ исторіи чисто литературныхъ идей школа исполнила свое дѣло, расширивъ область поэзіи и по содержанію, и по формѣ, подъ вліяніемъ европейскаго романтизма, хотя понятаго весьма неполно и односторонно; въ понятіяхъ общественныхъ она не ушла дальше карамзинскихъ преданій, которыя въ особенности вѣрно сохранилъ Жуковскій. Эта школа осталась въ сторонѣ отъ либеральнаго общественнаго движенія двадцатыхъ годовъ, происходившаго еще въ молодую ея пору,—еще меньше она участвовала въ тѣхъ литературныхъ стремленіяхъ, которыя одушевляли лучшихъ людей въ слѣдующія десятилѣтія.

Школа вовсе не была лишена желанія общаго блага, но, какъ свободолюбіе Карамзина, это желаніе было платоническое. Наслѣдовавши поколѣнію, которое еще не имѣло и мысли объ общественной самодѣятельности и котораго наиболѣе передовые люди представляли себѣ эту самодѣятельность только въ миѳологической формѣ масонства, Жуковскій и люди его кружка мало подвинули этотъ вопросъ: ихъ отвлеченная мораль и проповѣдь добродѣтели не примѣнялись къ реальнымъ фактамъ и къ существующему положенію вещей. Ихъ идеалъ вполнѣ мирился съ сущностью этого положенія, въ которомъ они видѣли наилучшій изъ возможныхъ порядковъ. Перейти къ практическому пониманію этой отвлеченности, и по крайней мѣрѣ уразумѣть, если не указать, что̀ противорѣчило ей въ дѣйствительности — на это уже недоставало ихъ силы, и когда это стали дѣлать

---

[1]) Соч., т. VI, «Нѣчто о привидѣніяхъ».

другіе, они сочли это нарушеніемъ гражданской скромности, дерзостью и буйствомъ.

Европейскій романтизмъ имѣлъ и другую сторону, кромѣ тѣхъ стремленій въ средніе вѣка, въ легенду и патріархальный феодализмъ, о которыхъ мы говорили.

Въ Германіи національное возбужденіе, начатое движеніемъ прошлаго вѣка и доведенное до своей высшей степени въ періодъ Наполеоновскихъ войнъ ненавистью къ иноземному игу, также нашло свое поэтическое выраженіе въ формахъ романтизма. Національное возбужденіе воспринимало тѣ порывы къ свободѣ, которые были внушены «просвѣщеніемъ» восьмнадцатаго вѣка, и въ войнахъ за освобожденіе оба интереса, національный и общественный, слились въ одно стремленіе, которое выразилось въ жизни политическимъ броженіемъ тайныхъ обществъ и въ литературѣ патріотической пропагандой и поэзіей: Кёрнеръ, Арндтъ, Янъ, Стефенсъ, Фолленіусъ, затѣмъ Бёрне и Гейне и т. д., представляли собой разные оттѣнки и разныя степени этого движенія; философія, въ лицѣ Фихте, стала политическимъ воззваніемъ.

Во Франціи шло свое романтическое движеніе, въ которомъ, какъ и въ нѣмецкомъ романтизмѣ, вопросъ о литературной реформѣ соединялъ въ себѣ, съ одной стороны, тоже стремленіе въ средніе вѣка, какъ золотой вѣкъ самобытной оригинальной жизни (какъ, нѣсколько позднѣе, это было въ Notre Dame de Paris), съ другой либеральные элементы, сливавшіеся съ политическимъ движеніемъ противъ реставраціи.

Въ Англіи, гдѣ великимъ столпомъ самостоятельнаго феодально-консервативнаго романтизма былъ Вальтеръ-Скоттъ, романы котораго обошли всю Европу, вездѣ возбуждая одинаковый интересъ,—другую сторону романтическаго движенія представила поэзія Байрона. Это было нѣчто неслыханное въ европейской литературѣ, которая еще не видѣла подобнаго соединенія роскошной поэзіи, мрачнаго озлобленія и язвительной сатиры. Далеко не всѣ поняли тогда Байрона даже въ европейской литературѣ, но на тѣхъ, которые его поняли, онъ производилъ сильное возбуждающее дѣйствіе, смыслъ котораго былъ политическій радикализмъ. По разсказамъ современниковъ, Байронъ въ первый разъ проникъ въ большое европейское общество въ 1814-мъ году, на Вѣнскомъ конгрессѣ [1]), — любопытное совпа-

---

[1]) Varnhagen, Denkwürdigkeiten, III, стр. 253.

деніе двухъ явленій, представлявшихъ противоположные полюсы тогдашней европейской жизни. Байроновскій скептицизмъ отвергалъ тѣ узкія рамки, въ которыхъ была насильственно заключена европейская жизнь, и отрицаніе было такъ сильно, что тогдашніе его противники не находили для его поэзіи другой характеристики кромѣ «адской» и «сатанинской».

Въ литературѣ итальянской совершалось также параллельное движеніе въ романтическомъ стилѣ, — впрочемъ итальянская литература отозвалась всего менѣе въ нашей романтической школѣ, какъ и вообще въ цѣлой нашей литературѣ.

Эта сторона европейской романтики, тѣсно связанная съ политическимъ броженіемъ того времени, отразилась въ нашей литературѣ также, какъ отразилось европейское политическое броженіе въ нашей общественной жизни. У насъ эти два явленія были также связаны, потому что либерализмъ десятыхъ и двадцатыхъ годовъ въ самомъ дѣлѣ имѣлъ въ себѣ много романтическаго, и въ обстановкѣ тайныхъ обществъ, и въ идеализмѣ стремленій къ свободѣ...

Эту сторону тогдашняго романтизма мы можемъ видѣть въ первой эпохѣ дѣятельности Пушкина. Останавливаясь на немъ, мы опять имѣемъ въ виду не отдѣльное индивидуальное явленіе: Пушкинъ, какъ Жуковскій, важенъ здѣсь для насъ какъ высшій представитель тогдашней литературы, и какъ явленіе характеристическое.

Мы говорили въ другомъ мѣстѣ, что, когда стали составляться общественныя понятія Пушкина, онъ былъ либералъ, другъ многихъ членовъ тайнаго общества, и самъ имѣлъ сильное желаніе сдѣлаться его членомъ. Онъ встрѣчался съ Пестелемъ, который произвелъ на него большое впечатлѣніе[1]); онъ былъ въ болѣе или менѣе тѣсныхъ дружескихъ связяхъ съ Пущинымъ, Ник. Муравьевымъ, Рылѣевымъ, Якушкинымъ, М. Ѳ. Орловымъ, Чаадаевымъ, А. Бестужевымъ, Охотниковымъ, В. Л. Давыдовымъ, Раевскими и пр.[2]). Въ запискахъ современниковъ остались любо-

---

[1]) Къ Пестелю относится одна замѣтка изъ дневника, писаннаго Пушкинымъ въ Кишиневѣ; напечатанная первоначально въ Библіограф. Запискахъ 1859, стр. 129, эта замѣтка повторена во 2-мъ изд. Пушкина (но безъ указанія, о комъ идетъ рѣчь, и притомъ неизвѣстно почему вмѣсто «9 апрѣля» здѣсь поставлено «9 февраля 1823 года»): «Утро провелъ съ П-мъ: умный человѣкъ во всемъ смыслѣ этого слова. Mon coeur est materialiste, mais ma raison s'y refuse. Мы имѣли съ нимъ разговоръ метафизической, политической, нравственный и проч. Онъ одинъ изъ самыхъ оригинальныхъ умовъ, которыхъ я знаю». Цѣлый дневникъ, къ которому принадлежалъ этотъ отрывокъ, былъ уничтоженъ Пушкинымъ, какъ полагаютъ, въ 1826 году.

[2]) Ср. въ его письмѣ къ Жуковскому (въ 1826 году): «...Я былъ въ связи съ большею частью нынѣшнихъ заговорщиковъ» (Р. Арх. 1870, стр. 1177).

пытныя воспоминанія о томъ, какъ живо завлекала его мысль о тайномъ обществѣ; друзья, члены общества, скрывали отъ Пушкина его существованіе, но онъ угадывалъ, что общество есть, и огорчался тѣмъ, что его не принимали. Одинъ изъ современниковъ разсказываетъ, что когда, въ 1827 году, Пушкинъ пришелъ проститься съ А. Г. Муравьевой, ѣхавшей въ Сибирь къ своему мужу Никитѣ, онъ сказалъ ей: «я очень понимаю, почему эти господа не хотѣли принять меня въ свое общество; я не стоилъ этой чести»...

Извѣстны его посланія къ Чаадаеву, который также принадлежалъ этому кругу, посланія къ Пущину, и въ числѣ ихъ одно, посланное ему въ Сибирь. Изъ нихъ видно, что симпатія Пушкина съ этими людьми сопровождалась согласіемъ мнѣній и идеаловъ. Къ этому времени относится цѣлый рядъ его мелкихъ стихотвореній и эпиграммъ, имѣвшихъ довольно положительный общественный смыслъ. Мы упоминали въ другомъ мѣстѣ, какъ велика была извѣстность этихъ стихотвореній. Одинъ современникъ разсказываетъ, какъ Пушкинъ однажды удивился, услышавъ отъ него одно изъ своихъ стихотвореній этого рода («Ура! въ Россію скачетъ»), которое онъ считалъ неизвѣстнымъ публикѣ, — «а между тѣмъ всѣ его ненапечатанныя сочиненія: «Деревня», «Кинжалъ», «Четырехстишіе къ Аракчееву», «Посланіе къ Петру Чаадаеву» и много другихъ, были не только всѣмъ извѣстны, но въ то время не было сколько-нибудь грамотнаго прапорщика въ арміи, который не зналъ ихъ наизусть».

Тотъ же авторъ замѣчаетъ объ этой эпохѣ дѣятельности Пушкина: «Вообще Пушкинъ былъ *отголосокъ своего поколѣнія*, со всѣми его недостатками и со всѣми добродѣтелями. И вотъ, можетъ быть, почему онъ былъ поэтъ истинно народный, какихъ не бывало прежде въ Россіи». Нельзя не вспомнить также словъ, сказанныхъ нѣсколько позднѣе этого времени другимъ современникомъ, который, объясняя тогдашнее увлеченіе молодыхъ поколѣній Пушкинымъ, замѣчаетъ: «Не разнообразный геній его, не прелесть картинъ увлекали современную молодежь, а звучные стихи, изображавшіе *ихъ мысль*. Можно утвердительно сказать, что имя Пушкина всего болѣе сдѣлалось извѣстно въ Россіи по нѣкоторымъ его мелкимъ стихотвореніямъ, нынѣ забытымъ [1]), но въ свое время ходившимъ по рукамъ во множествѣ списковъ» [2])...

Не знаемъ, почему Полевой называетъ эти стихотворенія

[1]) Авторъ разумѣлъ конечно тѣ, о которыхъ мы сейчасъ говорили.

[2]) Слова Полеваго въ «Телеграфѣ», 1829, ч. 27, стр. 227.

«забытыми», потому что онѣ вовсе не были забыты. Самъ Пушкинъ въ то время, измѣнивши свой прежній образъ мыслей, очень желалъ, чтобы ихъ забыли; нѣкоторые новѣйшіе критики трактовали ихъ какъ увлеченія молодости, которыя потомъ самъ Пушкинъ отвергалъ, — но все это не устраняетъ историческаго значенія этихъ мелкихъ стихотвореній. Напротивъ, они остаются любопытнымъ эпизодомъ тогдашней жизни и поэтическаго развитія самого Пушкина, и (за двумя-тремя исключеніями) вовсе не служатъ къ ущербу для его достоинства или славы. Эти стихотворенія заключали въ себѣ благородные порывы къ лучшему порядку вещей, и язвительное обличеніе людей и вещей, которые тогда дѣйствительно вредили общественному благу: Аракчеевъ, кн. Голицынъ, Фотій и т. д., вотъ люди, противъ которыхъ обращалось остроуміе его эпиграммъ. И было весьма естественно, что этотъ періодъ дѣятельности Пушкина такъ быстро составилъ его славу: увлеченіе публики было совершенно законное, и въ немъ ясно обнаруживался инстинктъ, указывавшій литературѣ ея общественныя задачи и обязанности. Публика находила въ насмѣшкѣ Пушкина выраженіе собственной мысли: отсутствіе всякой публичности, всякаго права общественнаго мнѣнія дѣлало эти легкіе памфлеты предметомъ общаго интереса; мысль, раздѣляемая самой публикой, высказывалась здѣсь съ такимъ остроуміемъ, съ такой поэтической наглядностью, что эти произведенія естественно получали быструю и необыкновенную популярность; явились вскорѣ и подражанія, иногда столь удачныя, что ихъ смѣло приписывали Пушкину. Это было взаимное пониманіе, которое было едвали не первымъ примѣромъ въ нашей литературѣ, въ этой степени...

Въ образѣ мыслей Пушкина еще въ раннюю пору обнаруживались извѣстные консервативные вкусы, которые впослѣдствіи развились въ цѣлую систему мнѣній; но въ началѣ двадцатыхъ годовъ, конечно, подъ вліяніемъ времени и тогдашняго его круга, онъ высказывалъ мнѣнія иного рода, очень справедливыя и свободныя отъ предразсудковъ. Эти мнѣнія были совершенно согласны съ понятіями либеральнаго кружка, гдѣ онъ имѣлъ столько друзей, и не были далеко легкомысленны. Вотъ два-три примѣра.

Въ любопытныхъ отрывкахъ изъ кишиневскаго дневника Пушкина, напечатанныхъ г. Е. Я. въ «Библіографическихъ Запискахъ 1859» г., Пушкинъ излагаетъ въ нѣсколькихъ словахъ свой взглядъ на царствованія преемниковъ Петра Великаго, и замѣчаетъ о неудавшихся попыткахъ аристократіи усилить свою власть: «это спасло насъ отъ чудовищнаго феодализма, и суще-

ствованіе народа не отдѣлилось вѣчною чертою отъ существованія дворянъ»; — въ случаѣ успѣха эти замыслы высшаго дворянства гибельно отозвались бы на народной жизни, «затруднили бы или уничтожили всѣ способы разрѣшить», крестьянскій вопросъ, «ограничили бы число дворянъ и заградили бы для прочихъ сословій путь къ достиженію должностей и почестей государственныхъ». «Нынѣ же, говоритъ Пушкинъ, желаніе лучшаго соединяютъ [1]) всѣ состоянія противу общаго зла, и твердое мирное единодушіе можетъ скоро поставить насъ на ряду съ просвѣщенными народами Европы». Издатель этихъ замѣтокъ справедливо указываетъ значительность этого мнѣнія, высказаннаго Пушкинымъ въ двадцатыхъ годахъ, когда было довольно людей, думавшихъ также о крестьянскомъ вопросѣ, но когда даже между самыми образованными людьми очень немногіе имѣли такое правильное понятіе объ историческомъ значеніи русской аристократіи.

Интересно дальше мнѣніе Пушкина о придворныхъ нравахъ временъ Екатерины II. Онъ говоритъ о нихъ очень строго. Духъ дворянства упалъ: «стоитъ только вспомнить о пощечинахъ, щедро ими (временщиками) раздаваемыхъ нашимъ князьямъ и боярамъ, о славной роспискѣ Потемкина, хранимой донынѣ въ одномъ изъ присутственныхъ мѣстъ государства, объ обезьянѣ графа Зубова, о кофейникѣ князя Куракина и проч.... Они (временщики) не знали мѣры своему корыстолюбію, и самые отдаленные родственники временщика съ жадностью пользовались краткимъ его царствованіемъ. Отселѣ произошли сіи огромныя имѣнія вовсе неизвѣстныхъ фамилій, и совершенное отсутствіе чести и честности въ высшемъ классѣ народа. Отъ канцлера до послѣдняго протоколиста все крало и все было продажно». Сравнивъ эти мнѣнія, напримѣръ, съ извѣстной эпиграммой Пушкина о временахъ Екатерины, мы увидимъ, что эпиграмма вовсе не была случайнымъ легкомысліемъ и шалостью писателя, что въ ней высказалось и накипѣвшее чувство справедливаго недовольства: становится понятенъ пренебрежительный тонъ, съ которымъ онъ говоритъ о временахъ сѣверной Семирамиды.

Эти примѣры тогдашнихъ мнѣній Пушкина показываютъ, что Пушкинъ въ ту пору умѣлъ довольно ясно понимать политическіе предметы, о которыхъ впослѣдствіи сталъ думать много иначе. Своими сатирическими стихотвореніями онъ, конечно, содѣйствовалъ распространенію въ обществѣ извѣстныхъ взглядовъ,

---

[1]) «Соединяетъ»?

которые у него самого образовались, безъ сомнѣнія, подъ вліяніемъ времени и друзей его въ тайномъ обществѣ.

Этотъ періодъ и послѣ, когда произошла очень сильная перемѣна во взглядахъ Пушкина, пробуждалъ въ немъ иногда теплое чувство. Онъ вспоминалъ о своихъ друзьяхъ на лицейскихъ годовщинахъ. Въ бумагахъ Пушкина остался чрезвычайно любопытный планъ романа изъ русской жизни, задуманный имъ въ послѣднюю пору, около 1835-го года; начало этого романа помѣщено было въ Анненковскомъ изданіи, и вошло въ послѣдующія, подъ заглавіемъ «Записки М.». По замѣчанію г. Е. Я., напечатавшаго въ Библ. Запискахъ упомянутый планъ, Пушкинъ хотѣлъ представить въ этомъ романѣ различныя стороны русскаго общества двадцатыхъ годовъ, и самая программа, при всей краткости ея, не лишена нѣкоторыхъ указаній для біографіи Пушкина. Въ самомъ дѣлѣ, въ романѣ должны были явиться люди самыхъ различныхъ характеровъ, и общественныхъ положеній, и въ одномъ мѣстѣ плана ясно видно, что въ романѣ должно было явиться и тайное общество. Вотъ это мѣсто: «...кн. Шаховской, Ежова—Истомина, Гриб., Завад.—Домъ Всеволожскихъ—Котляревскій—Мордвиновъ, его общество—Х...—общество *умныхъ* (И. Долг. С. Труб. Ник. Мур. etc.)». Одинъ этотъ рядъ именъ указываетъ, что здѣсь долженъ былъ явиться міръ театральный, литературный, высшая бюрократическая сфера, и наконецъ «общество *умныхъ*», въ которомъ онъ на первомъ планѣ называетъ здѣсь Илью Долгорукаго, Сергѣя Трубецкаго, Никиту Муравьева.

Такимъ образомъ, по своимъ общественнымъ понятіямъ Пушкинъ въ первомъ періодѣ своей дѣятельности могъ быть справедливо причисленъ къ либеральному кругу. Въ этомъ смыслѣ дѣйствовали на него и романтическія вліянія. Его талантъ созрѣвалъ очень быстро: онъ скоро прошелъ тѣ ступени, которыя представляла прежняя литература, и еще въ лицейскую пору усвоилъ себѣ то, что́ сдѣлали для стиха и языка Державинъ, Карамзинъ, Жуковскій и Батюшковъ. Романтическіе элементы проникали тогда все больше и больше въ нашу литературу, подъ вліяніемъ французской, нѣмецкой, англійской и отчасти итальянской литературы. Французская литература была насущной пищей тогдашнихъ поколѣній; Жуковскій былъ въ особенности проводникомъ нѣмецкихъ поэтическихъ вліяній. Но самое сильное впечатлѣніе произвела въ нашей молодой романтической школѣ, въ томъ числѣ и на Пушкина, поэзія Байрона[1].

[1]) Въ 1820-мъ году А. И. Тургеневъ пишетъ Дмитріеву: «...Итальянцы перево-

Давно было замѣчено, что Пушкинъ, по всему складу своего ума и характера не могъ понять Байрона должнымъ образомъ; замѣчено было также, что онъ не былъ и его простымъ подражателемъ; тѣмъ не менѣе на его произведеніяхъ замѣтно впечатлѣніе, произведенное на него Байрономъ,—всего больше на поэмахъ, слѣдовавшихъ за «Русланомъ и Людмилой». Разочарованность, недовольство условіями жизни, романтическое, не совсѣмъ ясное исканіе свободы, которыя Пушкинъ влагаетъ въ своихъ героевъ, несомнѣнно складывались подъ вліяніемъ байроновской поэзіи. Поэмы Пушкина нравились молодому поколѣнію, которое расположено было къ романтической мечтательности, и простодушные почитатели Пушкина видѣли въ немъ «нашего Байрона». Независимо отъ чисто поэтическихъ достоинствъ, которыя увлекали тогдашнихъ читателей какъ нѣчто еще небывалое, поэмы Пушкина представляли имъ еще новый интересъ по своему содержанію, въ которомъ романтическая мысль сдѣлала шагъ дальше романтизма Жуковскаго. Пушкинъ, по всей натурѣ своей, не былъ способенъ къ тому меланхолическому изныванію, которое совершенно удаляло Жуковскаго отъ дѣйствительной жизни и естественно перешло потомъ въ крайній піэтизмъ. Въ поэзіи Пушкина, напротивъ, чувство дѣйствительности было очень сильно, начиналась рефлексія, правда несамостоятельная, неглубокая, но все-таки направленная къ дѣйствительной жизни. Въ этой рефлексіи современниками предполагалось конечно многое, чего она собственно не заключала; въ Пушкинѣ думали видѣть поэта, который выскажетъ стремленія молодыхъ поколѣній..

Пушкинъ не исполнилъ этихъ ожиданій; теперь намъ видно, что по его дѣйствительнымъ свойствамъ какъ человѣка и писателя, на него и нельзя было возлагать такихъ ожиданій.

Конецъ царствованія Александра I, который былъ временемъ перелома въ нашей общественной жизни, былъ и временемъ окончательнаго перелома въ развитіи мнѣній Пушкина. Прежнія связи, которыя оказывали несомнѣнное вліяніе на его образъ мыслей, порвались окончательно, когда исчезъ весь кружокъ, всѣ наиболѣе замѣчательные умы и характеры либеральной части общества. Но внутренняя причина перелома заключалась въ самомъ Пушкинѣ: въ его поэтическомъ характерѣ

дятъ поэмы Байрона и читаютъ ихъ съ жадностію; слѣдовательно тоже явленіе, что и у насъ на Невѣ, гдѣ Жуковскій дремлетъ надъ Байрономъ, и на Вислѣ, гдѣ Вяземскій бредитъ о Байронѣ»... (Р. Арх., 1867, стр. 653). Кн. Вяземскій держался тогда очень либеральныхъ мнѣній, чѣмъ былъ очень недоволенъ Карамзинъ (см. въ перепискѣ Карамзина съ Дмитріевымъ).

господствующей чертой было то объективное художественное воззрѣніе, которое дѣлало ему въ поэзіи доступными самыя разнообразныя стороны жизни, но въ практическомъ смыслѣ обозначалось извѣстнымъ безучастіемъ къ вопросамъ настоящей минуты. Была и другая черта въ его характерѣ, которая съ такимъ же результатомъ отражалась на его общественныхъ понятіяхъ. По справедливому замѣчанію одного изъ его новѣйшихъ критиковъ, «Пушкинъ вообще имѣлъ въ характерѣ расположеніе любить и уважать преданія, любилъ старину, былъ, если можно такъ выразиться, въ душѣ до нѣкоторой степени старинный человѣкъ, несмотря на то, что проницательный умъ, образованность и практическій взглядъ на вещи заставляли его превосходно понимать различіе между отжившими свое время понятіями и потребностями настоящаго». Эта наклонность къ консерватизму развилась потомъ до того, что въ предметахъ литературныхъ Пушкинъ перестаяъ понимать новые взгляды и требованія критики, а въ общественныхъ предметахъ сталъ поклонникомъ status quo, который конечно мало годился быть идеаломъ.

Эти черты обнаруживались еще въ пору его либерализма. Въ его вольнолюбивыхъ мнѣніяхъ было гораздо больше романтическаго увлеченія хорошей натуры, чѣмъ истиннаго убѣжденія. Онъ былъ довольно уменъ, какъ мы видѣли, чтобы понимать раціональныя основанія своихъ тогдашнихъ либеральныхъ понятій, но натура дѣлала свое, и упомянутое безучастіе брало верхъ надъ логическимъ разсужденіемъ. Самые пламенные его поклонники, какъ Бѣлинскій, замѣчали, что его «мыслительность» уступала въ немъ поэтической созерцательности; поэтому либеральныя его мнѣнія были больше навѣяны временемъ, чѣмъ продуманы и укрѣплены собственнымъ размышленіемъ. Случайныя впечатлѣнія, личныя увлеченія имѣли надъ нимъ слишкомъ большую силу, и когда обстановка измѣнилась, когда наступили совершенно иныя времена, онъ подчинился общему теченію жизни. Его друзья двадцатыхъ годовъ съ неудовольствіемъ видѣли въ немъ недостатокъ серьезности, который и тогда мало удостовѣрялъ ихъ въ прочности его образа мыслей. Его не даромъ не принимали въ тайное общество, въ которое онъ нѣсколько разъ самымъ горячимъ образомъ порывался проникнуть...

Либеральная школа романтизма кончилась съ концомъ политической либеральной партіи. Съ болѣе обширной исторической точки зрѣнія это значило то, что общій уровень жизни не выносилъ этихъ идей, что это были идеи слишкомъ передовыя, которыя, при всемъ ихъ отвлеченномъ достоинствѣ, не были довольно понятны мало развитому обществу. Онѣ нашли

себѣ относительно только ничтожное число послѣдователей, и представители ихъ должны были погибнуть при первой попыткѣ заявить ихъ фактически и открыто...

Роль Пушкина была въ этомъ случаѣ характеристична. По сущности своихъ мнѣній, онъ былъ «старинный человѣкъ», и онъ не сохранилъ съ этимъ временемъ никакой солидарности; его позднѣйшія мнѣнія были чрезвычайно непохожи на его же порывы двадцатыхъ годовъ. Онъ больше и больше мирится съ жизнью, какъ она есть, и находитъ мотивы для поэзіи тамъ, гдѣ она была-бы немыслима для писателя, проходившаго черезъ байроновское «отрицаніе», или для писателя, болѣе требовательнаго въ своемъ пониманіи общественной дѣйствительности.

Въ 1826 году Пушкинъ еще не «отказывался торжественно» отъ своихъ прежнихъ произведеній либерально-сатирическаго свойства. Упоминая въ письмѣ къ Жуковскому о смерти одного значительнаго лица, онъ замѣчаетъ, что Жуковскій въ послѣднее время не обращался къ этому лицу съ своей лирой, и продолжаетъ: «Это лучшій упрекъ ему. Никто болѣе тебя не имѣетъ права сказать: гласъ лиры—гласъ народа, слѣдств. и я не совсѣмъ былъ виноватъ, подсвистывая ему до самаго гроба». Свои отношенія къ новому правительству онъ излагаетъ въ томъ же письмѣ такимъ образомъ. Онъ указываетъ на свои связи со многими изъ заговорщиковъ, на то, что онъ все-таки былъ совершенно постороннимъ самому дѣлу, и продолжаетъ: «Теперь положимъ, что правительство и захочетъ прекратить мою опалу [1]): съ нимъ я готовъ *условливаться* (буде условія необходимы); но вамъ рѣшительно говорю — не отвѣчать и не ручаться за меня [2]). Мое будущее поведеніе зависитъ отъ обстоятельствъ, отъ обхожденія со мною правительства etc.» [3]) Въ этихъ послѣднихъ словахъ говорило конечно въ Пушкинѣ большое мнѣніе о самомъ себѣ, сознаніе своего достоинства и значенія. Существующія біографіи еще не разъяснили, въ чемъ собственно заключался дальнѣйшій ходъ дѣла, о началѣ котораго здѣсь говорится и послѣднимъ заключеніемъ котораго была полная амнистія Пушкина и милости двора [4]). Оставляя по не-

---

[1]) Т.-е. псковскую ссылку, продолжавшуюся со временъ имп. Александра.

[2]) Выше онъ объяснялъ почему: «...мудрено мнѣ требовать твоего заступленія предъ государемъ: не хочу охмѣлить тебя въ этомъ пиру» — деликатное чувство, очень естественное. Кромѣ того Пушкинъ, кажется, не желалъ этого заступленія, предполагая какую-нибудь возможную случайность, гдѣ онъ могъ бы нарушить «условія» и слѣд. компрометтировать своихъ друзей.

[3]) Р. Арх. 1870, стр. 1176—77.

[4]) Ср. Матеріалы, г. Анненкова, стр. 172.

обходимости неразъясненнымъ этотъ предметъ, замѣтимъ. что Пушкинъ по всей вѣроятности преувеличивалъ надобность «условій». Онъ уже вступалъ тогда, въ своей внутренней жизни, въ тотъ періодъ, о которомъ мы говорили и который обнаружилъ его истинный характеръ. Это былъ періодъ его зрѣлости, періодъ чистаго художественнаго творчества, понимаемаго въ романтическомъ стилѣ, и общественнаго индифферентизма, переходившаго наконецъ въ полное признаніе status quo. Поэзія, по его убѣжденію, которое онъ любилъ повторять и въ стихахъ, и въ частной бесѣдѣ, имѣла цѣлью поэзію, и ничего больше; творчество не подчиняется ничему—рѣшительно ничему, кромѣ творчества или вдохновенія; поэтъ — избранникъ небесъ, существующій для высокихъ созданій, «ненавидящій и отгоняющій профанную чернь». Въ 1825-мъ году былъ написанъ «Борисъ Годуновъ», съ котораго считаютъ зрѣлую эпоху Пушкина, періодъ чистаго, свободнаго творчества, искусства для искусства. Съ этой дороги онъ уже болѣе не сходилъ.

Какія великія заслуги были здѣсь оказаны Пушкинымъ, объ этомъ мы считаемъ излишнимъ говорить и можемъ просто сослаться на двухъ его критиковъ, — сороковыхъ и пятидесятыхъ годовъ. Пушкинъ положилъ послѣдній камень въ формальномъ образованіи нашей литературы: онъ окончательно установилъ въ ней права и требованія художественной поэзіи, уничтожилъ всѣ старыя узкія понятія и предразсудки, создалъ поэтическій языкъ, свободный отъ реторики и натянутости; поэзія была поставлена въ понятіяхъ общества на подобающее ей мѣсто и получила свой настоящій смыслъ. Несмотря на то, публика, такъ горячо возвеличившая Пушкина, какъ своего «національнаго» поэта, стала подъ конецъ охладѣвать къ нему. Безусловные поклонники Пушкина много разъ обвиняли за это публику, которая, по ихъ словамъ, перестала понимать поэта именно въ то время, когда онъ вышелъ изъ своей юношеской поры и сталъ создавать вполнѣ зрѣлыя, серьезныя и высокія произведенія. Даже Бѣлинскій повторялъ эти обвиненія.

Но онѣ не совсѣмъ справедливы. Искусство для искусства есть теоретическая крайность, которая рѣдко и даже едвали когда-нибудь проходитъ даромъ для своихъ послѣдователей. Въ убѣжденіяхъ поэта она необходимо влечетъ за собой послѣдствія, которыхъ онъ не разсчитываетъ. Въ своихъ отношеніяхъ къ реальной жизни онъ никогда не можетъ оставаться на высотѣ своихъ воззрѣній, и эта жизнь, въ концѣ концовъ, даже безъ его вѣдома дѣлаетъ его человѣкомъ партіи, становитъ его на одну сторону общественной жизни противъ другой, такъ что

наконецъ и самое искусство для искусства становится невозможнымъ, и оно служитъ извѣстному общественному принципу или партіи. Такъ, одному изъ величайшихъ жрецовъ такого искусства случалось становиться въ вопіющее противорѣчіе къ самымъ національнымъ и законнымъ стремленіямъ общества и народа, какъ это было, напр., съ Гёте во время войны за освобожденіе и послѣ. Поэту, съ высокимъ понятіемъ о своемъ «пророческомъ» посланничествѣ, не трудно преувеличить свое мнимое привилегированное положеніе, считать себя провозвѣстникомъ высокихъ истинъ и стать равнодушнымъ къ живѣйшимъ интересамъ общества, или даже враждебнымъ къ нимъ.

...Тьмы низкихъ истинъ мнѣ дороже
Насъ возвышающій обманъ!..

Къ такимъ рискованнымъ выводамъ приходилъ поэтъ отъ понятія объ искусствѣ и о своемъ положеніи въ обществѣ. Это была точка зрѣнія по преимуществу романтическая.

«Насъ возвышающій обманъ» конечно не можетъ сохраниться для всѣхъ и навсегда, и дѣло поэта окажется фальшивымъ, когда обманъ или самообольщеніе раскрывается. Какія «низкія истины»? И что, если иная низкая истина, при нѣкоторомъ размышленіи, разрушитъ весь, насъ будто бы возвышающій обманъ? Общество думало не такъ, какъ поэтъ. Въ началѣ оно возвеличило Пушкина какъ «отголосокъ» своихъ мнѣній; инстинктомъ оно вѣрно угадывало, что поэзія должна быть выраженіемъ дѣйствительной жизни, защитой ея лучшихъ интересовъ, указаніемъ живого идеала. Общество нельзя обвинять, что оно охладѣвало къ Пушкину, когда онъ предлагалъ ему такъ сказать предметы художественной роскоши, не отвѣчая настоятельной потребности общества въ изображеніи русской дѣйствительности.

Во второмъ періодѣ своей дѣятельности Пушкинъ кончалъ Онѣгина. Это была единственная крупная вещь, въ которой онъ говорилъ о современной жизни; затѣмъ его поэтическое творчество искало себѣ матеріала или только въ старинѣ, или въ сюжетахъ, совершенно чужихъ русской жизни. Извѣстно, съ какимъ жаднымъ интересомъ публика принимала Онѣгина и какъ мало-по-малу охладѣвала къ нему, хотя послѣднія главы были нисколько не хуже первыхъ. Причина этого охлажденія была, кажется, именно та, какую мы указывали: публика не удовлетворялась наконецъ однимъ романтическимъ капризомъ романа, и вмѣстѣ ошиблась въ своемъ ожиданіи, что найдетъ въ «Онѣгинѣ» болѣе серьезный общественный интересъ. Въ своемъ недовольствѣ она была довольно права.

Позднѣйшая критика ставила «Онѣгина» опять очень высоко. У насъ вошло со временъ Бѣлинскаго въ обычай строить исторію общества на поэтическихъ типахъ. Вообще говоря, это построеніе было довольно ошибочное, и во всякомъ случаѣ крайне неполное. Оно было умѣстно тогда, когда еще стоялъ на первомъ планѣ общій вопросъ о значеніи литературы, и когда внѣ чисто литературныхъ разсужденій невозможна была ни другая исторія общества, и никакое другое разъясненіе его движущихъ идей и «злобы дня». Не говоря о томъ, что кромѣ литературныхъ типовъ есть множество другого матеріала для исторіи общества, самые литературные типы были всегда слишкомъ неполны. Если мы даже ограничимся новѣйшей литературой, болѣе обильной въ этомъ отношеніи, можно ли сказать, что литература двадцатыхъ годовъ представила главнѣйшіе общественные типы того времени, или достаточно ясно нарисовала тѣ, какіе въ ней есть,—и точно также литература тридцатыхъ, сороковыхъ годовъ и т. д.? Нельзя забыть и того, что наша поэтическая литература далеко не была «свободнымъ творчествомъ»: странно было бы и говорить о немъ, гдѣ каждый шагъ писателя могъ быть сдѣланъ только подъ надзоромъ, гдѣ опека связывала писателя каждый разъ, какъ его «творчество» покушалось переступить указанный предѣлъ.

Такъ множество разъ говорилось о томъ, что «Онѣгинъ» представляетъ прекрасное отраженіе тогдашняго общества, что герой поэмы есть характеристическій типъ и т. п. Но типъ Онѣгина еще въ тридцатыхъ годахъ возбуждалъ нѣкоторыя недоумѣнія въ критикѣ, которая уже тогда не столько придавала значенія этому типу и самому роману, столько подробностямъ, представлявшимъ разнообразныя картины русской жизни. Какъ общественный типъ, Онѣгинъ въ самомъ дѣлѣ далеко не такъ ясенъ и характеристиченъ, какъ, напр., личность Чацкаго, если взять примѣръ изъ тогдашней литературы, или характеры Гоголя; для этихъ послѣднихъ ненужны вовсе изученные комментаріи, какіе находили нужными для объясненія Онѣгина. Эта поэма начата была Пушкинымъ еще въ 1823 году. Вспомнивъ это время, мы найдемъ, быть можетъ, что Онѣгинъ есть дѣйствительно скорѣе типъ изъ тѣснаго круга свѣтской жизни, чѣмъ «представитель времени»: время было болѣе оживленное общественнымъ интересомъ и разнообразное, чѣмъ можно было бы судить по «Онѣгину». Мы не вправѣ конечно требовать отъ писателя изображенія тѣхъ, а не другихъ людей и сторонъ жизни, — но объясняя себѣ причины его выбора и предпочтенія, мы составимъ себѣ понятіе объ его вкусахъ и горизонтѣ зрѣ-

нія, и въ настоящемъ случаѣ должны опять прійти къ заключенію, что извѣстная сторона тогдашнихъ идей, если и была понятна для Пушкина, то все-таки осталась ему чужда и неинтересна...

Его другія произведенія, вообще произведенія послѣдняго періода, составляющія лучшій цвѣтъ его поэзіи, не имѣютъ отношенія къ современности. Они оказали великое вліяніе на литературу какъ на искусство; поэмы и разсказы изъ старины показываютъ превосходное знаніе народной жизни и научили изображать ее,—но они не дѣйствовали на общество прямо, не давали ему сознанія общественнаго, не указывали ему идеала. Его главнѣйшее отношеніе къ русской жизни въ эту пору было отношеніе поэта историческаго. «Но и здѣсь,—говоритъ новѣйшій критикъ Пушкина,—Пушкинъ остался вѣренъ самому себѣ; онъ не высказалъ ничего принадлежащаго ему; взглядъ его на историческіе характеры и явленія былъ не болѣе какъ отраженіе общихъ понятій. Петръ—великій человѣкъ, мудрый правитель; Карлъ—опрометчивый герой, Мазепа—коварный измѣнникъ,—болѣе ничего не высказано въ «Полтавѣ» объ этихъ лицахъ. «Борисъ Годуновъ»—повтореніе характеровъ и взглядовъ, высказанныхъ Карамзинымъ. Вообще историческія произведенія Пушкина сильны общею психологическою вѣрностью характеровъ, но не тѣмъ, чтобы Пушкинъ прозрѣвалъ въ изображаемыхъ событіяхъ глубокій внутренній интересъ ихъ, какъ, напримѣръ, Гёте въ своемъ Гёцѣ фонъ-Берлихингенѣ» [1]) и т. д. Точка зрѣнія Пушкина была вполнѣ карамзинская. Онъ теперь совершенно иначе думалъ объ «Исторіи Государства Россійскаго», политическій смыслъ которой былъ для него прежде довольно ясенъ. «Пушкинъ до того вошелъ (теперь) въ ея духъ,—говоритъ Бѣлинскій,—до того проникнулся имъ, что сдѣлался рѣшительнымъ рыцаремъ исторіи Карамзина, и оправдывалъ ее не только какъ исторію, но какъ политическій и государственный коранъ, долженствующій быть пригоднымъ какъ нельзя лучше и для нашего времени, и остаться такимъ навсегда» [2]).

Если мы обратимся къ мнѣніямъ Пушкина, какія онъ высказывалъ въ это позднѣйшее время, особенно съ тридцатыхъ годовъ, о разныхъ предметахъ общественнаго свойства, мы встрѣтимъ именно эту карамзинскую точку зрѣнія, въ примѣненіи къ различнымъ общественнымъ и литературнымъ предметамъ; мы будемъ удивлены нетребовательностью его мнѣній, его замѣ-

[1]) Соврем. 1855, № 3, критика, стр. 30.
[2]) Соч. Бѣлинскаго, 8, стр. 640.

чательнымъ согласіемъ съ господствующей рутиной извѣстныхъ сферъ. Нѣсколько образчиковъ, выбранныхъ на удачу изъ его сочиненій, напечатанныхъ имъ при жизни или оставшихся въ его рукописяхъ, достаточно познакомятъ съ этимъ характеромъ его мнѣній. Такъ онъ съ препебреженіемъ отзывается о «жалкихъ скептическихъ умствованіяхъ минувшаго столѣтія»; о нѣмецкой философіи, которой стали заниматься у насъ въ тридцатыхъ годахъ, онъ замѣчаетъ, что она «нашла, можетъ быть, слишкомъ много молодыхъ послѣдователей», но что впрочемъ ея вліяніе было благотворно: «она спасла нашу молодежь отъ холоднаго скептицизма французской философіи (кажется, что отъ него нечего было спасать) и удалила ее отъ упоительныхъ и вредныхъ мечтаній, которыя имѣли столь ужасное вліяніе на лучшій цвѣтъ предшествовавшаго поколѣнія»; онъ неловко защищаетъ меценатское покровительство литературѣ; еще болѣе неловко защищаетъ цензуру [1]); о крестьянскомъ вопросѣ онъ высказывалъ точно тѣже понятія, какія имѣлъ Карамзинъ [2]); разсуждая о важности придворнаго этикета, и упоминая, что импер. Александръ любилъ простоту и непринужденность, Пушкинъ замѣчаетъ, что «онъ ослабилъ этикетъ, который во всякомъ случаѣ не худо возобновить»; онъ пишетъ цѣлое обличеніе противъ Радищева, не только слишкомъ строгое, но и несправедливое, и во всякомъ случаѣ такое, какого Пушкину лучше было бы не писать, и т. д. [3]). Вспомнимъ потомъ его постоянную и мелоч-

---

[1]) Вотъ его мысли: «Аристократія самая мощная, самая *опасная* (!) есть аристократія людей, которые на цѣлыя поколѣнія, на цѣлыя столѣтія налагаютъ свой образъ мыслей, свои страсти, свои предразсудки. Что значитъ аристократія породы и богатства въ сравненіи съ аристократіей пишущихъ талантовъ? (!) Никакое богатство не можетъ перекупить вліяніе обнародованной мысли. Никакая власть, никакое правленіе не можетъ устоять противу всеразрушительнаго дѣйствія типографскаго снаряда (!!). Уважайте классъ писателей, но не допускайте же его овладѣть вами совершенно.

«Дѣйствіе человѣка мгновенно и одно (isolé), дѣйствіе книги множественно и повсемѣстно. Законы противу злоупотребленій книгопечатанія не достигаютъ цѣли закона (!): не предупреждаютъ зла, рѣдко его пресѣкая. Одна цензура можетъ исполнить то и другое».

Чтò думалъ въ это время Пушкинъ о русской литературѣ?

[2]) «Конечно, должны еще произойти великія перемѣны,—говоритъ онъ, изобразивши по своему положеніе крестьянъ;—но *не должно торопить времени* и безъ того уже *довольно дѣятельнаго* (въ тридцатыхъ годахъ!). Лучшія и прочнѣйшія измѣненія суть тѣ, которыя происходятъ отъ *одного улучшенія нравовъ*, безъ насильственныхъ потрясеній политическихъ». Эта послѣдняя мысль повторена имъ и въ другомъ мѣстѣ—въ «Капитанской дочкѣ» по поводу пытки и свирѣпыхъ уголовныхъ наказаній. (Сочин., т. IV, стр. 276).

[3]) Ср. въ Сочин., т. V, стр. 259, 376, 386, 388—391, 393, 412 и слѣд., и Библіогр. Записки, 1859.

ную погоню за аристократизмомъ, его нападенія—въ тогдашнемъ оффиціальномъ вкусѣ—на такъ-называемыхъ французскихъ «крикуновъ», т.-е. парламентскихъ ораторовъ и публицистовъ, его стихотворные комплименты («Въ часы забавъ иль праздной скуки»; «Съ Гомеромъ долго ты бесѣдовалъ одинъ») и т. д.

Въ своихъ мнѣніяхъ литературныхъ Пушкинъ, какъ извѣстно, несмотря на прежнія увлеченія, оставался до конца приверженцемъ преданій Арзамаса. По словамъ его біографа, «Пушкинъ сохранилъ навсегда уваженіе, какъ къ лицамъ, признаннымъ авторитетами въ средѣ Арзамаса, такъ и къ самому способу дѣйствованія во имя идей, обсуженныхъ цѣлымъ обществомъ,... и къ одному личному мнѣнію, становившемуся наперекоръ мнѣнію общему, уже никогда не имѣлъ уваженія». Біографъ соглашается, что этотъ способъ дѣйствованія уничтоженъ былъ временемъ, и «распространеніемъ круга писателей, вслѣдствіе *общаго разлива свѣдѣній* и грамотности», что самъ Пушкинъ содѣйствовалъ паденію стараго обычая, распространивъ число писателей и стихотворцевъ; но біографъ повторяетъ тѣмъ не менѣе, что Пушкинъ, въ качествѣ члена старыхъ литературныхъ обществъ, не имѣлъ симпатіи именно къ «*произволу* журнальныхъ сужденій, вскорѣ замѣстившему ихъ и захватившему *довольно обширный кругъ дѣйствія*» [1]). Но этотъ «произволъ, захватившій обширный кругъ дѣйствія» (какимъ онъ могъ представляться Пушкину) былъ вовсе не произволъ, а возникновеніе дѣйствительной критики и общественнаго мнѣнія;—потому что такова была въ самомъ дѣлѣ критика Полеваго и Надеждина. Пушкинъ, какъ извѣстно, не любилъ этой критики; онъ обыкновенно съ большимъ—хотя прикрываемымъ—пренебреженіемъ упоминаетъ о своихъ критикахъ, будто бы не говорившихъ ничего дѣльнаго; съ его словъ и послѣ повторяли, что критика его времени мало его понимала. На дѣлѣ это было вовсе несправедливо, и критика, особенно въ послѣдніе годы, умѣла очень хорошо судить объ его произведеніяхъ, хвалила ихъ не голословно, и недостатки школы указывала такъ рельефно, какъ этого еще никогда не случалось до тѣхъ поръ въ нашей литературѣ. Критика была не всегда вѣрна, но въ ея мнѣніяхъ было много очень справедливаго.

Недовольство Пушкина объясняется не тѣмъ, чтобы онъ отвергалъ принципы и требованія этой критики и вообще новаго литературнаго движенія (онъ и не входилъ въ изслѣдованіе этихъ принциповъ), а тѣмъ консервативнымъ упорствомъ, какое

---

¹) Матеріалы, стр. 53—54.

внушала ему традиція Арзамаса и которая совершенно соотвѣтствовала всѣмъ его мнѣніямъ въ тридцатыхъ годахъ. Кружокъ бывшаго Арзамаса, во главѣ котораго сталъ теперь Пушкинъ, совершенно остепенившійся, остался особнякомъ въ русской литературѣ. Нельзя отвергать, чтобы этотъ ближайшій кружокъ не имѣлъ своихъ достоинствъ; напротивъ, въ немъ было, особенно подъ вліяніемъ Пушкина, много вкуса и художественнаго пониманія литературы—однимъ изъ самыхъ памятныхъ примѣровъ этого останется вѣрная оцѣнка первыхъ произведеній Гоголя; но нѣсколько высокомѣрное отношеніе, въ которое этотъ кружокъ ставилъ себя къ позднѣйшей литературѣ, особенно по смерти Пушкина, тѣмъ не менѣе вовсе не оправдывалось сущностью дѣла. Кружокъ пересталъ наконецъ понимать движеніе литературы; онъ остановился на сантиментальномъ консерватизмѣ, и опять однимъ изъ самыхъ памятныхъ примѣровъ его страннаго положенія осталось упомянутое нами отношеніе этого кружка къ Гоголю въ пору его религіозно-самолюбивой мономаніи, когда онъ самъ сталъ разрушать свое дѣло и когда кружокъ поддерживалъ его въ этомъ. Пушкинъ уже не былъ свидѣтелемъ этого, но подобная роль кружка, вѣрно хранившаго его традиціи, показываетъ характеръ и объемъ понятій школы.

Самъ Пушкинъ часто угадывалъ своимъ здравымъ смысломъ фальшивыя положенія, и въ 1825-мъ году, въ письмѣ къ Жуковскому предостерегалъ его отъ «маркиза N. N.»: «пора бы тебѣ удостовѣриться въ односторонности его вкуса; къ тому же не вижу въ немъ и безкорыстной любви къ твоей славѣ»[1]).

Маркизъ N. N. обозначалъ, очевидно, кого-либо изъ числа арзамасскихъ друзей. Едва ли сомнительно, что кружокъ Пушкина, составившійся изъ распавшагося и дополненнаго Арзамаса, оказывалъ, цѣлымъ своимъ характеромъ, немалое дѣйствіе и на него самого,—утверждая его въ консервативномъ его направленіи, отдаляя его отъ «черни», т.-е. отъ общества и его интересовъ. По смерти Пушкина, кружокъ, или главные его представители, очень странно выказали «безкорыстную любовь» и къ его собственной славѣ—въ посмертномъ изданіи его сочиненій. Это изданіе Пушкина было совсѣмъ особенное. «Лица, распоряжавшіяся посмертнымъ изданіемъ, — говоритъ весьма ком-

---

[1]) «Нѣтъ, Жуковскій, — прибавляетъ онъ:

Веселаго пути
Я Б—у желаю
Ко древнему Дунаю,
И . . . . »

Р. Арх. 1870, стр. 1170—71.

петентный судья въ этомъ предметѣ,—чрезвычайно странно понимали обязанности, лежавшія на нихъ относительно поэта и публики. Они не только выпускали фразы и цѣлыя статьи, которыя въ цензурномъ отношеніи всегда могли быть напечатаны, но даже и передѣлывали совершенно произвольно и безъ всякаго основанія стихи и прозу Пушкина, съ рѣшимостью, непонятною ни для одного образованнаго человѣка. Во всѣхъ этихъ поправкахъ и выпускахъ видѣнъ самый узкій взглядъ на значеніе Пушкина, видны какія-то отжившія и отчасти произвольныя требованія относительно нравственности и языка литературныхъ произведеній. Ежели бы сочиненія Пушкина были изданы такимъ образомъ, по небрежности или по разсчету, какимъ-нибудь спекуляторомъ, — это было бы еще понятно; но изданіемъ завѣдывали лица, близкія поэту, литераторы, и отъ нихъ читатели были въ правѣ требовать бо́льшаго уваженія къ геніальному писателю и къ русской публикѣ» и проч.[1]). Это изданіе еще ждетъ своей полной характеристики.

Нельзя, конечно, приписывать дѣйствію Пушкина всего характера той школы, которой придаютъ его имя: онъ былъ только самымъ блестящимъ талантомъ въ современномъ кружкѣ писателей, отчасти бывшихъ и его личными друзьями. Характеръ школы зависѣлъ отъ всѣхъ условій времени, отъ прошедшаго литературы, отъ вліяній европейскихъ, отъ общаго уровня образованности, отъ личныхъ свойствъ писателей. Нельзя забыть, однако, что и Пушкинъ имѣлъ немалое вліяніе на школу отчасти своимъ примѣромъ, отчасти одобреніемъ, которое утверждало этихъ писателей въ принятомъ ими тонѣ и содержаніи; а Пушкинъ, какъ извѣстно, не скупился одобреніями своимъ друзьямъ, и потому, что ихъ произведенія въ самомъ дѣлѣ ему нравились или казались нѣкоторымъ литературнымъ успѣхомъ, и по дружеской, иногда излишней снисходительности. Если громадный талантъ, и умъ, спасали Пушкина отъ романтическихъ крайностей, то его друзья и послѣдователи меньше имѣли этихъ предохранительныхъ средствъ, и недостатки времени и школы выступаютъ у нихъ особенно ярко. Въ поэтическомъ кодексѣ романтизма, пріобрѣтенномъ нашею школой изъ европейской литературы, въ числѣ любимыхъ темъ было возвеличеніе личнаго чувства, рядомъ съ этимъ изображеніе высшихъ исключительныхъ натуръ и широкихъ ощущеній, и, наконецъ, то преувеличенное представленіе о поэзіи, о которомъ мы выше упоминали. Наши романтики усердно перенимали эти темы, и русская

---

[1]) Библіограф. Записки 1859, стр. 141—142.

поэзія начала наполняться личными изліяніями, романтической меланхоліей, или разгуломъ, или разочарованностью, изображеніемъ титаническихъ страстей, неизвѣданныхъ тайнъ души, и тому подобными воображаемыми сюжетами; поэты съ пренебреженіемъ отвергали житейскую прозу, требовали свободы своему вдохновенію, жертвовали Аполлону, и даже негодовали на цѣлый вѣкъ, мѣшавшій имъ своей практической суетой, своимъ холоднымъ разсудкомъ и сухой наукой; на эти послѣднія вещи безпрестанно жаловались романтическіе поэты, даже изъ болѣе умныхъ и искренно восхваляемыхъ самимъ Пушкинымъ, какъ Баратынскій. Чтобы указать, до какой крайней степени доходила подобная романтическая реторика, довольно назвать имя Марлинскаго.

Со всѣмъ этимъ соединяется у поэтовъ романтической школы, какъ и у главы ихъ, то равнодушіе къ современной имъ дѣйствительности, которое очень естественно слѣдовало изъ ихъ натянутаго и преувеличеннаго представленія объ искусствѣ и поэзіи, а также изъ недостатка общественно-политическаго развитія и знанія. Романтическій поэтъ, какъ бы ни были скромны его средства, считалъ себя натурой привилегированной, и въ этомъ качествѣ относился свысока къ дѣйствительности, пониманіе которой въ общественномъ смыслѣ вообще давалось тогда немногимъ. Поэзія переполнялась условной ложью, которая по-своему удовлетворяла нетребовательныхъ читателей, потому что въ понятіяхъ этихъ читателей поэзія представлялась какъ нѣчто возвышенное, особенное, не имѣющее общаго съ жизнью, или относящееся къ ней только выспреннимъ образомъ. Вліяніе Пушкина, который самъ отдавалъ дань романтической теоріи, не уничтожило этого представленія въ массѣ читателей и впослѣдствіи они не вдругъ съумѣли понять произведенія Гоголя, которыя были уже вполнѣ и исключительно реальны. Любопытно, что однимъ изъ самыхъ необузданныхъ романтиковъ, потерявшихъ всякое чувство дѣйствительности, является Марлинскій, въ свое время умный, хотя не всегда послѣдовательный критикъ, во всякомъ случаѣ писатель замѣчательный, отъ котораго, по прежнимъ его связямъ и направленію, можно было бы ожидать другого, болѣе серьезнаго пониманія жизни или, по крайней мѣрѣ, какого-нибудь общественнаго интереса.

Съ такими чертами являлся романтизмъ въ нашей литературѣ, даже у главнѣйшихъ его представителей. На романтизмѣ еще ясно можно видѣть, что онъ слѣдовалъ непосредственно за карамзинской эпохой. Правда, онъ дѣлаетъ большой шагъ впередъ въ смыслѣ чисто-литературномъ; но по своему общественному содержанію онъ почти только повторяетъ карамзинскую программу или остается совсѣмъ чуждъ вопросамъ и интересамъ

дѣйствительности. Та сторона нашего романтизма, въ которой успѣли обнаружиться болѣе живыя стремленія въ общественномъ смыслѣ, исчезла изъ литературы и общества вмѣстѣ съ людьми, которые ее представляли.

Такой индифферентный характеръ школы началъ складываться съ самыхъ первыхъ проявленій романтизма въ нашей литературѣ, какъ это очевидно на Жуковскомъ. Общественный поворотъ, завершившій царствованіе императора Александра, еще усилилъ эту черту нашего романтизма. Изъ общественной жизни исключенъ былъ прогрессивный элементъ предыдущаго періода, и это не могло не отразиться на литературѣ: романтизмъ, и прежде изобильный пассивными качествами и колебавшійся въ своихъ стремленіяхъ, теперь окончательно принялъ то направленіе, какое мы видѣли въ дальнѣйшемъ развитіи Жуковскаго и Пушкина.

Это были прямые союзники господствовавшаго консерватизма, данные еще прошлымъ періодомъ. Ихъ литературныя и общественныя идеи вполнѣ отвѣчали оффиціально принятой теоріи народности, которой они конечно придали, въ литературѣ, великую силу своимъ союзомъ, потому что это были тогда первые, заслуженные люди этой литературы.

Они совершили свою, дѣйствительно великую заслугу тѣмъ, что окончательно освободили литературу въ формальномъ отношеніи, потому что устранили старыя школы, возвысили положеніе литературы въ средѣ общества; и своими поэтическими идеями имѣли благотворное воспитательное вліяніе, потому что эти идеи были человѣчныя и возвышенныя. Но по своимъ идеаламъ общественнымъ они не прибавили ничего къ старому содержанію, и здѣсь, для того, чтобы повести дѣло впередъ, должны были явиться другія, новыя силы.

Въ поэтической литературѣ это былъ Гоголь, и все то движеніе, какое было имъ произведено;— въ литературной критикѣ, представлявшей тогда единственную публицистическую литературу, это была плеяда людей новаго поколѣнія, въ средѣ которыхъ, подъ вліяніемъ нѣмецкой философіи и новыхъ политико-экономическихъ ученій, выросли самобытные взгляды на русскую жизнь: здѣсь вопросы этой жизни поставлены были, въ различномъ смыслѣ, и въ первый разъ съ дѣйствительной критикой, хотя еще далеко неполно.

Въ послѣдующемъ изложеніи мы укажемъ различныя столкновенія образовавшихся мнѣній между собою и съ тѣми понятіями, которыя составляли господствующее ученіе.

А. Пыпинъ.

ИСПРАВИТЕЛЬНЫЯ КОЛОНІИ

I.

Въ числѣ многихъ другихъ вещей, потребность которыхъ сознана была одновременно съ судебною реформою и необходимость которыхъ стала очевидною съ перваго открытія новыхъ судовъ — были и исправительные пріюты для дѣтей и несовершеннолѣтнихъ, попадающихъ на скамью подсудимыхъ. Что дѣлать съ этими юными, оставленными на произволъ судьбы делинквентами, для которыхъ ни домашняго воспитанія, ни школы не существуетъ, которые растутъ безъ всякаго ухода и въ двѣнадцать, тринадцать лѣтъ судятся одни, или въ сообществѣ со взрослыми, прошедшими чрезъ такое же дѣтство, въ кражахъ, поджогахъ? На судѣ иногда раскрывается, въ этихъ случаяхъ, картина такого прошедшаго,—дѣтства и отрочества, исполненнаго такихъ бѣдствій, голая правда которыхъ несравненно печальнѣе всего, что можетъ въ этомъ отношеніи нарисовать воображеніе. Успокоиваться на изреченіи юристовъ языческаго міра, «malitia supplet aetatem» — испорченность восполняетъ возрастъ — не всегда могутъ даже тѣ, на которыхъ законъ возлагаетъ тяжкую въ этихъ случаяхъ обязанность обвиненія предъ судомъ. Обыкновенно не требуется даже особыхъ расходовъ на краснорѣчіе, чтобы подѣйствовать на присяжныхъ исторіею подсудимаго-отрока. Обстановка, среди которой росъ онъ, бываетъ по большей части сама по себѣ такъ ужасна, такъ чужда всякаго нравственнаго вліянія, что судьи факта, если не вынесутъ оправдательнаго приговора, то навѣрное признаютъ, что подсудимый, которому

не минуло 14-ти лѣтъ, дѣйствовалъ безъ разумѣнія, и не поскупятся на признаніе его заслуживающимъ снисхожденія. Дѣло съ подсудимыми этого возраста обыкновенно кончается тѣмъ, что они, по закону, «отдаются родителямъ или благонадежнымъ родственникамъ, для домашняго исправленія», т.-е. возвращаются въ ту самую среду, изъ которой они вышли и въ которой по большей части были предоставлены на жертву случаю. Что у нихъ можетъ не быть родителей, что родители съ утра до вечера заняты не дома, на фабрикѣ, на заводѣ, что родственники, которые имѣются, не благонадежны и что сами они вообще безпріютны, — этихъ предположеній относительно дѣтей-преступниковъ до 14-ти лѣтъ, признанныхъ судомъ дѣйствовавшими безъ разумѣнія, законъ не дѣлаетъ. Тѣмъ не менѣе оправданіе подсудимаго въ этихъ условіяхъ, если оно должно возвратить его въ прежнее положеніе, далеко не будетъ для него благодѣяніемъ. Далѣе: нѣсколькими мѣсяцами старше или моложе подсудимый,—фактъ совершенно безразличный въ смыслѣ его умственнаго и нравственнаго развитія, но значительно измѣняющій его судьбу по закону, который переходныя ступени въ несовершеннолѣтнемъ возрастѣ обозначаетъ только опредѣленнымъ числомъ исполнившихся лѣтъ. Исполнилось, положимъ, подсудимому четырнадцать лѣтъ и онъ по какому-либо дѣянію, совершенному до 17-ти-лѣтняго возраста, признанъ дѣйствовавшимъ безъ полнаго разумѣнія, то судьба его по Уложенію можетъ быть весьма различна: онъ, по усмотрѣнію суда, можетъ быть отданъ и въ исправительные пріюты, если они устроены, и въ тюрьму, въ которой онъ долженъ содержаться отдѣльно отъ совершеннолѣтнихъ, и, наконецъ, можетъ подвергнуться тѣмъ самымъ наказаніямъ, которымъ подвергаются дѣти предшествовавшаго возраста (отъ 10 до 14-ти лѣтъ) за преступленіе, совершенное съ разумѣніемъ. Смягчая для послѣднихъ наказаніе, сравнительно со взрослыми, законъ тѣмъ не менѣе считаетъ возможнымъ за наиболѣе тяжкія преступленія установить для десятилѣтняго ребенка, если онъ признанъ дѣйствовавшимъ съ разумѣніемъ, ссылку въ Сибирь на поселеніе. Встрѣчались ли когда на практикѣ подобныя ссылки десятилѣтнихъ преступниковъ, намъ неизвѣстно. Въ менѣе важныхъ случаяхъ такое разумѣніе имѣетъ для малолѣтныхъ своимъ послѣдствіемъ заключеніе въ монастырѣ или смирительномъ домѣ, или наконецъ домашнее исправительное наказаніе.

Мы не имѣемъ здѣсь повода входить въ оцѣнку основаній, руководившихъ Уложеніемъ при проведеніи черты между отвѣтственнымъ и безотвѣтственнымъ возрастомъ. Замѣтимъ только,

что по новому сѣверо-германскому уголовному уложенію (§ 55) отвѣтственный возрастъ начинается двумя годами позже, чѣмъ у насъ, именно лишь по достиженіи малолѣтнымъ двѣнадцати лѣтъ. Маленькій Евстигнѣевъ, который на двѣнадцатомъ году судился года два тому назадъ въ здѣшнемъ окружномъ судѣ съ присяжными въ покушеніяхъ на пять поджоговъ, не былъ бы посаженъ въ Германіи на скамью подсудимыхъ. Болѣе поздній отвѣтственный возрастъ, принимаемый сѣверо-германскимъ уложеніемъ, тѣмъ болѣе заслуживаетъ вниманія, что въ Пруссіи и въ большей части остальной Германіи, гдѣ дѣйствуетъ система обязательнаго народнаго образованія, школьный возрастъ начинается уже съ пяти и шести лѣтъ. Вопросъ,—съ разумѣніемъ или безъ разумѣнія дѣйствовалъ несовершеннолѣтній, ставится по сѣверо-германскому уложенію также нѣсколько позже, чѣмъ у насъ, именно съ 12 до 18-ти лѣтъ включительно. Наконецъ, самые предѣлы, въ которыхъ судъ можетъ двигаться при опредѣленіи наказанія несовершеннолѣтнему, дѣйствовавшему съ разумѣніемъ, гораздо шире, чѣмъ у насъ. Такъ, напр., за самыя тяжкія преступленія, за которыя сѣверо-германское уложеніе грозитъ взрослымъ смертною казнью или пожизненнымъ заключеніемъ, суду предоставляется назначать несовершеннолѣтнему заключеніе въ тюрьмѣ отъ 3-хъ до 15-ти лѣтъ. Но и въ этомъ случаѣ лишеніе свободы для несовершеннолѣтняго, который притомъ не можетъ быть ни лишаемъ гражданскихъ правъ, ни отдаваемъ подъ надзоръ полиціи, должно имѣть мѣсто только въ особо устроенныхъ для юношескаго возраста заведеніяхъ или помѣщеніяхъ (§ 57). Прибавимъ къ этому, что когда несовершеннолѣтній (отъ 12 до 18-ти лѣтъ) признанъ дѣйствовавшимъ съ разумѣніемъ, но осужденъ за маловажный проступокъ или правонарушеніе (ein Vergehen oder eine Übertretung), то суду предоставляется ограничиться однимъ выговоромъ (Verweis). У насъ же по уставу о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями (ст. 6) въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ будутъ учреждены исправительные пріюты, несовершеннолѣтніе отъ 10 до 17-ти лѣтъ, могутъ, въ замѣнъ заключенія въ тюрьмѣ, быть обращаемы въ эти пріюты на срокъ, опредѣляемый мировымъ судьею, но съ тѣмъ, чтобъ не оставлять ихъ тамъ по достиженіи восьмнадцати-лѣтняго возраста. Въ виду маловажныхъ проступковъ, подвѣдомыхъ мировой юстиціи, уставъ не дѣлаетъ различія, съ разумѣніемъ или безъ разумѣнія дѣйствовалъ несовершеннолѣтній. Тѣмъ не менѣе болѣе мягкій характеръ можетъ быть въ этомъ отношеніи признанъ за уставомъ только по сравненію съ нашимъ уголовнымъ уложеніемъ, но не съ сѣверо-германскимъ, потому, что

власть, предоставленная мировому судьѣ приговорить, за какой бы то ни было проступокъ, несовершеннолѣтняго, которому десять, одиннадцать лѣтъ отъ роду, къ содержанію его въ исправительномъ пріютѣ до восьмнадцатилѣтняго возраста, можетъ не возбуждать опасеній только въ рукахъ совершенно-идеальнаго мирового судьи. Такъ какъ мы думаемъ, что отдача въ исправительный пріютъ для тѣхъ, которые судились у мирового судьи, есть наказаніе и вовсе не равносильно съ отдачею вообще въ школу или учебное заведеніе, то приведенная статья устава можетъ, когда дѣйствительно подобные пріюты окажутся въ дѣйствительности, возбудить еще и другой вопросъ: въ правѣ ли мировой судья приговорить за какой-либо проступокъ къ содержанію до 18-ти лѣтъ въ исправительномъ пріютѣ всякаго несовершеннолѣтняго отъ 10 до 17-ти лѣтъ, т.-е. не только мальчика безпріютнаго и оставленнаго на волю Божію, но и такого, который получаетъ домашнее воспитаніе или учится въ какомъ-нибудь учебномъ заведеніи, или котораго родители или опекуны намѣрены еще отдать въ такое заведеніе? Если уставъ объ этомъ молчитъ, то такое молчаніе не можетъ имѣть никакихъ дурныхъ послѣдствій только до тѣхъ поръ, пока самые пріюты не существуютъ. Впрочемъ, это лишь одинъ изъ многихъ вопросовъ, которые возбудятся настоящимъ состояніемъ нашего законодательства о несовершеннолѣтнихъ преступникахъ, когда мысль о дѣйствительномъ исправленіи ихъ перейдетъ изъ области предположеній въ практику. Вопросы эти, которые должны быть рѣшены законодательнымъ путемъ, значительно усложняются тѣмъ, что у насъ нѣтъ единства въ нашихъ уголовныхъ законахъ и что такъ-наз. согласованіе уложенія о нак. 1845-го г. съ уставомъ о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями, ни въ какомъ случаѣ не упростило нашего уголовнаго законодательства. И въ то время, когда вездѣ стремятся къ совокупленію въ одномъ небольшомъ кодексѣ всѣхъ преступныхъ дѣяній, тяжкихъ и болѣе легкихъ, преступленій и проступковъ, — какъ это сдѣлано и въ сѣверо-германскомъ уложеніи—у насъ вмѣстѣ съ судебною реформою и вслѣдствіе совершенно отдѣльнаго положенія нашей мировой юстиціи, для которой потребовался особый уставъ о наказаніяхъ,—явилось два законодательства по уголовной части. Мы думаемъ, что раньше или позже ихъ необходимо будетъ слить во-едино и прежде всего привести въ одну систему статьи, которыя касаются преступленій, совершенныхъ въ юномъ возрастѣ.

II.

Политика уголовнаго законодательства долгое время довольствовалась одними общими, весьма великодушными, но ни къ чему необязывающими истинами. Нѣкоторыя изъ этихъ истинъ, именно потому что онѣ были общія, не утратили своего значенія до сихъ поръ. «Хотите ли предупредить преступленія?—писала Екатерина II въ своемъ Наказѣ, — сдѣлайте, чтобы просвѣщеніе распространилось между людьми». Эта истина въ особенности примѣнима къ юному возрасту. Дѣтство и преступленіе до того противорѣчащія и взаимно исключающія себя понятія, что тутъ гораздо больше должна бы идти рѣчь объ образованіи и школѣ, чѣмъ о наказаніи и тюрьмѣ.

Очевидно, однако, нельзя, чтобы отъ гуманныхъ чувствъ перейти къ гуманному дѣлу, ждать, пока начальное образованіе народа будетъ у насъ существовать не въ нынѣшнихъ микроскопическихъ размѣрахъ. Весь вопросъ относительно несовершеннолѣтнихъ преступниковъ въ томъ именно и состоитъ, чтобы изъ самаго наказанія сдѣлать средство къ образованію и исправленію ихъ. Этотъ вопросъ не устраняетъ, конечно, другого неизбѣжнаго вопроса: ужели для того, чтобы отнестись съ особымъ участіемъ къ массѣ бѣднаго подростающаго поколѣнія, необходимо, чтобы оно предварительно заявило себя уже чѣмъ-нибудь преступнымъ, и чѣмъ хуже тѣ несовершеннолѣтніе, которые нравственно гибнутъ, не дѣлая ничего преступнаго? Отвѣтомъ здѣсь можетъ служить только предположеніе, что именно потому, что они впали въ этомъ возрастѣ въ преступленіе, ихъ жизненныя условія были болѣе тяжки, болѣе несчастны, чѣмъ у остальныхъ, и потому они имѣютъ преимущественное право на вниманіе къ злосчастной своей участи.

Примѣръ того, что давнымъ-давно существуетъ въ другихъ мѣстахъ, повелъ, одновременно съ введеніемъ судебной реформы въ дѣйствіе, къ изданію въ 1866-мъ г. закона объ исправительныхъ пріютахъ. Мы говоримъ о высочайше утвержденномъ 5-го декабря 1866-го г. мнѣніи государственнаго совѣта объ исправительныхъ пріютахъ. Предполагая самый вопросъ, кого по судебнымъ приговорамъ можно отдавать въ исправительные пріюты, не требующимъ разъясненія, законъ этотъ выходитъ изъ той мысли, что у насъ, какъ во Франціи, будутъ пріюты для нравственнаго исправленія несовершеннолѣтнихъ, учреждаемые правительствомъ, и пріюты, обязанные своимъ существованіемъ частной или общественной инціативѣ. Онъ призываетъ къ учрежденію такихъ

заведеній «земство, общества и духовныя установленія, равно какъ и частныхъ лицъ». Указаны средства, которыми можетъ быть обезпечено существованіе подобныхъ пріютовъ. Такъ, въ случаѣ производства, помѣщенными въ пріютѣ, земледѣльческихъ работъ, министерство государственныхъ имуществъ отводитъ ему въ пользованіе участокъ изъ казенныхъ земель. Пріютамъ, за каждаго содержащагося въ нихъ несовершеннолѣтняго, выдается мѣстными попечительными о тюрьмахъ комитетами, изъ суммъ, отпускаемыхъ на содержаніе арестантовъ, ежемѣсячно, та плата, во сколько обходится пища и одежда арестанта. Далѣе, въ силу того общаго гражданскаго закона (т. X ч. I ст. 172), по которому родители обязаны давать несовершеннолѣтнимъ дѣтямъ не только содержаніе, но и «воспитаніе, доброе и честное», и въ которомъ заключается основа для обязательнаго школьнаго образованія, еслибы государство его потребовало,—они же, родители, могутъ быть обязываемы, по мѣрѣ средствъ своихъ, къ платежу за содержаніе и воспитаніе дѣтей ихъ, отданныхъ въ пріюты, съ тѣмъ, чтобы денежный взносъ, для недостаточныхъ родителей, не превышалъ трехъ рублей въ мѣсяцъ. Независимо отъ предметовъ элементарнаго образованія, для несовершеннолѣтнихъ въ пріютахъ установлены работы, которыя, по усмотрѣнію учредителей, могутъ быть или земледѣльческія, или ремесленныя, или же тѣ и другія вмѣстѣ. Касаясь затѣмъ внутренней дисциплины въ такихъ пріютахъ, законъ высшею мѣрою взысканія допускаетъ одиночное содержаніе, которое даже въ случаѣ побѣга изъ пріюта не можетъ быть продолжительнѣе одного мѣсяца. Наоборотъ, когда несовершеннолѣтній будетъ признанъ исправившимся въ пріютѣ, назначенный ему судебнымъ приговоромъ срокъ содержанія въ немъ можетъ быть сокращенъ на одну треть. Выпущенные изъ пріюта несовершеннолѣтніе состоятъ въ теченіи опредѣленнаго срока подъ покровительствомъ пріюта. Наконецъ, опредѣлено отношеніе административныхъ властей къ частнымъ исправительнымъ пріютамъ, такимъ образомъ, что министру внутреннихъ дѣлъ и начальникамъ губерній предоставлено общее право надзора за ними, но закрываемы эти пріюты могутъ быть по представленію министра внутр. дѣлъ неиначе, какъ съ разрѣшенія перваго департамента сената.

Законъ 5-го декабря 1866-го г. вызвалъ къ жизни «Общество земледѣльческихъ колоній и ремесленныхъ пріютовъ». Благая цѣль его—заботиться не только объ участи несовершеннолѣтнихъ преступниковъ и бродягъ, приговоренныхъ судомъ къ тюремному заключенію, но и вообще о безпріютныхъ дѣтяхъ, которые вслѣдствіе нищеты стоятъ на порогѣ преступленій. Для достиженія

своей цѣли Общество устраиваетъ земледѣльческія колоніи и ремесленные пріюты, отдѣльно для каждаго пола. При этомъ уставъ общества (§ 3 примѣч. 1) гласитъ, что оно открываетъ преимущественно земледѣльческія колоніи, и только въ случаѣ необходимости учреждаетъ ремесленные пріюты, заботясь притомъ объ устройствѣ ихъ въ видѣ земледѣльческихъ ремесленныхъ заведеній, въ которыхъ питомцы обучались бы, по крайней мѣрѣ, огородничеству, и при которыхъ былъ бы необходимый для этой цѣли участокъ земли. Основная мысль устава очевидно та самая, которая имѣлась въ виду при устройствѣ большей части исправительныхъ колоній и пріютовъ за-границей, именно, — что земледѣльческій трудъ, возвращая человѣка къ природѣ, и физически, и нравственно болѣе здоровъ, чѣмъ всякій другой, и потому самъ по себѣ можетъ служить мощнымъ средствомъ исправленія.

III.

Со времени открытія Общества прошло около года. Изъ отчета Общества, который былъ прочитанъ въ годовомъ собраніи его 30-го января, но который до сихъ поръ (начало апрѣля) не напечатанъ, мы знаемъ, что въ этотъ первый годъ усилія комитета, управляющаго дѣлами Общества, были устремлены, главнымъ образомъ, на увеличеніе матеріальныхъ средствъ. Это совершенно естественно, и если въ кассѣ Общества находится теперь уже слишкомъ 10 т. руб., то это результатъ, во всякомъ случаѣ, не обезкураживающій, хотя и далеко не такой, который бы обезпечивалъ достиженіе предположенной цѣли. Эта цѣль требуетъ гораздо болѣе значительныхъ средствъ, и мы даже думаемъ, что на одни частные взносы и пожертвованія едва ли можно приступить къ устройству подобныхъ колоній и послѣ поддерживать ихъ существованіе. По крайней мѣрѣ это кажется намъ крайне рискованнымъ. Для тѣхъ, кто знакомъ съ исторіею нашихъ благотворительныхъ обществъ, съ первоначальнымъ горячимъ сочувствіемъ многочисленныхъ членовъ ихъ къ цѣлямъ Общества и послѣ съ постепеннымъ охлажденіемъ ихъ къ этимъ цѣлямъ, все это не требуетъ поясненія. За очень небольшими исключеніями, самый скромный бюджетъ по части благотворительности не можетъ сколько-нибудь вѣрно разсчитывать на одни членскіе взносы. И требуются огромныя усилія, чтобы хотя та часть этого бюджета, которая разсчитана на эти взносы, была дѣйствительно ими покрыта. Les libéraux sont essentiel-

lement non-donnant,—гласитъ извѣстный политическій афоризмъ въ западной Европѣ. Насколько въ немъ правды и почему именно либералы бываютъ туги на всякіе взносы, мы не знаемъ, но значительная часть членовъ всѣхъ нашихъ благотворительныхъ обществъ оказываются большими либералами въ этомъ смыслѣ. Справедливость требуетъ сказать, что общая сумма всѣхъ частныхъ пожертвованій въ русскомъ обществѣ далеко не маловажна и растетъ изъ года въ годъ. Если бы кто-либо занялся статистикою нашей благотворительности, то могъ бы представить весьма любопытныя цифры и показать, какъ интересы общественные, религіозные, патріотическіе, національные, вытекающіе изъ заботъ то о внутренней жизни, то о благосостояніи окраинъ, выражаются въ разнаго рода пожертвованіяхъ и въ самой суммѣ этихъ пожертвованій. Но не о способности вообще жертвовать говоримъ мы, а о нѣкоторомъ постоянствѣ въ направленіи пожертвованій на опредѣленныя цѣли и о нѣкоторой аккуратности во взносѣ этихъ пожертвованій. А безъ этихъ условій существованіе всякаго благотворительнаго дѣла, усиліями самого общества, неизбѣжно становится шаткимъ. Въ охотѣ жертвовать на доброе дѣло, конечно, недостатка нѣтъ, но есть ли достаточно основаній для той благородной гордости, которую въ другихъ мѣстахъ даетъ обществу сознаніе, что извѣстныя общеполезныя дѣла и учрежденія обязаны ему одному, его благотворительной дѣятельности и его энергическимъ, неослабѣвающимъ усиліямъ своимъ обезпеченнымъ существованіемъ,—это другой вопросъ.

Одно изъ первыхъ условій для того, чтобы интересъ общества къ благотворительному дѣлу не ослабѣвалъ, это, безъ всякаго сомнѣнія, возможно большая публичность въ веденіи дѣлъ общества. Личный тактъ тѣхъ лицъ, которымъ ввѣрено управленіе дѣлами, конечно, съумѣетъ найти въ этомъ отношеніи настоящую мѣру и будетъ столько же избѣгать рекламу, сколько и безгласность. Въ этомъ и заключается разница между частною и общественною благотворительностію, что послѣдняя не можетъ и не должна о себѣ молчать. Благотворительное общество—не добродѣтельная женщина, о которой чѣмъ меньше говорятъ, тѣмъ лучше. Нельзя сказать, чтобы Общество, о которомъ мы говоримъ, до сихъ поръ излишне пользовалось печатью. Почему въ теченіи слишкомъ двухъ мѣсяцевъ не появился въ печати годовой отчетъ Общества, мы не знаемъ, но не о томъ здѣсь рѣчь. Въ уставѣ Общества мы находимъ довольно важный пробѣлъ, который могъ бы быть восполненъ практикою комитета. Именно, по уставу комитетъ не обязанъ

печатать во всеобщее свѣдѣніе ни журналовъ своихъ засѣданій, ни даже извлеченій изъ нихъ. Онъ этого и не дѣлаетъ. Между тѣмъ, чѣмъ полнѣе власть комитета по уставу, да и по самому существу дѣла, въ завѣдываніи интересами Общества, тѣмъ, конечно, желательнѣе, чтобы свѣдѣнія о дѣйствіяхъ комитета были своевременно распространены въ какъ можно бо́льшихъ кругахъ. Общія собранія, два-три раза въ годъ созываемыя, а чаще едва ли и желательно созывать ихъ — конечно, не могутъ служить къ ознакомленію какъ самихъ членовъ Общества, такъ и публики вообще съ дѣйствительнымъ состояніемъ общественнаго предпріятія. Самый интересъ къ посѣщенію такихъ общихъ собраній не можетъ быть особенно сильнымъ, если нѣтъ средствъ слѣдить по газетамъ за тѣмъ, что̀ дѣлается въ комитетѣ и быть такимъ образомъ уже предварительно знакомымъ съ состояніемъ дѣлъ Общества. Да и самъ комитетъ едва ли въ состояніи будетъ извлечь большую пользу при разрѣшеніи тѣхъ вопросовъ и сомнѣній, которыя ему не могутъ не представляться, — изъ общихъ собраній, въ которыхъ большинство не имѣетъ, да и лишено возможности имѣть сколько-нибудь точныя свѣдѣнія о дѣйствительномъ состояніи дѣлъ Общества. Неизбѣжнымъ послѣдствіемъ этого мнимаго значенія общихъ собраній будетъ то, что комитетъ, какъ исполнительный органъ Общества, станетъ исключительнымъ распорядителемъ судебъ Общества въ бо́льшей степени, чѣмъ это самому ему, комитету, можетъ быть желательно, — въ виду именно той отвѣтственности за успѣхъ дѣла, которая вмѣстѣ съ тѣмъ на него падаетъ. Все это — азбука всякаго общественнаго дѣла и вмѣстѣ опытъ, извлеченный изъ жизни другихъ нашихъ обществъ, которымъ новому Обществу не дурно бы воспользоваться.

Цѣль Общества — ни больше, ни меньше, какъ способствовать всѣми зависящими отъ него средствами къ открытію земледѣльческихъ колоній на пространствѣ всей Россіи. Это слѣдуетъ изъ примѣч. 1 къ § 3 устава, въ которомъ сказано, что «первоначально предполагается приступить къ устройству земледѣльческихъ колоній для мальчиковъ близъ С.-Петербурга и Москвы», значитъ, постепенно, нужно надѣяться, будетъ приступлено, стараніями Общества, къ устройству, по крайней мѣрѣ, одной земледѣльческой колоніи на каждую губернію. Именно по этому весьма важенъ починъ въ этомъ дѣлѣ, какъ устроятся и примутся самыя первыя колоніи, которыя предположено основать — одну подъ Петербургомъ, и другую около Рязани. Остановимся на проектѣ устава земледѣльческой колоніи близъ Петербурга, и преимущественно на тѣхъ статьяхъ проекта, кото-

рыя не суть буквальная перепечатка того, что содержится въ законѣ 1866-го г. объ исправительныхъ пріютахъ, а представляютъ развитіе основныхъ положеній объ этихъ пріютахъ.

Земледѣльческая колонія, для которой участокъ земли предлагается министерствомъ госуд. имущ. близъ Охты,—и участокъ, какъ увѣряютъ, весьма цѣнный, — устраивается не для однихъ несовершеннолѣтнихъ преступниковъ, но и вообще для безпріютныхъ дѣтей, и имѣетъ цѣлію изъ тѣхъ и другихъ «образовать честныхъ, знающихъ и трудолюбивыхъ работниковъ земледѣльцевъ». Кругъ дѣйствія колоніи, при нормальномъ размѣрѣ ея, разсчитанномъ на 200 человѣкъ, ограничивается Петербургскою губерніею, хотя, съ увеличеніемъ средствъ колоніи, можетъ быть разрѣшенъ пріемъ въ нее несовершеннолѣтнихъ и изъ сосѣднихъ губерній. Но до такого полнаго развитія колонія, при всемъ успѣхѣ, котораго мы ей желаемъ, достигнетъ, конечно, не ранѣе, какъ по истеченіи нѣсколькихъ лѣтъ. Дѣло это слишкомъ сложное и дорого-стоющее, чтобы, существуя на средства частнаго общества и безъ самой серьезной поддержки со стороны того вѣдомства, которому принадлежитъ распоряженіе милліонами тюремнаго капитала, колонія съ самаго начала могла быть поставлена на широкую ногу. Да этого и не нужно, и для колоніи, какъ общественнаго предпріятія, было бы въ извѣстномъ смыслѣ лучше, если бы она могла, не обязываясь никому, начать скромное, но самостоятельное существованіе и собственными трудами и усиліями Общества постепенно расширить кругъ своей дѣятельности. Но въ томъ и сила, что для самаго скромнаго начала это дѣло требуетъ довольно значительныхъ средствъ. Именно поэтому мы считаемъ отвѣтъ, данный комитету Общества тѣмъ вѣдомствомъ, которому принадлежитъ завѣдываніе капиталомъ, собраннымъ на устройство тюремъ въ Россіи, — болѣе остроумнымъ, чѣмъ справедливымъ. Сущность этого отвѣта, насколько онъ намъ извѣстенъ изъ годичнаго отчета Общества, заключается въ томъ, что разсчитывать на пособіе изъ этого капитала Общество колоній можетъ не прежде, какъ когда оно обнаружитъ свою полезную дѣятельность на счетъ собственныхъ средствъ. Требуются значительныя средства, чтобы Общество могло обнаружить на дѣлѣ свою полезную дѣятельность, — но пусть оно сначала обнаружитъ такую дѣятельность, а потомъ уже ему будетъ оказано пособіе. Такова здѣсь дилемма: пособите стать на ноги, — нѣтъ, ты сначала самъ стань на ноги, а послѣ мы тебѣ и пособимъ.... Въ подобномъ дѣлѣ всего труднѣе именно начало, и безъ помощи, оказанной своевременно, дѣло это едва ли можетъ получить такое развитіе, чтобы польза

его стала для всѣхъ очевидною. Если бы Общество преслѣдовало цѣли обыкновенной благотворительности, тогда бы ему можно было сказать: «посмотримъ сначала, стоитъ ли вамъ помогать». Въ судьбѣ же тѣхъ несовершеннолѣтнихъ преступниковъ, для которыхъ устраивается колонія, очевидно заинтересовано не одно частное благотворительное общество. Судьба этихъ несовершеннолѣтнихъ послѣ суда лежитъ теперь на правительственныхъ учрежденіяхъ, слѣдовательно справедливо, чтобы общество, которое освобождаетъ эти учрежденія отъ заботъ о несовершеннолѣтнихъ преступникахъ и притомъ должно восполнить существенный пробѣлъ въ нашей тюремной системѣ, встрѣтило съ самаго начала матеріальную поддержку. Экономія — прекрасная вещь и недостатокъ ея слишкомъ чувствителенъ въ нашемъ частномъ и общественномъ быту. Но отличительная черта всякаго не очень бережливаго хозяйства въ томъ и заключается, что крупныя статьи расходовъ, на которыя требуются многія сотни тысячъ, разрѣшаются иногда легче, чѣмъ мелкія статьи. Намъ, напримѣръ, извѣстно, что въ настоящее время на счетъ того же тюремнаго капитала будетъ строиться возлѣ зданія с.-петербургскихъ судебныхъ установленій слѣдственная тюрьма, которая для подслѣдственныхъ арестантовъ должна замѣнить Литовскій замокъ и для которой одно пріобрѣтеніе участковъ земли отъ частныхъ владѣльцевъ обойдется, если не ошибаемся, въ 140.000 руб., вся же тюрьма должна стать 700.000 руб. Мы недостаточно посвящены въ это дѣло, не обсуждавшееся, сколько намъ извѣстно, въ нашей печати, чтобы рѣшиться сказать, насколько такой громадный расходъ вынуждается дѣйствительными потребностями и не могли ли эти потребности быть удовлетворены инымъ, болѣе экономнымъ образомъ. Мы приводимъ этотъ фактъ лишь въ видѣ примѣра.

Какъ бы то ни было, по проекту устава петербургской колоніи предполагается, до увеличенія средствъ Общества, ограничиться пріемомъ въ нее однихъ только несовершеннолѣтнихъ преступниковъ, не болѣе 30-ти мальчиковъ, съ тѣмъ, чтобы и этотъ небольшой комплектъ пополнялся постепенно. Мы думаемъ, что хотя эти размѣры первоначальной колоніи имѣютъ свое оправданіе въ такой уважительной причинѣ, какъ бѣдность средствъ, но что размѣры эти уже до того невелики, что изъ опыта, который будетъ сдѣланъ въ первые годы существованія колоніи, едва ли можно будетъ сдѣлать какой-либо выводъ о нормальномъ положеніи ея и въ особенности «о полезной дѣятельности» ея. Колонія, которая должна заключать въ себѣ не 30, а 200 человѣкъ, и притомъ не вполнѣ однород-

наго населенія—такъ какъ оно впослѣдствіи должно составиться не изъ однихъ преступниковъ, но и изъ безпріютныхъ дѣтей—очевидно не одно и тоже. Но желая колоніи, чтобы она развивалась постепенно и органически, сама изъ себя, будемъ надѣяться, что разъ сложившись и окрѣпнувъ, она въ состояніи будетъ примѣнить установившійся въ ней въ началѣ строй жизни къ населенію гораздо многочисленнѣйшему.

IV.

Довольно серьезнымъ кажется намъ слѣдующее основное начало всей предположенной организаціи: «Въ воспитанники земледѣльческой колоніи принимаются несовершеннолѣтніе, принадлежащіе преимущественно къ сельскому населенію. Несовершеннолѣтніе же изъ городскихъ сословій опредѣляются преимущественно въ ремесленные пріюты Общества». Этого начала распредѣленія несовершеннолѣтнихъ, по принадлежности ихъ къ городскимъ или сельскимъ сословіямъ, нѣтъ ни въ уставѣ общества земледѣльческихъ колоній, ни въ законѣ 5-го декабря 1866-го г. объ исправительныхъ пріютахъ, и оно не вытекаетъ изъ назначенія исправительной колоніи. Не менѣе спорнымъ представляется самое обособленіе колоніи и ремесленнаго пріюта, какъ двухъ особыхъ учрежденій, имѣющихъ, по проекту устава, свое особое управленіе, своихъ особыхъ директоровъ. На эту сторону дѣла мы имѣли уже случай указывать въ годовомъ собраніи Общества 30-го января. И если окончательно, вслѣдствіе сдѣланныхъ замѣчаній, при ремесленномъ пріютѣ также предположено допустить земледѣльческія занятія, то не получаетъ ли еще бóльшую силу поставленный тогда вопросъ: не гораздо ли естественнѣе было бы соединеніе, слитіе и колоніи и ремесленнаго пріюта въ одно заведеніе? Намъ кажется, что если имѣть въ виду главную цѣль, которою задалось Общество, — дѣйствительное исправленіе юныхъ преступниковъ,—то земледѣльческія занятія, элементарное образованіе и обученіе ремесламъ въ зимнее время должны бы составлять, болѣе или менѣе, общій удѣлъ всѣхъ поступающихъ въ колонію. Затѣмъ уже, смотря по склонностямъ и по способностямъ, а не по принадлежности только къ классу городскихъ жителей, могли бы питомцы колоніи обучаться какому-нибудь спеціальному ремеслу.

Мы признаемъ всю силу возраженія, что при недостаткѣ у насъ ремесленнаго образованія, ремесленные пріюты могутъ принести у насъ значительную пользу дѣтямъ низшаго городского

класса. Но мы думаемъ, что не перенося вопроса о лучшемъ воспитаніи несовершеннолѣтнихъ преступниковъ и безпріютныхъ дѣтей на болѣе общую почву нуждъ и потребностей нашей дѣйствительности, и не задаваясь черезъ-чуръ утилитарными цѣлями, слѣдуетъ кажется признать, что на первомъ планѣ должны стоять для всѣхъ поступающихъ въ колонію именно земледѣльческія занятія. И это не только потому, что эти укрѣпляющія тѣло и душу занятія пользовались и пользуются преобладающимъ значеніемъ во всѣхъ тѣхъ исправительныхъ колоніяхъ, которыя считаются образцовыми, какъ въ Метрэ, около Тура, или въ «Суровомъ домѣ» около Гамбурга, но и потому, что въ смыслѣ удовлетворенія нуждъ нашего городского населенія въ ремесленномъ образованіи, ремесленный пріютъ, устроенный на 30 человѣкъ, можетъ дать самые миніатюрные результаты. Это даже не капля въ морѣ общественныхъ нуждъ и потребностей. Зачѣмъ же, въ такомъ случаѣ, жертвовать этимъ по необходимости миніатюрнымъ результатамъ общими цѣлями исправленія, которыя колонія должна преслѣдовать?

Намъ могутъ сдѣлать здѣсь другое возраженіе: уставъ нашего Общества имѣетъ задачею не только устройство земледѣльческихъ колоній, но и ремесленныхъ пріютовъ, а уставъ самыхъ этихъ колоній и пріютовъ долженъ имѣть въ виду не только начало и ближайшее будущее, когда въ ремесленныхъ пріютахъ предполагается не болѣе 30 мальчиковъ, но и болѣе отдаленное время, когда заведенія эти разростутся, существованіе ихъ упрочится и самое число воспитанниковъ въ ремесленномъ пріютѣ достигнетъ нормы, т.-е. 200, а это уже довольно порядочное число, которое можетъ дать себя почувствовать на цѣлую губернію. Прежде всего замѣтимъ, что такимъ возраженіемъ нисколько не подтверждается разумность принятаго въ проектѣ основанія для распредѣленія дѣтей между колоніею и ремесленнымъ пріютомъ. Это основаніе и практически представитъ немалыя затрудненія, если взять въ разсчетъ массу низшаго класса петербургскаго населенія, въ которомъ порядочный процентъ первоначально принадлежитъ къ сельскому населенію, но постепенно становится осѣдлымъ въ столицѣ. Куда же несовершеннолѣтняго такихъ родителей причислить? Оставаясь вѣрнымъ принципу, принятому въ проектѣ, слѣдовало бы, по занятіямъ родителей, всѣхъ несовершеннолѣтнихъ, судимыхъ въ Петербургѣ, опредѣлять въ ремесленный пріютъ,—земледѣльческая же колонія осталась бы, въ такомъ случаѣ, только какъ названіе, ради красоты слога. Изъ того, что Общество имѣетъ цѣлью устройство и колоній и пріютовъ, не слѣдуетъ, чтобы послѣдніе должны

были имѣть особое устройство, а не быть составною частью колоній. Стоя за полное слитіе земледѣльческихъ и ремесленныхъ занятій въ колоніи, мы думаемъ, что для тѣхъ питомцевъ, которымъ суждено будетъ пробыть болѣе продолжительный срокъ въ колоніи, изученіе какого-либо ремесла можетъ принести впослѣдствіи только пользу. Поэтому существованіе въ колоніи ремесленнаго пріюта какъ нельзя болѣе полезно, но опять подъ условіемъ, чтобы самая сортировка поступающихъ въ заведеніе дѣтей—въ колонію или въ пріютъ, —обращеніе ихъ къ земледѣльческимъ или ремесленнымъ занятіямъ, не дѣлались съ самаго начала, да къ тому еще по такому внѣшнему признаку, какой принятъ въ проектѣ устава.

Если нищета служитъ главною причиною преступленій, совершаемыхъ несовершеннолѣтними, то это справедливо лишь въ томъ смыслѣ, что нищетой обусловливается оставленіе дѣтей на жертву случаю и лишеніе ихъ всякаго воспитанія и ученія. Поэтому, застраховать по возможности юнаго преступника отъ повторительнаго впаденія въ преступленіе, можно не тѣмъ только, что его научатъ обращаться съ такимъ или другимъ станкомъ, съ такимъ или другіемъ орудіемъ. На главномъ планѣ должно стоять общее исправленіе его, путемъ умственнаго и нравственнаго его развитія, которое едва ли можно будетъ достигнуть посредствомъ обращенія несовершеннолѣтняго тотчасъ, по вступленіи его въ колонію, къ какому-нибудь механическому занятію и спеціальному ремеслу. Когда устроивается особое общество, преслѣдующее прежде всего исправительныя цѣли, то преобладаніе такихъ или другихъ занятій, земледѣльческихъ или ремесленныхъ, должно вполнѣ сообразоваться съ этими цѣлями, и только рядомъ съ ними можетъ имѣть мѣсто вопросъ, какія занятія могутъ оказаться выгоднѣе для несовершеннолѣтняго, по оставленіи имъ колоніи.

Можно, конечно, сказать, что масса бѣдныхъ дѣтей, которые, подростая, могутъ не нынче, завтра очутиться на скамьѣ подсудимыхъ, находится въ такомъ безпомощномъ, жалкомъ положеніи, что куда бы Общество ни обратило ихъ, въ земледѣльческую колонію, или въ ремесленный пріютъ, —это все равно будетъ для нихъ благодѣяніемъ. Мы противъ такой мысли не только не споримъ, но готовы привести, какъ и приводили, тотъ извѣстный, замѣченный нами въ уголовныхъ отдѣленіяхъ петербургскаго окружнаго суда фактъ, что несовершеннолѣтніе подсудимые, которые до суда находились подъ болѣе или менѣе продолжительнымъ арестомъ въ здѣшнемъ исправительномъ заведеніи, производили вообще, по тому, какъ они себя держали на

судѣ, болѣе выгодное впечатлѣніе, чѣмъ тѣ, которыхъ приводили изъ другихъ мѣстъ заключенія. Спрашивается, отчего это? Оттого ли, что въ числѣ занятій для содержащихся въ исправительномъ заведеніи фигурируетъ ремесленное образованіе въ видѣ щипанья пеньки, или оттого, что, какъ недавно было по одному дѣлу обнаружено въ окружномъ судѣ и сообщено тогда въ «Судебномъ Вѣстникѣ», несовершеннолѣтнихъ, которые вторично попадаются въ преступленіи и вновь поступаютъ для предварительнаго ареста въ тоже исправительное заведеніе, подвергаютъ тамъ будто бы тѣлеснымъ наказаніямъ? Намъ кажется, упомянутый фактъ объясняется гораздо проще тѣмъ, что при совершенномъ недостаткѣ ухода за этими малолѣтными до того что они совершили преступленіе, поступленіе ихъ послѣ преступленія въ заведеніе, въ которомъ ихъ хотя чему-нибудь учатъ, обращаютъ къ правильной жизни, къ какому-нибудь труду, должно подѣйствовать на нихъ, сравнительно съ испытаннымъ ими на свободѣ, крайне благодѣтельно. Но изъ этого, конечно, не слѣдуетъ, чтобы общество, которое основано спеціально для исправленія малолѣтныхъ и несовершеннолѣтнихъ преступниковъ, могло довольствоваться тѣми пріемами, которые господствуютъ въ исправительномъ заведеніи, или тѣми результатами, которые достигаются заключеніемъ въ это заведеніе. Когда ставятся относительно исправленія малолѣтныхъ высшія цѣли, чѣмъ тѣ, которыя до-сихъ-поръ ставились, то и самыя средства для достиженія ихъ должны быть какъ можно болѣе сознательныя, опредѣленныя и соотвѣтствующія именно этимъ цѣлямъ, а не другимъ, съ извѣстной точки зрѣнія также можетъ быть полезнымъ.

V.

«Хотя гуманное, но маленькое дѣло», замѣтитъ, пожалуй, читатель о всемъ этомъ предпріятіи. Дѣло, дѣйствительно, небольшое, хотя оно и можетъ разростись. Но благоустроенная гражданская жизнь общества въ цивилизованныхъ странахъ слагается, между прочимъ, и изъ множества такихъ, повидимому, небольшихъ интересовъ и дѣлъ.

Когда говорятъ объ исправительныхъ колоніяхъ, обыкновенно указываютъ на земледѣльческую колонію въ Метрэ. Для насъ внутренніе порядки въ этой колоніи, на которую постоянно ссылаются, любопытны, сравнительно съ тѣмъ, что у насъ предположено, по вопросу о внутренней дисциплинѣ. Въ комитетѣ Общества, при составленіи проекта устава колоніи, возникло,

какъ извѣстно, разногласіе по вопросу о примѣнимости въ колоніи, въ крайнихъ случаяхъ, тѣлесныхъ наказаній. Конечно, гораздо лучше было бы, если бы не только никакого разногласія въ этомъ отношеніи не было, но и самый вопросъ этотъ не возбуждался, такъ какъ ничего еще не устроено, никакіе опыты не сдѣланы, и на практикѣ, при открытіи колоніи, представятся, вѣроятно, совершенно другіе вопросы первостепенной важности. Намъ кажется, что независимо отъ чисто педагогическихъ соображеній, исключающихъ весь этотъ вопросъ о тѣлесныхъ наказаніяхъ, противъ самой постановки его говоритъ примѣръ того, чтò существуетъ въ другихъ мѣстахъ. Какимъ образомъ, въ самомъ дѣлѣ, въ Метрэ, съ населеніемъ съ самаго начала почти втрое больше, чѣмъ въ нашей предположенной колоніи, даже съ нормальнымъ размѣромъ ея въ 200 человѣкъ, никогда не возникала мысль о тѣлесныхъ наказаніяхъ, а у насъ, при самомъ первомъ приступѣ къ дѣлу, совершенно искренно убѣждены, что безъ страха такихъ наказаній нельзя будетъ справиться съ населеніемъ колоніи? Бòльшая грубость нашихъ народныхъ нравовъ, бòльшая испорченность нашего низшаго класса? Такъ какъ здѣсь рѣчь можетъ идти только о томъ слоѣ населенія, который всего болѣе поставляетъ подсудимыхъ, то еще вопросъ, гдѣ, во Франціи или у насъ, существуетъ въ этомъ слоѣ бòльшая грубость нравовъ, бòльшая испорченность.

Впрочемъ, и независимо отъ этого фатальнаго вопроса, колонія Метрэ, по внутреннему ея устройству, представляетъ много любопытнаго. На подробностяхъ этого устройства мы не будемъ останавливаться; эти подробности читатель можетъ найти въ сочиненіи Ламарка о пенитенціарныхъ колоніяхъ [1]) и въ русской литературѣ въ сочиненіи г. Богдановскаго [2]), которое содержитъ хорошій обзоръ такихъ колоній и вообще не лишено интереса, хотя нѣкоторыя статистическія данныя, сообщаемыя авторомъ могли бы быть нѣсколько новѣе. Мы ограничимся здѣсь только слѣдующими замѣчаніями.

Частное общество, устроившее въ 1839-мъ г. земледѣльческую колонію въ Метрэ, близъ Тура, въ прекрасной мѣстности, получило нынѣшній свой статутъ, признавшій колонію общеполезнымъ учрежденіемъ, только въ 1853-мъ г., по декрету отъ 21-го іюня того же года. Колонія основана на 550 воспитанниковъ,

[1]) Des colonies pénitentiaires et du patronage des jeunes libérés, par Jules de Lamarque. 1863.

[2]) Молодые преступники. Вопросъ уголовнаго права и уголовной статистики. (Изд. имиер. новорос. университета). Одесса, 1870 г.

но она можетъ принимать и бóльшее число ихъ, если позволяетъ работа на смежныхъ, принадлежащихъ ей участкахъ. Въ дѣйствительности число юныхъ колонистовъ въ Метрэ гораздо болѣе предположеннаго.

Предъ нами послѣдній уголовно-статистическій отчетъ министра юстиціи второй имперіи, представленный имъ въ 1869-мъ году за 1867-й г. [1]). Изъ этого отчета, въ которомъ въ особой таблицѣ показано число юныхъ преступниковъ, содержимыхъ какъ въ частныхъ, такъ и въ казенныхъ исправительныхъ колоніяхъ, мы видимъ, что въ Метрэ въ 1867-мъ г. содержалось 711 несовершеннолѣтнихъ. Это число больше числа всѣхъ предшествующихъ годовъ. Общее же число юнаго населенія всѣхъ земледѣльческихъ колоній и пріютовъ во Франціи, существующихъ для исправительныхъ цѣлей, простиралось въ отчетномъ (1867-мъ) году до 6,608 человѣкъ. Если взять въ разсчетъ, что изъ этого общаго числа на правительственные пріюты и колоніи приходилось всего около 1,200-ти человѣкъ, не болѣе, а всѣ остальные содержались въ частныхъ пріютахъ и колоніяхъ, то изъ этого уже видно, какъ примѣръ Метрэ возбудилъ въ этомъ отношеніи частную и общественную дѣятельность и повелъ къ основанію во Франціи многочисленныхъ колоній съ однородными цѣлями. Спрашивается, кто по французскому закону поступаетъ въ эти колоніи? Прежде всего тѣ подсудимые моложе 16-ти лѣтъ, которые судомъ оправданы вслѣдствіе признанія ихъ дѣйствовавшими безъ разумѣнія (sans discernement). Всѣ они по закону (art. 66, Code pénal) могутъ быть судомъ или возвращены родителямъ, или отданы въ подобное исправительное заведеніе на срокъ не долѣе, чѣмъ до достиженія 20-лѣтняго возраста. Затѣмъ въ колонію и пріюты могутъ быть отданы и тѣ подсудимые, моложе 16-ти лѣтъ, которые признаны по суду дѣйствовавшими съ разумѣніемъ, обвинены въ самыхъ тяжкихъ преступленіяхъ и приговорены, — вслѣдствіе юнаго возраста, — вмѣсто наказаній для совершеннолѣтнихъ, къ заключенію въ исправительномъ заведеніи на срокъ отъ 10-ти до 20-ти лѣтъ. Въ колонію же поступаютъ такіе дѣйствовавшіе съ разумѣніемъ юные преступники, которые обвинены въ преступленіяхъ, за которыя и взрослые подвергаются болѣе или менѣе продолжительному лишенію свободы: вслѣдствіе юнаго возраста срокъ заключенія ихъ въ колонію сокращается на половину, сравнительно съ временемъ содержанія взрослыхъ въ общихъ мѣстахъ

[1]) Compte général de l'administration de la justice criminelle en France, pendant l'année 1867.

заключенія. Наконецъ и всего больше поступаютъ въ Метрэ и въ другія колоніи тѣ недостигшіе 16-ти-лѣтняго возраста подсудимые, которые судились безъ присяжныхъ, въ судѣ исправительной полиціи, и обвинены въ одномъ изъ тѣхъ менѣе тяжкихъ дѣяній, которыя относятся французскимъ закономъ къ délits и за которыя взрослые (хотя и безъ присяжныхъ) могутъ быть приговорены къ пяти годамъ заключенія. Для лицъ, моложе 16-ти лѣтъ, этотъ срокъ долженъ былъ сокращаемъ, по крайней мѣрѣ, на половину. Таковы вкратцѣ постановленія кодекса въ этомъ отношеніи. Но по закону, вотированному національнымъ собраніемъ 5-го августа 1850-го г., пенитенціарныя колоніи, какъ правительственныя, такъ и частныя принимаютъ также и тѣхъ юношей, которые приговорены къ заключенію на срокъ свыше шести мѣсяцевъ и не болѣе, чѣмъ на два года. Проектъ предположенной у насъ колоніи дѣлаетъ невозможнымъ принятіе несовершеннолѣтнихъ на подобное кратковременное заключеніе,—нормальный срокъ у насъ будетъ трехгодичный,—и хотя главный мотивъ при томъ—что въ очень короткіе сроки исправительныя цѣли не могутъ быть достигнуты — самъ по себѣ in abstracto уважителенъ, но едва-ли принятіе въ колонію на одни болѣе продолжительные сроки составитъ такое преимущество, которымъ не нужно будетъ раньше или позже поступиться. При заключеніи во французскую колонію на срокъ свыше шести мѣсяцевъ, общее правило то, что въ теченіи первыхъ трехъ мѣсяцевъ вновь поступившіе содержатся въ особомъ отдѣленіи и обращаются къ сидячимъ, ремесленнымъ занятіямъ. Послѣ этого искуса, директоръ колоніи можетъ ихъ допустить къ земледѣльческимъ работамъ.

Особенность Метрэ заключается не столько въ фамильномъ, семейномъ характерѣ, который учредители старались придать этому учрежденію, сколько въ томъ, что эта колонія сама въ себѣ находитъ необходимый ей личный составъ наставниковъ и наблюдателей, которые въ ней же приготовляются. Вопросъ о служащемъ персоналѣ, о лицахъ, съ любовію посвящающихъ себя своему служенію, какъ извѣстно, одинъ изъ самыхъ важныхъ въ цѣломъ тюремномъ вопросѣ и представляющій особыя трудности въ дѣлѣ устройства колоній. Извѣстно также, что, напр., въ Пруссіи эти трудности тюремнаго вопроса повели къ учрежденію Вихерномъ особаго братства, посвящающаго себя служенію какъ въ Суровомъ Домѣ, такъ и въ берлинской и другихъ тюрьмахъ. Составляя своего рода протестантскій орденъ, это братство не разъ подвергалось и въ камерѣ и въ печати сильнымъ нападкамъ, и оно, быть можетъ, не чуждо обыкновенныхъ клерикальныхъ

тенденцій, но практическая польза, приносимая имъ, все-таки взвѣшиваетъ эти тенденціи.

Въ Метрэ, гдѣ все населеніе колоніи раздѣлено на семьи, изъ которыхъ каждая состоитъ изъ сорока членовъ, обитаетъ особый домъ и управляется особымъ chef de famille, которому подчиненъ sous-chef de famille,—весь надзоръ и все воспитаніе колонистовъ поручены лицамъ, вышедшимъ, по большей части изъ приготовительной школы, состоящей при самой колоніи. Занятія колонистовъ, независимо собственно отъ предметовъ элементарнаго образованія—земледѣліе, садоводство, огородничество и всѣ тѣ работы, которыя требуются на фермахъ. Всѣ занятія по содержанію самой колоніи поручаются также этимъ юношамъ-колонистамъ. Ихъ учатъ, кромѣ того, мастерствамъ: плотничному, слесарному, кузнечному, башмачному, портняжному, малярному, булочному и т. д. При назначеніи занятій колонистамъ берутъ въ разсчетъ ихъ здоровье и склонности, откуда они, изъ города или деревни, состояніе или профессію ихъ родителей и положеніе, въ которомъ они будутъ по выходѣ изъ колоніи.

VI.

Болѣе или менѣе удовлетворительное состояніе всякой исправительной колоніи, какъ и вообще мѣстъ заключенія, опредѣляется обыкновенно числомъ рецидивистовъ,—сколько изъ освобожденныхъ вновь подвергались суду и заключенію. Въ этомъ отношеніи Метрэ, по послѣднему отчету французскаго министра юстиціи, представляетъ слѣдующіе результаты: за три года, 1865—1867, всѣхъ освобожденныхъ изъ колоніи было 369 человѣкъ, и изъ нихъ рецидивистовъ оказалось всего 26, т.-е. около 8%. Но отношеніе это не постоянное, а колеблющееся, такъ какъ на 130 освобожденныхъ 1865-го и на 123 освобожденныхъ 1866-го г. приходилось по 12 рецидивистовъ, т.-е. около 10%, а изъ 116 человѣкъ, выпущенныхъ изъ Метрэ въ 1867-мъ г. вновь осуждены были только двое несовершеннолѣтнихъ.

Гораздо любопытнѣе отношеніе числа несовершеннолѣтнихъ подсудимыхъ къ общему числу преступниковъ. Извѣстно, что наибольшее число преступленій совершается въ возрастѣ отъ 21-го года до 40-а лѣтъ. Во Франціи приходилось, въ 1867-мъ г., на этотъ возрастъ изъ общаго числа лицъ (4607), судившихся предъ ассизами, т.-е. съ присяжными, 55%, именно 2,529 человѣкъ. Въ Пруссіи на этотъ самый возрастъ приходилось, какъ въ 1867-мъ г., такъ и въ 1868-мъ и 1869-мъ годахъ тоже около

половины всѣхъ осужденныхъ присяжными ((Statistik der Preuss. Schwurger. für die Jahre 1868 и 1869, стр. 14). Но такъ какъ въ прусской уголовной статистикѣ возрасты, по которымъ группируются статистическія данныя, приняты нѣсколько иные, чѣмъ во Франціи, именно отъ 16-ти до 24-хъ лѣтъ, отъ 24-хъ до 40-а лѣтъ и отъ 40-а до 60-ти, то собственно на возрастъ отъ 21-го года до 40-а лѣтъ придутся почти тѣже 55%, какъ и во Франціи. Затѣмъ мы видимъ, что въ общемъ числѣ судившихся французскими присяжными несовершеннолѣтніе, которымъ было менѣе 16-ти лѣтъ, составляли 1%, а тѣ, которымъ было отъ 16-ти до 21-го года, составляли 16%. Но это, какъ мы сказали, касается только ассизныхъ судовъ, предъ которыми недостигшіе шестнадцати-лѣтняго возраста судятся крайне рѣдко, только въ видѣ исключенія, по участію въ преступленіи, содѣянномъ совершеннолѣтними. Общее же число судившихся во Франціи въ томъ же 1867-мъ г. безъ присяжныхъ, въ судахъ исправительной полиціи, поистинѣ громадно: оно составляетъ не менѣе 181,695 обвиняемыхъ, при чемъ 85% мужчинъ и 15% женщинъ. Относительно слишкомъ 28-ми т. обвиняемыхъ, судившихся въ нарушеніяхъ фискальныхъ постановленій, ограждающихъ интересы казны, возрастъ лицъ не могъ быть удостовѣренъ и опущенъ въ оффиціальной статистикѣ. На остальныхъ слишкомъ полтораста тысячъ обвиняемыхъ приходилось малолѣтныхъ до 16-ти лѣтъ около пяти тысячъ (4%) и лицъ отъ 16-ти до 21-го года слишкомъ 18 тысячъ (14%). Бродяжничество (vagabondage) и простыя кражи составляютъ господствующій видъ тѣхъ преступленій и проступковъ, за которые эти малолѣтніе и несовершеннолѣтніе обыкновенно привлекаются къ суду исправительной полиціи во Франціи.

При различіяхъ въ судоустройствѣ, въ кругѣ вѣдомства присяжныхъ судовъ и вообще въ уголовномъ законодательствѣ различныхъ странъ, крайне трудно дѣлать какіе-либо общіе выводы. Но именно потому, что кругъ вѣдомства присяжныхъ судовъ во Франціи и въ Пруссіи почти одинъ и тотъ же, и что лица моложе 16-ти лѣтъ ставятся въ Пруссіи предъ судъ присяжныхъ только въ тѣхъ самыхъ исключительныхъ случаяхъ, какъ и во Франціи,—любопытенъ слѣдующій фактъ. Хотя предъ прусскими присяжными судилось въ 1867-мъ г. почти вдвое болѣе лицъ (8,955), чѣмъ во Франціи въ томъ же году (4,607)—эту разницу, при гораздо болѣе значительномъ населеніи Франціи, и если не допустить въ ней фактическаго, при второй имперіи, преобладанія суда исправительной полиціи, объяснить вообще довольно трудно, — тѣмъ не менѣе на 51-го преступника моложе 16-ти

лѣтъ во Франціи приходилось въ Пруссіи лицъ этого возраста столько же, именно всего 52, слѣдовательно, сравнительно съ общимъ числомъ подсудимыхъ въ ассизныхъ судахъ обоихъ государствъ, судилось несовершеннолѣтнихъ въ Пруссіи вдвое менѣе. Такой результатъ слѣдуетъ безъ сомнѣнія отнести на счетъ болѣе широкихъ размѣровъ народнаго образованія въ Пруссіи.

Въ заключеніе замѣтимъ, что тѣ немногія достовѣрныя статистическія числа, которыя недавно обнародованы были въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» изъ дѣятельности новыхъ судебныхъ учрежденій и слѣдовательно касаются лишь той полосы Россіи, гдѣ введена судебная реформа, обнимаютъ слишкомъ короткій періодъ времени, съ 1-го іюня по 15-го ноября 1870-го г., чтобъ на нихъ можно было основывать какія-нибудь общія заключенія. Изъ этихъ цифръ можно пока только догадываться, что онѣ, когда будутъ обнимать болѣе продолжительные періоды времени, въ сильной степени подтвердятъ убѣжденіе въ неотложной необходимости расширенія вообще народнаго образованія, и въ той огромной пользѣ, которую у насъ могутъ принести сколько-нибудь толково устроенныя исправительныя колоніи. Изъ общаго числа всѣхъ осужденныхъ, за тотъ періодъ времени, въ новыхъ судахъ 9,512 человѣкъ, на возрасты отъ 10-ти до 20-ти лѣтъ приходится 1,104, т.-е. около 13%. И такъ какъ наибольшее число осужденныхъ (3,013) приходится у насъ на возрастъ отъ 20—30-ти лѣтъ, то придется, чтобы получить отношеніе несовершеннолѣтнихъ преступниковъ, до 21-го года, къ совершеннолѣтнимъ, прикинуть къ тѣмъ 13% еще нѣсколько процентовъ. Числа эти сами по себѣ достаточно краснорѣчивы.

Б. Утинъ.

ПРОЩАНІЕ
ЧАЙЛЬДЪ-ГАРОЛЬДА

Изъ Байрона.

I.

Прости, прости, родимый берегъ мой,
    Сливающійся съ гладью синихъ водъ!
Ревутъ валы, вздыхаетъ вѣтръ ночной
    И съ крикомъ чайка въ воздухѣ снуетъ...
На западъ, въ даль, за солнцемъ вслѣдъ, пускай
    Бежитъ-летитъ корабль нашъ, а пока —
Прощай и солнца ликъ, и ты, мой край:
    Миръ вамъ, миръ вамъ, родные берега!

II.

Мелькнутъ во тьмѣ ночной два-три часа —
    И въ блескѣ солнца утренняго я
Увижу снова море, небеса,
    Но не тебя, мать-родина моя!
Пусть зáмокъ мой — отцовъ моихъ пріютъ —
    Съ его на вѣкъ забытымъ очагомъ,
Травою дикой стѣны поростутъ,
    Мой бѣдный песъ выть станетъ подъ окномъ.

III.

Мой пажъ, мой пажъ, что значитъ этотъ видъ?
    О чемъ, мой сынъ, вздыхая, слезы льешь?
Иль ярость волнъ морскихъ тебя страшитъ?
    Иль грозный вѣтра вой кидаетъ въ дрожь?
Смѣлѣй, смѣлѣй взгляни, мой малый пажъ —
    Корабль нашъ новъ, и легокъ, и силенъ,
И вѣрь, дитя — быстрѣйшій соколъ нашъ
    Такъ бодро вдаль не пустится, какъ онъ.

IV.

—«Пусть свищетъ вѣтръ, вздымая волнъ хребты —
    Я не боюсь ни вѣтра, ни волны!
Но отчего, сэръ Чайльдъ, дивишься ты,
    Что грусть и скорбь въ глазахъ моихъ видны?
Остался тамъ старикъ-отецъ одинъ,
    Осталась мать моя въ тоскѣ, въ слезахъ,—
А кромѣ ихъ — лишь ты, мой господинъ
    Есть у меня, да Богъ на небесахъ!

V.

«Былъ духомъ бодръ отецъ, когда меня
    Благословлять пришлось въ далекій путь;
Но для родной моей не будетъ дня,
    Чтобъ тяжело о сынѣ не вздохнуть...»
Ты правъ, ты правъ, дитя мое, вполнѣ —
    Кто слезъ такихъ не лилъ въ твои года?
Ахъ, еслибъ твой невинный возрастъ мнѣ —
    Такъ сухъ и мой взоръ не былъ-бы тогда!

VI.

А ты мой другъ, слуга надежный мой,
    Чего, скажи, чего такъ поблѣднѣлъ?

Ужель тебя пугаетъ валъ морской?
Иль можетъ быть, боишься вражьихъ стрѣлъ?
—«Сэръ Чайльдъ, сэръ Чайльдъ! за жизнь не страшно мнѣ—
Не такъ я слабъ, — напрасенъ твой упрекъ:
Одна лишь мысль о брошенной женѣ
Могла согнать румянецъ съ этихъ щекъ...

VII.

«У ясныхъ водъ, близъ твоего крыльца,
Съ малютками живетъ моя жена,
И если станутъ звать они отца —
Какой отвѣтъ тогда имъ дастъ она?...»
Ступай, ступай, мой вѣрный другъ — ты правъ
И я вполнѣ цѣню твою печаль,
Хоть мнѣ иной дала природа нравъ,
Хотя я самъ смѣясь пускаюсь въ даль.

VIII.

Кого обманетъ лживая слеза
Лазурныхъ глазъ любовницы, жены?
Ахъ! новый другъ осушитъ тѣ глаза,
Что были слезъ вчера еще полны...
Не жаль мнѣ прошлыхъ радостей моихъ
И не страшусь я предстоящихъ грозъ —
Мнѣ жаль, что тамъ, за мною, въ этотъ мигъ,
Нѣтъ ничего, что стоило-бы слезъ!

IX.

Средь грозныхъ волнъ свершаю я свой путь,
Всегда съ самимъ собой наединѣ —
Да и къ чему тужить по комъ-нибудь,
Когда никто не тужитъ обо мнѣ?
Быть можетъ, песъ мой станетъ тосковать,
Пока и тотъ, чужой рукой кормимъ,

Готовъ меня-же будетъ разорвать
Передъ порогомъ собственнымъ моимъ!

X.

Впередъ-же, въ даль на быстромъ кораблѣ,
Въ міръ шумныхъ волнъ, въ безбрежіе морей!
Мнѣ все равно, къ какой ни плыть землѣ,
Лишь только-бы не плыть назадъ къ своей.
Привѣтъ тебѣ, лазурный океанъ!
Когда-же ты исчезнешь предо мной —
Привѣтъ мой вамъ, пещеры дикихъ странъ...
Спокойной ночи, край родимый мой!

Ив. Гольцъ-Миллеръ.

ФРАНЦІЯ и ФРАНЦУЗЫ

ПОСЛѢ ВОЙНЫ.

Изъ путешествія.

II*).

Въ Бордо.

Не слѣдуетъ думать, что то невеселое чувство, которое испытываешь при самомъ вступленіи на французскую почву, есть результатъ какого-то особаго «сантиментальнаго» отношенія къ Франціи. Это тяжелое чувство долженъ испытывать каждый, кому только не чужда любовь къ народу, къ людямъ вообще, кто бы ни были эти люди, будь они бѣлые, черные или красные. Найдутся, разумѣется, и такіе, которые, видя страданія людей или слушая или читая разсказъ о нихъ, сочтутъ своею обязанностью ограничиться тупоумною фразою: «вздоръ, пустяки, нѣжное сердце, сантиментальничанье!» — но объ этихъ людяхъ не можетъ быть и рѣчи, это или люди неразвитые, прикрывающіе свою ограниченность какою-то нелѣпою суровостью, или просто хлыщи, драпирующіеся въ черствую оригинальность. Помимо подобныхъ людей никто, конечно, не въ состояніи былъ бы отдѣлаться отъ чувства самой ѣдкой боли при первомъ столкновеніи лицомъ къ лицу со всѣми, или нѣтъ, съ милліонною долею тѣхъ ужасовъ, тѣхъ страданій, которыя всюду посѣяла война.

Я не успѣлъ еще выдти въ Бельгардѣ изъ вагона, какъ мимо

---

*) См. выше: апр. 864 стр.

меня пронесли нѣсколько человѣкъ тяжело раненыхъ, искалѣченныхъ. Одинъ съ забинтованною головою, другой безъ руки, третій съ перевязаннымъ лицомъ, отъ котораго не было видно почти ничего, кромѣ глазъ, но въ этихъ глазахъ отражалось такое мученіе, что человѣкъ съ самыми крѣпкими нервами не вынесъ бы равнодушно этого страдальческаго взора. Нѣкоторые изъ раненыхъ шли сами, поддерживаемые съ двухъ сторонъ другими солдатами, другіе плелись еле-еле, опираясь на палку. Что́, ранены ли они, измучены ли — трудно было разобрать. Множество солдатъ проходитъ то взадъ, то впередъ, и сколько между ними такихъ, которымъ нельзя дать на видъ болѣе четырнадцати, пятнадцати лѣтъ. Смотря на этихъ людей, дурно одѣтыхъ, оборванныхъ, съ истоптанными сапогами, почти босыхъ, слабыхъ, хилыхъ вслѣдствіе неимовѣрнаго изнуренія, я не могъ не подумать вслухъ: съ такимъ войскомъ не одерживаютъ побѣдъ!

— «Да, ваша правда,—отвѣчалъ мнѣ одинъ изъ моихъ спутниковъ, — съ такими людьми Франція не могла побѣдить; но дѣло въ томъ только, что эти люди не всегда же были такими слабыми, такими несчастными, всѣ они съумѣли бы защитить и отстоять свою родину, еслибы только ихъ не заставляли голодать и зябнуть, еслибы только имъ дали хлѣбъ и обувь, которая позволяла бы имъ двигаться впередъ безъ боли, еслибы ихъ только не вели на бой съ пустыми желудками, съ распухшими ногами да съ окоченѣвшимъ тѣломъ».

— «Да еще,—подсказалъ при этомъ другой спутникъ озлобленнымъ голосомъ, — прибавьте къ этому, еслибы у этихъ людей были порядочные начальники, которые умѣли бы ихъ вести въ огонь, которые бы знали куда ихъ ведутъ и чего они сами хотятъ. Да, да, нечего говорить, въ нашей бѣдѣ, въ нашемъ несчастіи некого намъ винить, кромѣ насъ же самихъ, еслибы мы не терпѣли цѣлыхъ двадцать лѣтъ этого гнилого правительства, еслибы мы не были сами «si lâches» и съумѣли бы выкинуть, «вырвать» ce traitre de Sedan, тогда у насъ была бы и армія, и офицеры, и генералы, потому что генералами не дѣлались бы только одни «фавориты» и впередъ не выдвигались бы только тѣ, кто чѣмъ-нибудь успѣлъ заявить свою рабскую преданность, и на кого, слѣдовательно, больше можно было положиться на случай войны.... съ народомъ».

Эти слова, которыя я услышалъ въ первый разъ при переѣздѣ черезъ французскую границу, мнѣ приходилось потомъ слышать двадцать, тридцать разъ, однимъ словомъ, всегда, когда только разговоръ заходилъ объ этихъ изумительныхъ, непостижимыхъ пораженіяхъ французовъ. И это вовсе не говорилось

для того, чтобы утѣшать себя,—утѣшительнаго было тутъ мало; нѣтъ, это говорилось потому, что въ словахъ этихъ скрывалась дѣйствительно самая горькая правда. Въ погромахъ Вёрта, Форбаха, Седана, столько преступной безпечности, пораженіе Франціи такъ очевидно кроется въ бездарности бонапартовскихъ генераловъ, въ ихъ цинической заботливости объ интересахъ лица или лицъ, а не о благѣ страны, что объ этомъ никто уже больше не говорилъ, это было уже вопросомъ порѣшеннымъ; и если вспоминали объ этихъ первыхъ погромахъ, то развѣ только для того, чтобы еще разъ запечатлѣть проклятіемъ имперію и высказать все безконечное презрѣніе къ ея преступнымъ слугамъ. Нѣтъ, съ болью, съ отчаяніемъ говорилось только о пораженіяхъ республики и армій, созданныхъ уже послѣ 4-го сентября.

Сколько невѣроятно грустныхъ разсказовъ пришлось мнѣ выслушать о бѣдствіяхъ вновь созданныхъ армій, о безпорядкахъ, происходившихъ вслѣдствіе дурныхъ распоряженій или вслѣдствіе полнаго отсутствія распоряженій.

«Сегодня, — разсказывало одно изъ дѣйствующихъ лицъ въ драмѣ,—выходилъ приказъ: солдаты должны кормиться запасною пищею, запасными сухарями и т. д. Солдаты слушаютъ и не вѣрятъ своимъ ушамъ—они знаютъ, что въ ихъ сумкахъ давно уже нѣтъ никакихъ запасовъ, что въ нихъ не найдешь не только ни одного сухаря, но ни одной сухарной крохи. Начинается ропотъ, слышатся жалобы, голодъ заставляетъ громко высказывать свое недовольство; офицеры не знаютъ, что имъ дѣлать, одинъ передаетъ по старшинству другому, который отсылаетъ все выше и выше по начальству, а солдаты все остаются безъ пищи; солдаты обвиняютъ офицеровъ, офицеры генераловъ, генералы интенданство и т. д., безъ конца, а дѣло все-таки не двигается впередъ, солдаты голодаютъ, слабѣютъ, энергія падаетъ, ну и ведите ихъ послѣ этого на сраженіе!» — добавляетъ разсказщикъ.

Кто же виноватъ въ этомъ? не разъ приходилось спрашивать.

На этотъ вопросъ никогда нельзя было добиться путнаго отвѣта, каждый отвѣчалъ сообразно тому, къ какой онъ принадлежитъ партіи. Чаще всего слышались обвиненія противъ Гамбетты, отъ котораго требовали, чтобы онъ, какъ Богъ, былъ вездѣсущимъ, всемогущимъ, всевидящимъ. Отвѣтъ собственно скрывался въ одномъ—въ полной дезорганизаціи страны, въ которой, разумѣется, была повинна двадцатилѣтняя имперія, утвердившая на прочныхъ основаніяхъ одно—воровство и мошенничество. Организовать моментально страну, организовать въ то

время, когда цѣлая треть занята уже врагомъ, дѣло такое, которое не подъ силу одному человѣку, сколько бы энергіи ни было въ немъ. И то, чтó сдѣлано было въ теченіи какого-нибудь мѣсяца, до такой степени поразительно, что едва можешь себѣ объяснить. Послѣ роковыхъ ударовъ, которые разрушили имперію, развалилась вся организація страны, все нужно было создавать вновь, начиная отъ армій, оружія, пушекъ, до самыхъ мельчайшихъ подробностей, и вещи и люди все должно было быть замѣнено вновь, и самое большое несчастіе — это то, что новому порядку, въ попыхахъ, въ критическую минуту, пришлось воспользоваться людьми имперіи, генералами Бонапарта, къ которымъ солдаты не имѣли ни малѣйшаго довѣрія, совершенно естественно всюду подозрѣвая измѣну, даже тамъ, гдѣ ея не было. Да и какъ въ самомъ дѣлѣ было имѣть къ нимъ довѣріе, когда эти генералы сплошь и рядомъ довольно открыто высказывали свою нелюбовь къ республикѣ. Какъ примѣръ наглости бонапартовскихъ генераловъ мнѣ нѣсколько разъ приводили генерала Брессоля, о которомъ всѣ разсказывали съ полною достовѣрностью такого рода фактъ: подъ его начальство поступилъ полкъ, сформированный изъ ліонскихъ рабочихъ, извѣстныхъ своимъ рѣшительнымъ республиканскимъ образомъ мыслей.

— А, такъ это республиканцы,—сказалъ Брессоль, ну, такъ я ихъ попробую! И вслѣдъ затѣмъ въ какомъ-то дѣлѣ выдвинулъ ихъ впередъ, обрекая на вѣрную смерть.

Солдаты не могутъ этого не знать, и одного такого случая достаточно, чтобы заставить заподозрить не одного только генерала, какого-нибудь Брессоля, а всякаго начальника, который имъ мало извѣстенъ. Недовѣріе къ начальникамъ, упадокъ духа, отвратительное интендантство, которое оставляло часто армію безъ хлѣба, безъ одежды, безъ обуви, сплошь и рядомъ недостатокъ боевыхъ снарядовъ и старыя ружья вмѣсто Шасспо — вотъ чтó создало, наконецъ, тѣхъ солдатъ, которые рѣшались бѣжать съ поля битвы, вотъ чтó создало тѣхъ измученныхъ, изнуренныхъ, тѣхъ несчастныхъ людей, съ которыми въ первый разъ, въ такомъ ужасающемъ видѣ, я столкнулся въ Бельгардѣ.

Впрочемъ, нужно сказать, что впослѣдствіи я болѣе почти не встрѣчался съ такими фигурами, казалось, цѣликомъ взятыми изъ Дантовскаго ада, и не встрѣчался не потому, чтобы я уже попривыкъ и сдѣлался менѣе впечатлителенъ къ подобнымъ картинамъ, — нѣтъ, тутъ дѣйствительно я встрѣтился съ тѣмъ, чтó было самаго изнуреннаго среди массы несчастныхъ французскихъ солдатъ. Это были остатки восточной арміи, арміи Бурбаки, ге-

роическіе остатки, которые не хотѣли перейти на швейцарскую границу и потому бросились въ разсыпную, спасаясь какъ могли. Этимъ остаткамъ на каждомъ шагу приходилось сталкиваться съ непріятелемъ, проводя не день, а дни, безъ пищи, безъ крова. Полумертвые отъ голода и усталости, добрались они, наконецъ, до той черты, гдѣ были уже внѣ непріятельскаго преслѣдованія.

Не одинъ только видъ раненыхъ, не одинъ только видъ этихъ оборванныхъ, изнуренныхъ солдатъ говорилъ о бѣдствіяхъ страны, указывалъ на ея ненормальное, критическое положеніе. Несчастіе было въ воздухѣ, оно чувствовалось, какъ? я не съумѣю объяснить, но таково было впечатлѣніе. Отчаянный безпорядокъ, суета, тамъ, гдѣ все дѣлалось прежде по стрункѣ, отсутствіе грозныхъ жандармовъ, строгихъ досмотрщиковъ на таможнѣ, вѣжливость при отобраніи паспортовъ, вездѣ другой тонъ, другое настроеніе. Все что ни дѣлается—дѣлается какъ-то безсознательно, какъ будто бы каждый думаетъ про себя: да зачѣмъ теперь таможня, зачѣмъ паспорты, не все ли равно въ такую минуту, не все ли равно, кто проѣдетъ, намъ больше некого опасаться; не все ли равно, чтò провезутъ, намъ больше нечего терять, пусть ѣдетъ кто хочетъ, пусть провозятъ что угодно, Франція такъ глубоко несчастлива, что ей не до такихъ пустяковъ! Вотъ чтò чувствовалось въ воздухѣ, какая-то жалобная нота отчаянія, равнодушія. Руки опустились, ничего не хочется дѣлать! Врядъ ли взглянули на наши паспорты, вещей же нашихъ вовсе не смотрѣли, даже не вынули ихъ изъ багажнаго вагона.

— Куда вынимать столько вещей, — сказалъ мнѣ досмотрщикъ, — можете идти, вашихъ вещей не принесутъ сюда, ихъ не будутъ смотрѣть. И глаза его, казалось, говорили: «да чтò вы стоите, чтò смотрите, вотъ до чего дожили, что и вещей мы не смотримъ!»

Такъ дѣйствительно и было. Нѣсколько сундуковъ вынесли изъ багажныхъ вагоновъ, открыли только для того, чтобы поскорѣе закрыть, а всѣ остальные преспокойно отправились далѣе, безъ осмотра. Мы снова усѣлись въ наши вагоны, но поѣздъ не трогался. Я скоро понялъ причину. Дверцы нашего вагона еще разъ отворились и на ступенькѣ остановилась женщина, вся въ черномъ, съ кружкой въ рукахъ, и обратилась къ намъ съ простыми словами: pour nos pauvres blessés! Не было, разумѣется, человѣка, который не опустилъ въ кружку серебрянную или мѣдную монету. Мы двинулись далѣе по направленію къ Ліону, но двигались медленно, останавливаясь на каждомъ шагу: на одной станціи забирали солдатъ, на другой выпускали этихъ

несчастныхъ, которыхъ неизвѣстно зачѣмъ перевозили съ одного мѣста на другое. Какъ ни медленно двигался нашъ поѣздъ, но тѣ нѣсколько часовъ, которые мы ѣхали до Ліона, прошли какъ нельзя болѣе быстро. Всю дорогу шла оживленная бесѣда, одинъ разсказъ сыпался за другимъ, разговоръ, разумѣется, общій, и мнѣ не разъ приходило на умъ, что правы тѣ, которые говорятъ, что несчастіе сближаетъ людей. Тутъ были, конечно, люди различныхъ партій, различныхъ положеній, различнаго образа мыслей, но у нихъ было одно общее — это горе, и это общее заставляло забывать, на первое, конечно, только время, все то, что̀ ихъ прежде разъединяло. Толстую тетрадь можно было бы составить изъ всѣхъ этихъ безчисленныхъ разсказовъ о войнѣ, о дѣйствовавшихъ лицахъ, различныхъ эпизодахъ, которыхъ, разумѣется, я не стану передавать, потому что кто можетъ поручиться за правду всѣхъ разсказовъ, выслушиваемыхъ на пути. Во время войны, и особенно такой войны, какова послѣдняя, создается столько легендъ! Всѣ подобные разсказы носили на себѣ грустный отпечатокъ и не разъ удавалось мнѣ подмѣчать слезу въ глазахъ разсказщика. Великолѣпная природа, чудные виды, которые тянутся чуть не до самаго Ліона, составляя какъ бы продолженіе богатой природы Швейцаріи, развлекали моихъ спутниковъ среди ихъ мрачныхъ разсказовъ, тяжелыхъ опасеній за будущее, предчувствій, такъ оправдавшихся, унизительнаго, позорнаго мира, высказываемаго страха потери Эльзаса и Лотарингіи.

— Смотрите, вырывалось у нихъ, какая дивная страна; Франція велика, у насъ еще останется кое-что, пруссаки не заберутъ ее всю! Нельзя передать всей той горечи, злобы, отчаянія, которыя скрывались въ подобныхъ фразахъ, отражавшихся на лицѣ какою-то болѣзненною улыбкою.

Странная психологическая черта бросилась мнѣ въ глаза съ перваго же дня моего пребыванія во Франціи, черта, которая впослѣдствіи становилась для меня все рельефнѣе и рельефнѣе. Французамъ доставляло какое то особое наслажденіе бичевать самихъ себя — жестокая реакція противъ стараго, казалось, страшно глубоко въѣвшагося порока самодовольства и шовинизма —и высказывать громко такія мысли, которыя не могли словно острымъ ножемъ не рѣзать ихъ сердце.

Послѣ безчисленныхъ разсказовъ, которые съ разу окунули меня въ «настоящее» Франціи, одинъ изъ нашихъ спутниковъ полушопотомъ, точно про себя произнесъ:

— Tu l'as voulu, pauvre France, tu l'as voulu! пародируя Мольеровское tu l'as voulu George Dandin, tu l'as voulu!

Послѣ этого «tu l'as voulu», наступило какое-то свинцовое,

подавляющее молчаніе, точно всѣ углубились въ свои неотрадныя думы, и мы незамѣтно стали подходить къ Ліону. То, на что прежде никогда не обращалось вниманія, теперь привлекало всѣ взоры; всѣ смотрѣли, высовывались изъ оконъ, чтобы отдать себѣ отчетъ, какими укрѣпленіями обладаетъ Ліонъ, и долго ли онъ можетъ выдержать осаду на случай, еслибы война возобновилась. Работы не были покинуты, но работа видимо шла вяло, все было точно остановлено, все окоченѣло, когда сдѣлался извѣстенъ результатъ выборовъ въ національное собраніе, которому предшествовала отставка Гамбетты какъ министра войны и внутреннихъ дѣлъ. Тутъ и тамъ работали люди на бастіонахъ, на городской стѣнѣ, работали надъ тѣмъ, что черезъ нѣсколько недѣль должны были снова уничтожать сами. Поѣздъ двигался вдоль этихъ укрѣпленій, за которыми расположенъ былъ огромный лагерь — только-что пришедшихъ съ юга свѣжихъ войскъ.

— «Вотъ когда они догадались придти, эти горячія головы юга, когда война уже кончена и когда въ нихъ болѣе никто не нуждается»! произнесъ съ досадою одинъ изъ нашихъ спутниковъ.

Онъ былъ правъ. Нѣсколько разъ приходилось мнѣ слышать потомъ жалобы на югъ Франціи, гдѣ народъ бушевалъ, требовалъ la guerre à outrance, не хотѣлъ слышать о мирѣ, объ уступкѣ хоть «одной пяди земли», собирался встать поголовно и все собирался, все собирался, пока наконецъ не разразилась гроза — паденіе Парижа. Только за нѣсколько дней до перемирія, полки южной Франціи стали дѣйствительно двигаться впередъ, и часть-то то ихъ мы встрѣтили въ Ліонѣ. Правда, въ арміяхъ Шанзи и Федерба были тоже люди, высланные югомъ, но ихъ было мало, мало сравнительно съ отчаяннымъ положеніемъ, въ которомъ находилась Франція. Югъ во все время войны какъ бы не отдавалъ себѣ ясно отчета въ опасности. Въ Марсели, Бордо, какъ и во всѣхъ почти южныхъ департаментахъ, жизнь шла по обыкновенію; конечно, приходили отчаянныя извѣстія съ театра войны, но эти извѣстія порождали только временную лихорадку, временной жаръ, моментальную рѣшимость — всѣмъ поголовно броситься на поле битвы, но затѣмъ также скоро эта лихорадка, этотъ жаръ исчезалъ до новаго извѣстія. Война была такъ далеко. Только тогда, когда враждебныя арміи значительно подвинулись, вошли въ глубь страны, когда на югъ сталъ издали долетать громъ орудій и доходить запахъ пороха, югъ дѣйствительно пришелъ въ волненіе и сталъ снаряжать безъ страха, безъ боязни своихъ дѣтей туда, гдѣ давно уже лилась французская кровь. Весьма вѣроятно, что южная, горячая кровь взяла бы свое и дѣти юга гордо и смѣло встрѣтили бы смерть.

Быть можетъ, еслибы нѣмецкія арміи приблизились къ нимъ, южные французы сдѣлались бы львами, защищая свою родину, но все это «быть можетъ»; въ дѣйствительности же они зашевелились, снарядились на бой и готовы были броситься въ дѣло какъ разъ въ ту минуту, когда роковое слово: поздно! уже рѣзко прозвучало въ ихъ головѣ.

За минуту до въѣзда въ Ліонъ, поѣздъ нашъ опять остановился, и въ вагонъ опять вошла женщина въ черномъ и мы услышали уже знакомыя слова: pour nos pauvres blessés! Никто не отказывался опустить еще и еще разъ въ эту кружку свое приношеніе. Пока кружка эта обходила весь нашъ длинный поѣздъ, мимо насъ проходило множество солдатъ всевозможныхъ наименованій: были тутъ и mobiles и mobilisés и soldats de ligne и franc-tireurs. Что поражало въ этой массѣ — это разнообразіе мундировъ, костюмовъ: одни нѣсколько походили на тѣхъ, съ которыми мы уже встрѣтились въ Бельгардѣ, т.-е. грязные, оборванные; другіе были одѣты чисто, опрятно, почти что щеголевато, были наконецъ и такіе, которыхъ можно было бы перенести прямо на картину. Высокіе, стройные, закутанные въ огромные плащи, съ высокой калабрійской шляпой, съ револьверомъ за поясомъ, съ легкимъ ружьемъ на плечѣ, точь въ точь какъ представляютъ разбойниковъ на сценѣ итальянской оперы. Мои спутники смотрѣли на эту пеструю массу, и та психологическая черта, которая отлилась въ самобичеваніе, заставила одного изъ нихъ со вздохомъ сказать: «Нѣтъ, нѣтъ, нечего говорить, что съ нами ни дѣлай, мы никогда не перестанемъ быть актерами, въ каждомъ изъ насъ есть частичка актера! Зачѣмъ, я васъ спрашиваю, эти костюмы, зачѣмъ эти плащи, эти шляпы, у которыхъ недостаетъ только перьевъ, зачѣмъ это позированіе: для того, чтобы побѣждать, вовсе не нужно всего этого маскарада! Ахъ, нужно сознаться, мы были уже много разъ наказаны за наше актерство, и намъ все еще мало».

— Ah! c'est bien vrai! c'est bien vrai! было ему отвѣтомъ со стороны другихъ французовъ.

Какая перемѣна! думалось мнѣ, давно ли такая фраза, такой разговоръ былъ бы просто немыслимъ. Вотъ ужъ правда, что все имѣетъ свою хорошую и свою дурную сторону. Въ первый же день и та и другая сторона бросались въ глаза. Къ несчастью, только впослѣдствіи дурная, отвратительная сторона войны все разросталась и разросталась въ моихъ глазахъ, а хорошая была относительно такъ ничтожна, такъ мизерна, что вовсе скрывалась изъ виду.

Простоявъ нѣсколько часовъ въ Ліонѣ, на дебаркадерѣ, среди невѣроятнаго хаоса, суеты, среди массы солдатъ, которые отсюда уходили по различнымъ направленіямъ, я поздно вечеромъ отправился наконецъ далѣе, дорожа каждою минутою, чтобы поскорѣе только добраться до цѣли, до Бордо, на которомъ сосредоточенъ былъ теперь интересъ, вниманіе не только одной Франціи, но цѣлаго міра. Что ни говорите, а все-таки невозможно не согласиться, что только одна Франція имѣетъ невѣроятную привилегію каждый разъ, въ каждый историческій моментъ, въ каждую эпоху свое дѣло, дѣло Франціи дѣлать дѣломъ чуть не всего человѣчества. Только за судьбою этой страны всѣ народы всегда слѣдятъ съ такимъ напряженнымъ вниманіемъ. Это немного, пожалуй скажете вы, но во всякомъ случаѣ это и немало.

Мы двигались по обыкновенію медленно, двигались на авось, не зная куда доѣдемъ, гдѣ остановимся, поспѣемъ ли къ такому-то поѣзду или простоимъ на мѣстѣ двадцать-четыре часа, если только не больше. Останавливаясь на каждой станціи, всѣ мы невольно испытывали страхъ при одной мысли: можетъ быть тутъ и остановимся и дальше не пойдемъ. Въ движеніяхъ желѣзной дороги господствовалъ полнѣйшій хаосъ, на станціяхъ не у кого ни о чемъ спросить, не знаешь куда идти, въ какой поѣздъ садиться, одни говорятъ: нужно идти туда, другіе: нѣтъ, пойдемъ туда. Ночью добрались мы до какой-то станціи, гдѣ должны были мѣнять вагоны и сѣсть на другой поѣздъ. Только-что мы вышли на дебаркадеръ, намъ говорятъ: поѣздъ ужъ ушелъ, здѣсь нужно будетъ сидѣть и ждать у моря погоды, пока пойдетъ другой поѣздъ. Въ маленькую залу набралось множество народа, все военные, офицеры, солдаты, нѣсколько человѣкъ статскихъ и буквально ни одной дамы! На станціи безпорядокъ; ночь, довольно холодно, чувствуешь усталость и среди толпы людей какую-то одинокость, потому что не знаешь, что съ тобой будетъ, долго ли простоишь въ комнатѣ, присѣсть некуда; спрашиваешь у кого-нибудь о своей судьбѣ, т.-е. двинешься ли далѣе, и не получаешь отвѣта, потому что тотъ у кого вы спрашиваете знаетъ столько же, сколько и вы сами. Положеніе скучное, несносное и, главное, неопредѣленное. Наконецъ какой-то мальчуганъ крикнулъ: les voyageurs pour Toulouse! толпа двинулась, всѣ бросились въ узкую дверь, оказалось, что мальчуганъ хотѣлъ только позабавиться и подшутилъ. Толпа отхлынула назадъ. Черезъ четверть часа опять кто-то крикнулъ: les voyageurs pour Toulouse! Но на этотъ разъ уже публика была болѣе осторожна, и подозрѣвая опять какой-нибудь фарсъ, не тронулась съ мѣста. Фарса, оказалось, никакого не было, и въ этотъ разъ

дѣйствительно подошелъ какой-то поѣздъ. Среди такого-то хаоса, мы двигались помаленьку впередъ. Дорога довольно скучная, однообразная, вездѣ одинъ и тотъ же видъ, одно и тоже впечатлѣніе, вездѣ солдаты, солдаты и солдаты. Трудно конечно судить о настроеніи всей этой массы солдатъ, когда ее видишь только мелькомъ, но на всемъ пути до Бордо, впродолженіи почти цѣлыхъ двухъ сутокъ, пришлось ихъ видѣть такое количество, столько разъ приходилось прислушиваться къ тому, что они говорятъ, что можно безъ боязни сильно ошибиться передать свое впечатлѣніе. Трудно было бы, мнѣ кажется, подмѣтить среди этой военной массы особенное уныніе; напротивъ, солдаты были довольно веселы, часто раздавался смѣхъ, шутки, остроты. Разсказываютъ, солдаты вообще были довольны, когда узнали о перемиріи. Не имѣя никакой вѣры въ начальниковъ и считая чуть не всѣхъ, за исключеніемъ весьма немногихъ, измѣнниками, такъ что случалось, что среди сраженія при видѣ офицеровъ, убѣгавшихъ съ поля битвы, они не задумываясь разстрѣливали ихъ, испытывая всевозможныя лишенія какъ въ одеждѣ такъ и въ пищѣ, они, довольно понятно, могли желать мира; но чтобы быть справедливымъ, нужно также сказать и то, что были цѣлые полки, которые въ отчаяніи, со злобой и негодованіемъ бросали свои ружья, когда узнали о заключеніи перемирія. Мнѣ самому приходилось слышать, какъ солдаты съ ненавистью говорили о мирѣ и горячо требовали войны, чтобы «смыть позоръ» съ французской арміи, и мнѣ врѣзалось въ память, какъ одинъ солдатъ, прощаясь съ другимъ, говорилъ ему съ какою-то отчаянною страстью:—«Прощай, мы еще увидимся, si nous avons le bonheur de nous battre avec les Prussiens»!

Эти слова говорились съ жаромъ, съ увлеченіемъ, но быть можетъ конечно, я не берусь рѣшать, это были только отдѣльныя, единичныя явленія.

Дотащились мы наконецъ и до Тулузы и здѣсь должны были провести цѣлый вечеръ, такъ какъ только поздно ночью поѣздъ уходилъ въ Бордо. Тулуза была укрѣплена. Кругомъ города была возведена стѣна, возвышались недоконченные еще бастіоны, видимо, Тулуза дѣятельно приготовлялась къ борьбѣ, но работы и тутъ какъ въ Ліонѣ были пріостановлены вслѣдствіе перемирія. Энергія упала, или быть можетъ просто былъ отданъ приказъ парижскимъ правительствомъ остановить работы. Такой образъ дѣйствія правительства Фавра, Пикара и Симона вызывалъ громкое порицаніе, и на каждомъ шагу можно было слышать такого рода фразы:

«Эти люди безсовѣстнымъ образомъ предали страну врагу.

Вмѣсто того, чтобы во время перемирія продолжать дѣятельно работу, продолжать укрѣплять города, обучать войско, вооружать народъ, однимъ словомъ, вести дѣло такъ, какъ будто бы война должна возобновиться, они все остановили, и этимъ какъ бы говорили непріятелю: предписывайте намъ какія угодно условія, мы все примемъ, у насъ больше нѣтъ никакихъ силъ. Естественно, что непріятель, увѣренный, такимъ образомъ, въ принятіи мирныхъ условій, могъ сдѣлаться еще болѣе надменнымъ и не соглашаться уже ни на какія уступки. Еслибы Фавръ, Пикаръ и другіе даже думали, что война не могла продолжаться, то все-таки честь націи требовала, да какое честь, ея простая выгода, чтобы дѣло вооруженія и укрѣпленія продолжалось. Только тогда, еслибы врагъ зналъ, что несмотря на страшное пораженіе, нація все-таки еще можетъ рѣшиться на продолженіе борьбы, что она не склоняетъ покорно своей выи, что отчаяніе можетъ поднять націю на новый, упорный бой, тогда, безъ сомнѣнія, онъ выслушивалъ бы съ бо̀льшимъ уваженіемъ ея уполномоченныхъ для заключенія мира».

Французы хорошо понимали, что Бисмаркъ смѣется надъ Фавромъ, говоря, что онъ не можетъ на долгое время продлить перемиріе въ виду призыва контингента 71-го года и продолженія вооруженія страны, такъ какъ ему лучше, чѣмъ кому-нибудь, было извѣстно, что все остановилось и что парижское правительство уничтожало даже ту организацію, которая стоила столь непомѣрныхъ усилій Гамбеттѣ.

На укрѣпленіяхъ Тулузы людей не было, пушки стояли не принаровлены, всюду чувствовалась мысль: зачѣмъ, все напрасно; развѣ заранѣе неизвѣстно, что миръ, какъ бы позоренъ онъ ни былъ, какъ бы тягостно ни долженъ онъ былъ отозваться на судьбѣ Франціи, все-таки будетъ заключенъ. Укрѣпленія Тулузы говорили мнѣ только одно, что тѣ, которые рѣшались продолжать войну во что бы то ни стало, вовсе не обманывали себя ложною надеждою, что они успѣютъ остановить непріятельскія арміи и не допустятъ ихъ занять югъ Франціи. Нѣтъ, они понимали, что это можетъ случиться, но дѣлали такъ, чтобы уступка каждаго шага не обходилась безъ борьбы, безъ отчаяннаго сопротивленія. Еслибы это было иначе, то, разумѣется, они не укрѣпляли бы и не приготовляли бы для борьбы такой южный городъ, какъ Тулуза.

Тулуза это былъ первый городъ, который я увидѣлъ послѣ войны, и потому я съ величайшимъ любопытствомъ отправился взглянуть на его внѣшнюю физіономію. Тулуза принадлежитъ къ передовымъ, къ республиканскимъ городамъ Франціи, хотя

тутъ и живетъ весьма много легитимистовъ. Когда страна находится въ такомъ горестномъ, такомъ бѣдственномъ положеніи какъ Франція, то кажется, какъ будто это бѣдствіе, это горе должно отражаться на всемъ, что попадается на глаза, на лицахъ, на физіономіи толпы, ждешь, что вездѣ должно быть пусто, мрачно, на улицахъ, въ café, вездѣ ожидаешь встрѣтить какую-то «печать унынія и печали». По крайней мѣрѣ такъ казалось мнѣ, когда я отправился въ центръ Тулузы, на площадь Капитолія. Я ошибался. Густая толпа народу наполняла ярко освѣщенную площадь. Всѣ магазины подъ колоннадою были открыты, у оконъ ихъ толпилось и глазѣло много людей. Огни во всѣхъ café, вездѣ полно, вездѣ шумно. Я съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ вошелъ въ одно изъ нихъ. Огромная зала биткомъ набита народомъ. Одни играютъ въ бильярдъ, другіе въ карты, тутъ читаютъ газеты, тамъ сидятъ за домино. Суета необыкновенная, шумъ, говоръ, мальчишки вбѣгаютъ съ газетами, одинъ кричитъ: Les droits de l'homme, Les droits de l'homme, другой: voilà La convention Francaise, journal du soir, vient de paraitre; третій врывается съ шумомъ и выкрикиваетъ писклывымъ голосомъ: demandez les dernières nouvelles и т. д., и т. д.

Въ первую минуту остаешься въ рѣшительномъ недоумѣніи, и начинаешь уже задавать себѣ вопросъ: да полно, такъ ли, въ этой ли странѣ длится нѣсколько мѣсяцевъ свирѣпая война, этотъ ли народъ проливаетъ свою кровь, эти ли люди потеряли своихъ сыновей, отцевъ, братьевъ или друзей? Первое впечатлѣніе отъ этой шумной площади, отъ этихъ биткомъ набитыхъ café, отъ этой пестрой разгуливающей толпы, отъ этихъ освѣщенныхъ магазиновъ поистинѣ самое странное, странное въ особенности тогда, когда изъ головы не выходитъ сложившаяся уже впередъ «печать унынія и печали». Я уже слышу послѣ этихъ словъ возгласы:

— «Ну что же! вы еще разъ сами подтверждаете, что это народъ пустой, легкомысленный, которому все ни по чемъ, которому все трынъ-трава, народъ не серьезный, неумѣющій даже сознать порядочно своего несчастья! Вы были наивны, что ожидали встрѣтить какое-то мрачное настроеніе въ этой странѣ, гдѣ café chantant, Figaro и театръ съ полунагими женщинами поглотили всѣ серьезные интересы».

О, будьте милостивы, возразилъ бы я, больше изъ вѣжливости, тому, отъ кого услышалъ бы подобную фразу, это не можетъ быть вашею мыслію; не повторяйте ради Христа безсознательно того вздора, тѣхъ безсмыслицъ, которыя бормочутъ различные невѣжды, неумѣющіе понять ни прошедшаго, ни на-

стоящаго Франціи, тѣ узкіе, ограниченные головы, которые въ великой французской революціи видятъ только красный терроръ, гильотину, Маррата и не видятъ того громаднаго политическаго переворота, который былъ внесенъ ею въ европейскую, нѣтъ, во всемірную жизнь; не слѣдуйте за тѣми, которымъ недоступно возвыситься надъ настоящими событіями, надъ событіями дня, минуты, какъ бы ни были они грустны, прискорбны и увидѣть въ нихъ не одну борьбу сумазброднаго народа, а цѣлую драму, полную историческаго смысла, подъ дикимъ покровомъ которой скрывается разумное стремленіе четвертаго сословія освободиться отъ подавляющаго ига третьяго, которое когда-то было «ничѣмъ», а теперь сдѣлалось уже черезъ чуръ «всѣмъ». Борьба еще разъ печальная, тяжелая, но начавшаяся не сегодня, работавшая подъ землею въ послѣдніе годы, но наконецъ снова вспыхнувшая на нашихъ глазахъ. Вы не измѣните хода исторіи, она не идетъ по гладкому пути, устланному розами, на ея дорогѣ встрѣчаются ухабы, рвы, сугробы и пропасти; я понимаю, что подчасъ ихъ можно проклинать, ненавидѣть, но я не понимаю, когда говорятъ, что впереди уже нѣтъ болѣе ровной дороги, что нѣтъ болѣе гладкаго пути, что дорога оборвалась на пропасти. Прошедшее поясняетъ намъ настоящее и подсказываетъ будущее.

— «Не отклоняйтесь, прерываетъ меня мой воображаемый противникъ, отъ начатаго разговора; я говорилъ о легкомысліи и пустотѣ французскаго народа по поводу того, что вы же сами высказывали, говоря о биткомъ набитыхъ народомъ café, о шумной площади, о глазѣющей на освѣщенные магазины толпѣ.

— Не торопитесь, въ свою очередь скажу я, дѣлать слишкомъ быстрыя заключенія, помните поговорку, которая говоритъ, что наружность обманчива. Какъ бываютъ различные нравы у людей, такъ бываютъ и различные нравы у народовъ. У одного человѣка случилась вздорная непріятность и вы уже видите это на его лицѣ: онъ грустенъ, мраченъ, ходитъ съ изображеніемъ печали на челѣ: у другого, между тѣмъ, приключилось страшное горе, несчастье, а вы между тѣмъ не замѣтите это: онъ также ходитъ, также говоритъ, живетъ прежнею жизнію, какъ будто ничего не бывало; нужно приглядѣться къ его жизни, нужно вникнуть въ его думы и только тогда вы поймете, какъ глубоко потрясена его натура, какъ сильно страдаетъ онъ, какъ всѣ мысли его направлены на одно—на его несчастье. Тоже самое бываетъ и съ цѣлыми народами.

Французы, выходя изъ поразительно несчастной войны, не могли перемѣнить всѣ свои привычки; они также ходятъ въ

café, также ведутъ уличную жизнь, также играютъ въ карты и домино, такъ что внѣшность осталась все таже, да, собственно говоря, и не нужно, чтобы она измѣнялась, еслибы даже и могла измѣниться. Но слѣдуетъ ли изъ того, что внѣшность сохранилась таже, чтобы и внутреннее настроеніе оставалось тоже?

Ничуть не бывало. Они, правда, по прежнему сидятъ въ café, играютъ въ карты и домино, но сидятъ и играютъ уже не такъ безпечно, какъ прежде; они по прежнему читаютъ газеты, но въ этомъ чтеніи уже нѣтъ того равнодушія, того индифферентизма, какой былъ прежде. Прислушайтесь къ разговорамъ, въ первомъ попавшемся café, подсядьте къ нѣсколькимъ французамъ, дѣлая видъ, что углубились въ чтеніе газеты, и вмѣсто прежняго разговора о какой-нибудь спекуляціи, театрѣ или какой-нибудь камеліи, вы услышите горячій разговоръ объ общественныхъ дѣлахъ; выйдите на эту шумную площадь, которая могла поразить васъ своимъ праздничнымъ видомъ, пройдитесь въ рядахъ этой толпы и до васъ будутъ только долетать имена Федерба, Гамбетты, Тьера, Шанзи и т. д. Подойдите къ этой толпѣ, которая глазѣетъ въ окна, и посмотрите, что созерцаетъ она?—вы увидите, что она остановилась передъ портретами политическихъ и военныхъ дѣятелей, передъ различными брошюрами, картами. Взгляните на этихъ людей, которые столпились передъ стѣной, гдѣ наклеиваютъ объявленія, и вы увидите, что они читаютъ всевозможныя прокламаціи. Одна изъ нихъ принадлежитъ Гамбеттѣ—это та самая, которою ограничивались выборы; рядомъ съ нею парижскаго правительства, которая уничтожала знаменитый декретъ; тутъ избирательная прокламація одного комитета, рекомендующаго своихъ кандидатовъ, тутъ другого комитета; въ одномъ мѣстѣ читаютъ уже старую прокламацію «свирѣпаго диктатора», какъ называли Гамбетту его враги, гдѣ онъ призываетъ бороться до послѣдней крайности, въ другомъ, почти рядомъ, прокламація парижскаго правительства, du gouvernement de la défense nationale или dépense nationale или démence nationale, или, наконецъ, desorganisation nationale, какъ злобно называли его французы, — возвѣщающая о паденіи Парижа, о перемиріи и національномъ собраніи. Однимъ словомъ, куда ни обернетесь, къ чему ни прислушаетесь, вездѣ одно и тоже, вездѣ одна мысль: война, война и война. А на видъ какъ будто ничего не бывало.

Два-три часа пробродилъ я по площади Капитолія и по смежнымъ съ ней улицамъ, и когда я уходилъ, то уже то странное впечатлѣніе, которое охватило меня въ первую минуту,

какъ бы сгладилось, и Тулуза не казалась мнѣ болѣе беззаботнымъ городомъ, гдѣ люди живутъ по прежнему безпечно и ни о чемъ не думая. Я уже понималъ ту тревожную мысль, которая волновала эту наружно-спокойную толпу. Скрытая, затаенная печаль всегда возбуждаетъ бóльшую симпатію, нежели крикливое горе.

Уже поздно ночью усѣлся я въ душный вагонъ, въ которомъ помѣщался какой-то тяжело раненый съ обвязанною головою, и воображеніе, разумѣется гораздо болѣе нежели дѣйствительность, дѣлало то, что всю почти ночь меня безпокоилъ какой-то смрадный, тяжелый запахъ. Быть можетъ, вслѣдствіе этого, или просто отъ того, что главная намѣченная цѣль путешествія была достигнута, но я какъ-то свободно вздохнулъ, когда поѣздъ рано утромъ вошелъ въ дебаркадеръ и кондукторъ прокричалъ: Бордо!

Первое впечатлѣніе по пріѣздѣ въ Бордо—это впечатлѣніе безпорядка на станціи. Болѣе часа нужно было ждать, прежде, чѣмъ наконецъ стали раздавать багажъ и можно было отправиться за поискомъ квартиры. Меня до такой степени напугали полнымъ отсутствіемъ какого-нибудь помѣщенія въ Бордо, что я садился въ карету съ самымъ трепетнымъ чувствомъ, думая: куда-то я приклоню свою голову, и куда отправлюсь я изъ Бордо, чтобы не проводить ночей sous la belle étoile. Сколько разъ мнѣ ни случалось говорить, сколько разъ ни приходилось спрашивать моихъ мѣнявшихся спутниковъ относительно помѣщенія въ Бордо, каждый разъ мнѣ отвѣчали:

— Oh, non! вы ничего не найдете! и тутъ же любезно подавали совѣтъ, какъ слѣдуетъ поступить. По всей вѣроятности, вамъ не удастся устроиться въ Бордо, утѣшали меня, и потому самое лучшее поселитесь гдѣ-нибудь по близости по желѣзной дорогѣ, въ какой-нибудь деревнѣ, городкѣ, хотя и тутъ все полно. Такія рѣчи были вовсе неутѣшительны, и потому мой страхъ, при отправленіи на поиски за квартирою, долженъ быть какъ нельзя болѣе понятенъ. Подъѣзжаю къ одному отелю, къ другому, третьему, четвертому, вездѣ одинъ отвѣтъ: pas une chambre, pas un petit cabinet! И говорилось это такимъ тономъ, какъ будто бы спрашивали васъ: да что, съума вы сошли, что ли? чего ждете! комнаты, экая малость! Отчаяніе начинало уже овладѣвать мною, когда fiacre повезъ меня въ какую-то маленькую, грязненькую улицу и остановился передъ такимъ же маленькимъ и грязненькимъ отелемъ, который вовсе не заслуживалъ такого цивилизованнаго имени. Но и на этотъ «отель» смотрѣлъ я съ

умиленіемъ и думалъ, поднимаясь по темной и грязной лѣстницѣ: ахъ! какъ хорошо было бы здѣсь поселиться, но вѣрно и тутъ ничего не будетъ! Велика была радость, когда хозяйка объявила, что она можетъ дать une très belle chambre, которая только-что освободидась сію минуту. «Une très belle chambre» была въ сущности холодною, грязною и, главное, совершенно темною комнатою, въ которой можно было схватить двадцать тифовъ и всевозможнихъ лихорадокъ, но я охотно согласился съ хозяйкою, что это дѣйствительно «une très belle chambre», да и какъ было не согласиться, особенно когда хозяйка представила мнѣ неотразимый аргументъ, а именно, что на верху, въ точно такой же комнатѣ, loge un député.

Un député—вотъ поистинѣ слово, которое могло произвести по крайней мѣрѣ разлитіе желчи. Жители Бордо, гордые тѣмъ, что ихъ городъ сдѣлался временною столицею Франціи, казалось забыли всѣ слова, за исключеніемъ одного: député!—«Monsieur est député»? «Monsieur a des amis parmi les députés?» слышали вы со всѣхъ сторонъ, съ кѣмъ бы ни заговорили; député, député повторялось на всевозможные лады, при всякомъ удобномъ случаѣ, такъ что входя куда-нибудь, вы чувствовали потребность прежде всего поспѣшить сдѣлать заявленіе: «je ne suis pas député.

Отель, въ которомъ меня пріютили на первыхъ порахъ, но который, къ счастію, мнѣ въ тотъ же день удалось перемѣнить на другой, гордившійся тѣмъ, что въ немъ останавливался Гарибальди и жило нѣсколько депутатовъ, между прочими и Edgar Quinet, находился въ двухъ шагахъ отъ центра Бордо — отъ площади, гдѣ красовалось зданіе «Комедіи», превратившееся теперь въ зданіе національнаго собранія. Не было еще и десяти часовъ утра, когда я вышелъ на улицу и очутился на place de la Comédie.

Городъ имѣлъ совершенно праздничный видъ, можно было подумать, что тутъ происходитъ какое-нибудь торжество. Вся площадь усѣяна народомъ, каждую минуту образуется новая группа, куда ни подойдешь вездѣ слышишь оживленные разговоры, споры, точно всѣ между собою знакомы; люди никогда невидавшіеся другъ съ другомъ вступаютъ въ бесѣду, разспрашиваютъ, передаютъ взаимно новости, которыя никогда не переводятся, каждый имѣетъ свою новость и передаетъ ее другому. Цѣлый потокъ слуховъ, новостей, всевозможныхъ извѣстій, къ которымъ относятся съ довѣріемъ или недовѣріемъ, смотря по тому, хороши ли эти слухи, извѣстія, или нѣтъ. Послѣ того, что я видѣлъ въ Тулузѣ, внѣшній видъ Бордо уже не поразилъ меня, хотя тутъ

эта праздничная оболочка выступала еще болѣе ярко. Не только на площади, гдѣ почти безсмѣнно дежурила толпа, на всѣхъ главныхъ улицахъ было множество народу, и на каждомъ шагу вы дѣлались свидѣтелями всевозможныхъ встрѣчъ.

— Tiens, vous êtes à Bordeaux.

— Et vous aussi!

— Eh bien, comment ça va?

Если вы нѣсколько любопытны, и захотите прислушаться къ этимъ людямъ, которые случайно столкнулись въ Cours de l'Intendance или въ rue St. Catherine, въ этихъ главныхъ улицахъ Бордо, то вы непремѣнно услышите на пятомъ словѣ, быстро сдѣлавшуюся почти-что стереотипною, фразу: Ah! ma pauvre France!

И затѣмъ начинается разсказъ о томъ, что каждый изъ нихъ испыталъ, гдѣ былъ, что видѣлъ и т. д. и т. д. Невеселые были эти разсказы и невеселыя были лица разсказчиковъ.

Какъ ни оживленъ былъ городъ, какъ ни торжественъ былъ его внѣшній видъ, но въ этой самой торжественности чувствовалось что-то жгучее, тревожное. Весьма можетъ быть, что впечатлѣніе это было просто слѣдствіемъ всѣхъ предшествовавшихъ событій во Франціи; но какъ бы то ни было, никто, неговоря уже о французахъ, но даже иностранцы не могли отдѣлаться отъ этого подавляющаго впечатлѣнія, которое какъ бы увеличивалось еще вслѣдствіе торжественности внѣшняго вида Бордо. Сознаніе важности настоящей минуты въ исторіи Франціи просто висѣло въ воздухѣ. Нужно ли говорить, что національное собраніе, война или миръ—вотъ что́ составляло предметъ всеобщихъ разговоровъ, толковъ и споровъ. Можно было прожить въ Бордо недѣлю, двѣ, и не услышать другого разговора. Было бы странно, разумѣется, еслибы оно было иначе. Все было поглощено политическимъ вопросомъ, и нужно сказать, что ничто не отвлекало отъ него вниманія. Съ восьми часовъ утра мальчишки уже оглашали городъ криками: «Siècle», «Moniteur universel», «le Châtiment», и затѣмъ впродолженіи цѣлаго дня эти крики не умолкали. Въ Бордо въ это время издавалось, по крайней мѣрѣ, двадцать, двадцать-пять газетъ, выходившихъ въ различное время дня, такъ что когда бы вы ни вышли на улицу, начиная съ 8-ми часовъ утра и до 11-ти часовъ вечера вы безостановочно слышали крики мальчишекъ, женщинъ, которыя на всевозможные голоса выкрикивали: voilà «la Gironde», demandez «la Gironde», demandez «la France», troisième édition! и т. д. «Liberté» иногда доходила до четырехъ изданій въ день, другія га-

зеты по три, а о двухъ изданіяхъ нечего и говорить. И все это разхватывалось, раскупалось въ нѣсколько минутъ, хотя сплошь и рядомъ во второмъ, третьемъ или четвертомъ изданіи не было почти никакого измѣненія. Какъ-то странно и вмѣстѣ пріятно было слышать въ первый день моего пріѣзда въ Бордо, какъ бѣгавшіе по улицамъ мальчуганы кричали, что было силъ: «voilà la proclamation du Badinguet au peuple français, demandez la proclamation du Badinguet!» Это была прокламація Наполеона къ французскому народу, напоминавшая ему, что три раза онъ имѣлъ тупоуміе и дикость вотировать за Бонапарта, за имперію. Прокламаціи Badinguet не дѣлали даже чести покупать ее, такъ что мнѣ нѣсколько совѣстно было остановить мальчишку и спросить у него это литературное произведеніе «злосчастнаго узника». Во всѣхъ книжныхъ магазинахъ было выставлено множество политическихъ брошюръ всевозможныхъ партій и между этими брошюрами вы всегда могли найти относящіяся и до Наполеона подъ названіемъ: «Les crimes du Badinguet» или «L'homme du Sédan» среди портретовъ Гамбетты, Тьера, Рошфора, Кремера и друг.; всегда точно также можно было встрѣтить если не портреты, то каррикатуры Наполеона съ различными надписями, въ родѣ: S. M. le traître de Sédan. Но во всѣхъ этихъ каррикатурахъ и надписяхъ отражалась не столько ненависть, сколько насмѣшка и крайнее презрѣніе. Знаменитая фраза: l'Empire c'est la paix была произнесена племянникомъ знаменитаго дядюшки именно въ Бордо, и въ честь этихъ словъ конечно, «винная» буржуазія Бордо, разумѣется по приглашенію начальства, воздвигла этому герою на одной изъ главныхъ улицъ Бордо, на cours de Tourny памятникъ, изображающій конную статую Наполеона съ надписью: l'Empire c'est la paix! Послѣ 4-го сентября статуя эта была разбита, снесена и на мѣсто ея толпа рѣшила немедленно поставить «дерево свободы». Мѣсто, гдѣ стояла статуя, уже было приготовлено, дерево было принесено, нужно было только посадить, какъ вдругъ кто-то въ толпѣ закричалъ:

— Не садите на это мѣсто, дерево свободы не примется здѣсь, это проклятое мѣсто!

Тѣ, которые сажали его, остановились, призадумались, какъ бы размышляя: пожалуй, и въ самомъ дѣлѣ не примется! Но толпа не дала долго размышлять, и криками: «да, да, да, лучше въ другое мѣсто, здѣсь не примется»! разрѣшила сомнѣніе. На томъ мѣстѣ, гдѣ стояла статуя, остался теперь только слѣдъ большого круга, а дерево свободы было посажено въ нѣсколькихъ шагахъ отъ того мѣста, гдѣ возвышалась статуя «храбраго»

императора. Дерево свободы стоитъ теперь одиноко, оно тоненькое, маленькое, хилое; чтобы оно принялось, за нимъ нуженъ большой уходъ. Весь вопросъ въ томъ, выростетъ оно и сдѣлается пышнымъ или завянетъ и умретъ, прежде чѣмъ успѣетъ распуститься.

— Если бы мы поменьше сажали деревьевъ свободы, сказалъ мнѣ французъ, указывавшій мнѣ на это мѣсто и передававшій то, чему онъ самъ былъ свидѣтелемъ, то можетъ быть у насъ было бы больше свободы!

— Можетъ быть, а можетъ быть и нѣтъ, отвѣчалъ я ему; въ Евангеліи сказано: ищите и найдете! Вы ищете и, надо надѣяться, кончите тѣмъ, что найдете недающуюся вамъ свободу. Есть столько народовъ, которые не сажаютъ деревьевъ свободы и все-таки не находятъ ее, что, право, вамъ нечего подражать и сожалѣть, что вы дѣлаете попытки, которыя пока и не увѣнчиваются результатомъ. Тѣмъ болѣе вамъ чести, если вы настоите на своемъ.

— Хорошо вамъ говорить, было мнѣ отвѣтомъ, а чего стоятъ намъ эти усилія, эти попытки! Впрочемъ, прибавилъ онъ, мы, борделезсцы, не можемъ особенно плакаться на судьбу, мы лично не можемъ хвастаться тѣмъ, чтобы приносили большія жертвы на алтарь отечества. Вы должны знать, что нѣтъ города болѣе эгоистичнаго, чѣмъ Бордо, и ему вовсе даже не было бы особенно лестно быть временной столицей Франціи, еслибы только это не приносило ему большой выгоды. Это городъ по преимуществу коммерческій и онъ очень удивленъ, что видитъ себя въ военномъ мундирѣ и въ патріотическомъ жару.

Дѣйствительно, военный видъ какъ-то мало подходилъ къ Бордо; на большой площади, окруженной и перерѣзанной деревьями, со статуею Монтескье, съ великолѣпнымъ видомъ на Гаронну, на площади, самою судьбою предназначенной только для гулянья, помѣщенъ былъ огромнѣйшій паркъ, можетъ быть нѣсколько сотъ пушекъ, которыя никогда еще не были въ дѣлѣ. Немного дальше разбросанъ былъ небольшой лагерь, двадцать, тридцать палатокъ, и признаюсь, я не особенно завидовалъ этимъ солдатамъ, къ житью-бытью которыхъ я могъ присмотрѣться, проходя каждый день мимо этого импровизованнаго лагеря. Вся эта обстановка была не къ лицу Бордо. Если прибавить къ этому, что по улицамъ постоянно разъѣзжали родъ омнибусовъ, на которыхъ написано было: secours aux blessés; если сказать, что всюду, во всѣхъ café, во всѣхъ почти магазинахъ стояли бѣлыя кружки съ краснымъ крестомъ и надписью: pour les blessés, что всѣ стѣны были заклеены объявленіями одинаково

съ краснымъ крестомъ, приглашавшими жителей къ благотворительности всякаго рода; если сказать, что въ пользу раненыхъ давались спектакли въ театрахъ, въ церквахъ говорились проповѣди на ту же тему въ то время, когда бѣлая кружка съ краснымъ крестомъ обходила прихожанъ, то не трудно себѣ представить, что весь внѣшній видъ Бордо, хотя и праздничный и блестящій, тѣмъ не менѣе говорилъ одно: война, война. Рядомъ съ этимъ масса солдатъ, безконечное множество военныхъ, всевозможные мундиры, костыли, руки въ черныхъ повязкахъ, головы въ бѣломъ и т. д., и т. д., все это довершало общую картину Бордо.

Таковъ былъ внѣшній видъ города, который получилъ печальную привилегію помѣтить своимъ именемъ одну изъ самыхъ роковыхъ страницъ въ исторіи Франціи. Каково же было внутреннее настроеніе Бордо? Нужно сказать, что въ эту минуту внутреннее настроеніе Бордо отражало въ себѣ внутреннее настроеніе цѣлой Франціи, потому что сюда съѣхались люди со всѣхъ городовъ, со всѣхъ сторонъ Франціи. Въ Бордо съѣхались теперь не только оффиціальные, избранные населеніемъ представители страны, но также и тѣ, которые, не будучи избраны, тѣмъ не менѣе служили представителями лучшихъ силъ Франціи, Франціи разумной и пользующейся самымъ большимъ развитіемъ. Можно смѣло сказать, что тò, что думалось и говорилось въ Бордо, думалось и говорилось въ цѣлой Франціи. Если Франція представляетъ собою странную амальгаму высшаго политическаго и соціальнаго развитія съ политическимъ невѣжествомъ, и узенькими буржуазными, исключительными идеями, если во Франціи борятся и ненавидятъ другъ друга нѣсколько партій, то таже амальгама, таже борьба нашла себѣ представителей во временномъ центрѣ страны. Если правда, что по случаю національнаго собранія до ста тысячъ человѣкъ съѣхалось въ Бордо, то естественно, что всѣ слои, всѣ партіи нашли здѣсь своихъ представителей.

Я не берусь описывать того крайняго возбужденія, того волненія, въ которомъ находилось все населеніе. Это возбужденіе доходило до какого-то горячечнаго состоянія, чуть не до бреда, всѣ нервы общества были напряжены до невѣроятной степени. Французамъ казалось, что дѣло вовсе не идетъ только о томъ, чтобы заключить миръ послѣ несчастной войны, имъ казалось, что рѣшается вопросъ «быть или не быть» для Франціи.

«Если Франція не въ силахъ встать на ноги, она погибла навсегда, для нея нѣтъ спасенія», приходилось мнѣ выслушивать нѣсколько разъ. Напрасно было приводить резоны, напрасно

было говорить, что Франція не первая находится въ такомъ положеніи, что исторія можетъ назвать не одну страну, которая находилась въ такомъ же положеніи, если не въ худшемъ, и все-таки страна поднималась, залечивала свои раны и начинала жить еще болѣе широкою жизнью, чѣмъ прежде. Никакіе аргументы не дѣйствовали, да врядъ ли они и выслушивались, жаръ былъ слишкомъ великъ, французамъ было не до аргументовъ.

На другой или на третій день послѣ моего пріѣзда въ Бордо, я уже имѣлъ значительное количество знакомыхъ. Въ Бордо я встрѣтилъ чуть не всѣхъ моихъ старыхъ парижскихъ друзей, черезъ нихъ узналъ много другихъ лицъ, такъ что по цѣлымъ днямъ приходилось слушать разговоры, присутствовать при спорахъ, и даже быть свидѣтелемъ сценъ, гдѣ чувство затмѣвало разсудокъ, сценъ, среди которыхъ выливалось все отчаяніе, вся злоба, все желаніе мести, вся ненависть какъ къ внѣшнимъ, такъ и внутреннимъ врагамъ, и вмѣстѣ вся безконечно-глубокая, святая любовь къ своей родинѣ. Въ эту тяжелую для Франціи минуту громко раздавался только голосъ этихъ людей, только они громко высказывали на улицахъ, въ café, клубахъ, все что они думаютъ, все что любятъ и ненавидятъ. Еслибы не углубляться далѣе, еслибы ограничиваться только одною поверхностью, то можно было бы придти къ заключенію, что кромѣ такихъ людей нѣтъ болѣе другихъ во Франціи, можно было удивиться и спросить себя: да гдѣ же люди имперіи, гдѣ та гниль, та гуща, которая была создана въ продолженіи длинныхъ, слишкомъ длинныхъ для Франціи двадцати лѣтъ, неужели отъ этого времени не осталось никакихъ слѣдовъ? Франція была бы слишкомъ счастлива, еслибы такъ было на самомъ дѣлѣ; но къ несчастью слѣды имперіи не исчезли, гниль была, только она скрылась, припряталась, опасаясь, что ее вырѣжутъ съ корнемъ. Мнѣ приходилось встрѣтиться и съ такими людьми, мнѣ приходилось толковать и съ могиканами имперіализма. Что поражало меня болѣе всего въ этихъ людяхъ, это—не ихъ принципы, хотя и принципы могутъ быть отвратительны, это не ихъ убѣжденія, къ которымъ я бы отнесся снисходительно, хотя и знаю, что могутъ быть убѣжденія скверныя и хотя я вовсе не сторонникъ того метафизическаго воззрѣнія, что всякое убѣжденіе, если только оно убѣжденіе, заслуживаетъ уваженія; нѣтъ, человѣкъ можетъ имѣть убѣжденіе, что польза его родины требуетъ, чтобы онъ сдѣлался доносчикомъ, пускай, я скажу, что этотъ человѣкъ имѣетъ убѣжденіе, но ничто не помѣшаетъ мнѣ вмѣстѣ съ тѣмъ сказать, что этотъ человѣкъ негодяй. Меня поражало въ этихъ людяхъ,

въ этомъ печальномъ наслѣдіи имперіи, которая была какимъ-то гермафродитомъ произвола и фальшиваго либерализма, полное отсутствіе любви къ своей родинѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что эти люди бѣгали съ поля сраженія.

— Мнѣ ненавистна эта форма, показывая на свой мундиръ, говорилъ мнѣ одинъ изъ людей этой категоріи, полагавшій, что съ иностранцемъ можно быть откровеннымъ до цинизма; я не вижу никакого смысла въ этой борьбѣ, и когда я какъ баранъ долженъ былъ отправиться на войну, я проклиналъ всю эту шайку....

— Имперіалистовъ, подсказалъ я ему, возмущенный такою наглостью. Онъ посмотрѣлъ на меня съ нѣкоторымъ пренебреженіемъ, и выразивъ удивленіе, за что иностранцы не любятъ Наполеона, продолжалъ:

— Нѣтъ, эту шайку такъ-называемыхъ республиканцевъ, которые ради личныхъ интересовъ желали продолжать войну.

Какъ мнѣ ни тошно было говорить съ этимъ приверженцемъ героя 2-го декабря, подбитаго еще подкладкой седанскаго героя, но я постарался пересилить себя.

— Слѣдовательно дѣло защиты Франціи вы считаете личнымъ интересомъ?

— Защита Франціи требовала не войны, а заключенія мира.

— Да, возразилъ я ему, но условіемъ мира ставилась уступка Эльзаса и Лотарингіи.

— Grande chose! было мнѣ отвѣтомъ: что мнѣ за дѣло до Эльзаса, пусть лучше они берутъ двадцать Эльзасовъ, чѣмъ, напр., видѣть пруссаковъ здѣсь, у меня, и знать, что они могутъ разграбить мой родной городъ. Неправда ли, онъ великолѣпенъ, добавилъ онъ указывая на набережную Бордо...

Я видѣлъ и другихъ имперіалистовъ, такихъ, которые были самыми преданными слугами имперіи, когда она пала, становились на заднія лапки передъ Гамбеттой и наконецъ, когда и его звѣзда, на долгое или на короткое время закатилась и когда взошла звѣзда Тьера, мнѣ съ жаромъ говорили:

— Я терпѣть не могъ Тьера, мнѣ онъ всегда казался ехиднымъ старикомъ; но я горько ошибался, это «великій гражданинъ» и я предъ нимъ преклоняюсь.

— Вы надолго пріѣхали въ Бордо, перервалъ я его.

— Нѣтъ, мнѣ хочется получить мѣсто, которое я уже занималъ при правительствѣ народной обороны.

Фигура была обрисована, мнѣ больше ничего не было нужно. Эти люди, поддѣлываясь подъ общій тонъ, всегда начинаютъ съ того, что начинаютъ бранить себя, и когда скажутъ то, что другіе говорятъ такъ искренно и съ такою болью: «да, мы демо-

рализованы, роль Франціи съиграна! то уже затѣмъ считаютъ себя вправѣ высказывать самыя гнусныя мысли и волею неволею, если даже и стараются, то не могутъ не разоблачить себя до конца...

— «Красиво! неправда-ли? скажете вы мнѣ.

— Да, признаюсь, красиво! Вы сами видите...

И затѣмъ слѣдуетъ новое изданіе словъ: вотъ ваша Франція, вотъ она какова! Сколько же разъ въ самомъ дѣлѣ нужно повторять, что нѣтъ страны, въ которой не было бы скверныхъ элементовъ, что Франція гарантирована отъ нихъ нисколько не меньше всякой другой, и что достоинство ея, сила заключается только въ томъ, что въ ней есть такое меньшинство, замѣтьте же, меньшинство, которое въ силу своего высокаго развитія, въ силу своего воспитанія, въ силу идей, прошедшихъ въ жизнь и стоившихъ уже столько крови, постоянно работаетъ надъ проведеніемъ въ человѣчество новыхъ идей, относятся ли онѣ къ области политической или соціальной.

Я могъ бы конечно не привести этихъ разговоровъ съ бонапартистами, я могъ бы вовсе не говорить о нихъ, потому что существованіе ихъ предполагается, потому что никто не сомнѣвается, что дурное и много дурного есть и долго еще будетъ во Франціи, какъ и во всякой другой странѣ; но я говорю о нихъ, чтобы не заслужить упрека, что я скрашиваю, что я идеализирую, чтобы вы не сказали мнѣ: «это не настоящая Франція, это ваша Франція, это ваши французы»!

Но эти бонапартисты, эти плевелы скрылись, ихъ на наружности не было видно, не было слышно, они не смѣли громко возвышать свой голосъ, мѣсто было занято честною Франціею. Нужно ли говорить, что глаза всѣхъ были обращены въ эту минуту на одно, на національное собраніе, о которомъ никто почти не говорилъ безъ какой-то ненависти и отвращенія. Оно упало какъ снѣгъ на голову.

— Давно ли мы были еще полны надежды, говорили французы; пока оружіе не было вырвано изъ нашихъ рукъ, мы все еще надѣялись, мы ждали, что народная волна все сильнѣе и сильнѣе станетъ подниматься; мы заглядывали въ исторію и въ ней находили себѣ подкрѣпленіе; мы знали, что когда народъ поднимается весь, когда онъ поднимается отъ мала до велика, то нѣтъ армій, нѣтъ силы, которая способна его побороть; но мы знали также, что народъ поднимается медленно, что кровавая рѣшимость не появляется быстро; мы знали также, что нужна громадная энергія, революціонное движеніе, чтобы вывести его изъ свойственной ему апатіи. Мы ждали, надѣялись и вдругъ роко-

вой ударъ — перемиріе, и еще какое перемиріе: предательское, купленное страшною цѣною, не только сдачею Парижа, но занятіемъ непріятеля тѣхъ мѣстностей, которыя ему пришлось бы оспаривать еще дорого-стоющею борьбою...

Много разъ пришлось выслушать мнѣ разсказъ о тѣхъ нѣсколькихъ дняхъ, которыя предшествовали собранію народныхъ представителей въ Бордо, и этотъ разсказъ очевидцевъ, дѣйствующихъ лицъ, придавалъ особенную рельефность всѣмъ событіямъ:

«Мы не падали духомъ; пораженіе шло за пораженіемъ, но мы, какъ отчаянные игроки, все ждали, что судьба перемѣнится, и что счастье повернется на нашу сторону. Мы возлагали также большія надежды и на человѣка, который стоялъ во главѣ Франціи, всѣ послѣднія дѣйствія Гамбетты придавали намъ бодрости. Его циркуляры къ генераламъ, въ которыхъ онъ обнаруживалъ большую энергію, мѣры, которыя онъ принималъ, чтобы офицеры не отдалялись отъ солдатъ и тѣмъ не ослабляли дисциплину, отрѣшеніе отъ мѣстъ лицъ, незаслуживавшихъ довѣрія, наконецъ, эта твердая рѣшимость поднять народъ и продолжать войну до крайности—все это не допускало насъ до отчаянія. Вдругъ слухъ—перемиріе заключено, Парижъ сдался. Слухъ ходитъ по городу, правительство молчитъ, наконецъ объявляетъ, что оно недовѣряетъ этимъ слухамъ. А дѣлать нечего, пришлось повѣрить, явилась депеша Жюля Фавра. Крикъ отчаянія вырвался у населенія. Намъ оставалась одна надежда — національное собраніе. Что это будетъ за національное собраніе, каковъ его будетъ характеръ, кто въ немъ одержитъ верхъ — сторонники ли мира во что бы то ни стало, т.-е. гнилые эгоисты французскаго общества, или сюда явятся новые люди, которые высоко поднимутъ знамя Франціи и, вслучаѣ предъявленія такихъ требованій, которыя посягнутъ на единство страны, съумѣютъ вдохнуть въ населеніе энергію, отвагу, рѣшимость бороться до послѣдней возможности. Декретъ Гамбетты, въ силу котораго должны были быть устранены всѣ слуги имперіи, поразилъ многихъ, мало кто ожидалъ отъ него такой революціонной мѣры, но онъ служилъ ручательствомъ, что національное собраніе своимъ составомъ не напомнитъ проклятаго времени имперіи. Вся передовая, искренно республиканская партія ему рукоплескала. Весь вопросъ заключался въ томъ, чтобы выдержать и провести его до конца. За имперіалистовъ вступился Бисмаркъ, прикрываясь... чѣмъ же... о насмѣшка! «свободою» выборовъ. Жюль Фавръ, безсовѣстно капитулируя за цѣлую Францію, Жюль Фавръ, крикнувшій на весь свѣтъ: «ни пяди земли», безпрекословно пови-

новался нѣмецкому побѣдителю и благодарилъ за довѣріе къ нему. Парижское правительство отмѣнило декретъ Гамбетты и прислало въ Бордо Жюля Симона. Вы никогда не вообразите себѣ того трепетнаго чувства, которое испытывали мы, ожидая, чѣмъ разрѣшится борьба, кто одолѣетъ: Гамбетта или Фавръ съ Трошю, Пикаромъ и комп. Это была тяжелая, рѣшительная минута кризиса. Чѣмъ разрѣшится столкновеніе; услышимъ ли мы объ арестѣ Симона и другихъ членовъ парижскаго правительства, или узнаемъ мы, напротивъ, объ арестѣ самого Гамбетты. Тотъ или другой исходъ казался неизбѣженъ. Мы не долго томились ожиданіемъ. Еще разъ у Гамбетты не хватило энергіи, не хватило рѣшимости, въ самую страшную и вмѣстѣ самую важную минуту онъ сробѣлъ и не съумѣлъ принять на себя отвѣтственности, хотя бы эта отвѣтственность и могла бы стоить ему жизни. У него не хватило того, что Дантонъ называлъ: osez! Въ немъ не было той геройской дерзости, которая спасаетъ иногда въ рѣшительную минуту. Черезъ два дня мы прочли, что министромъ внутреннихъ дѣлъ и министромъ войны былъ назначенъ Араго. Реакція торжествовала. Крикъ бѣшенаго негодованія вырвался изъ груди передовой республиканской партіи, и это негодованіе обрушилось на Гамбетту. Жребій былъ брошенъ. Мы понимали, что сельское населеніе, никогда не сочувствовавшее, а напротивъ проклинавшее войну, подастъ голосъ за тѣхъ, кто будетъ обѣщать ему миръ, миръ во что бы то ни стало. Республиканцы не могли обѣщать ему мира, девизомъ ихъ сдѣлалось: «guerre à outrance. Миръ обѣщали тѣ, кому не дорога была цѣлость и честь Франціи; не дорога же была честь Франціи прежде всего тѣмъ, которые сами давно позабыли, что значатъ такія слова, какъ честь, родина, тѣмъ, для которыхъ личные интересы всегда стояли на первомъ планѣ и которые питали къ республикѣ бо́льшую ненависть, чѣмъ даже къ пруссакамъ. За этими гнилыми остатками обезпечено было значительное большинство. Мы не ошиблись, черезъ два дня послѣ выборовъ мы уже знали, что тупоумная реакція одержала побѣду. Съ этой минуты можно было ожидать самыхъ страшныхъ бѣдствій для Франціи».

Я больше не слушалъ разсказа. Мой умъ занимала одна мысль, мысль тяжелая, которая, казалось, опровергала цѣлый строй понятій, воззрѣній, которая заставляла задумываться и спрашивать себя: «да гдѣ же, въ самомъ дѣлѣ, истина, и не фальшивы ли всѣ тѣ начала, всѣ тѣ принципы, до которыхъ такимъ тернистымъ путемъ дошла демократическая партія. Всеобщая подача голосовъ! развѣ это начало не было провозгла-

ляено лучшими представителями демократіи, какъ краеугольный камень новой церкви, церкви народа, и что же, чѣмъ оказывается это начало, чтó оно приноситъ съ собою, чтó оно дало до сихъ поръ человѣчеству кромѣ вреда?

— Скажите, спрашивалъ я подъ давленіемъ этой мысли, какъ примирить ваши слова съ тою всеобщею подачею голосовъ, которая стоила вамъ столько крови, которой вы добивались съ такою энергіею, которой вы принесли столько жертвъ? Какъ примирить suffrage universel, т.-е. то, чтó составляетъ вашу славу, вашу силу, одну изъ вашихъ крупныхъ заслугъ, за которую благодаритъ васъ передовое меньшинство человѣчества, и во имя которой вы, по справедливости, можете себѣ требовать дани всеобщаго уваженія, какъ примирить это начало съ его печальными результатами; вѣдь вы не можете на этотъ разъ защищать его, утверждая, что подача голосовъ не была свободна. Если она не была свободна при Бонапарте, то въ этотъ разъ она не встрѣчала препятствій.

— Теорія, теорія, теорія! было мнѣ отвѣтомъ. Невѣрьте тому, чтобы тѣ милліоны голосовъ, которые были поданы за имперію и за Наполеона, были поданы по принужденію. Это можно было говорить, поддерживать, какъ извѣстный политическій маневръ, но не больше. Нѣтъ, сельское населеніе, вотировавшее за него, вотировало не по принужденію, а по невѣжеству. Мы, французы, останемся вѣчными, неисправимыми идеалистами. Мы провозгласили принципъ всеобщей подачи голосовъ, принципъ по существу демократическій, единственный выходъ изъ политическихъ дебрей, принципъ, который долженъ сдѣлаться и сдѣлается современемъ главнымъ орудіемъ не только политическаго, но и соціальнаго обновленія, но покамѣстъ мы одни знаемъ, чего стоило намъ провозглашеніе этого принципа и какъ дорого мы за него заплатили. Мы не знаемъ еще одного, какія бѣдствія онъ готовитъ намъ въ будущемъ. Мы горькимъ опытомъ должны были бы кажется убѣдиться, что то, чтó хорошо въ теоріи, часто никуда не годится на практикѣ. Принципъ suffrage universel'я хорошъ, кто можетъ въ этомъ сомнѣваться, но хорошъ при извѣстныхъ условіяхъ. Главное условіе то, чтобы народъ, который имъ пользуется, былъ не невѣжественъ, чтобы образованіе не было ему чуждо, чтобы онъ былъ настолько развитъ, чтобы могъ понимать свои истинныя выгоды и чтобы изъ-за выгоды минуты, дня, онъ не жертвовалъ выгодами цѣлыхъ годовъ, десятковъ лѣтъ. Нужно, чтобы онъ понималъ, кто его обманываетъ и кто говоритъ ему правду; нужно, чтобы въ ту минуту, когда ему говорятъ: «если ты скажешь «да» то у

тебя будетъ мостъ, будетъ дорога» — онъ какъ баранъ не произносилъ да, а въ свою очередь спросилъ бы: мостъ-то или дорога у меня будетъ, но какіе я буду платить налоги, какъ вы употребите эти налоги, не бросите ли вы меня въ сумасбродную войну и не станете ли вы держать вѣчно страну въ лихорадкѣ, подрывать довѣріе, нарушая свободу и тѣмъ вызывая внутренніе раздоры, которые губятъ мое благосостояніе.

Вотъ что нужно для того, чтобы примѣненіе этого принципа было благодѣтельно, а этого-то именно и нѣтъ во Франціи. Если бы было это развитіе, то народъ понялъ бы, что вотируя за старую гниль, обѣщавшую миръ во что бы то ни стало, онъ собственно вотируетъ не за миръ, а за войну, потому что посылая въ національное собраніе враговъ республики, онъ содѣйствуетъ торжеству реакціи, которая при ея настоящемъ положеніи означаетъ раздоры внутри и войну внѣшнюю въ будущемъ, такъ какъ Франція не можетъ долго оставаться подъ тяжестью позорнаго, унизительнаго и вмѣстѣ пагубнаго для благоденствія страны мира. Но народъ не понимаетъ этого и вѣритъ тѣмъ, кто употребляетъ самыя гнусныя средства для привлеченія его на свою сторону и отталкиваетъ тѣхъ, которыхъ честность заставляетъ говорить ему горькую правду. А горькая правда никогда не нравится невѣжественному народу. Враги народа поняли отлично, какую выгоду они могутъ извлекать изъ всеобщей подачи голосовъ при его невѣжествѣ, а потому сдѣлались самыми ревностными защитниками этого принципа, и потому, какая бы ни была монархія, монархія ли Генриха V, монархія ли графа парижскаго или какого-нибудь неизвѣстнаго еще короля или императора, она всегда будетъ держаться всеобщей подачи голосовъ. Что же касается республики, то ея первымъ дѣломъ должно было бы быть ограниченіе всеобщей подачи голосовъ, ограниченіе въ какой бы то ни было формѣ, вся бѣда только въ томъ, что неискреннее республиканское правительство не *захочетъ* его ограничить, а искреннее будетъ бояться, потому что народъ крѣпко держится за то, что разъ попало ему въ руки и готовъ растерзать всякаго, кто захотѣлъ бы вырвать его добычу.

Принципъ suffrage universel'я сдѣлался больнымъ мѣстомъ Франціи. Какъ ни прогрессивно само по себѣ это начало всеобщей подачи голосовъ, но нельзя не сказать, что примѣненіе его во всей силѣ въ настоящую эпоху немыслимо нигдѣ, такъ какъ нигдѣ нѣтъ того необходимаго развитія народныхъ массъ, безъ котораго этотъ принципъ вмѣсто пользы приноситъ вредъ. Франція служитъ тому печальнымъ доказательствомъ. Бѣдная

страна всевозможныхъ экспериментовъ! Истинно республиканская партія во Франціи теперь только и думаетъ о томъ, какимъ образомъ ограничить всеобщую подачу голосовъ, чтобы сдѣлать ее не столь пагубною для народа, и отнять у враговъ народа возможность злоупотреблять тѣмъ самымъ орудіемъ, которое должно было служить орудіемъ для его освобожденія отъ угнетающихъ его общественныхъ слоевъ. Много можно представить образчиковъ того, какъ обманывало правительство несчастную неразвитую сельскую массу. Вотъ одинъ изъ нихъ. Мнѣ показывали въ Бордо двѣ картинки: одна изъ нихъ изображала собою всѣ ужасы войны, другая представляла Францію въ образѣ женщины, спокойной, счастливой, обработанныя поля, красивые дома, благоденствіе, счастье—однимъ словомъ, всѣ плоды мира. Подъ первою было подписано: «вотъ что̀ ожидаетъ васъ, если вы скажете—нѣтъ», подъ второю: «вотъ, что̀ ожидаетъ, если вы ска̀жете—да». Когда я спросилъ, что̀ это значитъ, мнѣ объяснили, что такія картинки въ массѣ распространялись среди сельскаго населенія передъ плебисцитомъ, и испуганный народъ далъ семь милліоновъ голосовъ имперіи, или какъ онъ полагалъ — миру. Когда такимъ способомъ можно дѣйствовать на массы, то очевидно, что suffrage universel никуда не годится.

Необходимость ограничить начало всеобщей подачи голосовъ чувствуется всею передовою партіею, и она громко высказывается не только въ частныхъ разговорахъ, но также и въ печати, и надо полагать, что требованіе ограниченія этого права будетъ все рости и рости въ обществѣ. «Вопросъ—говорилось въ одной изъ самыхъ вліятельныхъ газетъ южной Франціи «la Gironde»—который не можетъ не остановить на себѣ вниманія представителей, это—вопросъ о возвращеніи къ принципу конституціи de l'an III, т.-е. обязанность для всѣхъ гражданъ доказать, что они умѣютъ *читать* и *писать* для того, чтобы быть внесенными въ избирательные листы». Эта же самая мысль защищалась при составленіи избирательнаго закона 1849-го г., но къ несчастію она не одержала побѣды. До тѣхъ же поръ, пока это ограниченіе не пройдетъ и не сдѣлается закономъ, до тѣхъ поръ suffrage universel будетъ зломъ, задерживающимъ развитіе страны, до-тѣхъ-поръ всеобщая подача голосовъ будетъ игрушкою въ рукахъ крупныхъ землевладѣльцевъ, въ рукахъ католическихъ поповъ, да еще въ рукахъ меровъ, которые до сихъ поръ, назначаемые правительствомъ, служили орудіями его власти.

Требованіе умѣть читать и писать для подачи своего голоса, предлагается республиканскою партіею, какъ одно изъ средствъ

къ уменьшенію вреда, наносимаго suffrage universel'емъ, но вовсе не какъ единственное и главное, не какъ рѣшительное средство для искорененія зла. Эта партія хорошо понимаетъ, что одно умѣнье читать и писать вовсе не гарантируетъ страну въ томъ отношеніи, что народъ будетъ обладать уже достаточной мудростью, чтобы понимать свои истинные и прочные интересы. Но эта мѣра, если ее удастся провести, хотя и палліативная, будетъ благодѣтельна уже потому, что она перенесетъ центръ тяжести выборовъ съ невѣжественнаго сельскаго населенія на несравненно болѣе развитое, болѣе разумное городское населеніе. Что̀ происходитъ въ настоящее время? голоса рабочаго населенія въ городахъ тонутъ въ голосахъ сельскаго населенія, и хотя это рабочее населеніе можетъ послать въ національное собраніе довольно почтенное меньшинство, но все-таки меньшинство, подавляемое криками сельскихъ представителей. Такимъ образомъ, при существованіи suffrage universel'я въ томъ видѣ, въ какомъ онъ теперь существуетъ, большинство всегда обезпечено за реакціею, и хотя при новыхъ выборахъ отношеніе меньшинства къ большинству нѣсколько и можетъ измѣниться, но все-таки не настолько, чтобы дать перевѣсъ представителямъ нравственно и политически развитой части населенія Франціи.

Если отъ каждаго избирателя, говорятъ республиканцы, будутъ требовать, чтобы онъ самъ, своею собственною рукою, написалъ имена тѣхъ, кого онъ хочетъ послать въ національное собраніе, тогда очевидно, что при настоящемъ невѣжественномъ состояніи сельскаго населенія, представители городского населенія пройдутъ въ огромномъ большинствѣ, и до тѣхъ поръ, пока при помощи даже обязательнаго и дарового обученія, которое стоитъ на очереди, сельское населеніе въ состояніи будетъ удовлетворить требованію умѣнья читать и писать, республиканскія учрежденія, созданныя представителями разумной части населенія, настолько окрѣпнутъ и укоренятся, что никакая реакція не въ силахъ будетъ повалить республику.

Другіе республиканцы, опасаясь, что эта мѣра, т.-е. ограниченіе всеобщей подачи голосовъ требованіемъ умѣнья писать и читать, никогда не будетъ осуществлена, такъ какъ никакое правительство не рискнетъ совершенно лишить права голоса сельское населеніе, предлагаютъ другую мѣру, направленную конечно къ той же цѣли.

Прямые выборы невозможны, говорятъ они, это доказано двадцатью годами существованія всеобщей подачи голосовъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ невозможно отнять это право, слишкомъ привившееся къ населенію. Что̀ же дѣлать, чтобы избавить страну

отъ бѣдствія, происходящаго изъ торжества глупаго, дряхлаго и вмѣстѣ реакціоннаго сельскаго большинства? Эти республиканцы не видятъ иного средства, какъ введеніе выборовъ въ двѣ и нѣкоторые даже говорятъ въ три степени. При помощи такой мѣры національное собраніе, по ихъ мнѣнію, значительно очистится, и собраніе представителей народа будетъ состоять изъ несравненно болѣе разумныхъ элементовъ.

Если республиканцы расходятся въ средствахъ для ограниченія права всеобщей подачи голосовъ, то всѣ за то они сходятся въ необходимости этого ограниченія и громко провозглашаютъ это ограниченіе suffrage universel'я, какъ необходимое и неизбѣжное средство для того, чтобы вывести потрясенную страну на прочный путь политическаго и соціальнаго развитія. Если мысль о необходимости ограничить suffrage universel, и вмѣстѣ съ тѣмъ разстаться съ однимъ изъ тѣхъ идеаловъ, который Франція попробовала уже осуществить въ дѣйствительности, и такимъ образомъ сдѣлать какъ бы шагъ назадъ, бродила уже и прежде, по поводу грустныхъ до-нельзя плебисцитовъ, то теперь, вслѣдствіе послѣднихъ выборовъ въ національное собраніе, она окончательно перешла въ сознаніе, приняла прочную форму и стала выражаться въ громкихъ заявленіяхъ о необходимости покинуть на время, и можетъ быть долгое время, начало всеобщей подачи голосовъ.

— Не думайте, слышалъ я, что мы безъ борьбы, безъ грустнаго чувства пришли къ сознанію о необходимости отказаться въ настоящее время отъ взлелѣяннаго идеала. Тяжело сознательно дѣлать, какъ бы то ни было, шагъ назадъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ безразсудно было бы его не сдѣлать, когда есть твердая увѣренность, что, не сдѣлавши этого шага назадъ, нельзя подвинуться впередъ.

Я безусловно соглашался съ этимъ мнѣніемъ. Можно быть горячимъ защитникомъ начала всеобщей подачи голосовъ, можно вписать его на знамя, съ которымъ слѣдуетъ идти впередъ, можно любить это начало какъ идеалъ и всѣми силами стремиться подготовить почву для его осуществленія; но ради самого торжества этого идеала не слѣдуетъ желать, чтобы онъ осуществился преждевременно, такъ какъ въ послѣднемъ случаѣ онъ неизбѣжно становится орудіемъ истинныхъ враговъ народа. Не слѣдуетъ, конечно, выводить изъ этого, чтобы право участія въ общественныхъ дѣлахъ не должно бы быть предоставляемо всѣмъ въ государствѣ; нѣтъ, оно должно быть предоставлено всѣмъ, но подъ тѣмъ условіемъ, чтобы эти *всѣ* обладали хоть тѣмъ немногимъ развитіемъ, тѣмъ немногимъ образованіемъ, въ силу котораго

люди становятся способны понимать истинные интересы страны, а вмѣстѣ съ тѣмъ и свои собственные, и перестаютъ быть несчастнымъ орудіемъ, которымъ пользуются люди, считающіе всѣ средства годными, лишь бы ими обезпечивались ихъ личные интересы. Примѣръ Франціи долженъ былъ, кажется, убѣдить въ этомъ всѣхъ и каждаго. Собравшееся національное собраніе въ Бордо не долго заставило ждать, чтобы укрѣпить мнѣніе республиканской партіи о негодности всеобщей подачи голосовъ въ примѣненіи къ невѣжественной сельской массѣ во Франціи. Какъ ни очевидно было съ перваго же дня, что огромное большинство избранныхъ депутатовъ принадлежитъ партіи реакціи, тѣмъ не менѣе было множество оптимистовъ, которые говорили:

«Да, мы знаемъ, что эти люди *не наши*, мы знаемъ, что они принадлежатъ къ партіямъ, которыя злобно относятся къ республикѣ, желая сами занять ея мѣсто; но не можетъ быть, чтобы въ эту страшную и вмѣстѣ торжественную минуту, они не забывали о всемъ, кромѣ одного — что они французы. Въ дѣлѣ спасенія единства, цѣльности и чести Франціи мы сойдемся, они протянутъ намъ руку и скажутъ: забудемъ наши старые споры, бросимъ наши внутренніе раздоры, въ виду вражескаго нашествія пускай единодушіе будетъ нашею главною силою!»

Сладкія мечтанія, и какъ скоро дѣйствительность дала имъ жестокое опроверженіе. Старыя партія, старые люди, къ несчастію, ничего не съумѣли забыть и еще разъ поспѣшили заявить передъ цѣлымъ свѣтомъ, что гнилое всегда остается гнилымъ и что новое вино требуетъ новыхъ мѣховъ. Съ жгучимъ нетерпѣніемъ ожидали перваго засѣданія національнаго собранія, всѣ струны были натянуты до того, что, казалось, каждую минуту готовы были лопнуть. Первое засѣданіе было формальное, пустое: ни однимъ словомъ, ни однимъ внезапнымъ движеніемъ, которое такъ естественно было бы въ такую минуту, представители окровавленной Франціи не заявили, что ихъ сердце усиленно бьется и что въ ихъ жилахъ течетъ горячая кровь. Нѣтъ, съ первой же минуты сдѣлалось яснымъ, что собраніе состоитъ изъ бездушныхъ людей, которымъ не только чужды всѣ страстные порывы, подчасъ спасающіе страну, но не способныхъ даже проронить слезы надъ судьбою несчастнаго народа. Тѣ, которые не теряли еще надежды говорили: «Спокойствіе въ такую критическую минуту внушаетъ уваженіе врагу; быть можетъ они правы!» Они ошибались. Это не было спокойствіе, внушаемое сознаніемъ собственнаго достоинства, это было спокойствіе разлагающагося трупа.

Первое засѣданіе, происходившее 12-го февраля, было не публичное и это могло служить какъ-бы оправданіемъ, что національное собраніе ничѣмъ не хотѣло ознаменовать своего открытія. Первое публичное засѣданіе происходило на другой день. Всѣ ждали и спрашивали другъ друга: что̀ то будетъ? Ожиданія не оправдались бы и публичное засѣданіе прошло бы точно также безцвѣтно, еслибы національное собраніе не воспользовалось уже въ послѣднюю минуту первымъ представившимся ему случаемъ, чтобы съ поразительнымъ цинизмомъ заявить свои реакціонныя стремленія. Гарибальди доставилъ имъ этотъ случай.

— Конечно, передавалъ мнѣ одинъ французъ, всѣ честные люди страны не могутъ быть отвѣтственны за то, что̀ дѣлаетъ національное собраніе, но вѣрьте мнѣ, что краска выступаетъ у меня на лицѣ, когда я думаю объ этомъ засѣданіи. Какъ будто-бы мало было и безъ того намъ позора, какъ будто-бы и безъ того мы не сдѣлались чуть не посмѣшищемъ свѣта; такъ нѣтъ же, этимъ людямъ всего мало, имъ нужно было еще больше унизить Францію, переполнить чашу ея оскорбленій, и они успѣли въ этомъ, они оскорбили ее больше, чѣмъ всѣ ея враги. Это засѣданіе не изгладится изъ исторіи страны, оно будетъ служить ей вѣчнымъ укоромъ.

Въ національное собраніе Франціи, созванное въ ту минуту, когда она забита, уничтожена, въ ту минуту, когда почти всѣ отворачивались отъ нея, какъ отворачиваются отъ богатаго, когда онъ дѣлается бѣднымъ, является среди его самая свѣтлая фигура XIX-го вѣка, является герой, какіе рождаются только вѣками, и что-же — его выгоняютъ, ему не даютъ говорить! Казалось-бы, что появленіе такого человѣка должно придать бодрости, силы, казалось-бы, что одно его присутствіе должно было бы воодушевить всѣхъ и заставить сказать: «если онъ съ нами, если онъ защищаетъ наше дѣло, значитъ наше дѣло правое, справедливое, смѣло впередъ». Представители Франціи рѣшили не такъ. Какое имъ дѣло до того, что одинъ только человѣкъ явился на помощь французскому народу; какое имъ дѣло, что этотъ человѣкъ больной, израненый, поднимается съ постели, чтобы броситься въ битву, жертвуетъ для Франціи не только своею жизнію, но приноситъ ей въ жертву своихъ сыновей—они все забываютъ и помнятъ только одно, что этотъ человѣкъ республиканецъ. Развѣ этого мало, чтобы его ненавидѣть. Впродолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ этотъ человѣкъ испытываетъ всю тяжесть войны, возвышается надъ всѣми интригами, всѣми непріятностями, не зная покоя, собираетъ людей, образуетъ невѣроятными усиліями армію, борется, сражается, какъ ни одинъ французъ, и наконецъ, когда

перемиріе чуть не погубило его, онъ отправляется въ національное собраніе Франціи, только для того, чтобы почтить молодую республику своимъ голосомъ, который она должна была принять, какъ благословеніе. Зная духъ и настроеніе собранія, онъ спѣшитъ подать отставку, чтобы избавить Францію отъ позора, которымъ еще разъ запятнало-бы ее національное собраніе, отмѣняя выборъ нѣсколькихъ департаментовъ, сдѣлавшихъ своимъ представителемъ *иностранца* Гарибальди. Онъ хочетъ сказать только одно слово, хочетъ поблагодарить Францію, что она позволила ему жертвовать для нея своею жизнію, хочетъ сказать молодой, но шаткой и хилой республикѣ: «когда я понадоблюсь, я всегда готовъ къ твоимъ услугамъ, располагай моею жизнію». Ничего другого не хотѣлъ сказать Гарибальди, и этого ему не позволили сказать въ національномъ собраніи Франціи.

— Нельзя передать, съ какою-то болью передавалъ мнѣ мой собесѣдникъ, того бѣшенства, которое мы испытали, когда услышали крики: «вы подали отставку, вы не имѣете права говорить»! Никогда еще слова такъ вѣрно не отражали того, что́ думали и чувствовали люди, какъ когда раздалось со всѣхъ сторонъ изъ трибунъ: «предатели Франціи! палачи республики»! Невообразимое смятеніе господствовало въ собраніи, шумъ, крики, волненіе достигло до высочайшей степени. Президентъ кричитъ: «очистить трибуны»! озлобленные депутаты грозно жестикулируютъ и что-то кричатъ, чего однако никто не можетъ разслышать; публика въ трибунахъ, чувствуя все безстыдство поведенія національнаго собранія, не находитъ словъ, чтобы заклеймить ихъ позоромъ. «Деревенское большинство! раздается громкій голосъ сверху: вамъ не заглушить голоса великаго гражданина!» Прозвище національному собранію было найдено, и эти слова «деревенское большинство» перейдутъ въ исторію. Эти слова служатъ какъ-бы оправданіемъ Франціи и вмѣстѣ безапелляціоннымъ приговоромъ началу всеобщей подачи голосовъ въ странѣ, гдѣ вся масса деревенскаго населенія еще невѣжественна.

Одинъ человѣкъ въ этомъ всеобщемъ смятеніи оставался спокоенъ, и этотъ человѣкъ былъ самъ Гарибальди. Онъ молча стоялъ среди этого хаоса и съ его лица не сходила добрая, но невеселая улыбка. Эта улыбка, казалось, говорила: великая и вмѣстѣ несчастная страна, ты не испила еще предназначенной для тебя судьбою всей чаши горечи; сколько страшныхъ бѣдствій ты должна испытать еще, какую упорную борьбу должна ты будешь еще вытерпѣть съ отжившимъ, старымъ, разваливающимся міромъ, прежде чѣмъ взойдутъ сѣмена, брошенныя на твою почву

великою эпохою и прежде чѣмъ новая жизнь сдѣлается твоимъ удѣломъ! Толпа народа громкими криками привѣтствовала любимаго героя, когда онъ выходилъ изъ національнаго собранія. На вечеръ была назначена, какъ протестъ противъ поведенія «деревенскаго большинства», большая демонстрація въ честь старика Гарибальди; но онъ, не желая, чтобы по поводу его обнаруживался какой-нибудь раздоръ партій, за часъ до назначенной демонстраціи поспѣшилъ уѣхать изъ Бордо.

Впродолженіи нѣсколькихъ дней крайне тяжелое впечатлѣніе, произведенное этимъ засѣданіемъ, не могло изгладиться, воспоминаніе о прогнанномъ Гарибальди, какъ кошмаръ, преслѣдовало Бордо. Впереди больше нечего было ожидать, клерикально-монархическій составъ національнаго собранія рѣзко обозначился; разладъ, или вѣрнѣе разрывъ между нимъ и провозглашенною республикою сдѣлался ясенъ какъ свѣтлый день. Нѣсколько засѣданій, которыя слѣдовали за этимъ злосчастнымъ началомъ, до того рѣшительнаго, страшнаго засѣданія, которое пройдетъ въ исторію Франціи, помѣченное чернымъ крестомъ, засѣданія, гдѣ прочитаны были условія мира, всѣ казалось направлены были къ одной цѣли, чтобы убѣдить страну въ неизмѣнной и твердой рѣшимости «деревенскаго большинства» воспользоваться первымъ удобнымъ случаемъ, чтобы замѣнить ненавистную ему республику монархіею и еще въ большей рѣшимости принять безъ всякаго обсужденія, безъ всякаго колебанія всѣ условія мира, какія бы онѣ ни были, чего бы ни потребовалъ побѣдитель.

Большая часть первыхъ засѣданій національнаго собранія проходила въ повѣркѣ полномочій, и только урывками, минутами эти засѣданія получали интересъ. Желая выразить свой великій патріотизмъ, національное собраніе апплодировало каждый разъ, что повѣрка полномочій касалась захваченныхъ департаментовъ, каждый разъ, что произносилось имя Эльзаса и Лотарингіи, departements du Bas-Rhin или Haut-Rhin. Хлопали въ ладоши! вѣдь это такъ мало стбитъ. «Деревенское большинство» обнаруживало большой практическій смыслъ, говоря: «отчегб не похлопать, вѣдь отъ этого у насъ не убудетъ, а мы между тѣмъ, благодаря этимъ апплодисментамъ, можемъ прослыть за великихъ патріотовъ!» Нужно ли говорить, какое отвращеніе вызывали въ республиканскомъ населеніи эти іезуитскіе апплодисменты людей, которые, это было слишкомъ хорошо извѣстно, не хотѣли больше слышать ни о какихъ жертвахъ, чтобы удержать за Франціею оторванныя ея части. Нѣтъ, нужно сказать правду, первая мысль этого большинства была не привязанность, не любовь къ Франціи, а только ненависть къ республиканцамъ. Если есть что-нибудь

любопытное въ этихъ первыхъ засѣданіяхъ, то только одно—это возможность прослѣдить, какъ съ каждымъ днемъ разрывъ между большинствомъ и республиканскимъ меньшинствомъ въ собраніи обозначался все рѣзче и рѣзче, разрывъ, который неминуемо долженъ былъ окончиться разгаромъ еще большей взаимной ненависти, чѣмъ когда-нибудь прежде.

Засѣданіе 16-го февраля было довольно замѣчательно въ этомъ отношеніи; тутъ оно, не стѣсняясь, уже обнаружило всѣ свои инстинкты, всѣ свои стремленія. Въ первый разъ въ этомъ національномъ собраніи пришлось одному изъ парижскихъ депутатовъ сказать нѣсколько словъ, и въ началѣ своей рѣчи онъ сдѣлалъ такое обращеніе: «citoyens»! Какъ только это слово было произнесено, какъ послышался свистъ, восклицанія: oh! oh! и наконецъ для довершенія впечатлѣнія—смѣхъ.

— Неправда-ли, говорилъ мнѣ одинъ французъ, какъ этотъ смѣхъ естественъ во французскомъ національномъ собраніи? о чемъ ему тосковать, о чемъ печалиться? Франція такъ счастлива, такъ процвѣтаетъ, что только и можно, что смѣяться. Впрочемъ смѣхъ имъ больше къ лицу, нежели печаль, по крайней мѣрѣ въ эти минуты они искренни. Они довольны, счастливы и спокойны; смѣясь, они не сознаютъ даже, что они сами сдѣлались посмѣшищемъ Европы и позоромъ Франціи.

Я слышалъ смѣхъ этого «деревенскаго большинства» въ другую болѣе страшную минуту для Франціи, и передъ этимъ историческимъ смѣхомъ блекнетъ тотъ смѣхъ, который раздавался во время первыхъ засѣданій. Но объ этомъ въ другомъ мѣстѣ.

Въ этомъ же самомъ засѣданіи, въ которомъ одинъ изъ парижскихъ депутатовъ вызвалъ шумъ и волненіе въ національномъ собраніи французской республики словомъ: «citoyens»! депутаты большинства требовали вооруженной силы для охраны своихъ особъ отъ «оскорбленій» уличной толпы.

— На какое же оскорбленіе вы жалуетесь! воскликнулъ одинъ изъ депутатовъ.

— Развѣ крикъ «да здравствуетъ республика!» составляетъ для васъ оскорбленіе! раздалось съ другого конца.—Намъ бросаютъ вызовъ! упорствовалъ одинъ изъ депутатовъ большинства среди всеобщаго волненія: достоинство національнаго собранія требуетъ защиты!—Другого вызова не было, раздается съ лѣвой стороны, какъ крикъ «да здравствуетъ республика». Отвѣчайте, считаете ли вы этотъ крикъ за оскорбленіе!

И въ это время смятеніе растетъ и растетъ и наконецъ прорывается въ оглушительныхъ крикахъ, наполняющихъ залу:

Vive la République! гремитъ на одной сторонѣ.

Vive la France!. отвѣчают съ другой съ остервененіемъ.

Расколъ совершился, жребій былъ брошенъ, борьба была рѣшена между тою Франціею, которая представлялась въ національномъ собраніи партіею, кричавшею: «vive la République», и тою Франціею, которая оглушала залу крикомъ: «vive la France», что въ сущности означало: «vive la monarchie»! Борьба въ собраніи, которая предвѣщала собою борьбу на улицахъ, на площадяхъ, борьбу въ открытомъ полѣ. Свалка въ національномъ собраніи не унималась. Одни продолжали настаивать и кричать: «такъ говорите же, на что вы жалуетесь, и оскорбленіе ли для васъ привѣтъ республикѣ»!—Насъ оскорбили! продолжали другіе, мы слышали крики: à bas les ruraux! мы требуемъ защиты. Ненависть деревенскихъ представителей къ республикѣ нашла себѣ олицетвореніе, она сосредоточилась на Гамбеттѣ, который внушалъ этому большинству непреодолимый страхъ. Мнѣ самому пришлось слышать, какъ нѣсколько депутатовъ изъ этого большинства разсуждали за обѣдомъ въ тотъ день, когда Гамбетта, избранный между прочимъ и въ Эльзасѣ, вмѣстѣ съ другими эльзасскими депутатами подалъ отставку.

— А! говорили они, наконецъ-то мы избавились отъ этого человѣка; нужно сознаться, что только онъ одинъ и пугалъ насъ среди всѣхъ этихъ радикаловъ!

— Нужно стараться теперь объ одномъ, присовокупилъ другой, чтобы мы окончательно были избавлены отъ него, и чтобы онъ снова не очутился въ нашей средѣ.

Послѣ необычайной сумятицы, вызванной съ одной стороны криками vive la république, съ другой vive la France, какой-то депутатъ изъ «деревенскаго большинства» воспользовался повѣркой какихъ-то выборовъ, чтобы потребовать суда надъ бордоскою делегаціею, что означало судъ надъ Гамбеттой, потому что всѣ очень хорошо знали, что бордоская делегація исполняла только волю одного человѣка — Гамбетты. Предложеніе рьянаго депутата не нашло большого сочувствія, такъ какъ другіе, которые были поумнѣе, поняли очень хорошо, что судъ надъ бордоскою делегаціею повлечетъ за собою судъ надъ парижскимъ правительствомъ, которое слилось теперь съ «деревенскимъ большинствомъ» и потому было ему особенно дорого и любезно. Въ это же самое засѣданіе президентомъ національнаго собранія былъ избранъ Греви, который внесъ предложеніе о назначеніи Тьера «главою исполнительной власти французской республики».

Слѣдующее засѣданіе, 17-го февраля, можно по справедливости назвать агоніею Эльзаса и Лотарингіи, агоніею пред-

шествовавшею смерти. Эльзасскій депутатъ Келлеръ внесъ въ національное собраніе свой знаменитый протестъ Эльзаса противъ расчлененія Франціи, противъ отторженія отъ нея двухъ лучшихъ и самыхъ французскихъ провинцій въ цѣлой Франціи. На апплодисменты, которыми былъ покрытъ этотъ протестъ, національное собраніе Франціи не было скупо.

— Эти апплодисменты отвратительны, гнусны, раздавалось въ толпѣ, они не имѣютъ права апплодировать, если заранѣе рѣшили принять всякій миръ; только тогда эти апплодисменты имѣли бы смыслъ, еслибы они имѣли рѣшимость поддерживать требованія протеста и не допускать Францію до раздробленія. Въ противномъ случаѣ и честнѣе и было бы больше достоинства еслибы этотъ протестъ Эльзаса и Лотарингіи упалъ среди гробового спокойствія и былъ встрѣченъ только нѣмымъ сочувствіемъ.

Тьеру, по крайней мѣрѣ, принадлежитъ та честь, что онъ укротилъ эти неискренніе порывы, и въ отвѣтъ на горячія слова, произнесенныя Келлеромъ послѣ прочтенія деклараціи депутатовъ du Bas-Rhin, du Haut-Rhin, de la Moselle et de la Meurthe, деклараціи, подписанной тридцатью семью депутатами съ Гамбеттой во главѣ, отвѣчалъ безъ фразъ: «Въ серьезныхъ вещахъ будьте серьезны, безъ дѣтскихъ шалостей, когда дѣло касается цѣлой страны; все что говоритъ г. Келлеръ, все это очень хорошо, но вы вѣдь знаете, что мы рѣшились отдать Эльзасъ и Лотарингію, слѣдовательно нечего и шумѣть». Таковъ былъ смыслъ рѣчи Тьера и деревенское большинство перестало кричать и апплодировать и предоставило своимъ уполномоченнымъ для заключенія мира безотчетное право не только уступить двѣ провинціи, которыя передъ цѣлымъ свѣтомъ, въ лицѣ своихъ представителей, протестовали противъ отторженія ихъ отъ Франціи, съ энергіею говоря: «Франція можетъ испытывать удары судьбы, но она не можетъ своимъ согласіемъ освящать ея приговоровъ»,—но предоставили имъ право уступить хоть половину цѣлой Франціи съ Парижемъ включительно.

Крикъ «деревенскаго большинства», просившаго защитить его отъ оскорбительныхъ криковъ: vive la République былъ услышанъ, и потому въ субботу, 18-го февраля, Бордо оглушенъ былъ барабаннымъ боемъ, и я съ удивленіемъ увидѣлъ цѣлую тучу войска, скоплявшагося на площадь «Комедіи».

— Что это значитъ, спросилъ я съ недоумѣніемъ, какъ то спрашивало и множество другихъ лицъ: съ какою цѣлію выводятъ всѣ эти войска, съ кѣмъ они должны драться и что защищать?

— Деревенское большинство! было намъ всѣмъ отвѣтомъ. Эти

войска должны охранять жизнь «представителей Франціи» отъ ненависти французовъ.

Очевидно, что эти люди опасались, что народъ ворвется въ національное собраніе и если не передушитъ большинство его членовъ, то по крайней мѣрѣ разгонитъ ихъ навсегда.

Грустное предзнаменованіе! слышалось всюду, и дѣйствительно видъ всего этого войска, всей этой массы солдатъ, которые на протяженіи нѣсколькихъ сотъ шаговъ въ окружности оцѣпили зданіе національнаго собранія и никого не пропускали черезъ свою цѣпь, кромѣ лицъ, предъявлявшихъ карты для входа въ собраніе, видъ всѣхъ этихъ солдатъ, понимавшихъ, что ихъ поставили сюда благодаря страху «деревенскаго большинства», производилъ самое тяжелое впечатлѣніе. Сами солдаты сознавали, какую роль ихъ заставляли играть, и мнѣ приходилось не разъ слышать, какъ они говорили со смѣхомъ: «мы защищаемъ національное собраніе!»

Не при такой обстановкѣ должны были бы происходить засѣданія національнаго собранія въ такую критическую, въ такую адскую минуту, какова была настоящая. Эта обстановка какъ бы говорила, что въ зданіи «Комедіи» собрались не истинные представители страны, не политическіе люди, которые понимаютъ всю важность событій и сознаютъ всю отвѣтственность, падающую на нихъ, не бойцы за благосостояніе и достоинство націи, дѣйствующіе открыто, безъ боязни, всегда готовые отвѣчать за свои поступки, а какіе-то жалкіе люди и бездушные комедіанты, разыгрывающіе съ улыбкою на лицѣ одну изъ самыхъ страшныхъ трагедій.

Въ этотъ день мнѣ не удалось попасть въ національное собраніе, и потому всѣ тѣ нѣсколько часовъ, которые длилось засѣданіе, я провелъ на площади и въ café du Bordeaux, которое помѣщается какъ разъ противъ театра, превращеннаго въ залу засѣданій національнаго собранія, и которое вмѣстѣ съ тѣмъ служитъ мѣстомъ—rendez-vous чуть не всего Бордо. На площади, позади линіи войска, толпилась масса народу, точно также какъ въ самомъ café. Тутъ было своего рода собраніе. Каждую минуту кто-нибудь изъ постороннихъ или депутатовъ прибѣгалъ сюда изъ собранія и передавалъ, что тамъ дѣлалось. Толпа стояла терпѣливо нѣсколько часовъ на ногахъ, лишь бы поскорѣй узнать, что говорятъ, что дѣлается, не произошло ли чего-нибудь особеннаго въ собраніи. Около café, да и вообще на площади стоитъ гулъ, идутъ оживленные разговоры и схватываются на лету слова, сказанныя кѣмъ-нибудь изъ вышедшихъ изъ собранія.

— Греви, говорятъ въ одной группѣ, сейчасъ прочиталъ письмо

Тьера, въ которомъ онъ благодаритъ за выборъ его въ президенты республики, и изъявляетъ свое полное согласіе.

— Пустяки, слышится изъ толпы, никто его не выбиралъ въ президенты, онъ только глава исполнительной власти.

— Въ національномъ собраніи гвалтъ, разсказываетъ кто-то въ café, Рошфоръ сдѣлалъ запросъ относительно войска, выведеннаго на площадь, et cela chauffe bien!

Толки о Тьерѣ, толки о запросѣ Рошфора, о войскѣ и т. д. и т. д. Картина полная жизни, полная волненія, и нѣтъ никакого сомнѣнія, что у всей этой толпы, по нѣскольку часовъ подрядъ стоявшей на площади и съ нетерпѣніемъ ожидавшей узнать что говорится въ собраніи, къ чему клонится рѣшеніе судьбы Франціи, сердце билось несравненно сильнѣе чѣмъ у тѣхъ, которые приняли на себя смѣлость рѣшать эту судьбу. Я не жалѣлъ, что не попалъ въ собраніе; то, что дѣлалось внѣ было гораздо интереснѣе того, что дѣлалось въ этотъ разъ внутри собранія. Дѣйствительно, въ собраніи не произошло ничего замѣчательнаго, кромѣ прочитаннаго письма Тьера, извѣщавшаго президента, что онъ принимаетъ на себя обязанность стать во главѣ исполнительной власти во Франціи, да запроса Рошфора о томъ, «не открыло ли правительство какого-нибудь монархическаго заговора», что выставило такое количество войска,—запроса, вызвавшаго опять неимовѣрный шумъ, поднявшаго страшную сумятицу, каждый разъ имѣвшую своимъ послѣдствіемъ то, что вырывало все большую и большую пропасть между «деревенскимъ большинствомъ» и республиканскимъ меньшинствомъ національнаго собранія.

Не попалъ я на засѣданіе и слѣдующаго дня, засѣданіе посвященное чуть не цѣликомъ рѣчи Тьера, въ которой онъ оплакивалъ бѣдствія Франціи и вмѣстѣ давалъ обѣщаніе залечить всѣ ея раны. На площади таже жизнь, тоже оживленіе, тѣже горячіе разговоры, тѣже жалобы, тѣже надежды, тѣже проклятія. Вдругъ толпа зашевелилась и отхлынула въ одну сторону. Я направился за нею. Толпа кого-то провожала, страшная масса народу двигалась и что-то кричала:

— C'est le vieux Hugo! говоритъ кто-то, ему дѣлаютъ оваціи.

— Нѣтъ, это Louis-Blanc, вы развѣ не слышите, что кричатъ его имя.

Оказалось, что это не Hugo и не Louis Blanc, это былъ Гамбетта, который вышелъ изъ національнаго собранія, въ которомъ онъ присутствовалъ въ первый разъ послѣ настоящей или политической болѣзни.

Толпа двигалась медленно; что было впереди не было видно,

даже не было явственно слышно имя Гамбетты, по воздуху ходилъ только гулъ и онъ оглашался каждую минуту неистовыми криками. Я шелъ за толпою, которая все прибывала и остановилась только тогда, когда Гамбетта вошелъ въ дверь маленькаго домика, и дверь эта быстро затворилась.

Vive Gambetta! раздавалось каждую минуту.

Толпа его требовала, хотѣла его слушать, но онъ не выходилъ. Прошло можетъ быть полчаса.

Il ne veut pas sortir, раздавалось въ толпѣ, и вслѣдъ затѣмъ опять взрывъ: vive Gambetta, vive la République! Гамбетта все не выходилъ и въ толпѣ слышались самыя разнообразныя сужденія. Одинъ говоритъ: онъ боленъ, онъ не можетъ говорить! другой: подождите, онъ сейчасъ выйдетъ и скажетъ намъ нѣсколько словъ! третій: пусть бы онъ сказалъ намъ хоть нѣсколько словъ благодарности, что мы проводили его. Нельзя же такъ явно показывать, что ему надоѣли народныя манифестаціи!

У всѣхъ было одно желаніе увидѣть Гамбетту, услышать отъ него нѣсколько словъ, но Гамбетта такъ и не вышелъ. Толпа простояла передъ его окнами, можетъ быть съ часъ, крикнула еще нѣсколько разъ: vive la République, vive Gambetta! и стала расходиться.

Въ засѣданіи 19-го февраля Тьеръ объявилъ, что онъ уѣзжаетъ въ Версаль для переговоровъ, и выразилъ желаніе, чтобы публичныя засѣданія національнаго собранія были пріостановлены. Перерывъ продолжался цѣлую недѣлю, въ теченіе которой пришлось многое узнать, много услышать и, главное, многое увидѣть. 28-го февраля утромъ возвратился Тьеръ изъ Версаля. Въ 2 часа было назначено публичное засѣданіе. За часъ я вошелъ въ національное собраніе Франціи, а черезъ нѣсколько часовъ—мнѣ пришлось сдѣлаться однимъ изъ немногихъ зрителей послѣдняго акта трагедіи—французско-нѣмецкой войны 1870-го г. Эпилогъ былъ однако еще впереди, но тогда уже можно было его предчувствовать.

Евг. Утинъ.

ИТОГИ
СУДЕБНОЙ РЕФОРМЫ

III *).

Для того, чтобы отдѣленіе судебной власти отъ власти исполнительной или административной могло считаться окончательно совершившимся, недостаточно одного невмѣшательства администраціи въ дѣла, производимыя судомъ; необходимо еще, чтобы кругъ дѣйствій судебной власти не былъ стѣсненъ произвольными опредѣленіями, чтобы онъ распространялся на всѣ безъ изъятія дѣла, по существу своему судебныя. Въ чемъ же заключается отличительная черта судебныхъ дѣлъ, какъ найти разумное основаніе для установленія границы между властями судебною и административною? Мы разсмотримъ этотъ вопросъ только въ примѣненіи къ сферѣ уголовнаго правосудія, такъ какъ именно въ ней практика расходится у насъ всего больше съ теоріей и даже съ общими началами, провозглашенными законодателемъ.

Государство признаетъ и обезпечиваетъ за каждымъ изъ своихъ гражданъ бóльшую или меньшую сумму правъ, установляемыхъ закономъ; оно охраняетъ его жизнь, здоровье, честь, свободу, собственность, оно отводитъ ему извѣстную сферу дѣйствій въ дѣлахъ семейныхъ и общественныхъ. Не только интересъ частныхъ лицъ, но и интересъ государства требуетъ, чтобы всѣ эти права были по возможности неприкосновенны, чтобы они могли быть отнимаемы или ограничиваемы не иначе, какъ въ заранѣе опредѣленныхъ случаяхъ и съ соблюденіемъ заранѣе

*) См. выше: мар. 288 стр.

опредѣленнаго порядка. Другими словами, для отнятія или ограниченія права необходимъ приговоръ *уголовнаго суда*, основанный *на уголовномъ законѣ*. Только законъ, какъ нѣчто постоянное, твердое и для всѣхъ доступное, можетъ указать тѣ нарушенія гражданскаго или государственнаго долга, которыя должны имѣть послѣдствіемъ отнятіе или ограниченіе права; только уголовный судъ, предоставляющій обвиняемому всѣ средства къ защитѣ и оправданію, соединяющій въ себѣ всѣ условія для спокойнаго и безпристрастнаго отношенія къ дѣлу, — можетъ рѣшить, существуетъ ли въ данномъ случаѣ нарушеніе и долженъ ли за него отвѣчать его виновникъ. Одинаково несправедливо, одинаково опасно и вредно подвергать кого-нибудь наказанію за поступокъ не запрещенный уголовнымъ закономъ — и опредѣлять наказаніе безъ предварительнаго изслѣдованія дѣла общимъ судебнымъ порядкомъ. Говоря о наказаніи, мы разумѣемъ, конечно, не тѣ только карательныя мѣры, которыя установлены уголовнымъ закономъ, а всякое вообще отнятіе или ограниченіе права, принадлежащаго человѣку физически и нравственно правоспособному. Понятно, напримѣръ, что ограниченіемъ свободы слѣдуетъ считать не только ссылку на поселеніе или на житье, предусмотрѣнную уложеніемъ о наказаніяхъ, но и всякую высылку изъ мѣста жительства, всякое стѣсненіе въ правѣ свободнаго его избранія. Тѣлесное наказаніе, производимое по распоряженію администраціи за неплатежъ недоимки или за участіе въ уличныхъ безпорядкахъ, отличается отъ тѣлеснаго наказанія по судебному приговору только однимъ: оно не можетъ быть оправдываемо даже тѣми мотивами, которые приводились прежде въ защиту послѣдняго. Ограниченіемъ права собственности является не только денежный штрафъ, но и всякое стѣсненіе или запрещеніе предпріятія, на которое затраченъ капиталъ или употреблена извѣстная сумма труда. Называйте подобныя мѣры какъ хотите — мѣрами для предупрежденія и пресѣченія преступленій, мѣрами для охраненія общественной безопасности, мѣрами, принимаемыми во имя общественнаго блага (salut public), — сущность ихъ отъ этого не измѣняется; исходя отъ администраціи, онѣ все-таки остаются ничѣмъ другимъ, какъ нарушеніемъ коренныхъ условій правильнаго общественнаго устройства.

Защитники административной расправы готовы признать отвлеченную справедливость того общаго начала, въ силу котораго всякое лишеніе или ограниченіе права должно исходить исключительно отъ суда; но они не вѣрятъ въ возможность осуществленія этого начала въ современной народной жизни, или, по крайней мѣрѣ, считаютъ неудобнымъ слишкомъ послѣдовательное примѣ-

неніе его на практикѣ. «Судъ — говорятъ они — дѣйствуетъ слишкомъ медленно, слишкомъ разборчиво, слишкомъ нерѣшительно; ему мало одного подозрѣнія — для него нужна полная увѣренность въ винѣ обвиняемаго; онъ обращаетъ вниманіе только на совершившіеся факты, а не на возможность ихъ совершенія; онъ не считаетъ себя въ правѣ наложить свою руку на самаго вреднаго человѣка, пока послѣдній ничѣмъ положительно не проявилъ своего вреднаго направленія. Между тѣмъ, есть опасности, которыя необходимо предупреждать заблаговременно, есть стремленія, которыя слѣдуетъ уничтожать въ самомъ ихъ началѣ и со всѣми ихъ корнями. Для исполненія этой задачи судъ безсиленъ; на помощь ему должна придти администрація. Если поспѣшность и крутость административныхъ мѣропріятій иногда требуетъ невинныхъ жертвъ, если лица виновныя—или могущія впослѣдствіи сдѣлаться виновными — несутъ иногда наказаніе свыше настоящей или будущей вины своей, то съ этимъ можно и должно примириться при мысли о важности интересовъ, во имя которыхъ приносятся жертвы и налагаются преувеличенныя наказанія. Чтобы сохранить благосостояніе всѣхъ, позволительно пренебречь благосостояніемъ немногихъ». Въ подкрѣпленіе этихъ аргументовъ дѣлается обыкновенно ссылка на примѣръ всѣхъ государствъ, не исключая самыхъ просвѣщенныхъ—на высылку цѣлыми массами подозрительныхъ людей послѣ іюньскихъ дней 1848-го г. и послѣ декабрьскаго переворота, на пріостановленіе дѣйствія habeas corpus въ Ирландіи во время феніанскихъ заговоровъ, на арестъ Якоби во время послѣдней франко-германской войны, и т. п. Посмотримъ, прежде всего, въ какой степени убѣдительны эти примѣры. Во-первыхъ, они относятся всѣ не къ эпохамъ нормальнаго, спокойнаго движенія государственной жизни, а къ критическимъ минутамъ борьбы, внутренней или внѣшней, борьбы, ставящей на карту самое существованіе государства или правительства. Съ прекращеніемъ этихъ минутъ прекращаются и чрезвычайныя мѣры, ими вызванныя. Правда, во Франціи законъ общественной безопасности (loi de sûreté générale) существовалъ болѣе десяти лѣтъ сряду; но за исключеніемъ первыхъ трехъ-четырехъ мѣсяцевъ, онъ былъ только угрозой, никогда не исполнявшейся на самомъ дѣлѣ. Въ настоящее время мы не знаемъ ни одной европейской страны, въ которой личная свобода гражданъ зависѣла бы, *въ обыкновенное время*, отъ усмотрѣнія администраціи. Во-вторыхъ, кругъ дѣйствія чрезвычайныхъ мѣръ вездѣ и всегда ограничивается по возможности тѣсными предѣлами. Онѣ примѣняются только къ лицамъ, которыхъ правительство считаетъ въ данную минуту своими политическими

врагами, а отнюдь не къ тѣмъ, кто дѣйствуетъ вопреки видамъ правительства или не подчиняется его требованіямъ по какому-нибудь частному вопросу—еще менѣе къ тѣмъ, кто приходитъ въ столкновеніе съ какимъ-нибудь отдѣльнымъ органомъ правительства. Въ-третьихъ, часто ли чрезвычайныя мѣры достигаютъ своей цѣли? Въ однихъ случаяхъ — когда правительство сильно поддержкой большинства или особыми условіями минуты, — онѣ оказываются излишними и слѣдовательно тѣмъ болѣе несправедливыми (напримѣръ, арестъ Якоби); въ другихъ случаяхъ, когда неудовольствіе имѣетъ глубокіе корни, онѣ оставляютъ вопросъ въ такомъ же точно положеніи, въ какомъ онъ былъ прежде (пріостановленіе habeas corpus въ Ирландіи); иногда, наконецъ, онѣ отзываются столь-же тяжело на тѣхъ, кто ихъ принялъ, какъ и на тѣхъ, противъ кого онѣ были приняты (іюньскія и декабрьскія высылки). Чрезвычайныя административныя мѣры можно сравнить съ необходимой обороной: онѣ извинительны только тогда, когда онѣ неизбѣжны, когда опасность, ихъ вызывающая, такъ настоятельна, такъ велика, что нѣтъ другихъ средствъ къ ея устраненію. Но если въ правильно-организованномъ обществѣ состояніе необходимой обороны является рѣдкимъ исключеніемъ даже для частныхъ лицъ, предоставленныхъ своимъ собственнымъ, крайне ограниченнымъ силамъ, то тѣмъ рѣже оно можетъ наступать для правительства, располагающаго всѣми средствами страны, имѣющаго подъ рукою судъ, полицію, войско, опирающагося на вѣковую привычку повиновенія, на весь историческій строй народной жизни. О серьезной опасности, угрожающей правительству, можетъ быть рѣчь только тогда, когда въ странѣ готовится открытое, обширное возстаніе, и когда прошедшее ея сулитъ этому возстанію какіе-нибудь шансы успѣха. Такое положеніе дѣлъ возможно въ настоящее время, если мы не ошибаемся, только для двухъ европейскихъ государствъ — для Франціи и Испаніи. Когда чрезвычайныя мѣры не соотвѣтствуютъ опасности, въ виду которой къ нимъ прибѣгаютъ, тогда неизбѣжно является то, что на языкѣ юридическомъ называется *превышеніемъ необходимой обороны* [1]). Виновные смѣшиваются съ невиновными, о

[1]) Печальнымъ подтвержденіемъ этой мысли служатъ послѣднія одесскія событія, если только справедливы газетныя о нихъ извѣстія. Мы понимаемъ чрезвычайныя мѣры, принимаемыя для прекращенія безпорядковъ, но не понимаемъ ихъ тогда, когда безпорядки уже окончены. Между тѣмъ, тѣлесное наказаніе цѣлой массы лицъ возможно, по самому своему свойству, только тогда, когда безпорядки прекращены, когда сила безусловно на сторонѣ администрація, и когда, слѣдовательно, не можетъ и не должна идти рѣчь ни о чемъ другомъ, какъ о законныхъ карательныхъ мѣрахъ.

соразмѣрности между степенью вины и степенью отвѣтственности никто и не помышляетъ; реакція противъ движенія (или противъ возможности движенія) продолжается и тогда, когда опасность давно миновала; порядокъ вещей, созданный условіями случайными и скоропреходящими, надолго переживаетъ эти условія. Отсюда проистекаетъ новая опасность, часто болѣе серьёзная чѣмъ та, изъ-за которой началась вся тревога. Въ обществѣ исчезаетъ чувство законности и безопасности, необходимое не только для спокойствія частныхъ лицъ, но и для успѣшнаго развитія всего народа, для внутренней силы государства; никто не считаетъ себя обезпеченнымъ въ пользованіи своими правами, никто не сознаетъ надъ собою твердой охраны ненарушимаго закона. Если элементы движенія преобладаютъ въ государствѣ надъ элементами застоя, послѣдствіемъ такого положенія дѣлъ является всеобщее возбужденіе умовъ противъ правительства; въ противномъ случаѣ разнуздываются всѣ ретроградныя стремленія и страсти, къ административному давленію присоединяется невыносимый гнетъ большинства надъ меньшинствомъ, и реакція заходитъ далеко за тѣ предѣлы, которые были начертаны для нея первоначально самимъ правительствомъ.

Необходимость административной расправы мотивируется обыкновенно указаніемъ на государственныя преступленія, замышляемыя въ глубокой тайнѣ и угрожающія величайшею опасностью еще гораздо раньше, чѣмъ успѣетъ созрѣть и въ чемъ-нибудь проявиться преступная мысль. Намъ кажется, что при этомъ упускается изъ виду одно весьма существенное обстоятельство. По теоріи уголовнаго права, преступный умыселъ самъ по себѣ ненаказуемъ вовсе, приготовленіе къ преступленію, въ большинствѣ случаевъ — тоже; но для государственныхъ преступленій вездѣ дѣлается исключеніе изъ общаго правила, и самыхъ широкихъ размѣровъ это исключеніе достигаетъ въ русскомъ законодательствѣ. Уложеніе о наказаніяхъ назначаетъ строгую кару за всякое приготовленіе къ государственному преступленію, за всякое участіе въ политическомъ заговорѣ, за знаніе и недонесеніе о его существованіи, иногда даже *за словесное или письменное изъявленіе преступныхъ мыслей и предположеній*. Въ дѣлахъ этого рода карательная власть суда распространяется, слѣдовательно, не на одни совершившіеся факты; дѣйствію ея подчиняются и планы, и намѣренія, и мысли — однимъ словомъ, все то, что въ обыкновенныхъ случаяхъ не подлежитъ вѣдѣнію суда. Отсюда слѣдуетъ, что государственныя преступленія могутъ быть судомъ не только наказываемы, но и предупреждаемы. Правда, въ дѣлахъ политическихъ, какъ и во всѣхъ другихъ, судъ постанов-

ляетъ рѣшенія на основаніи доказательствъ; если онъ долженъ убѣдиться въ достовѣрности наказуемаго факта, то столь же необходимо для него убѣжденіе въ достовѣрности наказуемаго намѣренія. Но вѣдь и для администраціи нужны же какія-нибудь данныя, которыми она могла бы мотивировать принимаемыя ею мѣры. Одно изъ двухъ: или эти данныя недостаточно изслѣдованы и повѣрены — и въ такомъ случаѣ осторожнѣе подождать болѣе полнаго ихъ разъясненія; или онѣ могутъ служить основаніемъ для внутренняго убѣжденія въ винѣ или невиновности обвиняемаго — и тогда онѣ имѣютъ одинаковую силу какъ для суда, такъ и для администраціи (не забудемъ, что для суда не существуетъ болѣе формальной теоріи доказательствъ). Въ крайнемъ случаѣ суду могло бы быть предоставлено право подвергать подсудимыхъ не вполнѣ уличенныхъ, но и не вполнѣ оправдавшихся, особому полицейскому надзору, сопряженному съ временнымъ запрещеніемъ жить въ немногихъ опредѣленныхъ пунктахъ государства.

Зачѣмъ заботиться о лицахъ, добровольно идущихъ на встрѣчу своей участи,—могутъ сказать намъ приверженцы чрезвычайныхъ административныхъ мѣръ, — зачѣмъ видѣть опасность для цѣлаго общества въ томъ, что угрожаетъ только немногимъ злоумышленникамъ, скрывающимся въ его средѣ? Это возраженіе не ново; во время первой французской революціи оно было высказано въ знаменитой фразѣ: «que les méchants tremblent, que les bons citoyens se rassurent!» Къ сожалѣнію, различіе между bons и méchants установляется на практикѣ не такъ легко, какъ въ теоріи. Стоитъ только объявить извѣстную категорію лицъ людьми подозрительными (suspects)—и черезъ нѣсколько времени никто не будетъ знать, гдѣ начинается и гдѣ оканчивается эта категорія. Несдержанное ни точнымъ опредѣленіемъ закона, ни правильными обрядами судопроизводства, усердіе, даже самое благонамѣренное, скоро теряетъ чувство мѣры и осторожности. Понятіе о политическомъ преступленіи, или лучше сказать, о политической неблагонадежности, дѣлается все болѣе и болѣе эластичнымъ, къ признакамъ такой неблагонадежности присоединяются черты, неимѣющія съ нею ничего общаго. Гражданинъ, безусловно повинующійся законамъ своего государства, сообразующій съ ними всю свою дѣятельность, можетъ быть совершенно увѣренъ въ томъ, что онъ не будетъ привлеченъ къ суду за государственное преступленіе, — развѣ по недоразумѣнію, которое не замедлитъ разъясниться; но онъ никогда не можетъ быть увѣренъ въ томъ, что не навлечетъ на себя подозрѣній администраціи, вооруженной чрезвычайною властью.

Множество дѣйствій, въ существѣ своемъ совершенно безвредныхъ и невинныхъ, могутъ показаться въ данную минуту опасными для государства и повлечь за собою репрессивныя мѣры. Участіе въ томъ или другомъ, хотя и не запрещенномъ, журналѣ, составленіе корреспонденцій для иностранной газеты, переписка, хотя бы по самому пустому предмету, съ подозрительнымъ лицемъ—все можетъ обратиться въ источникъ бѣды, непредвидѣнной и потому непредотвратимой. Прибавимъ къ этому, что чрезвычайная власть, въ рукахъ того или другого изъ ея органовъ, легко можетъ быть направлена къ достиженію чисто личныхъ цѣлей [1]).

Тамъ, гдѣ административная расправа представляется не временнымъ явленіемъ, вызваннымъ чрезвычайными обстоятельствами, а какъ бы нормальнымъ государственнымъ учрежденіемъ, къ опаснымъ сторонамъ ея, уже указаннымъ нами, присоединяется еще одна: распространеніе ея круга дѣйствій далеко за предѣлы чисто-политической жизни. Кромѣ государственныхъ преступленій есть и другія, требующія, повидимому, особенно быстрой и энергической репрессіи, и слѣдовательно, съ точки зрѣнія намъ уже знакомой, вызывающія вмѣшательство администраціи въ область уголовнаго суда. Сюда относятся, например, неповиновеніе крестьянъ распоряженіямъ начальства, хотя бы и чуждое всякаго политическаго оттѣнка, стачки рабочихъ, пропаганда новаго религіознаго ученія и т. п. Отсюда одинъ только шагъ до допущенія карательныхъ административныхъ мѣръ и за такія дѣйствія или упущенія, которыя не заключаютъ въ себѣ ничего преступнаго, но которыя почему-нибудь считаются вредными для государства — напримѣръ, за неуплату недоимокъ, за попытки переселенія большими массами изъ одной части государства въ другую. Рядомъ съ законнымъ порядкомъ преслѣдованія и наказанія устанавливается, такимъ образомъ, другой, имѣющій очень мало общаго съ первымъ. Нетрудно понять, въ какой степени это способствуетъ укорененію довѣрія къ закону. Въ Россіи эта аномалія сдѣлалась особенно замѣтной именно со времени введенія въ дѣйствіе новыхъ судебныхъ уставовъ. Пока судъ мало чѣмъ отличался отъ администраціи, пока отправленіе его совершалось въ тайнѣ, безъ вся-

---

[1]) Вотъ, напримѣръ, что пишетъ тамбовскій корреспондентъ «Современныхъ Извѣстій»: «Намъ всѣмъ памятенъ печальный конецъ нѣкоего адвоката, г. Л.—скаго, уличившаго мѣстную полицію чуть не во стѣ неправильно и пристрастно составленныхъ актовъ. Этотъ честный труженикъ былъ здѣсь у многихъ какъ бѣльмо на глазу, и нашли причины удалить его административнымъ порядкомъ, вмѣстѣ съ семействомъ въ Вятку («Спб. Вѣд.» № 91).

наго участія общества, до тѣхъ поръ установленіе точныхъ границъ между властями судебной и административной могло быть вопросомъ довольно безразличнымъ, потому что серьезныхъ гарантій для частныхъ лицъ ни та, ни другая не представляла. Но теперь, когда судъ устроенъ на новыхъ, раціональныхъ началахъ, обезпечивающихъ, по возможности, безпристрастное рѣшеніе каждаго дѣла, вмѣшательство администраціи въ кругъ дѣйствій судебной власти не можетъ не производить болѣзненнаго впечатлѣнія на общество. Нельзя привыкнуть къ мысли о томъ, что воръ или мошенникъ, пойманный на мѣстѣ преступленія, свободно пользуется всѣми законными средствами защиты и часто приговаривается судомъ лишь къ кратковременному заключенію подъ стражей, а человѣкъ, подозрѣваемый въ политической неблагонадежности, высылается безъ суда, безъ истребованія объясненій, иногда даже безъ предваренія объ ожидающей его участи, въ одну изъ тѣхъ губерній, которыя служатъ мѣстомъ ссылки для осужденныхъ за подлогъ, крупное воровство или мошенничество. Такая высылка — не простое ограниченіе свободы; она часто можетъ быть равносильной отнятію у высылаемаго лица и у его семейства всѣхъ средствъ къ существованію въ настоящемъ, всѣхъ надеждъ на будущее. Пустынныя, бѣдныя, мало населенныя губерніи сѣвера и сѣверо-востока европейской Россіи не представляютъ ни одного изъ условій, необходимыхъ для сколько-нибудь плодотворнаго умственнаго труда; даже пріисканіе занятій, которыми можно было бы просто кормиться, сопряжено въ этомъ краѣ съ величайшими затрудненіями. Сколько силъ пропадаетъ даромъ въ надежной борьбѣ съ нуждою, съ суровымъ климатомъ, съ неблагопріятною обстановкой! Лицо, сосланное на житье по судебному приговору, знаетъ, сколько лѣтъ должно продлиться его вынужденное пребываніе на одномъ мѣстѣ; ссыльные другого рода не имѣютъ даже и этого утѣшенія. Совмѣстенъ ли такой порядокъ вещей съ духомъ всѣхъ совершившихся и совершающихся еще у насъ преобразованій?—О полномъ устраненіи административной расправы, мы знаемъ, въ настоящее время нельзя и мечтать; но есть возможность смягчить примѣненіе принципа, не отказываясь отъ него совершенно. Если бы право принимать чрезвычайныя административныя мѣры было оставлено только за центральными органами правительства, и притомъ только въ отношеніи къ политическимъ проступкамъ; еслибы принятіе подобныхъ мѣръ зависѣло въ каждомъ данномъ случаѣ не отъ одного лица, а отъ коллегіальнаго учрежденія, пользующагося независимостью, обязаннаго руководствоваться заранѣе опредѣленными правилами и выслушивать всѣ объясненія и оправданія

лица, призываемаго къ отвѣтственности; еслибы высылаемыя лица были водворяемы въ такихъ городахъ, гдѣ они могли бы продолжать свои прежнія занятія; еслибы, наконецъ, былъ опредѣленъ срокъ высылки или порядокъ, въ которомъ можетъ совершаться возвращеніе высланнаго лица,—то сумма личной безопасности и свободы, оставаясь весьма ограниченною, все-таки увеличилась бы довольно замѣтно, и на этой переходной точкѣ все же немного легче было бы ожидать желаннаго, окончательнаго шага къ безусловному господству закона. Пока этотъ шагъ не совершенъ, многія статьи устава уголовнаго судопроизводства существуютъ какъ будто бы только для того, чтобы никогда не быть исполняемыми [1]; а что можетъ быть вреднѣе для общественной совѣсти, чѣмъ такой постоянный разладъ между практикой и буквой закона?

Административныя мѣры, о которыхъ мы до-сихъ-поръ говорили, направлены преимущественно противъ личной свободы, хотя косвенно онѣ безъ сомнѣнія затрогиваютъ и имущественныя права частныхъ лицъ; но одною изъ сторонъ своихъ чрезвычайная административная власть прямо касается этихъ правъ и подвергаетъ ихъ самымъ существеннымъ ограниченіямъ. Мы разумѣемъ власть администраціи надъ періодическою (а de facto, если не de jure, и надъ непеіодическою) печатью. Посредствомъ запрещенія розничной продажи повременнаго изданія администрація можетъ значительно уменьшить сбытъ изданія, а слѣдовательно и доходы издателя; посредствомъ предостереженій и слѣдующаго затѣмъ пріостановленія изданія она можетъ совершенно его уничтожить,—а вмѣстѣ съ нимъ и капиталъ, на него затраченный, и заработки нѣсколькихъ десятковъ лицъ [2]. Имущественныя права содержателей типографій и книжныхъ магазиновъ столь же непрочны, какъ и имущественныя права издателя газеты или журнала.

Однимъ изъ аргументовъ въ пользу сохраненія административной расправы по дѣламъ политическимъ и по дѣламъ печати служитъ обыкновенно медленность, съ которой производятся судомъ процессы о государственныхъ преступленіяхъ и о проступкахъ печати. Фактъ медленности, къ сожалѣнію, неопровержимъ;

[1] Сюда относятся ст. 8, по которой никто не можетъ быть ни задержанъ подъ стражею иначе, какъ въ случаяхъ законами опредѣленныхъ, ни содержимъ въ помѣщеніяхъ, не установленныхъ на это закономъ; ст. 10 и 11, по которымъ каждый судья обязанъ освободить неправильно лишеннаго свободы или принять мѣры къ содержанію заключеннаго въ установленномъ порядкѣ.

[2] Положеніе нашей печати было подробно разсмотрѣно нами въ особой статьѣ: «Русскіе законы о печати», «Вѣстникъ Европы» 1869 г. №№ 4 и 6.

самымъ яркимъ доказательствомъ его служитъ политическій процессъ (такъ-называемое «нечаевское дѣло»), начавшійся въ декабрѣ 1869-го г. и до-сихъ-поръ, т.-е. почти черезъ полтора года, неприведенный къ окончанію. Но съ другой стороны нельзя не припомнить, что политическій процессъ 1866-го г., несмотря на его сложность, прошелъ черезъ всѣ фазисы судебнаго производства въ пять съ небольшимъ мѣсяцевъ. Отсюда слѣдуетъ заключить, что главная причина медленнаго производства политическихъ процессовъ коренится не въ судебныхъ уставахъ, а въ обстоятельствахъ случайныхъ и слѣдовательно вполнѣ устранимыхъ. Къ числу этихъ обстоятельствъ принадлежитъ стремленіе соединить въ одно цѣлое всѣ различныя части дѣла, между тѣмъ какъ ничто не мѣшало бы предавать суду одну группу подсудимыхъ за другою, не удлинняя по-напрасну срокъ предварительнаго ареста тѣхъ изъ нихъ, участіе которыхъ въ дѣлѣ вполнѣ разслѣдовано. Другой источникъ медленности—не вполнѣ точное соблюденіе требованій закона; такъ напримѣръ предварительное слѣдствіе по нечаевскому дѣлу производилось не подъ наблюденіемъ прокурора с.-петербургской судебной палаты, и самые обвинительные акты были первоначально не имъ составлены, такъ что по передачѣ дѣла въ его руки ему пришлось дать довольно продолжительный срокъ для его изученія [1]). Наконецъ, малочисленность членовъ судебной палаты—къ которой мы будемъ еще имѣть случай возвратиться — не позволяетъ ей двигать дѣло такъ быстро, какъ это было бы желательно и при другомъ личномъ ея составѣ возможно. Когда гражданскій департаментъ с.-петербургской судебной палаты разсматривалъ нечаевское дѣло, одинъ изъ пяти его членовъ былъ занятъ особой командировкой, другой довольно долго былъ боленъ; предсѣдатель департамента долженъ былъ устранить себя отъ обсужденія бóльшей части дѣла, потому что участвовалъ, въ качествѣ прокурора московской судебной палаты, въ производствѣ предварительнаго слѣдствія. Вся тяжесть труда упала, такимъ образомъ, на трехъ или четырехъ членовъ палаты, засѣдавшихъ въ тоже самое время два раза въ недѣлю для разрѣшенія текущихъ гражданскихъ дѣлъ. Можно ли удивляться, послѣ того, что дѣло, состоящее, если мы не ошибаемся, изъ 15—20 томовъ, остава-

[1]) Мы знаемъ, что первоначально предполагалось возложить рѣшеніе дѣла на верховный судъ, и что слѣдствіе производилось сенаторомъ уголовнаго кассаціоннаго департамента, подъ наблюденіемъ министра юстиціи; но ничто, кажется, не мѣшало принять мѣры къ заблаговременному ознакомленію съ дѣломъ прокурора судебной палаты, подобно тому, какъ были ознакомлены съ нимъ другія лица прокурорскаго надзора.

лось въ гражданскомъ департаментѣ палаты почти три мѣсяца? Въ уставѣ уголовнаго судопроизводства могла бы быть сдѣлана, въ видахъ ускоренія политическихъ процессовъ, одна только перемѣна: сосредоточеніе всѣхъ обязанностей обвинительной камеры, теперь раздѣленныхъ между гражданскимъ департаментомъ судебной палаты и гражданскимъ кассаціоннымъ департаментомъ правительствующаго сената, въ послѣднемъ изъ этихъ двухъ учрежденій. Вмѣстѣ съ ускореніемъ производства это имѣло бы послѣдствіемъ и упрощеніе его, такъ какъ въ настоящее время часть каждаго политическаго процесса (за исключеніемъ самыхъ небольшихъ и немногосложныхъ) разсматривается, съ одной и той же точки зрѣнія, сначала судебною палатою (отъ которой зависитъ преданіе суду), потомъ правительствующимъ сенатомъ (отъ котораго зависитъ прекращеніе слѣдствія). Что касается до процессовъ печати, то о средствахъ къ ускоренію ихъ производства мы уже говорили въ нашей статьѣ: «Русскіе законы о печати». Главнымъ источникомъ медленности служатъ для нихъ сношенія прокурора съ министромъ юстиціи, требуемыя закономъ (Уст. угол. суд. дополн. къ ст. 1,000, пун. 7) въ случаѣ затрудненій или сомнѣній, встрѣченныхъ прокуроромъ въ сообщеніи главнаго управленія по дѣламъ печати или цензурнаго комитета. Еслибы эти затрудненія или сомнѣнія могли быть разрѣшаемы словеснымъ объясненіемъ прокурора съ министромъ юстиціи или министромъ внутреннихъ дѣлъ, то процессы печати не оставались бы безъ движенія по цѣлымъ мѣсяцамъ или даже годамъ, какъ это до сихъ-поръ слишкомъ часто случалось.

IV.

Судебная реформа положила конецъ существованію сословныхъ выборныхъ судей и замѣнила ихъ въ общихъ судебныхъ мѣстахъ судьями, назначенными отъ правительства, въ мировыхъ учрежденіяхъ—судьями, выбранными земствомъ, т.-е. представителями всѣхъ сословій. Мы не станемъ разбирать съ теоретической точки зрѣнія достоинства и недостатки этихъ двухъ системъ замѣщенія судейскихъ должностей; замѣтимъ только, что въ примѣненіи ихъ къ обѣимъ главнымъ группамъ судебныхъ установленій наше законодательство руководилось взглядомъ въ существѣ вѣрнымъ. Для членовъ общихъ судебныхъ установленій необходимо больше всего юридическое образованіе и практическое знакомство съ дѣлами, т.-е. такія условія, о которыхъ всего меньше въ состояніи судить избиратели. Извѣстно по

опыту, что въ старыхъ судебныхъ палатахъ судьями на самомъ дѣлѣ, а не только по имени, были большею частью одни товарищи предсѣдателей, назначавшіеся правительствомъ изъ среды юристовъ. Съ расширеніемъ круга дѣйствій судебныхъ мѣстъ, съ распространеніемъ избирательнаго права на всѣ классы общества, съ установленіемъ извѣстныхъ условій для занятія судейскихъ должностей, выборъ судей въ общія судебныя мѣста сдѣлался бы еще болѣе затруднительнымъ. Во многихъ судебныхъ округахъ не оказалось бы достаточнаго числа кандидатовъ, могущихъ по закону принять на себя званіе судей; недостатокъ ихъ пришлось бы пополнять лицами, совершенно неизвѣстными избирателямъ, — а при такомъ положеніи дѣлъ избраніе сознательное и обдуманное было бы совершенно немыслимо. Выборъ мировыхъ судей не представляетъ такихъ затрудненій; для занятія этихъ должностей требуется гораздо меньшая спеціальная подготовка, а слѣдовательно гораздо легче находятся и кандидаты изъ числа мѣстныхъ жителей, хорошо извѣстныхъ избирателямъ. Между мировымъ судьею и подсуднымъ ему населеніемъ существуетъ и должна существовать такая тѣсная связь, которая невозможна и ненужна между членами окружнаго суда и населеніемъ судебнаго округа. Мировой судъ, если можно такъ выразиться, есть судъ домашній, регулирующій самыя простыя и общія для всѣхъ юридическія отношенія, проникающій во всѣ подробности ежедневнаго, обыденнаго быта. Отсюда съ одной стороны необходимость полнаго довѣрія населенія къ судьѣ, съ другой стороны полнаго знакомства судьи съ населеніемъ, съ его особенностями и обычаями. Соединеніе этихъ условій возможно только при избраніи мировыхъ судей населеніемъ мирового округа. Большинство мировыхъ судей должны жить въ сельской глуши или въ городахъ, совершенно напрасно носящихъ это названіе; безъ существенныхъ неудобствъ не только для самого судьи, но и для дѣла, этого можно ожидать лишь отъ мѣстныхъ жителей, а не отъ людей пришлыхъ, какими въ большей части случаевъ были бы мировые судьи, назначенные правительствомъ. Само собою разумѣется, однако, что право быть избраннымъ въ мировые судьи не могло быть предоставлено каждому мѣстному жителю, на которомъ сосредоточилось бы большинство избирательныхъ голосовъ. Если мировой судья можетъ обойтись безъ всесторонняго юридическаго образованія и безъ обширныхъ практическихъ свѣдѣній, то это еще не значитъ, чтобы образованіе и опытность были для него вовсе ненужны. Нашъ законъ требуетъ отъ мировыхъ судей или знанія предметовъ, входящихъ въ курсъ наукъ высшаго или средняго учебнаго заведенія, или трехлѣтней

службы въ такихъ должностяхъ, при исправленіи которыхъ можно было пріобрѣсти практическія свѣдѣнія въ производствѣ судебныхъ дѣлъ. Послѣднее условіе, очевидно, неравносильно первому и не можетъ восполнить его недостатокъ. Знаніе законовъ, неосмысленное ни юридическимъ, ни общимъ образованіемъ, не представляетъ ручательства въ способности понять и правильно исполнять обязанности мирового судьи—въ особенности если оно пріобрѣтено въ старыхъ судебныхъ мѣстахъ. Разрѣшеніе избирать въ мировые судьи лицъ, неполучившихъ никакого образованія, можетъ быть объяснено только какъ мѣра скоропреходящая, чрезвычайная, вызванная большимъ спросомъ на судей и малочисленностью лицъ, вполнѣ приготовленныхъ къ занятію судейскихъ должностей. Была ли такая мѣра дѣйствительно необходима въ моментъ обнародованія судебныхъ уставовъ, продолжаетъ ли она быть необходимою теперь—этотъ вопросъ могъ бы быть разрѣшенъ только посредствомъ кандидатскихъ списковъ, по которымъ происходили и происходятъ выборы мировыхъ судей въ различныхъ мѣстностяхъ имперіи; но нельзя не пожалѣть объ одномъ — что правило, разрѣшающее избирать мировыхъ судей изъ числа лицъ, неполучившихъ ни высшаго, ни средняго образованія, включено въ текстъ судебныхъ уставовъ. Оно было бы гораздо болѣе у мѣста въ Положеніи о введеніи въ дѣйствіе судебныхъ уставовъ (19-го октября 1865-го г.), сосредоточивающемъ въ себѣ всѣ мѣры, по существу своему переходныя, временныя (въ томъ числѣ правило совершенно аналогическое тому, которое мы разбираемъ—правило, облегчающее на первое время доступъ въ присяжные повѣренные). Замѣчаніе наше не покажется мелочнымъ и чисто формальнымъ, если припомнить, съ какими затрудненіями сопряжена всякая перемѣна (или лучше сказать всякая перемѣна *къ лучшему*) въ судебныхъ уставахъ.

Мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что въ большинствѣ случаевъ сами избиратели расположены избирать мировыхъ судей преимущественно изъ числа лицъ образованныхъ; но для того, чтобы это стремленіе избирателей приводило къ желанной цѣли, необходимо, чтобы оно не было стѣснено никакими искусственными ограниченіями, чтобы право быть избраннымъ въ мировые судьи принадлежало всѣмъ безъ исключенія мѣстнымъ жителямъ, достигшимъ опредѣленнаго возраста, полноправнымъ и получившимъ извѣстное образованіе. Къ сожалѣнію, нашъ законъ требуетъ отъ мировыхъ судей еще одного условія—владѣнія недвижимою собственностью въ опредѣленномъ, довольно высокомъ размѣрѣ. Ошибочность этого требованія не подлежитъ,

въ нашихъ глазахъ, никакому сомнѣнію. Оно было бы до извѣстной степени понятно, еслибы отъ мирового судьи требовалось владѣніе недвижимою собственностью непремѣнно въ мѣстѣ его избранія; тогда владѣніе это могло бы быть разсматриваемо какъ признакъ — конечно внѣшній, формальный и потому самому невѣрный—той связи между избирателями и избираемымъ, о которой мы уже говорили. Но государственный совѣтъ разъяснилъ еще въ 1866-мъ г., что мѣсто нахожденія собственности совершенно безразлично, лишь бы только она имѣла установленное закономъ пространство или цѣнность. Какое же значеніе сохраняетъ затѣмъ владѣніе недвижимою собственностью? Служитъ ли оно гарантіей образованности, честности, независимости, политической благонадежности мирового судьи? Защитники имущественнаго ценза разсуждаютъ обыкновенно такимъ образомъ: «у кого есть извѣстный достатокъ, тотъ не вынужденъ посвящать все свое время матеріальному труду, и имѣя досугъ, *можетъ* употреблять его на пріобрѣтеніе полезныхъ свѣдѣній». Справедливо ли это разсужденіе или несправедливо—оно во всякомъ случаѣ непримѣнимо къ выборамъ мировыхъ судей. Заключать по достаточности извѣстнаго лица о его образованности можно только тогда, когда образованность не составляетъ самостоятельнаго условія избираемости; а для мирового судьи требуется, кромѣ имущественнаго ценза, извѣстная степень образованія, или, въ качествѣ суррогата, извѣстная доля практическихъ свѣдѣній. Опредѣлять умственное развитіе судьи по количеству десятинъ, которыми онъ владѣетъ, не представляется, слѣдовательно, никакого основанія. За честность мировыхъ судей, неимѣющихъ недвижимой собственности, можно было бы опасаться только въ такомъ случаѣ, еслибы содержаніе, имъ назначенное, было такъ же ничтожно, какъ напримѣръ содержаніе бывшихъ дворянскихъ засѣдателей палаты или уѣзднаго суда. Но содержаніе въ 1,500—2,200 рублей (даже за вычетомъ расходовъ на камеру и канцелярію) не влечетъ за собою необходимости изыскивать побочные источники доходовъ. Съ другой стороны, если цензъ, требуемый отъ мировыхъ судей, достаточно высокъ для того, чтобы преградить доступъ къ этой должности многимъ способнымъ людямъ, то онъ недостаточно высокъ для того, чтобы лица, имъ располагающія, могли быть признаны вполнѣ обезпеченными въ матеріальномъ отношеніи. Доходъ съ имущества, оцѣненнаго въ 15,000 рублей, не такъ великъ, чтобы устранить возможность соблазна для тѣхъ, кому эта опасность вообще угрожаетъ. Не слѣдуетъ также упускать изъ виду, что основаніемъ избираемости служитъ, по нашему закону, не

только личное владѣніе самого мирового судьи, но и владѣніе его жены или родителей—т.-е. собственность, которою онъ вовсе не располагаетъ, а можетъ быть и не пользуется. Возможны и такіе случаи, что имѣніе пріобрѣтается только номинально, для полученія ценза, а de facto остается во владѣніи прежняго собственника [1]). Наконецъ, если видѣть въ имущественномъ цензѣ гарантію честности, то почему же не поставить на ряду съ недвижимою собственностью всякую другую?—Изъ комментаріевъ къ судебнымъ уставамъ видно, что составители ихъ смотрѣли на имущественный цензъ преимущественно какъ на гарантію *независимости* мировыхъ судей, т.-е. независимости отъ мѣстныхъ вліяній, самостоятельнаго отношенія къ избирателямъ. Противъ этого взгляда говорятъ прежде всего тѣ же соображенія, которыя заставляютъ насъ отвергать всякую внутреннюю связь между имущественнымъ цензомъ и честностью мировыхъ судей; вѣдь нравственная независимость есть не что иное, какъ честность, добросовѣстность въ обширномъ смыслѣ слова. Безспорно, желаніе быть избраннымъ на слѣдующее трехлѣтіе можетъ отражаться на дѣятельности мирового судьи—иногда благопріятно, побуждая его исправлять свои обязанности какъ можно лучше, иногда неблагопріятно, заставляя его служить не столько справедливости, сколько стремленіямъ большинства или интересамъ наиболѣе вліятельныхъ избирателей. Но развѣ какая-нибудь тысяча рублей годового дохода,—не всегда, въ добавокъ, получаемаго самимъ мировымъ судьей, — составляетъ достаточный оплотъ противъ подобныхъ увлеченій? Развѣ боязнь потерять почетъ и власть, сопряженные съ званіемъ мирового судьи, не можетъ имѣть такого же вліянія на образъ дѣйствій судьи, какъ и боязнь лишиться жалованья въ полторы или двѣ тысячи рублей? Охрану и опору для независимости мировыхъ судей слѣдуетъ искать не въ имуществѣ, которымъ они владѣютъ, а въ личныхъ качествахъ, въ образованіи ихъ, въ составѣ избирательныхъ собраній, въ гласности, которою окружены мировые судьи и съѣзды, въ свободномъ разборѣ ихъ рѣшеній. Притомъ, каждый мировой судья избирается не однимъ только населеніемъ своего участка, а населеніемъ всего мирового округа; исходъ выборовъ зависитъ, поэтому, не отъ одного только добраго согласія между мировымъ судьею и важнѣйшими изъ лицъ ему подсудныхъ. Самый срокъ избранія, трехлѣтній, не такъ коротокъ, чтобы мировой судья долженъ былъ постоянно трепетать

---

[1]) Это не наше предположеніе, а указаніе предсѣдателя одного изъ мировыхъ съѣздовъ, безъ сомнѣнія основанное на опытѣ.

за свое мѣсто и думать только о сохраненіи его. Что касается до политической благонадежности, то мы не думаемъ, чтобы она была необходима для мирового судьи въ бóльшей мѣрѣ, чѣмъ для всякаго другого гражданина. Мировой судья не имѣетъ ни прямого отношенія къ политическимъ дѣламъ, ни повода примѣнять на практикѣ свои политическія убѣжденія. Но еслибы и можно было признать съ одной стороны, что мировой судья долженъ быть какъ-то особенно благонадеженъ, съ другой стороны — что такою квалифицированною благонадежностью отличаются *только* богатые землевладѣльцы и *всѣ* богатые землевладѣльцы, то имущественный цензъ, установленный нашимъ закономъ для мировыхъ судей, представлялся бы все-таки совершенно безцѣльнымъ; мы видѣли уже, что подъ этотъ цензъ подходятъ и люди небогатые, и даже люди лично невладѣющіе недвижимою собственностью.

Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что наиболѣе полезными мировыми судьями, при равенствѣ другихъ условій, бываютъ тѣ, которые ознакомились съ своими обязанностями на опытѣ, и что избраніе вновь мировыхъ судей, оправдавшихъ довѣріе своихъ избирателей, необходимо для возвышенія и укрѣпленія мирового института. По мѣрѣ того, какъ у насъ образуется судебная практика, выработываются судебные обычаи; по мѣрѣ того, какъ увеличивается масса кассаціонныхъ рѣшеній, которыя должны быть извѣстны каждому мировому судьѣ,—опытность, знаніе дѣла становятся качествами все болѣе и болѣе важными для мировыхъ судей. Между тѣмъ, въ существованіи избирательнаго ценза заключается одно изъ самыхъ серьезныхъ препятствій къ сохраненію званія мирового судьи за человѣкомъ, честно и съ пользой занимавшимъ его въ продолженіе одного или даже нѣсколькихъ трехлѣтій. Съ прекращеніемъ владѣнія или даже съ уменьшеніемъ его размѣровъ прекращается и право, на немъ основанное[1]). Правда, статья 34-я Учр. Суд. Устан. позволяетъ земскимъ собраніямъ избирать въ мировые судьи и такихъ лицъ, которыя не соотвѣтствуютъ требованіямъ закона, если они пріобрѣли общественное уваженіе своими заслугами и полезною дѣятельностью; но для избранія ихъ необходимо *единогласное* постановленіе всѣхъ присутствующихъ въ засѣданіи гласныхъ. Въ отношеніи къ лицу, въ первый разъ выступающему кандидатомъ на званіе мирового судьи, такое единогласіе избирателей еще возможно, конечно въ крайне рѣдкихъ случаяхъ; но въ отношеніи къ лицу, пробывшему мировымъ судьею,

[1]) Это еще недавно признано прав. сенатомъ (Спб. Вѣд., № 96).

въ особенности участковымъ, хоть одно трехлѣтіе, единогласное избраніе почти немыслимо. При ежедневныхъ соприкосновеніяхъ мирового судьи съ его избирателями, съ ихъ часто противоположными интересами, слишкомъ трудно предположить, чтобы они всѣ безъ исключенія остались расположены въ его пользу. Вотъ почему мы думаемъ, что правило ст. 34-й слѣдовало бы значительно расширить и разрѣшить, напримѣръ, избраніе мировыхъ судей на второе и слѣдующія трехлѣтія, если они въ моментъ избранія не имѣютъ имущественнаго ценза, большинствомъ двухъ третей голосовъ наличныхъ членовъ собранія. Такимъ же большинствомъ могли бы быть избираемы и въ первый разъ лица, вовсе невладѣющія недвижимою собственностью или владѣющія ею въ размѣрѣ низшемъ противъ законной нормы, если только они получили высшее образованіе. Наконецъ, мы не видимъ причины, по которой сфера имущественнаго ценза, пока онъ признается необходимымъ, не могла бы быть распространена на всѣ роды и виды собственности. Понятіе о такомъ цензѣ не чуждо судебнымъ уставамъ; въ списки присяжныхъ засѣдателей вносятся не одни только землевладѣльцы, но и всѣ лица, получающія ежегодно жалованье или доходъ съ своего капитала, занятія, ремесла или промысла въ размѣрѣ пятисотъ рублей (въ столицахъ) или двухсотъ рублей (въ прочихъ мѣстахъ).

Итакъ, организація, данная мировому институту судебными уставами 1864-го г., не можетъ быть названа безукоризненною; но польза, принесенная имъ, тѣмъ не менѣе громадна и несомнѣнна. Болѣе двухъ столѣтій сряду нашъ народъ не зналъ другого суда кромѣ канцелярскаго, закрытаго, далекаго и грознаго; въ мировыхъ учрежденіяхъ онъ нашелъ наконецъ судъ близкій, открытый, доступный, дешевый, вступающій въ живое общеніе съ народомъ, говорящій языкомъ ему понятнымъ. Давно утраченная привычка искать въ судѣ правосудія и защиты замѣнила тупую боязнь, съ которой относилась къ старымъ судамъ вся масса населенія. Забитый и темный людъ началъ сознавать свои права и вѣрить въ возможность охраненія ихъ путемъ закона. Всѣ эти свѣтлыя стороны пятилѣтней дѣятельности мирового института слишкомъ извѣстны, чтобы долго останавливаться на нихъ. Жалобы на мировыхъ судей, раздававшіяся сначала болѣе или менѣе громко изъ нѣкоторыхъ угловъ нашего общества, почти замолкли, какъ замолкли и слухи объ ограниченіи круга дѣйствій мировыхъ судей, объ учрежденіи рядомъ съ ними судовъ полицейскихъ. Мировой институтъ пользуется довѣріемъ правительства и общества, и заслуживаетъ, говоря вообще, этого довѣрія; но если о тѣневыхъ сторонахъ его мало слышно,

то это еще не значитъ, чтобы ихъ не было вовсе. Искать ихъ, конечно, слѣдуетъ не въ томъ, въ чемъ видѣли ихъ враги суда для всѣхъ равнаго и безпристрастнаго. Изъ какой среды избираются преимущественно мировые судьи? Какими соображеніями руководствуются избиратели, бываютъ ли выборы всего чаще дѣломъ случая, или дѣломъ интриги, или наконецъ обдуманнымъ выраженіемъ общественной воли? Правильно ли распредѣленіе мировыхъ округовъ на участки, чѣмъ обусловливается оно въ большинствѣ случаевъ — интересами населенія или интересами самихъ судей? Правильно ли выбраны мѣста для пребыванія участковыхъ судей? Всегда ли мировые судьи доступны для всѣхъ имѣющихъ въ нихъ надобность? Соблюдаютъ ли они въ точности формальности, установленныя закономъ для огражденія правъ тяжущихся и подсудимыхъ? Пользуются ли они, и въ какой мѣрѣ, предоставленнымъ имъ правомъ основывать свои рѣшенія на мѣстныхъ обычаяхъ? Какую роль играютъ письмоводители мировыхъ судей, секретари мировыхъ съѣздовъ? Какія отношенія существуютъ между мировыми съѣздами и состоящими при нихъ лицами прокурорскаго надзора? Вотъ вопросы, разрѣшеніе которыхъ было бы необходимо для правильной оцѣнки настоящаго положенія мирового института. Разрѣшеніе ихъ, въ свою очередь, требуетъ цѣлой массы статистическихъ данныхъ, наблюденій и изслѣдованій на мѣстѣ, которыя по всей вѣроятности не скоро еще будутъ кѣмъ-либо собраны и приведены въ систему. Исполненіе этого полезнаго труда превышаетъ силы одного человѣка. Желательно было бы, чтобы онъ былъ предпринятъ въ каждой губерніи или въ каждомъ судебномъ округѣ, и предпринятъ, если возможно, не по оффиціальному предписанію, а подъ вліяніемъ убѣжденія въ его важности, безъ всякой предвзятой мысли. Только такимъ путемъ можно будетъ узнать, какими силами располагаетъ Россія въ лицѣ своихъ мировыхъ судей, что̀ способствуетъ и что̀ мѣшаетъ правильному направленію этихъ силъ, въ какой степени возможно и необходимо усложнить ихъ задачу, расширить ихъ кругъ дѣйствій. Отрывочныя, неполныя свѣдѣнія, находящіяся у насъ подъ рукою, позволяютъ намъ сдѣлать лишь нѣсколько общихъ замѣчаній о настоящемъ и будущемъ мировыхъ учрежденій.

Мировой институтъ состоитъ въ тѣсной внутренней связи съ земскими учрежденіями, изъ среды которыхъ онъ исходитъ и отъ которыхъ во многихъ отношеніяхъ зависитъ. Избранниками *всего земства* не только по имени, но и на самомъ дѣлѣ, мировые судьи могутъ быть лишь тогда, когда въ земскомъ собраніи одно сословіе не преобладаетъ слишкомъ рѣшительно

надъ другими, когда въ немъ представлены болѣе или менѣе равномѣрно всѣ элементы населенія. Серьезный контроль земства надъ своими избранниками возможенъ только при серьезномъ отношеніи земства ко всѣмъ другимъ обязанностямъ своимъ. Дѣятельность, парализованная или стѣсненная въ одномъ направленіи, ослабѣваетъ и во всѣхъ другихъ отрасляхъ своихъ; ограниченіе правъ и свободы отражается и на такихъ сторонахъ общественной жизни, которыхъ оно, повидимому, вовсе не коснулось. Энергія учрежденія находится въ прямомъ отношеніи къ его самостоятельности. Мы знаемъ, между тѣмъ, что послѣдніе годы не были благопріятны для самостоятельности земскихъ учрежденій. Отсюда, въ большинствѣ случаевъ, упадокъ силъ, охлажденіе къ дѣлу, переходъ отъ преувеличенныхъ надеждъ къ преувеличенному разочарованію. Къ тому же результату ведетъ еще другая причина. Тамъ, гдѣ общественная жизнь пробудилась еще недавно, всякое новое дѣло проходитъ черезъ нѣсколько фазисовъ, слѣдующихъ одинъ за другимъ въ порядкѣ почти неизмѣнномъ. Сначала оно возбуждаетъ всеобщее сочувствіе и вниманіе, привлекаетъ къ себѣ лучшія силы страны, обѣщаетъ быстрые успѣхи; черезъ нѣсколько времени наступаетъ реакція, отчасти подъ вліяніемъ внѣшнихъ обстоятельствъ, отчасти вслѣдствіе непривычки общества къ постоянному, упорному, не тотчасъ вознаграждаемому труду; наконецъ реформа— если она соотвѣтствуетъ потребностямъ времени — усвоивается обществомъ, пріобрѣтаетъ въ немъ твердыя основы, перестаетъ зависѣть отъ случайныхъ вліяній. Припомнимъ, сколько разъ это явленіе повторялось на нашихъ глазахъ въ продолженіе послѣднихъ пятнадцати лѣтъ. Нѣтъ ни одного преобразованія, которое не прошло или не проходило бы черезъ періодъ недовѣрія со стороны правительства, равнодушія со стороны общества. Послѣднее почти всегда зависитъ отъ перваго: какъ только правительство начинаетъ ограничивать права, имъ самимъ данныя, общество начинаетъ сомнѣваться въ прочности этихъ правъ и неохотно вступаетъ на открытую ими дорогу, потому что не знаетъ, долго ли еще она останется открытой. Земскія учрежденія переживаютъ именно этотъ второй періодъ своей исторіи. Очевидно, что это не можетъ не отражаться и на мировомъ институтѣ. Пока земскія собранія живутъ неполною жизнью, пока они не соединяютъ въ себѣ лучшихъ представителей мѣстнаго общества, до тѣхъ поръ нельзя разсчитывать ни на безукоризненный составъ мировыхъ учрежденій, ни на правильное отношеніе избирателей къ избираемымъ. Равновѣсія сословій земскія собранія также не представляютъ; нарушенное самымъ за-

кономъ въ пользу болѣе крупнаго и личнаго землевладѣнія — т. е. въ большинствѣ губерній въ пользу дворянства, — оно пострадало еще сильнѣе отъ послѣдующихъ правительственныхъ мѣръ и отъ общаго хода событій. Избраніе мировыхъ судей всѣми сословіями остается до сихъ поръ идеаломъ, къ которому только въ немногихъ мѣстахъ приближается дѣйствительность. При такомъ положеніи дѣлъ трудно ожидать отъ мировыхъ судей полнаго безпристрастія, полнаго пониманія разнообразныхъ мѣстныхъ интересовъ.

Мировыя учрежденія введены, какъ мы уже видѣли, и въ такихъ губерніяхъ, въ которыхъ общія судебныя мѣста не подвергались еще коренной реформѣ. Такой порядокъ вещей сопряженъ съ серьезными неудобствами. Дѣятельность общихъ судебныхъ мѣстъ, организованныхъ на основаніи судебныхъ уставовъ 1864-го г., — въ особенности дѣятельность суда присяжныхъ, — служитъ образцемъ и руководствомъ для мировыхъ судей, облегчаетъ для нихъ правильное пониманіе и отправленіе ихъ обязанностей. Безъ этого руководства мировымъ учрежденіямъ, только что призваннымъ къ жизни, трудно выйти на настоящую дорогу, еще труднѣе удержаться на ней. Судебная реформа, осуществленная вполнѣ, измѣняетъ, мало-по-малу, общественные нравы, распространяетъ въ массѣ населенія болѣе вѣрный взглядъ на значеніе суда, на высокую роль его въ государствѣ. Мировыя учрежденія, предоставленныя самимъ себѣ, едва-ли могутъ произвести этотъ поворотъ въ общественномъ мнѣніи, — поворотъ, необходимый для установленія нормальныхъ отношеній между обществомъ и судебною властью.

Для правильной дѣятельности мировыхъ учрежденій недостаетъ, и долго еще будетъ недоставать, одного существеннаго условія — гласности, а слѣдовательно и наблюденія, анализа, критики. Въ деревняхъ, въ уѣздныхъ городкахъ разборъ дѣлъ мировыхъ судей происходитъ публично только по имени; немногіе посторонніе слушатели, иногда попадающіе въ засѣданіе, рѣдко въ состояніи понять и оцѣнить дѣйствія и рѣшенія суда. Другой, еще болѣе важный элементъ гласности — печатаніе судебныхъ отчетовъ и обсужденіе ихъ въ газетахъ и журналахъ — въ провинціяхъ почти не существуетъ. Мы увидимъ, что это отзывается даже на дѣятельности общихъ судебныхъ мѣстъ; но во всякомъ случаѣ, они ускользаютъ отъ вниманія общества не въ такой степени, какъ мировыя учрежденія. Почти въ каждомъ окружномъ судѣ возникаетъ отъ времени до времени интересный процессъ, волнующій всю мѣстную публику, привлекающій иногда столичныхъ обвинителей или защитниковъ, и наконецъ

попадающій въ печать; въ мировыхъ учрежденіяхъ обычная тишина не прерывается подобными эпизодами. Отсутствіе гласности и контроля облегчаетъ не только рутинное, равнодушное отношеніе къ дѣлу, но и болѣе существенныя уклоненія отъ судейскаго долга. Радикально измѣнить такое положеніе можетъ только распространеніе въ провинціяхъ умственныхъ интересовъ, умственной жизни; но въ ожиданіи этого, едва-ли близкаго будущаго, можно было бы принять хотя нѣкоторыя палліативныя мѣры, или лучше сказать—устранить нѣкоторыя искусственныя преграды, задерживающія развитіе провинцій. Пускай провинціальная печать получитъ хоть ту долю свободы, которою пользуются столичныя изданія; пускай мѣстныя власти привыкнутъ къ критикѣ хоть въ той мѣрѣ, въ какой привыкли къ ней высшія государственныя установленія; пускай земскія собранія опять получатъ право разсуждать безъ произвольныхъ стѣсненій со стороны предсѣдателя и печатать свои пренія безъ губернаторской цензуры; пускай, однимъ словомъ, явятся правильные способы выраженія общественнаго мнѣнія—оно неминуемо коснется и дѣятельности мировыхъ учрежденій.

Для того, чтобы мировой судъ удовлетворялъ своему назначенію, онъ долженъ быть прежде всего *общедоступенъ*. Первое условіе общедоступности—это *близость* суда къ населенію. Въ городахъ это условіе осуществимо безъ большого труда; но нельзя сказать того же самаго объ уѣздахъ, въ особенности въ губерніяхъ малонаселенныхъ и раскинутыхъ на огромномъ пространствѣ. Maximum мировыхъ судей въ уѣздѣ — четыре, пять человѣкъ; увеличить его нельзя, какъ потому, что земство безъ того уже до крайности обременено всякаго рода сборами, такъ и потому, что для бóльшаго числа участковъ не нашлось бы ни судей, ни достаточнаго количества дѣлъ. Между тѣмъ, разстояніе въ 50—100 верстъ, при нашихъ путяхъ сообщенія, до крайности затрудняетъ для бѣднаго класса народа, т.-е. для массы сельскаго населенія, доступъ къ мировымъ судьямъ. Понятно, что изъ-за какихъ-нибудь пяти рублей нѣтъ разсчета совершать дальній путь и терять нѣсколько рабочихъ дней, да еще пожалуй въ нѣсколько пріемовъ — сначала для предъявленія иска, потомъ для судоговоренія, наконецъ для исполненія рѣшенія. Намъ кажется, что неудобства, проистекающія изъ такого положенія дѣлъ, могутъ быть значительно уменьшены безъ всякаго измѣненія закона или увеличенія расходовъ, по иниціативѣ самихъ мировыхъ судей. Необходимо, во-первыхъ, чтобы мировой судья имѣлъ пребываніе не въ томъ пунктѣ участка, который всего удобнѣе для него, а въ томъ, который всего удоб-

нѣе для подсуднаго ему населенія. По закону (учр. суд. устан. ст. 41), мировой судья самъ избираетъ для себя постоянное мѣстопребываніе въ своемъ участкѣ, но дѣйствуетъ при этомъ *съ согласія мирового съѣзда:* Эти слова закона уполномочиваютъ и обязываютъ мировой съѣздъ повѣрять выборъ, сдѣланный мировымъ судьею, и утверждать его лишь тогда, когда онъ будетъ признанъ соотвѣтствующимъ интересамъ населенія [1]). Далѣе: законъ не стѣсняетъ дѣятельность мирового судьи опредѣленнымъ разъ навсегда мѣстомъ. На основаніи ст. 41-й учр. судебн. устан., мировой судья можетъ принимать просьбы вездѣ и во всякое время, а въ необходимыхъ случаяхъ и разбирать дѣла въ мѣстахъ, гдѣ они возникли. Въ этихъ словахъ закона, — теперь, за исключеніемъ рѣдкихъ случаевъ, остающихся мертвой буквой, — заключается зародышъ обычая, который можетъ современемъ сдѣлаться общимъ для всей имперіи и даже получить обязательную силу: мы говоримъ о періодическомъ объѣздѣ мировымъ судьею своего участка (конечно въ уѣздахъ, а не въ городахъ). Кромѣ постояннаго мѣста пребыванія судьи могло бы быть избрано нѣсколько пунктовъ, въ разныхъ концахъ участка, въ которые бы онъ пріѣзжалъ въ заранѣе назначенные сроки, для разбора на мѣстѣ всѣхъ дѣлъ, требующихъ его рѣшенія. Само собою разумѣется, что дѣла, нетерпящія отлагательства, поступали бы все-таки изъ всѣхъ концовъ участка въ постоянное мѣстопребываніе судьи; но такихъ дѣлъ не много, и большинство тяжущихся конечно предпочитало бы ждать приближенія судьи къ ихъ мѣсту жительства. Если окружной судъ выѣзжаетъ иногда въ составѣ цѣлаго отдѣленія, съ прокуроромъ, защитниками и судебнымъ приставомъ, въ городъ отдаленный на 150—200 верстъ отъ мѣста пребыванія суда, то тѣмъ возможнѣе представляются періодическіе выѣзды мирового судьи, сопровождаемаго однимъ только письмоводителемъ (да и это не необходимо), въ тѣсныхъ, сравнительно, границахъ мироваго участка. Конечно, мировымъ судьямъ придется пожертвовать при этомъ частью своего матеріальнаго комфорта; но такая жертва будетъ вознаграждена вполнѣ увеличеніемъ довѣрія и расположенія ко всему мировому

---

[1]) Жалобы на произвольный и стѣснительный для населенія выборъ мѣста пребыванія мировыхъ судей нѣсколько разъ уже появлялись въ нашихъ повременныхъ изданіяхъ. Намъ кажется, что если контроль мировыхъ съѣздовъ въ этомъ отношеніи окажется недостаточнымъ, то на постановленіе съѣзда, которымъ утверждено распоряженіе мирового судьи, слѣдовало бы предоставить право жаловаться той судебной палатѣ, въ округѣ которой состоитъ съѣздъ.

институту [1]). Въ уѣздахъ особенно обширныхъ мировые съѣзды также должны были бы открывать свои засѣданія въ разныхъ пунктахъ уѣзда.

Второе условіе общедоступности мирового суда—это отсутствіе всякихъ стѣснительныхъ формъ, которыя затрудняли бы тяжущихся или подсудимыхъ въ личной защитѣ своихъ правъ и интересовъ. Мировой судъ долженъ быть организованъ такъ, чтобы не было необходимости въ посредникахъ между нимъ и мѣстнымъ населеніемъ. Наши судебные уставы во многихъ отношеніяхъ удовлетворяютъ этому требованію. Въ производствѣ дѣлъ у мировыхъ судей устность рѣшительно преобладаетъ надъ письменностью, столь затруднительною для нашего малограмотнаго народа; самая исковая просьба можетъ быть заявлена на словахъ; никакихъ состязательныхъ бумагъ отъ тяжущихся не требуется, разбирательство происходитъ словесно и можетъ даже состоять исключительно изъ отвѣтовъ тяжущихся на вопросы судьи. Уполномочіе повѣренному на ходатайство въ мировыхъ учрежденіяхъ можетъ быть дано или на словахъ въ присутствіи судьи, или на письмѣ, хотя бы и не въ видѣ формальной довѣренности. Въ дѣлахъ гражданскихъ, апелляціонныя и кассаціонныя жалобы на рѣшенія мировыхъ учрежденій должны быть приносимы на письмѣ; но по уголовнымъ дѣламъ онѣ могутъ быть заявляемы и на словахъ. Намъ кажется, что тоже самое правило могло бы быть примѣнено и къ дѣламъ гражданскимъ. Требовать отъ крестьянина письменной жалобы, значитъ заставлять его обращаться къ дорого-стоющей и мало надежной помощи какого-нибудь сельскаго стряпчаго; да и эту помощь можно найти не во всякой деревнѣ, такъ что положеніе безграмотнаго тяжущагося, недовольнаго рѣшеніемъ судьи, можетъ быть иногда совершенно безвыходное. Правда, законъ требуетъ сообщенія копіи съ апелляціи противной сторонѣ; но вѣдь эту копію могла бы вполнѣ замѣнить копія съ протокола мирового судьи, составленнаго по словесно-принесенной жалобѣ. По ясности и толковости изложенія протоколъ судьи конечно всегда будетъ стоять выше огромнаго большинства письменныхъ жалобъ деревенскаго произведенія. Въ дѣлахъ уголовныхъ совершенно излишнею и даже вредною формальностью представляется изъявленіе неудовольствія противъ приговора въ продолженіи сутокъ отъ его объявленія. Человѣкъ мало знакомый съ фор-

---

[1]) Учрежденіе періодическихъ выѣздовъ мирового судьи было предлагаемо еще въ 1868-мъ г. предсѣдателемъ одного изъ мировыхъ съѣздовъ.

мами судопроизводства легко можетъ упустить изъ виду значеніе этого срока, разсчитывая на то, что для самаго принесенія жалобы существуетъ срокъ двухнедѣльный—и такія недоразумѣнія дѣйствительно встрѣчаются на практикѣ. Наконецъ, едва ли можно признать цѣлесообразнымъ принесеніе кассаціонныхъ жалобъ на рѣшенія мировыхъ судей. Многія ли изъ числа лицъ, имѣющихъ дѣла въ уѣздныхъ мировыхъ учрежденіяхъ, умѣютъ понять и примѣнить къ данному случаю различіе между кассаціонными и апелляціонными жалобами? Право просить объ отмѣнѣ окончательныхъ рѣшеній, постановленныхъ мировыми судьями, слишкомъ легко можетъ обратиться въ источникъ эксплуатаціи тяжущихся и подсудимыхъ самозванными законниками, проникшими въ тайны кассаціи лишь настолько, насколько это выгодно для ихъ кармана. Указанные нами недостатки не имѣютъ, впрочемъ, особенно-серьезнаго значенія; постановленія судебныхъ уставовъ, правильно и точно примѣняемыя на практикѣ, обезпечиваютъ, въ главныхъ чертахъ, общедоступность мирового суда. Къ сожалѣнію, нельзя сказать, чтобы примѣненіе ихъ всегда и вездѣ соотвѣтствовало этой цѣли. Извѣстно, напримѣръ, что нѣкоторые мировые судьи отказывались принимать словесныя просьбы, находя вѣроятно слишкомъ для себя обременительнымъ записываніе ихъ въ книгу. Такой образъ дѣйствій былъ возводимъ въ систему даже въ мѣстностяхъ весьма недалекихъ отъ С.-Петербурга; кто можетъ поручиться за то, что въ отдаленныхъ углахъ Россіи не допускаются и болѣе существенныя отступленія отъ основныхъ началъ мирового судопроизводства?

Третье условіе общедоступности мирового суда — дешевизна производства—соблюдено судебными уставами вполнѣ, по крайней мѣрѣ въ томъ отношеніи, что тяжущіеся освобождены отъ употребленія гербовой бумаги, отъ взноса судебныхъ пошлинъ, отъ платы за доставленіе повѣстокъ; но пока мировой судъ не будетъ вполнѣ близокъ къ тяжущимся, до тѣхъ поръ обращеніе къ нему, какъ мы уже видѣли, всегда будетъ сопряжено съ издержками, часто превышающими цѣнность иска. И здѣсь, слѣдовательно, довершеніе дѣла, начатаго законодателемъ, зависитъ отъ самихъ мировыхъ учрежденій.

Въ основаніи новыхъ судебныхъ уставовъ лежитъ предположеніе, что тяжущіеся (или ихъ повѣренные) находятся на лицо въ судѣ при разборѣ ихъ дѣла; поэтому судъ первой инстанціи не приступаетъ къ рѣшенію дѣла въ отсутствіи обоихъ тяжущихся. Говоря отвлеченно, мы признаемъ это правило вполнѣ

справедливымъ; но въ примѣненіи къ мировымъ учрежденіямъ, оно представляетъ важныя неудобства, дѣлая de facto почти невозможнымъ веденіе значительнаго числа малоцѣнныхъ исковъ. Положимъ, что истецъ, имѣющій требованіе въ 50—100 рублей, живетъ за нѣсколько сотъ верстъ отъ отвѣтчика и не имѣетъ знакомыхъ въ мѣстѣ пребыванія послѣдняго. Онъ посылаетъ мировому судьѣ по почтѣ письменное исковое прошеніе, съ приложеніемъ всѣхъ документовъ, доказывающихъ его право, но не ѣдетъ самъ и не посылаетъ повѣреннаго, потому что и то, и другое требовало бы расходовъ, несоотвѣтствующихъ цѣнности дѣла. Мировой судья вызываетъ отвѣтчика; отвѣтчикъ не является вовсе, или явясь проситъ о прекращеніи дѣла за неявкою истца; мировой судья какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ прекращаетъ дѣло (уст. гражд. судопр. ст. 145). Не есть ли это отказъ въ правосудіи, облеченный въ законную форму? Подробное разсмотрѣніе мѣръ, которыя могли бы быть приняты для устраненія этой аномаліи, не входитъ въ планъ нашей статьи; замѣтимъ только, что разсмотрѣніе и рѣшеніе дѣла по просьбѣ истца, несмотря на его отсутствіе, могло бы быть допущено безъ явнаго нарушенія коренныхъ началъ новаго судопроизводства, такъ какъ оно возможно и теперь, если о томъ проситъ отвѣтчикъ. Исходя изъ той же точки зрѣнія, мы не можемъ признать правильнымъ постановленіе ст. 172-й уст. гражд. судопр., по которой неявка обѣихъ сторонъ въ засѣданіе съѣзда влечетъ за собою отсрочку дѣла до слѣдующаго съѣзда. Если законъ не требуетъ личной явки сторонъ въ судебную палату, то еще менѣе основанія требовать явки ихъ въ мировой съѣздъ. Дѣла, подсудныя мировымъ учрежденіямъ, рѣдко бываютъ настолько цѣнны, чтобы тяжущіеся могли тратиться изъ-за нихъ на поѣздку въ уѣздный городъ или на наемъ повѣреннаго.

Если учрежденіе участковыхъ мировыхъ судей должно быть признано, въ общихъ чертахъ, хорошо удавшимся, то нельзя сказать того же самаго о почетныхъ мировыхъ судьяхъ. Конечно, многіе изъ нихъ приносятъ большую пользу своимъ товарищамъ и мѣстному населенію, предсѣдательствуютъ на мировыхъ съѣздахъ, исправляютъ обязанности непремѣннаго члена съѣзда, исполняютъ охотно всякое порученіе, на нихъ возлагаемое. Но мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что большинство почетныхъ мировыхъ судей не разбираютъ никакихъ дѣлъ, не являются въ засѣданія мировыхъ съѣздовъ, отказываются отъ участія въ засѣданіяхъ окружнаго суда, когда послѣдній при-

глашаетъ ихъ къ тому на основаніи закона. Въ концѣ 1867-го г. состоялось высочайше утвержденное мнѣніе государственнаго совѣта, на основаніи котораго почетные мировые судьи, назначенные въ очередь для исправленія должности участковыхъ мировыхъ судей, не въ правѣ ни отлучаться съ мѣста жительства безъ разрѣшенія мирового съѣзда, ни инымъ образомъ уклоняться отъ исполненія принятыхъ ими на себя обязанностей по мировому разбирательству въ указанныхъ закономъ случаяхъ. Это постановленіе, очевидно вызванное жалобами на бездѣйствіе почетныхъ мировыхъ судей, едва ли достигло своей цѣли. Въ 1868-мъ г. предсѣдатели нѣсколькихъ мировыхъ съѣздовъ заявляютъ о полномъ равнодушіи большинства почетныхъ мировыхъ судей къ обязанностямъ, на нихъ лежащимъ. Въ С.-Петербургской губерніи есть уѣзды, въ которыхъ почетные мировые судьи систематически отказываются отъ участія въ засѣданіяхъ временныхъ отдѣленій окружнаго суда. Не дальше, какъ весной прошедшаго года, это послужило для окружнаго суда препятствіемъ къ открытію сессіи присяжныхъ засѣдателей въ Шлиссельбургѣ [1]). Въ чемъ же искать разгадку такого положенія дѣлъ? Прежде всего, конечно, во взглядахъ избирателей и избираемыхъ на званіе почетнаго мирового судьи. Ни тѣ, ни другіе, въ большинствѣ случаевъ, не относятся къ нему серьезно. Избиратели, не придавая ему почти никакого значенія, предоставляютъ его или всякому кандидату безразлично, или преимущественно лицамъ знатнымъ, занимающимъ высокое служебное положеніе или принадлежащимъ къ числу самыхъ крупныхъ землевладѣльцевъ уѣзда. Избираемые слишкомъ часто принимаютъ на себя званіе почетнаго мирового судьи какъ отличіе, дешево стоющее и ни къ чему не обязывающее. Однихъ привлекаетъ къ нему право носить цѣпь и фигурировать въ ней въ засѣданіяхъ съѣзда, другихъ — право считаться въ пятомъ классѣ и надѣть соотвѣтствующій мундиръ. Отсюда избраніе лицъ, вовсе неживущихъ въ уѣздѣ, постоянно занятыхъ государственною службой,

---

[1]) За то въ другихъ мѣстахъ, напримѣръ, въ Кронштадтѣ, почетные мировые судьи относятся къ окружному суду съ величайшимъ сочувствіемъ и всегда готовы облегчить ему отправленіе его обязанностей. Тоже самое слѣдуетъ сказать и о почетныхъ судьяхъ города С.-Петербурга, большинство которыхъ принимаетъ болѣе или менѣе дѣятельное участіе въ занятіяхъ столичнаго мирового съѣзда. Объясняется это преимущественно тѣмъ, что петербургскіе избиратели, сознавая всю важность мирового института, стараются выбирать въ почетные мировые судьи лицъ способныхъ быть полезными и дающихъ мировымъ учрежденіямъ не одно только свое имя.

или, наконецъ, уклоняющихся отъ всякой общественной дѣятельности. Для того, чтобы въ основаніе выборовъ были положены и здѣсь другія, болѣе разумныя начала, необходимо прежде всего поднять значеніе и духъ земскихъ собраній, то-есть возвратить имъ утраченную самостоятельность. Другая причина, ограничивающая дѣятельность почетныхъ мировыхъ судей зависитъ не отъ нихъ самихъ и коренится въ прошедшемъ и настоящемъ устройствѣ нашего общества. Сословіе личныхъ землевладѣльцевъ еще недавно было сословіемъ помѣщиковъ, то-есть активныхъ представителей крѣпостного права. Разрушенная обязательная связь пе могла быть тотчасъ же замѣнена внутреннею, добровольною связью; господская власть съ одной стороны, вынужденная покорность съ другой — плохое приготовленіе къ взаимному довѣрію. Между личными землевладѣльцами и массой населенія не существуетъ и не можетъ существовать въ настоящее время такихъ отношеній, которыя благопріятствовали бы свободному обращенію послѣдней къ судебной власти первыхъ. Къ участковому мировому судьѣ населеніе обращается сначала по необходимости, потомъ и добровольно, если онъ съумѣетъ пріобрѣсти общее довѣріе; но почетный мировой судья остается, въ большинствѣ случаевъ, лицомъ чуждымъ для окрестныхъ жителей, развѣ если онъ успѣлъ заслужить ихъ расположеніе своею прежнею дѣятельностью. Прибавимъ къ этому, что у насъ вообще мало распространена готовность безвозмездно жертвовать обществу своимъ трудомъ и временемъ — и мы поймемъ, почему учрежденіе почетныхъ мировыхъ судей такъ туго и медленно прививается къ русской почвѣ. Тѣмъ не менѣе, нѣкоторую долю пользы оно, повторяемъ, несомнѣнно приноситъ, и было бы еще полезнѣе, еслибы выборъ земства падалъ преимущественно на лицъ, получившихъ юридическое или по крайней мѣрѣ общее высшее образованіе. Присутствіе такихъ лицъ, хотя бы изрѣдка, въ засѣданіяхъ мировыхъ съѣздовъ могло бы сдѣлаться однимъ изъ главныхъ средствъ къ распространенію въ средѣ мировыхъ судей здравыхъ юридическихъ взглядовъ, недостатокъ которыхъ слишкомъ часто замѣтенъ въ рѣшеніяхъ мировыхъ учрежденій.

Мировыя учрежденія составляютъ замкнутую сферу судебнаго міра; второю инстанціей для дѣлъ, имъ подсудныхъ, служатъ не общія судебныя мѣста, а мировые съѣзды, составленные изъ самихъ мировыхъ судей. Такой порядокъ вещей имѣетъ очевидныя достоинства; онъ устраняетъ двойственность воззрѣній, неизбѣжную при разсмотрѣніи дѣла двумя *разнородными*

(по своему составу) судебными инстанціями, расширяетъ кругъ дѣйствій судебныхъ представителей земства, установляетъ между ними — тѣсную связь, надъ ними — контроль наиболѣе дѣйствительный и близкій. Притомъ, подчиненіе мировыхъ судей общимъ судебнымъ мѣстамъ повлекло бы за собою или необходимость увеличить число окружныхъ судовъ, или отнятіе у тяжущихся по малоцѣннымъ процессамъ всѣхъ выгодъ близости и доступности суда. Важность задачи, исполненіе которой возложено на мировые съѣзды, заставляетъ желать, чтобы въ его средѣ были хоть сколько-нибудь распространены спеціальныя юридическія свѣдѣнія. Съ перваго взгляда можетъ показаться, что возможный недостатокъ этихъ свѣдѣній у самихъ судей восполняется, до извѣстной степени, присутствіемъ на съѣздѣ лица прокурорскаго надзора; но нетрудно убѣдиться въ противномъ. Прокуроръ даетъ заключенія не по всѣмъ дѣламъ, разсматриваемымъ на съѣздѣ, и что еще важнѣе — онъ не участвуетъ и не долженъ участвовать въ совѣщаніи судей. Произнося свою рѣчь въ публичномъ засѣданіи съѣзда, онъ не можетъ предвидѣть всѣхъ сомнѣній, возникающихъ въ умѣ судей, всѣхъ ошибокъ, которыя они готовы сдѣлать, не можетъ разъяснить имъ всего того, что для нихъ непонятно, сообщить все то, что имъ неизвѣстно. Это можетъ быть сдѣлано только въ совѣщательной комнатѣ, однимъ изъ членовъ съѣзда. Съ другой стороны, вліяніе прокурора, неуравновѣшенное ни правильною защитой, крайне рѣдко встрѣчающеюся на мировыхъ съѣздахъ, ни опытностью предсѣдателя или одного изъ судей, легко можетъ имѣть послѣдствія положительно вредныя. Конечно, на мировомъ съѣздѣ прокуроръ является не стороною, не обвинителемъ, а блюстителемъ закона и справедливости, имѣющимъ полное право и даже обязаннымъ вступиться за обвиняемаго, когда есть къ тому достаточная причина; но совмѣщеніе въ одномъ лицѣ совершенно разнородныхъ функцій рѣдко ведетъ къ желанной цѣли. Одна изъ нихъ, болѣе привычная, почти всегда беретъ верхъ надъ другою; обвинителю по призванію трудно обратиться въ безпристрастнаго цѣнителя фактическихъ данныхъ. Вотъ почему мы думаемъ, что всѣ усилія избирателей должны быть направлены къ избранію въ каждомъ мировомъ округѣ по крайней мѣрѣ одного лица, получившаго юридическое образованіе, — если не въ участковые, то въ почетные мировые судьи.

Дѣятельность мировыхъ учрежденій, изъ кого бы они ни были составлены, какими бы процессуальными правилами они ни руководствовались, можетъ сдѣлаться вполнѣ успѣшной только

подъ условіемъ пересмотра нашихъ гражданскихъ законовъ. Отсутствіе системы, неполнота, неясность, казуистическій характеръ постановленій, состоявшихся въ разное время, вызванныхъ большею частью случайными причинами — всѣ эти недостатки 1-й части X-го тома Свода законовъ отражаются одинаково неблагопріятно на всѣхъ гражданскихъ процессахъ; но мировымъ учрежденіямъ, имѣющимъ дѣло преимущественно съ сельскимъ населеніемъ страны, приходится чувствовать, сверхъ того, непримѣнимость закона къ быту этого класса народа, во многомъ сложившемуся совершенно своеобразно. Не входя въ подробное разсмотрѣніе этого вопроса, мы напомнимъ читателямъ о статьяхъ бар. Н. А. Корфа [1], въ которыхъ приведены довольно яркіе примѣры разлада между условіями провинціальной жизни и постановленіями закона. Практика мировыхъ учрежденій представляетъ уже теперь множество драгоцѣнныхъ указаній на тѣ пункты нашихъ гражданскихъ законовъ, — а также и устава о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями, — которые настоятельно требуютъ перемѣны. Законодательная власть конечно не оставитъ безъ вниманія этихъ указаній; лучшимъ ручательствомъ тому служитъ приглашеніе с.-петербургскаго столичнаго мирового съѣзда къ участію въ составленіи новыхъ правилъ о наймѣ рабочихъ.

К. Арсеньевъ.

---

[1] «Мировой судъ въ провинціи», Вѣстникъ Европы 1869 г. № 10, и 1870 г. № 1.

ДЕСЯТЬ ЛѢТЪ РЕФОРМЪ

1860—1870 гг.

Статья четвертая *).

I.

Система „единства кассы" есть прямое, логическое послѣдствіе единства бюджета, установленнаго у насъ смѣтными правилами. Если всѣ государственныя средства и потребности должны входить въ общую роспись доходовъ и расходовъ, если министерство финансовъ обязывается заботиться объ удовлетвореніи всѣхъ потребностей государства, утвержденныхъ подлежащей властью, то необходимо, чтобъ всѣ поступленія немедленно сосредоточивались въ его распоряженіи точно такъ, какъ и производство платежей. Это необходимо для того, во-первыхъ, чтобъ министерство финансовъ могло своевременно озаботиться заготовленіемъ нужныхъ средствъ въ каждой мѣстности, безъ излишняго передвиженія фондовъ, покрывая текущіе расходы текущими доходами и, во-вторыхъ, для того, чтобъ производить отпускъ суммъ въ мѣрѣ дѣйствительной надобности, а не въ полной цифрѣ ассигнованія (такъ какъ въ этомъ можетъ быть разница) и имѣть возможность располагать тѣми сбереженіями, которыя могутъ образоваться.

Для достиженія этой цѣли, какъ мы сказали въ предыдущей статьѣ, составлены были правила о поступленіи государственныхъ доходовъ и производствѣ государственныхъ расходовъ, которыя и введены въ дѣйствіе повсемѣстно съ 1866-го года. На основаніи этихъ правилъ всѣ государственные доходы должны или прямо поступать въ казначейства, т.-е. въ кассы министерства финансовъ, или переда-

---

*) См. выше: февр. 778; мар. 332; апр. 771 стр.

ваться въ нихъ немедленно и притомъ въ полной цифрѣ поступленія, если они поступаютъ въ кассы распорядительныхъ управленій. Сверхъ того на кассы же министерства финансовъ возлагается обязанность удовлетворять всѣ расходы распорядительныхъ управленій въ размѣрѣ, опредѣленномъ смѣтами, отпуская суммы не самимъ управленіямъ, какъ прежде, но по ихъ ассигновкамъ въ руки прямыхъ кредиторовъ казны. Партикулярныя суммы, поступавшія прежде въ управленія, по новому порядку должны храниться также въ казначействахъ и расходоваться тоже по ассигновкамъ.

Система эта представляла громадную выгоду для государственнаго казначейства. Если принять въ соображеніе только одно уменьшеніе мѣстъ храненія казенныхъ суммъ и вслѣдствіе того уменьшеніе шансовъ пропажи и растраты ихъ, которыя случались къ несчастію не рѣдко, то уже одно это обстоятельство составляетъ важное преимущество передъ прежней системой. Но главная выгода ея заключается въ томъ, что министерство финансовъ можетъ покрывать текущіе расходы текущими доходами, не нуждаясь въ запасныхъ средствахъ для отпуска распорядительнымъ управленіямъ впередъ на извѣстный срокъ и имѣетъ въ своемъ распоряженіи остатки ассигнованныхъ суммъ на расходы. Въ самомъ дѣлѣ, въ прежнее время министерство финансовъ обязано было снабдить каждое управленіе денежными средствами при началѣ года, по крайней мѣрѣ на два мѣсяца впередъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и болѣе, иногда же отпускалась и вся сумма, ассигнованная на извѣстные операціонные расходы, между тѣмъ какъ теперь министерство озабочивается лишь приготовленіемъ средствъ въ моментъ платежа. Прежде, имѣя въ виду только немногія мѣстности, гдѣ должны производиться расходы, оно должно было сосредоточивать громадныя денежныя средства въ центральныхъ кассахъ и отпускать суммы центральнымъ управленіямъ, которыя въ свою очередь разсылали эти суммы мѣстамъ и лицамъ имъ подвѣдомственнымъ. При новомъ же порядкѣ пересылка казенныхъ суммъ замѣнена переводомъ кредитовъ съ одной кассы на другую. Какъ велики эти запасныя средства, которыя должно было имѣть министерство финансовъ, опредѣлить невозможно по недостатку свѣдѣній, но minimum этой цифры долженъ равняться $^1/_6$ части всѣхъ годичныхъ расходовъ, такъ какъ каждое вѣдомство получало деньги на свои расходы впередъ не менѣе какъ на два мѣсяца. Мы можемъ пожалѣть при этомъ, что ни министерство финансовъ, ни государственный контроль не опубликовали результатовъ новой системы. Для этого необходима была сравнительная вѣдомость общихъ итоговъ по губерніямъ остатка, поступленія, расхода на покрытіе мѣстныхъ издержекъ и суммъ высланныхъ въ другія губерніи за 1865-й и 1866-й годы. Изъ этихъ цифръ можно было вывести, насколько въ 1866-мъ году высылки суммъ

въ центральныя кассы превзошли таковую же въ 1865-мъ году. Этой цифрой могли бы опредѣлиться отчасти тѣ рессурсы государственнаго казначейства, которые сдѣлались свободными, вслѣдствіе введенія системы единства кассы.

Какъ бы ни были выгодны результаты системы единства кассы для государственнаго казначейства, но мы не можемъ пройти молчаніемъ того вліянія, которое имѣла эта система на денежный рынокъ. Значительная часть кредитныхъ билетовъ, хранившаяся до сихъ поръ въ кассахъ распорядительныхъ управленій, сосредоточилась въ теченіи 1866-го года въ центральныхъ кассахъ и, наконецъ, при посредствѣ государственнаго банка, вышла въ обращеніе, что, по нашему мнѣнію, хотя увеличило средства государственнаго казначейства, но, въ окончательномъ результатѣ, было равносильно новому выпуску кредитныхъ билетовъ. Количество денежныхъ знаковъ на рынкѣ увеличилось и не могло не повести за собой тѣхъ же вредныхъ послѣдствій, о которыхъ мы говорили въ первой нашей статьѣ. Затѣмъ, въ 1868-мъ году послѣдовало распоряженіе о передачѣ въ государственный банкъ всѣхъ излишнихъ партикулярныхъ суммъ, хранившихся въ казначействахъ. Эта мѣра также увеличила количество денежныхъ знаковъ въ обращеніи. Въ связи съ продолжавшимся въ то время выпускомъ билетовъ государственнаго казначейства, эти мѣры способствовали пониженію цѣнности кредитнаго рубля, несмотря на развитіе промышленности и на большую потребность денежныхъ знаковъ. На этомъ основаніи цѣны на предметы потребленія и на недвижимую собственность продолжали возвышаться.

Несмотря однакожъ на это, мы убѣждены, что введеніе системы единства кассы было совершенно необходимо, на томъ основаніи, что при развитіи кредитныхъ сдѣлокъ она установляется сама собою даже между частными лицами. Они вносятъ свои капиталы на текущіе счеты въ банкъ и при платежахъ выдаютъ чеки на банкъ, который переписываетъ суммы съ одного счета на другой. Это одинъ изъ видовъ системы единства кассы. Но, мы думаемъ, что министерство финансовъ могло предотвратить вредныя послѣдствія перехода къ этой системѣ. Для этого необходимо было точно опредѣлить цифру образовавшихся свободныхъ рессурсовъ и на эту сумму уменьшить число кредитныхъ билетовъ, находившихся въ обращеніи; но объ этомъ, кажется, никто не думалъ и до сихъ поръ, а теперь уже поздно.

Мы не будемъ утомлять вниманіе читателя изложеніемъ всѣхъ подробностей системы единства кассы, такъ какъ основныя ея положенія знакомы большинству общества изъ практики. Но для характеристики нашихъ реформъ и ихъ порядка производства, мы не можемъ обойти вопроса: насколько послѣдовательно проведена эта си-

стема на практикѣ и насколько оправдываются необходимостью тѣ отступленія отъ основной мысли, которыя были допущены?

Для того, чтобъ отвѣчать на эти вопросы, мы разсмотримъ, какія сдѣланы исключенія изъ строгой системы сперва по доходамъ и расходамъ.

II.

Строгая система единства бюджета и кассы всегда требуетъ, чтобы не только всѣ доходы поступали прямо въ кассы министерства финансовъ, но и самые источники ихъ находились въ его завѣдываніи. При разсмотрѣніи смѣтныхъ правилъ мы видѣли, что изъ этого общаго правила допущено исключеніе и что нѣкоторые изъ доходовъ оставлены были въ вѣдѣніи отдѣльныхъ управленій. Тоже мы видимъ и здѣсь. Не только завѣдываніе извѣстными доходами оставлено въ распоряженіи отдѣльныхъ министерствъ, но и самое поступленіе дохода идетъ въ кассы различныхъ управленій, извѣстныхъ подъ именемъ кассъ спеціальныхъ сборщиковъ. На основаніи ст. 8-й кассовыхъ правилъ у насъ существуютъ слѣдующія кассы спеціальныхъ сборщиковъ: 1) горныя, 2) монетныя, 3) пробирныя, 4) соляныя, 5) таможенныя, 6) почтовыя, 7) лѣсныя, 8) желѣзныхъ дорогъ, 9) водяныхъ сообщеній, 10) шоссейныхъ дорогъ, 11) телеграфныя, 12) сельско-хозяйственныхъ заведеній, и наконецъ 13) типографій, 14) министерства юстиціи, т.-е. всѣ судебныя учрежденія, неисключая даже мировыхъ судей. Такимъ образомъ оказывается, что въ губерніи бываетъ иногда болѣе 100 кассъ спеціальныхъ сборщиковъ, которые всѣ вмѣстѣ получаютъ едва $^1/_{10}$ часть всѣхъ доходовъ поступающихъ въ губерніи. Если принять въ соображеніе, что всѣ эти кассы обязаны вести бухгалтерскіе счеты по различнымъ статьямъ тѣхъ доходовъ, которые къ нимъ поступаютъ и представлять государственному-контролю ежемѣсячную документальную отчетность въ оправданіе правильности поступленій, и притомъ на суммы часто весьма ничтожныя, не превышающія иногда нѣсколько десятковъ рублей въ годъ, то невольно приходитъ въ голову вопросъ: оправдывается ли необходимостью эта сложная процедура, затрудняющая государственный контроль до невѣроятности?

Мы не беремся судить, насколько необходимо допустить кассы спеціальныхъ сборщиковъ для горныхъ доходовъ, по незнакомству съ этимъ дѣломъ; думаемъ также, что такія кассы необходимы при желѣзныхъ и шоссейныхъ дорогахъ, при телеграфныхъ станціяхъ, а также у мировыхъ судей, камеры коихъ состоятъ внѣ городовъ, но не можемъ не признать ихъ излишними почти во всѣхъ остальныхъ случаяхъ. Зачѣмъ, напр., кассы соляныя? Развѣ управленіе не можетъ отпускать соль по квитанціямъ казначейства во взносѣ денегъ, какъ то и дѣ-

лается при главныхъ соляныхъ источникахъ? Что же касается мелочной продажи, то завѣдывающій ею получаетъ ничтожное количество соли и можетъ также отсчитываться передъ солянымъ приставомъ квитанціей казначейства и до представленія оной не получаетъ новаго количества изъ магазина. Таможенные доходы также могли бы поступать прямо въ казначейство, такъ какъ они вносятся довольно значительными суммами и таможни почти всегда находятся въ мѣстностяхъ, гдѣ есть казначейства. Гдѣ же ихъ нѣтъ, тамъ можно было допустить исключеніе, что потребовалось бы въ рѣдкихъ случаяхъ. Наибольшая часть почтовыхъ сборовъ могла бы также поступать прямо въ казначейства. Система марокъ можетъ быть примѣнена не къ однимъ простымъ письмамъ, но также къ страховымъ и денежнымъ, и для этого слѣдовало только заготовлять не одни копѣечныя марки, но и рублевыя отъ 1 до 10 руб. Продажа всѣхъ марокъ можетъ быть открыта въ казначействахъ и въ извѣстныхъ размѣрахъ въ почтовыхъ конторахъ, за которыми остался бы только сборъ съ посылокъ. Если скажутъ, что высокая цѣна марокъ могла бы повести нижнихъ почтовыхъ служителей къ снятію марокъ съ конвертовъ, то для предупрежденія этого можно употреблять тонкую бумагу и тогда подобное злоупотребленіе будетъ невозможно. Мы также не понимаемъ, на какомъ основаніи допущены кассы спеціальныхъ сборщиковъ при судоходныхъ дистанціяхъ. Лицамъ грузящимъ товары, по повѣркѣ грузовъ, всегда возможно внести деньги въ казначейство, и это вовсе не такъ затруднительно, чтобъ въ виду подобныхъ обстоятельствъ нарушать систему и затруднять въ высшей степени повѣрку отчетности. Но всего непонятнѣе это учрежденіе кассъ при всѣхъ судебныхъ мѣстахъ. Мы вполнѣ понимаемъ, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ должны быть допущены исключенія, когда, напр., въ судебное мѣсто поступаютъ платежи ежедневно и въ значительныхъ размѣрахъ или при камерахъ мировыхъ судей въ уѣздахъ, но рѣшительно не можемъ объяснить, почему каждое судебное мѣсто есть вмѣстѣ и касса. При первоначальномъ введеніи единства кассы этого не было допущено, и еслибъ порядокъ этотъ продержался, то къ нему бы скоро привыкли, а нѣкоторыя практическія неудобства могли быть легко устранены. Еслибъ затрудненія, встрѣчаемыя при повѣркѣ этой массы вѣдомостей различныхъ кассъ, были приняты въ соображеніе, то конечно неудобства, возникающія для отдѣльныхъ управленій при поступленіи суммъ въ казначейства, показались бы не настолько значительными, чтобъ требовать нарушенія общей системы. Такое отступленіе отъ кореннаго начала допущено со стороны государственнаго контроля конечно не въ собственномъ интересѣ, а лишь въ видѣ уступки. Другое исключеніе изъ общаго правила, это—разрѣшеніе принимать суммы распорядительнымъ управленіямъ на основаніи 65-й ст. кассовыхъ правилъ въ

нѣкоторыхъ случаяхъ. Трудно отвергать необходимость этого разрѣшенія въ нѣкоторыхъ случаяхъ, но на практикѣ оно примѣняется слишкомъ широко, и управленія, опираясь на него, принимаютъ очень часто суммы безъ всякой необходимости; вслѣдствіе этого, при составленіи новаго устава редакція этой статьи должна быть значительно измѣнена и случаи, въ которыхъ это допускается, должны быть опредѣлены болѣе точнымъ образомъ.

Говоря о поступленіи государственныхъ доходовъ, мы должны сдѣлать еще одно замѣчаніе. Во всѣхъ кассахъ министерства финансовъ на основаніи существующихъ правилъ установлено вести бухгалтерскіе счеты по доходамъ. Каждое уѣздное казначейство поступающія суммы разноситъ по родамъ и видамъ ихъ поступленій, согласно утвержденныхъ смѣтъ всѣхъ министерствъ. Намъ кажется, что это трудъ совершенно излишній. Центральному управленію эти цифры неизвѣстны, такъ какъ ему представляются общія цифры по губерніи. На этомъ основаніи, намъ кажется, что уѣздныя кассы должны вести только общій счетъ государственныхъ доходовъ для учета кассоваго, и затѣмъ только разсчетныя книги съ каждымъ плательщикомъ. Что-же касается бухгалтеріи, то она можетъ быть ведена лишь въ центральномъ казначействѣ губерніи, куда для этой цѣли должны представляться документы, при которыхъ вносятся деньги, точно также какъ это установлено по расходамъ.

III.

Что касается расходовъ, то отступленія отъ главной мысли здѣсь допущены еще въ большей мѣрѣ. Для исполненія государственной росписи по расходамъ принятъ слѣдующій порядокъ: всѣ кредиты, разрѣшенные росписью, разассигновываются министерствами по губерніямъ согласно потребностямъ каждой мѣстности. При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что не всѣ кассы министерства финансовъ считаются расходными кассами, а только одна въ каждой губерніи, именно губернское казначейство, въ которомъ и открываются кредиты всѣхъ управленій. Губернскія казначейства отпускаютъ суммы по ассигновкамъ управленій въ руки тѣхъ лицъ, которымъ онѣ слѣдуютъ. Уѣздныя казначейства, хотя также уплачиваютъ ассигновки управленій, но не иначе какъ за счетъ губернскихъ казначействъ по ихъ уполномочію, которое дѣлается или на періодическія уплаты въ теченіи года согласно требованіямъ уѣздныхъ управленій, или каждый разъ отдѣльно. Оплаченныя, такимъ образомъ, уѣздными казначействами ассигновки отсылаются въ губернскія казначейства какъ наличныя деньги, и записываются послѣдними на приходъ съ выдачею уѣзднымъ казначействамъ квитанцій и затѣмъ уже вносятся расходомъ, какъ будто

выданныя изъ губернскаго казначейства. Во всѣхъ произведенныхъ такимъ образомъ расходахъ передъ государственнымъ контролемъ отчитываются уѣздныя казначейства квитанціями губернскихъ, а губернскія ассигновками управленій и кредитными росписаніями департамента государственнаго казначейства объ ассигнованныхъ въ распоряженіе мѣстныхъ управленій суммахъ. Въ виду необходимости срочнаго заключенія смѣтъ кредиты открываются только на одинъ смѣтный годъ, по истеченіи котораго кредиты должны быть закрываемы, а остатки должны обращаться въ рессурсы государственнаго казначейства. Впрочемъ, для окончательныхъ разсчетовъ по расходамъ операціоннымъ, а также для выдачи наградъ и пособій изъ остатковъ, допускается по нѣкоторымъ кредитамъ льготный четырехмѣсячный срокъ, въ теченіе котораго могутъ быть производимы расходы въ счетъ истекшей смѣты за исполненныя передъ казною обязательства, по которымъ не было сдѣлано разсчетовъ до истеченія смѣтнаго года. По окончаніи же льготнаго срока смѣта заключается и всѣ оставшіеся неизрасходованные кредиты слагаются со счетовъ и обращаются въ рессурсы государственнаго казначейства. Таковъ въ своихъ главныхъ чертахъ общій порядокъ исполненія государственной росписи по расходамъ, порядокъ, котораго требовала строгая система единства кассы. Само собою разумѣется, что этотъ порядокъ не могъ быть проведенъ у насъ вполнѣ, вслѣдствіе чего допущены значительныя отступленія. Мы укажемъ на главнѣйшія изъ этихъ отступленій, не входя въ мелкія подробности и посмотримъ, насколько эти отступленія требовались дѣйствительною пользою дѣла и не вредили общему ходу реформы.

1) Первое исключеніе, допущенное у насъ—это авансы, отпускаемые распорядительнымъ управленіямъ на руки, а не подъ росписку тѣхъ лицъ, которымъ причитаются платежи. Эти авансы могутъ быть четырехъ родовъ: а) авансы на всѣ вообще расходы отпускаются такимъ управленіямъ, которыя находятся въ мѣстахъ гдѣ нѣтъ кассъ; б) авансы операціонные, въ тѣхъ случаяхъ, когда операція производится хозяйственнымъ способомъ, а не чрезъ подрядъ; в) авансы на командировки, когда сумма слѣдующая къ выдачѣ отпускается по приблизительному разсчету, и наконецъ, г) авансы на мелочные расходы по управленіямъ, въ извѣстныхъ опредѣленныхъ размѣрахъ. По всѣмъ отпускаемымъ авансамъ лица, ихъ получившія, обязаны представить счетъ въ употребленіи съ приложеніемъ документовъ, оправдывающихъ расходы; впрочемъ, расходы менѣе 30-ти рублей могутъ быть производимы и безъ росписокъ получателей, если они произведены въ такихъ мѣстностяхъ, гдѣ полученіе росписки затруднительно.

Мы готовы согласиться, что авансовые отпуски дѣйствительно необходимы въ тѣхъ случаяхъ, какъ говоритъ 126-я ст. кассовыхъ пра-

вилъ, когда явка прямого кредитора казны въ кассу сопряжена съ крайними затрудненіями. Но, такъ какъ правила объ авансахъ недостаточно опредѣлены, то на практикѣ у насъ образовалось весьма широкое пользованіе авансами, — настолько широкое, что оно выходитъ далеко за предѣлы тѣхъ условій, въ которыя желали его поставить составители проекта. Мы не думаемъ, чтобъ эта неопредѣленность правилъ была случайная, напротивъ, вглядываясь внимательно нельзя не замѣтить, что коммиссія какъ будто избѣгала подробностей и точности, повидимому изъ опасенія стѣснить распорядительныя управленія. Мы никакъ не можемъ допустить мысли, что коммиссія, создавая такую послѣдовательную систему, о которой мы говорили въ предыдущей статьѣ и знакомая съ существующими у насъ порядками, не имѣла въ виду, что̀ можетъ возникнуть на практикѣ, а скорѣе думаемъ, что вслѣдствіе необходимости соглашеній съ другими вѣдомствами, она не могла вдаваться въ подробности, чтобъ тѣмъ самымъ не задержать всего проекта. Это мы ясно увидимъ изъ слѣдующихъ примѣровъ.

Къ кассовымъ правиламъ приложенъ цѣлый списокъ учрежденій, содержимыхъ изъ авансовъ, числомъ 97; впослѣдствіи онъ, кажется, увеличенъ еще нѣсколькими учрежденіями, если память намъ не измѣняетъ. Всѣ эти учрежденія, хотя и находятся въ мѣстностяхъ, гдѣ нѣтъ кассъ министерства финансовъ, но огромное ихъ большинство имѣютъ постоянныя сношенія съ этими мѣстностями, въ которыхъ удовлетворяется значительная часть ихъ потребностей. Почему же лица, удовлетворяющія этимъ потребностямъ и живущія въ мѣстностяхъ, гдѣ есть кассы, не могутъ сами получать платежи изъ кассъ? Неужели штабы крѣпостной артиллеріи, которыхъ въ спискѣ 10, или новгородскій графа Аракчеева корпусъ не имѣютъ еженедѣльныхъ почтовыхъ сношеній съ городами, въ которыхъ существуютъ казначейства? При существованіи же такихъ сношеній, что̀ можетъ препятствовать удовлетворять расходы по содержанію личнаго состава общимъ установленнымъ порядкомъ по требовательнымъ вѣдомостямъ и для чего нужно имѣть для этихъ расходовъ авансъ? Мы согласны съ тѣмъ, что всѣ эти учрежденія имѣютъ надобность въ нѣкоторой суммѣ денегъ, отпущенныхъ имъ авансомъ, но никакъ не можемъ допустить, чтобъ была какая-нибудь необходимость удовлетворять всѣ ихъ расходы изъ авансовъ, и чѣмъ болѣе удалена мѣстность отъ торговыхъ и промышленныхъ центровъ, тѣмъ менѣе она нуждается въ денежныхъ авансахъ. Подобныя учрежденія скорѣе нуждаются въ матеріальныхъ отпускахъ, чѣмъ въ денежныхъ выдачахъ. Коммиссія не могла не имѣть въ виду такихъ простыхъ и очевидныхъ обстоятельствъ, и если она допустила эти изъятія, то, стало быть, не могла поступить иначе.

Еще нагляднѣе это выражается въ правилахъ объ операціонныхъ авансахъ при хозяйственномъ способѣ исполненія потребностей. Операціонные авансы могутъ быть отпускаемы въ размѣрѣ $1/3$ всей суммы, назначенной на операцію, если исполненіе производится въ мѣстности, гдѣ нѣтъ ни доходныхъ, ни расходныхъ кассъ и не болѣе 1000 руб. въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ есть кассы. При такихъ условіяхъ, по операціямъ, не превышающимъ 1000 руб., вся сумма, назначенная на операцію, можетъ быть получена впередъ управленіемъ даже въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ есть кассы и, слѣдовательно, этимъ нарушается основное правило единства кассы по огромному числу операцій, производимыхъ въ губерніяхъ. Затѣмъ, касса не можетъ знать, гдѣ должна производиться операція и слѣдовательно при требованіи отпуска въ $1/3$ операціонной суммы должна отпустить его, хотя заготовка должна производиться въ городѣ, гдѣ есть касса; далѣе, касса не можетъ опредѣлить размѣръ операціи, такъ какъ при этомъ ей необходимо разсматривать документы, которыхъ при ассигновкѣ можетъ не быть, а неприложеніе документовъ не останавливаетъ платежа, если есть кредитъ. Поэтому, управленіе можетъ требовать и получать всегда всю сумму, слѣдующую на операцію и даже въ большемъ размѣрѣ. Наконецъ, имѣя на рукахъ авансъ, управленіе можетъ покрывать расходы по производимой операціи изъ открытаго кредита на другія потребности по прямымъ ассигновкамъ, а авансъ удерживать до окончательнаго разсчета — или даже представить его по окончаніи операціи въ казначейство. Если намъ скажутъ, что современная ревизія можетъ остановить подобныя дѣйствія, то мы замѣтимъ, что ревизіонное учрежденіе прежде всего должно истребовать объясненіе, котораго оно въ теченіе операціи можетъ и не получить, а затѣмъ, если не встрѣтитъ другихъ неправильныхъ дѣйствій, то всегда получитъ отвѣтъ, что этимъ не нанесено никакого прямого убытка казнѣ, такъ какъ расходъ въ сущности произведенъ правильно, а управленіе не могло предвидѣть, что операція будетъ производиться въ городѣ, а не въ уѣздѣ. Въ такихъ обстоятельствахъ является одна нехозяйственность распоряженій, которая не влечетъ за собой никакой отвѣтственности. Если вспомнить, какія значительныя операціи производятся изъ государственнаго дохода, то весьма понятно, какія суммы выходятъ изъ государственнаго казначейства преждевременно. Къ тому же эти преждевременныя выдачи вовсе не оправдываются необходимостью, такъ какъ трудно себѣ представить, чтобъ значительныя операціи производились въ мѣстностяхъ, гдѣ нѣтъ казначействъ. Не имѣть подобныхъ обстоятельствъ въ виду коммиссія не могла.

Цифры, опредѣленныя для авансовъ на мелочные расходы управленій, очень часто превышаютъ дѣйствительную потребность. Губернскія присутственныя мѣста получаютъ авансъ въ размѣрѣ 150-ти руб,

но ни въ одномъ присутственномъ мѣстѣ мелочные расходы въ теченіи мѣсяца не могутъ доходить до этой цифры и правило это ведетъ лишь къ тому, что присутственныя мѣста или хранятъ эти суммы безъ всякой надобности, или производятъ всѣ свои канцелярскіе расходы изъ авансовъ, что положительно противорѣчитъ главнымъ основаніямъ системы единства кассы.

Если принять въ соображеніе всѣ суммы по авансовымъ выдачамъ на всемъ пространствѣ Россіи, то это составитъ очень почтенную цифру, бóльшая половина которой можетъ считаться выдачей преждевременной. Мы, конечно, не можемъ имѣть въ виду этой цифры, но имѣемъ нѣкоторое основаніе думать, что она простирается по крайней мѣрѣ до 10-ти милліоновъ.

Если половина этой цифры представляетъ преждевременную выдачу, то необходимо придти къ заключенію, что подобный порядокъ даетъ возможность, не говоря уже о другихъ *не хозяйственныхъ распоряженіяхъ*, дѣлать значительные займы у государственнаго казначейства безъ всякихъ процентовъ и особыхъ разрѣшеній. Мы не говоримъ, что это постоянное явленіе, но достаточно одной возможности подобныхъ случаевъ, чтобъ признать такой порядокъ неудовлетворительнымъ. При отсутствіи въ законахъ правилъ, въ какихъ обстоятельствахъ можетъ быть принимаемъ хозяйственный способъ исполненія извѣстной операціи, при существованіи разрѣшенія не прилагать никакихъ документовъ по расходамъ ниже 30-ти рублей, авансовыя выдачи даютъ возможность производить значительные расходы совершенно безотчетно, не входя ни въ какія стачки съ промышленными людьми, слѣдовательно облегчаютъ возможность злоупотребленій. Основное правило единства кассы о выдачѣ суммъ въ руки прямыхъ кредиторовъ казны, принятое именно для того, чтобъ затруднить злоупотребленія, парализуется правилами объ авансахъ. Расходы по ремонту телеграфныхъ линій производятся всегда внѣ городовъ и хозяйственнымъ способомъ, слѣдовательно изъ авансовъ и притомъ отдѣльныя статьи этихъ расходовъ никогда не превышаютъ 30-ти рублей. Такимъ образомъ, расходы эти производятся совершенно безотчетно. При капитальномъ исправленіи или перестройкѣ линій вся сумма, опредѣленная на этотъ предметъ, можетъ быть взята изъ кассы въ началѣ года, а дѣйствительно израсходована черезъ полгода и болѣе. Еслибъ и случились при этомъ расходы значительные, то развѣ трудно росписать ихъ такъ, чтобъ ни одна статья не превышала тридцати рублей, а само собой разумѣется, что, работая въ полѣ, нельзя требовать росписокъ въ полученіи суммъ. Неправильное полученіе аванса, — при отсутствіи другихъ упущеній, которыхъ при этомъ порядкѣ обнаружить нѣтъ возможности, не ведетъ, какъ мы сказали, ни къ какой отвѣтственности. Повторяемъ, составители проекта не могли не имѣть въ виду всѣхъ возникающихъ отсюда неудобствъ, какъ для госу-

дарственнаго казначейства, такъ и для ревизіи, и если эти правила допущены, то никакъ не въ интересѣ того вѣдомства, которое предлагало реформу.

2) Другое исключеніе изъ системы производства расходовъ состоитъ въ томъ, что расходы по военному и телеграфному вѣдомствамъ ассигнуются не на тѣ кассы, гдѣ они производятся, а на кассы состоящія въ мѣстахъ расположенія округовъ. Такимъ образомъ, всѣ казначейства военнаго или телеграфнаго округа производятъ платежи по уполномочію окружнаго губернскаго казначейства и за его счетъ. Окружное управленіе даетъ ассигновку на мѣстное губернское казначейство, которое, въ свою очередь, уполномочиваетъ сдѣлать уплату кассу, въ районѣ которой находится кредиторъ казны. Уѣздное казначейство другой губерніи, сдѣлавши уплату, отсылаетъ черезъ мѣсяцъ ассигновку въ свое губернское казначейство, которое, показавъ сумму приходомъ, записываетъ его расходомъ за счетъ окружнаго казначейства, которому и отсылаетъ ассигновку также черезъ мѣсяцъ, и наконецъ, окружное казначейство, принявъ приходомъ, показываетъ дѣйствительнымъ расходомъ по своимъ бухгалтерскимъ счетамъ согласно ассигновки. Такой порядокъ отдаляетъ отчетность отъ времени производства расхода на два и на три мѣсяца, усложняетъ счетоводство всѣхъ губернскихъ и въ особенности центрально-окружныхъ казначействъ. Но всего болѣе этотъ порядокъ затрудняетъ ревизію расходовъ. Во-первыхъ, онъ нарушаетъ правило современности ревизіи, во-вторыхъ заставляетъ одну и туже цифру расхода повѣрять два и три раза, въ-третьихъ удаляетъ мѣсто ревизіи отъ мѣстъ производства расхода и заставляетъ ревизіонное учрежденіе входить въ переписку съ очень удаленными мѣстностями. Но мы не думаемъ, чтобъ этотъ порядокъ былъ выгоденъ и для военныхъ лицъ. Военно-окружныя и телеграфныя управленія обязаны постоянно имѣть въ виду потребности всѣхъ командъ и станцій на огромномъ пространствѣ цѣлаго округа и выдавать ассигновки на мѣстныя казначейства настолько заблаговременно, чтобъ на мѣстахъ не вышло затрудненій въ удовлетвореніи самыхъ необходимыхъ потребностей. Кромѣ того расходы могутъ встрѣтиться экстренные, а ассигновки надо ждать изъ округа. Все это вызываетъ необходимость большихъ авансовыхъ выдачъ со всѣми ихъ неудобствами. Если такой порядокъ неудобенъ, съ одной стороны, для кассъ и контроля, съ другой для самого военнаго вѣдомства, то на какомъ же основаніи онъ принятъ? Конечно, мы не имѣемъ возможности входить въ соображенія военнаго вѣдомства, которыя нигдѣ въ правилахъ не высказаны, но имѣемъ полное основаніе думать, что этотъ порядокъ противорѣчитъ основнымъ положеніямъ реформы и, слѣдовательно, допускается вовсе не въ интересахъ государственнаго контроля и финансоваго управленія. Можно думать, что военное министерство не находитъ возможнымъ разассигновывать

свои кредиты на содержаніе войскъ, во-первыхъ въ виду ихъ передвиженій; но вѣдь при существующемъ порядкѣ передвиженіе кредитовъ можно сдѣлать гораздо скорѣе, чѣмъ передвиженіе войскъ, стало быть это обстоятельство не можетъ служить препятствіемъ; во-вторыхъ, министерство можетъ не имѣть въ виду такихъ распорядителей, которымъ бы оно могло ввѣрить распоряженіе кредитомъ, потребнымъ на содержаніе всѣхъ войскъ, расположенныхъ въ губерніи. Но неужели же губернскіе воинскіе начальники не могутъ завѣдывать этими кредитами и выдавать ассигновки на содержаніе войскъ постоянно и временно квартирующимъ въ губерніи, а въ случаѣ перехода какой-нибудь команды въ другую губернію перевести туда и необходимую часть кредита. Если подобное дѣло не можетъ быть поручено лицамъ, состоящимъ въ чинахъ полковниковъ и генераловъ, то какимъ же образомъ они остаются на службѣ? Впрочемъ, это только одни предположенія, и мы опять повторяемъ, что мы не знаемъ тѣхъ соображеній, на основаніи которыхъ удерживается порядокъ весьма неудобный.

3) Строительные кредиты, къ которымъ отнесенъ также кредитъ на ремонтъ телеграфныхъ линій, по истеченіи льготнаго срока остаются въ распоряженіи управленій еще на два смѣтныхъ періода, что составляетъ также отступленіе отъ общей системы производства расходовъ. Этого правила мы никакъ объяснить себѣ не можемъ. Всѣ строительныя работы могутъ быть вносимы въ смѣты только тогда, когда онѣ окончательно разрѣшены, и производятся съ успѣхомъ только въ теченіи лѣтняго времени. Стало быть, со времени ихъ разрѣшенія до начала работъ можно сдѣлать всѣ приготовительныя распоряженія, а для окончательныхъ разсчетовъ съ подрядчиками съ начала зимы до истеченія льготнаго срока остается отъ 6 до 7-ми мѣсяцевъ. Если же работы не могутъ быть окончены въ теченіи одного лѣта, то ихъ не слѣдуетъ и вносить въ смѣту въ полной цифрѣ, а лишь въ томъ размѣрѣ, который обусловливается тѣмъ количествомъ работъ, которое возможно выполнить въ одинъ лѣтній періодъ времени; дальнѣйшій же расходъ на ту же постройку можетъ быть внесенъ въ слѣдующую смѣту. Если же предположенное количество работъ въ текущемъ году не могло быть, по какимъ-либо обстоятельствамъ, произведено, то въ сентябрѣ мѣсяцѣ это вполнѣ обнаружится, такъ что сумма, остающаяся неизрасходованною и потребная въ слѣдующемъ году, всегда можетъ быть внесена въ новую смѣту. Исключеніе могло быть допущено только для сибирскихъ губерній, и то до тѣхъ поръ, пока не было телеграфныхъ сношеній. Въ виду всѣхъ этихъ соображеній, нѣтъ никакой необходимости откладывать срочное заключеніе смѣтъ еще на два года и притомъ по расходамъ на обыкновенный ремонтъ, для котораго въ слѣдующемъ году будетъ новый кредитъ; но въ особенности непонятно продолженіе срока для ремонта телеграфныхъ ли-

ній. Мы не безъ причины говоримъ противъ продолжительности сроковъ, которые назначаются для строительныхъ и ремонтныхъ кредитовъ, такъ какъ практика указываетъ, что подъ именемъ обыкновенныхъ ремонтныхъ работъ въ слѣдующихъ годахъ производятся очень часто такія, которыя, на основаніи существующихъ постановленій, требуютъ особыхъ разрѣшеній и еще чаще такія, которыя вовсе не оправдываются необходимостью. Намъ могутъ сказать, что контроль можетъ преслѣдовать такія распоряженія, но по нашему мнѣнію лучше предупреждать неправильныя дѣйствія, чѣмъ ихъ преслѣдовать. Сверхъ того, строительные кредиты вносятся въ смѣты по утвержденнымъ проектамъ. На этомъ основаніи отъ предположенія извѣстнаго расхода до его исполненія проходитъ иногда годъ, иногда болѣе: обстоятельства могутъ измѣниться, постройка, считавшаяся необходимой, можетъ вовсе не потребоваться, а кредитъ остается въ распоряженіи управленія въ теченіи трехъ лѣтъ. Но если имѣются въ виду свободныя средства, то даже и при добросовѣстномъ отношеніи къ дѣлу является часто необходимость расхода, такъ какъ во всякомъ дѣлѣ излишнія средства не мѣшаютъ. Подтвержденіе того, что средства вызываютъ расходы, мы видимъ на каждомъ шагу какъ въ частной, такъ и въ общественной дѣятельности. Что же касается до измѣненія самаго назначенія кредита, то его добиться не трудно, въ особенности въ теченіи трехъ лѣтъ. За примѣрами ходить не долго: если суммы назначенныя на устройство народныхъ школъ могли быть употреблены на содержаніе полицейской стражи, какъ то объяснило министерство народнаго просвѣщенія, то ясно, что кредитъ, опредѣленный на какую-нибудь постройку, оказавшуюся ненужною, всегда можетъ быть употребленъ на всякій другой расходъ, даже вовсе безполезный. Поэтому мы думаемъ, что строительные кредиты, и въ особенности на ремонтъ телеграфныхъ линій, ни въ какомъ случаѣ не должны пользоваться болѣе продолжительными сроками, въ сравненіи съ другими кредиами, а должны подчиняться общимъ правиламъ заключенія смѣтъ.

4) Къ числу изъятій изъ общихъ правилъ производства расходовъ мы должны отнести также разрѣшеніе производить расходы по заключенной смѣтѣ на основаніи именныхъ списковъ кредиторовъ. Если въ теченіи льготнаго срока управленіе не успѣетъ сдѣлать окончательныхъ разсчетовъ за исполненныя въ теченіи смѣтнаго года обязательства передъ казною, то оно имѣетъ право ко дню срока представить въ казенную палату или департаментъ государственнаго казначейства именной списокъ тѣхъ лицъ, коимъ слѣдуютъ платежи и затѣмъ выдавать эти суммы въ теченіи двухъ смѣтныхъ періодовъ. Такое правило даетъ поводъ ко многимъ неправильнымъ расходамъ и къ сокращенію суммы остатковъ отъ опредѣленныхъ назначеній. Желая отнести на образовавшіеся остатки удовлетвореніе нѣкоторыхъ

потребностей, управленія часто вносятъ въ именные списки самихъ распорядителей кредита или поставщиковъ, не поименовывая лицъ, коимъ слѣдуютъ уплаты, такъ какъ вещи не пріобрѣтены, и часто самое распоряженіе о пріобрѣтеніи ихъ или вообще о производствѣ расхода сдѣлано не втеченіи смѣтнаго года, а по прошествіи его, въ теченіи льготнаго времени. Казенныя палаты, не будучи ревизіонными учрежденіями, рѣдко обращаютъ вниманіе на содержаніе списковъ и ихъ правильность, а большею частью просто передаютъ ихъ къ исполненію въ кассы. Хотя именные списки поступаютъ также и въ контрольныя палаты, но такъ какъ предоставленіе права на распоряженіе кредитомъ зависитъ не отъ нихъ, то кассы и распорядительныя управленія не заботятся о доставленіи этихъ списковъ контрольнымъ палатамъ своевременно. Замѣчаніе послѣднихъ можетъ вызвать только вопросъ, окончательное рѣшеніе котораго всегда послѣдуетъ уже послѣ производства расхода. Что касается до насъ, то мы думаемъ, что это исключеніе вовсе не вызывается особой необходимостью, тѣмъ болѣе, что на основаніи смѣтныхъ правилъ уже утвержденныхъ въ законодательномъ порядкѣ, оно допущено не было, а введено лишь въ кассовыхъ правилахъ. Мы думаемъ, что почти всѣ правильные расходы по именнымъ спискамъ кредиторовъ остаются невыполненными только потому, что исполненіе ихъ возможно и послѣ льготнаго срока. Не будь этой возможности, распорядительныя управленія и въ особенности кредиторы казны озаботились бы окончаніемъ своихъ разсчетовъ, и конечно не довели бы себя до новыхъ хлопотъ для полученія слѣдующихъ имъ суммъ. Въ доказательство справедливости нашего мнѣнія мы можемъ сослаться на недавнее распоряженіе о сокращеніи льготнаго срока. Сначала этотъ срокъ былъ установленъ шестимѣсячный, и мы знаемъ, что большая часть окончательныхъ разсчетовъ составлялась въ послѣднемъ мѣсяцѣ, — въ прошломъ году онъ сокращенъ на четыре мѣсяца, и неудобства изъ этого не вышло никакого: разсчеты оканчиваются двумя мѣсяцами ранѣе. Между тѣмъ это дало возможность государственному контролю окончить ранѣе свой отчетъ за 1869-й годъ, а государственному совѣту своевременно разсмотрѣть и утвердить государственную роспись на 1871-й годъ. Вотъ какія удобства возникаютъ иногда отъ причинъ, повидимому весьма незначительныхъ. Еслибъ и случилось иногда, что какое-либо управленіе, во время льготнаго срока, не могло сдѣлать окончательныхъ разсчетовъ съ своими кредиторами по обязательствамъ исполненнымъ въ теченіи прошлаго года, и никакъ не позднѣе, и остатки смѣтнаго назначенія поступили бы въ рессурсъ государственнаго казначейства, то и тогда продолженіе срока расходованія кредита по спискамъ кредиторовъ не есть необходимость, такъ какъ казенныя палаты и департаментъ государственнаго казначейства имѣютъ въ своемъ распоряженіи кредитъ на возвратъ суммъ неправильно поступившихъ въ

казну,—кредитъ, изъ котораго могъ бы производиться подобный расходъ въ особыхъ исключительныхъ случаяхъ. Но тогда, по крайней мѣрѣ, каждый отдѣльный случай былъ бы предварительно разсмотрѣнъ не только казенной, но и контрольной палатой, такъ какъ выдача изъ этого кредита обусловлена согласіемъ ревизіоннаго учрежденія. Мы думаемъ, что подобный порядокъ не представитъ никакого неудобства, потому что, если уплата не была произведена въ теченіи четырехъ мѣсяцевъ, то она не имѣетъ за себя никакой спѣшности и можетъ быть очень свободно отсрочена до полученія согласія ревизіоннаго учрежденія. Необходимость же подобнаго порядка указываетъ практика, такъ какъ именными списками кредиторовъ управленія пользуются часто для того только, чтобы удержать насколько возможно долѣе право распоряженія кредитами сверхъ тѣхъ сроковъ, которые установлены закономъ. Послѣдній отчетъ государственнаго контролера свидѣтельствуетъ, что, несмотря на представленіе именныхъ списковъ, суммы заявленныя въ нихъ остались вовсе непстребованными.

Еслибы не было продолжительныхъ сроковъ для строительныхъ кредитовъ и именныхъ списковъ кредиторовъ казны, то графа отчета государственнаго контроля: „подлежитъ къ отпуску въ теченіи двухъ смѣтныхъ періодовъ",—сдѣлалась бы вовсе ненужною. Кто знакомъ съ счетоводствомъ, тотъ знаетъ, насколько бы упростилось составленіе предположеній о покрытіи всѣхъ расходовъ. Министерству финансовъ предстояло бы имѣть въ виду только одну смѣту, а не три, какъ въ настоящее время, а государственному контролю не нужно бы слѣдить за этими кредитами въ теченіи многихъ лѣтъ. Но главная выгода состоитъ въ томъ, что министерство финансовъ могло бы пользоваться всѣми остатками отъ заключенной смѣты, а тѣ расходы, которые не были произведены въ теченіи смѣтнаго періода, при новомъ разсмотрѣніи смѣты могли бы вовсе устраниться вслѣдствіе измѣнившихся обстоятельствъ.

IV.

Всѣ эти исключенія значительно парализуютъ тѣ общія начала, которыя коммиссія считала непремѣнными условіями всякаго раціональнаго бюджета и о которыхъ мы говорили въ предыдущей статьѣ. Но почему же, спроситъ читатель, допущены эти нарушенія основныхъ принциповъ предпринятой реформы, когда по всему видно, что составители проекта вполнѣ сознавали всю необходимость этихъ принциповъ и даже въ первыхъ словахъ объяснительной записки къ смѣтнымъ правиламъ поставили въ зависимость отъ нихъ достиженіе той цѣли, которая имѣется въ виду при составленіи бюджета? Такой вопросъ читателя будетъ вполнѣ умѣстенъ и основателенъ, такъ какъ дѣйствительно трудно, съ перваго раза, объяснить эти исключенія.

Конечно, намъ нельзя судить о тѣхъ соображеніяхъ, которыя руководили при этомъ, но мы не думаемъ, чтобъ эти исключенія входили въ первоначальный планъ составителей проекта и главнаго дѣятеля по этой реформѣ, бывшаго государственнаго контролера Валеріана Алексѣевича Татаринова. Во всѣхъ реформахъ, имъ предложенныхъ, какъ мы и указывали въ предыдущей статьѣ, замѣчается извѣстная система, вполнѣ сознательная и раціональная, а потому мы думаемъ, что онъ не могъ не имѣть въ виду, насколько эти исключенія повредятъ успѣху дѣла, и если они допущены, то конечно въ виду необходимости соглашеній съ другими вѣдомствами. Здѣсь, какъ и во всѣхъ нашихъ законодательныхъ работахъ, мы встрѣчаемся съ тою же необходимостью „соглашеній“, о которой мы имѣли случай говорить въ прежнихъ статьяхъ и которыя часто парализуютъ полезныя предположенія. Всего удивительнѣе при этомъ то, что реформы, возникшія по иниціативѣ самого правительства, вслѣдствіе полнаго сознанія несостоятельности прежней системы и необходимости ея коренного измѣненія въ интересахъ самого правительства, встрѣчаютъ препятствія для полнаго своего осуществленія не въ матеріальныхъ условіяхъ и не въ общественной средѣ, а въ отдѣльныхъ вѣдомствахъ, т.-е. въ органахъ власти того же самаго правительства. Мы не хотимъ этимъ сказать, что мнѣнія и интересы различныхъ вѣдомствъ не должны быть принимаемы въ соображеніе, но мы думаемъ, что между принятіемъ въ соображеніе и нѣкоторымъ правомъ *veto* — есть громадная разница. Но никто конечно не станетъ отрицать, что, при существующемъ у насъ порядкѣ законодательныхъ работъ, голосъ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ вѣдомствъ имѣетъ рѣшающее значеніе, въ особенности, если онъ поддержанъ еще другими. Между тѣмъ, намъ бы казалось, что въ такихъ реформахъ, какъ бюджетная, кассовая и контрольная, гдѣ дѣло идетъ объ ограниченіи правъ распорядительныхъ управленій, послѣднія не должны имѣть никакого рѣшающаго голоса и ихъ мнѣнія должны быть приняты только въ соображеніе. Но такъ какъ на практикѣ это бываетъ не такъ, то поэтому многія предположенія, существенно необходимыя для успѣха дѣла, приводятся не вполнѣ, а это ведетъ къ тому, что самая цѣль реформы не достигается; даже можетъ случиться, что реформа будетъ примѣнена только одной своей формальной стороной, безъ всякой существенной пользы дѣлу. Тогда могутъ возникнуть какъ въ обществѣ, такъ и въ административныхъ сферахъ, и притомъ вполнѣ основательно, сомнѣнія въ раціональности и правильности основныхъ началъ реформы и въ необходимости излишнихъ, неприносящихъ никакой пользы стѣсненій для распорядительныхъ управленій.

Мы не будемъ утверждать, чтобы все высказанное нами, какъ возможное, дѣйствительно произошло на практикѣ; нѣтъ, мы очень

далеки отъ этой мысли; но не можемъ отрицать, что многія изъ тѣхъ положеній, о которыхъ мы говорили, даютъ поводъ думать, что удобства „распорядительныхъ управленій" были приняты во вниманіе слишкомъ много, а иногда даже и во вредъ общимъ государственнымъ интересамъ; но это можетъ повести дѣйствительно къ тому, что права распорядительныхъ управленій останутся ограниченными только по формѣ, въ сущности же очень мало.

Для подтвержденія нашей мысли, намъ бы слѣдовало обратиться къ разсмотрѣнію правилъ о назначеніи денежныхъ выдачъ, составляемыхъ по соглашенію отдѣльныхъ вѣдомствъ съ государственнымъ контролемъ, такъ какъ въ кассовыхъ правилахъ заключаются только общія положенія для производства расходовъ, всѣ же подробности излагаются въ первыхъ. Къ сожалѣнію, предѣлы нашей статьи не позволяютъ этого; мы скажемъ только, что при внимательномъ ихъ разсмотрѣніи нельзя не замѣтить, что удобства распорядительныхъ управленій здѣсь были на первомъ планѣ, а удобства контроля и возможность достиженія имъ ревизіонныхъ цѣлей на второмъ; нельзя не замѣтить, говоримъ мы, что государственный контроль какъ будто опасался стѣснить управленія своими требованіями въ подробностяхъ и тѣмъ самымъ возстановить ихъ противъ главной, основной мысли. Для примѣра можно указать на разрѣшеніе по военно-учебнымъ заведеніямъ переводить кредиты изъ одного смѣтнаго подраздѣленія въ другое, не стѣсняясь даже главными подраздѣленіями смѣтъ, лишь бы управленіе не выходило изъ общей суммы кредитовъ, назначенныхъ на содержаніе заведенія, а это равносильно почти безотчетному распоряженію суммами; сюда же можно отнести и разрѣшеніе удовлетворять нѣкоторые расходы изъ авансовъ, чего въ началѣ допущено не было. Мы бы могли представить много подобныхъ примѣровъ, но, повторяемъ, предѣлы нашей статьи не позволяютъ намъ этого, тѣмъ болѣе, что изъ всего сказаннаго выше читатель можетъ сдѣлать заключеніе о тѣхъ препятствіяхъ, которыя встрѣчала реформа. Намъ кажется, что все это можетъ снять съ памяти покойнаго государственнаго человѣка упрекъ въ томъ, что предложенная имъ реформа не принесла всѣхъ тѣхъ результатовъ, которыхъ отъ нея можно было ожидать. Не его вина, что общій строй государственной жизни, выработанный временемъ, не позволяетъ развиться реформѣ въ необходимой полнотѣ; тѣмъ не менѣе это весьма печально.

Г.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

1-го мая, 1871.

Въ ожиданіи военной реформы.—Задачи коммиссіи.—Предположеніе объ устройствѣ воинской повинности.—Безпорядки въ Одессѣ и ихъ связь съ общимъ положеніемъ евреевъ у насъ. — Двѣ новыя мѣры относительно остзейскихъ губерній.—Остзейскій комитетъ.—Судьба латышскаго адреса по новымъ извѣстіямъ.

Вниманіе русскаго общества втеченіи послѣднихъ мѣсяцевъ въ весьма сильной степени поглощено было двумя внутренними вопросами: о воинской повинности и о народномъ образованіи. Въ вопросахъ этихъ заинтересованы рѣшительно всѣ, и вотъ почему въ отношеніи къ нимъ проявляется въ обществѣ уже не искусственное, полунапускное вниманіе, а настоящій, живой интересъ. Что эти вопросы представились обществу въ одно время—было явленіемъ несовсѣмъ случайнымъ. Между ними есть глубокая связь, какъ ни различны между собой въ томъ и другомъ цѣли непосредственныя. При первомъ обсужденіи военнаго вопроса мы указали на связь его съ вопросомъ о положеніи народнаго образованія. Въ то время нашлись въ печати люди, привыкшіе сами во всемъ преслѣдовать личныя цѣли, которые объявили произвольнымъ съ нашей стороны сопоставленіе слабости нашихъ образовательныхъ силъ съ переустройствомъ на болѣе широкомъ основаніи нашихъ силъ военныхъ. Но эти же люди впослѣдствіи признали ту связь, на которую мы указывали, только признали ее собственно въ мнимой важности древнегреческаго языка для современныхъ военныхъ успѣховъ. Это имъ кажется безспорно; а то, что въ государствѣ, гдѣ нѣтъ и десятка тысячъ образованныхъ народныхъ учителей, какъ въ Пруссіи, трудно осуществить вполнѣ и систему воинской повинности, существующую въ Пруссіи, это казалось имъ сомнительнымъ, въ этомъ они видѣли нашъ произвольный выводъ, сдѣланный съ тѣми цѣлями, которыя имъ такъ сродны. Въ Германіи, гдѣ лучше знаютъ въ чемъ сила прусскаго военнаго устройства, различіе нашего положенія въ этомъ отношеніи оцѣнили гораздо скорѣе, чѣмъ

у насъ. „Аугсбургская газета", обсуждая обнародованныя у насъ основы военнаго образованія, сдѣлала между прочимъ слѣдующія заключенія: „Россія такимъ образомъ надѣется, конечно, пріобрѣсть бóльшую силу, но она забываетъ, что для увеличенія числа войскъ необходимо имѣть въ готовности и изобиліи образованныхъ офицеровъ и сколько-нибудь образованныхъ унтеръ-офицеровъ. Такого огромнаго числа офицеровъ и унтеръ-офицеровъ, какое потребовалось бы для снабженія ими ландвера, вѣроятно окажется невозможнымъ содержать въ мирное время по финансовымъ соображеніямъ. Что же касается учрежденія одногодичныхъ волонтеровъ, которое служитъ основою подобнаго (т.-е. прусскаго) устройства и лучшимъ средствомъ для постановки офицеровъ и унтеръ-офицеровъ ландвера, то оно едва ли можетъ привиться въ Россіи, потому что въ ней слишкомъ великъ недостатокъ необходимаго предварительнаго къ нему условія, а именно народнаго образованія. Масса русскаго народа находится еще въ безграничной необразованности. Число дѣтей посѣщающихъ школы крайне мало, и относится къ тому же числу въ Пруссіи какъ 6 къ 99. Россія стоитъ въ этомъ отношеніи ниже Турціи, и необходимо было бы имѣть, чтобы хоть сколько-нибудь приблизиться къ условіямъ существующимъ въ Германіи, не только 31 тысячу школъ (т.-е. то число, какое есть въ Германіи), а 180 тысячъ. Въ тѣхъ школахъ, какія имѣются, по большей части недостаетъ сколько-нибудь способныхъ учителей, а также повсемѣстно недостаетъ училищъ для подготовленія такихъ учителей (т.-е. учительскихъ семинарій)".

Въ какомъ же положеніи находится у насъ дѣло по выработкѣ новыхъ основаній для воинской повинности? По слухамъ, предполагалось окончить предварительныя работы къ будущему іюню. Но вопросъ этотъ такъ сложенъ, такъ всеобъемлющъ, что позволительно сомнѣваться въ возможности столь скораго его разрѣшенія. Во всякомъ случаѣ, предварительныя работы коммиссіи военнаго вѣдомства должны послужить только для опредѣленія мѣры требованій этого вѣдомства. Едвали коммиссія, хотя въ ней есть члены отъ другихъ вѣдомствъ, можетъ разработать весь этотъ вопросъ съ достаточною всесторонностью и вмѣстѣ единствомъ. Для обсужденія проекта, выработаннаго въ военномъ вѣдомствѣ, при внесеніи въ государственный совѣтъ, по всей вѣроятности, будетъ образована законодательная коммиссія, подобно недавно назначенному особому присутствію для обсужденія проектовъ министерства просвѣщенія. Но по такому вопросу, который касается всѣхъ сторонъ экономическаго быта народа, финансовыхъ средствъ государства и значительной части всего законодательства, быть можетъ полезно было бы и самое составленіе окончательнаго проекта предоставить именно такой коммиссіи изъ государственныхъ людей. Въ такомъ случаѣ, задача коммиссіи военнаго вѣдомства въ

настоящее время значительно бы упростилась: ей предоставилось бы только опредѣлить норму того, что требуется для доставленія вооруженной силѣ государства извѣстныхъ размѣровъ и извѣстной системы. Если три четверти населенія все равно служить не будетъ, то самый вопросъ объ изъятіяхъ вовсе несущественнъ для военнаго вѣдомства. Ему, для его цѣлей, нужно во всякомъ случаѣ только меньшинство не только всего народа, но и всей наличности людей одного возраста; стало быть, нѣтъ надобности, чтобы этотъ вопросъ и другіе подобные рѣшала коммиссія. А еслибъ кругъ ея занятій былъ ограниченъ только установленіемъ нормы требованій, обусловливаемыхъ спеціально-военными цѣлями, какъ-то срока службы и въ связи съ нимъ величины ежегоднаго контингента, затѣмъ самаго образованія и распредѣленія силъ на дѣйствующія и резервныя, цифру мирнаго состава и резервныхъ кадровъ, наконецъ размѣры запасовъ всякаго рода и количество необходимыхъ вновь казарменныхъ помѣщеній, то такимъ спеціализированіемъ дѣла достиглась бы двоякая выгода. Во-первыхъ, спеціальныя требованія опредѣлились бы съ бо́льшею ясностью и полнотою, такъ что впослѣдствіи не возникали бы сюрпризы въ родѣ необходимости сдѣлать 100-милліонный заемъ для постройки непредвидѣнныхъ казармъ, и другой 100-милліонный заемъ для одновременнаго образованія удвоенныхъ артиллерійскихъ и интендантскихъ запасовъ; во-вторыхъ, работы коммиссіи, не отвлеченныя вопросами преимущественно гражданскими, какъ, напр., вопросъ объ изъятіяхъ и вообще о способѣ отбыванія воинской повинности народомъ—пошли бы съ быстротою и единствомъ, которыя всегда желательны. Короче, предварительное обсужденіе вопроса было бы удобно раздѣлить на двѣ части, какъ раздѣляется и самъ вопросъ, именно, на вопросъ *объ устройствѣ арміи*—подлежащій опредѣленію военнаго вѣдомства, и на вопросъ объ *отбываніи народомъ воинской повинности*, для опредѣленія основъ котораго всего компетентнѣе была бы коммиссія изъ государственныхъ людей, управляющихъ или управлявшихъ разными вѣдомствами.

Но какъ бы то ни было, если нынѣшняя коммиссія и не ограничитъ своего круга работъ, во всякомъ случаѣ должно надѣяться, что высшее военное управленіе оцѣнитъ все значеніе тѣхъ возраженій, какія могутъ быть представлены ея гражданскими членами противъ могущихъ быть теоретическихъ увлеченій спеціалистовъ и въ особенности противъ безусловнаго отрицанія изъятій съ ихъ стороны. Военные спеціалисты въ настоящемъ дѣлѣ компетентны только съ военной его стороны, а вопросъ объ изъятіяхъ вовсе не спеціально-военный, такъ какъ нельзя же въ самомъ дѣлѣ всѣхъ людей, хотя бы и одного возраста, привлекать ежегодно на службу.

Число людей ежегодно достигающихъ 21-лѣтняго возраста опре-

дѣляется въ Россіи около 650-ти тысячъ. Не можетъ быть и рѣчи о такомъ ежегодномъ контингентѣ, ни даже о половинѣ этой цифры. Мы уже говорили прежде, что при установленіи 7-лѣтняго срока дѣйствительной службы, какой предполагался первоначально, всякое значительное увеличеніе нынѣшняго контингента непремѣнно повело бы къ огромному увеличенію самого мирнаго состава арміи, т.-е. къ прямому противорѣчію основной мысли всей реформы. При срокахъ 7-ми лѣтъ подъ знаменами и 8-ми въ резервѣ, ежегодный контингентъ нельзя было допускать выше 100 т. чел. или 120-ти т., предполагая пополненіе временно отпускныхъ. Какая же это общеобязательная повинность, когда изъ 650-ти т. чел. только 120, т.-е. менѣе $^1/_5$ призывались бы на службу? Уже изъ этого одного, не говоря о всѣхъ прочихъ соображеніяхъ, ясно, что срокъ дѣйствительной службы безусловно необходимо сократить, если не хотятъ вполнѣ исказить прусскую систему.

Допустимъ срокъ въ 5 лѣтъ дѣйствительной службы и 10 лѣтъ въ резервѣ; тогда намъ потребуется ежегодный контингентъ около 170-ти тысячъ человѣкъ. И то еще мы будемъ весьма далеки и отъ легкости, и отъ всенародности прусской военной службы. Допустивъ, что́ казалось бы нынѣ всего раціональнѣе, сроки 4 года дѣйствительной службы и 11 лѣтъ въ резервѣ (предполагая сохраненіе нынѣшняго 15-ти-лѣтняго полнаго срока), мы уже получимъ надобность въ ежегодномъ контингентѣ нѣсколько выше 200 т. челов., т.-е. уже приблизимся къ привлеченію въ службу цѣлой трети изъ всей наличности людей 21-лѣтняго возраста въ государствѣ, именно около 650-ти т. чел. И при этомъ, все-таки еще болѣе двухъ третей не будутъ привлекаться къ службѣ. Итакъ, сто́итъ ли тутъ „торговаться" противъ изъятій, безусловныхъ изъятій въ пользу высшаго образованія? Допущеніе ихъ нисколько не ослабитъ армію, а недопущеніе ихъ, особенно при долгихъ срокахъ, значительно ослабитъ наличность образованности въ государствѣ, и безъ того скудную. Когда вопросъ объ отмѣнѣ изъятій по воспитанію былъ поставленъ въ прежней коммиссіи, занимавшейся пересмотромъ рекрутскаго устава, то предсѣдатель этой коммиссіи, покойный Бахтинъ высказалъ вполнѣ основательное мнѣніе, что лица, получающія удостовѣреніе объ окончаніи курса въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, должны быть безусловно изъяты отъ военной службы, такъ какъ такихъ лицъ на всю Россію оказывается въ годъ *всего 400 человѣкъ*. Спрашивается теперь, если цѣлая треть изъ нихъ будетъ дѣйствительно поступать въ ряды на 4, 5 или 7 лѣтъ, насколько эти 133 человѣка усилятъ 750-ти-тысячный мирный составъ русской арміи? А между тѣмъ, для состоянія образованности въ странѣ весьма чувствительно, если цѣлая треть людей съ высшимъ образованіемъ, подготовка каждаго изъ которыхъ стоила странѣ нѣсколько тысячъ руб-

лей, будутъ терять по 7-ми или хотя бы по 4 года своей дорого-стоющей дѣятельности.

Правда, предполагаются льготы по воспитанію, а именно, какъ говорятъ, годичный срокъ службы для окончившихъ курсъ не только университетовъ, но и гимназій, въ томъ случаѣ, если они будутъ поступать въ военную службу добровольно, т.-е., въ качествѣ охотниковъ. Но допустимъ, что всѣ названные 400 человѣкъ поступятъ въ ряды охотниками; вѣдь съ государственной точки зрѣнія почти все равно, будутъ ли 133 изъ нихъ обязаны терять 4 года дѣятельности, или всѣ 400 по одному году? Льгота вовсе не то, что изъятіе; вычеркнуть годъ изъ жизни и само по себѣ весьма чувствительно, но здѣсь особенно важно не столько время, сколько тотъ перерывъ, а весьма часто и переворотъ во всемъ направленіи дѣятельности человѣка, который образуется этимъ годомъ умственной бездѣятельности и выхода изъ своей сферы. Если студентъ, кончивъ университетскій курсъ 22-хъ лѣтъ, воспользовавшись отсрочкою, пойдетъ въ солдаты на 7, 5 или хотя бы 4 года, то-есть отложитъ приступленіе къ своему призванію въ жизни до того времени, когда ему будетъ подъ тридцать лѣтъ, то это, безъ сомнѣнія, будетъ ему весьма тяжело. Но если онъ поступитъ въ армію вольноопредѣляющимся немедленно по выходѣ изъ гимназіи, до начала университетскаго курса, то спрашивается еще, какъ отзовется на 17—18-ти-лѣтнемъ юношѣ этотъ весьма чувствительный кризисъ, этотъ годичный перерывъ умственной работы, это перенесеніе въ сферу совсѣмъ иныхъ условій и понятій? Едвали можно сомнѣваться, что цѣлая половина гимназистовъ, поступившихъ охотниками въ армію, до университета затѣмъ уже никогда и не дойдетъ. А странно было бы, еслибы этому обстоятельству не придано было цѣны въ государствѣ въ то время, когда другое вѣдомство находитъ возможнымъ учить все высшее и среднее сословіе почти единственно мертвымъ языкамъ, для того только, чтобы снабдить студентами одни только историко-филологическіе факультеты! Интересы всего университета, всѣхъ университетовъ и всѣхъ высшихъ училищъ вмѣстѣ взятыхъ должны же быть приняты во вниманіе, въ пунктѣ столь существенномъ, когда интересамъ однихъ историко-филологическихъ факультетовъ придается въ государствѣ такое значеніе, притомъ для пользъ весьма несущественныхъ.

Но, говорятъ, пребываніе въ рядахъ солдатъ людей съ высшимъ образованіемъ возвыситъ умственный уровень арміи. Это—чистая иллюзія: Высокій умственный уровень прусской арміи основанъ не на высшемъ образованіи незначительнаго меньшинства, а на народной школѣ, то-есть на образованности массы. У насъ же людей съ высшимъ образованіемъ гораздо менѣе, чѣмъ въ Пруссіи; спрашивается, какимъ образомъ тѣ 400 человѣкъ повліяютъ на умственный уровень 750-ти

тысячъ человѣкъ? Вѣдь среди этихъ 750-ти т. и теперь есть же гораздо большее число людей образованныхъ, а именно — офицеры, которыхъ въ арміи не 400. То—офицеры, скажутъ, пожалуй, а эти будутъ солдаты, будутъ въ общеніи съ солдатами. Не знаемъ; насколько намъ извѣстны условія русской жизни, эти 400 предполагаемыхъ свѣтильниковъ для арміи на практикѣ непремѣнно окажутся въ офицерской средѣ, на положеніи юнкеровъ, а вовсе не свѣтильниковъ. И общеніе ограничится тѣмъ, что солдаты будутъ имъ прислуживать, чистить сапоги и т. д.; вотъ и все возвышеніе умственнаго уровня.

Съ требованіями о возвышеніи умственнаго уровня арміи военное министерство пусть лучше обратится къ тому вѣдомству, которое создаетъ и умножаетъ *инспекторовъ* народныхъ школъ; когда оно возьмется за созданіе самихъ народныхъ школъ, вотъ тогда дѣло будетъ поставлено такъ, какъ оно стало въ Пруссіи. А теперь у насъ армія несравненно образованнѣе народа, теперь у насъ истинно-народная школа — полкъ, и военное министерство есть наше министерство народнаго образованія. Зачѣмъ же еще отнимать образованныхъ людей у народа въ пользу арміи?

Говоря о необходимости допущенія безусловныхъ изъятій по воспитанію, мы, однако, никакъ не думаемъ утверждать, что слѣдуетъ оставить въ силѣ всѣ изъятія отъ воинской повинности нынѣ существующія въ нашемъ законодательствѣ. Это было бы нелѣпо. Достаточно сказать, что однѣхъ общихъ *категорій* изъятій у насъ существуетъ теперь *десять*, не включая сюда уроженцевъ Финляндіи. По свѣдѣніямъ, собраннымъ коммиссіею, которая занималась пересмотромъ рекрутскаго устава въ 1862-мъ году, у насъ число изъятыхъ отъ воинской повинности составляло 4.286,584 человѣка. Финляндія здѣсь, какъ уже сказано, не принята въ разсчетъ; но кромѣ изъятій въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстностяхъ, какъ-то въ Бессарабіи (въ виду близости границы), въ отдаленныхъ мѣстахъ Сибири, и изъятій по сословіямъ, должностямъ, воспитанію, договорамъ и семейному положенію, у насъ есть еще множество изъятій, возникшихъ изъ частныхъ ходатайствъ разныхъ вѣдомствъ (подобно тому, какъ вообще нерѣдко шло наше законодательство). Напримѣръ, изъяты отъ воинской повинности: мѣщане и вообще лица свободнаго состоянія, переселяющіяся въ западныя губерніи, лица податного состоянія, находящіяся при казенныхъ мѣстахъ въ должностяхъ сторожей, курьеровъ, служителей, причетники по найму при церквахъ въ рижской епархіи, инородцы казеннаго вѣдомства, обратившіеся въ православіе, ямщики петербургской и московской слободъ и тосненскаго и ижорскаго ямовъ, лоцмана архангельскаго порта и ихъ дѣти, вольные матросы и ихъ семьи, мастера и подмастерья петергофской гранильной фабрики и мн. др.

Большая часть всѣхъ этихъ изъятій непремѣнно должны быть от-

мѣнены. Но необходимо все-таки оставить безусловныя изъятія и по воспитанію и по семейному положенію, а именно для охраненія въ странѣ образовательныхъ и необходимыхъ рабочихъ силъ. Таковы изъятія безусловныя. Здѣсь представляется именно вопросъ о допущеніи жребія. Жребій именно такое нераціональное начало, которое ломаетъ хозяйства, обусловливая тотъ фактъ, что люди берутся безъ разбора, болѣе нужные для хозяйства и для страны берутся часто менѣе нужныхъ. Поэтому, принципъ жребія непремѣнно долженъ быть устраненъ. Мы не будемъ теперь повторять возраженій, уже сдѣланныхъ нами прежде противъ введенія жребія въ нашу военную систему. Если жребій и можетъ быть допущенъ, то ужъ только въ ограниченномъ размѣрѣ, то-есть послѣ установленія цѣлой системы изъятій безусловныхъ и условныхъ, на основаніи раціональномъ. И сколько намъ извѣстно, сами предположенія уже рѣшительно склоняются противъ принятія жребія въ основаніе освобожденія отъ службы того большинства, которое все равно не представляется ни возможнымъ, ни нужнымъ призывать къ ней.

Такимъ образомъ, согласно нынѣшнему положенію этого вопроса, представлялись бы наиболѣе раціональными слѣдующія основныя положенія: опредѣлить срокъ дѣйствительной службы въ 4 года, и 11 лѣтъ въ резервѣ, за исключеніемъ однихъ спеціальныхъ оружій, хотя, правду сказать, мы не понимаемъ, почему для кавалеріи могъ бы быть необходимъ именно 7-ми-лѣтній срокъ, какъ то полагаютъ иные. Но это послѣднее различіе не измѣняетъ существенно общихъ положеній. На основаніи 4-хъ-лѣтняго срока ежегодный контингентъ опредѣляется въ 205 т. чел. Вотъ то число людей, которое требуется взять изъ общей наличности людей, достигающихъ 21-лѣтняго возраста, то-есть изъ 650 т. чел. Но вмѣсто того, чтобы большинство двухъ третей этого числа освобождать метаніемъ жребія, пришлось бы, отчисливъ около 30% неспособныхъ, изъ остального затѣмъ числа процентовъ 40 уводить безусловными изъятіями для сохраненія какъ хозяйствъ и лучшихъ рабочихъ силъ, такъ и силъ образовательныхъ. Такія безусловныя изъятія отчасти допускаются вездѣ, какъ, напр., въ пользу единственнаго сына у вдовы, старшаго брата у сиротъ и т. п. Въ Пруссіи изъятій съ подобными цѣлями, т.-е. для охраненія средствъ семей къ пропитанію, допущено довольно много, и притомъ добросовѣстности обществъ и пріемныхъ коммиссій законодательство предоставляется весьма большой просторъ для оцѣнки обстоятельствъ каждаго частнаго случая, что уже у насъ не вполнѣ было бы удобно допустить. Но кромѣ собственно семейныхъ соображеній, весьма полезно было бы въ принципѣ принять и ту мысль, что вообще глава всякаго земледѣльческаго или промышленнаго имущества или

хозяйства, перешедшаго къ нему по наслѣдству, подлежалъ бы безусловному изъятію.

Сюда же слѣдовало бы включить всѣхъ кончившихъ курсъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, оставивъ льготу одногодичной службы на правѣ охотниковъ развѣ только въ пользу кончившихъ курсъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, если не будетъ признано возможнымъ и ихъ изъять вовсе, что̀ было бы никакъ нелишне для Россіи. Безусловное же изъятіе необходимо допустить для выдержавшихъ экзаменъ народныхъ учителей, на основаніи закона 26-го ноября 1870-го г., по крайней мѣрѣ на первые 10 лѣтъ по введеніи новаго положенія. Говорятъ,—окажется масса народныхъ учителей, чтобы уклониться отъ повинности. Но вѣдь законъ освобождаетъ ихъ отъ повинности только на время состоянія ихъ при должности учителей въ народныхъ школахъ, а не долѣе. Если такихъ учителей, вслѣдствіе этой мѣры, окажется масса,—тѣмъ лучше; пусть хоть военное вѣдомство возьметъ на себя снабдить школы учителями. Законъ 26-го ноября можно бы измѣнить такъ, что изъятіемъ пользуются учителя пока состоятъ въ народныхъ школахъ, и затѣмъ по дѣйствительномъ прослуженіи ими въ этихъ школахъ того самаго срока, который будетъ установленъ для дѣйствительной службы въ войскахъ, навсегда пользуются изъятіемъ, какъ бы они прошли чрезъ ряды арміи. Ибо созданіе сословія образованныхъ народныхъ учителей намъ никакъ не менѣе необходимо, чѣмъ уравненіе воинской повинности.

Затѣмъ, то-есть за этими 40% изъятій, изъ числа способныхъ къ службѣ людей 21-лѣтняго возраста, останется еще, примѣрно, до 270 тысячъ чел., которыми и пополнится требуемый 205-ти-тысячный контингентъ. Но и здѣсь полезно было бы отклонить жребій еще долѣе, допустивъ сперва нѣсколько раздѣловъ изъятій условныхъ, такъ, чтобы сперва призывались къ пополненію контингента всѣ люди наиболѣе свободные, наименѣе обремененные, а именно молодые люди бездомные и имѣющіе нѣсколькихъ взрослыхъ братьевъ; затѣмъ, при недостаткѣ этого раздѣла для пополненія контингента — молодые люди семействъ менѣе обильныхъ взрослыми работниками, постепенно по разрядамъ, гдѣ взрослыхъ сыновей больше, тѣ сперва, а за недостаткомъ ихъ, слѣдующій разрядъ, гдѣ такихъ работниковъ меньше, такъ, чтобы единственные сыновья въ семьѣ составляли послѣдній изъ призываемыхъ разрядовъ. И вотъ, въ томъ именно изъ этихъ разрядовъ, на которомъ достаточно будетъ остановиться, уже и могъ бы быть допущенъ жребій, если численность оказавшихся въ немъ молодыхъ людей превышаетъ число, потребное для пополненія контингента. Такимъ образомъ, жребію обязано бы было освобожденіемъ отъ повинности только небольшое число людей и то единственно въ видахъ *ровной ихъ цѣнности* для хозяйствъ и семействъ, то-есть для самого

государства, а не большинство всѣхъ молодыхъ людей 21-лѣтняго возраста.

Прежде, чѣмъ перейти къ другимъ предметамъ, отмѣтимъ еще одно возраженіе относительно предполагаемыхъ льготъ для людей высшаго образованія. Намъ случалось слышать, что первоначально предполагалось предоставить имъ льготу 6-ти-мѣсячной службы въ рядахъ, но потомъ это признано было слишкомъ недостаточнымъ для изученія службы. Мы убѣждены, что въ пользу этихъ людей должно быть допущено полное изъятіе; но какимъ образомъ выше упомянутое возраженіе могло даже и возникнуть, когда во всѣхъ кандидатскихъ дипломахъ съ давняго времени прописано право на производство въ офицеры, стало быть, не только на зачисленіе въ резервъ, но на командованіе въ дѣйствующихъ войскахъ, именно за 6 и даже 3 мѣсяца службы, если „знаніемъ фронта будутъ того достойны"?

Отъ вопроса о военной реформѣ перейдемъ къ прискорбному случаю, который произвелъ въ прошломъ мѣсяцѣ огромное впечатлѣніе на общество.

Бывшіе въ Одессѣ безпорядки, по случайности ихъ повода, можно бы назвать явленіемъ незначительнымъ; но какъ бы поводъ къ нимъ ни былъ случаенъ и лишенъ значенія, развитіе, принятое этими безпорядками, и итоги, сопровождавшія эти обстоятельства, не лишены значенія. Случайная драка во время религіознаго обряда породила нѣсколько нелѣпыхъ слуховъ, которые и послужили поводомъ къ возобновленію драки и къ приданію ей большихъ размѣровъ. Полуофиціальное изложеніе происшествій, явившееся въ „Одесскомъ Вѣстникѣ", должно быть вѣрно въ общихъ чертахъ, но въ немъ нельзя не замѣтить желанія редакціи свалить отвѣтственность на самихъ пострадавшихъ. „Одесскій Вѣстникъ", повидимому, убѣжденъ въ томъ фактѣ, что первый вызовъ къ безпорядкамъ былъ сдѣланъ евреями, а между тѣмъ, этотъ фактъ едва ли возможно знать съ достовѣрностью. Затѣмъ, „Одесскій Вѣстникъ" особенно энергично обрушается именно на репрессаліи со стороны евреевъ. Положимъ, что все это и справедливо. Нѣтъ сомнѣнія, по крайней мѣрѣ, что самоуправство, хотя бы и въ отплату за нападеніе, нехорошо. Но почему же мѣстный органъ такъ настаиваетъ на винахъ именно пострадавшихъ? Когда наиболѣе виноватымъ оказывается не кто иной, какъ именно самъ битый, то это очевидно есть натяжка. Цѣль натяжки въ настоящемъ случаѣ очевидна — желаніе выгородить мѣстное начальство. Но эта цѣль достигнута быть не можетъ; корреспонденты петербургскихъ и московскихъ газетъ слишкомъ рельефно выставили факты, удостовѣряющіе, что мѣстная администрація просто растерялась и не сдѣлала вначалѣ того, что очень легко было сдѣлать и что непремѣнно отвра-

тило бы продолженіе и развитіе безпорядковъ; недостатокъ энергіи въ самомъ началѣ положительно доказанъ, а благодаря ему, безпорядки дошли до того, что все еврейское имущество разграблено, убытки нанесено до милліона рублей, наконецъ 20 чел. ранены, 8 поднято на улицахъ умершими отъ чрезмѣрнаго опьяненія, и 2 убитыхъ каменьями, произведено 4 поджога, наконецъ арестовано было 1159 человѣкъ. Въ войскахъ ранено камнями 3 офицера и 24 солдата.

Извѣстно, что не одни греки производили это общее избіеніе всего еврейскаго; къ грекамъ пристали и русскіе, поденьщики, и наконецъ воры. „Несмотря на принятыя мѣры,—говоритъ „Правительственный Вѣстникъ", — безпорядки возобновились на другой день съ большею силою, причемъ *по религіозному чувству* (!?), къ грекамъ присоединились русскіе и злоумышленники съ цѣлью грабежа". Нельзя не пожалѣть о томъ, что такая фраза явилась въ оффиціальномъ органѣ. Можно ли видѣть религіозное чувство въ томъ, что пьяная толпа бросилась бить „жидовъ", особенно, когда за тѣмъ же объясненіемъ указывается прямо на шайку—мошенниковъ? Слова „по религіозному чувству" как бы служатъ къ извиненію гнусной, пьяной толпы, которая просто наслаждалась разрушеніемъ, и какъ извѣстно, била и христіанъ, когда они попадались некстати. Мы убѣждены, что такая мысль была далека отъ составителей оффиціальной замѣтки, но все-таки сожалѣемъ, что въ нее вкралась эта крайне-неловкая фраза, тѣмъ болѣе, что бездѣятельность мѣстной администраціи фраза эта все-таки оправдать не можетъ.

И въ нравственномъ, и даже въ военномъ смыслѣ, понятно, что можетъ еще произойти нѣкоторое колебаніе въ энергическомъ употребленіи силы для прекращенія безпорядковъ, когда безпорядки эти возникаютъ изъ какого-либо невиннаго, самого по себѣ недоразумѣнія, и когда можно опасаться, что слишкомъ поспѣшнымъ насиліемъ можно вызвать въ искренно-недоумѣвающихъ негодованіе и возбудить ихъ противъ самой власти, придавъ тѣмъ простому непониманію характеръ и размѣры мятежа. Такъ бывало въ прежнія времена съ нѣкоторыми „усмиреніями" крестьянъ за простое непониманіе. Но вѣдь здѣсь не было ничего похожаго, и никакой рѣшительно причины колебаться съ самаго начала. Недоумѣнія, непониманія вовсе не было, потому что нелѣпые слухи о томъ, будто начальство сочувствуетъ побіенію всего еврейскаго, могли дѣйствовать только на пьяныхъ, но не на трезвыхъ, но разгулявшихся буяновъ, но не на порядочныхъ рабочихъ, которые бы заслуживали снисхожденія. Наоборотъ, весьма вѣроятно— какъ впрочемъ и удостовѣряютъ нѣкоторые корреспонденты—что самые эти нелѣпые слухи о молчаливомъ одобреніи безпорядковъ властями и возникли-то вслѣдствіе именно слабости, съ какою мѣстная власть сперва дѣйствовала, или лучше сказать—бездѣйствовала. Вы-

ввесть немедленно войска, прекратить толпѣ доступъ въ улицы населенныя евреями, было вовсе не трудно, и толпа, по всей вѣроятности, тотчасъ бы разсѣялась передъ войсками, потому что вѣдь это же не было возстаніе противъ самой власти, а простое безчинство. Поэтому, военныя мѣры въ самомъ началѣ никакъ не могли увеличить размѣровъ драки, а непремѣнно положили бы ей конецъ, и не пришлось бы употреблять тѣ не вполнѣ законныя и не вполнѣ гуманныя средства, какія потомъ были приняты. Это выхватыванье людей изъ толпы и жестокое ихъ сѣченье, эта экзекуція, продолжавшаяся на базарѣ цѣлый день—явленія самаго безотраднаго свойства. Говорятъ, нѣсколько человѣкъ было засѣчено до смерти; но пусть это и неправда. Главное и наиболѣе отталкивающее свойство этого средства представляется именно въ полнѣйшей его произвольности. Въ полевомъ уголовномъ положеніи вовсе нѣтъ такого постановленія, которое оправдывало бы подобное сѣченіе. Войска требуютъ, чтобы толпа разошлась, и если она не слушается, разсѣеваютъ ее натискомъ своихъ колоннъ, безъ употребленія оружія; а буде толпа сама начинаетъ употреблять противъ солдатъ ножи, палки или каменья, войска также прибѣгаютъ къ оружію. Все это совершенно естественно. Но выхватыванье изъ толпы людей, частью и дѣтей, и женщинъ, и сѣченье ихъ безъ разбора, безъ суда—это нѣчто такое, что ни на чемъ не основано, кромѣ на чьей-либо личной, весьма несчастливой и вполнѣ произвольной мысли. Въ изложеніи дѣла, напечатанномъ въ „Правительств. Вѣстникѣ", сказано только, что „вслѣдствіе усилившихся безчинствъ, признано было нужнымъ разрѣшить, въ случаѣ крайней необходимости, вызываемой сопротивленіемъ, и употребленіе штыковъ". Это вполнѣ понятно; но въ такомъ случаѣ, чья-же была эта несчастная мысль о сѣченьи по усмотрѣнію, когда закономъ отмѣнено и сѣченье по суду?

Раздача архипастырскаго воззванія къ истиннымъ христіанскимъ чувствамъ—мѣра прекрасная, но къ сожалѣнію и она была употреблена не въ самомъ началѣ, а слишкомъ поздно.

Какъ отнеслось къ этому дѣлу большинство одесскаго населенія, люди порядочные всѣхъ національностей? Къ сожалѣнію можно сказать, что оно отнеслось къ этому дѣлу единственно—съ любопытствомъ. Порядочная часть населенія могла употребить всѣ мѣры, чтобы уговаривать буяновъ, опровергать нелѣпые слухи, наконецъ, могла прямо стараться защитить ту или другую лавку, того или другого несчастнаго. Но ничего этого не было. Никто изъ евреевъ нигдѣ не нашелъ себѣ защитниковъ изъ христіанъ, за исключеніемъ полиціи и властей; а такъ-называемая „публика" ограничилась тѣмъ, что пріѣзжала въ каретахъ смотрѣть на отвратительныя сцены грабежа и не менѣе отвратительныя сцены сѣченья. Гдѣ причина такого равнодушія? Въ жизни, говорятъ намъ; одесское общество слишкомъ разноха-

рактерно и различныя его группы не имѣютъ между собою солидарности. Явленіе знакомое, явленіе—не мѣстно-одесское. Но если, замѣтимъ, въ Одессѣ отсутствіе солидарности и единства мысли въ обществѣ гораздо ощутительнѣе, чѣмъ въ двухъ главныхъ городахъ Россіи, за которыми третьимъ стоитъ именно Одесса, то это обусловливается, безъ всякаго сомнѣнія, стѣсненіемъ, подцензурностью ея періодической печати. Извѣстно, какое громадное значеніе пріобрѣла въ послѣдніе года въ Петербургѣ *газета*. Можно съ достовѣрностью сказать, что почти вся масса ежедневныхъ разсужденій во всѣхъ слояхъ петербургскаго общества основана на газетѣ, на ея извѣстіяхъ, сообщеніяхъ и мысляхъ. Отсюда и проистекаетъ, что въ Петербургѣ, а въ меньшей степени и въ Москвѣ, уже все городское общество, за исключеніемъ неграмотныхъ, живетъ въ одномъ кругѣ мыслей. Оно уже не разъединено, и уровень его мысли значительно возвысился. Всякій прикащикъ, всякій грамотный работникъ, или читалъ газету, или слышалъ ея содержаніе, и вотъ мысль его обращается къ тому же предмету, который въ тотъ день наиболѣе занимаетъ и богатѣйшую сферу народа. Вотъ то полезное единеніе мысли въ общихъ дѣлахъ, которое въ такомъ городѣ какъ Одесса, по самой разнохарактерности его населенія, было бы особенно необходимо, особенно благодѣтельно.

Въ сообщеніи, напечатанномъ въ „Прав. Вѣстникѣ", прямо сказано, что оно передаетъ только свѣдѣнія доставленныя новороссійскимъ генералъ-губернаторомъ, и такая оговорка весьма нелишняя въ виду того, что въ число этихъ свѣдѣній вкрались нѣкоторыя, имѣющія характеръ оцѣнки этихъ прискорбныхъ происшествій и притомъ оцѣнки исключительно съ точки зрѣнія мѣстной администраціи, которой эти происшествія были всего непріятнѣе. Казалось бы нѣтъ никакой надобности пріискивать объяснительныя причины для дѣйствій разгулявшейся, пьяной толпы, смѣшанной съ людьми, которыхъ цѣлью тутъ же прямо указывается грабежъ. Непонятно для чего, если не для оправданія неуспѣха предупредительныхъ мѣръ, мѣстная администрація могла счесть нужнымъ ссылаться на „озлобленіе христіанъ (преимущественно простонародья), порожденное эксплуатированіемъ ихъ труда евреями и *умѣньемъ* сихъ послѣднихъ *богатѣть* и подчинять своему вліянію всѣ роды промышленности и торговли". Умѣнье богатѣть у насъ въ Россіи едва ли можно такъ рѣшительно отнести къ чертамъ, принадлежащимъ исключительно еврейскому племени. Эксплуатированіе же чужого труда — понятіе весьма растяжимое и до сихъ поръ еще никогда не появлявшееся въ реляціяхъ объ усмиреніи безпорядковъ, даже во время существованія крѣпостного права, гдѣ эксплуатированіе во всякомъ случаѣ было несомнѣннѣе, чѣмъ сама еврейская кабала. Что, еслибы греки и русскіе поденьщики въ Одессѣ разбили нѣмецкія лавки, неужели мѣстная администрація

стала бы ссылаться на озлобленіе, порождаемое умѣньемъ нѣмцовъ „богатѣть“ и „эксплуатировать“ чужой трудъ?

Напрасно было говорить это и объ евреяхъ. Если евреи дѣйствуютъ скопомъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ они скучены — то какъ же не понять, что главною тому причиною служатъ опять тѣже условія, искусственно сосредоточивающія и удерживающія евреевъ въ извѣстныхъ мѣстностяхъ? Намъ уже случалось говорить о необходимости отмѣны этихъ условій, а именно о допущеніи евреевъ разселяться по всей Россіи, наравнѣ со всѣми прочими ея подданными, а также о проведеніи въ законодательствѣ принципа полной религіозной свободы, которая вывела бы евреевъ изъ ихъ искусственно поддерживаемой замкнутости и слила бы ихъ съ русскими, какъ они слиты во Франціи съ французами, въ Англіи съ англичанами, въ Австріи съ нѣмцами.

Но подобнымъ реформамъ, очевидно вызываемымъ законными потребностями русской жизни, и непредставляющимъ ни малѣйшей опасности, вполнѣ противорѣчатъ такіе факты, какъ недавно послѣдовавшее въ Царствѣ Польскомъ запрещеніе евреямъ употреблять обычную ихъ одежду. Какъ будто запрещеніями можно обрусить кого-либо. Совсѣмъ напротивъ; и дѣйствительно, изъ газетныхъ корреспонденцій видно, что пока это запрещеніе обруситъ польскихъ евреевъ (что весьма сомнительно), оно уже сильно встревожило русскихъ евреевъ, между прочимъ и въ Москвѣ. Неужели къ достиженію дѣйствительнаго единства гражданъ въ государствѣ могутъ весть мѣры прямо раздражающія племенную жизнь, мѣры, которыя хотя и гонятъ ее съ вывѣски или съ сюртука, носимаго на улицѣ, но тѣмъ глубже пробуждаютъ и поддерживаютъ ее въ умѣ и въ сердцѣ человѣка, преслѣдуемаго въ ближайшихъ своихъ и никому не вредныхъ правахъ?

Говоря объ общественной жизни, мы естественно приходимъ къ другой окраинѣ, которой внутренняя жизнь пока стоитъ совершенно особнякомъ и на которой жизнь если искусственно и не создается, то все еще крѣпко держится на вполнѣ искусственномъ основаніи привилегій, въ которыхъ не заинтересовано даже огромное большинство мѣстнаго населенія.

Въ минувшемъ мартѣ мѣсяцѣ обнародованы въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“ два новыя законоположенія, касающіяся прибалтійскихъ губерній. Сами по себѣ они большого значенія не имѣютъ и такъ-называемаго „остзейскаго вопроса“ далеко не разрѣшаютъ, а именно, одно касается мукомольныхъ мельницъ въ Лифляндіи, другое же о допущеніи въ лифляндскій ландтагъ не-дворянъ, владѣющихъ дворянскими вотчинами. Оба эти дѣла возникли изъ ходатайства лифляндскаго

дворянства, но исходъ его ходатайствъ въ обоихъ случаяхъ былъ не одинаковъ. Тамъ, гдѣ лифляндское дворянство, въ лицѣ своего представительства—ландтага, высказало желаніе либеральное, это желаніе его и получило удовлетвореніе; тамъ же, гдѣ ходатайство лифляндскаго дворянства было не-либерально, оно и не получило удовлетворенія. Либерализмъ лифляндскаго дворянства проявился въ рѣшеніи его ландтага, чтобы въ это собраніе допущены были впредь лица всѣхъ состояній, но разумѣется только въ такомъ случаѣ, если они владѣютъ дворянскими вотчинами, и чтобы право служить по выборамъ отъ лифляндскаго дворянства было распространено на лица всѣхъ сословій, конечно за исключеніемъ должностей по внутреннему управленію дворянскаго общества, на которыя и впредь имѣютъ быть избираемы одни лифляндскіе матрикуловые дворяне. Это ходатайство, хотя и нельзя сказать, чтобы либерализмъ его былъ поразительнаго свойства, все-таки либерально, и оно утверждено законоположеніемъ. Менѣе либерально было другое ходатайство лифляндскаго дворянства, именно о томъ, чтобы съ отмѣною принадлежавшаго собственникамъ дворянскихъ вотчинъ въ Лифляндіи исключительнаго права на устройство мельницъ вѣтряныхъ, было сохранено исключительно за собственниками дворянскихъ вотчинъ право заводить и содержать мельницы водяныя. Это ходатайство, въ виду намѣренія законодательной власти совершенно и безусловно отмѣнить это право въ смыслѣ дворянсковотчиннаго, по отношенію не только къ Лифляндіи, но и къ остальнымъ частямъ остзейскаго края, законодательною властью отклонено и положено сообразно тому сдѣлать измѣненіе въ редакціи нѣкоторыхъ статей мѣстныхъ остзейскихъ законовъ.

Въ обоихъ этихъ случаяхъ мы упоминали о законоположеніяхъ. И дѣйствительно, окончательное рѣшеніе въ обоихъ случаяхъ постановлено верховною властью; но какъ то, такъ и другое изъ этихъ дѣлъ восходило на ея разрѣшеніе не обыкновеннымъ путемъ законодательства, не чрезъ общія для всей имперіи высшія учрежденія, а чрезъ особенное, именно чрезъ остзейскій комитетъ, который является органомъ законодательной власти по отношенію къ тремъ губерніямъ имперіи. Въ Россіи есть еще губерніи, удержавшія нѣкоторые мѣстные законы, но каждая изъ нихъ сама, по отношенію къ законодательству, является отдѣльною губерніею. Существованіе въ кодексѣ нѣсколькихъ постановленій мѣстныхъ, или хотя бы цѣлыхъ мѣстныхъ уложеній нисколько не несовмѣстно съ цѣльностью самого законодательнаго органа, общаго для всей имперіи. Необходимость отдѣльнаго законодательнаго органа для трехъ остзейскихъ губерній ничѣмъ не доказывается и нѣтъ достаточнаго основанія полагать, что онъ будетъ существовать всегда. Учрежденъ онъ не нынѣ, дѣйствуетъ до сихъ поръ, потому что не отмѣненъ, и мы имѣемъ полное убѣжденіе, что

дѣйствія его, какъ и всѣхъ государственныхъ установленій, направлены неуклонно къ общей пользѣ государства. Намъ и въ голову не приходитъ, что остзейскій комитетъ можетъ дѣйствовать иначе. Но мы не о дѣйствіяхъ его и говоримъ; мы говоримъ о самомъ его существованіи, то-есть просто о томъ фактѣ, что для трехъ губерній существуетъ особый законодательный органъ. Этотъ фактъ, во-первыхъ, еще болѣе обособляетъ ихъ отъ остальной Россіи, а во-вторыхъ, даетъ имъ именно ту связь, то единство въ смыслѣ цѣлаго самостоятельнаго *края*, которыхъ не даютъ имъ и сами мѣстныя узаконенія и привилегіи. Въ самомъ дѣлѣ, ни Сигизмундова грамота, ни Карлова грамота, ни капитуляція 1710-го года, ни ништадтскій миръ не создаютъ *остзейскаго единства*, не сливаютъ эти три провинціи въ одинъ край, съ общимъ законодательнымъ органомъ. Ландтаги ихъ — представительства, не только не всесословныя, но въ особенности чисто-губернскія, не имѣющія никакой общей связи. Стало быть, что же объединяетъ эти губерніи въ остзейскій край? Ничто, кромѣ того, что сама Россія дала имъ въ лицѣ остзейскаго комитета органъ законодательной власти общій для нихъ. Ни привилегія ихъ, ни тотъ договоръ со Швеціею, на который они ссылаются вовсе не оговариваютъ единства остзейскаго края и существованіе спеціальнаго, общаго для него органа законодательства. Россія сама дала имъ ту связь, которой имъ недоставало. Представьте себѣ, что въ то время, какъ королевства чешское и кроатское не имѣютъ въ своей законности ничего, чтó бы ихъ соединяло, австрійское правительство само учредило бы какой-нибудь особый законодательный органъ для того, чтобы дать своимъ славянскимъ областямъ единство.

Не такова, конечно, была и мысль учрежденія остзейскаго комитета. Назначеніемъ была, очевидно, экспертиза по законодательнымъ вопросамъ, возникающимъ изъ мѣстныхъ условій трехъ губерній и касающимся мѣстныхъ постановленій. Но на практикѣ не могло не случиться, что такое учрежденіе не ограничилось экспертизою, а стало въ большинствѣ случаевъ настоящимъ законодательнымъ органомъ. Въ виду неудобства, которое представляется какъ обособленіемъ законодательной власти для трехъ губерній, такъ и искусственнымъ объединеніемъ ихъ, какъ бы вытекающимъ отселѣ, должно полагать, что когда-либо возникнетъ вопросъ объ отмѣнѣ особаго остзейскаго комитета.

Довольно уже и того неоффиціальнаго объединенія ихъ, которое выражается самымъ возбужденіемъ „остзейскаго вопроса“. Если есть „остзейскій вопросъ“ стало быть есть остзейское единство. И оно дѣйствительно есть, какъ ни противорѣчатъ тому и этнографическія условія и сами историческія данныя. Большинство населенія въ одной провинціи эсты, въ другой латыши, въ третьей латыши и литва. Ха-

рактеръ этихъ племенъ весьма различенъ. Условія почвы, торговыя условія и положеніе земледѣлія въ трехъ этихъ губерніяхъ весьма различны. Наконецъ, не мало различія представляетъ и исторія Курляндіи, Лифляндіи и Эстляндіи, и всѣ эти различія весьма существенно повліяли и на мѣстныя узаконенія. Но одна связь между ними все-таки есть, и напрасно было бы отрицать ее: во всѣхъ трехъ губерніяхъ нѣмцы составляютъ меньшинство, незначительное по числу, но всесильное по своему положенію, по своей образованности и зажиточности. Въ всѣхъ трехъ губерніяхъ это меньшинство прониклось національнымъ принципомъ, и твердо убѣждено, что земля, какъ Лифляндіи и Эстляндіи, такъ и Курляндіи, несмотря на всѣ историческія и всякія другія различія, принадлежитъ *по закону исторіи* ему, т.-е. нѣмецкому меньшинству. Вотъ то остзейское „единство" и тотъ остзейскій „вопросъ", которые неизбѣжно представляются намъ практикою неоффиціальною.

Когда мы, въ послѣдній разъ, говорили объ остзейскомъ вопросѣ, то указывали на самый корень его, именно на вопросъ о надѣлѣ балтійскихъ крестьянъ. На этотъ разъ мы возвратимся собственно къ національной сторонѣ остзейскаго вопроса, которая такъ ярко выступила въ извѣстныхъ адресахъ, поданныхъ лифляндскимъ и эстляндскимъ ландтагами годъ тому назадъ. Исторія этихъ адресовъ и ихъ послѣдствій вполнѣ выяснилась только въ нынѣшнемъ году. Только недавно, въ новыхъ статьяхъ г. Каттнера, въ „Аугсбургской газетѣ", появились дополнительныя, неизданныя доселѣ свѣдѣнія о тогдашнемъ ходатайствѣ остзейскихъ дворянъ, а также и о нѣкоторыхъ новѣйшихъ фактахъ агитаціи національнаго принципа въ этихъ губерніяхъ. Только недавно разрѣшилось, наконецъ, и возникшее изъ тѣхъ же адресовъ дѣло о судьбѣ депутаціи съ адресомъ отъ латышей, пріѣзжавшихъ въ Петербургъ. Положеніе дѣла и теперь точно такое же, какъ годъ тому назадъ; не сдѣлано ни шагу къ устраненію „остзейскаго вопроса" въ какомъ бы то ни было смыслѣ. Поэтому, позднѣйшія свѣдѣнія о ходатайствахъ нѣмецкаго дворянства имѣютъ не только интересъ новизны, но и вполнѣ современное значеніе, такъ какъ стремленія нѣмецкаго меньшинства въ остзейскомъ краѣ, втеченіи этого года, уже никакъ не обратились въ другую сторону. Что они и не ослабѣли,—это тоже слишкомъ вѣроятно, и г. Каттнеръ удостовѣряетъ это, впрочемъ, фактически.

Текстъ лифляндскаго адреса отъ 14-го января 1870-го года извѣстенъ, извѣстна также и послѣдовавшая на него резолюція. Мы уже въ то время изъявили сожалѣніе, что и тогда дѣлу этому не было придано движенія общимъ законодательнымъ путемъ. Еслибы ходатайство лифляндскаго ландтага съ заключеніемъ министра внутреннихъ дѣлъ было внесено въ государственный совѣтъ, какъ туда мо-

жетъ быть внесено особымъ повелѣніемъ всякое дѣло, то представилась бы возможность рѣшить это дѣло по самому существу, и именно въ законодательномъ его значеніи, то-есть рѣшить общимъ образомъ вопросъ о мнимыхъ „государственныхъ" правахъ, о мнимой государственной самостоятельности этихъ провинцій. Резолюція, отклонившая лифляндскій адресъ, правда, рѣшала этотъ вопросъ и рѣшала его вполнѣ вѣрно. Но по самой своей формѣ она имѣла характеръ только отвѣта на отдѣльное, частное явленіе, представляла исходъ только одного частнаго случая, за которымъ, поэтому — и не взирая на послѣдовавшій на него собственно отвѣтъ—могъ легко возникнуть другой подобный частный случай, требующій новаго отвѣта. Такъ и случилось. За лифляндскимъ адресомъ, и несмотря на отклонившую его резолюцію, явился адресъ эстляндскаго рыцарства отъ 17-го (29) марта прошлаго года. Текстъ этого адреса доселѣ не былъ обнародованъ, и мы впервые встрѣчаемъ его въ упомянутой статьѣ г. Каттнера. Сверхъ того, мы узнаемъ изъ нея, что къ лифляндскому адресу была приложена еще особая записка, которая доселѣ оставалась также необнародованною, и которой сущность г. Каттнеръ теперь также сообщаетъ.

Эстляндскій адресъ, котораго твердость особенно хвалитъ г. Каттнеръ, повторяетъ туже доктрину остзейской государственности, которую мы видѣли въ адресѣ лифляндскомъ. Вѣчность привилегій, обусловленная будто-бы международнымъ правомъ, и возникающее будто-бы изъ ништадтскаго договора право для самихъ эстляндцевъ законно противиться всѣмъ распоряженіямъ, которыя бы клонились—какъ неизбѣжно клонятся правительственныя распоряженія во всѣхъ государствахъ—къ измѣненію или отмѣнѣ, съ теченіемъ времени, привилегій, имѣющихъ сословный характеръ,—вотъ та точка зрѣнія, на которой стоятъ податели какъ лифляндскаго, такъ и эстляндскаго адресовъ. И вотъ самую эту точку зрѣнія представлялась возможность поколебать законодательнымъ разсмотрѣніемъ перваго же адреса въ государственномъ совѣтѣ. Эстляндскій адресъ жалуется на введеніе русскаго языка въ губернскую администрацію и наплывъ русскихъ чиновниковъ (у насъ что-то не слыхать, чтобы массы русскихъ чиновниковъ отправлялись въ Эстляндію), на порчу училищнаго дѣла внесеніемъ въ него національныхъ тенденцій, чуждыхъ ему по существу, на крайнюю строгость цензуры, на существующее по силѣ законовъ, „хотя и смягчаемое на практикѣ милостивою снисходительностью въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ", стѣсненіе религіозной свободы. Послѣ изложенія этихъ жалобъ, эстляндское дворянство указывало на „вѣчныя гарантіи предоставленныя краю безъ всякихъ ограниченій, когда онъ покорялся Россіи", однимъ словомъ, на ништадтскій договоръ со Швеціею, въ которомъ эстляндское дворянство видитъ „ис-

точникъ своего права", ссылаясь на „данное въ видѣ договора (vertragsmässig) слово одного изъ величайшихъ государей всѣхъ временъ", т.-е. Петра I. На этихъ основаніяхъ, эстляндское дворянство проситъ: „свободы религіознаго исповѣданія, безо всякаго стѣсненія совѣсти, и права собственнаго, самостоятельнаго развитія (eigener Fortentwicklung) на нынѣшнихъ основахъ нѣмецкой національности, туземнаго управленія и судопроизводства".

Мы съ намѣреніемъ ничего не сказали досел о собственныхъ взглядахъ, заявленіяхъ и оцѣнкахъ г. Каттнера, и съ намѣреніемъ отводимъ имъ особое мѣсто, потому именно, что наша цѣль не возбуждать русскихъ противъ нѣмцевъ и наоборотъ, или компрометтировать цѣлый край, или хотя бы цѣлое сословіе края, примѣшивая къ ихъ заявленіямъ слова частныхъ лицъ, не несущихъ отвѣтственности, и трактовать все это заурядъ, какъ поступаютъ у насъ нѣкоторые „патріоты" полицейскаго пошиба. Ихъ умышленно - недобросовѣстные пріемы заслуживаютъ отвращеніе уже и потому, что представляютъ сыскной элементъ какъ бы неотъемлемой принадлежностью русскаго патріотизма. Мы оставимъ пока г. Каттнера въ сторонѣ и въ нѣсколькихъ словахъ оцѣнимъ то заявленіе эстляндскаго дворянства, въ которомъ отражаются, безъ всякаго сомнѣнія, и нынѣшнія его убѣжденія и желанія. Мы совершенно несогласны съ основою, на которой это дворянство поставило свои требованія, и вдвойнѣ сожалѣемъ, что на ней же поставлены нѣкоторыя такія требованія, къ которымъ не можемъ относиться иначе какъ съ полнымъ уваженіемъ и теплыми сочувствіями. Эстляндское дворянство проситъ полной свободы въ выборѣ и исповѣданіи вѣры, и проситъ освобожденія школы отъ чуждыхъ ей по существу политическихъ тенденцій, и заявляя эти вполнѣ справедливыя требованія, освящаемыя всѣмъ ходомъ человѣческаго развитія и заботливостью какъ о правильномъ развитіи человѣка, такъ и объ обезпеченіи личной его свободы и достоинства въ одномъ изъ самыхъ неотъемлемыхъ правъ его ума и совѣсти, — заявляя подобныя требованія, говоримъ мы, эстляндское дворянство напрасно ставило и основывало ихъ на сомнительной, непрочной и узко-мѣстной исторической почвѣ. Еслибы эти собственно просьбы оно основало не на ништадтскомъ договорѣ, а на ихъ внутренней, непреложной во всѣ времена справедливости и на раціональности ихъ, усвоенной сознаніемъ всего образованнаго человѣчества въ наше время, то оно могло бы знать, чтò за его адресомъ стоитъ не одна Эстляндская губернія, а все образованное общество. Все оно привѣтствовало бы почтительную просьбу эстляндскаго дворянства о вполнѣ необходимой реформѣ, которой еще недостаетъ всей Россіи. Реформа эта, мы надѣемся, будетъ дарована всѣмъ намъ тою же мудростью, которая уже осуществила въ законодательствѣ нѣсколько крупнѣйшихъ, завѣтныхъ

думъ и желаній русскаго общества. Изъ реформъ существенно-необходимыхъ для уравненія русскаго общества съ европейскими условіями быта, и вполнѣ совмѣстимыхъ съ нашимъ государственнымъ строемъ — первое, безъ всякаго сомнѣнія, мѣсто, по настоятельности своей, занимаетъ именно реформа нашихъ узаконеній въ смыслѣ свободы исповѣдывать всѣ непротиворѣчащія благоустройству религіозныя вѣрованія, по тому или другому обряду, согласно личному убѣжденію частныхъ лицъ, до котораго государству нѣтъ дѣла. Реформу эту тѣмъ менѣе причинъ откладывать, что она все-равно неизбѣжна въ будущемъ. Найдете ли въ Россіи человѣка, хотя бы изъ самыхъ пугливыхъ консерваторовъ, который рѣшится утверждать, что свобода вѣры, существующая вездѣ въ Европѣ какъ одно изъ коренныхъ гражданскихъ правъ, и особенно полно, безусловно существующая въ такомъ консервативномъ государствѣ, какъ Пруссія, Россіи не будетъ дана *никогда*? А если это утверждать невозможно, то нѣтъ никакого основанія откладывать эту реформу хотя бы на одинъ годъ, потому что подчиненіе государства церкви имѣетъ смыслъ именно только въ убѣжденіи, что такое подчиненіе должно быть вѣчно, что оно—одно изъ непреложныхъ условій государственнаго и общественнаго быта. Откладываніе этой неизбѣжной реформы не отстранитъ ее, и между тѣмъ оно даетъ излишнюю искусственную поддержку тѣмъ вопросамъ, которые возникаютъ на нашихъ окраинахъ, отталкивая инородцевъ отъ государства служащаго одному, и именно чуждому имъ исповѣданію, и связывающаго свою дѣятельность съ религіозною пропагандою. Наши пресловутые „патріоты" и въ самомъ дѣлѣ весьма сочувственно относятся къ пропагандѣ; они не хотятъ знать одного, именно, что никакое введеніе русскаго языка въ дополнительное, или хотя бы литургическое католическое и лютеранское богослуженіе не можетъ такъ дѣйствительно устранить изъ иновѣрныхъ населеній духъ національнаго сепаратизма, какъ то могла бы сдѣлать полная религіозная свобода, то-есть отрѣшеніе государства отъ всякой религіозной пропаганды. Католичество и лютеранство являются у насъ исключительно польскимъ и нѣмецкимъ не столько потому, что въ нихъ не введено какое-то дополнительное богослуженіе на русскомъ языкѣ, а потому, что государство у насъ является въ видѣ свѣтской пропаганды православія. Когда русское государство прямо, и подъ страхомъ тяжкихъ уголовныхъ наказаній, поддерживаетъ православіе, удивляться ли, что иновѣрческія церкви принимаютъ прямо анти-русскій характеръ? При допущеніи государствомъ полной религіозной свободы, изъ національной оппозиціи на нашихъ окраинахъ непремѣнно исчезъ бы вопросъ религіозный, который составляетъ существенную часть этой оппозиціи потому именно, что онъ доступенъ всему народу, и различіе въ отношеніи государства къ разнымъ исповѣданіямъ влечетъ за собою въ

чуждый національный лагерь такія народныя большинства, которыя остались бы совершенно равнодушны къ національнымъ мечтаніямъ всякаго иного рода.

Посмотрите, напримѣръ, какъ поставленъ этотъ вопросъ въ остзейскихъ губерніяхъ. Русское государство угрожаетъ тяжкими карами за отпаденіе отъ православія, принуждаетъ родителей, изъ которыхъ одинъ православный, непремѣнно дѣлать своихъ дѣтей православными, строитъ на свой счетъ православныя церкви, наконецъ всячески—хотя нѣмецкія сказанія объ этомъ, положимъ, и преувеличены—покровительствуетъ православной пропагандѣ. Изъ этого происходитъ что же? Не только то, что русскіе не могутъ быть лютеранами — это небольшой выигрышъ, ибо русскіе и безъ того лютеранами бы не дѣлались; но изъ этого происходитъ еще и то, что *лютеране не могутъ быть русскими*, по духу, по сочувствіямъ, по приверженности къ государству. При этомъ условіи лютеранизмъ не можетъ не быть нѣмецкимъ національнымъ, а такъ какъ эсты и латыши—лютеране, то и неудивительно, что всѣ они, при малѣйшемъ знакомствѣ съ нѣмецкимъ языкомъ, обращаются въ нѣмцевъ, и именно въ нѣмцевъ націоналовъ. Спрашивается, можетъ ли быть иначе при нынѣшнихъ условіяхъ? Правда, въ послѣднее время, среди латышей, въ силу другого вопроса, который рознитъ ихъ отъ нѣмцевъ, а именно въ силу безземельности и безправія мѣстнаго крестьянства, иногда проявляется стремленіе къ общенію съ Россіею, желаніе сблизиться съ нею, высказать ей, что сердце крестьянъ лежитъ болѣе къ Россіи, чѣмъ къ нѣмцамъ. Воспользуются ли такимъ настроеніемъ, поспѣетъ ли во время устройство крестьянскаго надѣла въ краѣ—это другой вопросъ, о которомъ мы уже говорили много разъ.

Но если оба эти вопроса долго останутся въ застоѣ, если матеріальные интересы балтійскихъ крестьянъ не будутъ удовлетворены надѣломъ, а духовные ихъ интересы будутъ и далѣе неудержимо влечь ихъ въ нѣмецкій лагерь, въ виду связи русскаго государства съ пропагандою православія, въ такомъ случаѣ легко предвидѣть, что нынѣшнія благопріятныя общенію съ Россіею явленія, какія замѣчаются порою среди латышей, вскорѣ исчезнутъ безслѣдно и навсегда. Такое явленіе представилось, между прочимъ, и вслѣдъ за подачею лифляндскаго адреса 1870-го года. Въ виду этого адреса нѣмецкихъ помѣщиковъ, около 200 латышскихъ сельскихъ обществъ составили свой адресъ о полной и безусловной преданности Россіи, и адресъ этотъ въ разныхъ мѣстахъ соединилъ подъ собою до 200 тысячъ подписей. И что же? Такъ какъ все уѣздное управленіе находится въ рукахъ нѣмцевъ, то экземпляры этого адреса похватали, такъ что пріѣзжавшая въ Петербургъ, въ январѣ настоящаго года, депутація латышей привезла ихъ всего 52 экземпляра, съ около 50-ю т. подписей. Прискорбна

была судьба и этой попытки: депутація принята не была и адресъ былъ отъ нея отобранъ, такъ что латыши теперь вошли къ балтійскому генералъ-губернатору съ прошеніемъ возвратить имъ по крайней мѣрѣ адресъ, который все-таки имѣетъ цѣну, какъ актъ добровольнаго изъявленія пріязненныхъ русскому государству чувствъ со стороны живущихъ въ немъ латышей. Но возможно ли разсчитывать на прочность подобныхъ явленій, въ виду какъ того удивительнаго неуспѣха, какой бываетъ ихъ долею, такъ и того полнаго застоя и равнодушія, съ какими у насъ относятся и къ крестьянскому и къ религіозному вопросу въ остзейскихъ губерніяхъ? Не говоря теперь о крестьянскомъ вопросѣ, скажемъ еще разъ, что при нынѣшнемъ церковномъ направленіи государства, латыши и эсты если останутся лютеранами, должны будутъ непремѣнно сдѣлаться нѣмцами. А лютеранами, они—въ огромномъ большинствѣ, несомнѣнно останутся, какъ бы дѣятельно ни велась пропаганда. Обратятся въ православіе какіе-нибудь сотни людей, народъ же останется лютеранскимъ, и изъ него будутъ выходить нѣмцы по духу, а не русскіе. Не благоразумнѣе ли было бы, въ интересахъ самой политики, открыть всѣмъ иновѣрческимъ населеніямъ возможность быть русскими по духу, сдѣлавъ русскимъ учрежденіемъ полную религіозную свободу?

Возвратимся теперь къ заявленіямъ остзейскихъ дворянствъ. Изъ требованій, изложенныхъ въ адресѣ эстляндскаго дворянства, имѣетъ раціональное основаніе только одно, а именно — просьба о религіозной свободѣ, объ освобожденіи школы отъ политическихъ тенденцій, которыя ее искажаютъ, и объ освобожденіи печати отъ цензуры. Требовать распространенія правъ, расширенія свободы, и меньшинство вправѣ для большинства, и еслибы эстляндское дворянство просило этого не только для Эстляндіи, но и для всей Россіи, то и тогда просьба его была бы вполнѣ не только основательна, но и правомѣрна. Но когда оно требуетъ для Эстляндіи „самостоятельнаго развитія на началахъ нѣмецкой національности", и сохраненія туземнаго порядка управленія и суда, то здѣсь требованія его являются уже основанными только на ипотезѣ, и на невѣрной этнографически ипотезѣ, что Эстляндія есть достояніе нѣмецкаго племени. Что касается „источника правъ", то-есть ништадтскаго договора, то эстляндскому дворянству этотъ договоръ источникомъ правъ служить не можетъ. Что-нибудь изъ двухъ: 1) или эстляндская законность никакого международнаго характера не имѣетъ, а основана просто на волѣ русской законодательной власти, какъ то выражено было въ резолюціи на адресъ дворянства лифляндскаго; а въ такомъ случаѣ, законность эта подлежитъ и всѣмъ измѣненіямъ, какія признаетъ нужными законодательная власть, которой вниманію въ особенности не можетъ не представляться необходимость отмѣны въ балтійскихъ провинціяхъ нынѣшняго

порядка управленія и суда, имѣющихъ чисто-сословный характеръ; 2) или же эстляндская законность имѣетъ характеръ международный, но въ такомъ случаѣ основа ея уже не милость Петра къ новымъ его подданнымъ, а просто обязательство, данное Россіею въ трактатѣ, но трактатѣ заключенномъ опять не съ Эстляндіею, а со Швеціею. Еслибы трактатъ, заключенный со Швеціею сто сорокъ лѣтъ тому назадъ и о которомъ сама Швеція никогда не упоминала, остался непоколебимымъ палладіумомъ сословныхъ правъ для провинціи, цѣлый вѣкъ уже къ Швеціи не принадлежащей, то по истинѣ можно бы было сказать, что изъ всѣхъ трактатовъ въ мірѣ онъ представляетъ единственное, исключительное явленіе. На вѣки-непреложнымъ оказалось бы именно то трактатное обѣщаніе, о поддержаніи котораго никогда не было замолвлено и слова тѣмъ правительствомъ, которому такое обѣщаніе было дано! Но въ дѣйствительности международные трактаты вовсе не вѣчны, и нѣмецкой національности эта истина извѣстна не менѣе, чѣмъ всякой другой. Признаетъ ли Пруссія, напр., право жителей сѣвернаго Шлезвига ссылаться на пражскій трактатъ, какъ на источникъ ихъ законности? Вовсе нѣтъ. Прусское правительство держится воззрѣнія, что хотя въ пражскомъ трактатѣ и упомянуто о сѣверномъ Шлезвигѣ, но заключенъ-то онъ Пруссіею не со шлезвигскою областью, а съ Австріею. А такъ какъ Австрія о немъ не упоминаетъ, его не поддерживаетъ, то онъ и не исполняется, хотя и заключенъ недалѣе какъ въ 1866-мъ году. Въ какой же мѣрѣ насъ можетъ связыватъ ништадтскій договоръ, заключенный съ Швеціею въ 1721-мъ году, и въ особенности, какое международное основаніе могутъ имѣть требованія эстляндскаго дворянства, съ которымъ международнаго договора никогда не могло быть заключено уже потому, что ни оно, ни вся Эстляндія никогда самостоятельнымъ государствомъ не были?

Не менѣе неосновательна и ссылка эстляндскаго дворянства на принципъ національностей. Странна само по себѣ уже фраза, что „нѣмецкому населенію края угрожаетъ принесеніе его въ жертву принципу національностей“, когда представители этого населенія именно во имя принципа національностей и стараются сохранить за краемъ его нѣмецкую особность.

Въ неизданной доселѣ запискѣ, приложенной къ адресу лифляндскаго ландтага, встрѣчаются нѣкоторые неизвѣстные еще курьезы. Противъ регулированія казенныхъ имѣній въ Лифляндіи, при которомъ иногда предоставляются православнымъ крестьянамъ участки, для приближенія ихъ къ церкви, возражается напоминаніемъ, что казенныя имѣнія въ Лифляндіи, въ силу капитуляціи 1710-го года, не подлежатъ отчужденію, а должны быть употребляемы только ad sustinenda status onera, и такъ какъ Лифляндія, по понятіямъ ея дворянства, есть status, то само собою разумѣется, что министерство го-

сударственныхъ имуществъ не имѣетъ права распоряжаться имѣніями чужого status. Но пусть Лифлянія и status, спрашивается, на комъ лежатъ въ этомъ statu главнѣйшія onera? И еслибы, паче чаянія, оказалось, что лежатъ они на безземельномъ, подлежащемъ рекрутчинѣ и подушнымъ податямъ крестьянствѣ, то раздача нѣсколькихъ участковъ этому крестьянству, съ какою бы цѣлью оно даже ни дѣлалось, не ведетъ ли именно ad sustinenda status onera? Вѣдь не вывозятъ же въ самомъ дѣлѣ казенные участки земли изъ Лифляндіи въ Россію!

Теперь нѣсколько словъ объ извѣстіяхъ г. Каттнера, а также и о личныхъ его заявленіяхъ. Любопытно то, что онъ сообщаетъ насчетъ усиленія нѣмецкаго самосознанія въ остзейскомъ краѣ въ настоящее время. Онъ напоминаетъ, что три года тому назадъ, дѣлая сравненія, какая отрасль германскаго племени заслуживаетъ болѣе участія Германіи: эльзасцы, принадлежавшіе къ Франціи, или остзейцы, принадлежащіе къ Россіи,—онъ отдавалъ положительное предпочтеніе остзейцамъ, потому что они болѣе заботятся объ охраненіи своей германской національности. „Мы должны были,—говоритъ г. Каттнеръ,—совѣтовать нашему народу, чтобы онъ отказалъ во всякомъ участіи своимъ зарейнскимъ одноплеменникамъ, которые въ немъ не нуждались, и обратилъ это участіе на тѣхъ своихъ родичей, которые живутъ на Двинѣ и у финскаго залива. Съ тѣхъ поръ, продолжаетъ онъ, судьба устроила такъ, что мы отняли у французовъ господство надъ прекрасною землей между верхнимъ Рейномъ и Мозелемъ, и находимся нынѣ въ такомъ странномъ положеніи, что тамошнихъ нѣмцевъ мы принуждаемъ быть нѣмцами, а между тѣмъ спокойно терпимъ то, что нѣмцевъ, живущихъ у Рижскаго залива, принуждаютъ переходить въ русскую національность (Russenthum). Однако, можно надѣяться, что то сопротивленіе, какое встрѣтили мы у подножія Вогезовъ, будетъ послабѣе и поуступчивѣе, чѣмъ сопротивленіе, оказываемое балтійцами русскимъ". Г. Каттнеръ сообщаетъ и нѣкоторые факты, свидѣтельствующіе о возрастаніи такого сопротивленія. Но такъ какъ на достовѣрность этихъ фактовъ мы вполнѣ положиться не можемъ, а между тѣмъ рѣчь идетъ о нашихъ согражданахъ, то мы предпочитаемъ не приводить ихъ. Во всякомъ случаѣ, указываемыя г. Каттнеромъ мѣропріятія въ остзейскомъ краѣ никакъ не оправдываютъ слѣдующія его фразы: „Край этотъ извлекъ изъ побѣдъ Пруссіи въ 1866-мъ году ту же выгоду, какую извлекла вся Германія изъ побѣдъ Фридриха Великаго, а именно ту выгоду, что въ его нѣмецкомъ населеніи мощно поднялось національное самосознаніе, а съ нимъ и мужество въ борьбѣ со славянскою несправедливостью (Unbill)". Это ужъ слишкомъ сильно сказано. Можно ли утверждать, что остзейскихъ

нѣмцевъ заставляютъ переходить въ русскую національность, и какія же это ужасныя мѣры принимаются въ остзейскомъ краѣ, которыя можно бы обобщить подъ громкимъ словомъ „славянской несправедливости?" Напротивъ, самъ же авторъ сообщаетъ фактъ, который свидѣтельствуетъ, что „славянская несправедливость" ничего ужасающаго не представляетъ: по словамъ его, въ нѣкоторыхъ деревняхъ крестьяне-эсты съ волостнымъ судьею въ главѣ прогнали русскихъ учителей и полицейскихъ изъ волости, поколотивъ ихъ при этомъ. Приведена была военная команда и произведены аресты. „Теперь извѣщаютъ, что послѣ слѣдствія, продолжавшагося нѣсколько мѣсяцовъ, эти люди выпущены безъ всякаго наказанія, и заупрямившимся сельскимъ обществамъ опять дозволено поставить учителями своихъ единовѣрцовъ, которые учатъ дѣтей на ихъ родномъ языкѣ". Г. Каттнеръ самъ неодобряетъ повидимому такой уступчивости. Но если разсказываемый имъ фактъ вѣренъ, то насъ особенно непріятно поразила бы въ немъ не эта уступчивость, а то, что будто бы были посланы русскіе учителя учить эстонскихъ дѣтей, незнающихъ по-русски, на русскомъ языкѣ. Стало быть учителя были посланы такіе, которые по-эстонски не знали. Вотъ про это обстоятельство желательно было бы разузнать подробнѣе и точнѣе: вѣдь изъ той суммы, которую у насъ находятъ возможнымъ удѣлять на народныя школы и приготовленіе для нихъ учителей, около 150-ти т. отвлекаются на учрежденіе народныхъ школъ на окраинахъ, для распространенія русскаго языка, т.-е. съ политическою цѣлью. Что, если эти средства, отвлекаемыя отъ просвѣщенія русскаго крестьянства, употребляются еще иногда и на окраинахъ-то такъ неразборчиво, что и сама политическая цѣль не только не достигается, но еще представляется враждебнымъ Россіи писателямъ возможность указывать на результаты полнѣйшаго пораженія и тѣхъ политическихъ видовъ, для которыхъ мы отвлекаемъ средства у настоящаго дѣла, дѣла русскаго народнаго просвѣщенія?

Г. Каттнеръ „убѣдительно проситъ" (wir empfehlen dringend) своихъ соотечественниковъ никакъ не называть нашихъ остзейскихъ областей „русскими провинціями", и въ особенности „губерніями", но всегда называть ихъ неиначе какъ „балтійскія герцогства". И при томъ единодушіи, съ какимъ германская печать вообще усвоиваетъ себѣ названія и термины, предназначенныя для установленія какого-нибудь желаемаго факта, весьма вѣроятно, что этотъ совѣтъ будетъ услышанъ и исполненъ. Конечно, дѣло пока и ограничится этимъ, „такъ какъ", по выраженію г. Каттнера, „обстоятельства еще не дозволяютъ, чтобы германская метрополія оказала имъ матеріальное содѣйствіе". Содѣйствіе противъ чего? Противъ „славянской несправедливости", конечно. Замѣчательно, что въ другомъ сочиненіи, вышедшемъ послѣ приведенныхъ статей Каттнера, именно въ брошюрѣ „Rus-

sland und Deutschland“ — которая приписывается одному прусскому сановнику—хотя и высказывается совсѣмъ иное отношеніе къ Россіи, чѣмъ у г. Каттнера, а именно полное уваженіе и сочувствіе къ Россіи, на основаніи какъ услуги оказанной ею Пруссіи въ настоящую войну, такъ и того факта, что Россія—„консервативное государство“, какъ и германская имперія; замѣчательно, говоримъ, что и въ этомъ сочиненіи, при дружественномъ отношеніи къ Россіи, дается ей однако совѣтъ отложить въ сторону одну вещь, которая можетъ помѣшать прочности союза обоихъ консервативныхъ государствъ, именно—„панславизмъ“. Итакъ, въ Пруссіи писатели весьма различнаго рода сходятся на одной мысли, что Россія берется за осуществленіе „панславизма“ или „славянской несправедливости“. Откуда они взяли, что предприняла въ самомъ дѣлѣ Россія такого, что угрожало бы панславизмомъ Германіи? И почему теперь именно говорится о такой мнимой опасности для Германіи, теперь, когда она стала могущественнѣйшею державою въ Европѣ? Пока ухо еще къ этому не привыкло, порядочно-таки странно слышать, какъ *нѣмцы* жалуются на несправедливость къ нимъ славянъ, какъ *нѣмцы* уличаютъ опасность для себя въ славянахъ. Что же касается гг. Каттнера, Ширрена и подобныхъ имъ любителей международнаго права въ примѣненіи къ остзейскому краю, то не мѣшаетъ имъ напомнить, что именно на основаніи международнаго права они никакъ не должны обращаться со своими призывами на помощь—къ правительству Германіи, а могли бы адресовать ихъ именно къ правительству шведскому, если хотятъ остаться въ логикѣ своихъ разсужденій. Вѣдь ништадтскій трактатъ — повторяемъ—былъ заключенъ нами не съ Германіею.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

1-го мая, 1871.

Пренія по запросу сэра Ч. Дилька въ палатѣ общинъ. — Характеристика версальскихъ властей и парижской общины. — Законы о квартирной платѣ. — Муниципальный законъ Тьера. — Ходъ борьбы.—Мак-Магонъ и Домбровскій.—Вліяніе Бланки. — Первая сессія германскаго сейма. — Вопросъ объ основныхъ правахъ. — Положеніе партій. — Назначеніе вознагражденія депутатамъ. — Проектъ закона объ Эльзасѣ и Лотарингіи.

Англійское правительство, какъ то предвидѣли, подверглось въ палатѣ общинъ сильнымъ нападкамъ по поводу своей внѣшней политики, но оно вышло изъ нихъ если не съ торжествомъ, то, во всякомъ случаѣ, благополучно. Сэръ Чарльзъ Дилькъ, внесшій предложеніе, которымъ порицался образъ дѣйствій правительства по черноморскому вопросу, не взялъ своего предложенія назадъ—какъ было сказано въ послѣднемъ обозрѣніи на основаніи телеграммы. Онъ „хотѣлъ“ взять его назадъ, говоря, что цѣль его достигнута уже тѣми объясненіями, къ которымъ оно подало поводъ; но Гладстонъ, угадывая, по физіономіи собранія, легкую побѣду, настоялъ на томъ, чтобы собраніе постановило свое рѣшеніе. Затѣмъ, вопросъ былъ поставленъ и предложеніе Дилька отвергнуто безъ голосованія,—фактъ означавшій, что огромное большинство подало бы голоса противъ предложенія, еслибы сторонники его потребовали голосованія. Хотя предложеніе сэра Ч. Дилька, такимъ образомъ, осталось безъ непосредственнаго результата, мы должны нѣсколько остановиться на его рѣчи, такъ какъ этотъ депутатъ знаетъ Россію, былъ въ Петербургѣ уже послѣ извѣстнаго циркуляра кн. Горчакова, и наконецъ, потому еще, что сэръ Чарльзъ ссылался въ своей рѣчи на русскую печать.

Сэръ Ч. Дилькъ доказывалъ тотъ для насъ несомнѣнный фактъ, что исходъ дѣла, возбужденнаго циркуляромъ кн. Горчакова, былъ совершенно благопріятенъ Россіи, и что англійская дипломатія посредствомъ конференціи не одержала надъ дипломатіею русскою рѣшительно никакого

успѣха, такъ какъ Россія и не думала отказываться отъ своего первоначальнаго заявленія, что для нея перестала существовать обязательность указанныхъ ею статей парижскаго трактата 1856-го года. Въ подкрѣпленіе своей обличительной аргументаціи противъ министерства, весьма основательно и ловко составленной изъ сличенія чиселъ разныхъ дипломатическихъ заявленій и фактовъ, депутатъ отъ Челси привелъ выдержки изъ статей нѣсколькихъ русскихъ газетъ, въ которыхъ твердо удерживалась та точка зрѣнія, на которую первоначально сталъ нашъ канцлеръ, и отъ которой онъ самъ и впослѣдствіи никакъ не отрекся. Ораторъ старался доказать, что самымъ принятіемъ конференціи и въ происходившихъ по этому предмету переговорахъ, англійское правительство не только не приближалось къ дипломатической побѣдѣ надъ Россіею, но прямо подвергалось униженію со стороны Пруссіи, союзницы Россіи. Въ самомъ предложеніи своемъ о созваніи конференціи, графъ Бисмаркъ указывалъ цѣлью ея „разсмотрѣніе вопроса, возбужденнаго *предложеніями* (overtures), сдѣланными петербургскимъ кабинетомъ въ его циркулярѣ. „То, что мы называли *нарушеніемъ*, графъ Бисмаркъ называлъ *предложеніями*", сказалъ Дилькъ. Затѣмъ онъ указалъ на фактъ, что прусскій посолъ, графъ Бернсторфъ „посовѣтовалъ графу Гренвиллю прекратить изданіе полемическихъ депешъ". „Не думаю,—прибавилъ депутатъ отъ Челси,—чтобы когда-либо былъ данъ болѣе оскорбительный совѣтъ (insulting piece of advice)". Дилькъ энергически порицалъ и образъ дѣйствій англійскаго правительства въ приглашеніи французскаго правительства къ принятію участія въ конференціи и доказывалъ, что для побужденія Франціи къ такому участію сперва льстили ей, потомъ старались ее застращать, и наконецъ пытались подкупить (bribe) ее, т.-е. подкупить ее обѣщаніемъ, что англійское правительство допуститъ на конференціи всякое заявленіе Франціи относительно условій ея мира съ Пруссіею. Онъ доказывалъ, что участіе Франціи въ конференціи не могло быть охотное, что Францію насильно втащили въ эту конференцію и что объясненіе лорда Гренвилля, будто онъ самъ не согласился бы на конференцію, еслибы Франція отказалась участвовать въ ней вмѣстѣ съ Англіею, вовсе не серьезно: „Если вы пригласите человѣка къ обѣду въ тотъ день, когда ему предстоитъ быть повѣшеннымъ, то едвали можете полагать, что онъ самъ почтетъ серьезнымъ ваше приглашеніе". Такъ иронизировалъ молодой баронетъ-радикалъ, и нельзя не признать, что нѣкоторыя изъ стрѣлъ его ироніи весьма мѣтко попадали въ больное мѣсто современной англійской политики—неопредѣленность самыхъ ея принциповъ. Эта политика, которая отъ вмѣшательства уклоняется, а отъ дипломатической полемики все-таки еще отказаться не хочетъ, или не имѣетъ духа, все еще считаетъ для себя обязательнымъ преданіе о международномъ величіи Англіи, а

между тѣмъ болѣе всего боится какъ бы не пришлось это величіе отстаивать на самомъ дѣлѣ, не одними словами только.

Характеристична въ отношеніи парламентскихъ нравовъ Англіи была выходка Осборна противъ Дилька, когда тотъ изъявлялъ желаніе взять свое предложеніе назадъ, „такъ какъ предположенная имъ цѣль уже достигнута". „Почтенный баронетъ,—сказалъ Осборнъ,—поступилъ по пословицѣ — выступилъ какъ левъ, а отступилъ какъ ягненокъ. (*Смѣхъ*). Теперь я спрашиваю себя, съ какой это стати созываютъ насъ сюда наканунѣ праздниковъ пасхи, чтобы присутствовать и смотрѣть, какъ стегаютъ кнутомъ лошадь, которая уже околѣла? (*Смѣхъ*). Почему членъ за Чельси не требуетъ, чтобы предложеніе, имъ внесенное, было пущено на голоса, хотя бы ему предстояло остаться со своимъ голосомъ наединѣ? Что касается общаго вопроса (о результатѣ конференціи), то мнѣ кажется о немъ можно сказать тоже, что было сказано объ амьенскомъ мирѣ, именно, что всѣ могутъ быть имъ довольны, но никто не можетъ имъ гордиться. Въ виду ужасовъ войны, происходившихъ въ сосѣдней странѣ, нельзя надѣяться, чтобы эта палата постановила выразить недовѣріе къ нашей внѣшней политикѣ. Я лично вполнѣ довѣряю нынѣшнему министру иностранныхъ дѣлъ (*Одобреніе*). Я знаю о затрудненіяхъ, съ какими встрѣчалась въ послѣднее время наша политика, и хотя правительство и можетъ быть подвергнуто критикѣ собственно въ отношеніи того пункта, о которомъ рѣчь, теперь, когда вопросъ рѣшенъ, я нерасположенъ раскрывать рану. Я предпочту отдыхать и быть благодарнымъ (*Смѣхъ*). Надѣюсь, все это послужитъ урокомъ молодымъ, стремящимся впередъ членамъ, избираемымъ столичными округами, дабы они не являлись сюда произносить прекрасныя патріотическія рѣчи, съ тѣмъ, чтобы послѣ поджимать хвосты. Рѣшенія наши были бы смѣшны, еслибы внесеніемъ предложеній о недовѣріи къ правительству мы стали подвергать опасности здравое общественное мнѣніе страны, побуждая себя какъ бы высказываться въ пользу войны, которой мы вовсе не намѣрены весть (*Одобреніе*)." Затѣмъ, послѣ нѣсколькихъ словъ сэра Г. Хора, который сказалъ, что „недостойно джентльмена" утверждать, будто Дилькъ „возбудилъ эти пренія неприличнымъ или безполезнымъ образомъ",— и послѣдовало извѣстное уже рѣшеніе. Мы нарочно привели въ отвѣтъ на предложенія Дилька не возраженіе правительства, въ лицѣ помощника секретаря иностранныхъ дѣлъ, а выходку Осборна, потому что возраженіе лорда Энфильда было только формальное и притомъ довольно слабое. Оспорить главнаго положенія сэра Ч. Дилька было невозможно, и нѣтъ сомнѣнія, что палата отклонила это предложеніе не вслѣдствіе аргументовъ лорда Энфильда, и не по согласію съ его панегирикомъ конференціи, а именно подъ вліяніемъ тѣхъ соображеній, которыя такъ рельефно, хотя и нѣсколько тривіально, выразилъ депутатъ Уотерфорда (Осборнъ).

Отъ эпизода въ парламентской борьбѣ палаты англійскихъ общинъ (нижняя палата или палата коммонёровъ), перейдемъ къ трагической борьбѣ французскаго правительства съ парижскою общиною и ея коммонёрами, которыхъ у насъ назвали коммунистами, чтó подаетъ часто поводъ къ смѣшенію понятій. Въ то время, какъ мы пишемъ эти строки, уже болѣе мѣсяца происходитъ новая борьба подъ Парижемъ, борьба междоусобная, борьба между войсками общины Парижа и арміею версальскаго правительства. Исторія иногда дѣлаетъ такія сопоставленія, которыя какъ бы внушены иронiею. Городъ Парижъ, постоянно боровшійся съ имперіею, посылавшій противъ ея въ представительное собраніе депутатовъ Тьера, Жюля Фавра, Эрнеста Пикара и Жюля Симона, постоянно громившихъ ее своими либеральными рѣчами, и въ настоящее время остался вѣренъ своей основной мысли, то-есть не хочетъ возстановленія имперіи или всякой иной реакціи въ томъ же родѣ. Но теперь городу Парижу приходится уже бороться съ тѣми же людьми, которыхъ онъ прежде избиралъ адвокатами своей свободы, а именно съ президентомъ Тьеромъ, и его министрами Фавромъ и Пикаромъ. Уже и въ этомъ сопоставленіи есть достаточно ироніи; но она еще рельефнѣе проявляется въ томъ невообразимомъ нѣкогда зрѣлищѣ, которое открывается въ Версалѣ: наполеоновская армія, подъ начальствомъ наполеоновскаго маршала, герцога Маджентскаго и одного изъ полковниковъ, стрѣлявшихъ по народу въ декабрѣ 1851-го года, именно генерала Винуа, поступила въ распоряженіе столь ненавидимыхъ Наполеономъ III-мъ „старыхъ партій". Мак-Магонъ добровольно предложилъ свои услуги Тьеру, Фавру и Пикару. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что формальное право на сторонѣ версальскаго собранія, какъ бы реакціонерно оно ни было, и установленнаго имъ правительства, какъ бы оно ни было неспособно. Въ числѣ дѣятелей парижской общины есть революціонеры худшаго закала, революціонеры, такъ сказать, по любви къ искусству, то, что называется des brouillons révolutionaires. И въ средѣ этой общины такіе люди занимаютъ видныя мѣста и пользуются, къ сожалѣнію, большимъ вліяніемъ. Таковы именно граждане Клюзерé, Делеклюзъ, Феликсъ Піá и Бланкú, изъ которыхъ первый — военный министръ общины, а второй хотя и не занимаетъ должности, но пользуется очень большимъ вліяніемъ. Отъ торжества общины въ настоящемъ ея составѣ нельзя ожидать ничего хорошаго, но и отъ побѣды версальскаго правительства съ наполеоновскими генералами надъ Парижемъ и другими большими городами Франціи трудно ожидать чего-нибудь хорошаго. Мы видимъ, во всякомъ случаѣ, что на той, какъ и на другой сторонѣ стоятъ люди, которыхъ никто не подозрѣваетъ въ корыстныхъ или преимущественно-честолюбивыхъ цѣляхъ: таковъ въ составѣ версальскаго правительства Ж. Симонъ, который еще на дняхъ сказалъ, что по его убѣжденію „правительство

исполняетъ свой долгъ". Таковы на сторонѣ парижской общины люди неизвѣстные доселѣ, люди не вызвавшіе мятежа, но вынесенные имъ наверхъ невольно, люди, въ которыхъ безъ всякой личной примѣси воплотилось то недоразумѣніе, которое привело къ междоусобной борьбѣ. Таковы Эдъ, Вальянъ, Лефрансе, Варленъ. Съ ихъ стороны напрасно предполагать личныя цѣли уже потому, что они своей личностью ничего не могли сдѣлать.

Затѣмъ мы видимъ, что такіе люди какъ В. Гюго́, Луи́ Бланъ, Шельхе́ръ и Гамбетта́ остаются какъ бы въ нерѣшительности. Они не пристали къ мятежу Парижа, но они же высказываютъ осужденіе всему образу дѣйствій версальскаго собранія. В. Гюго́ даже вышелъ изъ него; но затѣмъ, онъ же въ пламенныхъ стихахъ высказалъ осужденіе междоусобной борьбѣ, вызываемой общиною. Мы знаемъ также, что парижскіе студенты, всегда склонные увлекаться наиболѣе энергическими программами либерализма, въ настоящее время въ дѣйствіяхъ парижской революціи никакой роли не приняли, и по всѣмъ извѣстіямъ положительно ей не сочувствуютъ. Само собою разумѣется, что о сочувствіи этой jeunesse des écoles къ правительству бюрократа и клерикала Тьера не можетъ быть и рѣчи. Итакъ, сомнѣніе и колебаніе между Парижемъ и Версалемъ представляются весьма возможными и естественными, а этимъ объясняется и то, что люди вполнѣ искреннія могли стать и на ту, и на другую сторону. Что парижскіе коммонёры всѣ поголовно сумасброды и разбойники—это такой взглядъ, который можетъ годиться для „Крестовой Газеты" и „Московскихъ Вѣдомостей", но никакъ не удовлетворитъ здравый, непредубѣжденный умъ, ищущій прежде всего отдать себѣ отчетъ въ истинномъ положеніи вещей.

Да; но къ чему же все это приведетъ Францію?—вотъ вопросъ, который тотчасъ представляется за всякою безпристрастною оцѣнкою. Во всякомъ случаѣ, ни къ чему хорошему нынѣшнія событія Францію не приведутъ. Въ этомъ нѣтъ сомнѣнія, только и мы этому дѣлу не поможемъ, какъ бы рѣшительно мы ни становились на сторону версальскаго правительства и какъ бы энергически мы ни поносили „коммуну", которой самое названіе уже звучитъ такъ тревожно, хотя въ сущности коммуны Парижа, Ліона, Тулузы и всѣхъ городовъ не что иное какъ такія же коммуны, которыхъ представители засѣдаютъ въ англійской палатѣ общинъ—House of Commons, Chambre des Communes.

Оцѣнить исходныя точки версальскаго порядка и парижскаго возстанія лучше всего будетъ сопоставленіемъ двухъ рельефныхъ отзывовъ, составленныхъ такимъ образомъ, что каждый изъ нихъ не содержитъ преувеличеній и каждый правъ самъ по себѣ. Такой пріемъ лучше всего и выяснитъ возможность, скажемъ болѣе—неизбѣжность

недоразумѣнія. Для этого мы избираемъ одну статью „Liberté" и одну статью „Daily News". „Liberté" не есть реакціонерный органъ; „Daily News" во всякомъ случаѣ органъ не революціонерный. Какъ же они смотрѣли на событія, происшедшія во Франціи наканунѣ сраженій подъ Парижемъ? Беремъ нумера обѣихъ этихъ газетъ 30-го и 31-го марта, и вотъ какія воззрѣнія находимъ въ нихъ. „Liberté" соглашается, что національное собраніе часто поддается дурнымъ внушеніямъ, а исполнительная власть оказывается недостаточною. „Но,—говоритъ она,—Франція истощена. Цезаризмъ въ теченіи 18-ти лѣтъ притупилъ рабствомъ всѣ умы. Къ несчастію, съ 4-го сентября посреди насъ не выдвинулся впередъ ни одинъ такой человѣкъ, вокругъ котораго мы могли бы сгруппироваться, чтобы возстать изъ нашего громаднаго паденія. Одинъ только Тьеръ, избранный 24-мя департаментами представляется указаннымъ вождемъ правительства, правящаго плачевною судьбою Франціи. Онъ—единственный среди насъ государственный человѣкъ. Его избрали затѣмъ, чтобы онъ прежде всего обезпечилъ твердое основаніе для мира и развитія, наконецъ для будущности. Чего же хотятъ тѣ безумцы, которые осмѣлились стать выше воли огромнаго большинства націи? Чтобы восторжествовать на одинъ день, они рѣшаются пролить кровь своихъ согражданъ. На что надѣются они? Соумышленники ихъ уже побѣждены въ Сент-Этьенѣ, Крёзо, Ліонѣ, Тулузѣ, Нарбоннѣ, Марселѣ. Еслибы, что невозможно, парижская коммуна одержала верхъ надъ законнымъ національнымъ правительствомъ, то ясно, что прусскій король не захочетъ подвергнуть опасности свои пять мильярдовъ и займетъ Парижъ своими войсками. Вотъ какому стыду подвергаютъ насъ тѣ несчастные, которые, по большей части, не сознавая своего преступленія, подчиняются руководству бѣшеныхъ (énergumènes) и сумасшедшихъ, и идутъ подъ пули французскія или—прусскія".

Въ самомъ дѣлѣ, чего хотятъ безумцы, возстающіе противъ законнаго правительства, установленнаго большинствомъ націи? Послушаемъ корреспондента „Daily News", который весьма не сочувствуетъ соціалистическимъ стремленіямъ, какія проявлялись общиною. „О дѣйствіяхъ инсургентовъ можно сказать многое,—пишетъ этотъ безпристрастный англичанинъ,—но сущность ихъ программы довольно справедлива (fair) и обнаруживаетъ смѣлую государственную мысль. Я говорю не о соціальныхъ и экономическихъ теоріяхъ международнаго общества рабочихъ. Оставимъ ихъ теперь въ сторонѣ, хотя вѣрно и то, что и онѣ существенно замѣшаны въ этомъ движеніи. Но главный вопросъ въ томъ: какимъ образомъ возсоздать Францію? Какъ установить республику? Эти парижане видятъ, что республика несовмѣстима съ видами „мужицкаго" большинства. Когда вы говорите республиканцамъ, что слѣдуетъ во всякомъ случаѣ подчиняться волѣ

національнаго собранія, хотя бы оно и призвало опять Бонапартовъ или Орлеанскихъ принцовъ, то они отвѣчаютъ вамъ: нѣтъ; это всегда такъ было, что сельскіе округа поддерживали реакцію; они были твердыми приверженцами имперіи и теперь хотѣли бы призвать обратно королей. Но мы долѣе не хотимъ уже подчиняться „мужицкимъ" большинствамъ. Неестественно, чтобы большіе города Франціи были подъ господствомъ крестьянъ, которые сами состоятъ подъ господствомъ поповъ и ничего такъ для себя не желаютъ, какъ господина. Этому-то порядку вещей мы и дѣлаемъ шахъ, объявляя, что хотя мы желаемъ республики и будемъ охранять республику, но не желаемъ республики по *прежнему* образцу. Ее надо перестроить. Франція должна сдѣлаться союзомъ большихъ городовъ. Большіе, свободные города не нуждаются въ монархіи, какая бы она ни была, и если они придутъ къ соглашенію между собою, то крестьяне ничего не сдѣлаютъ, потому что сельское большинство есть ничтожество". Со своей стороны, корреспондентъ прибавляетъ: „это вѣрная и подлежащая вниманію программа. Она можетъ имѣть или не имѣть успѣха, но во всякомъ случаѣ, это есть справедливая самозащита противъ реакціи сельскаго большинства. Національное или сельское собраніе заходитъ слишкомъ далеко, и ему предстоитъ борьба съ рѣшительными противниками, которые не хотятъ терпѣть долѣе, чтобы невѣжественная крестьянская масса, которая не знаетъ за что она вотируетъ, управляла Франціею". Нельзя не согласиться со взглядомъ французскихъ коммонёровъ, если подумать, что недавно на нашихъ глазахъ, въ маѣ прошлаго года, „мужицкое" большинство во Франціи дало свой голосъ Наполеону, вслѣдствіе чего Европа облилась кровью: война Франціи съ Пруссіей была собственно рѣшена „мужицкимъ" большинствомъ, не понимавшимъ результатовъ своего: *да!*

Сопоставленіе этихъ двухъ отзывовъ совершенно ясно освѣщаетъ сущность спора и способно поколебать умственное спокойствіе, которому такъ охотно предается большинство слѣдящихъ за политикою, избравъ себѣ какое-нибудь одно громкое слово, напр., „порядокъ" или „свобода", и довольствуясь имъ какъ достаточнымъ критеріемъ. На самомъ дѣлѣ политическіе вопросы и въ особенности вопросы о партіяхъ слишкомъ сложны, чтобы ихъ можно было рѣшить по одному прозвищу. Парижское движеніе, нѣтъ никакого сомнѣнія, имѣло свои причины быть. Въ виду реакціонныхъ стремленій собранія, сопровождаемыхъ съ одной стороны внесеніемъ избирательнаго закона, который лишаетъ муниципальной свободы города съ населеніемъ свыше 20-ти тысячъ душъ, и другого закона, который требуетъ уплаты полностью парижскимъ домовладѣльцамъ всей суммы, должной имъ постояльцами за время осады, а съ другой — предположеннаго отобранія у національной гвардіи оружія и распущенія ея, съ пре-

кращеніемъ жалованья, — республиканцы и рабочее сословіе Парижа не могли оставаться равнодушны. Изъ этого, конечно, еще не вытекаетъ необходимость выгонять священниковъ изъ церквей, то-есть намѣренно оскорблять хотя бы и „крестьянское большинство“, а также и въ особенности — похода на Версаль, съ цѣлью ниспровергнуть засѣдающее тамъ собраніе. Но нѣкоторыя, даже изъ самыхъ несправедливыхъ дѣйствій сперва центральнаго комитета, а потомъ и общины, были прямо вызваны неблагоразумными мѣрами или недосмотромъ версальскихъ правителей.

Мы будемъ продолжать это сравненіе потому, что въ немъ легче всего кратко перечислить мѣры, принятыя и съ той и съ другой стороны. Что Парижъ отдѣлился отъ собранія, избраннаго страною — было нехорошо, но нехорошо было и то, что собраніе намѣренно и съ весьма ясно высказанными реакціонерными антипатіями отдѣлилось отъ Парижа. Междоусобная война преступна, но вѣдь первый и непосредственный поводъ къ ней далъ правительственный генералъ Фаронъ, когда онъ, безъ всякихъ разговоровъ, ночью явился со своими солдатами на Монмартръ, чтобы отнять орудія, поставленныя тамъ національною гвардіею. Центральный комитетъ этой гвардіи поступалъ безъ сомнѣнія незаконно, когда онъ назначилъ въ Парижѣ муниципальные выборы, то-есть именно выборы въ общину. Но сообразно ли съ закономъ здраваго смысла поступаетъ Тьеръ, когда онъ въ отрицаніи муниципальной свободы идетъ далѣе Наполеона III? Тотъ лишилъ ея только Парижъ и Ліонъ. Тьеръ же, своимъ закономъ, лишаетъ ее всѣ города Франціи, имѣющіе населеніе свыше 20 т. душъ. Вотъ это ужъ прямо ведетъ къ диктатурѣ сельскаго большинства надъ всѣми центрами интеллигенціи. Тьеръ, когда въ собраніи ему дѣлали возраженія противъ такихъ ограниченій (оппозиція предлагала поправку въ смыслѣ распространенія права избранія мэровъ на всѣ города), грозно воскликнулъ: „хотите ли вы, наконецъ, порядка или нѣтъ? А если хотите, то знайте, что правительство не можетъ предоставить судьбу всѣхъ большихъ городовъ Франціи на волю выборовъ, то-есть на волю случая“. Спрашивается, какой, не только республики, но и просто либеральной системы правленія можно ожидать отъ правителя, который отрицаетъ такимъ образомъ самое основаніе своей собственной власти, то-есть выборы?

Когда выборы въ парижскую общину состоялись, то очевидно благоразумнѣе всего было признать ихъ и примириться съ Парижемъ. Газеты такія умѣренныя, какъ „Temps“, „Avenir National“ и „Siècle“ совѣтовали правительству сдѣлать такъ. Но нѣтъ, оно уперлось на точкѣ законности, на вопросѣ о формѣ, точно какъ будто въ исторіи Франціи, начиная съ 4-го сентября, осталась какая-либо твердая законность съ достаточною силою для ея поддержанія; точно какъ

будто самъ Тьеръ сидитъ на вѣковомъ тронѣ королей Франціи. Такого трона въ Версали нѣтъ, и кресла, на которыхъ сидитъ Тьеръ, всего два мѣсяца тому назадъ были заняты Бисмаркомъ. Парижскіе дѣятели рѣшаются, по словамъ „Liberté", проливать кровь своихъ согражданъ и ихъ слѣдуетъ назвать безумцами, хотя они и увлекаются мыслью о защитѣ интеллигенціи Франціи отъ деспотизма, опирающагося на невѣжество. Но какъ назвать версальскихъ дѣятелей, которые предпочитаютъ тоже пролитіе крови изъ-за того только, что была нарушена установленная ими форма?

Еслибы по избраніи общины въ ней оказались люди съ истинно-политическими дарованіями, то они остановились бы въ рамкѣ муниципальной свободы Парижа. И тогда весь здравый смыслъ былъ бы на ихъ сторонѣ, и версальское правительство, по всей вѣроятности, разбилось бы о требованія его, о требованія свободы для Парижа, которыхъ невозможно отрицать никакими установленными формами, хотя бы ихъ установляло единогласно все версальское собраніе. Но, къ сожалѣнію, такихъ людей въ общинѣ не нашлось, а между тѣмъ правительство стало тотчасъ запугивать ихъ военными демонстраціями и этимъ только раздражило и увлекло ихъ далѣе, чѣмъ бы имъ слѣдовало идти. Они были насильно отброшены въ объятія тѣхъ агитаторовъ, которые, какъ Бланки́, ничего иного никогда и произвесть не могутъ, какъ агитацію, подобно тому, какъ яблоня производитъ яблоки. Такимъ образомъ произошло, что парижская община, забывъ свое естественное призваніе, которое само по себѣ заключало не только право обороны, но и обязанность ограниченія своихъ дѣйствій Парижемъ, превратилось въ правительство революціонной федераціи всѣхъ французскихъ городовъ, то-есть присвоило себѣ власть и представительства, и правительства всей Франціи. Гражданинъ Клюзере́ далъ новую военную организацію національной гвардіи, для лучшей обороны, и это было понятно. Но гражданинъ Бланки́ придумалъ для нея еще другую, именно политическую организацію: онъ сдѣлалъ изъ національной гвардіи федерацію съ политическими вождями, съ особыми политическими судилищами и соглядатаями, однимъ словомъ — громадное тайное общество.

Все это истекало одно изъ другого, подъ неудержимымъ вліяніемъ обстоятельствъ и, наконецъ, пришли къ чему же? — Къ Бланки́, то-есть къ безплодности. Бланки́ весьма ученый человѣкъ, но какъ политическій дѣятель, онъ, повторяемъ, не болѣе и не что иное, какъ агитаторъ, и настоящее произведеніе его есть не что иное, какъ организованная агитація. Придуманная имъ федерація національной гвардіи можетъ быть страшнымъ политическимъ орудіемъ, но гдѣ та живительная мысль, которой будетъ служить это орудіе? И еслибы Бланки́ высказалъ въ манифестѣ свою полную соціальную програму,

то на какомъ основаніи можно думать, что большинство самой національной гвардіи согласилось бы съ его личными теоріями? Итакъ, создано орудіе, которое само по себѣ несравненно сильнѣе, чѣмъ та идея, въ виду которой его организовалъ Бланкй. Это ужъ есть настоящій идеалъ агитаціи: сила, сознающая себя, но не сознающая своихъ цѣлей.

Версальское правительство можетъ видѣть чистый грабежъ въ финансовыхъ распоряженіяхъ парижской общины. Она вступила въ соглашеніе съ французскимъ банкомъ, который обязался выдавать ей деньги до извѣстной суммы подъ новыя облигаціи города Парижа; она заставляетъ общества желѣзныхъ дорогъ внести два милліона франковъ впередъ, наконецъ, она производитъ всякаго рода реквизиціи. Но этотъ финансовый вопросъ самъ по себѣ не есть вопросъ; онъ предрѣшается уже самымъ существованіемъ общины и притомъ неправильнымъ, ненормальнымъ ея существованіемъ въ качествѣ и муниципальнаго управленія Парижа, и вмѣстѣ временного правительства Франціи. Само собою разумѣется, что если община существуетъ, то ей нужны деньги, и если она существуетъ именно въ обоихъ упомянутыхъ качествахъ, то она присвоиваетъ себѣ право и заключать займы отъ имени города Парижа, и взимать впередъ налоги, и производить реквизиціи — во имя цѣлей государственныхъ.

Община приняла еще нѣкоторыя мѣры, въ которыхъ уже замѣтенъ соціалистскій оттѣнокъ, а именно издала крайне невыгодный для домовладѣльцевъ законъ о разсчетахъ за наемъ квартиръ во время осады и рѣшила приступить къ организаціи производительныхъ ассоціацій рабочихъ, при тѣхъ фабрикахъ и промышленныхъ заведеніяхъ, которыя закрыты ихъ владѣльцами, съ тѣмъ, что государство окажетъ этимъ ассоціаціямъ рабочихъ пособіе для выкупа этихъ фабрикъ и предоставитъ ихъ въ собственность ассоціацій, съ вознагражденіемъ прежнимъ собственникамъ. Эта выкупная операція новаго рода также, какъ и законъ о разсчетѣ за квартиры, который освободилъ жильцовъ отъ платы за всѣ мѣсяцы осады, съ тѣмъ, что если кто уплатилъ уже часть денегъ, то имѣетъ право „зажить" ихъ вновь, по той же цѣнѣ—очевидно направлены уже слишкомъ насильственно въ пользу бѣднаго класса, какъ, впрочемъ, и самое производство и частью даже усиленіе жалованья національной гвардіи, то-есть рабочему населенію, призванному къ оружію. Но если общину можно упрекнуть въ слишкомъ безцеремонномъ пристрастіи къ бѣдному Лазарю, то версальское собраніе никакъ нельзя не сравнить съ тѣмъ безсердечнымъ богачомъ, который, правда, не мѣшалъ Лазарю жить, но не мѣшалъ ему и умирать голодною смертью. Версальское собраніе тоже вѣдь обсуждаетъ законъ о разсчетѣ за наемъ квартиръ въ сенскомъ департаментѣ. Этотъ законъ, внесенный министромъ юстиціи Дюфоромъ

(который состоялъ въ томъ же званіи при Людовикѣ-Наполеонѣ, когда онъ былъ президентомъ республики), не допускаетъ въ принципѣ никакого измѣненія договора о квартирной платѣ, и постановляетъ, что все должное должно быть уплачено домовладѣльцамъ полностію. Но онъ предоставляетъ нанимателямъ, которые не въ состояніи произвесть теперь уплату за все время съ половины октября до половины апрѣля, т.-е. за 6 мѣсяцевъ, когда почти не было заработковъ—удостовѣрить свою несостоятельность, и въ такомъ случаѣ получить нѣкоторую скидку съ должной ими суммы, но никакъ не болѣе $^{1}/_{4}$ ея. Съ этой цѣлью, т.-е. для выдачи такихъ удостовѣреній, учреждены будутъ особыя коммиссіи присяжныхъ. Одинъ изъ членовъ собранія предлагалъ, чтобы присяжнымъ было предоставлено дѣлать скидку безъ ограниченія ея размѣровъ, а смотря по обстоятельствамъ каждаго частнаго случая, но на это ему возразили, что „это была бы мѣра въ родѣ тѣхъ, какія принимаются въ иномъ мѣстѣ", т.-е. въ коммунѣ. Несправедливо, конечно, было бы лишать домовладѣльцевъ дохода, когда съ нихъ требуются же налоги; но вѣдь развѣ наниматели и въ особенности тѣ изъ нихъ, которые принадлежатъ къ рабочему классу, не лишались во время осады своихъ заработковъ? И развѣ осада могла сдѣлать ихъ несостоятельными не болѣе, какъ въ размѣрѣ одной четверти ихъ доходовъ? Въ Версали пристрастіе къ классу собственниковъ столь же очевидно, какъ въ Парижѣ пристрастіе въ пользу пролетаріевъ. И тутъ, и тамъ — соціалистическія поползновенія.

Такого же рода вопросъ и о дальнѣйшемъ производствѣ жалованья національной гвардіи Парижа, или о немедленномъ распущеніи ея, т.-е. вопросъ, который игралъ не послѣднюю роль въ самомъ началѣ возстанія. Положимъ, что одною изъ причинъ возстанія парижскихъ рабочихъ и было желаніе сохранить еще на нѣкоторое время жалованье, то-есть цѣль корыстная. Но благоразумно ли было требовать и можно ли было ожидать, чтобы рабочіе отказались отъ жалованья въ то время, когда никакія работы еще не начались, когда имъ, стало быть, вдругъ нечѣмъ было бы жить? И это послѣ того, какъ они пять мѣсяцевъ жертвовали жизнью подъ предводительствомъ тѣхъ же самыхъ Фавра и Пикара, которые потомъ не хотѣли замолвить за нихъ слова? Вѣдь сами Фавръ и Пикаръ жалованье свое сохранили и сохраняютъ же до сихъ поръ, хотя по своей достаточности могли бы служить и даромъ, по одному патріотизму.

Парижская община арестовала архіепископа Дарбуа́ и нѣсколькихъ священниковъ и держитъ ихъ въ качествѣ заложниковъ—актъ возмутительный, конечно. Но какъ назвать ту слабость версальскихъ генераловъ, благодаря которой (а можетъ быть и по ихъ согласію), версальскіе солдаты и присоединенное къ нимъ отребье наполеоновскихъ

жандармовъ и полицейскихъ сержантовъ разстрѣляли множество плѣнныхъ инсургентовъ въ дни первыхъ сраженій? Наконецъ, почему же версальское правительство не согласилось, какъ ему предлагали изъ Парижа, обмѣнять монсиньора Дарбуа́ на Бланки́, захваченнаго версальскими войсками? Да впрочемъ, монсиньоры умѣютъ сами находить себѣ пути къ освобожденію. За монсиньора Дарбуа́ вступился монсиньоръ Моннингъ, который написалъ монсиньору Ледоховскому, который попросилъ князя Бисмарка, пославшаго затѣмъ приказаніе генералу Фабрице, ходатайствовать объ освобожденіи парижскаго архіепископа, — и Клюзере уже согласился.

Очеркъ военныхъ происшествій подъ Парижемъ запоздалъ бы къ выходу нашей книги, то-есть былъ бы слишкомъ опереженъ позднѣйшими извѣстіями. Поэтому мы ограничимся, въ этомъ отношеніи, нѣсколькими только словами. Борьба сосредоточивалась на южной и западной части Парижа, т.-е. по направленію отъ Парижа на Версаль. Инсургенты сперва вздумали-было прямо идти на Версаль, но такъ какъ фортъ Мон-Валерьенъ теперь находится въ рукахъ непріятеля, то подобное движеніе представлялось гораздо труднѣе, чѣмъ оно могло быть во время войны Трошю съ пруссаками. Взятые во флангъ огнемъ съ этого форта, инсургенты поспѣшно отступили и съ тѣхъ поръ, повидимому, отказались отъ наступательныхъ дѣйствій. Оборонительная борьба продолжалась на западѣ у Нёлльи и Аньера, и на югѣ въ фортахъ Исси и Ванвѣ. Версальцы бомбардируютъ эти форты, и по послѣднимъ извѣстіямъ, какія мы теперь имѣемъ, уже заставили фортъ Исси замолчать. Подъ прикрытіемъ Мон-Валерьена, на высотѣ Пютó поставлены были версальцами батареи, которыя открыли огонь по воротамъ Малльó, въ Нёлльи. Нёлльи лежитъ на правомъ берегу Сены, а противъ него, на другой сторонѣ Курбвуа́ и за́мокъ Беконъ, которые были взяты версальскими войсками приступомъ, причемъ эти войска лишились двухъ генераловъ (Биссона и Пешó). Версальское правительство, убѣдясь, что инсургенты оказываютъ весьма сильное сопротивленіе, поручило командованіе своихъ войскъ маршалу Мак-Магону, а генерала Винуа́, командовавшаго первыми дѣйствіями, опредѣлило въ резервъ. Въ тоже время и инсургенты смѣнили своего неспособнаго начальника Бержере, виновника неудачи, и назначили главнокомандующимъ Ярослава Домбровскаго, польскаго эмигранта, который былъ призванъ Гамбеттою для командованія польскимъ легіономъ въ Ліонѣ, но оставался въ Парижѣ во все время осады. Когда правительственныя войска аттаковали Нёлльи, и отняли у инсургентовъ предмѣстье его — Саблонвилль, то Домбровскій сдѣлалъ фланговое движеніе на сѣверо-востокъ изъ Парижа, въ обходъ непріятелю, именно перешелъ Сену сѣвернѣе Нёлльи, и занялъ Аньеръ и Леваллуа́, а потомъ ударилъ на лѣвый флангъ версальцовъ, вступавшихъ

въ Нёлльи и отнялъ у нихъ Нёлльи до самаго моста чрезъ Сену, за который послѣ того происходили нѣсколько упорныхъ схватокъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, отбиты были первыя аттаки версальцовъ на форты Исси и Ванвъ. Всѣ эти благопріятныя для инсургентовъ дѣла происходили между 8 и 13 (н. с.) апрѣля. Затѣмъ сдѣлана была ими вылазка изъ форта Исси, но она была отбита, и дѣло здѣсь ограничилось впослѣдствіи взаимнымъ артиллерійскимъ огнемъ до конца апрѣля по нов. ст., когда фортъ Исси былъ принужденъ замолчать. Представители парижскихъ цеховыхъ обществъ (chambres syndicales) Дессоназъ, Бонвалле и ихъ товарищи попробовали предложить въ Версали свое посредничество, но Тьеръ потребовалъ полной, безусловной покорности Парижа, давая взамѣнъ ея только свое обѣщаніе сохранить республику. Борьба продолжалась. По взятіи версальскими войсками зáмка Бекона, инсургентамъ пришлось очистить Аньеръ, такъ что весь лѣвый берегъ Сены внѣ Парижа снова остался во власти версальцовъ. Борьба за мостъ въ Нёлльи продолжалась.

По увѣреніямъ Тьера, правительство только ждетъ подкрѣпленій, чтобы предпринять рѣшительную аттаку на Парижъ. Эта аттака можетъ быть произведена на форты Исси и Ванвъ, сильно пострадавшіе отъ бомбардированія, и вмѣстѣ изъ Аньера чрезъ Сену, на сѣверную часть Парижа, т.-е. Монмартръ, и изъ Нёлльи на Елисейскія поля, откуда батареи могутъ дѣйствовать прямо вдоль улицы Риволи до самой ратуши. Впрочемъ, инсургенты заградили всю эту широкую дорогу многочисленными баррикадами. Во всякомъ случаѣ, одно—прогнать инсургентовъ въ ограду Парижа, и совсѣмъ другое—самимъ проникнуть въ ту ограду, то-есть штурмовать крѣпость, которой не штурмовали пруссаки.

Скорѣе всего, что внутренній недостатокъ и неудовольствіе въ самомъ Парижѣ сократятъ дни общины. Дополнительные выборы въ нее, происходившіе 16-го апрѣля, уже свидѣтельствовали объ усталости или разочарованіи парижанъ. На этихъ выборахъ явилась только десятая часть избирателей и сколько-нибудь значительное число голосовъ сосредоточилось только на Менотти Гарибальди. Самъ Клюзере получилъ менѣе 2 т. голосовъ. Въ Версаль уже прибыли четыре дивизіи, вновь организованныя генераломъ Дюкрó, и можетъ быть, вскорѣ правительство предприметъ рѣшительныя дѣйствія. Но главная невыгода для общины—относительно окончательнаго исхода дѣла—заключается въ томъ фактѣ, что она Версаля взять не можетъ; не можетъ даже и пытаться взять его. Стало быть, нѣтъ причины, чтобы версальское правительство не пережило ея, хотя бы ему еще и не скоро удалось овладѣть Парижемъ. Согласіе версальскихъ начальниковъ на нѣсколько часовъ перемирія 25-го апрѣля, съ цѣлью дать возможность удалиться мирнымъ жителямъ Нёлльи, изъ которыхъ многіе по три недѣли си-

дѣли взаперти, питаясь хлѣбомъ и виномъ, а отчасти скрываясь въ подвалахъ, показываетъ, что само правительство убѣдилось въ невозможности покончить борьбу однимъ ударомъ. Перемиріе это показываетъ также, что за мостъ въ Нёлльи произойдетъ еще упорная борьба. Нёлльи и теперь уже представляетъ развалины, а Домбровскій перемѣщается съ одной квартиры на другую, такъ какъ на тѣ дома, гдѣ онъ помѣстится, тотчасъ падаютъ разрывные снаряды, по указанію лазутчиковъ.

Отношеніе обѣихъ воюющихъ сторонъ къ пруссакамъ нисколько не враждебное. Правительство внесло наконецъ накопившуюся на немъ недоимку по содержанію окупаціонной арміи до 1-го мая н. с., а на угрозу, произнесенную княземъ Бисмаркомъ въ германскомъ сеймѣ, что вслучаѣ опасности интересамъ Германіи (т.-е. денежнымъ), будутъ приняты мѣры, Тьеръ смиренно отвѣчалъ въ своей палатѣ, что французское правительство исполняетъ и исполнитъ всѣ свои обязательства. Тѣмъ не менѣе, неизвѣстно еще, когда Тьеръ соберется внесть первые 300 милл. вознагражденія, и германскому правительству пришлось, несмотря на обиліе источниковъ, имѣющихся въ виду въ будущемъ, испросить пока согласія сейма на заключеніе новаго займа въ 120 милл. талеровъ.

Первая сессія германскаго сейма представляетъ мало поучительнаго. Если ожидать отъ парламента Германіи важныхъ услугъ для общаго дѣла свободнаго развитія, тѣхъ услугъ, какія составляютъ величіе англійской палаты общинъ и какими отличились нѣкоторыя изъ французскихъ собраній, свободно избранныхъ, то надо желать, чтобы послѣдующія сессіи германскаго сейма обнаруживали болѣе жизни. Безжизненною, правда, нельзя назвать и эту, первую сессію; но жизнь проявляется въ ней собственно только тогда, когда возникаетъ споръ съ клерикалами и съ партикуляристами. А изъ подобныхъ споровъ немного извлечетъ Европа. Послѣ долговременной и весьма яркой парламентской борьбы съ іезуитами во Франціи; послѣ упорной, сперва блестящей, а потомъ мелочной борьбы съ католическими воззрѣніями въ парламентахъ Италіи и Бельгіи, наконецъ, послѣ тѣхъ богатыхъ по содержанію преній палаты общинъ, какими сопровождалось сперва уравненіе католиковъ въ Ирландіи, а потомъ и отмѣна господства въ ней англиканской церкви, — едва ли ораторамъ германскаго сейма удастся сказать много новаго объ опасности католическихъ притязаній на государство и объ отношеніяхъ государства къ церкви вообще. Что касается партикуляризма, то борьба съ нимъ такъ успѣшно окончена правительствомъ, что парламенту едва ли и сто́итъ возвращаться къ ней, тѣмъ болѣе, что всѣ аргументы въ пользу политической централизаціи крайне несложны, не особенно плодотворны и резюми-

руются въ одномъ словѣ „самосохраненіе", словѣ, которое въ минуту опасности должно стоять выше всего, но въ обыкновенное время не представляетъ живительной силы, способной весть впередъ дѣло общечеловѣческаго развитія.

Во всемъ, что касается своихъ отношеній ко власти, германскій сеймъ до сихъ поръ руководствовался исключительно осторожностью. Осторожность весьма важное правило, нѣтъ сомнѣнія, но столь же очевидно, что излишняя осторожность можетъ пойти далѣе своей цѣли, то-есть сдѣлаться неосторожностью. Отказываясь отъ напоминанія объ основныхъ правахъ, въ дѣйствительности давно лежащихъ въ сознаніи германскаго народа, представительство его тѣмъ самымъ можетъ укрѣпить правительство въ мысли, что вся иниціатива въ важныхъ дѣлахъ, по прежнему, должна остаться въ рукахъ союзной власти, что въ германской имперіи, какъ въ сѣверогерманскомъ союзѣ, парламентъ будетъ собственно только регистрировать акты имперскаго канцлера. Напомнить на первыхъ же порахъ, что германскій народъ считаетъ необходимымъ воспользоваться своимъ единствомъ не для внѣшняго только могущества, но и для доставленія себѣ на самомъ дѣлѣ правъ имъ сознанныхъ, правъ, которыя предоставили бы отнынѣ ему самому быть опредѣлителемъ своей судьбы, было бы вполнѣ естественно; вполнѣ практично было начать съ этого самую исторію германской имперіи, если только въ самомъ дѣлѣ не хотятъ, чтобы она была имперіею прошлаго. Только развитіе политической свободы въ Германіи можетъ ручаться въ будущемъ за миръ, а что *l'empire* не всегда бываетъ *la paix*, — въ этомъ Европа имѣла уже случай убѣдиться.

Вопросъ о свободѣ былъ возбужденъ и случай къ этому представился, но дѣло было испорчено въ самомъ началѣ именно нерѣшительностью прогрессистовъ. Они не рѣшились сами взять на себя почина въ напоминаніи объ „основныхъ правахъ", а потому вмѣсто нихъ выступили съ объявленіемъ основныхъ правъ клерикалы. Тогда прогрессистамъ осталось только соединиться съ національными либералами и консерваторами въ противодѣйствіи клерикаламъ, потому что клерикалы брались за „основныя права", разумѣется только для доставленія католической церкви полной независимости отъ государства, то-есть имѣли въ виду только интересы католицизма. Въ этомъ смыслѣ высказались ораторы клерикаловъ Виндгорстъ, Маллинкродтъ и баронъ Кеттелеръ. Конечно, при бóльшей энергіи со стороны прогрессистовъ, имъ еще можно было вырвать это дѣло изъ рукъ клерикаловъ и выставить свой контръ-проектъ, въ смыслѣ совокупности основныхъ правъ, какъ они были объявлены національнымъ собраніемъ 1849-го года. Но дѣло все-таки уже было поставлено худо. И вотъ, вмѣсто преній, которыхъ цѣлью было бы внушительное заявленіе пра-

вительству, парламентъ занялся совсѣмъ инымъ, гораздо менѣе важнымъ для этой минуты, а именно борьбою съ клерикалами. Эта борьба и составляла до сихъ поръ единственную сколько-нибудь оживленную сторону дѣятельности сессіи и продолжается до сихъ поръ. Первое пораженіе нанесено было клерикальной партіи отклоненіемъ проекта адресса, предложеннаго Рейхеншпергеромъ, и принятіемъ проекта адресса составленнаго Беннигсеномъ, второе—отклоненіемъ вопроса объ основныхъ правахъ для католической церкви, и третье—уничтоженіемъ двухъ избраній, неправильно произведенныхъ подъ клерикальнымъ вліяніемъ.

Все это имѣетъ свою пользу, конечно, потому что клерикальная партія явилась въ первомъ германскомъ сеймѣ съ довольно значительною силою, а именно около 36 — 38 членовъ, если не считать поляковъ. Адрессъ Рейхеншпергера былъ отвергнутъ большинствомъ 243 противъ 63 голосовъ, предложеніе объ основныхъ правахъ—большинствомъ 223 противъ 59. Клерикальная партія—сильнѣйшая оппозиціонная партія на сеймѣ; сколько-нибудь значительное число оппозиціонныхъ голосовъ, а именно 59—63 можетъ соединить только она одна, и то при участіи поляковъ и ганноверскихъ партикуляристовъ. Но какъ ни полезно противодѣйствіе клерикаламъ, очевидно, что для направленія германскаго законодательства въ духѣ свободы, главное затрудненіе представляетъ не группа въ 40 человѣкъ въ германскомъ сеймѣ, а правительство, представляемое княземъ Бисмаркомъ. Князь Бисмаркъ въ обращеніи съ депутатами, какъ можно было ожидать, не измѣнилъ своего тона послѣ необыкновенныхъ успѣховъ правительства, представленныхъ войною 1870—71. Недавно былъ примѣръ, что Бисмаркъ даже отрицалъ у группы депутатовъ право говорить, какъ они говорили, и училъ ихъ, кѣмъ они избраны и съ какою собственно, ему лучше чѣмъ имъ, извѣстною цѣлью. Мы говоримъ о депутатахъ Познани. Они требовали, чтобы познанское герцогство не было включено въ германскую имперію. Требованіе поляковъ было непрактично, конечно. Но оно не имѣло въ себѣ ничего незаконнаго, и какъ заявленіе принципа, какъ теорія, было вполнѣ логично. Въ самомъ дѣлѣ, если поляки и чехи требуютъ себѣ національной автономіи въ австрійской имперіи, которая никогда не провозглашала національнаго принципа своимъ основаніемъ, то тѣмъ болѣе не-нѣмецкія національности могутъ требовать себѣ автономіи въ германской имперіи, которая осуществлена прямо въ силу принципа германской національности, и на единственномъ основаніи этого именно принципа. Все различіе въ томъ, что требованія, которыя могутъ надѣяться на успѣхъ въ Австріи, а потому тамъ практичны, не могутъ надѣяться на успѣхъ въ Германіи, а потому здѣсь непрактичны. Но отрицать самой возможности ихъ заявленія никакъ нельзя. Германскій канцлеръ

рѣшился отрицать самое право депутатовъ Познани говорить отъ лица ихъ польскихъ избирателей въ національномъ смыслѣ, объявивъ имъ, что они избраны для того, чтобы представлять интересы католической церкви, а не польской національности. Не будемъ останавливаться надъ смысломъ этого объявленія; требованіе поляковъ было во всякомъ случаѣ непрактично, а потому могло быть признано и неумѣстнымъ. Но есть ли другое конституціонное государство въ Европѣ, гдѣ глава исполнительной власти рѣшится объяснять депутатамъ ихъ обязанности по отношенію къ собственнымъ ихъ избирателямъ или утверждать, что ему лучше извѣстны тѣ порученія, какія имъ даны?

Какъ бы то ни было, первая парламентская сессія въ германской имперіи выходитъ довольно блѣдна, и это отчасти зависитъ конечно отъ того факта, что въ немъ не образовалось еще новаго распредѣленія на партіи. Партіи въ германскій сеймъ перешли изъ сейма сѣверогерманскаго, а уже и тамъ онѣ были не туземныя и туда онѣ были занесены изъ прусскаго ландтага. Въ образованіи германскаго парламентаризма естественно отразилось образованіе самой германской имперіи. Это не есть Германія, объединившаяся своимъ народнымъ и притомъ повсемѣстнымъ починомъ. Это все-таки есть пока Пруссія, разросшаяся сперва въ сѣверогерманскій союзъ, а потомъ и въ германскую имперію. Тоже самое произошло и въ области политическаго представительства. Главныя партіи германскаго сейма возникли въ сеймѣ прусскомъ и оттуда перешли чрезъ сеймъ сѣверогерманскій въ сеймъ общегерманскій. Это — феодалы, клерикалы: католики и протестанты, прогрессисты, возникшіе въ 1861-мъ году, и національные либералы, основавшіеся въ партію въ 1865-мъ году. Такое, такъ-сказать не туземное, и во всякомъ случаѣ не современное происхожденіе главныхъ партій имперскаго сейма объясняетъ ихъ бѣдность, ихъ слабость на новой почвѣ. Какъ прогрессисты, такъ и національные либералы объявили передъ выборами, что они будутъ держаться прежнихъ своихъ программъ, но эти прежнія программы ихъ возникли при иныхъ условіяхъ. Съ тѣхъ поръ много измѣнились какъ обстоятельства, такъ и нѣкоторыя потребности, нынѣ менѣе настоятельныя, чѣмъ прежде, а иныя — болѣе.

Прогрессистская партія 1861-го года нѣкогда была не только народною по своей цѣли, но блестящею по своей энергіи, и могущественною по тому дѣйствію, какое она производила на умы. Ея программа почти безусловно вѣрна и нынѣ, но у нея уже нѣтъ ни прежней энергіи, ни прежняго могущества. Обаяніе ея оппозиціи правительству для обороны и разработки конституціи было сломано войнами противъ Даніи и Германіи съ Австріею, войнами, которыя правительство предприняло одну несогласно съ желаніями прогрессистской партіи, а

другую прямо вопреки ея желаніямъ. Между тѣмъ, этими войнами, а еще болѣе войною 1870-го года, правительство завоевало себѣ не только эльбскія герцогства, Ганноверъ, Кассель, Франкфуртъ, Эльзасъ, Лотарингію, и власть надъ всѣми остальными германскими владѣніями, но и завоевало себѣ огромное большинство всего германскаго народа. Въ немъ утвердилось мнѣніе, что въ борьбѣ правительства съ прогрессистами право было правительство, хотя оно было неправо и противъ духа и противъ буквы конституціи. Оно сдѣлало великія дѣла и сдѣлало ихъ вопреки прогрессистамъ. Партія эта уже и въ сѣверогерманскій сеймъ явилась въ видѣ пораженной, такъ сказать съ печатью осужденія, ошибки, а потому она и безсильна. Программа ея въ сущности непремѣнно останется, до тѣхъ поръ, когда германскій народъ не получитъ власть въ самомъ дѣлѣ въ свои руки, но около этой програмы должна сгруппироваться новая партія, изъ новыхъ людей и даже съ новымъ названіемъ.

То самое, что ослабило партію прогрессистскую, дало жизнь партіи національно-либеральной, которая возникла въ 1865-мъ г., и поглотила въ себѣ часть членовъ прежней большой прогрессистской партіи (die grosse deutsche Fortschrittspartei). Изъ двухъ народныхъ стремленій: единства и свободы, правительство усвоило имъ первый, и среди прусскихъ либераловъ нашлись люди, весьма значительные, какъ, напр., Ласкеръ, которые сочли возможнымъ удовольствоваться этимъ, или, если и не удовольствоваться, то во всякомъ случаѣ вступить въ соглашеніе съ правительствомъ, прямо искажавшимъ конституцію за то только, что оно предприняло исполнить хоть одну часть либеральной программы, хотя и вовсе не либеральными средствами. Средства эти, какъ извѣстно, состояли въ насиліи надъ союзомъ въ 1863-мъ г., а потомъ въ разрушеніи этого союза и военномъ объединеніи Германіи въ 1866-мъ г. Успѣхъ 1866-го г. далъ партіи національныхъ либераловъ большую силу, потому именно, что она шла съ правительствомъ, а правительство побѣдило. Но эта партія, по самому своему происхожденію, не могла и не можетъ имѣть творческой силы. Наоборотъ, значеніе ея было отрицательное, это была партія отреченія, умѣренности, довѣрія къ сильнымъ, но не парламентскимъ рукамъ. Силу такую партія могла имѣть только въ самомъ представительномъ собраніи по своей численности. Она могла быть силою и въ странѣ, но только силою въ рукахъ правительства, а не силою по отношенію къ нему. И вотъ почему, несмотря на несомнѣнныя услуги, которыя она оказала правительству, она не только не могла пріобрѣсть новыхъ правъ для народа, но даже не съумѣла и сообщить министрамъ сколько-нибудь парламентское воспитаніе, или хотя бы только парламентскія манеры. Національно-либеральная партія всегда тѣшила себя мыслью о своемъ могуществѣ, въ убѣжденіи, что за нею стоитъ боль-

шинство народа, и это не былъ оптическій обманъ, а только логическій недостатокъ: большинство народа въ самомъ дѣлѣ стояло за нею, но только потому, что она сама стояла за правительствомъ и его успѣхами.

Выборы въ германскій сеймъ, послѣдовавшіе за войною 1870-го года, еще усилили національно-либеральную партію въ численномъ отношеніи. Но они не могли придать ей силы внутренней, творческой. Самыя событія 1870-го г. и провозглашеніе германской имперіи лишило національно-либеральную партію причины бытія: единство Германіи осуществлено съ лихвою, и далѣе идти на этомъ полѣ уже некуда. Затѣмъ, еслибы та партія, которой исходная точка была — соглашеніе съ правительствомъ для осуществленія единства и отсрочки такъ-называемыхъ „нравственныхъ завоеваній", то-есть пріобрѣтенія новыхъ правъ народу, — захотѣла далѣе существовать и дѣйствовать по этой мысли, то она оказалась бы просто партіею застоя, и должна была бы вскорѣ замолкнуть о либеральныхъ принципахъ вообще; тогда она слилась бы съ разными оттѣнками консерваторовъ и все-таки перестала бы существовать въ смыслѣ отдѣльной, опредѣленной партіи.

Итакъ, вотъ въ какомъ положеніи представляются нынѣ двѣ наиболѣе дѣятельныя прусскія партіи въ германскомъ сеймѣ; одна поражена безсиліемъ, отсутствіемъ авторитета, другая обречена на безплодность. Удивляться ли, что первая сессія этого собранія представляется столь блѣдною? Партіи должны преобразоваться, или лучше сказать, въ германскомъ сеймѣ создаться новыя, туземныя партіи, на основаніи новыхъ, современныхъ данныхъ. Что побужденіе къ этому явится, что счеты съ правительствомъ не будутъ отложены на неопредѣленное время, за это ручаются не только высокое умственное развитіе Германіи, но и самыя свойства имперскаго правительства. Нѣтъ сомнѣнія, что самъ же имперскій канцлеръ вскорѣ подастъ новые поводы къ тому, чтобы ему напомнили о правахъ народа. Еслибы онъ этого не сдѣлалъ, то значило бы, что онъ сталъ инымъ человѣкомъ, а вѣроятность въ томъ, что если онъ и измѣнился, то ужъ никакъ не въ смыслѣ благопріятномъ усиленію парламентаризма и перенесенію вѣса отъ имперской исполнительной власти въ имперское народное представительство. Князь Бисмаркъ одержалъ такія побѣды вопреки парламентаризму, которыя никакъ не склонятъ его къ убѣжденію, что слѣдовало бы подѣлиться властью съ кѣмъ бы то ни было. И теперь, когда война съ Франціею кончена, побѣды его все-таки продолжаются. Парижскія смуты и реакціонерныя похоти версальскаго собранія облегчаютъ присоединеніе жителей Эльзаса и Лотарингіи къ Германіи; на выборахъ въ южной Германіи одержали побѣду національные либералы; въ преніяхъ сейма разногласіе произошло не

между сеймами и правительствомъ, а между воззрѣніями католическимъ и либеральнымъ, изъ которыхъ ни то, ни другое не могутъ быть ему сочувственны; наконецъ, подчиненныя имперіи государства весьма удобно входятъ въ новую свою роль, и въ самое послѣднее время великое герцогство гессенское пожертвовало своимъ первымъ министромъ Дальвигкомъ, человѣкомъ весьма значительнымъ и дѣльнымъ, потому только, что Дальвигкъ не любитъ Пруссію и не годился для нынѣшней роли Гессена. Однимъ словомъ, Бисмаркъ шествуетъ отъ успѣха къ успѣху, и даже тамъ, гдѣ онъ не дѣйствуетъ, успѣхъ его осуществляется какъ-то самъ собою.

Нѣкоторый неуспѣхъ былъ встрѣченъ Бисмаркомъ только въ вопросѣ о вознагражденіи депутатамъ сейма. Члены сѣверогерманскаго сейма, какъ извѣстно, вознагражденія не получали. Правительство и консервативная партія желали, чтобы и впредь члены сейма не пользовались жалованьемъ, для того, чтобы не создавалось „сословіе политиковъ, занимающихся своимъ дѣломъ по профессіи", а стало быть и изучающаго парламентскую тактику, безъ которой ни одна партія сильна быть не можетъ. Но сеймъ, отчасти неожиданно, принялъ предложеніе Шульца изъ Делича, въ томъ смыслѣ, чтобы депутаты германскаго сейма пользовались содержаніемъ. Изъ послѣднихъ рѣчей Бисмарка замѣчательна та, въ которой онъ говорилъ противъ необходимости верхней палаты. Вопросъ этотъ возникъ изъ вопроса о назначеніи платы депутатамъ. Когда одинъ изъ членовъ замѣтилъ, что мѣсто для людей богатыхъ, занимающихся политикою только для поддержанія своего значенія было бы не въ сеймѣ, т.-е. въ нынѣшней народной, единственной его палатѣ, а въ верхней палатѣ, еслибы такая была учреждена, то Бисмаркъ возражалъ на это доказывая, что мѣсто верхней палаты въ имперіи занято союзнымъ совѣтомъ и что другой верхней палаты и не нужно. Какъ будто совѣщательная коллегія исполнительной власти — каковъ въ самомъ дѣлѣ союзный совѣтъ, состоящій изъ коммисаровъ отдѣльныхъ правительствъ—сколько-нибудь похожъ на составную часть парламента. Но Бисмаркъ уже пріучилъ всю Европу къ необыкновенной изобрѣтательности своей на почвѣ парламентской теоріи. Внесенный имъ проектъ временнаго статута или государственнаго закона для Эльзаса и Лотарингіи также представляетъ курьезъ съ точки зрѣнія парламентской теоріи, да впрочемъ и вообще съ точки зрѣнія государственнаго права. Сущность его въ томъ, что уложеніе германской имперіи должно быть введено въ Эльзасѣ и Лотарингіи неранѣе 1-го января 1874-го года. До тѣхъ же поръ, вся законодательная власть относительно этихъ провинцій остается въ рукахъ императора и союзнаго совѣта, *но безъ участія имперскаго сейма.* Да и послѣ 1 января 1874-го г., законодательная власть въ этихъ провинціяхъ должна принадлежать только общимъ импер-

скимъ учрежденіямъ, такъ что своего государственнаго представительства Эльзасъ и Лотарингія и впредь имѣть не будутъ. До названнаго же срока, всѣ отрасли власти въ нихъ сосредоточиваются въ рукахъ германскаго императора. Что же такое будутъ представлять Эльзасъ и Лотарингія? Не отдѣльное государство, какъ всѣ другія части имперіи, и не прусскую или баварскую провинцію, а нѣчто совсѣмъ непонятное: какую-то общую собственность всѣхъ частей имперіи, „имперскую землю“ (unmittelbares Reichsland). Даже такой приверженный Бисмарку органъ, какъ „National Zeitung“, называетъ это положеніе „изобрѣтеніемъ“ (Erfindung). Но одинъ смыслъ этого изобрѣтенія весьма ясенъ: завоеванныя провинціи не будутъ имѣть своего полноправнаго сейма.

КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ ИЗЪ БЕРЛИНА

НѢМЕЦКІЕ КЛЕРИКАЛЫ.

Берлинъ, 24 (12) апрѣля.

До сихъ поръ у насъ некуда было дѣться отъ пѣсни — *Wacht am Rhein!* Присоединеніе Эльзаса могло одно заставить забыть эту пѣсню, такъ какъ Рейну больше не грозитъ никакая опасность; но неожиданное торжество клерикальной партіи въ новомъ нѣмецкомъ рейхстагѣ, партіи, которая гнѣздится главнымъ образомъ въ рейнскихъ провинціяхъ, пустило снова эту пѣснь въ ходъ, съ надлежащимъ измѣненіемъ, и *Wacht am Rhein* (Не дремать на Рейнѣ) превратилась въ *Nacht am Rhein* (Ночь на Рейнѣ).

Эта клерикальная, или католическая, или ультрамонтанская партія (она сама называетъ себя обыкновенно католической, въ настоящемъ же рейхстагѣ обозвалась оффиціально партіей центра; но такъ какъ существуетъ другая партія центра, то ее зовутъ въ отличіе *чернымъ центромъ*) — эта партія заключаетъ въ себѣ далеко не все католическое представительство нѣмецкихъ народовъ, такъ, напримѣръ, въ настоящемъ первомъ нѣмецкомъ рейхстагѣ засѣдаютъ 125 католиковъ, а католическая партія насчитываетъ всего 56 членовъ. Весьма трудно охарактеризовать эту партію по ея политическимъ убѣжденіямъ, потому что ея политическія убѣжденія отливаютъ всѣми цвѣтами, и, смотря по времени и мѣсту, переходятъ отъ крайняго либерализма до упорной реакціи. Въ этомъ отношеніи ультрамонтанизмъ идентиченъ съ іезуитизмомъ, съ которымъ онъ вообще тѣсно связанъ и сродственъ

Католическая партія отклоняетъ отъ себя названіе ультрамонтановъ, хотя это слово вполнѣ соотвѣтствуетъ существу дѣла. Еще недавно одинъ изъ членовъ рейхстага объявилъ совершенно откровенно, что эта партія стремится поддержать *единство* церкви и что потому она противъ всякаго посягательства на права (свѣтскія и духовныя) и могущество папы; этимъ самымъ она перенесла центръ тяжести церковной силы въ Римъ, т.-е. для насъ, жителей средней и сѣверной Европы по ту сторону горъ, *ultra montes*. Необходимымъ слѣдствіемъ ультрамонтанизма было расширеніе власти папы надъ епископами; іезуиты и ультрамонтаны работали въ этомъ отношеніи столь успѣшно, что папа, бывшій прежде между епископами только *primus inter pares*, такъ что всѣ епископы вмѣстѣ представляли власть, высшую папской, — теперь власть абсолютная, а епископы—слуги, вполнѣ отъ него зависящіе.

Вліяніе ультрамонтанизма въ Германіи не такъ значительно, какъ во Франціи и другихъ католическихъ странахъ, тѣмъ не менѣе со страхомъ озираешься на успѣхи, которые онъ дѣлаетъ въ старѣйшихъ и сильныхъ центрахъ протестантизма. Католическая община въ Берлинѣ растетъ съ каждымъ годомъ и находится вполнѣ подъ вліяніемъ ультрамонтановъ. Со времени открытія рейхстага эта партія издаетъ большую ежедневную газету „*Germania*“, которая проводитъ свои основные принципы. Но опаснѣе всего пропаганда между аристократіей, совершающаяся въ тиши. Безпрестанно слышишь, что членъ какой-нибудь дворянской фамиліи перешелъ изъ протестантства въ католичество, и эти обращенные, что совершенно понятно, дѣлаются самыми ревностными приверженцами крайняго направленія новой церкви. Каждый переходъ изъ протестантизма въ католицизмъ составляетъ, такимъ образомъ, при настоящихъ обстоятельствахъ пріобрѣтеніе для ультрамонтанизма.

Главное гнѣздо ультрамонтановъ въ Германіи находится въ Баваріи, особенно верхней Баваріи, въ рейнской провинціи и Вестфаліи. Въ этихъ трехъ мѣстностяхъ владычество духовенства было издавна весьма сильно, вліяніе его весьма велико. Въ концѣ XVIII-го столѣтія прирейнская страна носила названіе *Поповской улицы* (*Pfaffengasse*), потому что принадлежала духовнымъ князьямъ (архіепископамъ: майнцскому, трирскому и кёльнскому), но со времени основанія германскаго союза, въ теченіи четверти вѣка счастья, мира и прилежанія, быстро распространился духъ свободы, и вліяніе духовенства уменьшилось. Только въ сороковыхъ годахъ снова возникло другое направленіе, іерархія выступила враждебно противъ государства и открыла поразительную дѣятельность во всѣхъ направленіяхъ, которая увеличивала постоянно ея вліяніе. На этотъ разъ рейнская провинція и Вестфалія прислали въ парламентъ не менѣе 30-ти ультрамонтановъ, Баварія всего 18. Остальные члены партіи распредѣлены такъ: на восточную Пруссію

приходится 2, на Силезію 3, на среднюю Германію 3, на Ольденбургъ 1, на Ганноверъ 2, на Виртембергъ 1, и на Баденъ 1. Партія одержала, такимъ образомъ, мало побѣдъ при выборахъ въ этихъ частяхъ страны; но тамъ, гдѣ не побѣдила, она боролась упорно и не безславно, и можно опасаться, что при слѣдующихъ выборахъ она будетъ имѣть больше успѣха, потому что при выборахъ прежде всего требуется энергія и неусыпная дѣятельность, а этими качествами партія можетъ похвалиться. Особенно интересная борьба происходила въ Силезіи. Населеніе Силезіи на половину евангелическаго, на половину католическаго вѣроисповѣданія; большинство образованныхъ людей католики, расположенные не въ пользу ультрамонтановъ. Ультрамонтанская партія смотритъ на этихъ *„равнодушныхъ“* католиковъ, какъ на своихъ злѣйшихъ враговъ и безъ малѣйшаго препятствія одержала надъ ними самую рѣшительную побѣду. Такъ, напримѣръ, ей удалось, въ избирательномъ округѣ Плессъ-Рыбникъ, замѣстить герцога Ратибора, одного изъ самыхъ значительныхъ магнатовъ страны, постоянно проживающаго въ этомъ округѣ, совершенно неизвѣстной личностью, духовнымъ совѣтникомъ (это кажется титулъ, даруемый папой) Мюллеромъ въ Берлинѣ, однимъ изъ самыхъ энергическихъ дѣятелей ультрамонтанской пропаганды.

Ближайшая побѣда ультрамонтановъ на Рейнѣ была тѣмъ изумительнѣе и неожиданнѣе, что прирейнская страна выказала себя весьма патріотичной, какъ въ послѣдней войнѣ, такъ и въ войнахъ 1864-го и 1866-го годовъ, и что ультрамонтанская партія ненавидитъ въ глубинѣ своего сердца Пруссію и любитъ Австрію, которая всегда была опорой и убѣжищемъ „католицизма“, между тѣмъ какъ Пруссія долгое время была представительницей протестантскаго принципа; и несмотря на то, что католическое исповѣданіе поставлено въ Пруссіи въ одинаковыя условія съ протестантскимъ, находятся личности, которыя смотрятъ на католицизмъ, какъ на ересь, и говорятъ о свободѣ совѣсти и церкви до тѣхъ поръ, пока не получатъ въ свои руки власть.

Едва успѣлъ собраться рейхстагъ, какъ ультрамонтанская партія рѣшилась посчитать свои силы. Случаемъ къ тому послужила тронная рѣчь, гласившая, къ великому успокоенію всей Германіи, о принципѣ *невмѣшательства*, въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

„Духъ, присущій нѣмецкому народу, которымъ проникнуты его воспитаніе и цивилизація, а также конституція государства и военная организація, охраняютъ Германію среди успѣховъ отъ злоупотребленія тѣмъ могуществомъ, которое она пріобрѣла черезъ объединеніе. То уваженіе, котораго требуетъ Германія относительно своей собственной самостоятельности, она воздаетъ охотно независимости всѣхъ другихъ государствъ и народовъ, какъ слабыхъ, такъ и сильныхъ.“

Ультрамонтаны встрѣтили въ этихъ словахъ помѣху своимъ пла-

намъ, такъ какъ они вмѣняютъ въ обязанность всякаго правительства помогать намъ, и сочувствуютъ поэтому—въ настоящее время—принципу *вмѣшательства*.

Рейхстагъ рѣшилъ отвѣчать на тронную рѣчь и избралъ по этому поводу коммиссію, составленную изъ членовъ всѣхъ партій собранія, которая должна была составить, если возможно, такой проектъ отвѣтнаго адресса, который бы былъ одобренъ *всѣми* партіями. Коммиссія образовала изъ среды своей субкоммиссію, представившую проектъ адресса, отвѣчающаго на тронную рѣчь фраза за фразой, и четвертый періодъ ея гласитъ слѣдующее:

„Зародыши паденія проникали и въ Германію, въ то время, когда властелины ея, слѣдуя чужеземнымъ преданіямъ, вмѣшивались въ жизнь другихъ народовъ. Новое государство обязано своимъ происхожденіемъ собственному уму народа, неуклонно преданнаго дѣлу мира и возставшаго лишь для обороны. Въ своихъ сношеніяхъ съ чужеземными народами Германія требуетъ только уваженія для своихъ гражданъ, уваженія, которое бы гарантировало ихъ права и обычаи, и, не содѣйствуя, положительно или отрицательно, различнымъ націямъ на пути къ объединенію, она желаетъ каждому государству самостоятельно найти наилучшую форму своего устройства. Мы надѣемся, что времена вмѣшательства во внутреннюю жизнь другихъ народовъ больше не возвратятся, ни подъ какимъ предлогомъ и ни въ какой формѣ."

Это заявленіе принципа невмѣшательства еще опредѣленнѣе и торжественнѣе, чѣмъ то, которое заключалось въ тронной рѣчи. Представители клерикальной партіи не согласились на этотъ адрессъ и партія составила свой проектъ, въ которомъ не выставлялся прямо принципъ вмѣшательства, но объ этомъ пунктѣ просто умалчивалось. Изъ предшествовавшаго однако было ясно, что̀ означало это молчаніе, а потому при дебатахъ борьба была съ поднятыми забралами. Коммиссія избрала своимъ докладчикомъ Бенингсена, ганноверца, одного изъ лучшихъ представителей либеральнаго дѣла, человѣка съ трезвымъ государственнымъ взглядомъ и большимъ краснорѣчіемъ, и онъ сейчасъ же установилъ пунктъ для обсужденія съ полною ясностью.

„Большинство собранія,—такъ говорилъ онъ въ своей рѣчи,—также какъ и большинство всей Германіи, согласится съ нами въ томъ, что мы, представители объединеннаго нѣмецкаго народа, призваны выразить громко и сильно сочувствіе къ заявленному въ тронной рѣчи мирному расположенію. Основной принципъ невмѣшательства въ жизнь другихъ народовъ способствуетъ къ разсѣянію опасеній сосѣднихъ народовъ; съ другой стороны, онъ способствуетъ къ устраненію, по первому же началу, обманчивыхъ соблазновъ и стремленій, въ которыя по заблужденію могла-бы вдаться нѣмецкая политика. (*Оживленное браво!*). Если Германія долгое время была слаба, если вслѣдствіе этого не только

у Франціи, но и у слабѣйшихъ и менѣе значительныхъ сосѣдей, являлось желаніе, которое не разъ приводилось въ исполненіе, обезпечивать свои интересы на счетъ Германіи, то сознаніе этихъ несправедливостей, оставшееся отъ прошлыхъ временъ въ душѣ этихъ сосѣднихъ народовъ, можетъ поддерживать въ нихъ опасеніе, что теперешнее нѣмецкое государство, сознавая свою силу, склонно увлечься на подобные же поступки, какіе должна была терпѣть отъ слабыхъ и сильныхъ сосѣдей. Мы тѣмъ болѣе побуждены съ самаго же начала выступить противъ этого, что Германія завоевала теперь пограничныя нѣмецкія земли, отнятыя отъ нея прежде. Въ виду этого именно легко можетъ возникнуть опасеніе, что въ столь могущественномъ нѣмецкомъ народѣ и государствѣ проявится склонность оглянуться и на другія страны, бывшія когда-либо въ тѣсной связи съ нѣмецкимъ государствомъ. Здѣсь въ Германіи намъ извѣстно, что это не такъ, здѣсь въ рейхстагѣ мы знаемъ, что подобныхъ поползновеній не существуетъ, но тѣмъ болѣе, полагаю я, лежитъ на нашей обязанности, если императорское правительство такъ откровенно и законно заявляетъ чужеземнымъ народамъ политику мира, невмѣшательства,—не отказать ему въ своемъ радостномъ и полномъ одобреніи. (*Громкое рукоплесканіе*). Но я иду далѣе; если мы, такимъ образомъ, требуемъ продолжительнаго мира въ Европѣ, то тѣмъ самымъ принимаемъ на себя обязательство ограждать нѣмецкую политику отъ уклоненій и заблужденій, которыя болѣе чѣмъ что-либо другое содѣйствовали къ паденію Германіи. (*Очень справедливо! оживленное одобреніе*). Съ именами императора и имперіи связаны воспоминанія о большихъ и роковыхъ войнахъ, которыя велись германскими императорами, не въ качествѣ императора Германіи, а какъ римскими императорами, какъ императорами съ притязаніемъ на наслѣдство римскаго императорства, — съ римской церковью, съ Италіей. Наша задача съ самаго начала не оставить ни малѣйшаго сомнѣнія въ нашемъ народѣ, что преобладающее большинство его представителей, согласно съ императорскимъ правительствомъ, далеко отъ того, чтобы снова впасть въ старую ошибку нѣмецко-итальянской, нѣмецко-церковной политики. (*Оживленное одобреніе*). Да, съ именами „императоръ и имперія" выступаютъ снова старыя войны и страшные раздоры между императоромъ и папою, слѣдствіемъ которыхъ было продолжительное опустошеніе Италіи и политическое безсиліе и внутреннее разложеніе Германіи. Но воспоминанія оживутъ, какъ только мы усмотримъ стремленіе снова направить на этотъ путь нашу нѣмецкую политику. (*Совершенно справедливо!*). Это самое требуетъ отъ насъ, въ первую же минуту, когда германскій императоръ собралъ вокругъ себя первый германскій рейхстагъ, воздвигнуть пограничный камень, ясно видимый издалека для всего свѣта, какъ для внутренней страны такъ и для чужихъ странъ, съ заявленіемъ, что нѣмецкая политика на будущее время ограничится

внутренними вопросами Германіи, и не будетъ имѣть въ своихъ планахъ вмѣшательства во внутреннюю жизнь другихъ народовъ".

Эта рѣчь поставила ультрамонтановъ въ трудное положеніе, но у нихъ нѣтъ недостатка въ ловкости. Между ихъ ораторами одни предпочитаютъ смѣлое нападеніе, другіе умѣютъ съ дипломатическимъ тактомъ скрыть слабость своего собственнаго положенія, выставленную противникомъ. Къ этимъ послѣднимъ принадлежитъ Рейхенспергеръ, который въ настоящемъ случаѣ говорилъ особенно ловко.

„Относительно воинственныхъ замысловъ,—такъ приблизительно онъ выражался,—вы можете быть покойны, у насъ ихъ нѣтъ. Мы желаемъ вмѣстѣ съ вами мирнаго развитія имперіи и ея отношеній къ сосѣднимъ государствамъ. Что же касается полнаго предоставленія другихъ народовъ самимъ себѣ, то это годно только въ теоріи, но невыполнимо на практикѣ. До сихъ поръ считалось христіанской обязанностью тушить, если домъ сосѣда загорится. Если въ какомъ-нибудь государствѣ поднимется большое броженіе, развѣ не придется великой германской имперіи, находящейся въ сердцѣ Европы, ограждать себя; неужели приниматься за постройку плотинъ, когда все уже залито наводненіемъ?".

До сихъ поръ ораторъ былъ остороженъ, но затѣмъ сорвалось у него словечко, которое онъ—въ интересѣ *своей* партіи—лучше-бы оставилъ при себѣ. Онъ сказалъ: „я не стану говорить въ пользу похода черезъ Альпы, но и не ставлю для него абсолютной преграды".

Громкое: „слушайте!" слушайте! раздалось при этихъ словахъ въ рядахъ лѣвыхъ, потому что этого-то похода и желаютъ ультрамонтаны, равнодушные къ роковымъ послѣдствіямъ, какія можетъ навлечь на Германію подобное предпріятіе, только бы оно было выгодно для римскаго трона. Впрочемъ, касательно Италіи огромное большинство нѣмцевъ имѣетъ вполнѣ здравый взглядъ и обязано этимъ, главнымъ образомъ, новымъ нѣмецкимъ историческимъ сочиненіямъ, которыя съ безжалостной, но необходимой строгостью разсѣяли сіяніе, навѣянное романтиками на такъ-называемый второй героическій вѣкъ нѣмцевъ, на времена императоровъ изъ дома Гогенштауфеновъ. Если императоры изъ этого дома и были сильными людьми, совершившими много великаго, то все же должно сознаться, что ихъ черезъ-чуръ широкая политика была губительна какъ для нихъ самихъ, такъ и для государства. Древняя нѣмецкая исторія мало знакома нѣмецкому народу, но о походахъ на Римъ древнихъ императоровъ слышалъ что-нибудь всякій ребенокъ, и здравый умъ народа уподобляетъ эти походы похожденіямъ Донъ-Кихота. Когда, въ 1859-мъ году, прусское правительство имѣло большое желаніе и было совершенно готово идти на помощь австрійскому правительству противъ Италіи и Франціи, то его намѣренія пользовались большой непопулярностью, не столько вслѣдствіе нерасположенія къ Австріи, которое

всегда существовало въ Пруссіи, сколько вслѣдствіе того, что народъ не сочувствовалъ какому-бы то ни было вмѣшательству въ итальянскія дѣла.

Адрессъ, представленный коммиссіей, былъ принятъ 243-мя голосами противъ 63. Вмѣстѣ съ ультрамонтанами вотировали партикуляристы (т.-е. тѣ депутаты Саксоніи, Ганновера и др., которые не сочувствуютъ преобразованію 1866-го года и стараются, по возможности, усилить самостоятельность отдѣльныхъ государствъ союза) и радикалы, которыхъ въ рейхстагѣ всего три и которые съ одинаковымъ правомъ могутъ быть названы демократами-соціалистами: редакторъ „Frankfurter Zeitung" Зоннеманнъ, выбранный во Франфуртѣ вмѣсто Ротшильда, токарь Вебель изъ Лейпцига и адвокатъ Шрапсъ изъ Криммицшау, первый отъ 17-го, а второй отъ 18-го саксонскаго избирательнаго округовъ. Два послѣдніе были избраны соціалистами изъ рабочаго класса дѣйствительно какъ демократы-соціалисты, Зоннеманнъ же избранъ по большей части консервативнымъ населеніемъ Франкфурта, которое до сихъ поръ не можетъ помириться съ мыслью, что ихъ городъ присоединенъ къ Пруссіи и потому постоянно избираетъ депутатовъ, ясно выражающихъ ихъ ненависть къ „завоевателю". Передъ открытіемъ рейхстага надѣялись, что раздѣленіе на партіи на этотъ разъ будетъ не такъ сложно, какъ прежде, но случилось совершенно противуположное: ни разу собраніе не разбивалось на столько подраздѣленій. Во-первыхъ, существуетъ консервативная партія, насчитывающая 50 съ чѣмъ-то членовъ, которые всѣ, кромѣ двухъ, избраны старыми прусскими провинціями, особенно Помераніей, Бранденбургомъ и восточной Пруссіей. Партія прогресса имѣетъ только 40 членовъ, главнымъ образомъ изъ большихъ городовъ: Берлина, Бреслау, Кёнигсберга, Штетина; національно-либеральная партія—140 членовъ. Эта послѣдняя, возникшая въ сентябрѣ 1866-го года и поддерживавшая, не уступая либеральныхъ принциповъ, національную политику Бисмарка, значительно убыла, но къ ней присоединились многіе депутаты южной Германіи, Саксоніи, Ганновера, Мекленбурга и Кургессена. Численность клерикальной партіи уже приведена выше. Кромѣ этихъ большихъ, существуютъ еще двѣ маленькія партіи: одна называетъ себя „нѣмецкая императорская партія", другая „либеральная императорская партія". Каждая изъ нихъ имѣетъ по 30-ти членовъ. Чѣмъ эти обѣ партіи отличаются—весьма трудно сказать; программы ихъ вообще весьма шатки и указываютъ имъ мѣсто между либерализмомъ и консерватизмомъ. Сначала они хотѣли образовать одну партію, но оказалось, что при этомъ было-бы тѣсно той массѣ тщеславія, которая живетъ въ этихъ лицахъ. Они раздѣлились и будутъ дѣлиться далѣе, смотря по возрастающимъ потребностямъ ихъ тщеславія.

Германскій рейхстагъ насчитываетъ 382 члена, но по различнымъ

причинамъ нѣкоторыхъ постоянно недостаетъ на засѣданіяхъ. Въ срединѣ этого мѣсяца присутствовало 376 членовъ. Между ними 145 дворянъ, 107 — изъ старыхъ прусскихъ провинцій, 16 изъ Баваріи, и только 22 изо всей остальной Германіи. Между дворянствомъ — 71 человѣкъ просто съ частичкой „фонъ", 29 бароновъ, 34 графа, 8 князей и 3 принца. Эти послѣдніе—принцъ Вильгельмъ Баденскій, братъ великаго герцога, принцъ Романъ Чарторижскій и принцъ Гандіери, первый полякъ, второй валахскаго происхожденія. Въ то время какъ въ рейхстагѣ древней германской имперіи духовенство по собственному праву засѣдало въ большомъ количествѣ, въ настоящемъ рейхстагѣ, куда можно попасть только по выбору, всего только 14 лицъ духовнаго званія, 13 католическихъ священниковъ и только одинъ евангелическій (изъ Баваріи). Далѣе засѣдаютъ въ рейхстагѣ 9 бургомистровъ и 12 сенаторовъ, 13 университетскихъ профессоровъ, 9 совѣтниковъ верховнаго трибунала, 29 судей, 21 адвокатъ, 79 землевладѣльцевъ изъ старыхъ прусскихъ провинцій (сколько изъ южной Германіи—на то не имѣется точныхъ данныхъ), 23 купца и промышленника. Такимъ образомъ, несмотря на кажущуюся произвольность общаго, прямого избирательнаго права, самые значительные классы государства нашли свое представительство въ рейхстагѣ. Менѣе удовлетворительно то, что въ рейстагѣ число чиновниковъ, вполнѣ зависимыхъ отъ правительства, еще велико: 18 ландратовъ, 7 предсѣдателей, 7 регирунгсратовъ и 6 министерскихъ чиновниковъ. Еще стóитъ упомянуть, что 25 членовъ рейхстага въ то же время члены прусской палаты господъ, и 90—члены прусской палаты депутатовъ.

Но я отвлекся отъ ультрамонтановъ. Они не смутились пораженіемъ по поводу адресса, хотя и самъ императоръ до нѣкоторой степени принялъ сторону ихъ противниковъ, поблагодаривъ депутацію, подносившую адрессъ, особенно за то, что рейхстагъ совершенно вѣрно понялъ его намѣренія, въ чемъ, хотя и не прямо, заключалось неодобреніе клерикаловъ. Одинъ изъ первыхъ предметовъ, предложенныхъ рейхстагу, была конституція германской имперіи. Кто слышитъ о подобномъ обсужденіи конституціи, тотъ навѣрное представляетъ себѣ эту работу громадной, украшенной многими наиторжественнѣйшими моментами. Какъ долго работали французскія собранія *assemblée nationale* надъ конституціями, которыя часто существовали болѣе короткое время, чѣмъ какое было употреблено на ихъ обсужденіе? Какъ долго работали надъ конституціями франкфуртскій парламентъ, вѣнскій рейхстагъ, прусское національное собраніе и позже прусскія камеры? Для новой германской имперіи, совершенно оригинальной въ нѣкоторыхъ частяхъ, дѣло представлялось проще. Правительство признало *mutatis mutandis* конституцію сѣверогерманскаго союза за конституцію имперіи (главныя измѣненія состояли въ томъ, что вмѣсто

„союзъ“ вездѣ поставлено было „имперія“), вставило необходимыя постановленія относительно южногерманскихъ государствъ, вошедшихъ на будущія времена въ составъ имперіи, и предложило ее въ этомъ видѣ рейхстагу, который, послѣ двухъ засѣданій, ее принялъ. Она была бы принята и въ одно засѣданіе, вѣроятно безъ всякихъ дебатовъ (потому что даже самые крайніе либералы заявили, что считаютъ время неудобнымъ для преобразованія конституціи) — еслибы клерикальная партія не почувствовала внезапно непреодолимой жажды къ свободѣ и не потребовала, вслѣдствіе этого, включенія въ конституцію Германіи нѣкоторыхъ *основныхъ правъ* прусской конституціи. Германскій парламентъ въ 1848-мъ году, во Франкфуртѣ, поставилъ себѣ первой задачей установить основныя права германца, и результатомъ его трудовъ былъ законъ, пользовавшійся долгое время глубокимъ уваженіемъ большинства нѣмецкаго народа. Главныя основныя права германца состояли въ слѣдующемъ: установленіе одного *общаго* германскаго гражданскаго права, со всѣми изъ того вытекающими послѣдствіями относительно мѣстопребыванія и жительства въ отдѣльныхъ государствахъ; равенство передъ закономъ съ уничтоженіемъ всѣхъ сословныхъ преимуществъ и сословныхъ различій; равноправность всѣхъ относительно занимания государственныхъ должностей и одинаковая для всѣхъ рекрутская повинность; отмѣна наказанія гражданской смерти, свобода выселенія и защита выселившихся, со стороны государства; свобода личности и обезпеченіе противъ произвольнаго ареста, отмѣна смертной казни и тѣлеснаго наказанія, неприкосновенность жилищъ, писемъ; свобода печати, вѣры, обрядовъ, самоуправленіе религіозныхъ обществъ; гражданскій бракъ; свобода науки и ея ученій; свобода обученія; право петицій и собраній; свобода собственности, съ отмѣной душеприкащества и „*todte Hand*“ (имѣнія, перешедшія отъ частныхъ владѣльцевъ церквамъ и монастырямъ); открытый и словесный судъ; судъ присяжныхъ для всѣхъ преступленій; полное отдѣленіе исполнительной власти отъ судебной; свобода мірскихъ сходокъ; дарованіе права не-нѣмецкимъ племенамъ говорить на своемъ языкѣ; защита нѣмцевъ въ чужихъ странахъ.

Въ нѣкоторыхъ нѣмецкихъ государствахъ эти основныя права были введены, въ другихъ—остались на бумагѣ; Австрія, Пруссія, Баварія и Ганноверъ, а также нѣкоторыя мелкія нѣмецкія государства отказались положительно принять ихъ. Тѣмъ не менѣе Пруссія помѣстила въ конституцію, дарованную 5-го декабря 1848-го года, часть „гарантій свободы“, подъ названіемъ „права пруссаковъ“. При постоянномъ пересматриваніи конституціи, которое устраивалось министерствомъ Мантейфеля съ помощью подобострастной камеры, права эти все болѣе и болѣе урѣзывались; часть ихъ все-таки удержалась до наступленія *новой эры* (1859) либеральнаго движенія. Послѣ долгихъ не-

прерывныхъ политическихъ трудовъ и побоищъ, которыя велись либеральной партіей съ поразительнымъ самоотверженіемъ и настойчивостью, мало-по-малу было признано всѣми, что простое возвѣщеніе *правъ*, какъ бы торжественно оно ни было сдѣлано, не имѣетъ никакого значенія, и что для ихъ дѣйствительной силы необходимо, чтобы они истекали изъ всей организаціи законодательства. Многое, чего требовало въ то время національное собраніе, теперь достигнуто, многое почти достигнуто, и неизгладимая слава останется за тѣмъ умѣреннымъ, состоявшемъ изъ даровитыхъ людей, собраніемъ, требованія котораго были всѣ практически выполнимы, хотя можетъ быть пройдетъ еще не мало времени, пока всѣ требованія его до послѣдняго будутъ выполнены. Сѣверогерманская конституція и соотвѣтствующая ей имперская конституція не заключаютъ въ себѣ основныхъ правъ, и ультрамонтаны могли бы ловко воспользоваться этимъ случаемъ, еслибы выступили съ предложеніемъ принять *всѣ* основныя права; но они выбрали только *тѣ* параграфы изъ нихъ, которые были имъ непосредственно выгодны, именно параграфъ о самостоятельномъ управленіи религіозныхъ обществъ и о предоставленіи имъ права имѣть свои учрежденія и фонды, а также параграфъ о свободѣ печати. Первое положеніе было бы въ высшей степени важно для политики ультрамонтановъ, потому что они, подъ прикрытіемъ его, сейчасъ же бы заводнили Пруссію религіозными учрежденіями; требованіе же свободы печати было сдѣлано лишь для того, чтобы замаскировать свои настоящія цѣли. Для избѣжанія недоразумѣній, должно замѣтить, что прусская конституція не даетъ абсолютной свободы печати; въ параграфахъ 27-мъ и 28-мъ ея значится: „всякій пруссакъ имѣетъ право заявлять свое мнѣніе посредствомъ слова, письма, печати или изображенія. Цензура не можетъ быть введена; всякое другое ограниченіе — законодательнымъ путемъ". Такимъ образомъ законодательнымъ путемъ можетъ быть сдѣлано *всякое* ограниченіе, кромѣ цензуры, и свобода выражать свое мнѣніе, о которой говорится въ первомъ предложеніи, дѣлается мнимой.

Пренія первыхъ двухъ засѣданій рейхстага были интересны не столько по содержанію, сколько по оживленности преній и по тому положенію, какое приняли различныя партіи. Пренія были открыты профессоромъ исторіи Трейчке; это человѣкъ съ либеральными политическими убѣжденіями, увѣровавшій въ числѣ первыхъ въ призваніе Бисмарка, и способствовавшій національной политикѣ (такъ обыкновенно называютъ политику, стремящуюся къ единству Германіи) своимъ рѣзкимъ и сильнымъ словомъ. Несмотря на свою глухоту, онъ принялъ предложеніе избирательнаго округа прирейнской провинціи, и его другъ, депутатъ Вереннпфенигъ, издающій вмѣстѣ съ нимъ самый значительный органъ національно-либеральной партіи „*Preussische*

Jarhbücher", записываетъ для него ходъ преній. Трейчке раскрылъ коварство предложенія ультрамонтановъ: „вы дѣлаете, говорилъ онъ, скудный выборъ изъ прусской конституціи. Гдѣ параграфъ: наука и ея ученія свободны? (*Шумное одобреніе*). Гдѣ положеніе, узаконяющее гражданскій бракъ"? Трейчке затронулъ этимъ больное мѣсто докладчиковъ; ультрамонтаны особенно боятся свободы науки и преподаванія, которое еще важнѣе, чѣмъ свобода печати, потому что имѣетъ болѣе прочное вліяніе. На слова Трейчке отвѣчалъ архіепископъ майнцскій Кеттелеръ, коноводъ ультрамонтанской партіи въ рейхстагѣ и глава ультрамонтановъ во всей южной Германіи. Кеттелеръ очаровывалъ уже одною своею внѣшностью: высокій ростъ, умное лицо, величественная и элегантская осанка, какая приличествуетъ церковному князю и бывшему кавалеру (Кеттелеръ, до вступленія въ духовенство, былъ кавалерійскимъ офицеромъ),—были весьма привлекательны, и я полагаю, еслибы измѣнившіеся обычаи тому не препятствовали, онъ бы съ охотой пошелъ на войну, подобно епископамъ среднихъ вѣковъ. Но въ 1866-мъ году онъ конечно сражался бы не *противъ* Австріи, а *за* Австрію. Теперь же онъ считаетъ болѣе разумнымъ восхвалять Пруссію и ея короля. Предложеніе разсматривалось имъ только со стороны желанія свободы и справедливости. Одно его опредѣленіе было интересно. Онъ говорилъ: „большое заблужденіе говорить о свободѣ религіи и ограничивать ее тѣмъ, что каждый, въ религіозныхъ вещахъ, можетъ думать такъ, какъ хочетъ. Это свобода мысли. Религіи суть товарищества и для нихъ мы требуемъ свободнаго движенія и самоуправленія". Въ этихъ словахъ высказывается вполнѣ ясно какъ понимаютъ ультрамонтаны свободу. Либеральная партія желаетъ свободы мысли и выраженія ея. Ультрамонтаны не заботятся объ этой свободѣ, они хотятъ свободы религіозныхъ братствъ, изъ которыхъ самое большое и сильное это католическая церковь, и съ этой свободой — по ихъ понятіямъ—совершенно совмѣстимо то, чтобы *внутри* церковнаго общества господствовало величайшее насиліе совѣсти, доказательствомъ чему можетъ служить догматъ непогрѣшимости.

Клерикалы разсчитывали, что ихъ предложеніе найдетъ поддержку съ какой-нибудь стороны: партію прогресса—они думали плѣнить словами „основныя права", сторона же консерваторовъ постоянно заигрывала съ ними. Но они ошиблись самымъ неожиданнымъ образомъ. Честный Лёве, одинъ изъ самыхъ выдающихся членовъ лѣвой стороны, объявилъ имъ, что соглашеніе между ними возможно только въ томъ случаѣ, если основныя положенія свободы будутъ распространены на школы и бракъ. Самымъ же горькимъ для ультрамонтановъ было заявленіе Бланкенбурга, главы консерваторовъ и близкаго друга Бисмарка. Епископъ Кеттелеръ сказалъ, что предложеніе его и его друзей должно обезпечить религіозный миръ. На это Бланкенбургъ возражалъ:

„Покажите намъ хорошій примѣръ, исключивъ религіозные споры изъ политическихъ вопросовъ. Расположитесь здѣсь въ собраніи, какъ другіе члены, по вашимъ политическимъ убѣжденіямъ, а не какъ религіозная партія (*Весьма справедливо!*). Избѣгайте всего, что можетъ подать видъ, будто именно теперь, въ этомъ первомъ германскомъ рейхстагѣ, должны возникнуть снова старые религіозные споры (*Живое одобреніе*). Вамъ не поможетъ то, что вы называете себя партіей центра, васъ все-таки будутъ называть такъ, какъ васъ весь міръ зоветъ: клерикальная партія (*Оживленное браво*). Вы заявили требованіе, чтобы нѣмецкая имперія, въ защиту господства папы, вмѣшалась въ дѣла Италіи. Сегодня же вы выставляете основное положеніе, которое я нисколько не оспариваю, что церковь должна быть свободна въ своихъ внутреннихъ дѣлахъ. Развѣ положеніе папы не есть внутреннее дѣло? Если же вы считаете папу за внѣшнюю силу, то съ какой же стати намъ за него вступаться? Мы готовы съ вами вмѣстѣ работать, пока вы будете заниматься подведеніемъ основныхъ свай подъ нашъ новый германскій домъ. Но будемъ зорко слѣдить затѣмъ, чтобы вы не стали класть на наши христіанско-германскія сваи древне-языческіе цвѣты и листья, и мы вполнѣ разойдемся съ вами, если у васъ явится желаніе накрыть эти сваи римскими капителями". (*Живое одобреніе*).

Послѣ того, какъ прусскіе депутаты правой и лѣвой сторонъ высказались противъ предложенія, послѣдовало еще весьма рѣзкое нападеніе съ третьей стороны, именно со стороны баварскихъ депутатовъ. Предложеніе клерикаловъ мѣтило собственно на Баварію. Въ Пруссіи существуетъ „свобода церкви", какой требуютъ клерикалы; въ Баваріи же хотя конституція и предоставляетъ католической церкви распоряжаться своими дѣлами, но государство имѣетъ право надзора, который бываетъ троякій, смотря по тому, идетъ ли дѣло о чисто-духовномъ, чисто-свѣтскомъ или смѣшанномъ вопросѣ. Основаніе религіозныхъ обществъ и устройство монастырей требуютъ соизволенія короля. Безъ такого соизволенія, называемаго *placetum regium*, епископскіе и папскіе указы не имѣютъ силы. Это установленіе въ высшей степени безпокоитъ ультрамонтановъ, занятыхъ въ настоящее время распространеніемъ догмата непогрѣшимости папы, установленіе, составляющее для умѣренныхъ католиковъ послѣдній якорь спасенія. Эти обстоятельства были изложены съ большою ясностью и жаромъ баварскимъ депутатомъ барономъ Штауфенбергомъ; онъ произвелъ сильное впечатлѣніе, указавъ на противорѣчіе клерикаловъ, являющихся всегда со свободой на языкѣ и признающихъ въ тоже время главу церкви, папу, которому оказываютъ безграничное послушаніе, и который при при всякомъ удобномъ случаѣ проклинаетъ всякую свободу. Пренія кончились тѣмъ, что предложеніе клерикаловъ было отвергнуто всѣми

голосами, кромѣ ихъ собственныхъ. Съ этого времени они притихли и поднимали голосъ только въ томъ случаѣ, когда при ревизіи выборовъ, все еще продолжающихся, охуждались средства, къ которымъ прибѣгалъ кто-нибудь изъ ихъ партіи, чтобы быть выбрану. Рейхстагъ на этотъ разъ весьма строгъ при обсужденіи вліяній на выборы, и поступаетъ совершенно справедливо, потому что парламентъ только тогда силенъ, когда выборы представляютъ дѣйствительно свободное выраженіе народнаго мнѣнія. Недавно рейхстагъ кассировалъ два выбора: одинъ баварскій, который былъ сдѣланъ при слѣдующихъ обстоятельствахъ: въ одной маленькой деревенькѣ священникъ съ каѳедры сказалъ своимъ прихожанамъ, чтобы они находились передъ помѣщеніемъ для выборовъ, гдѣ онъ имъ укажетъ на человѣка, на котораго они могутъ возложить свое довѣріе, что и было приведено въ исполненіе; затѣмъ кассированъ былъ одинъ прусскій выборъ, на томъ основаніи, что ландратъ отозвался въ правительственномъ журналѣ округа въ пользу кандидата, который впослѣдствіи былъ выбранъ.

Вы найдете совершенно понятнымъ, что рейхстагъ, несмотря на интересъ своихъ преній, не сосредоточиваетъ на себѣ исключительнаго вниманія публики. Объ этомъ заботится Парижъ, удержавшій за собою привилегію занимать и удивлять весь міръ. Къ сожалѣнію, это достается Парижу дорогой цѣной, и если безпорядки и вторичная осада продлятся еще долго, то послѣдствія будутъ ужасны. Извѣстіе о революціи 18-го марта произвело здѣсь большое волненіе въ высшихъ сферахъ, императоръ ежедневно собиралъ военный совѣтъ, какъ въ прошломъ году, передъ началомъ войны, возвращеніе плѣнныхъ пріостановлено, а нѣмецкія войска, направлявшіяся уже на родину, получили приказаніе остановиться или даже пододвинуться ближе къ Парижу. Къ какому рѣшенію пришелъ совѣтъ, пока остается тайной, но положительно извѣстно, что правительство рѣшилось выжидать и поддерживать версальское правительство, насколько это возможно безъ вмѣшательства. Соотвѣтственно этой политики послѣдовалъ, съ обычной предусмотрительностью и быстротой, цѣлый рядъ предварительныхъ распоряженій. Прежде всего къ Парижу было стянуто большое количество войска, чтобы быть готову на всякую случайность. Затѣмъ была возобновлена отправка плѣнныхъ, чтобы дать возможность версальскому правительству образовать армію изъ вернувшихся солдатъ, достаточно сильную для потушенія возстанія. Далѣе было разрѣшено французскому правительству стянуть къ Парижу бо́льшее количество войска, чѣмъ какое опредѣлялось предварительными условіями мира (по этимъ условіямъ по сю стороны Лоары допускалось имѣть только 40,000 человѣкъ) и наконецъ было сдѣлано снисхожденіе относительно финансовыхъ обязательствъ. Это снисхожденіе касалось не контрибуціи, первые 500 мил. которой Франція обязана заплатить еще въ

концѣ текущаго года, но содержанія оставшихся во Франціи войскъ, которыя ежедневно стоятъ около 1 милліона франковъ. Эта тяжесть столь обременительна, что французы, разумѣется, были намѣрены быстро уплачивать военные расходы, чтобы какъ можно скорѣе уменьшить число находящихся во Франціи нѣмецкихъ войскъ (что, по предварительнымъ условіямъ мира, будетъ совершаться по мѣрѣ уплаты контрибуціи), но при настоящемъ положеніи дѣлъ мало надеждъ на это. Германія также крайне желаетъ скорѣйшаго возвращенія войскъ, потому что, несмотря на то, что войска ея содержатся на счетъ Франціи, Германія терпитъ, вслѣдствіе отсутствія рабочихъ силъ арміи, большія потери. Интересы обѣихъ странъ сходятся, такимъ образомъ, на этомъ пунктѣ, но для Германіи пока невозможно очистить большую часть французской территоріи, потому что, при настоящемъ шаткомъ положеніи дѣлъ во Франціи, она не имѣла бы гарантіи въ уплатѣ военныхъ расходовъ.

Князь Бисмаркъ объяснилъ еще до праздника Пасхи рейхстагу, что правительства союзниковъ рѣшили до-тѣхъ-поръ воздерживаться отъ вмѣшательства въ дѣла Франціи, пока вопросъ не коснется результатовъ предварительныхъ условій мира, пока „фактическое правительство во Франціи, настоящее или будущее, не откажется или не объявитъ себя не въ состояніи привести ихъ въ исполненіе“. Если же это случится, „то мы, съ сожалѣніемъ, но съ тою же рѣшимостью, съ какой поступали до-сихъ-поръ, доведемъ эпилогъ этой войны до конца“. Это заявленіе понималось всѣми какъ намекъ Тьеру, чтобы онъ поторопился доказать, что онъ дѣйствительно обладаетъ достаточной *властью*, чтобы выполнить условія мира. Но оно заключаетъ еще и другую, немногими подмѣченную, сторону. Послѣ революціи 4-го сентября прошлаго года правительства союзниковъ не признали революціоннаго правительства, и согласны были признать только такое правительство, которое произошло изъ всеобщей подачи голосовъ, какъ теперешнее. Изъ настоящаго же заявленія Бисмарка видно, что этотъ взглядъ оставленъ и всякое фактическое правительство во Франціи будетъ признано подобно тому, какъ это дѣлали многія державы: Американскіе Соединенные Штаты, Англія, Швейцарія и Бельгія. Въ теоріи Бисмаркъ былъ правъ. Правительство должно быть узаконено наслѣдствомъ, конституціей или волей народа. Но Франція показала, что эта теорія негодна на практикѣ. Версальское правительство, хотя и опирается на всеобщей подачѣ голосовъ, однако такъ слабо, что можетъ быть предпочтено, въ интересахъ Франціи, правительству перваго попавшагося талантливаго, энергическаго и счастливаго *parvenu*. Слѣдовательно на практикѣ ничего не выиграешь, если станешь требовать отъ правительства какой-нибудь другой легитимаціи, кромѣ власти и силы. Такъ заявленія Бисмарка доказываютъ также, что впро-

чемъ уже и прежде не было тайной, весьма холодныя отношенія къ правительству Тьера. Тьеръ самъ ихъ вызвалъ, позволивъ себѣ нѣсколько разъ не вполнѣ приличныя выраженія, напримѣръ, оправдывая первые парижскіе безпорядки тѣмъ, что они направлены были противъ нѣмцевъ. Министръ иностранныхъ дѣлъ не поцеремонился также утверждать, что нѣмцы предлагали свое вмѣшательство въ дѣла Франціи, хотя этого положительно не было. Онъ имѣлъ цѣлью можетъ быть придать себѣ больше вѣсу, заявивъ, что отказался отъ предложенія, но понятно, что такое оправданіе не можетъ считаться удовлетворительнымъ въ Берлинѣ. Къ этимъ мелкимъ несогласіямъ присоединяется нерѣшительность версальскаго правительства принять энергическія мѣры противъ возстанія, и вообще все поведеніе версальскаго правительства, недостойное высокой задачи, которая ему поставлена, все это вмѣстѣ производитъ здѣсь весьма худое впечатлѣніе. Бомбардировка Парижа версальскимъ правительствомъ чистая насмѣшка надъ исторіей. Когда нѣмцы осаждали Парижъ и впродолженіи нѣкотораго времени бомбардировали городъ, при чемъ далеко не сдѣлали столько поврежденій, какъ теперь, французы кричали безъ устали о варварствѣ нѣмцевъ и друзья французовъ вторили имъ. Находившіеся въ Парижѣ послы дѣлали торжественные протесты. Теперь же никто не говоритъ о варварствѣ и еще не слыхать о томъ, чтобы послы издали протесты на поступки версальскаго правительства. Тогда были враги, осаждавшіе крѣпость Парижъ, теперь же свои собственные соотечественники. Версальскія власти нашли у нѣкоторыхъ парижскихъ плѣнныхъ разрывныя пули. Уже давно было доказано, что такія пули употреблялись и противъ осаждавшихъ нѣмцевъ, но французы не хотѣли этого признать. Теперь же сами приводятъ доказательства нарушенія этого народнаго права. Можетъ быть все это приведетъ наконецъ къ тому, что поведеніе нѣмцевъ будетъ нѣсколько справедливѣе обсуждаться, чѣмъ обсуждалось во время войны и частью обсуждается и до-сихъ-поръ.

О времени *вступленія* войскъ въ столицу, по возвращеніи изъ Франціи, пока нельзя сказать ничего опредѣленнаго. Тѣмъ не менѣе торговля *окнами* у насъ въ полномъ разгарѣ. Въ 1866-мъ году войска вступили черезъ бранденбургскія ворота и прошли вдоль Линденъ къ дворцу короля. Линденъ, получившій названіе отъ берлинскихъ горожанъ *via triumphalis*, имѣетъ всего 1,800 шаговъ длины; вслѣдствіе этого сравнительно малаго протяженія, цѣна на хорошо расположенныя окна возросла до громадныхъ размѣровъ, до 1,000 талеровъ. Недавно одна газетная замѣтка произвела большое смятеніе между нанявшими на Линденъ окна и владѣльцами оконъ. Въ этой замѣткѣ говорилось, что король назначилъ вступленіе войскъ по болѣе длинной Фридрихштрассе. Однако это оказалось ложно. За Линденъ осталась честь

быть *via triumphalis*, а чтобы ее продлить, къ ней присоединена лежащая за воротами Кёниггрецштрассе.

Ни въ одномъ государствѣ не бываютъ такъ чувствительны потери на войнѣ, какъ въ Пруссіи, при всеобщей рекрутской повинности. Въ концѣ марта, при заключеніи учебнаго года передъ Пасхой, гимназіи публиковали свои отчеты, изъ которыхъ видно, сколько рекрутовъ было ими поставлено. Здѣшняя Фридрихсвердеровская гимназія имѣетъ 500 учениковъ, изъ которыхъ, конечно, небольшая часть составляетъ высшіе классы и достигла возраста, требуемаго военной службой. Лѣтъ 20-ть или 25-ть тому назадъ была не рѣдкость встрѣтить бородастыхъ гимназистовъ, даже въ низшихъ классахъ, и въ университеты поступали люди 25-ти лѣтъ. Теперь же, способные и прилежные мальчики проходятъ гимназическій курсъ, несмотря на то, что требованія его значительно возрасли, въ 6 — 7 лѣтъ и поступаютъ 17—18-ти лѣтъ въ университетъ.

Изъ учениковъ перваго класса этой гимназіи 19-ть поступили въ августѣ прошлаго года въ армію, и 11-ть къ Михайлову дню. Двое изъ нихъ получили желѣзный крестъ. Объ участи остальныхъ въ отчетѣ не упоминается. Изъ прежнихъ учениковъ этой гимназіи пало на войнѣ 19-ть человѣкъ. Подобныя же отношенія существуютъ и въ другихъ гимназіяхъ. Изъ отчета гимназіи въ Глогау, въ Силезіи, видно, что изъ 350-ти учениковъ ея 8-мь перво-классниковъ и 2 второклассника поступили въ армію; изъ нихъ одинъ былъ убитъ, одинъ тяжело раненъ, и одинъ награжденъ крестомъ. Изъ прежнихъ учениковъ гимназіи, сколько извѣстно, 6-ть офицеровъ убито, 12-ть награждены крестами.

По существующей организаціи ландвера, каждый отслужившій свой срокъ въ строю, причисляется къ батальону ландвера того мѣста, гдѣ онъ живетъ. Такъ, напримѣръ, Берлинъ составляетъ округъ резервнаго батальона ландвера № 35. Но такъ какъ въ столицѣ стекается огромное число молодыхъ людей изъ всего государства, дѣлающихъ высшую государственную карьеру и изъ которыхъ большинство служило въ арміи какъ *freiwillige* и получило званіе офицера,—то число офицеровъ этого батальона громадно (около 500); въ случаѣ войны они распредѣляются по всей арміи. Командиръ батальона публиковалъ недавно прощальное воззваніе къ 20-ти павшимъ товарищамъ этого батальона, все молодежи, вторымъ лейтенантамъ. Изъ этихъ 20-ти убитыхъ, 5 докладчиковъ каммергерихта, 3 купца, 1 владѣлецъ фабрики, 2 книгопродавца, 3 учителя гимназіи, 1 докторъ философіи, 2 изъ высшей карьеры по строительной части, 1 лейтенантъ полиціи, 1 регирунгсассесоръ и 1 канцлеръ королевскаго посольства въ Константинополѣ. Изъ этого видно, что всѣ сословія понесли жертвы на этой войнѣ.

Въ прусской военной службѣ существуетъ абсолютное равенство передъ закономъ: графъ и мужикъ одинаково обязаны жертвовать своей кровью и жизнью. Противъ этой организаціи говоритъ только одно обстоятельство: высокая цѣна потерь. Въ этомъ отношеніи продолжительная война въ состояніи причинить страшный вредъ. По счастью, современныя орудія истребленія дѣлаютъ невозможными слишкомъ продолжительныя войны.

17-го апрѣля, магистратъ и представители городскихъ сословій Берлина, устроили праздникъ въ честь перваго германскаго рейхстага, въ великолѣпныхъ залахъ ратуши. Этотъ первый праздникъ въ Берлинѣ вызвалъ бурную оппозицію со стороны тѣхъ, которые считаютъ бережливость первою гражданскою добродѣтелью. Главнымъ моментомъ вечера было привѣтствіе магистрата депутатовъ рейхстага: бургомистръ произнесъ торжественную рѣчь, на которую президентъ рейхстага Симпсонъ отвѣчалъ рѣчью еще торжественнѣе. Въ обѣихъ рѣчахъ слова „императоръ и имперія" упоминались весьма часто. Этотъ торжественный моментъ не былъ однако вѣнцомъ вечера, потому что вскорѣ послѣ него появились императоръ Вильгельмъ и императрица Августа (наслѣдный принцъ, принцъ Фридрихъ Карлъ и князь Бисмаркъ прибыли раньше) и провели около часа времени въ толпѣ, разговаривая со многими. Императрица пожелала, чтобы ей были представлены многія лица изъ рейхстага и общиннаго управленія, нѣкоторые изъ нихъ были весьма извѣстны своими демократическими тенденціями. Императоръ разговаривалъ со многими членами рейхстага, особенно съ учеными и художниками. Общинное управленіе распорядилось очень хорошо, пригласивъ на этотъ вечеръ, кромѣ членовъ рейхстага, знаменитостей по части искусствъ и наукъ, президентовъ суда, знатнѣйшихъ купцовъ и промышленниковъ, писателей, духовныхъ лицъ, директоровъ гимназій и т. д. Жаль, что въ праздникѣ не участвовалъ никто изъ представителей чужихъ націй. Они могли бы засвидѣтельствовать, что раболѣпство и милитаризмъ, въ чемъ нѣмцефобы упрекаютъ Германію, вовсе не представляютъ у насъ такихъ ужасныхъ размѣровъ.

К.

НОВѢЙШАЯ ЛИТЕРАТУРА.

БЕЛЛЕТРИСТИКА ДОБРЫХЪ НАМѢРЕНІЙ.

Русскіе демократы. Романъ въ 2-хъ частяхъ. *Н. Витнякова.* Спб. 1871.
Свѣтловъ, его взгляды, характеръ и дѣятельность. (Шагъ за шагомъ).
Омулевскій. Романъ въ 3-хъ частяхъ. Спб. 1871.

Добрыми намѣреніями выстланъ адъ и добрыми намѣреніями выстлано поле значительной, по количеству, части нашей беллетристики...

Со времени появленія „Отцовъ и дѣтей“ въ такъ-называемой изящной словесности рѣзко обозначились два направленія: одно выступило съ защитою „отцовъ“ и униженіемъ „дѣтей“, другое—съ униженіемъ „отцовъ“ и возведеніемъ въ идеалъ „дѣтей“. Своимъ превосходнымъ романомъ Тургеневъ далъ сильный толчекъ къ образованію этихъ двухъ направленій, которыя существуютъ вотъ уже десять лѣтъ, но ни та, ни другая сторона не представила ни одного произведенія, которое могло бы стать въ уровень съ „Отцами и Дѣтьми“; слабѣйшею стороною въ художественномъ отношеніи оказалось то направленіе, которое приняло на себя роль панегириста молодого поколѣнія. Этого и слѣдовало ожидать по двумъ причинамъ. На сторону „отцовъ“, какъ то и естественно, стали беллетристы-отцы, писатели опытные, съ несомнѣннымъ талантомъ, который заявили они въ произведеніяхъ прежняго періода нашей беллетристики, предшествовавшаго настоящему, если можно такъ выразиться, „отечески - дѣтскому“ періоду. Защищая отцовъ въ силу своихъ симпатій, они въ тоже время становились на твердую почву, ибо отцы имъ были очень хорошо извѣстны со всѣми ихъ недостатками и достоинствами; они видѣли, какъ они жили, какъ мыслили, какъ дѣйствовали, чѣмъ увлекались, что ненавидѣли и что любили; вся ихъ внѣшняя и интимная жизнь была имъ знакома даже по личному опыту: они, такъ сказать, „прошли“ ее, какъ „проходитъ“ хорошій ученикъ любимый предметъ. Понятно, что образы, которые создавали эти писатели изъ столь знакомаго имъ матеріала, были яркими, жизненными образами, разумѣется, на сколько хватало ихъ таланта. Близкаго знанія другой среды, которую образовывало такъ - называемое молодое поколѣніе, имъ недоставало; они не могли жить этой жизнью, не знали ея интимныхъ сторонъ, но чувствовали въ ней нѣчто такое, что́ намѣревалось идти какъ бы не по той дорогѣ, которую прошли они, что́ за-

являло себя нѣкоторою оригинальностію, нѣкоторою враждою къ прежнему, и чтó, наконецъ, предъявляло слишкомъ большія притязанія на самостоятельность, которая, въ глазахъ людей опыта, казалась самомнѣніемъ, заносчивостью и гордыней. Прежнее поколѣніе, испытавшее всю тягость неблагопріятныхъ обстоятельствъ, свѣтло и радостно встрѣчало зарю новой жизни и не могло требовать отъ сей послѣдней многаго: не разомъ въ гору,—стѣны лбомъ не пробьешь, да и не нужно пытаться пробивать, потому что настоящее было во сто разъ лучше прошедшаго, а грядущее озарялось пріятными надеждами. Чего же еще больше? Зачѣмъ эти мечты, эти стремленія въ неизвѣданную даль, эта гордыня и рознь? Зачѣмъ оригинальничать, зачѣмъ отрицать то, что они признавали, и стараться не походить на отцовъ, когда отцы, во всякомъ случаѣ, кое-что сдѣлали и дѣлаютъ, а дѣти только еще оперились и ничѣмъ образцовымъ себя не заявили? Надо ихъ образумить, надо показать имъ, что только то хорошо и имѣетъ право на жизнь, чтó идетъ ровно, сохраняя черты преемственности. Къ тому же, посмотрите, что это за уроды являются въ молодомъ поколѣніи, что это за шаршавые и неотесанные, грубые люди, которые ни во что ставятъ тѣ самые нравственные принципы, на которыхъ мы, прежнее поколѣніе, возросли и которыми завоевали себѣ общее уваженіе.

Такой процессъ мышленія, кажется намъ, совершался въ головахъ тѣхъ талантливыхъ и опытныхъ писателей до-„отечески-дѣтскаго" періода нашей беллетристики, которые брались изображать столкновенія стараго съ молодымъ. Ихъ идеалы шли преемственно изъ прожитого, ихъ молодежь должна была не разрывать связей съ прошлымъ такъ рѣзко, въ особенности являться въ такомъ неуклюжемъ, намѣренно-грязномъ и очертя голову протестующемъ видѣ такъ-называемыхъ нигилистовъ. Что такія личности существовали — отрицать это было бы и безполезно и вздорно; что они, какъ все рѣзкое, ярко выдѣлялись изъ среды болѣе серьезной, неоригинальничавшей молодежи, и какъ бы даже предводительствовали этой молодой арміей—это тоже справедливо. Не желая никого оскорбить, мы, въ видахъ большей наглядности нашей мысли, готовы сравнить этихъ яркихъ предводителей съ „горланами" на нашихъ мірскихъ сходкахъ; горланы немедленно выдѣляются изъ толпы, и наблюдатель прежде всего ихъ замѣчаетъ и изучитъ; они даже заслоняютъ собой остальной „міръ-народъ" и нѣкоторое время ворочаютъ имъ; но наблюдатель ошибся бы, еслибъ „міръ-народъ" изобразилъ въ горланѣ, какъ въ фокусѣ, гдѣ сходятся всѣ его лучи. Романистъ ошибся бы точно также, еслибъ въ упомянутомъ рѣзкомъ представителѣ молодежи изобразилъ всѣ ея существенныя качества, все ея міросозерцаніе; но, какъ художникъ, онъ не въ правѣ былъ обходить этого образа, а образъ этотъ, какъ новый жизненный элементъ, привлекалъ

къ себѣ писательское творчество. Все дѣло зависѣло отъ безпристрастія, которое зовется объективностью, и которое, въ совершенномъ своемъ видѣ, дается только великимъ талантамъ. Качество это столь важно и обусловливается столь многими другими важными для писателя-художника качествами, что по силѣ его обыкновенно опредѣляютъ и силу таланта. Но, во-первыхъ, писатели, которыхъ мы разумѣемъ, великими талантами не обладаютъ; во-вторыхъ, симпатіи ихъ слишкомъ глубоко вошли въ ихъ плоть и кровь; въ-третьихъ, тотъ процессъ мышленія, который, быть можетъ, не совсѣмъ справедливо мы имъ навязываемъ, но который вытекаетъ изъ ихъ произведеній, несомнѣнно имѣетъ въ виду мораль и сатиру, а не объективное воспроизведеніе новаго типа; въ-четвертыхъ... Мы, однако, не протоколъ составляемъ, и трехъ этихъ мотивовъ достаточно для того, чтобы въ изображеніи того оригинальнаго, грубаго, очертя голову протестующаго и дѣлающаго всякій вздоръ, пошлости и скверности, типа признать отсутствіе безпристрастія и, стало быть, полной жизненной правды. Если всѣ эти мотивы принадлежатъ къ числу зависящихъ отъ таланта, силы умственнаго развитія и личныхъ симпатій писателей, оправдываемыхъ всѣмъ ихъ прошлымъ, то есть еще причины не зависящія отъ этого, причины цензурныя, которыя заставляли писателя о многомъ умалчивать, оставлять волею-неволею въ тѣни очень важныя стороны, присущія этому типу, тѣ стороны, которыя объясняли его нарожденіе на свѣтъ божій, его задачи, его болѣе или менѣе законную ненависть и его высокомѣрное отношеніе и къ прошлому и къ настоящему.

Несмотря на все это, произведенія указанныхъ опытныхъ и талантливыхъ писателей цѣнились и цѣнятся читателями и критикою, потому что нельзя отрицать того, что для своихъ образовъ они черпаютъ матеріалъ изъ жизни, хотя и односторонне и не глубоко ими понимаемой. Зная „отцовъ", вѣря въ преемственность типовъ и видя рѣзко-выдѣлившійся образъ какого-то чудища, которое называется нигилистомъ, они не жалѣли и доселѣ не жалѣютъ красокъ для яркаго воспроизведенія отцовъ и дѣтей; они даже впали въ рутину, сами того не замѣчая и эта рутина особенно замѣтна въ произведеніяхъ г. Писемскаго; снявъ грязную попону съ „новаго человѣка", они продолжаютъ, чуть-чуть только видоизмѣняя, внутренняго человѣка изображать по прежнему, точно для нихъ десять лѣтъ ровно ничего не значатъ. Впрочемъ, мы не думаемъ входить въ подробности и лишь желаемъ намѣтить тѣ черты двухъ направленій въ нашей беллетристикѣ, о которыхъ упомянули мы вначалѣ. Мы сказали, что сила художественнаго творчества безспорно на той сторонѣ, которая возвеличиваетъ отцовъ на счетъ дѣтей или просто изображаетъ дѣтей въ непривлекательномъ видѣ, и что на это есть двѣ причины. Одна изъ нихъ, какъ старались мы разъяснить, заключается

именно въ томъ, что лучшіе наши романисты принадлежатъ къ старому поколѣнію и что жизненныя и писательскія условія поставили ихъ почти въ необходимость именно такъ относиться къ молодому поколѣнію, какъ отнеслись они. Правы ли они, или, вѣрнѣе сказать, насколько они правы и насколько виноваты, мы разбирать не станемъ; мы говоримъ только, что такъ или иначе, но они стояли на почвѣ, они создавали изъ матеріаловъ, существовавшихъ въ жизни. Это послѣднее обстоятельство достаточно объясняетъ намъ и вторую причину силы перваго, противудѣтскаго, такъ сказать, направленія нашей беллетристики: наиболѣе даровитые изъ молодыхъ писателей стали также на почву, также стали черпать матеріалъ для своихъ произведеній изъ жизни, но такъ какъ ни одинъ изъ нихъ не отличался ни особенною силою таланта, ни особенно яркимъ умственнымъ развитіемъ, слѣдовательно и объективностью, то съ ними произошло тоже, что съ беллетристами-отцами, и тѣже условія заставляли ихъ прибѣгать къ умолчанію, къ морали и односторонней сатирѣ, которая являлась тѣмъ рѣзче и несправедливѣе, чѣмъ больше было умолчаній, чѣмъ менѣе развитъ былъ писатель и чѣмъ одностороннѣе относилась критика къ его произведеніямъ. Скажемъ болѣе: для нихъ, для этихъ молодыхъ писателей, условія были еще тяжелѣе, чѣмъ для старыхъ. Дѣло въ томъ, что журналистика раздѣлилась тоже на два лагеря, изъ которыхъ каждый отдавалъ преимущество тѣмъ произведеніямъ, въ которыхъ было болѣе симпатичныхъ ему сторонъ; кромѣ того, нѣкоторые писатели, за какой-нибудь грѣхъ свой, были поражены остракизмомъ и не приближались къ лагерю, который изгналъ ихъ. Въ чаду спора, въ чаду этой ожесточенной борьбы изъ-за нигилизма, которая, къ сожалѣнію, доселѣ еще не прекратилась, были совершены и несправедливости или по крайней мѣрѣ наложена была печать отчужденія слишкомъ поспѣшно или слишкомъ на продолжительное время. Писатель, такимъ образомъ, ставился въ необходимость держаться того лагеря, который принималъ его, а здѣсь его заставляли дѣлать такъ-называемыя уступки, т.-е. урѣзки и прибавки, которыя иногда отнимали у извѣстнаго лица въ романѣ, или въ повѣсти существенныя черты. Дѣлалось это журналистами въ видахъ вящшаго пораженія новаго поколѣнія, въ видахъ конечнаго опошленія его. Понятно, что писателя такъ-сказать „заслуженнаго“ не легко принудить къ такимъ уступкамъ, между тѣмъ какъ молодой поневолѣ шелъ на нихъ, потому что ему выборъ между журналами былъ слишкомъ малъ и потому, что ѣсть хотѣлось. Эта послѣдняя причина, какъ извѣстно, неумолимо дѣйствуетъ даже на характеры сильные. Съ теченіемъ времени это „обличительное“ направленіе освоилось съ своимъ положеніемъ, выработало свои пріемы и получило, со временъ закона 6-го апрѣля, возможность откровеннѣе и свободнѣе относиться къ

жизненнымъ явленіямъ и представлять ихъ, по крайней мѣрѣ въ фактическомъ отношеніи, полнѣе и ближе къ дѣйствительности, чѣмъ прежде. Но эта свобода, однако, обусловливалась все-таки значительною долею благонамѣренности и непремѣннымъ присутствіемъ въ беллетристическомъ произведеніи обличенія дѣтей; вполнѣ свободно не могъ относиться къ жизненнымъ явленіямъ и наиблагонамѣреннѣйшій романистъ: мало или много, но онъ обязанъ былъ, разумѣется къ ущербу своего произведенія и своей репутаціи, жертвовать цѣлыми главами и обезцвѣчивать краски водой благоразумія и умѣренности. Такимъ образомъ, обличительнаго элемента всегда приходилось и приходится достаточно на одну только сторону, именно на ту, которая и безъ романистовъ изрядно обличалась и наказывалась, между тѣмъ какъ обличенія, направленныя на другую сторону, порождавшую ненормальныя жизненныя явленія, оставались или въ портфелѣ автора или прочитывались одними только наборщиками. Гармоніи не было даже относительной, даже той, которую желали придать романисты своимъ твореніямъ, хотя и эта послѣдняя, въ достаточной степени, издавала фальшивые звуки.

Мы упоминаемъ о всѣхъ этихъ обстоятельствахъ съ единственною цѣлью представить дѣло въ безпристрастномъ видѣ для тѣхъ читателей, которые чувствуютъ потребность спокойнѣе относиться къ этому направленію беллетристики, за которымъ невозможно не признать жизненнаго элемента и нѣкотораго политическаго значенія. Но мы далеки отъ того, чтобъ оправдывать всѣ тѣ сдѣлки съ собственной совѣстью, съ своимъ талантомъ, фантазіей, стремленіями и т. д., на которыя мы указали. Мы хотимъ только намѣтить историко-литературные факты.

Какъ противодѣйствіе этому направленію беллетристики, явилось другое, ставшее горой за дѣтей и направившее стрѣлы своего обличенія на отцовъ. Послѣднимъ давалось пощады тѣмъ менѣе, чѣмъ болѣе несвободными считали себя и были въ дѣйствительности писатели этой категоріи. Изображенія „дѣтскихъ движеній", затемненныхъ беллетристикою перваго направленія, беллетристика направленія второго не могла касаться, потому что эти „движенія" казались ей и законными и осмысленными, слѣдовательно долженствующими явиться тоже въ одностороннемъ, т.-е. благопріятномъ для дѣтей освѣщеніи. А изображеніе ихъ подъ этимъ угломъ зрѣнія было невозможно по обстоятельствамъ „независящимъ"; изображенію же болѣе или менѣе объективному мѣшали отчасти тоже „независящія" отъ писателей обстоятельства, отчасти боязнь впасть въ тонъ и манеру беллетристовъ перваго направленія. Такимъ образомъ, фактическая „исторія" молодого поколѣнія, исторія „дѣтскихъ" движеній, однимъ словомъ, романъ съ политической окраской, остался въ полномъ распоряженіи беллетристовъ перваго направленія. Беллетристы второго направленія начали

за то наверстывать на идеализаціи дѣтей въ ихъ обыденной обстановкѣ и чѣмъ рѣзче клали черныя краски „противодѣтскіе“ беллетристы, тѣмъ ярче размалевывали своихъ героевъ беллетристы „противоотеческіе“. Незнаніе жизни и отсутствіе таланта, которыя тутъ встрѣчались почти сплошь, мнили эти писатели наверстать добрыми намѣреніями. Что ни романъ, что ни повѣсть, то куча добрыхъ намѣреній. „Новые люди“ начали появляться цѣлыми толпами, и все это были самые удивительные люди, неизвѣстно какимъ образомъ возросшіе и сформировавшіеся въ нашей неблагопріятной обстановкѣ. Сначала это были—сколки съ Базарова, но безъ его непріятныхъ сторонъ, между которыми, однакожъ, грубость не считалась; затѣмъ писатели стали удаляться понемногу отъ этого типа или разбивать его на разныя спеціальности — сахаровара, винодѣла, учителя, инженера и т. п. Явились Базаровы - сахаровары, Базаровы - винодѣлы, Базаровы - строители, Базаровы - развиватели женщинъ. Послѣдняя спеціальность, впрочемъ, была присуща всѣмъ этимъ видамъ и ставилась имъ какъ бы въ нѣкоторую обязанность. Какъ скоро этотъ новѣйшій Базаровъ выходилъ на сцену и встрѣчался съ дѣвицей, онъ не стремился поцѣловать ее, какъ тургеневскій Базаровъ, а напротивъ, объявлялъ ей, что онъ или никогда ее не поцѣлуетъ, или поцѣлуетъ только по прошествіи нѣкотораго времени, необходимаго дѣвицѣ для прочтенія нѣкоторыхъ „хорошихъ“ книжекъ, которыя онъ ей немедленно и доставлялъ. Дѣвица прочитывала „хорошія“ книжки и немедленно преображалась въ „новую женщину“, которая стремилась обнять необъятное и въ концѣ концовъ обнимала своего развивателя и вмѣстѣ съ нимъ прокладывала „новые пути“. Это почти стереотипная интрига всѣхъ романовъ и повѣстей, которыми наводнили литературу писатели, стоявшіе за дѣтей. Стоило бы прослѣдить подробно эту литературу, которая не оставалась безъ вліянія на массу общества, питающуюся преимущественно беллетристикою и отчасти усвояющею себѣ ея идеалы. Въ этомъ отношеніи литература эта имѣетъ свою серьезную сторону и нѣкоторое не безполезное значеніе, какъ она ни бѣдна замысломъ и исполненіемъ. Беллетристы этой категоріи, обнаруживая неумѣнье справляться ни съ формой, ни съ содержаніемъ романа, наполняли его разсужденіями педагогическими, гигіеническими, физіологическими, соціологическими и т. п. Это было нѣчто въ родѣ старыхъ дѣтскихъ книгъ, въ которыхъ милыя дѣти ведутъ между собою бесѣды объ ученыхъ предметахъ. Разумѣется, польза отъ подобныхъ романовъ весьма относительная, но они безспорно познакомили массу съ нѣкоторыми понятіями изъ области науки, какъ романы Дюма-отца знакомили читателей своихъ съ французской исторіей. Это сравненіе избавляетъ, надѣемся, насъ отъ дальнѣйшаго развитія мысли объ относительной пользѣ „дѣтскихъ“ ро-

мановъ, такъ какъ всѣмъ извѣстно, какимъ образомъ Дюма-отецъ распоряжался исторіей; но все-таки это было не пустое толченье воды, какъ въ безднѣ романовъ, преисполненныхъ одними любовными приключеніями и лишенныхъ всякихъ художественныхъ достоинствъ. Считаемъ не лишнимъ замѣтимъ, что мы совершенно обходимъ въ настоящемъ очеркѣ тѣхъ беллетристовъ, которые не брались за изображеніе „новыхъ людей"; ихъ судьба иная, какъ добродѣтельной Маріи, которая не хлопотала подобно сестрѣ своей Мареѣ, но благая часть отъ нея не отнимется.

Это нѣсколько длинное предисловіе было необходимо предпослать разбору двухъ романовъ, заглавія которыхъ выписаны выше: какъ звенья въ длинной цѣпи подобныхъ же произведеній, онѣ требовали того, чтобъ была объяснена область, къ которой они относятся. Какъ скоро это сдѣлано, намъ остается пройти недальній путь: общіе, родовые признаки извѣстны, приходится опредѣлить только частные, видовые. Начнемъ съ того, что литературное достоинство этихъ романовъ далеко неодинаково. „Русскіе Демократы"— это неискусное и неосмысленное подражаніе „Свѣтлову" и, кромѣ того, это — верхъ бездарности, безграмотности, пошлыхъ претензій человѣка, ничему неучившагося, и наивности, доходящей до полнѣйшаго абсурда. Понятно, что тутъ не можетъ быть рѣчи о литературныхъ достоинствахъ романа; но онъ любопытенъ въ качествѣ нагляднаго доказательства того, какъ бездарный и невѣжественный человѣкъ способенъ опошлить лучшее дѣло и лучшихъ людей при всѣхъ своихъ стараніяхъ выставить ихъ съ блестящей стороны. Эти старанія, не окриленныя ни дарованіемъ, ни развитостью, ни даже грамотностью, въ совершенствѣ напоминаютъ старанія медвѣдя, подкарауливающаго у друга муху на носу. „Русскіе Демократы" — это булыжникъ, къ счастью, совсѣмъ вывѣтрившійся, а потому безопасный. Познакомимъ читателя съ красотами этого курьезнаго произведенія, для того, чтобъ показать, какъ мало значатъ добрыя намѣренія, если нѣтъ силенокъ привести ихъ порядочно въ исполненіе.

Въ „Русскихъ Демократахъ" разсказывается объ образованіи у насъ сыроварныхъ артелей и о тѣхъ людяхъ, которые выполнили это полезное дѣло, нимало не претендуя на роль „русскихъ демократовъ" и даже на одно это довольно опошленное и у насъ лишенное смысла наименованіе. Мы, впрочемъ, не такъ выразились, сказавъ, что въ романѣ разсказывается о сыроварныхъ артеляхъ и ихъ основателяхъ; въ романѣ, собственно говоря, ни о чемъ не разсказывается и артели въ немъ дѣло совсѣмъ постороннее: къ нимъ только пришпилены взгляды автора, г. Витнякова, взгляды, выразившіеся въ образахъ людей, ничего общаго неимѣющихъ съ людьми способными на серьезное дѣло. Первое

достоинство его героевъ — это кулакъ, „огромный кулакъ“, который описывается съ большою любовью; затѣмъ — грубость, не грубость такого умнаго человѣка, какъ Базаровъ, могущая скорѣй назваться откровенностью, а грубость глупца, который на кулакѣ созидаетъ свой внутренній міръ. Одинъ изъ любимыхъ авторомъ героевъ говоритъ „ты“ незнакомому человѣку и кучу дерзостей; другой просто дерется, и всѣ совершаютъ подвиги силы и ловкости точно „силачи“ въ балаганахъ. Главный герой, Радужный, бросается на льдину спасать собачку, которая плыла на ней по Невѣ, лишь только любезная его изъявила желаніе спасти эту собачку; съ другой любезной, деревенской дѣвушкой Настей, онъ своеобразно заигрываетъ, именно „подбрасываетъ“ ее на рукахъ, да еще стоя притомъ въ лодкѣ; „Настѣ очень понравилась эта новая любезность, неизвѣстная деревенскимъ парнямъ“, замѣчаетъ авторъ; отправившись въ лѣсъ гулять, онъ для Насти спрыгиваетъ въ глубокій ровъ, „становясь на носки“ — авторъ даетъ понять, что гимнастика ему знакома; придя домой, Радужный, ни съ того, ни съ сего, „схватилъ свое мягкое кресло и сильнымъ ударомъ объ полъ переломилъ всѣ его ножки“. Далѣе, мы встрѣчаемъ Радужнаго въ играхъ съ Настей, которая старалась привлечь его и, упавъ на землю, сильно обхватила его руками; но Радужный былъ своего рода Іосифъ и вырвался изъ этихъ объятій; тогда новѣйшая жена Пентефрія взяла колъ и ударила Іосифа этимъ коломъ. „Спасибо тебѣ, Настя, отвѣчалъ ей на это Радужный: теперь мнѣ не нужно просить у тебя прощенія. Онъ гордо поднялъ голову и хотѣлъ повернуться. — Кажется я ушибла тебя? Она подбѣжала къ нему съ лицемъ искаженнымъ отъ страха. Съ минуту онъ молча смотрѣлъ на эту дѣвушку, и сердце его оставалось нѣмо, видя ея страданія. Кризисъ прошелъ, онъ уже не увлекался ею; но вмѣстѣ съ тѣмъ ему было досадно, зачѣмъ миновала эта любовь“. Еще бы—коломъ дерется!.. Но это, изволите ли видѣть, „первобытная“ натура, чистая, благородная, возвышенная, которую авторъ рекомендуетъ просвѣщеннымъ соотечественницамъ, какъ образецъ для подражанія. Устами любимаго своего героя, Воронова, авторъ говоритъ: „Я люблю народныя пѣсни и не понимаю другой музыки, мнѣ нравятся наши крестьянки, которыя съ размаху хлопаютъ по плечамъ парней, и я не умѣю восхищаться контурами деликатнаго тѣла, до котораго опасно дотронуться. За такое наслажденіе я готовъ назвать глупцами всѣхъ, кто ему предается“...

Это герои. Что касается героинь, то одна изъ нихъ вышереченная Настя, а другая — Соболева, дѣвица въ своемъ родѣ тоже замѣчательная. Она богата и, съ согласія матери, отдѣлилась отъ нея и завела типографію, потому что хотѣла, чтобъ „мысль и новыя впечатлѣнія были такъ обильны, что могли бы захватывать ея духъ“. Въ типографіи стала печататься газета съ „честнымъ направ-

леніемъ“ и „хорошія книжки“; но это не „захватывало духа“ у Соболевой: она любила Радужнаго и въ то время какъ онъ, по наитію свыше, изломалъ свое кресло, она... Нѣтъ, пусть говоритъ самъ авторъ; онъ такъ безподобно говоритъ:

„Вдругъ грудь ея заколыхалась, лицо покрылось жгучею краскою, ночной чепчикъ слетѣлъ на полъ и растрепавшіеся волоса запрыгали по ея дрожавшимъ плечамъ. Такъ въ природѣ, среди совершеннаго покоя вдругъ задуетъ теплый вѣтерокъ; играя съ листьями онъ уноситъ тучки заслонявшія солнце и тогда его освобожденные лучи возвращаютъ мощную жизнь задремавшему ландшафту.

„—Что же это? спрашивала себя Любовь Дмитріевна (Соболева), усаживаясь на кушеткѣ.

„Она вздохнула полною грудью, здоровая дрожь пробѣжала по всему ея тѣлу. Дѣвушка вскочила со своего мѣста и забѣгала по комнатѣ. Въ эту минуту лично для нея не было ничего дорогаго: она хотѣла бѣжать къ Федору Гавриловичу (Радужному), пожертвовать ему своею молодостью, а жизнь свою посвятить тому дѣлу, которое онъ изберетъ. Неловкимъ движеніемъ руки она разорвала грудь своей рубашки и прекрасная какъ сама жизнь, не отмѣченная пошлостью тупыхъ людей, Соболева бросилась въ кресло“.

Еще болѣе безподобна сцена любовныхъ объясненій Радужнаго съ Соболевой. Ничто имъ не препятствовало повѣнчаться: Радужный былъ богатъ и независимъ послѣ смерти своего отца, а мать Соболевой была рада видѣть свою дочь замужемъ за такимъ человѣкомъ. Но чтожъ за „новые люди“ были бы они, еслибъ, по пословицѣ, честнымъ пиркомъ да за свадебку? Такъ могли поступить только „отцы“, „дѣти“ же сначала должны отправиться вечеромъ въ рощу и пространно поговоривъ между собою, сказать: „всѣ недоразумѣнія между нами прекращены“, хотя никакихъ недоразумѣній, кромѣ кола Насти, не было. Затѣмъ героиня должна прибавить, какъ Соболева, а герой—отвѣчать ей, какъ Радужный. Слушайте:

„—Ѳедя, я такъ вѣрю въ твою любовь, что не хочу отпустить тебя, и она обвила его шею своими руками.

„—Я понесу тебя въ бесѣдку, что подъ горой.

„—Неси, куда хочешь,—я твоя, и она, какъ ребенокъ, довѣрчиво прижалась къ его груди. Въ тоже мгновеніе онъ почувствовалъ, что на его руку капнула горячая слеза.

„—Ты плачешь? спросилъ онъ дрожащимъ голосомъ.

„—Не обращай на это вниманіе—я такъ долго ждала...“

Однако, онъ посадилъ ее на скамейку, и они опять немного поговорили; послѣ чего „онъ снова припалъ на колѣни, обнялъ ее за талію, цѣловалъ ей руки и грудь; Любовь Дмитріевна только вздохнула, но по прежнему оставалась неподвижна.

„—Ты моя? спросилъ онъ, поднимая ее со скамейки.

„—Твоя, отвѣчала она, едва слышно.

„Онъ понесъ ее къ бесѣдкѣ...“

Тутъ авторъ ставитъ нѣсколько безполезныхъ точекъ и потомъ повѣствуетъ, что на другой день эти „новые люди“ объяснились съ мамашей и

законнымъ образомъ обвѣнчались. Г. Витняковъ объявляетъ въ концѣ своего изумительнаго романа, что о дальнѣйшей судьбѣ своихъ героевъ „не собралъ еще свѣдѣній“, но „разсчитываетъ въ скоромъ времени удовлетворить любопытству читателя“. Бѣдняжка воображаетъ, что читатель въ состояніи будетъ прочесть и другой подобный романъ! Но если читатели такіе найдутся, то мы уже никогда болѣе не возвратимся къ произведеніямъ подобнаго рода, и на этотъ разъ взяли его, какъ „типъ“ наиболѣе пошлыхъ и, съ позволенія сказать, наиболѣе нелѣпыхъ произведеній беллетристики добрыхъ намѣреній. Въ этомъ смыслѣ романъ г. Витнякова превосходенъ, ибо заключаетъ въ себѣ однородныя черты съ массою такихъ же романовъ и повѣстей, канувшихъ въ Лету вмѣстѣ съ своими авторами мужескаго и женскаго пола.

„Свѣтловъ“ или „Шагъ за шагомъ“ можетъ служить типомъ же наиболѣе умныхъ и наиболѣе даровитыхъ произведеній беллетристики добрыхъ намѣреній. Если авторъ „Русскихъ Демократовъ“ держится еще идеаловъ перваго, послѣбазаровскаго періода этой беллетристики, то г. Омулевскій принадлежитъ всецѣло второму періоду, когда, послѣ появленія въ русскомъ переводѣ романа Шпильгагена „Одинъ въ полѣ не воинъ“ (In Reih' und Glied), было признано беллетристами добрыхъ намѣреній, что „дѣятель“ можетъ отличаться и хорошими манерами, и изящнымъ костюмомъ, и тщательно причесанною головою. Герой нѣмецкаго романа, Лео, — человѣкъ безукоризненный относительно внѣшности и однако дѣйствуетъ въ пользу народа и съ рабочими сходится. Это было своего рода Америкой для многихъ россіянъ, почитавшихъ тургеневскаго Базарова и молившихся на Базаровыхъ новѣйшихъ, надѣланныхъ на фабрикѣ беллетристики добрыхъ намѣреній. Г. Омулевскій ясно и опредѣленно, безъ всякихъ уступокъ прошлому, поставилъ этотъ „принципъ“ безукоризненной внѣшности въ своемъ романѣ, очевидно навѣянномъ „In Reih' und Glied“: самое заглавіе „Шагъ за шагомъ“—гораздо болѣе удачная передача заглавія и мысли нѣмецкаго романа, чѣмъ заглавіе „Одинъ въ полѣ не воинъ“. Черты сходства есть и въ руководящей мысли и въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ сценахъ, но „Шагъ за шагомъ“ нельзя назвать подражаніемъ знаменитому нѣмецкому роману. Г. Омулевскій творилъ самостоятельно, и вліяніе Шпильгагена сказывалось на этомъ творчествѣ тоже самостоятельно. Самостоятельность нашего романиста прежде всего сказалась въ глубокой преданности принципамъ беллетристики добрыхъ намѣреній, изъ которыхъ главный — созданіе изъ ничего „новаго человѣка“. Богъ творилъ изъ земли, беллетристы добрыхъ намѣреній творятъ изъ ничего, и по этому ихъ „новые люди“, въ отличіе отъ „ветхаго“ Адама, дѣйствительно новые. Новый человѣкъ г. Омулевскаго — Свѣтловъ. Самая фамилія показываетъ, что этотъ герой распространяетъ вокругъ себя только свѣтъ, только сіяніе. Онъ—совер-

шенное... мы хотѣли сказать: божіе созданіе, но это очевидно будетъ натяжкой: онъ совершенное созданіе беллетриста добрыхъ намѣреній. Одно удивительно: онъ родился, какъ и всѣ люди, отъ мужа и жены, да притомъ еще въ Камчаткѣ, въ Петропавловскомъ портѣ. Но это естественное происхожденіе, безъ участія экстраординарныхъ силъ, немедленно вознаграждается неестественными проявленіями дѣтства, юности и возмужалаго возраста. Лишь изрѣдка мелькаютъ въ немъ человѣческія черты, но только для того, чтобъ еще болѣе оттѣнить его свѣтящуюся личность. Въ гимназію онъ только ходилъ, но ничему тамъ не учился и вышелъ, не выдержавъ экзамена и влюбившись въ дочь одного поселеннаго политическаго преступника Жилинскаго; затѣмъ онъ нагрубилъ директору гимназіи и, какъ говорится, отъ рукъ отбился у родителей. Все это черты человѣческія, которыя легко мы найдемъ и у поколѣнія предшествовавшаго, у такъ-называемыхъ „отцовъ". Случалось, что они экзаменовъ не выдерживали, директорамъ колкія вещи говорили, и шестнадцати - семнадцати лѣтъ, еще гимназистами, влюблялись не только въ дѣвицъ, но и въ дамъ. Но съ ними не случалось того, что случилось съ Свѣтловымъ. Онъ, бѣднякъ, изъ восточной Сибири, на какія-то сверхъ - естественныя средства доѣхалъ до Петербурга, выдержалъ тутъ шутя вступительный университетскій экзаменъ, блестящимъ образомъ окончилъ курсъ по математическому факультету — другіе онъ, по принципу, презираетъ — и въ тоже время такъ много заработывалъ литературной работой, что содержалъ себя, накупилъ подарковъ роднымъ и пріѣхалъ на тройкѣ въ свой родной городъ, въ восточной Сибири. Негостепріимный, суровый, дѣловой Петербургъ, дающій постоянно себя знать даже трудолюбивой и даровитой молодежи, представилъ Свѣтлову только радужныя свои стороны, только сказалъ ему: живи и наслаждайся, а ужъ тамъ, братъ, по щучьему велѣнью, по моему прошенью, все тебѣ будетъ: и деньги, и успѣхъ въ наукахъ, и успѣхъ въ обществѣ, и даже связь съ важными и вліятельными лицами. Одно усиліе Петербургъ, впрочемъ, заставилъ его сдѣлать—проглотить таракана; но и это Свѣтловъ сдѣлалъ не столько по нуждѣ, сколько по доброй волѣ, желая показать одной дамѣ, боявшейся таракановъ, что ихъ не только бояться не слѣдуетъ, но даже ѣсть можно, хотя они „почти безъ вкуса".

Естественно, что родной городъ оказался еще гостепріимнѣе, чѣмъ Петербургъ. Тутъ все преклонялось передъ „новымъ человѣкомъ" и онъ шелъ по „новымъ путямъ" съ ловкостью почти военнаго человѣка и легкостью птички: всѣ преграды падали, всѣ обращали на него любовные взоры, на всѣхъ онъ производитъ не какое-нибудь, а „огромное впечатлѣніе" то „ясностью и силою своего ума", которую, однакожъ, авторъ въ немъ не обнаруживаетъ, то „изящною свободою манеръ и

всей фигуры", то „сильнымъ, металлически-чистымъ голосомъ", то своею простотою, то всѣмъ этимъ вмѣстѣ. Говоритъ онъ или „очень серьезно" или „съ достоинствомъ"—объ этомъ „достоинствѣ" авторъ упоминаетъ, безъ преувеличенія, разъ пятьдесятъ. Нечего и говорить, что онъ — превосходный сынъ, превосходный братъ, великолѣпный учитель, оригинальный любовникъ, удивительный математикъ и совершеннѣйшій человѣкъ. Какъ не любить подобнаго господина? Однако сестра его не взлюбила и не стала читать „хорошихъ книжекъ", которыя онъ ей далъ; но за то авторъ и наказалъ ее, отдавъ замужъ за „пустаго" офицера, который обиралъ солдатъ и на эти деньги шилъ ей платья. Не взлюбила его еще одна полковница за то, что онъ не захотѣлъ въ нее влюбиться; состоя помпадуршей у начальника края, она стала интриговать противъ Свѣтлова; но авторъ и ее наказалъ за это, открылъ ея любовныя шашни съ однимъ молодымъ докторомъ начальнику края, который со скандаломъ уволилъ ее отъ своего ложа. Сами боги постоянно покровительствуютъ счастливому герою, точно онъ въ Аркадіи живетъ. Надо ему уроковъ — уроки тотчасъ же находятся и притомъ у прекраснѣйшей женщины Лизаветы Михайловны, у которой трое прекраснѣйшихъ дѣтей. Захотѣлъ онъ завести безплатную воскресную школу — немедленно все ему въ томъ споспѣшествовало: нашлись деньги, получилось разрѣшеніе и рабочіе благословили молодого учителя. Еслибъ захотѣлось ему любви — стоило только выбирать: его любила ужъ Лизавета Михайловна, его отыскала Христина Жилинская, которая любила его еще гимназистомъ и продолжала любить цѣлыхъ десять лѣтъ. „Ты имѣлъ тогда (когда онъ былъ гимназистомъ) право на все, и ничего не взялъ, сказала она ему. Лучше же поздно, чѣмъ никогда..." Напрасно ее уговаривалъ Свѣтловъ, напрасно убѣждалъ, чтобъ она пожалѣла себя, свое будущее, потому что жениться онъ не могъ, — Христина оказалась непреклонною, и Свѣтловъ долженъ былъ покориться необходимости—не довольствоваться одною платоническою любовью... Но какое благородство, какія чувства высказалъ онъ предварительно! Однако, не все коту масляница—насталъ и для Свѣтлова великій постъ: онъ присутствовалъ среди рабочихъ одной казенной фабрики, которые потребовали смѣны директора, и когда этотъ послѣдній отказался исполнить приговоръ толпы—она, несмотря на его полковничій чинъ, разложила его и высѣкла. Свѣтловъ, разумѣется, былъ взятъ и посаженъ въ острогъ, но и тутъ добрые геніи его не спали: начальникъ края склонился на просьбы дяди молодого человѣка и отпустилъ его на всѣ четыре стороны. Въ это же время Лизавета Михайловна разными дѣтскими хитростями, которыя авторъ рисуетъ съ молодымъ увлеченіемъ, какъ нѣчто геніальное, вырываетъ у мужа паспортъ на отдѣльное жительство вмѣстѣ со всѣми дѣтьми и ѣдетъ съ Свѣтловымъ

въ Петербургъ, а отсюда въ Цюрихъ изучать медицину. Все это дѣлается по щучьему велѣнью, безъ всякихъ затрудненій, точно въ балетѣ, гдѣ все уже приготовлено машинистомъ, и развѣ какой непредвидѣнный случай, въ родѣ пожара, остановитъ представленіе, но тутъ даже и такого случая не полагается: все гладко, мягко и свободно. Лизавета Михайловна оказывается, разумѣется, подъ статъ Свѣтлову: въ то время, когда медицина разбилась на множество спеціальностей и каждая изъ нихъ требуетъ отъ спеціалиста большихъ трудовъ и усилій—Лизавета Михайловна одолѣваетъ труднѣйшія отрасли ея разомъ, что́ видно изъ слѣдующихъ словъ ея: „спеціальность моя въ обширномъ смыслѣ—грудныя и нервныя болѣзни, а въ исключительномъ—женскія". Мы, конечно, никогда не услышимъ объ этой геніальной женщинѣ, потому что ея и существовать не могло.

Когда читаешь этотъ романъ, когда видишь съ какою легкостью преуспѣваютъ его герои, невольно обращаешься ко временамъ сантиментальной литературы, къ разнымъ „Алексисамъ", къ „Хижинамъ въ Лѣсу", къ идилліямъ г-жи Дезульеръ, къ Августу Лафонтену: почтенные представители и представительницы этой литературы имѣютъ много общаго съ литературою добрыхъ намѣреній: тоже превознесеніе своихъ героевъ и героинь, тоже игнорированіе дѣйствительной жизни и принесеніе ея въ жертву дѣйствительности сочиненной. Но разница большая въ идеалахъ, въ цѣляхъ. Литература добрыхъ намѣреній къ любви относится довольно равнодушно и не дѣлаетъ ее центромъ, вокругъ котораго все движется; она имѣетъ въ виду улучшеніе народнаго быта, она старается пропагандировать идеи о лучшемъ порядкѣ, и если образы ея лишены жизни, то за ними стоитъ такое молодое, такое страстное желаніе автора, чтобъ огонь небесный снизошелъ на нихъ и вдохнулъ въ нихъ божественную искру; если путь ихъ усѣянъ розами, если всѣ мечты ихъ осуществляются, то опять же чувствуешь тоже молодое, благородное желаніе автора, чтобъ и въ жизни было такъ же легко подвизаться всѣмъ тѣмъ, которые любятъ свою родину и желаютъ дѣйствовать на ея пользу. Все это въ особенности можно сказать о романѣ г. Омулевскаго. Это не романъ, а программа для тѣхъ, кто желаетъ быть полезнымъ, программа, разумѣется, во вкусѣ автора и подлежащая спору и анализу, но внушенная искреннимъ и горячимъ чувствомъ. Это чувство примиряетъ читателя съ недостатками романа, и онъ дочитывается тѣмъ легче, что у автора есть и нѣкоторая наблюдательность, и живыя, выхваченныя изъ жизни сцены, и даже въ рисовкѣ лицъ второстепенныхъ нѣкоторыя зачатки типовъ. Для начинающаго писателя этого можетъ быть и довольно, но произведенія болѣе сильнаго отъ него ожидать едва ли возможно ужъ потому, что ни въ идеѣ романа, ни въ его исполненіи ничего не находимъ особенно свѣжаго, оригинальнаго, оторвав-

шагося отъ обыкновенной рутины беллетристики добрыхъ намѣреній, чѣмъ обыкновенно заявляютъ себя молодые писатели и въ несовершенныхъ своихъ произведеніяхъ, если обладаютъ истиннымъ дарованіемъ. А тутъ какъ-то невольно приходитъ на память стихъ:

То кровь кипитъ, то силъ избытокъ...

Познакомивъ читателей съ беллетристикою добрыхъ намѣреній, мы должны повторить то, что сказали вначалѣ, именно, что ни беллетристы первой категоріи, ни беллетристы второй до сихъ поръ не создали ни одного яркаго типа, который бы представлялъ собою такъ-называемое молодое поколѣніе съ его хорошими и дурными сторонами. Образъ Базарова гордо высится среди всей этой мелюзги, какъ гранитная скала на песчаной равнинѣ. Десять лѣтъ прошло; молодое поколѣніе, бившееся изъ-за этого образа, успѣло постарѣть и сложиться, а все еще въ литературѣ порубежнымъ столбомъ продолжаетъ стоять атлетическій Базаровъ, точно ожидая новаго сильнаго дарованія, которое смѣнитъ, наконецъ, своимъ созданіемъ, его продолжительную стоянку. Тѣже писатели сороковыхъ годовъ, любимцы нашихъ отцовъ и матерей, продолжаютъ привлекать къ себѣ наше вниманіе и своими произведеніями будятъ въ насъ мысль и художественное чувство, засыпающія подъ благороднымъ, но слишкомъ часто дѣтскимъ лепетомъ беллетристики добрыхъ намѣреній...

Развитіе политической и гражданской свободы въ Англіи (??), въ связи съ развитіемъ литературы. *Г. О. Тэнъ.* (Histoire de la littérature anglaise). 2 т. Переводъ подъ редакціей А. Рябинина и М. Головина. Спб. 1871 г.

Судя по этому кудрявому и странному заглавію, которымъ окрестили переводчики „Исторію англійской литературы“ Тэна, можно подумать, что это спекуляція разомъ на двѣ свободы—политическую и гражданскую. Знакомые въ оригиналѣ съ сочиненіемъ Тэна тѣмъ скорѣе могли это подумать, что кудрявое заглавіе вовсе не идетъ къ труду французскаго критика, который ни единымъ словомъ не затронулъ сочиненія такихъ мыслителей, какъ Адамъ Смитъ, Бентамъ, Юнгъ, Гиббонъ, Робертсонъ и др., имѣвшихъ большое вліяніе на развитіе современниковъ, и ни однимъ же словомъ не коснулся и такого могучаго рычага свободы, какъ періодическая печать. На самомъ же дѣлѣ переводчики съ необыкновенною любовью отнеслись къ сочиненію Тэна и передали его на русскій языкъ чрезвычайно добросовѣстно. „Исторія англійской литературы“ Тэна—трудъ слишкомъ извѣстный, чтобъ о немъ распространяться и рекомендовать его вниманію читателей; въ самой Англіи, чопорную гордость которой Тэнъ не разъ затрогиваетъ, не могли не отдать должную справедливость его сочиненію, требовавшему огромной начитанности, его уму, критическому та-

ланту и увлекательному изложенію. Это ужъ очень хорошая рекомендація, которую трудно купить сочиненію, не выходящему изъ ряда вонъ. Но для русскихъ читателей мы все-таки считаемъ не безполезнымъ установить критическую точку зрѣнія, которую не мѣшаетъ имѣть въ виду при чтеніи Тэна.

Переводчики почли долгомъ предпослать ему небольшое предисловіе, гдѣ вознесли Тэна превыше пирамидъ; это бы еще ничего, но они прославили именно ту сторону его книги, которая наиболѣе слаба. „Она (книга), говорятъ они, есть первый опытъ (?) изученія европейской литературы съ точки зрѣнія началъ, служащихъ, по выраженію Бокля, *динамикой общества*". Начала эти—вліяніе расы, среды и эпохи. Переводчики ошибаются, воображая, что историки европейскихъ литературъ не указывали вліянія этихъ началъ; начала эти давно уже азбука и не надо быть великимъ критикомъ, чтобъ не понимать, напр., что Ломоносовъ былъ бы не тѣмъ, чѣмъ онъ былъ, еслибъ онъ жилъ въ царствованіе Александра II-го, а не въ царствованіе Елизаветы. Особенность Тэна заключается въ томъ лишь, что онъ вліяніе этихъ началъ, расы, среды и эпохи на литературу народа доводитъ до крайности, почти до абсурда, оставляя индивидуальнымъ особенностямъ талантливой или геніальной природы писателя весьма незначительную роль. Тэнъ носится съ этими началами всюду, объясняя ими спеціальныя, литературныя и даже религіозныя явленія; напр., пуританизмъ, по его мнѣнію, есть произведеніе шотландской природы, сѣрыхъ тучъ и тумана. Когда представляется случай болѣе или менѣе удачно примѣнить эти начала, когда онъ находитъ подтвержденіе имъ въ дѣйствительности, онъ начинаетъ распространяться чрезвычайно, съ словоохотливостью француза, попавшаго на свой любимый конекъ. Тамъ же, гдѣ эта теорія его неприложима при всѣхъ натяжкахъ, предъ которыми онъ, впрочемъ, никогда не останавливается, онъ становится скупъ на факты и критическій анализъ. Оттого у него нѣкоторыя важныя литературныя явленія едва затронуты, а менѣе важные фигурируютъ на первомъ планѣ, оттого пародоксы, идущіе въ разрѣзъ съ общеизвѣстными историческими фактами. Говоритъ онъ, напр., объ англійской драмѣ и театрѣ, рисуетъ несовершенства ихъ, пристрастіе къ кровавымъ сценамъ, къ сценамъ дикой энергіи и проч. Естественное объясненіе этихъ явленій заключается въ полуобразованномъ обществѣ, и явленія эти болѣе или менѣе общи всѣмъ народамъ на извѣстной ступени цивилизаціи; но Тэнъ обращается къ своей любезной теоріи и проситъ у ней отвѣта. Теорія тотчасъ же отвѣчаетъ ему, что причина всему лежитъ въ характерѣ англо-саксонской расы, привыкшей къ войнамъ, къ насиліямъ, живущей подъ суровымъ небомъ, питающейся преимущественно мясомъ и пьющей пиво. „Сумрачный, грозный туманъ, говоритъ критикъ, покрываетъ умъ ихъ также какъ небо, и радость, подобно солнцу,

проглядываетъ у нихъ неожиданно и урывками. Это люди совсѣмъ иные, чѣмъ латинскія расы. Свободное и полное развитіе натуры, выразившееся въ Греціи и Италіи въ изображеніи красоты и счастливой силы, здѣсь выражается въ изображеніи свирѣпой энергіи, агоніи и смерти". Но загляните въ исторію, и она вамъ укажетъ на кровавыя дѣла юга—Борджіевъ, Медичисовъ, Гизовъ, на варѳоломеевскую ночь, предъ которыми блѣднѣютъ кровавыя дѣла сѣвера. Можно указать на терроръ французской революціи, когда кровь лилась потоками тоже подъ благословеннымъ небомъ, въ эпоху цивилизованную и у народа веселаго, не пьющаго пива и не объѣдающагося мясомъ, а довольствующагося шуфлеромъ. Очевидно, тутъ причины лежатъ въ нравахъ и страстяхъ эпохи, а не въ расѣ и климатѣ. И много подобныхъ натяжекъ, обставленныхъ этнографическимъ аппаратомъ, анекдотами, цитатами изъ всевозможныхъ древнихъ и новыхъ авторовъ, доказывающихъ громадную начитанность и ученость автора, но вмѣстѣ съ тѣмъ и чрезмѣрную любовь его къ своей теоріи. Но какъ скоро Тэнъ входитъ въ область критики, какъ скоро наговорится о расѣ, средѣ и эпохѣ, онъ обнаруживаетъ проницательность, вѣрно опредѣляетъ значеніе писателя, мѣтко указываетъ на характеры, лучшія сцены и проч. Наименѣе всего удался ему Шекспиръ и по всей вѣроятности по двумъ причинамъ, изъ которыхъ первая состоитъ въ томъ, что авторъ—французъ, у котораго за спиною стоятъ Корнель и Расинъ, а вторая въ томъ, что онъ приступаетъ къ такому „громадному дубу" съ точки зрѣнія „науки", а наука будто бы говоритъ, что „мудрость и знаніе въ человѣкѣ — не болѣе какъ *слѣдствіе и случайности*". Развивая эту идею своимъ метафорическимъ, изысканнымъ языкомъ—это тоже недостатокъ Тэна—онъ думаетъ однимъ словомъ разрѣшить весь геній Шекспира, все его колоссальное величіе, и это слово—„цѣльное воображеніе". „Слово незначительное, прибавляетъ онъ, повидимому пошлое и пустое; разсмотримъ же его ближе, съ цѣлью узнать, что въ немъ именно находится". Начинаетъ онъ разсматривать и приходитъ къ тому же результату, какъ и другіе критики, не задававшіеся крайними теоріями и не думавшими удивлять своею оригинальностію. Причина величія оказывается въ геніѣ, въ „натурѣ всемогущей, необыкновенной, самой творческой" и проч. *Случайности*, которымъ онъ придалъ сначала такую роль, уходятъ совсѣмъ на задній планъ. Наиболѣе слабая сторона въ этюдѣ его о Шекспирѣ—это женщины. Онъ едва о нихъ упоминаетъ, характеризуя ихъ крайне односторонне. „Женщины Шекспира—очаровательныя дѣти, говоритъ онъ, которыя чувствуютъ сильно и любятъ безумно. У нихъ встрѣчаются минуты рѣзвости, досады, нѣжныя слова дружбы, кокетливаго упрямства, граціозной словоохотливости, напоминающей щебетаніе и веселость птички. Героини нашего театра—почти мужчины, героини же Шекспира—жен-

щины въ полномъ смыслѣ слова. Трудно быть неосторожнѣе Десдемоны“ и т. д. въ томъ же тонѣ и смыслѣ. Нечего говорить, что нѣмецкіе и русскіе критики въ этомъ отношеніи были гораздо проницательнѣе и глубже смотрѣли и многостороннѣе понимали Шекспира. Мы сочли нужнымъ сказать о недостаткахъ этой книги, имѣющей и большія достоинства, въ виду предисловія гг. переводчиковъ, которые недостатки-то и выдаютъ за достоинства, и въ виду тѣхъ русскихъ рецензентовъ, которые усматриваютъ въ методѣ Тэна „новые пути критики“ и, ни мало не объясняя, въ чемъ состоятъ эти яко бы новые пути, какъ бы приглашаютъ читателей вѣрить рецензентамъ на слово. По нашему мнѣнію, новаго въ методѣ Тэна—его увлеченія, не имѣющія научнаго достоинства.

Отчетъ о посѣщеніи военно-санитарныхъ учрежденій въ Германіи, Лотарингіи и Эльзасѣ въ 1870-мъ году. *Академика Н. И. Пирогова.* Спб. 1871.

Франко-прусская война уже породила цѣлую литературу, масса которой долгое время еще будетъ прибывать, но въ этой литературѣ одно изъ самыхъ почетныхъ мѣстъ безъ сомнѣнія займетъ превосходный трудъ Н. И. Пирогова, заглавіе котораго выписано нами. Это цѣлая книга въ 150 стр., въ большую 8-ю долю, роскошно изданная Обществомъ попеченія о больныхъ и раненыхъ воинахъ. Существенною частью ея, быть можетъ, слѣдуетъ считать тѣ наблюденія знаменитаго хирурга надъ ранеными, которыя онъ дѣлалъ, въ теченіи своей пятинедѣльной поѣздки, въ 70-ти военныхъ лазаретахъ, расположенныхъ въ Саарбрюкенѣ, Ремильи, Понт-а-Мусонѣ, Корни, Горзѣ, Нанси, Страсбургѣ, Карлсруэ, Швецингенѣ, Мангеймѣ, Гейдельбергѣ, Штутгартѣ, Дармштадтѣ и Лейпцигѣ. Эти наблюденія — драгоцѣнный вкладъ въ медицинскую литературу и должны принесть въ первой же будущей войнѣ благодѣтельные результаты, какъ приносили, и до этого, наблюденія Н. И. Пирогова надъ ранеными во время кавказской войны и севастопольской кампаніи. Нѣмцы въ особенности широко воспользовались прежними трудами нашего хирурга и осуществили многія его идеи объ устройствѣ военной санитарной части, о расположеніи лазаретовъ и больныхъ въ нихъ и проч. Настоящему труду почтеннаго академика предстоитъ, конечно, таже судьба, и его не замедлятъ перевести на иностранные языки: Европа въ этомъ отношеніи отличается большою чуткостью и умѣетъ скоро и хорошо заимствовать у нашихъ ученыхъ, ни мало не стѣсняясь тѣмъ, что эти ученые живутъ и дѣйствуютъ въ той странѣ, которая слыветъ на Западѣ варварскою. Мы, однако, не остановимся на этой части „Отчета“, на хирургическихъ наблюденіяхъ, выводахъ и совѣтахъ Н. И., какъ они ни любопытны и ни важны. Это дѣло спеціальныхъ органовъ.

Въ „Отчетѣ“ есть сторона общеинтересная — это короткія путевыя замѣтки нашего врача и организація частныхъ обществъ для поданія помощи раненымъ и больнымъ. Этой организаціи Н. И. посвятилъ большую половину своего „Отчета“, разобравъ съ обычною ему проницательностью недостатки ея, указавъ на способы избѣгать ихъ въ будущемъ и, наконецъ, подробно изложивъ примѣненіе ея къ нашей почвѣ.

Въ Германіи и во Франціи, вездѣ Н. И. встрѣчалъ самый радушный пріемъ, вездѣ обращались къ нему за совѣтами и указаніями. Съ своей стороны, онъ, видѣвшій вблизи столько кампаній, относится ко всему видѣнному имъ безъ всякихъ фразъ, съ полнѣйшимъ безпристрастіемъ. Это вполнѣ нелицепріятный судья, въ которомъ ни мало не погасло чувство состраданія къ человѣчеству: „кто видѣлъ хоть издали, говоритъ онъ, всѣ страданія этихъ жертвъ войны, тотъ вѣрно не назоветъ, съ шовинистами, миролюбивое настроеніе націй „мѣщанскимъ счастьемъ“; шовинизмъ, вызывающій націи на распри и погибель, достоинъ проклятія народовъ, и все человѣчество должно благословлять царей, не ищущихъ кровавой славы“. Человѣкъ, произносящій такія слова, сохранилъ любящее сердце, но для него нѣмецъ и французъ были одинаковы, ни тому, ни другому не отдавалъ онъ предпочтенія, и поэтому-то краткія замѣчанія его о состояніи завоеванныхъ нѣмцами провинцій стоятъ гораздо больше многотомныхъ пристрастныхъ розсказней. „Въ завоеванныхъ городахъ, говоритъ онъ, какъ Понт-а-Мусонъ и Нанси, война не оставила глубокихъ слѣдовъ; торговля шла своимъ путемъ, а въ поляхъ, за городомъ, шелъ тяжелый 6-ти-конный плугъ Матье Домбаля; на лугахъ паслись большія стада мериносовъ; разрушенныхъ садовъ и виноградниковъ не было замѣтно. Одинъ Страсбургъ представлялъ, и то не весь, видъ разрушенія, далеко, однако же, не такого, которое постигло нашъ Севастополь. Страсбургскій хирургъ Герготъ (Эльзасецъ), ведя меня по лазарету, указывалъ на пробитые бомбами крышу, потолокъ и полъ перевязочной залы и увѣрялъ, что варварство осаждавшихъ не останавливалось предъ краснымъ крестомъ флага, выставленнаго на лазаретѣ; но я замѣтилъ ему на это, что французскія бомбы въ Севастополѣ также не разбирали флаговъ на перевязочныхъ пунктахъ; сопровождавшая насъ молодежь улыбнулась на это, а г. Герготъ, нѣсколько смутившись, замѣтилъ: „c'est autre chose“—почему? не знаю“. Сколько-нибудь удовлетворительныхъ объясненій очевидно и дать было нельзя, потому что, если нѣмцы явились варварами передъ Страсбургомъ, то французы играли туже роль варваровъ передъ Севастополемъ. Въ дѣлѣ войны, нéчего возбуждать ненависть къ той или другой націи, нéчего называть варварами нѣмцевъ, когда и всякій другой народъ поступилъ бы точно также, а пожалуй еще и хуже, чѣмъ они;

надо возбуждать непримиримую ненависть къ самой войнѣ, какъ къ явленію въ высшей степени позорному, гнусному и рѣжущему глаза просвѣщеннымъ понятіямъ нашего времени. Зло именно въ этомъ, а счеты просвѣщенныхъ народовъ на счетъ варварства другъ друга должны возбуждать только чувство недовѣрчивости. Это же чувство должно предохранить насъ отъ увлеченія тѣми густо-набросанными картинами завоеванныхъ Эльзаса и Лотарингіи, на которыя такъ щедры были газетные корреспонденты во время войны. „Тишина, порядокъ и благочиніе господствовали во всѣхъ, занятыхъ нѣмецкими войсками, мѣстахъ,—говоритъ г. Пироговъ; не слышно было ни ссоръ, ни дракъ; даже въ тавернахъ, посѣщавшихся множествомъ солдатъ, было все чинно и спокойно. Всего же знаменательнѣе для меня было то, что я не замѣтилъ ни тщеславія, ни чванства въ побѣдителяхъ, ни унынія и ожесточенія въ побѣжденныхъ. Я не видалъ въ Эльзасѣ и Лотарингіи ничего похожаго на фанатизмъ національной войны. Какъ ни было коротко мое пребываніе во Франціи, но мнѣ кажется, что еслибы любовь къ отчизнѣ была сильно возбуждена въ народѣ, то это не могло бы не кинуться въ глаза. Можно ли, по нашимъ понятіямъ о національной войнѣ, спокойно торговать въ городахъ и пахать землю въ селахъ, когда народъ возстаетъ поголовно за отечество и свободу? Видѣвъ это спокойствіе, я не сомнѣваюсь въ существованіи городского и сельскаго индифферентизма въ нынѣшней Франціи. Французскій извощикъ, везшій насъ изъ Понт-а-Муссона въ Корни, утвердилъ во мнѣ еще болѣе это мнѣніе. На мой вопросъ, за кого онъ: за императора или за республику? онъ мнѣ отвѣтилъ: „ni pour l'un, ni pour l'autre“. Одинъ французскій извощикъ представлялъ бы собою не важное доказательство, но къ событіямъ, послѣдовавшимъ за миромъ, кажется можно бы поставить эпиграфомъ эту фразу извощика.

„Общее впечатлѣніе“, которое вынесъ изъ своей поѣздки г. Пироговъ, не отрадно: несмотря на всѣ усилія новѣйшей цивилизаціи, война принесла все-таки огромную массу бѣдствій; но какъ же огромнѣе были эти бѣдствія въ крымскую войну, когда г. Пироговъ считаетъ возможнымъ сказать: „послѣ того, что я испыталъ у насъ, въ крымскую войну, я не могъ не *восхищаться* и тѣми результатами, которыхъ достигли заграницею и администрація, и частная помощь въ нынѣшнюю войну“. Частной помощи г. Пироговъ посвящаетъ много страницъ своей книги; международная филантропія должна играть въ будущемъ большую роль и прежде всего измѣнить господствующіе взгляды на войну въ обществѣ, которое извѣстные факты въ военныхъ событіяхъ принимаетъ равнодушно единственно потому, что это — война; но филантропіи международной придется выдержать упорную, можетъ быть даже безполезную борьбу съ успѣхомъ одной изъ воюющихъ сторонъ; настоящая

война доказала, что международная помощь раненымъ преимущественно была на сторонѣ нѣмцевъ единственно потому, что они являлись побѣдителями, т.-е. побѣда оставляла на ихъ рукахъ самое большое количество раненыхъ и своихъ и непріятельскихъ, а слѣдовательно и призывала сюда международную помощь. Г. Пироговъ сомнѣвается, чтобъ и впредь можно было ожидать такого равномѣрнаго успѣха оружія воюющихъ сторонъ, который бы дозволилъ международнымъ обществамъ попеченія быть совершенно нейтральными. „Этого, прибавляетъ онъ, можетъ быть, достигнутъ нейтральныя державы только равномѣрнымъ распредѣленіемъ ихъ помощи между воюющими—*еще до начатія войны*. Но какъ это сдѣлать, если война вспыхнетъ также неожиданно, какъ настоящая, и кто изъ нейтральныхъ можетъ поручиться, что останется, во все время войны, нейтральнымъ? Настаивать же на ровномъ распредѣленіи помощи въ *разгарѣ войны*, не возбудивъ противъ себя въ одной или даже въ обѣихъ воюющихъ сторонахъ разнаго рода нареканій и подозрѣній, едва ли возможно". Нашъ авторъ приводитъ даже такой случай, что чѣмъ болѣе будетъ развиваться международная помощь, тѣмъ сильнѣйшимъ союзникомъ она будетъ побѣдителя, а побѣжденный станетъ считать ее своимъ злѣйшимъ врагомъ, который помогаетъ его торжествующему противнику убирать раненыхъ, распредѣлять ихъ по лазаретамъ, лечить и восполнять выздоровѣвшими свои ряды. Пока разовьется и устроится болѣе или менѣе справедливо международная помощь раненымъ, г. Пироговъ желалъ бы прежде, чтобъ *медицина была* объявлена *нейтральною*, т.-е. чтобъ врачамъ обѣихъ воюющихъ сторонъ дозволенъ былъ свободный обмѣнъ научныхъ результатовъ на пользу ввѣреннымъ имъ больнымъ. За годъ до открытія женевскаго международнаго комитета онъ предлагалъ ему для развитія этотъ важный вопросъ, но ни комитетъ, ни врачи не поддержали его мысли.

Но все это еще впереди, все это предвидится на случай войны; но г. Пироговъ находитъ возможнымъ примѣнить дѣятельность Общества попеченія о раненыхъ и больныхъ воинахъ и въ мирное время, и мысль эта заслуживаетъ особеннаго вниманія и симпатіи, особенно у насъ, гдѣ народъ, и въ мирное время, почти совсѣмъ лишенъ медицинскаго пособія. Мирное время могло бы служить практическою подготовкою для подобныхъ обществъ къ военному времени. Указывая подробно, какимъ образомъ можно бы устроить эту медицинскую помощь народу, г. Пироговъ приходитъ къ такому заключенію: „я утверждаю, что самое производительное употребленіе капиталовъ Общества попеченія о раненыхъ и больныхъ воинахъ состоитъ не въ простой отдачѣ ихъ въ ростъ, не въ закупкѣ матеріаловъ, а въ благоразумномъ расходованіи ихъ на организацію подвижныхъ и временныхъ лазаретовъ и практическомъ образованіи санитарнаго персонала для на-

сущной потребности всего народа. Это практическое употребленіе капитала послужитъ и самымъ надежнымъ средствомъ къ упроченію существованія частной помощи, ея дальнѣйшему развитію, ея самообразованію, къ возбужденію сочувствія въ цѣломъ обществѣ къ ея дѣятельности, а вмѣстѣ съ тѣмъ и къ увеличенію капитала".

Какъ хорошо было бы, еслибъ наше Общество попеченія о раненыхъ и больныхъ воинахъ прониклось этою прекрасною мыслью и первое ее осуществило бы.

Исторія восемнадцатаго столѣтія и девятнадцатаго до паденія французской имперіи, съ особенно подробнымъ изложеніемъ хода литературы. *Ф. К. Шлоссера*. Переводъ съ четвертаго изданія (съ исправленіями по пятому изданію). Изданіе второе. Томъ восьмой. Съ предисловіемъ М. А. Антоновича, указателемъ къ цѣлому сочиненію и портретомъ Шлоссера. Спб. 1871.

Восьмымъ томомъ окончено второе изданіе классическаго сочиненія Шлоссера. Въ этомъ, безцензурномъ изданіи оно является въ полнѣйшемъ видѣ, такъ какъ пропуски, иногда довольно значительные, возстановлены, и вообще, какъ редакціонная часть, такъ и издательская исполнены вполнѣ добросовѣстно. Подробный указатель, обнимающій всѣ восемь томовъ, и занимающій 123 стр. въ двѣ колонны, даетъ возможность пользоваться „Исторіей XVIII-го столѣтія", какъ справочной книгой, что очень важно у насъ, при отсутствіи энциклопедій.

Что касается воспитательной стороны „Исторіи" Шлоссера, то г. Антоновичъ, авторъ предисловія къ ней, выразился совершенно справедливо, сказавъ, что такая книга должна дѣйствовать благотворно, потому что въ ней „на каждой строкѣ говоритъ голосъ глубокаго убѣжденія, искренняго чувства, неподдѣльнаго восторга или негодованія, нравственной строгости, неподкупной правды и глубокаго презрѣнія ко всякому ренегатству... У него есть нѣсколько общихъ принциповъ, нѣсколько признанныхъ имъ законовъ правды и добра, за нарушеніе которыхъ онъ порицаетъ всякаго, кто бы ихъ ни нарушилъ, прогрессивная-ли или отсталая партія, революціонеры или контр-революціонеры, демократы или аристократы". Предисловіе г. Антоновича не ограничивается оцѣнкою Шлоссера, или вѣрнѣе сказать, оцѣнка Шлоссера въ этомъ предисловіи—дѣло послѣднее, не занимающее даже десятка страницъ изъ 83-хъ, которыя оно занимаетъ. Г. Антоновичу „Исторія" Шлоссера даетъ только поводъ говорить вообще о важности знанія для насъ современной европейской исторіи, которымъ мы отнюдь похвалиться не можемъ. Чтобъ нагляднѣе представить этотъ безспорный выводъ, авторъ обращается къ оцѣнкѣ нашей культуры, преимущественно съ Петра Великаго до настоящаго времени, и тому полити-

ческому воспитанію, которое намъ предлагалось. Г. Антоновича можно, конечно, упрекнуть въ нѣкоторой односторонности взгляда, даже въ невѣрности нѣкоторыхъ фактовъ, напр. относительно трагедіи Княжнина „Вадимъ", за которую онъ будто-бы былъ посаженъ въ крѣпость и отданъ въ руки Шешковскому. Этого совсѣмъ не было, и г. Лонгиновъ, статью котораго цитируетъ г. Антоновичъ („Р. В.", 1858-го г. декабрь), увлекся тутъ своимъ либерализмомъ, которымъ онъ пылалъ въ то время, чтобъ перегорѣть и осѣсться. Но во многомъ нельзя не согласиться съ талантливымъ авторомъ предисловія, и въ особенности нельзя не оцѣнить тѣхъ многихъ страницъ его статьи, гдѣ онъ характеризуетъ Радищева, дѣлая выписки изъ его „Путешествія", и гдѣ онъ прослѣдилъ нашу періодическую прессу XVIII-го и первой половины настоящаго вѣка, преимущественно по тогдашнимъ „Спб." и „Москов. Вѣдомостямъ" и „Сѣверной Пчелѣ". Взгляды этихъ газетъ на политическія событія— были тогда оффиціальными взглядами, и въ этомъ отношеніи очень любопытно читать выписки, которыя дѣлаетъ г. Антоновичъ изъ газетъ. „Спб. Вѣд." и „Московскія" называли, напр., первую французскую революцію „перемѣной" и описывали эту „перемѣну", какъ рядъ мятежей, безумствъ, пьянства и проч. Трауръ, наложенный, по предложенію Мирабо, національнымъ собраніемъ по случаю смерти Франклина, даетъ поводъ „Москов. Вѣд." выражаться такимъ образомъ: „При томъ, говорилъ графъ Мирабо, что мы довольно уже переносили трауровъ по знаменитымъ особамъ; а теперь время налагать оные по кончинѣ героевъ человѣчества. Подъ сими послѣдними безъ сомнѣнія графъ Мирабо разумѣетъ тѣхъ злодѣевъ рода человѣческаго, которые, разрушая должное къ верховной власти повиновеніе, имѣютъ цѣлію не благоденствіе народовъ, но свое собственное возвышеніе или перехожденіе отъ философскихъ умствованій къ набиванію кармановъ руками. Таковъ былъ Франклинъ" и проч. Образчиковъ подобныхъ „умствованій" читатели много найдутъ въ статьѣ г. Антоновича, которая съ этой стороны представляетъ не малый историко-литературный интересъ.

ПО ПОВОДУ ПОЛЕМИКИ

О РЕАЛЬНОМЪ ОБРАЗОВАНІИ.

Наше „Внутреннее Обозрѣніе“ апрѣльской книги было избрано орудіемъ клеветы. Излагая исторически ходъ дѣла народнаго просвѣщенія у насъ за самое послѣднее время, мы упомянули тогда, что министерство народнаго просвѣщенія, зная, съ одной стороны, какъ общество само понимаетъ свои потребности, а съ другой — имѣя собственныя представленія относительно такихъ потребностей, избрало, при составленіи проекта реальнаго образованія, средній путь, а именно, устроило училища, которыя оно назвало „реальными“, чего такъ желаетъ общество, и въ тоже время, сдѣлавъ ихъ по программѣ профессіональными, закрыло доступъ изъ нихъ въ университеты, чего, конечно, ни общество, ни совѣты нашихъ университетовъ не ожидали. Для обсужденія этой реформы, мѣсяцъ тому назадъ, мы имѣли предъ собою отчетъ министерства за прошедшій годъ и отзывъ о проектахъ г. Каткова, которому они были сообщены еще до представленія ихъ государственному совѣту. А по газетамъ, московскимъ и петербургскимъ, мы знали еще лѣтомъ прошедшаго года, что будто-бы А. С. Воронову было поручено заняться составленіемъ такого проекта. На основаніи этихъ данныхъ мы и приписали въ послѣдней хроникѣ составленіе проекта реальныхъ училищъ, внесеннаго нынѣ въ государственный совѣтъ, А. С. Воронову; а вышесказанный нашъ взглядъ на характеръ проектируемыхъ реальныхъ училищъ мы выразили сравненіемъ, весьма пріятнымъ нашимъ классикамъ, такъ какъ оно было заимствовано изъ римской исторіи временъ Мененнія Агриппы.

Между тѣмъ, упоминовеніе нами г. Воронова, служащаго въ министерствѣ народнаго просвѣщенія, послужило поводомъ къ столь же нелѣпому, сколько и гнусному обвиненію его въ сношеніи съ нашею редакціею, съ цѣлью, конечно, сообщать намъ канцелярскія тайны. Какъ сами читатели могутъ видѣть, въ нашемъ „Внутреннемъ Обозрѣніи“ не заключалось ничего такого, что не было бы извѣстно всѣмъ, и для сказаннаго нами мы не нуждались ни въ г. Вороновѣ, ни въ комъ-либо другомъ; а относительно г-на Воронова мы сдѣлали даже ошибку, чего, конечно, не могло бы и быть, если бы мы имѣли случай вести съ нимъ хотя простой разговоръ относительно проекта реальныхъ училищъ. Не могъ бы же г. Вороновъ, именно о самомъ себѣ, сообщить намъ невѣрный фактъ, и съ нашей точки зрѣнія, нисколько не лестный для него, а именно, что онъ былъ составитель

проекта реальныхъ училищъ [1]). Авторъ клеветы на него не сообразилъ даже такого дѣтски-простого факта и заботился объ одномъ, а именно, чтобы исполнить возложенное на него порученіе, и исполнить во что бы то ни стало, не стѣсняясь истиною.

Въ той же хроникѣ, мы сдѣлали и другую ошибку, которую, кстати, спѣшимъ исправить. Мы выразили мнѣніе, что г. Катковъ успѣлъ заблаговременно познакомиться съ проектами министерства народнаго просвѣщенія, не въ силу важности поста, занимаемаго редакціею „Московскихъ Вѣдомостей", а просто по какому-нибудь „канцелярскому кумовству". Это не точно. Г. Катковъ объявилъ, что ему было извѣстно содержаніе проектовъ потому, что одинъ изъ издателей-редакторовъ „Московскихъ Вѣдомостей" *состоитъ на службѣ* въ министерствѣ народнаго просвѣщенія. Это объясняетъ намъ и причину всевѣдѣнія г. Каткова и вмѣстѣ говоритъ о цѣнѣ классицизма, проповѣдуемаго его газетою.

Г. Вороновъ не оставилъ безъ отвѣта взведенную на него клевету; мы прочли этотъ отвѣтъ въ № 98 „Голоса" и считаемъ долгомъ, съ своей стороны, помѣстить его въ нашемъ журналѣ [2]):

„По поводу полемики о преобразованіи реальныхъ гимназій, въ № 89-мъ „Биржевыхъ Вѣдомостей" высказано предположеніе, что авторъ помѣщонной въ № 83-мъ „Санктпетербургскихъ Вѣдомостей" статьи противъ учебныхъ проектовъ министерства народнаго просвѣщенія, разсматриваемыхъ нынѣ въ государственномъ совѣтѣ, *„долженъ быть* какой-нибудь чиновникъ, прочитывающій бумаги, подписываемыя министромъ, и *злоупотребляющій, такимъ образомъ, довѣріемъ,* которое ему оказывается". „Можетъ быть—говорится далѣе—мы *могли бы* назвать его и по имени, еслибъ не считали этого ужъ *совсѣмъ неприличнымъ.*

„Въ числѣ трехъ лицъ, прочитывающихъ для разныхъ служебныхъ цѣлей бумаги, подписанныя г. министромъ, нахожусь и я; слѣдовательно, я долженъ быть однимъ изъ трехъ лицъ, обвиняемыхъ въ злоупотребленіи довѣріемъ по службѣ; а если принять въ соображе-

---

[1]) Оказалось, если вѣрить слухамъ позднѣйшимъ, что Мененніемъ-Агриппою былъ не г. Вороновъ, а гг. Катковъ и Леонтьевъ изъ Москвы, которые, такимъ образомъ, превознося проекты реальныхъ училищъ, отнеслись съ похвалою собственно къ самимъ же себѣ.

[2]) Статью эту получилъ «Голосъ» при слѣдующемъ письмѣ:

«М. г. Г. Трубниковъ, редакторъ «Биржевыхъ Вѣдомостей», напечаталъ, въ №№ 89-мъ и 90-мъ этой газеты статьи, заключающія въ себѣ клевету на меня. Возраженіе мое на эти статьи, представленное въ редакцію «Биржевыхъ Вѣдомостей» мною лично, утромъ 7-го апрѣля, онъ сегодня отказался печатать, что и было мнѣ объявлено лично; а потому, предоставляя себѣ вѣдаться съ г. Трубниковымъ на законномъ основаніи за нарушеніе имъ закона о печати, имѣю честь обратиться къ вамъ съ покорнѣйшею просьбою напечатать прилагаемый при этомъ отвѣтъ мой «Биржевымъ Вѣдомостямъ» въ уважаемой вашей газетѣ. Примите» и пр.

А. В.

ніе, что предположеніе неизвѣстнаго автора, по причинамъ, которыя было бы неумѣстно здѣсь объяснять, не можетъ никакимъ образомъ относиться къ двумъ остальнымъ лицамъ, прочитывающимъ бумаги, то дѣлается яснымъ, что неизвѣстный авторъ *считаетъ* именно меня лицомъ, которое онъ могъ бы назвать, еслибъ не находилъ этого ужъ совсѣмъ неприличнымъ.

„Недолго, однако, чувство неприличія останавливало его. Въ слѣдующемъ № 90-мъ той же газеты онъ прямо уже обращался ко мнѣ съ вопросомъ: „въ силу ли оффиціальнаго порученія *вступилъ я въ переговоры* съ редакціями „Вѣстника Европы“ и „Санктпетербургскихъ Вѣдомостей“, или *ближайшія мои сношенія* съ этими редакціями завязаны мною по собственному капризу, *сообразно личнымъ вкусамъ?*“

„На такой вопросъ, сдѣланный, притомъ, съ такою рѣдкою беззастѣнчивостью, я могъ бы и не отвѣчать, еслибъ не служилъ въ вѣдомствѣ министерства народнаго просвѣщенія и не былъ печатно обвиняемъ въ злоупотребленіи довѣріемъ по службѣ; а потому отвѣчаю категорически, что я не имѣю никакихъ сношеній съ вышеозначенными редакціями, не писалъ въ изданіяхъ этихъ редакцій никакихъ статей, направленныхъ противъ учебныхъ проектовъ министерства народнаго просвѣщенія, и утвержденіе автора статьи „Биржевыхъ Вѣдомостей“, скрывающагося за кулисами, считаю *клеветою*, которую могу, *если то потребуется*, доказать самымъ положительнымъ образомъ въ надлежащемъ мѣстѣ, гдѣ разбираются дѣла по клеветѣ и гдѣ находятся средства снимать съ клеветниковъ маску.

„Отвѣтивъ на заданный мнѣ вопросъ, я предложу любопытному не въ мѣру автору статьи „Биржевыхъ Вѣдомостей“, въ свою очередь, вопросъ: занимается ли онъ клеветою по чьему-нибудь порученію или сообразно личнымъ своимъ вкусамъ? Такъ какъ, судя по здравому смыслу, порученіе клеветать ему не могло быть дано никѣмъ, то остается другое рѣшеніе предложеннаго вопроса: таковы личные вкусы безыменнаго автора. Мои же вкусы, о которыхъ онъ такъ любопытствуетъ знать, совсѣмъ другіе: я предпочитаю дѣйствовать открыто, безъ маски и высказывать свои убѣжденія прямо, а потому гнушаюсь всякою подпольною интригою, какъ въ служебной, такъ и въ частной дѣятельности, и питаю отвращеніе къ системѣ бросанія грязью изъ-за угла“.

А. Вороновъ.

О „переговорахъ“ г. Воронова съ редакціею нашего журнала и о „ближайшихъ сношеніяхъ“ его съ нами читатель самъ заключитъ изъ того, что мы выше должны были сознаться въ ошибкѣ, сдѣланной нами именно относительно самого г. Воронова; но читатель, вѣроятно, не оставитъ также назвать по имени и поступокъ лица, вступившаго въ „ближайшія сношенія“ съ редакціею газеты, упоминаемой въ письмѣ.

Вообще, настоящая полемика о классицизмѣ и реализмѣ останется курьезнымъ памятникомъ нашей эпохи. Дѣло шло въ сущности о самомъ простомъ вопросѣ: въ чемъ нынѣ состоитъ типъ образованной страны? Наши классики увлекались аѳинскимъ типомъ, по которому

страна должна имѣть въ себѣ только „представителей" образованности, а масса могла оставаться во мракѣ и работать изъ-за насущнаго куска хлѣба. Мы стояли за типъ современный, европейскій, который представляетъ намъ постоянное повышеніе средняго уровня народной образованности, а не уровня образованности людей извѣстнаго ценза или извѣстнаго сословія. Чтó вопросъ состоялъ именно въ этомъ, — доказательствомъ тому служитъ то обстоятельство, что наши quasi-классики прибѣгнули къ тѣмъ же самымъ пріемамъ, какіе процвѣтали въ эпоху Магницкаго. Вышеприведенный случай именно такого характера; служащіе заподозриваются въ измѣнѣ, не-служащихъ обзываютъ „доморощенными соціалистами", „демократами", „коммунистами" и т. п. Пріемы, дѣйствительно, тѣже, но времена не тѣ: тогда думали о вредѣ народнагó образованія; нынче боятся народнаго невѣжества пуще огня, и ни одно правительство не рѣшится на немъ строить разсчеты своей внутренней политики. Въ 20-хъ годахъ, возможно ли было серьезно говорить о народномъ образованіи крѣпостныхъ; можно ли въ наше время жить спокойно и разумно, въ виду массъ освобожденныхъ и необразованныхъ? Въ 20-хъ годахъ, классицизмъ могъ быть единственною общеобразовательною системою; но въ то время Россія была населена не болѣе, какъ 700,000 людей въ полномъ смыслѣ того слова; 19-го февраля 1861-го года мы въ одинъ день перешли отъ 700,000 къ 70-ти милліонамъ населенія; неужели одного этого факта недостаточно для объясненія нашей боязни имѣть въ Россіи попрежнему не болѣе, какъ 700,000 человѣкъ вполнѣ образованныхъ людей? Неужели съ такимъ контингентомъ мы рѣшимся безъ страха выступить на всякую борьбу съ реальной Европой? Общая воинская повинность можетъ спасать тамъ, гдѣ кромѣ нея есть еще другая повинность, гдѣ всѣ обязаны заплатить дань образованности. Классицизмъ исключаетъ такую общую дань, и потому мы думаемъ, что наши „классики" слишкомъ увлекаются идеями эпохи, близкой къ намъ по времени, но безконечно далекой отъ насъ по отсутствію прежнихъ мотивовъ, прежнихъ основъ общественной народной жизни. По времени и день близокъ къ ночи, но какая между ними разница! Не страненъ ли будетъ тотъ изъ насъ, кто днемъ будетъ стараться зажечь у себя лампу, вмѣсто того чтобы поднять опущенный занавѣсъ, какъ сдѣлалъ то догадавшійся сосѣдъ?

М. М.

ИЗВѢСТІЯ.

I.

Общество для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ.

Первое засѣданіе комитета 2-го февраля 1871-го года.—1) Отклонены ходатайства двухъ лицъ о выдачѣ пособія, такъ какъ по своимъ литературнымъ трудамъ они не имѣютъ права на частую помощь со стороны Общества.—2) Объявлена глубочайшая благодарность члену Общества Я. Я. Фейгину за пожертвованіе 200 р.

Отчетъ казначея за январь 1871-го года.—Къ 1-му января состояло въ кассѣ 52,044, въ томъ числѣ: процентными бумагами 51,600 р., наличными деньгами 444 р. Въ теченіе мѣсяца записано на *приходъ* 2,522 р. 50 к.; въ томъ числѣ: 1) взносы 57-ми членовъ Общества 1,012 р.; 2) отъ ея императорскаго высочества государыни великой княгини Елены Павловны 200 р.; 3) отъ министра народнаго просвѣщенія 1,000 р.; 4) единовременно пожертвовано Л. Н. Симоновымъ 50 р.; 5) сборъ съ литературнаго чтенія А. Н. Островскаго 260 р. 50 к.; всего записано на приходъ 54,566 р. 50 к. Въ теченіе января выписано въ *расходъ* 1,341 р., въ томъ числѣ: 1) пенсіи 7 семействамъ 606 р.; 2) единовременное пособіе 4-мъ лицамъ 315 р.; 3) пособіе на воспитаніе 2-хъ лицъ 170 р.; 4) ректору с.-петербургскаго университета для уплаты за слушаніе лекцій 10-ю нуждающимися студентами 250 р. Къ 1-му февраля состоитъ въ кассѣ 53,225 р. 50 к., въ томъ числѣ: процентными бумагами 51,600 р.; наличными деньгами 1,625 р. 50 коп.

Второе засѣданіе комитета 15-го февраля 1871-го года.—1) Утверждено распоряженіе Н. Н. Тютчева о выдачѣ 25-ти руб. въ пособіе одному просителю, во вниманіе къ крайности его положенія и для выкупа заложеннаго имъ платья, безъ котораго онъ лишенъ возможности пріискать какое-либо занятіе.—2) Разрѣшено отпускать ежемѣсячно, до августа 1871-го года, по 15 р. на воспитаніе сына одного покойнаго ученаго.—3) Утверждено распоряженіе председателя о выдачѣ 25 р. одному просителю, находящемуся въ крайности, и объявлена благодарность Общества Т. И. Музыкантову за посѣщеніе просителя.—4) Объявлена глубочайшая благодарность Общества: a) А. А. Потѣхину, выразившему желаніе прочесть публично, съ обращеніемъ сбора въ пользу Общества, одну изъ своихъ комедій. b) Лицу, пожертвовавшему, чрезъ редакцію „Вѣстника Европы", 183 р. въ пользу Общества. c) М. М. Стасюлевичу за изъявленіе согласія на печатаніе въ „Вѣстникѣ Европы" извлеченій изъ журналовъ и отчетовъ Общества.

Отчетъ казначея за февраль 1871-го года.—Къ 1-му февраля состояло въ кассѣ—53,225 р. 50 к., въ томъ числѣ: процентными бумагами—51,600 р., наличными деньгами—1,625 р. 50 к. Въ теченіе февраля записано на *приходъ*—1,609 р. 60 к., въ томъ числѣ: 1) взносы

членовъ Общества — 867 руб.; 2) единовременныя пожертвованія отъ трехъ лицъ — 393 руб.; 3) процентныя деньги отъ редакціи „Отечественныхъ Записокъ“ за 1870-й годъ — 59 руб. 10 коп., 4) проценты съ капитала по купонамъ 1-го января — 290 руб. 56 коп. Въ теченіе февраля выписано въ *расходъ* — 485 р. 70 к., въ томъ числѣ: 1) пенсія одному лицу — 100 руб., 2) продолжительное пособіе одному лицу — 100 руб., 3) ссуда одному лицу — 85 руб., 4) единовременное пособіе двумъ лицамъ — 50 руб., 5) пособіе на воспитаніе четырехъ лицъ — 147 р., 6) Государственному Банку за храненіе процентныхъ бумагъ — 3 р. 70 к. Къ 1-му марта состоитъ въ кассѣ — 54,349 р. 46 к., въ томъ числѣ: 1) процентными бумагами — 51,600 руб., 2) на текущемъ счету — 2,000 р., 3) наличными деньгами — 749 р. 46 к.

Третье засѣданіе комитета 1-го марта 1871-го года.—1) Объявлена глубочайшая благодарность Общества редакціи „Отечественныхъ Записокъ“ за изъявленіе согласія на печатаніе въ этомъ журналѣ отчетовъ и извлеченій изъ журналовъ Общества.—2) Докладъ П. В. Анненкова, что просительницу, которую ему поручено было навѣстить онъ нашелъ въ давно нетопленной квартирѣ. Просительница только-что поднялась съ постели, послѣ тяжкой и мучительной болѣзни, которая еще далеко не побѣждена и можетъ завершиться, по словамъ больной, сложной операціей. Въ теченіе этой трех-мѣсячной болѣзни, всѣ средства, какими можетъ располагать просительница, были истощены, вещи и платья заложены и даже будущіе доходы отчасти затрачены. Теперь она находится въ безвыходномъ положеніи и, кажется, можно вполнѣ повѣрить ея словамъ, что это чувство своего положенія возобновитъ болѣзнь, можетъ быть, еще въ сильнѣйшей степени. Опредѣлено: выдать, въ единовременное пособіе, 50 руб.—3) Докладъ Б. И. Утина, что просительница, о которой ему было поручено собрать свѣдѣнія, послѣ выхода замужъ дочери ея, получаетъ пенсіи лишь 15 рублей въ мѣсяцъ, но и эту сумму она предоставляетъ своему сыну, воспитывающемуся въ одномъ заведеніи. Небольшое пособіе ей необходимо для того, чтобъ устроить сына на время ея отсутствія изъ Петербурга. Опредѣлено: выдать 50 рублей.—4) Утверждено распоряженіе предсѣдателя о высылкѣ 75 рублей вдовѣ одного писателя, находящейся въ бѣдности, и объявлена благодарность М. С. Коханову за собраніе свѣдѣній по этому дѣлу.—5) Отпущено 83 р. 50 к. на покупку книгъ для одного писателя.—6) Отклонено ходатайство о назначеніи пособія вдовѣ одного писателя, какъ потому, что она получаетъ значительную пенсію за службу мужа, такъ и потому, что самое ходатайство заявлено лицемъ, непринадлежащимъ къ Обществу.—7) Утверждено распоряженіе предсѣдателя о выдачѣ 50 р. сыну одного извѣстнаго ученаго, находящемуся въ крайности, и предложено П. В. Анненкову навѣстить просителя и выдать ему, если окажется нужнымъ еще 50 руб.—7) Утверждено распоряженіе предсѣдателя о выдачѣ, по случаю смерти одного писателя, оставшемуся послѣ него семейству 25 рублей.

Четвертое засѣданіе комитета 15-го марта 1871-го года.—1) Обсуждался возбужденный ревизіонною коммиссіей вопросъ объ обращеніи ежегодно отпускаемыхъ 500 р. на уплату за слушаніе лекцій бѣдными студентами с.-петербургскаго университета въ непосредственное пособіе наиболѣе достойнымъ и бѣднымъ студентамъ. Опредѣлили: обратить означенную сумму на образованіе четырехъ стипендій, каждая въ 125 р.,

для бѣдныхъ студентовъ 1-го курса названнаго университета. Выборъ стипендіантовъ предоставить комитету, по сношенію съ университетскимъ начальствомъ. На приведеніе этого предположенія въ исполненіе испросить разрѣшеніе ближайшаго общаго собранія членовъ Общества.—2) Выдано въ ссуду одному писателю 500 руб. и другому 300 руб.—3) Отклонены ходатайства 10-ти лицъ, *двухъ* — потому, что просители, по своимъ литературнымъ трудамъ, не имѣютъ права на частую помощь со стороны Общества; *шести* — потому, что они не удовлетворяютъ условіямъ § 5 устава; *одного* — потому, что въ виду комитета нѣтъ мѣста, которое могъ бы занять проситель, и *одного* потому, что Общество учреждено съ цѣлью вспомоществованія литераторамъ и ученымъ, или ихъ семействамъ, въ тѣхъ лишь случаяхъ, когда они находятся въ невозможности содержать себя собственными трудами (§ 1 устава).—4) Докладъ Н. Н. Тютчева, что просительница, о положеніи которой ему было поручено собрать свѣдѣнія, живетъ у родственниковъ, занимающихъ небольшую квартиру, и отдающихъ комнату и столъ какъ ей, такъ и ея двумъ несовершеннолѣтнимъ сыновьямъ. Просительница объяснила, что изъ небольшой, получаемой пенсіи, половина идетъ на содержаніе тяжко больного мужа ея въ богадѣльнѣ, а изъ другой половины удерживается 6 руб. въ мѣсяцъ на уплату долговъ, и затѣмъ для нея остается 1 р. 75 к. въ мѣсяцъ. Старшій сынъ готовится къ экзамену, но у нея нѣтъ никакихъ средствъ на плату учителямъ. Опредѣлено: выдать просительницѣ 100 руб.— 5) Докладъ П. В. Анненкова, что, навѣстивъ сына нѣкогда знаменитаго профессора, онъ нашелъ его въ крайне затруднительномъ положеніи. Онъ прибылъ въ Петербургъ для отысканія какого-либо мѣста, и остается безъ всякой возможности расплатиться въ бѣдной гостинницѣ гдѣ остановился. Опредѣлено: утвердивъ распоряженіе П. В. Анненкова о выдачѣ просителю 50-ти руб., сверхъ такой же суммы, выданной въ февралѣ мѣсяцѣ, ходатайство просителя объ увеличеніи размѣра пособія отклонить, такъ какъ онъ, сравнительно съ его литературными трудами, получилъ уже достаточное пособіе.—6) Отпущено 20 руб. въ уплату за слушаніе сыномъ одной писательницы лекцій въ гимназіи.— 7) Выдано 300 руб. въ пособіе вдовѣ одного извѣстнаго писателя, поставленной въ затруднительное положеніе смертью мужа.—8) Отпущено 100 руб. семейству одного недавно умершаго писателя и 25 р. на похороны другого.—9) Объявлена благодарность Общества: А. Н. Аѳанасьеву за труды по собранію свѣдѣній о положеніи одного лица; А. А. Потѣхину за устроенное имъ чтеніе въ пользу Общества; с.-петербургскому купеческому собранію, безвозмездно уступившему свою залу для устройства чтенія г. Потѣхина; книжнымъ магазинамъ: Базунова, Звонарева, Исакова, Кожанчикова и Черкесова, за труды ихъ по продажѣ билетовъ на тоже чтеніе.

Пятое засѣданіе комитета 29-го марта, 1871-го года. — 1) Выслано 35 р. сыну одного профессора, находящемуся въ бѣдности, и объявлена благодарность общества Н. Х. Бунге, за собраніе свѣдѣній объ этомъ просителѣ 57 руб.—2) Выслано одному писателю, лишившемуся мѣста и крайне нуждающемуся въ средствахъ къ жизни. За доставленіе свѣдѣній о немъ объявлена благодарность общества П. П. Иванову.—3) Отклонены ходатайства двухъ просителей, такъ какъ они, по своимъ литературнымъ трудамъ, не имѣютъ права на ежегодное пособіе со стороны Общества.—4) Утверждено распоряженіе М.

М. Стасюлевича, о выдачѣ 25-ти р. вдовѣ одного писателя, вынужденной работать не только для себя, но и для сестры, которая заболѣла и лишилась мѣста.—5) Утверждено распоряженіе П. М. Ковалевскаго о выдачѣ 50-ти р. семейству одного писателя, находившемуся въ самомъ крайнемъ положеніи.—6) Выдано 40 р. матери одного писателя, живущей небольшимъ пенсіономъ и тѣмъ, что успѣетъ выручить рукодѣліемъ. Въ послѣднее время просительница была больна и потому не могла работать.—7) Отклонено ходатайство одной просительницы о пособіи, такъ какъ она получаетъ казенную пенсію; ходатайство другого просителя отклонено потому, что проситель не удовлетворяетъ условіямъ § 5 устава Общества.—8) Выдано 100 р. семейству одного писателя, умершаго въ бѣдности.

Замѣтка для членовъ Общества, жертвователей и просителей. Всѣ прошенія, дѣла и бумаги должны быть адресуемы на имя общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ, въ С.-Петербургѣ, или председателя общества Якова Карловича Грота (Васильевскій Островъ, 1-я линія, домъ № 50-й), а въ случаѣ его отсутствія—на имя помощника председателя Константина Дмитріевича Кавелина (Васильевскій Островъ, 7-я линія, домъ № 60). Секретарь общества Павелъ Васильевичъ Анненковъ имѣетъ жительство на углу Итальянской и Надеждинской, домъ № 14-й, квартиры № 26-й.

Всѣ денежныя выдачи, по опредѣленію комитета, производятся казначеемъ Общества Николаемъ Николаевичемъ Тютчевымъ (Литейной части, на углу Итальянской и Надеждинской, домъ № 14-й, квартиры № 17-й). Онъ же принимаетъ деньги, поступающія въ кассу литературнаго фонда и выдаетъ квитанціи; на имя казначея, равнымъ образомъ, должны быть присылаемы росписки въ полученіи пенсій и пособій, высылаемыхъ иногороднымъ.

Независимо отъ того, годовые платежи членовъ общества и единовременныя пожертвованія могутъ быть вносимы: *въ С.-Петербургѣ* — въ книжномъ магазинѣ А. Ѳ. Базунова, по Невскому проспекту, близъ Казанскаго моста, съ запискою, для избѣжанія всякихъ недоразумѣній, вносимыхъ денегъ въ особую, заведенную для того въ магазинѣ книжку, и *въ Москвѣ*—Петру Ивановичу Бартеневу (Мясницкая, Чертковская библіотека).

II.

Возобновленіе подписки на памятникъ Пушкину.

От высочайше утвержденнаго особаго комитета.

Въ 1860-мъ году открыта была, съ высочайшаго разрѣшенія, повсемѣстная въ Россіи подписка на сооруженіе памятника Пушкину. Она доставила сумму хотя и довольно значительную [1]), но не достаточную для сооруженія памятника въ тѣхъ размѣрахъ, какъ было бы желательно.

Между тѣмъ уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ пожертвованія прекратились. Это произошло, конечно, не отъ охлажденія общества къ

---

[1]) Всего было собрано 17,114 руб., которые, поступивъ на храненіе въ государственный банкъ, возрасли съ накопившимися по сіе время процентами до 18,254 р.

памяти самаго популярнаго изъ русскихъ поэтовъ, а скорѣе отъ недостатка своевременныхъ распоряженій для распространенія и поддержанія подписки.

Такъ какъ первоначальная мысль о памятникѣ возникла по поводу 50-ти-лѣтней годовщины основанія царскосельскаго лицея, и подписка была вызвана преимущественно стараніями бывшихъ его воспитанниковъ, то на нихъ-же лежала теперь нравственная обязанность возобновить ее, чтобы сдѣланныя пожертвованія могли быть употреблены по назначенію и задуманное дѣло не рушилось окончательно. Сознавая этотъ долгъ въ дѣлѣ общаго интереса, нѣсколько бывшихъ воспитанниковъ царскосельскаго лицея, уполномоченные на то своими товарищами, приняли на себя дальнѣйшее веденіе дѣла и, съ высочайшаго дозволенія, образовали комитетъ при участіи нѣкоторыхъ товарищей Пушкина по первому выпуску изъ лицея [1]). Государю Императору благоугодно было разрѣшить, чтобы памятникъ поставленъ былъ не въ Царскомъ Селѣ, какъ прежде было назначено, а въ Москвѣ, мѣстѣ рожденія Пушкина, гдѣ этотъ памятникъ получитъ вполнѣ національное значеніе и гдѣ, по выраженію самого поэта, „къ нему не заростетъ народная тропа". Въ лицѣ Пушкина русскій писатель въ первый разъ будетъ почтенъ памятникомъ въ древней нашей столицѣ, которой, какъ любящій сынъ, пѣвецъ Онѣгина говорилъ:

Какъ часто въ горестной разлукѣ,
Въ моей блуждающей судьбѣ,
Москва! я думалъ о тебѣ.
Москва! Какъ много въ этомъ звукѣ
Для сердца русскаго слилось,
Какъ много въ немъ отозвалось!

Что касается до выбора въ Москвѣ самаго мѣста, гдѣ поставить памятникъ, то, независимо отъ соображеній, въ какія войдетъ комитетъ, желательно, чтобы вопросъ о томъ подвергся гласному обсужденію въ нашей печати.

По высочайшемъ утвержденіи избраннаго мѣста и приблизительномъ исчисленіи издержекъ сооруженія, будетъ немедленно объявленъ конкурсъ на составленіе проекта памятника.

Въ настоящемъ дѣлѣ нѣтъ, кажется, надобности придумывать доводы для привлеченія жертвователей. Значеніе Пушкина такъ сознается всѣми, права его на памятникъ такъ несомнѣнны, что къ сказанному прибавлять нѣчего. Пусть только всякій, сочувствующій великому поэту, принесетъ свою посильную лепту: какъ бы ни была она ничтожна сама по себѣ, она получитъ свой вѣсъ въ итогѣ пожертвованій, и средства для осуществленія достойнымъ образомъ общаго желанія могутъ быть собраны въ короткое время.

По приглашенію комитета, редакціи слѣдующихъ періодическихъ изданій обязательно изъявили готовность открыть при своихъ главныхъ конторахъ подписку на памятникъ Пушкина:

Въ С. Петербургѣ: „С. Петербургскія Вѣдомости", „Голосъ", „Вѣстникъ Европы" *), „Русская Старина".

---

[1]) Вотъ составъ комитета: Баронъ М. А. Корфъ, Ѳ. Ѳ. Матюшкинъ, Ѳ. П. Корниловъ, Я. К. Гротъ, К. К. Гротъ, Н. А. Шторхъ и А. И. Колеминъ.

*) Гг. иногородные могутъ адресоваться прямо въ редакцію «Вѣстника Европы», въ С. Петербургѣ, Галерная, № 20, откуда немедленно будетъ имъ выслана квитанція изъ книги, выданной комитетомъ. — *Ред.*

Въ Москвѣ: „Московскія Вѣдомости", „Современныя Извѣстія", „Русскій Архивъ" (при Чертковской библіотекѣ), „Русская Лѣтопись".

Пріемъ пожертвованій открываютъ у себя, сверхъ того, книжные магазины:

Въ С. Петербургѣ: А. Ѳ. Базунова, И. И. Глазунова, Д. Е. Кожанчикова и Я. А. Исакова.

Въ Москвѣ: А. И. Глазунова.

Если впослѣдствіи подписка устроится еще въ другихъ мѣстахъ, то о нихъ будетъ объявлено особо.

Отъ Редакціи. По поводу продолженія романа «Большая Медвѣдица», три первыя части котораго были напечатаны въ прошедшемъ году, нѣкоторые изъ новыхъ подписчиковъ обратились къ намъ съ требованіемъ высылки имъ особо тѣхъ трехъ первыхъ частей. Но редакція не объявляла такого условія при подпискѣ на 1871-й годъ и не могла объявить, такъ какъ при началѣ печатанія романа она имѣла въ виду кончить его въ томъ же году, а потому не была въ правѣ заготовлять особыхъ оттисковъ. Болѣзнь автора принудила насъ сдѣлать перерывъ, и мы, печатая нынѣ окончаніе романа, какъ въ нынѣшнемъ году мы продолжали печатать и другія статьи, также неоконченныя въ прошедшемъ году по ихъ обширности, имѣли при этомъ въ виду, главнымъ образомъ, нашихъ постоянныхъ подписчиковъ. Вслѣдствіе того, редакція имѣетъ честь увѣдомить, что она, къ сожалѣнію, не можетъ удовлетворить вышеупомянутыя требованія.

ПОПРАВКА.

Въ апрѣльской книгѣ слѣдуетъ исправить:

	Напечатано:	Вмѣсто:
Стр. 595 строч. 8 сн.	и	а
» » » 10 »	только	не только
» 609 » 9 »	образуется само переходомъ	образуетъ переходъ

М. Стасюлевичъ

иль XIX вѣка, Альфонса Эскироса. Переводъ съ французскаго, подъ редакціей, съ предисловіемъ и приложеніемъ статьи «Теорія воспитанія Спенсера», *М. Цебриковой*. Спб. 1871. Стр. 258 и 69. Ц. 2 руб.

Новѣйшій трудъ А. Эскироса, извѣстнаго въ временной литературѣ своими изслѣдованіями ста и положенія Англіи и Голландіи и потершаго преслѣдованія и изгнаніе въ эпоху втой имперіи, напоминаетъ заглавіемъ своего знанитаго предшественника — «Эмиля» XVIII-го ка, созданнаго Ж. Ж. Руссо. Эскиросъ избралъ же форму переписки—сосланнаго мужа, докто. Эразма, съ женою Еленою. Задача Руссо сояла въ томъ, чтобы возвратить испорченнаго ловѣка того времени природѣ, которая одна хранила первобытное совершенство; Эскиросъ авитъ цѣлью воспитанія возвращеніе человѣка мому себѣ, чрезъ развитіе въ немъ его собвенныхъ силъ. Относительно идей Спенсера о спитанія мы имѣли случай представить читатемъ подробный ихъ анализъ въ статьѣ И. И. ечникова, помѣщенной въ январѣ.

борникъ Русскаго Историческаго Общества. Томъ шестой. Спб. 1871. Стр. 518. Ц. 3 р.

Послѣ выхода пятаго тома, всѣми былъ замѣнъ перерывъ, который сдѣлало Историческое усское Общество, начавъ печатать въ томѣ IV сторическія свѣденія о Екатерининской коммисн для сочиненія проекта Новаго Уложенія, соранныя и приведенныя въ порядокъ Д. В. Поѣновымъ. Сколько мы слышали, работа готова, о вотъ выходитъ шестой томъ, и предъ нами—окументы весьма второстепенной важности, корыя можно было бы встрѣтить въ любомъ частомъ изданіи, каковы «Русскій Архивъ» или Русская Старина». Отъ «Русскаго Историческаго бщества», обладающаго средствами болѣе обширными, публика ожидаетъ и болѣе важныхъ окументовъ, въ родѣ того, что было издано «Обществомъ» въ томѣ IV, и притомъ осталось неоонченнымъ. Въ составъ шестого тома входятъ: а письма изъ переписки имп. Александра I съ Чичаговымъ; бумаги гр. П. И. Панина о пугаевскомъ бунтѣ, занимающія самое видное мѣсто и о значенію, и по объему, въ настоящемъ выпускѣ, мѣстѣ съ дипломатическими документами изъ исоріи XVIII столѣтія, по донесеніямъ секретаря осольства Пецольда, отъ 1742 до 1749 г.; заѣмъ, укажемъ на бумаги князя Репнина, отъ 775 г., записку кн. Чарторижскаго, 1807, предостерегающую Александра I относительно сближенія его съ Наполеономъ, и таблицы государственныхъ доходовъ и расходовъ при Екатеринѣ, анимающія пятую часть всего тома—вотъ и все содержаніе новаго выпуска, далеко не представляющаго того интересса, которымъ отличались предъидущіе, и въ особенности четвертый.

Обозрѣніе Японскаго архипелага въ современномъ его состояніи. Соч. М. Венюкова. Съ картою. Берлинъ. 1871. Стр. 154 и XXIV.

Изученіе далекаго Востока и въ тоже время сосѣдняго намъ мы до сихъ поръ къ сожалѣнію предоставляли иностранцамъ, и потому нельзя не радоваться, что наконецъ такими познаніями мы можемъ быть обязаны своимъ соотечественникамъ. Съ вышедшимъ нынѣ трудомъ М. И. Венюкова наши читатели уже знакомы отчасти по отрывку изъ него, который былъ напечатанъ нами въ прошедшемъ году о государственномъ устройствѣ и управленіи въ Японіи. Теперь является полное описаніе Японской имперіи, топографическое и геологическое строеніе ея почвы, характеръ водъ, качества климата и природы, этнографія и состояніе промышленности.

Журналъ гражданскаго и торговаго права, издаваемый А. Книрвмомъ и Н. Туромъ. 1871 г. Книга первая. Ц. за 4 книги въ годъ 5 руб., съ пер. 5 р. 50 к.

Реформа судебная вызываетъ почти ежедневную разработку частныхъ юридическихъ вопросовъ, которая не всегда могла бы найти себѣ мѣсто, по относительной обширности статей, въ газетахъ, а по своей спеціальности — и въ литературныхъ журналахъ; изданіе же брошюръ сопряжено опять съ затрудненіями законодательными и экономическими, да и въ брошюрахъ такія работы пропадали бы безслѣдно; а потому основать спеціальный сборникъ, выходящій четыре раза въ годъ, было весьма счастливою мыслью, которой нельзя не пожелать успѣха. Судя по содержанію первой вышедшей книги, этотъ сборникъ обѣщаетъ быть интереснымъ не для однихъ спеціалистовъ. Такова, между прочимъ, статья г. Деппа о «Торговыхъ судахъ», доказывающая необходимость коммерческихъ судовъ, даже и послѣ реформы; или статья В. Д. Спасовича по поводу II-го тома курса гражданскаго права г. Побѣдоносцева, гдѣ критикъ, отдавая всю справедливость разбираемому имъ труду, указываетъ на неправильную въ немъ и исключительно богословскую постановку главныхъ вопросовъ о бракѣ, которые и безъ-того доведены строго-консервативнымъ толкованіемъ нашихъ законовъ въ кассаціонномъ Сенатѣ до такого положенія, что судебная власть въ несчастныхъ случаяхъ оказывается безсильною, и для притѣсненной стороны нѣтъ иного выхода, какъ обратиться къ покровительству высшей полицейской власти. Въ числѣ замѣтокъ важна для печати та, которая касается толкованія 287 ст. ценз. Устава.

ПОДПИСКА на „ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ"

въ 1871 году.

1. *ПОДПИСКА* принимается только на годъ: 1) *безъ доставки*—**15 руб.**;—2) *съ доставкою на домъ въ Спб. по почтѣ, и въ Москвѣ, чрезъ кн. маг. И. Г. Соловьева*—**15 р. 50 к.**; 3) *съ пересылкою* въ губерніи и въ г. Москву, по почтѣ—**16 р. 50 к.** въ нижеслѣдующихъ мѣстахъ:

а) *Городскіе подписчики въ С.-Петербургѣ*, желающіе получать журналъ съ доставкою или безъ доставки, обращаются въ Главную Контору Редакціи и получаютъ билетъ, вырѣзанный изъ книгъ Редакціи; при этомъ, для точности, просятъ представлять свой адрессъ письменно, а не диктовать его, что бываетъ причиною важныхъ ошибокъ.— Желающіе получать безъ доставки присылаютъ за книгами журнала, прилагая билетъ для помѣтки выдачи.

б) *Городскіе подписчики въ Москвѣ*, для полученія журнала на домъ, обращаются съ подпискою въ кн. магазинъ И. Г. Соловьева, и вносятъ только 15 р. 50 к. Желающіе получать по почтѣ адрессуются прямо въ Редакцію и присылаютъ 16 р. 50 к.

в) *Иногородные подписчики* обращаются: 1) *по почтѣ*, исключительно въ Редакцію, и при этомъ сообщаютъ подробный адрессъ съ обозначеніемъ: имени, отчества, фамиліи и *того почтоваго мѣста*, съ указаніемъ его губерніи и уѣзда (если то не въ губернскомъ и не въ уѣздномъ городѣ), куда можно прямо адрессовать журналъ, и куда полагаютъ обращаться сами за полученіемъ книгъ: — 2) *лично*, или чрезъ своихъ коммиссіонеровъ въ Спб., въ Контору, открытую для городскихъ подписчиковъ.

г) *Иностранные подписчики* обращаются: 1) *по почтѣ* прямо въ Редакцію, какъ и иногородные; 2) *лично*, или чрезъ своихъ коммиссіонеровъ въ Спб., въ Контору для городскихъ подписчиковъ, внося за экземпляръ съ пересылкою: *Австрія* и *Германія*—18 руб.; *Бельгія, Нидерланды* и *Придунайскія Княжества*—19 руб.; *Франція* и *Данія*—20 руб.; *Англія, Швеція, Испанія, Португалія, Турція* и *Греція*—21 руб. *Швейцарія*—22 руб.; *Италія*—23 рубля.

Примѣчаніе. — «Вѣстникъ Европы» выходитъ перваго числа ежемѣсячно, отдѣльными книгами, отъ 25 до 30 листовъ: два мѣсяца составляютъ одинъ томъ, около 1000 страницъ— шесть томовъ въ годъ. Для городскихъ подписчиковъ и получающихъ безъ доставки, книги сдаются въ Контору и на Городскую Почту въ день выхода книги, а для иногородныхъ и иностранныхъ — въ теченіи первыхъ семи дней мѣсяца въ установленномъ порядкѣ трактовъ. Журналъ доставляется на почту, для иногородныхъ, съ адрессомъ подписчика, въ особой обложкѣ и съ двойною бандеролью, бумажною и веревочною.

2. *ПЕРЕМѢНА АДРЕССА* сообщается въ редакцію такъ, чтобы извѣщеніе могло поспѣть до сдачи книги въ Газетную Экспедицію. За невозможностью извѣстить редакцію своевременно, слѣдуетъ сообщить мѣстной Почтовой конторѣ свой новый адрессъ для дальнѣйшаго отправленія журнала, а редакцію извѣстить о перемѣнѣ адресса для слѣдующихъ нумеровъ. При перемѣнѣ адресса, необходимо указывать мѣсто прежняго отправленія журнала, и съ какого нумера начать перемѣну.

Примѣчаніе. — По почтовымъ правиламъ, городскіе подписчики, переходя въ иногородные, прилагаютъ 1 р. 50 к., а иногородные—въ городскіе 50 коп.

3. *ЖАЛОБА*, въ случаѣ неполученія книги журнала въ срокъ, препровождается прямо въ Редакцію, съ помѣщеніемъ на ней свидѣтельства мѣстной Почтовой Конторы и ея штемпеля. По полученіи такой жалобы, Редакція немедленно представляетъ въ Газетную Экспедицію дубликатъ для отсылки съ первою почтою; но безъ свидѣтельства Почтовой Конторы, Газетная Экспедиція должна будетъ предварительно сноситься съ Почтовою Конторою, и Редакція удовлетворитъ только по полученіи отвѣта послѣдней.

Примѣчаніе.—Жалоба должна быть отправляема никакъ не позже полученія слѣдующаго нумера журнала: въ противномъ случаѣ, редакція лишится возможности удовлетворить подписчика.

М. Стасюлевичъ
Издатель и отвѣтственный редакторъ

РЕДАКЦІЯ «ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ»:
Галерная, 20.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА:
Невскій просп., 30.

ПОДПИСКА на „ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ"

въ 1871 году.

---

1. *ПОДПИСКА* принимается только на годъ: 1) *безъ доставки*—**15 руб.**;—2) *съ доставкою на домъ въ Спб. по почтѣ, и въ Москвѣ, чрезъ кн. маг. И. Г. Соловьева*—**15 р. 50 к.**; 3) *съ пересылкою* въ губерніи и въ г. Москву, по почтѣ — **16 р. 50 к.** въ нижеслѣдующихъ мѣстахъ:

а) *Городскіе подписчики въ С.-Петербургѣ*, желающіе получать журналъ съ доставкою или безъ доставки, обращаются въ Главную Контору Редакціи и получаютъ билетъ, вырѣзанный изъ книгъ Редакціи; при этомъ, для точности, просятъ представлять свой адрессъ письменно, а не диктовать его, что бываетъ причиною важныхъ ошибокъ.— Желающіе получать безъ доставки присылаютъ за книгами журнала, прилагая билетъ для помѣтки выдачи.

б) *Городскіе подписчики въ Москвѣ*, для полученія журнала на домъ, обращаются съ подпискою въ кн. магазинъ И. Г. Соловьева, и вносятъ только 15 р. 50 к. Желающіе получать по почтѣ адрессуются прямо въ Редакцію и присылаютъ 16 р. 50 к.

в) *Иногородные подписчики* обращаются: 1) *по почтѣ*, исключительно въ Редакцію, и при этомъ сообщаютъ подробный адрессъ съ обозначеніемъ: имени, отчества, фамиліи и *того почтоваго мѣста*, съ указаніемъ его губерніи и уѣзда (если то не въ губернскомъ и не въ уѣздномъ городѣ), куда можно прямо адрессовать журналъ, и куда полагаютъ обращаться сами за полученіемъ книгъ; — 2) *лично*, или чрезъ своихъ коммиссіонеровъ въ Спб., въ Контору, открытую для городскихъ подписчиковъ.

г) *Иностранные подписчики* обращаются: 1) *по почтѣ* прямо въ Редакцію, какъ и иногородные; 2) *лично*, или чрезъ своихъ коммиссіонеровъ въ Спб., въ Контору для городскихъ подписчиковъ, внося за экземпляръ съ пересылкою: *Австрія* и *Германія*— 18 руб.; *Бельгія, Нидерланды* и *Придунайскія Княжества* — 19 руб.; *Франція* и *Данія*—20 руб.; *Англія, Швеція, Испанія, Португалія, Турція* и *Греція* — 21 руб.; *Швейцарія* — 22 руб.; *Италія* — 23 рубля.

Примѣчаніе. — «Вѣстникъ Европы» выходитъ перваго числа ежемѣсячно, отдѣльными книгами, отъ 25 до 30 листовъ; два мѣсяца составляютъ одинъ томъ, около 1000 страницъ— шесть томовъ въ годъ. Для городскихъ подписчиковъ и получающихъ безъ доставки, книги сдаются въ Контору и на Городскую Почту въ день выхода книги, а для иногородныхъ и иностранныхъ — въ теченіи первыхъ семи дней мѣсяца въ установленномъ порядкѣ пакетовъ. Журналъ доставляется на почту, для иногородныхъ, съ адрессомъ подписчика, въ особой обложкѣ и съ двойною бандеролью, бумажною и веревочною.

2. *ПЕРЕМѢНА АДРЕССА* сообщается въ редакцію такъ, чтобы извѣщеніе могло поспѣть до сдачи книги въ Газетную Экспедицію. За невозможностью извѣстить редакцію своевременно, слѣдуетъ сообщить мѣстной Почтовой конторѣ свой новый адрессъ для дальнѣйшаго отправленія журнала, а редакцію извѣстить о перемѣнѣ адреса для слѣдующихъ нумеровъ. При перемѣнѣ адресса, необходимо указывать мѣсто прежняго отправленія журнала, и съ какого нумера начать перемѣну.

Примѣчаніе. — По почтовымъ правиламъ, городскіе подписчики, переходя въ иногородные, прилагаютъ 1 р. 50 к., а иногородные—въ городскіе 50 коп.

3. *ЖАЛОБА*, въ случаѣ неполученія книги журнала въ срокъ, препровождается прямо въ Редакцію, съ помѣщеніемъ на ней свидѣтельства мѣстной Почтовой Конторы и ея штемпеля. По полученіи такой жалобы, Редакція немедленно представляетъ въ Газетную Экспедицію дубликатъ для отсылки съ первою почтою; но безъ свидѣтельства Почтовой Конторы, Газетная Экспедиція должна будетъ предварительно сноситься съ Почтовою Конторою, и Редакція удовлетворитъ только по полученіи отвѣта послѣдней.

Примѣчаніе.—Жалоба должна быть отправляема никакъ не позже полученія слѣдующаго нумера журнала: въ противномъ случаѣ, редакція лишится возможности удовлетворить подписчика.

М. Стасюлевичъ
Издатель и отвѣтственный редакторъ

РЕДАКЦІЯ «ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ»:
Галерная, 20.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА:
Невскій просп., 30.

